Vladimir, Petr Vladimirovich
Drevniaia

ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

333

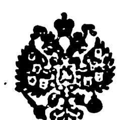
КІЕВСКАГО ПЕРІОДА

XI—XIII ВѢКОВЪ.

Vladimirov, Petr Vladimirovich

П. В. Владимірова,

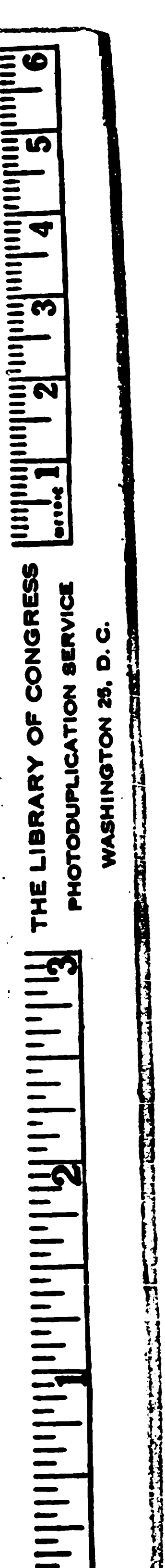
ординарнаго профессора ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.



КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул.

1900.


THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON 25, D. C.

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerox by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1962

По опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Университета Св. Владиміра печатать дозволяется, 1 Мая 1900 г.

Деканъ *Т. Флоринскій.*

Предисловіе.

Настоящая книга является продолженіемъ „Введенія въ исторію Русской Словесности“ (Кіевъ, 1896 г.). Древнѣйшій періодъ собственно русской литературы (XI—XIII вв.), составляющій предметъ предлагаемаго вниманію благосклонныхъ читателей [1]) труда, представляется до сихъ поръ мало выясненнымъ, такъ какъ мы не знаемъ всего объема этой литературы и внутренняго развитія ея: біографій писателей, ихъ образованія, ихъ первоначальныхъ текстовъ сочиненій, не говоря уже о какихъ либо признакахъ черновыхъ. Передъ нами разрозненныя, часто искаженныя явленія древнѣйшей русской письменности. Отдаленность времени XI—XIII вв. (не говоря уже о начаткахъ русской письменности въ вѣка предшествующіе, хотя-бы X в.), своеобразность бытовыхъ и общественныхъ условій отражаются въ подробностяхъ памятниковъ древнерусской литературы, въ ихъ языкѣ и складѣ. Внимательное изученіе съ этой стороны древнерусскихъ памятниковъ письменности, безъ сомнѣнія, дастъ современемъ еще не мало новыхъ данныхъ о культурѣ, просвѣщеніи и литературѣ стараго времени въ русской жизни.

Мы назвали этотъ древнѣйшій періодъ русской литературы до—Монгольскаго времени—Кіевскимъ періодомъ; и вотъ, на какихъ основаніяхъ. Кіевъ, до половины XIII вѣка, является не только центромъ княжеской политики и церковнаго управленія, но и центромъ болѣе развитой умственной и литературной жизни. Литера-

[1]) Введеніе въ Исторію Русской Словесности, почти уже разошедшееся въ продажѣ, встрѣтило сочувственный пріемъ и было рекомендовано опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. 1897 г. Февраль, 65 стр.).

турная дѣятельность въ Новгородѣ въ своемъ направленіи не отличалась отъ Кіевской, была во многихъ отношеніяхъ слабѣе, въ особенности въ области поэзіи (мы знаемъ только южнорусское „Слово о Полку Игоревѣ", хотя новгородскія былины могли уже воспѣвать и Всеслава Полоцкаго, и Ярослава и Садко) какъ слабѣе была и въ области житій русскихъ святыхъ, въ поученіяхъ, словахъ, лѣтописныхъ повѣствованіяхъ, и проч. Всѣ остальныя области древней Руси подчинялись кіевскому вліянію. Въ годы упадка Кіева южнорусская литература и ея памятники переходили на сѣверъ, давали начало безчисленнымъ сѣверно-русскимъ сборникамъ—компиляціямъ. Такъ было въ XIII—XIV вв.

Нельзя не отдать предпочтенія древнему Кіеву въ его первыхъ шагахъ на пути блестящаго литературнаго развитія передъ всей послѣдующей древнерусской литературой, въ которой не повторились ни Начальная Лѣтопись, ни Печерскій Патерикъ, ни Слово о Полку Игоревѣ. Почему? Близкое ли живое общеніе съ самостоятельнымъ греческимъ царствомъ—Византіей было причиной этого блестящаго развитія древнѣйшей русской литературы, или особенное благопріятное положеніе русскихъ писателей, ихъ любовь къ литературѣ, ихъ развитіе и вниманіе современнаго имъ русскаго общества—вотъ вопросы, отвѣтить на которые можно только путемъ сравнительнаго широкаго изученія собственно древнерусской литературы въ ея разнообразныхъ отношеніяхъ.

Древнѣйшая Кіевская письменность, какъ первый періодъ разцвѣта русской литературы, тѣсно связана съ богатой переводной славяно-русской литературой, обзоръ которой въ сжатомъ изложеніи составляетъ предметъ первой главы нашихъ Очерковъ. Эта глава можетъ служить какъ бы введеніемъ въ изученіе оригинальной русской литературы древнѣйшаго періода. Но мы не держались строго хронологическаго порядка и объединяли однородныя явленія литературы. Еще не мало остается гадательнаго въ этой области: причислить ли намъ Толковую Палею къ переводнымъ произведеніямъ съ греческаго, или считать ее произведеніемъ русскаго писателя разсматриваемаго періода, отнести ли многія безымянныя поученія и слова къ XI—XIII вв., или къ позднѣйшему времени, принимать ли во вниманіе позднѣйшія редакціи древнѣйшихъ русскихъ памятниковъ письменности, или собирать крупицы только опредѣленнаго времени, и т. д.? Русская литература Кіевскаго періода была богаче, чѣмъ мы ее привыкли представлять,—что доказываютъ отъ времени и до времени появляющіяся открытія нашей науки. Болѣе

или менѣе полное обозрѣніе этой литературы, изложенное хотя бы неравномѣрно, съ критическими разысканіями, съ библіографическими замѣчаніями, составляетъ потребность нашего времени, несмотря на достоинство трудовъ Порфирьева, Тихонравова, Пыпина, и друг.

Если мы удовлетворили этой скромной цѣли—собрать факты древнерусской литературы XI, XII, XIII вв., въ ихъ разнообразіи, взаимной связи, въ ихъ частностяхъ и общихъ теченіяхъ, съ возможной научной обстановкой,—то считаемъ небезполезными время и трудъ, посвященные разновременному и неравномѣрному вниманію къ дошедшимъ до насъ подробностямъ этой отдаленной отъ насъ русской письменности. Воскресить эту старину безпристрастно, всесторонне и главное—въ отношеніи къ нашему времени,—кажется, еще не наступило благопріятнаго момента. Едва ли также упразднится интересъ къ древнерусской литературѣ. Едва ли легко разстанется съ этими преданіями и горячо вѣрующій въ иныя новыя начала, и съ спокойной вѣрой не возвратится къ нимъ разочаровавшійся въ безусловномъ превосходствѣ новаго передъ старымъ...

Почти всѣ факты древнѣйшей русской литературы обнародованы впервые только въ настоящемъ столѣтіи, не исключая и точныхъ изданій лѣтописныхъ списковъ. Въ 1800 г. появилось драгоцѣнное изданіе Слова о Полку Игоревѣ, открытаго гр. Мусинымъ-Пушкинымъ. За нимъ послѣдовали изданія Тимковскаго въ Русскихъ Достопамятностяхъ 1815 г.: Поученія Луки Жидяты, Слова митр. Никифора. Въ 1821 г. Калайдовичъ издаетъ „Памятники Россійской Словесности XII вѣка“, въ которыхъ печатаетъ: Творенія Кирилла епископа Туровскаго, Посланія митр. Никифора къ Владиміру Мономаху, епископа Симона къ Поликарпу, черноризцу Печерскому, Вопрошанія Кирика, Иліи, Іоанна, Слово о Даніилѣ Заточникѣ. Востокову мы обязаны открытіемъ въ 1842 г. (Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея) Поученій Ѳеодосія Печерскаго, Слова Христолюбца о язычествѣ, и друг. Въ 1842 же году Кубаревъ открылъ знаменитое Слово митр. Иларіона; но его предвосхитилъ издатель Слова, Горскій, сотрудникъ Невоструева. Множество безымянныхъ поученій отмѣчено Горскимъ, Невоструевымъ (Описаніе рукописей Московской Синодальной библіотеки) и Срезневскимъ (Свѣдѣнія и Замѣтки). Въ 1841 г. вышла въ свѣтъ Первая Новгородская лѣтопись, въ 1843 г.—Ипатьевская, или Списокъ Волынской лѣтописи, а въ 1846 г.—Древній текстъ лѣтописи Нестора по Лаврентьевскому списку, открытому гр. Мусинымъ-Пушкинымъ.

Неудивительно, что XVIII вѣкъ, за немногими исключеніями, не зналъ древнѣйшей русской литературы, какъ и предшествующая церковно-славянская печать XVI—XVII вв. Въ этой послѣдней посчастливилось одному Печерскому Патерику. Въ 1635 г. появилось польское изданіе Paterikon'а въ Кіевѣ, въ 1656 г. напечатаны были нѣсколько листовъ изъ славянскаго текста въ лицахъ, а въ 1661 г. явился и полный текстъ Патерика Печерскаго въ оригиналѣ съ гравюрами, въ Кіевѣ (еще изданіе 1678 г.).

Замѣтимъ еще, что библіографическія указанія сдѣланы нами или по крупнымъ вопросамъ, какъ, напр., о лѣтописяхъ и о Словѣ о Полку Игоревѣ, или по обзору лучшихъ изданій памятниковъ древнерусской литературы, причемъ принято во вниманіе все существенное и важное. Въ Приложеніяхъ мы помѣстили необходимыя дополненія и перепечатку перваго изданія Слова о Полку Игоревѣ 1800 года, буква въ букву и строка въ строку. Исполнилось ровно сто лѣтъ съ перваго обнародованія въ печати этого рѣдчайшаго памятника древнерусской поэзіи и литературы, и наступило время переизданія его въ замѣнъ утраченной рукописи, какъ editio princeps. Другое изданіе Слова съ необходимыми исправленіями въ чтеніяхъ мы предлагаемъ читателямъ въ текстѣ, гдѣ рѣчь идетъ о самомъ памятникѣ.

Византія. Южные Славяне и Русь (Ρῶσία). Первыя начала просвѣщенія и письменности у славянъ и русскихъ. Переводы съ греческаго языка: св. Писаніе, Творенія св. отцовъ, сборники историческихъ, повѣствовательныхъ и другихъ сочиненій, апокрифы, отреченныя гадательныя книги, повѣсти. Общій характеръ древнерусскаго просвѣщенія и письменности. Языкъ русскихъ памятниковъ письменности древнѣйшаго періода.

I.

Когда мы присмотримся внимательно къ исторіи европейской цивилизаціи, просвѣщенія и литературы въ средніе вѣка, въ эпоху принятія христіанства, то мы бо̀льшею частію находимъ почти одинаковыя явленія. Это общее богатство христіанской литературы и культуры связано съ Греціей, съ греческой церковью и съ восточно-римской имперіей—Византіей. Только въ настоящее время вполнѣ оцѣнили значеніе этого византійскаго вліянія для Европы и въ частности для южныхъ и восточныхъ славянъ. Въ самомъ дѣлѣ, средневѣковое христіанское искусство носитъ общія черты не только во внѣшнихъ формахъ архитектуры, живописи, но и въ содержаніи [1]). Христіанская литература Востока и Запада въ ея догматическихъ, историческихъ и легендарныхъ чертахъ представляетъ также множество параллелей. Отсюда общія явленія замѣчаются не только въ жизни церковной, особенно монастырской, но и въ жизни высшаго сословія и даже въ жизни народа,—въ его духовныхъ стихахъ, легендахъ, повѣрьяхъ и обрядахъ. Передвиженія средневѣковыхъ народовъ въ Европѣ, крестовые походы еще болѣе

[1]) „Древнерусская евангельская иконографія не имѣетъ въ себѣ ничего самостоятельнаго и есть простое повтореніе заимствованнаго изъ Византіи: иное дѣло въ XVI–XVII вв." (Записки Имп. Русск. Археолог. Общ., 1894 г., т. VII, XC стр. Кирпичниковъ о трудѣ Покровскаго). Тоже наблюденіе относится къ западно-европейскому искусству до XIII в., когда „уничтожена граница между иконографіею церковною и свѣтскою" (тамъ же).

способствують этому сближенію Востока и Запада. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ IX вѣкѣ начинается отдѣленіе церквей и возрожденіе Западной Римской Имперіи изъ германскихъ и франкскихъ элементовъ. Въ вѣка особеннаго процвѣтанія Византіи совершилось мирное распространеніе греческой христіанской культуры и литературы среди южныхъ и восточныхъ славянъ—русскихъ. Но исторія славянъ,—по византійской литературѣ,—начинается еще въ VI—VII вв., когда эти народности вторгаются въ сѣверныя и западныя части Балканскаго полуострова, а на востокѣ—въ старой Скифіи живутъ повидимому съ другими народами еще въ болѣе давнее время. Это сосѣдство съ Византіей еще въ языческую пору славянства вносило къ нимъ греческое культурное вліяніе. Византія для южныхъ и восточныхъ славянъ была тѣмъ же, чѣмъ классическій Римъ для германскихъ и франкскихъ народностей. Римъ христіанскій, отдѣлившійся только въ IX в. и еще болѣе въ XI в. отъ Константинопольской и Восточной церкви, Римъ папскій, возвысившійся съ Карла В., вліялъ на западныхъ славянъ,—и мы знаемъ эту связь даже изъ житій первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія. Имперія римлянъ и ромеевъ—грековъ давала санкцію варварскимъ средневѣковымъ народамъ, выводила ихъ на историческое поприще. Старые вожди славянскихъ народовъ такъ же терялись въ неясныхъ поэтическихъ преданіяхъ среднихъ вѣковъ, какъ и вожди германскихъ, франкскихъ народностей. И только двѣ половины раздѣлившейся Римской Имперіи объединяли эти средневѣковые народы въ имперіи, королевства, княжества. Введеніе христіанства въ IX—X вв. у славянъ, ихъ внѣшнія отношенія съ Византіей, пріобщило южныхъ и восточныхъ славянъ окончательно къ греческой церкви и всѣмъ ея преданіямъ.

Коснемся въ самомъ сжатомъ очеркѣ этихъ культурныхъ, церковныхъ и литературныхъ отношеній Византіи, южныхъ славянъ и Руси или Россіи, по выраженію византійскихъ писателей. Въ IV вѣкѣ царство Ромеевъ отдѣлилось отъ Западной Римской Имперіи. Востокъ и классическія преданія грековъ способствовали образованію первыхъ блестящихъ началъ греческой христіанской литературы послѣ побѣды Константина В. надъ язычествомъ. Еще продолжали жить философскія школы въ собственной Греціи и Александріи, еще развивались преданія мужественной защиты христіанства на Востокѣ, въ Малой Азіи и въ Египтѣ; но уже начиналась, такъ сказать, заря христіанскаго просвѣщенія въ блестящихъ и многочисленныхъ трудахъ по церковному проповѣдничеству, пѣснопѣнію

церковной поэзіи, исторіи, и проч. Рядомъ съ замѣчательнымъ развитіемъ аскетизма, его высокихъ нравственныхъ началъ, являлись и отклоненія, въ видѣ ересей, соединявшихъ христіанскія представленія съ народными преданіями Востока, или отклоненія въ область раціонализма. Каноническія постановленія вселенскихъ соборовъ, утвердившія всѣ важнѣйшія основанія христіанской догматики, касаются и сохраняющихся еще языческихъ обрядовъ, напр., ряженья на т. н. колядскихъ празднествахъ, и т. п. И вотъ въ V—VI вв. въ Византіи настуцаетъ запрещеніе на языческую греческую философію, на языческія школы. Побѣда христіанскихъ началъ выражается въ величественныхъ церковныхъ сооруженіяхъ Византіи—храма св. Софіи, множества монастырей, въ собраніи драгоцѣнныхъ святынь, приведеніи въ порядокъ каноническихъ и юридическихъ законоположеній, въ устройствѣ государственной и церковной жизни. Географическое положеніе Византіи вызываетъ столкновенія со множествомъ народностей, особенно съ сѣвера и востока. Но Византія мужественно борется съ этими неудобствами до половины XV в. (1453 г.), выдерживая натиски развивающагося мусульманства, народовъ германскихъ и особенно — славянскихъ племенъ, отыскивавшихъ удобныя условія для своей жизни. Византіи пришлось включить въ свою государственную жизнь и еще болѣе въ церковное управленіе много элементовъ: восточныхъ (арамейскихъ), западныхъ (готскихъ, германскихъ и франкскихъ) и особенно славянскихъ. Славянская народность—многочисленная въ своихъ разнообразныхъ вѣтвяхъ выступаетъ сначала въ связи съ другими народностями. Въ IV в. она связана съ готами, среди которыхъ является знаменитый епископъ Вульфила (318—388), воспользовавшійся греческими буквами для древнѣйшаго германскаго алфавита и греческимъ священнымъ писаніемъ для перевода на готскій языкъ. Могущественное готское царство въ V в. частію распалось, частію подпало власти гунновъ, и эту судьбу раздѣлили подчиненные готамъ многочисленныя славянскія племена на востокѣ и на югѣ. Наплывъ тюркскихъ варваровъ отозвался неблагопріятно на славянахъ и восточныхъ готахъ, подпавшихъ затѣмъ власти болгаръ, аваръ и позднѣе хозаръ. Но уже Печенѣги и Половцы встрѣтили окрѣпшія силы славянъ, и только крымскіе готы подпали власти Половцевъ. Однако, греческая церковь продолжала существовать у восточныхъ готовъ рядомъ съ греческими колоніями въ Крыму, на Тамани, при устьяхъ Днѣпра и Дуная. Рядомъ съ готами, получившими свою церковную письменность въ Малой Азіи, существовала

церковная письменность на языкѣ сирійцевъ, армянъ и др. Такъ, греческая церковь, въ противоположность западной—римской (впрочемъ и здѣсь было не безъ исключеній) ввела принципъ миссіонерской дѣятельности на языкахъ новопросвѣщенныхъ народовъ. Константинополь вносилъ въ свои святыни и останки готскихъ святыхъ (Саввы и Никиты IV в.), житія которыхъ съ историческими подробностями, съ упоминаніемъ объ Ульфилѣ, извѣстны и въ славяно-русскихъ переводахъ. Свѣдѣнія о славянахъ и, между прочимъ, о русскихъ, также входятъ въ житія Димитрія Солунскаго, Стефана Сурожскаго, Георгія Амастридскаго и др.

Среди догматическихъ споровъ, волновавшихъ Византію, особенно выдѣляется періодъ VIII—IX вѣковъ,—эпоха иконоборчества,—совпадающій съ успѣхами мусульманства на Востокѣ и—западной Римской имперіи на Западѣ, силу которой создаютъ папы. Все это вызываетъ оживленную полемику въ византійской литературѣ. Для характеристики внутренней жизни этого времени, отличающагося господствомъ грубой силы, не лишены значенія и такія явленія, какъ женщины-писательницы. Одинъ изъ византійскихъ историковъ, Симеонъ Магистръ въ I гл. объ императорѣ Ѳеофилѣ (въ первой половинѣ IX в.) разсказываетъ объ умной дѣвушкѣ красавицѣ Кассіи, которая была представлена къ императорскому двору при выборѣ невѣстъ. Императоръ, держа въ рукѣ золотое яблоко, обратился къ ней съ насмѣшливой рѣчью: διὰ γυναικὸς ἐρρύη τὰ φαῦλα (черезъ женщину произошло зло); на что Кассія отвѣчала: ἀλλὰ καὶ διὰ γυναικὸς πηγάζει τὰ κρείττονα (но черезъ женщину же изливается и благо) [1]). Царь обидѣлся и отдалъ яблоко Ѳеодорѣ. Послѣ чего Кассія постриглась и основала свой монастырь, въ которомъ написала многія собственныя сочиненія, или, какъ выражается славянорусскій переводъ Зонары: „Суть же и многа твореніа Касіина въ божественныхъ писаніихъ наказаніи благодати исполнена". Церковные гимны, священныя пѣснопѣнія и вообще стихи поэтессы Кассіи отличаются самобытностью и глубиною чувства. Въ одномъ изъ стихотвореній она проводитъ параллель между распространеніемъ христіанства, царства Христа, сокрушившаго многобожіе, и распространеніемъ царства римскаго императора Августа, который положилъ конецъ разнымъ царствамъ на землѣ.

---

[1]) Чрезъ жену разливается зло, чрезъ жену текутъ блага. Женою въздрасте зълое и женою истѣкаютъ лучьшая. Monumenta Miklosich. 183 стр. Св. Іоанна Злат. Слово на Благовѣщеніе (Spuria).

Эпоха иконоборчества имѣла своихъ героевъ и подвижниковъ за идею православія, между которыми выдаются: знаменитый Іоаннъ Дамаскинъ, прославившійся въ славянской письменности своими богословскими трудами, и Ѳедоръ Студитъ, основатель и устроитель монашескаго общежитія, по образцу котораго въ XI в. развился Кіево-Печерскій монастырь, а за нимъ и многіе древнерусскіе монастыри. Послѣ побѣды надъ иконоборчествомъ, въ 842 г., выразившейся въ торжествѣ еллинскихъ и славянскихъ элементовъ имперіи надъ восточными азіатскими и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ торжествѣ православнаго монашества, наступаетъ періодъ распространенія культурной миссіи и христіанскаго просвѣщенія среди славянъ юго-восточной Европы. Въ тоже время происходитъ раздѣленіе церквей— восточной и западной, и къ давней полемикѣ въ византійской литературѣ противъ іудеевъ и магометанъ присоединяется полемика противъ латинянъ. Литературная дѣятельность этого времени отличается богатствомъ эклектическихъ трудовъ, выразившимся въ многочисленныхъ сборникахъ. Въ области исторіографіи Греціи послѣ хронографистовъ VI—IX вв., Малалы, Ѳеофана и Георгія Амартола, является Константинъ Порфирородный, съ своими драгоцѣнными трудами для исторіи славянъ (объ управленіи имперіей, о церемоніяхъ двора), Левъ Дьяконъ и Комнены (между прочимъ, Анна Комнена, написавшая большой историческій трудъ Ἀλεξιάς † 1118 г.) съ ихъ богатой начитанностью, съ живымъ изложеніемъ, съ широкимъ историческимъ кругозоромъ. Рядомъ съ историческими трудами получаетъ особенное значеніе обширная литература житій св. и чудесъ, полная живыхъ картинъ времени иконоборчества, жизни монастырей, ихъ отношенія къ политикѣ и къ мірскимъ вопросамъ. Знаменитый Симеонъ Метафрастъ въ X в. завершилъ развитіе этой литературы житій св. своимъ громаднымъ трудомъ. Послѣ житій слѣдуетъ назвать многочисленныя „Слова“ и „Пренія“, въ формѣ бесѣдъ, вопросо-отвѣтовъ и притчъ, отражающія искусство проповѣдничества и полемики въ византійской литературѣ. Еще болѣе блестящимъ образомъ выразилось въ византійской литературѣ богословское и философское движеніе. Христіанская догматика и нравственное ученіе—этика получаютъ въ трудахъ Іоанна Дамаскина VIII в. прочную основу, опирающуюся на соединеніи древнеклассической философіи съ сочиненіями отцевъ церкви. Но уже въ XI в. начинается самостоятельное изученіе философіи Платона. Собственно византійская поэзія выражается въ церковныхъ гимнахъ, народный эпосъ развивается позднѣе въ эпоху борьбы Византіи съ

Востокомъ, чѣмъ ознаменовывается уже XIII в. Бѣглый очеркъ византійской литературы лучше всего восполняется указаніемъ хорошихъ и слабыхъ ея сторонъ. Крумбахеръ во 2-мъ изд. своего капитальнаго труда, въ противоположность своимъ предшественникамъ, старался отмѣтить болѣе хорошихъ сторонъ византійской литературы. И прежде всего ученый византинистъ отмѣчаетъ ни съ чѣмъ не сравнимую возвышенность романа, проникнутаго вдохновенной вѣрой христіанства, соединеніе всевозможныхъ литературныхъ явленій Востока и Запада въ греческомъ духѣ, разнообразіе литературныхъ теченій,—отъ суровой и строгой дисциплины монашества до придворной утонченности ученаго, историка, поэта, отъ произвола внѣшнихъ явленій до суевѣрнаго, мистическаго направленія, отъ тяжелыхъ, многотомныхъ компиляцій богословскаго содержанія до легкихъ живыхъ очерковъ въ посланіяхъ, словахъ, сатирахъ и романахъ.

Въ этотъ блестящій періодъ византійской жизни и литературы произошло крещеніе славянъ, начало ихъ письменности и просвѣщенія. Къ половинѣ IX в. на Балканскомъ полуостровѣ сложились двѣ сильныхъ славянскихъ монархіи: болгарская съ царемъ Борисомъ и еще болѣе обширная Паннонія съ князьями Святополкомъ и Коцелемъ. Славяне проникли далеко на югъ отъ Константинополя и жили въ Македоніи, около Солуня, близъ классическаго Олимпа и прославившагося христіанскаго Аѳона. Солунскимъ уроженцамъ Константину (въ монашествѣ Кириллу) и Меѳодію—дѣтямъ вельможи Льва, занимавшаго постъ товарища военнаго областного начальника—выпала доля быть первоучителями южныхъ славянъ и изобрѣтателями славянскаго алфавита, славянской письменности. Оба знаменитыхъ брата—апостолы православнаго славянства получили выдающееся по тому времени воспитаніе, сначала на родинѣ, а потомъ въ Константинополѣ, при дворѣ императора. Меѳодій проходилъ сначала служеніе на военномъ поприщѣ. Константинъ же былъ библіотекаремъ при св. Софіи, учителемъ въ высшей школѣ и наконецъ миссіонеромъ среди восточныхъ народовъ. Еще въ Константинополѣ Константинъ участвуетъ въ преніяхъ съ иконоборцами, съ сарацинами, къ которымъ онъ принужденъ былъ съѣздить въ Малую Азію и здѣсь познакомиться не только съ мусульманствомъ, но и съ сирійскими переводами св. Писанія и церковнаго богослуженія. Между тѣмъ, Меѳодій, послѣ десятилѣтней военной службы, ушелъ въ монастырь на гору Олимпъ, куда воротился изъ Малой Азіи и братъ Константинъ. Около 858 г. братья должны были

совершить миссію въ предѣлы настоящей Россіи, къ хозарамъ. Константинъ, получившій прозвище философа, и обладавшій особенною способностью къ усвоенію иностранныхъ языковъ, по прибытіи въ Херсонесъ Таврическій, изучилъ еврейскій языкъ и священныя книги на этомъ языкѣ. По житіямъ св. Кирилла и Меѳодія мы имѣемъ какія-то неопредѣленныя свѣдѣнія о русскихъ письменахъ, объ Евангеліи и Псалтири, найденныхъ Константиномъ Философомъ въ Херсонесѣ. Для истолкованія этихъ русскихъ письменъ Константинъ отыскалъ въ Херсонесѣ и человѣка, говорившаго русской бесѣдой. Это, во всякомъ случаѣ, важное, хотя и единственное для половины IX в.—свидѣтельство заслуживаетъ вниманія въ исторіи происхожденія славянскихъ письменъ. Для X в. мы имѣемъ многочисленныя свидѣтельства объ употребленіи письменъ,—можетъ быть, греческихъ или смѣшанныхъ у славянъ язычниковъ. Восточные арабскіе и западные латинскіе писатели свидѣтельствуютъ о надписяхъ на могильныхъ столбахъ и изображеніяхъ идоловъ у славянъ русскихъ и у полабскихъ западныхъ. При всей спорности и неопредѣленности приведеннаго свидѣтельства изъ житій св. славянскихъ первоучителей о русскихъ письменахъ, есть въ нихъ что-то относящееся къ началу нашего христіанства, связаннаго съ Корсунемъ—Херсонесомъ Тавриды. Но большинство изслѣдователей понимаютъ подъ русскими письменами и особенно подъ Евангеліемъ и Псалтирью на русскомъ языкѣ уже извѣстный намъ готскій переводъ Вульфилы.

Какъ бы то ни было славянскій языкъ задолго до Кирилла и Меѳодія подвергся вліянію христіанскихъ идей и выработалъ соотвѣтствующія отвлеченныя понятія—греческимъ евангельскимъ, или воспользовался послѣдними. Это давно уже указано путемъ сравненія готскаго перевода св. Писанія съ древнеславянскимъ. Первый связанъ еще всецѣло съ языческими воззрѣніями, тогда какъ второй представляетъ болѣе чистоты выраженій въ христіанскомъ духѣ. Есть какія-то пока не прослѣженныя отношенія Кирилло-Меѳодіевской письменности къ готскому алфавиту и къ готскому переводу св. Писанія. Когда это будетъ доказано фактически, то и подъ „роускими письменами", можно будетъ разумѣть или „роумскія" (=римскія? не греческія), или русскія (=скандинавскія, готскія, вообще варяжскія—германскія)—письмена военныхъ дружинъ, властвовавшихъ въ древней Россіи.

По возвращеніи изъ хазарской миссіи Меѳодій принялъ санъ игумена въ монастырѣ Полихроніевѣ, а Константинъ уклонился также

отъ званія епископа и сталъ жить при церкви св. апостоловъ въ званіи священника и философа. Здѣсь въ Константинополѣ, по всей вѣроятности, между 855 г. и 862 г. братья изобрѣли славянскій алфавитъ, на основаніи греческаго алфавита, съ добавленіями недостающихъ буквъ для славянскихъ звуковъ (ж, ч, ш, щ) изъ восточныхъ азбукъ, или, быть можетъ,—изъ готскаго алфавита. Уже въ самомъ началѣ славянской письменности явилось два алфавита, по образцу греческаго литургическаго устава и греческой скорописи: одинъ былъ названъ впослѣдствіи кириллицей, другой—глаголицей, при чемъ первая азбука получила большее распространеніе и вошла въ исключительное употребленіе у южныхъ и восточныхъ славянъ. Русскіе переписчики X и даже начала XI в. знали и глаголицу. Затѣмъ братья—славянскіе апостолы—начали переводить богослужебныя книги, въ томъ числѣ Евангеліе, начиная съ Пасхи,—т. н. апракосъ, какъ дошедшій до насъ превосходный русскій списокъ 1056—57 гг. т. н. Остромировъ, или глаголическій Ватиканскій. Все это совершалось, конечно, постепенно; но житія пріурочиваютъ великое начало славянской письменности къ 862 г.

Въ года только что возникшей распри между Константинопольскимъ патріархомъ Фотіемъ и папой Николаемъ I совершилось призваніе Константина и Меѳодія въ Моравію княземъ Ростиславомъ. Латинскіе и нѣмецкіе миссіонеры уже пробовали обращать въ христіанство западныхъ и южныхъ славянъ. Новые миссіонеры-изобрѣтатели славянскаго алфавита и переводчики славянскихъ церковныхъ книгъ привлекали новообращенныхъ славянъ, и по просьбѣ Ростислава Константинъ и Меѳодій явились учителями, наставниками или просвѣтителями славянъ въ Моравіи и сосѣдней Панноніи. И отверзлись, говоритъ житіе св. Константина философа, уши глухихъ къ слышанію книжныхъ словъ и службъ, и у нѣмыхъ сталъ ясенъ языкъ. Въ Моравіи съ учениками, между которыми выдѣлились впослѣдствіи писатели, Константинъ и Меѳодій продолжали переводить съ греческаго необходимыя книги для славянской церкви. Но вотъ наступаютъ нападенія на славянское богослуженіе со стороны нѣмецкаго и латинскаго духовенства, защищавшаго три священныхъ языка: еврейскій, греческій и латинскій. Въ Венеціи Константинъ долженъ доказывать на соборѣ, что какъ солнце, дождь и воздухъ для всѣхъ отъ Бога, такъ и славить его могутъ всѣ, какъ это и существуетъ уже у армянъ, грузинъ, готовъ, хазаръ, арабовъ и др. Споръ о правахъ славянскаго богослуженія, славянской письменности совпалъ съ распрями Константи-

нопольскаго патріарха и Римскаго папы. Болгарскій князь Борисъ крестился во время похода подъ Царьградъ, при необыкновенныхъ обстоятельствахъ (по различнымъ разсказамъ: во время сильнаго голода, посѣтившаго Болгарію, подъ впечатлѣніемъ картины страшнаго суда, подъ вліяніемъ плѣнныхъ грековъ христіанъ); но вскорѣ же подпалъ вліянію римскихъ миссіонеровъ. На долю Константина и Меѳодія выпало счастье быть миротворцами въ это смутное время. По вызову папы братья первоучители явились въ Римъ, гдѣ доказали правоту своего дѣла, и Константинъ, принявъ монашество подъ именемъ Кирилла, почилъ 42 лѣтъ, 14 февраля 869 г. Въ Римѣ, гдѣ, при его жизни, раздалась въ церкви Богоматери съ яслями и въ соборѣ св. Петра, славянская церковная служба, гдѣ были посвящены его ученики, онъ и положенъ былъ въ церкви св. Климента. Меѳодій изъ Рима отправился въ свою архіепископію Паннономоравскую къ князьямъ Ростиславу, Святополку и Коцелу, отстаивавшимъ свою государственную независимость. Здѣсь продолжались, по прекрасному выраженію слависта Ягича, „тихіе подвиги скромнаго архіепископа, съ крестомъ и славянскимъ Евангеліемъ въ рукахъ, дѣйствовавшаго въ средѣ народа, которому пріятно было прислушиваться къ ученію Христову, проповѣдываемому на понятномъ ему языкѣ и восхищаться великолѣпіемъ богослуженія, совершаемаго на томъ же языкѣ“. Но испытанія борцовъ за славянское богослуженіе продолжались до смерти Меѳодія Моравскаго, 6-го апрѣля 885 года. Два года слишкомъ онъ томился въ тюрьмѣ, въ Швабіи, осужденный зальцбургскимъ архіепископомъ и славянскими князьями, уступавшими нѣмцамъ. Освобожденный папой онъ долженъ былъ ѣздить для оправданія въ Римъ. Года за три до смерти арх. Меѳодій съ учениками посѣтилъ Константинополь. По возвращеніи въ Моравію, подъ руководствомъ Меѳодія, были переведены: почти вся Библія, Номоканонъ и святоотеческія творенія, по всей вѣроятности Іоанна Златоустаго, Григорія Богослова и другихъ, дошедшія до насъ въ старинныхъ спискахъ XI вѣка [1]). Это второе свидѣтельство о переводахъ важно для оцѣнки языка въ древнѣйшихъ церковнославянскихъ памятникахъ,

[1]) О переводахъ Кирилла и Меѳодія и ихъ сотрудниковъ говоритъ, между прочимъ, папа Іоаннъ VIII въ письмѣ къ Святополку въ 880 г.: „nec sanae fidei vel doctrinae obstat sive missas in eadem sclavinica lingua canere, sive sacrum evangelium vel lectiones divinas novi et veteris testamenti translatas et interpretatas legere“.

представляющихъ черты древнеболгарскихъ говоровъ, или черты говоровъ паннонскихъ. Жизнь и дѣятельность Меѳодія ознаменовались начатками христіанскаго просвѣщенія и у западныхъ славянъ — чеховъ и поляковъ. Но, по смерти этого славянскаго первоучителя, ученики должны были уступить латинскому и нѣмецкому духовенству западныхъ славянъ и удалились въ Болгарію. Климентъ съ Наумомъ и Ангеларіемъ, послѣ мученій въ тюрьмѣ, спаслись бѣгствомъ къ болгарскому князю Борису. Здѣсь въ вѣкъ царя Симеона развернулась широко просвѣтительная дѣятельность учениковъ Кирилла и Меѳодія. Климентъ сдѣлался архіепископомъ Величскимъ и продолжалъ неустанно трудиться не только въ переводахъ съ греческаго, но и въ составленіи славянскихъ сочиненій. „Зная грубость народа (говоритъ житіе св. Климента, составленное арх. и магистромъ риторовъ въ Константинополѣ Ѳеофилактомъ) и совершенное невѣжество въ познаніи писаній, и замѣчая, что многіе священники болгарскіе, выучившись только читать, не понимаютъ греческихъ сочиненій, и потому непросвѣщенны, такъ какъ на болгарскомъ языкѣ не было поучительныхъ словъ, приноровленныхъ къ празднествамъ,—разрушаетъ преграду невѣжества, составивши на всѣ праздники поучительныя слова, простыя и ясныя, которыя, не заключая въ себѣ ничего углубленнаго и утонченнаго, понятны были для самаго простого болгарина“. Такъ дѣйствовали и другіе болгарскіе писатели вѣка Симеона, обогатившіе славянскую письменность массой переводовъ съ греческаго и самостоятельными трудами. Теперь „простая чадь—славяне“ устремились къ просвѣщенью и стали въ ряды великихъ народовъ. Однако вопросъ о греческомъ языкѣ, греческомъ богослуженіи смущалъ болгаръ X вѣка, и Черноризецъ Храбръ считалъ необходимымъ написать въ защиту славянской письменности, проявивши свои познанія въ греческой и славянской грамматикѣ. Вопросъ объ этихъ двухъ культурахъ греческой и славянской до нѣкоторой степени становится понятенъ тому, кто взглянетъ хотя бы на нашу св. Софію, на ея греческія надписи по образамъ святыхъ, по алтарнымъ дугамъ. Прибавьте къ этому греческія названія духовныхъ лицъ, церковныхъ вещей, книгъ (тріоди, минеи, прологи),—свидѣтельства лѣтописей о греческихъ митрополитахъ въ древней Руси, духовныхъ лицахъ, пѣвчихъ, мастерахъ, и вы поймете все величіе Кирилло-Меѳодіевскаго преданія.

Это Кирилло-Меѳодіевское преданіе создало богатую славянорусскую литературу, преимущественно переводную съ греческаго

языка. Мы считаемъ возможнымъ обозрѣть эту литературу во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ, отлагая выводы и оцѣнку до заключительныхъ страницъ общаго обзора переводной и компилятивной литературы южныхъ славянъ и русскихъ. Нельзя обойти въ этомъ обзорѣ ни св. Писанія, ни богослужебныхъ книгъ,--хотя бы со стороны внѣшней, палеографической, хотя и внутренняя сторона глубоко вошла въ древнерусскую литературу. Св. Писаніе не дошло до насъ въ цѣльномъ видѣ и собственно до конца XV в. въ славяно-русской литературѣ не сохранилось полной Библіи. Въ большомъ ходу были евангелія, апостолы, псалтири, извлеченія изъ книгъ Ветхаго завѣта—т. н. Паремейники; рѣже встрѣчались книги судей, царствъ, пророковъ. Пророки дошли съ толкованіями отъ 1047 г., въ спискѣ XV в., съ записью писца Упиря Лихаго. Въ старыхъ рукописяхъ св. Писанія и богослужебныхъ книгъ заслуживаютъ вниманія не только особенности правописанія, языка, но и внѣшнія украшенія въ видѣ заставокъ, миніатюръ, заглавныхъ буквъ и наконецъ записи писцовъ, старинныя дополненія на поляхъ. Необыкновеннымъ изяществомъ письма и украшеніями отличаются списки пергаменныхъ евангелій, какъ Остромирова 1056-57 гг., Мирославова XII в., Мстиславова XII в., Апостола 1220 г., Псалтири 1296 г. и друг. Это громадныя листовыя пергаменныя рукописи, писанныя крупнымъ уставомъ въ сплошную строку, съ раздѣленіями нѣкоторыхъ предложеній точками, но съ непремѣннымъ соблюденіемъ гласныхъ окончаній строкъ; ъ и ь являются гласными или изрѣдка ставятся въ дополненіе къ согласнымъ. Это важное указаніе на школу писцовъ, которые соблюдали правила письма, понимали значеніе звуковъ, буквъ и формъ; однимъ словомъ, имѣли свѣдѣнія въ грамматикѣ, что, за отсутствіемъ такихъ древнѣйшихъ памятниковъ, для насъ теперь не ясно. Уставныя рукописи писались съ трудомъ и долгое время (Остромирово евангеліе цѣлый годъ), почему писцы въ послѣсловіяхъ, подражая греческимъ рукописямъ, отмѣчали не только свои имена, время, мѣсто написанія, имена заказчиковъ, но и—благочестивыя размышленія, въ родѣ такихъ, какъ въ пергаменномъ спискѣ Лаврентьевской лѣтописи 1377 г.: „Радуется купецъ прикупъ створивъ и кормчій въ отишье приставъ и странникъ въ отечество свое пришедъ. Такоже радуется и книжный списатель дошедъ конца книгамъ“. Таковы и другія записи: „якоже радуется женихъ о невѣстѣ, тако радуется писецъ видя послѣдній листъ“ (Евангеліе 1164 г.); „якоже отрѣшится волъ отъ ярма, тако писатель книги

кончивъ“ (Церковный уставъ 1398 г.); „якоже радъ заяцъ, сѣти избѣгъ“, или „изъ тенетъ избѣгши“ и т. д. Иногда одну рукопись писали нѣсколько писцовъ, что можно замѣтить по различію почерка. Цѣнныя рукописи украшались золотомъ и красками. Для украшенія Мстиславова евангелія около 1120 г. князь посылалъ русскаго писца въ Константинополь. Здѣсь, повидимому, и на Аөонѣ сосредоточивались интересы славянскихъ и русскихъ писцовъ. Греческія рукописи служили образцами и источниками какъ для переводовъ, исправленій, такъ и для украшеній заставками, миніатюрами. Изображенія евангелистовъ въ Остромировомъ евангеліи, заглавныя украшенныя буквы съ человѣческими лицами, бордюры съ птицами, животными (какъ въ Изборникѣ 1073 г.)—все это только болѣе или менѣе полныя копіи съ греческихъ. Измѣненія въ греческихъ рукописяхъ отражались соотвѣтствующими измѣненіями въ письменности славянъ. Въ XII в. уже у южныхъ славянъ явился новый тератологическій звѣриный стиль орнамента взамѣнъ прежняго геометрическаго византійскаго стиля. Въ украшеніяхъ буквъ, въ заставкахъ запестрѣли грифы, змѣи, люди, переплетенные ремнями. Мы не имѣемъ древнихъ славяно-русскихъ рукописей евангелія, псалтири и др. въ лицахъ, съ миніатюрами, но лицевыя рукописи съ XIV в. повторяютъ византійскіе оригиналы. Внимательное изученіе текстовъ св. Писанія приводитъ къ заключенію объ исправленіяхъ славяно-русскихъ списковъ по греческимъ оригиналамъ. Евангелія, апостолы, псалтири почти одинаково подвергались многочисленнымъ разночтеніямъ отдѣльныхъ выраженій [1]); но уже до XIV в. включительно совершены были 4 крупныхъ передѣлки текстовъ по греческимъ оригиналамъ. Пока трудно установить долю участія различныхъ славянскихъ редакторовъ св. Писанія; но однимъ былъ русскій митр. Алексій въ XIV в. для Новаго Завѣта,

---

[1]) Замѣчено существенное различіе между южно-славянскими и русскими списками библейскихъ книгъ не только по правописанію, но и по лексическимъ разночтеніямъ. Различіе это замѣчено, напр. по Книгѣ Бытія, сохранившейся въ 29 спискахъ XIV-XVI вв. Проф. Михайловъ (Варшавск. Универс. Изв. 1895 г., IX т., 18 стр.) говоритъ: „Книгу Бытія постигла судьба, одинаковая съ судьбою евангельскаго текста, съ тою лишь разницею, что перемѣнъ тутъ оказалось еще больше... Въ теченіе 5 вѣковъ лексическихъ варіантовъ наслоилось въ Бытіи такъ много, что изъ всѣхъ рукописей къ концу XIV-го и къ началу XV-го ст. не дошло ни одной, которая была бы вполнѣ похожа на другую“. Но у южнославянскихъ списковъ есть свои общія черты, восходящія къ древности.

переведеннаго и исправленнаго съ греческаго въ Константинополѣ. Языкъ древнѣйшихъ текстовъ св. Писанія представляетъ интересныя данныя для характеристики вѣрованій и быта славянъ въ древнюю эпоху, какъ это показалъ еще Буслаевъ въ своихъ трудахъ. Такъ въ толковыхъ пророкахъ, въ Паремейникахъ мы находимъ упоминанія о рожденицахъ въ значеніи судьбы, счастія, древнѣйшія названія родственниковъ (женихъ=зять,—овичъ и др.).

Русскихъ списковъ Паремейника—избранныхъ чтеній изъ Ветхаго Завѣта—XIII—XIV вв. сохранилось 27. Въ XV в. Паремейникъ становится уже рѣдкой книгой, въ виду распространенія новаго церковнаго Іерусалимскаго устава вмѣсто Студійскаго. Чтенія изъ книги Бытія, назначенныя на всѣ дни Четыредесятницы и нѣкоторые праздники, являются самою крупною составною частью Паремейника послѣ пророчествъ Исаіи и Притчей Соломоновыхъ. Изъ остальныхъ книгъ В. Завѣта въ Паремейникѣ находятся очень немногіе и небольшіе отрывки. Въ нѣкоторыхъ русскихъ спискахъ Паремейниковъ находятся и чтенія изъ житій русскихъ святыхъ—Бориса и Глѣба. Паремейникъ, соотвѣтствующій византійскому Προφητολόγιον (Παροιμίαι—притчи), латинскому—Lectionarium, относится къ Кирилло-Меѳодіевскому времени. Въ письмѣ папы Іоанна VIII 880 г. читаемъ: „missas in eadem sclavinica lingua... vel lectiones divinas novi et veteris testamenti".

Самой любимой и распространенной книгой св. Писанія послѣ Евангелія была Псалтирь. Монахи и образованные люди древней Руси и у южныхъ славянъ знали ее наизусть. Выраженія Псалтири становились пословицами. По псалтири учились грамотѣ; отсюда и названіе учебной псалтири; по псалтирѣ даже гадали, такъ какъ вообще это была книга, къ которой обращались въ минуты раздумья и скорби. „И отрядивъ я, говоритъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ Поученіи, вземъ Псалтырю в печали разгнухъ ю и то ми ся выня. вскую печалуеши душе, вскую смущаеши мя. и прочая. и потомь собрахь словца си любая и складохъ по ряду и написахъ". Новый изслѣдователь Гадательной Псалтири такъ объясняетъ это мѣсто: „эти слова, составляющія часть Поученія, приписываются Владиміру Мономаху, который въ наставленіе дѣтямъ сообщаетъ случай изъ своей жизни: на Волгѣ къ нему пришли послы съ предложеньемъ поднять оружіе на Ростиславичей, выгнать ихъ изъ волости и завладѣть ею; въ противномъ случаѣ грозили разрывомъ съ братьями, съ которыми Мономахъ цѣловалъ крестъ. Будучи въ нерѣшительности и поэтому въ печали Владиміръ взялъ

Псалтырю, которая была съ нимъ и въ дорогѣ, какъ видно изъ его разсказа, раскрылъ ее на удачу и прочелъ выпавшіе ему стихи псалма („и то ми ся выня“), затѣмъ изъ „словецъ“ (можетъ быть изъ отдѣльныхъ словъ, или скорѣе буквъ въ началѣ строкъ на страницѣ), составилъ себѣ отвѣтъ, руководясь собранными и сложенными подъ рядъ этими „словцами“, а можетъ быть нашелъ его по этимъ словцамъ и готовымъ... Это первое, старшее, сколько мнѣ извѣстно, русское и славянское извѣстіе о гаданіи по псалтири. Но въ этомъ случаѣ Мономахъ не былъ первымъ, кому пришло въ голову погадать такимъ способомъ: онъ примѣнилъ здѣсь уже много вѣковъ существовавшій до него обычай искать разрѣшенія своему сомнѣнію гаданіемъ по псалтири. Гаданіе же по псалтири въ свою очередь есть только частный случай гаданія по священной книгѣ вообще, а это послѣднее гаданіе восходитъ само къ весьма древнему обычаю—гадать по письму вообще“ (М. Н. Сперанскій: Изъ исторіи отреченныхъ книгъ I, 1899 г., 5—6 стр.). Кромѣ учебныхъ и гадательныхъ псалтырей были въ ходу еще толковыя, слѣдованныя, лицевыя. Такова, напр., Кіевская псалтирь 1397 г., миніатюры которой (повторенія греческихъ) съ нѣкоторыми измѣненіями встрѣчаются въ XVI—XVII вв. Символика и параллелизмъ господствуютъ въ миніатюрахъ псалтири, какъ позднѣе въ лицевыхъ апокалипсисахъ. Въ древней Руси до полнаго списка Геннадіевской Библіи 1499 г. были особенно распространены Толковые Пророки (въ спискахъ XIV—XVI вв. сохранилась запись Упира Лихаго 1047 г.). Конечно, такой видъ пророчествъ шелъ съ юга славянства, гдѣ возникъ подъ вліяніемъ богомильской ереси. У Козьмы презвитера и въ Житіи Иларіона Мегленскаго находимъ свидѣтельства о презрѣніи богомиловъ къ пророческимъ книгамъ: „кую ли неправду обрѣтше въ пророцѣхъ, хулите я. и не пріемлете книгъ, писанныхъ ими? Како ли ся творите любящи Христа, а прорицанія о немъ святыми пророкы отмещуще?“ Въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ вопросъ о ветхозавѣтныхъ книгахъ играетъ видную роль. Палея, Слово м. Иларіона также поддерживаютъ высокое прообразовательное значеніе толковыхъ пророчествъ и указываютъ намъ на первоначальное движеніе противъ богомильства у южныхъ славянъ. Для молодой русской церкви не прошли безслѣдно ереси византійцевъ и болгаръ. Въ древней Руси не только переписывали богослужебныя книги, но и дополняли ихъ самостоятельными трудами: канонами, молитвами, службами русскимъ святымъ и др. Таковы труды преп. Ѳеодосія Печерскаго, Григорія инока Печерскаго, Кирилла Туровскаго и др.

Насколько въ этихъ трудахъ отражались пріемы поэтическаго склада и языка—трудно судить, хотя церковно-славянскія стихотворенія встрѣчаются у южныхъ славянъ въ X вѣкѣ. Для исторіи древне-русскаго языка въ его говорахъ и нарѣчіяхъ тексты св. Писанія и богослужебныхъ книгъ представляютъ драгоцѣнныя данныя. Таковы новгородскія служебныя Минеи XI в., евангелія съ южно-русскими примѣтами XII в. и позднѣе. Въ звукахъ и формахъ текстъ св. Писанія и богослужебныхъ книгъ въ русскихъ спискахъ принималъ черты народности съ XII вѣка. Новые списки пополняли календарь русскими святыми и праздниками. Оттого не было особеннаго вниманія къ древнѣйшимъ рукописямъ и ихъ дошло до насъ сравнительно немного. На поляхъ старыхъ евангелій XI—XII вв. не стѣснялись вносить дѣловые акты въ XV—XVI вв., обращались съ ними не всегда бережно, подклеивали пергаменными листами рукописей переплеты XV, XVI, XVII вв. Но мы почти не знаемъ опытовъ исправленія текста по старымъ рукописямъ, хотя объ этомъ и просили въ послѣсловіяхъ древніе писцы. Исправленія и измѣненія дѣлались прямо въ спискахъ. На поляхъ (такъ наз. берегахъ) и по листамъ старинныхъ русскихъ рукописей библейскаго и богослужебнаго характера дѣлались историческія и юридическія записи. Такъ на евангеліяхъ, псалтиряхъ находимъ вкладныя записи, дарственныя, духовныя, свѣдѣнія объ основаніи городовъ, о князьяхъ (Апостолъ 1307 г.), о повѣтріяхъ моровыхъ, о пожарахъ, о нашествіи иноплеменниковъ. Такимъ образомъ старинная русская рукопись Евангелія, Псалтири, Апостола и проч. важна не только сама по себѣ, но нерѣдко и— по записямъ современниковъ и послѣдующихъ поколѣній. Слѣдуетъ замѣтить еще, что славянскія рукописи (какъ и греческія) библейскихъ книгъ въ древности давали сплошной текстъ, который на главы, а тѣмъ болѣе на стихи не дѣлился. Отсюда распространенность апракосовъ и паремейниковъ.

Богатѣйшій отдѣлъ славяно-русской переводной литературы посвященъ твореніямъ отцовъ церкви. Мы разсмотримъ нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся творенія, слѣдуя именамъ авторовъ и не раздѣляя ихъ трудовъ. Только немногіе авторы извѣстны были въ славяно-русской литературѣ въ болѣе или менѣе полномъ видѣ; большая часть твореній отцовъ церкви обращалась въ извлеченіяхъ, въ избранныхъ чтеніяхъ. Это зависѣло столько же отъ состоянія греческой литературы византійскаго періода, сколько и отъ условій молодой славянской церкви. Византійская литература и для учебныхъ, и для поучительныхъ цѣлей посвящена была многочислен-

нымъ компиляціямъ, въ видѣ разнообразныхъ сборниковъ, подъ громкими названіями „Золотыхъ цѣпей, Драгоцѣнныхъ жемчужинъ, Измарагдовъ, Маргаритовъ“ и т. п., представлявшихъ извлеченія, сокращенія изъ плодовитыхъ и обширныхъ трудовъ отцовъ церкви первыхъ вѣковъ. Славянамъ, новопросвѣщеннымъ служителямъ церкви въ миссіонерскихъ цѣляхъ наиболѣе потребны были сборники византійской литературы. Иногда славянскіе переводчики и сами дополняли сокращенные тексты отцовъ церкви простыми поясненіями. И это понятно, если сопоставить слушателей и читателей первыхъ вѣковъ христіанства—воспитанниковъ философскихъ греческихъ школъ съ позднѣйшими византійцами, избѣгавшими языческой науки, ея воспоминаній, ея поэзіи. Ревностная дѣятельность славянскихъ переводчиковъ и компиляторовъ простирается на нѣсколько районовъ: на Моравію, на область южныхъ славянъ—болгаръ и сербовъ—и русскихъ. Пока только устанавливаются эти редакціи славяно-русской переводной литературы съ греческаго языка. Самые послѣдніе выводы даютъ намъ, напримѣръ, основанія считать нѣкоторыя переводныя сочиненія достояніемъ слѣдующихъ славянскихъ народностей.

Въ Паннонo—Моравіи, по признакамъ языка, переведены слѣдующія сочиненія: Лѣствица Іоанна Синайскаго (см. мое „Пятидесятилѣтіе Мыслей объ исторіи русскаго языка“ 1899 г., древнѣйшая русская рукопись XII в.), Бесѣды на евангеліе папы Григорія Великаго (древнѣйшая рукопись XIV в. Спб. Публ. Б—ки), Житіе св. Бенедикта, Никодимово Евангеліе (Соболевскаго, рефератъ на XI Археолог. Съѣздѣ). Лѣствица переведена съ греческаго языка, остальныя сочиненія (для насъ важны Бесѣды на Евангелія папы Григорія В.)—съ латинскаго. Южнымъ славянамъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, большая часть переводовъ съ греческаго. Уже Меѳодію первоучителю приписываются переводы „отеческихъ книгъ“. Ученики Кирилла и Меѳодія продолжали эту переводную дѣятельность: такъ епископъ болгарскій Константинъ перевелъ, по всей вѣроятности, Четыре слова Аѳанасія Александрійскаго, его-же Толкованіе на Псалмы, Слова Іоанна Златоустаго, въ передѣлкѣ, подъ названіемъ „Евангелія Учительнаго“, Житіе Антонія Великаго, написанное Аѳанасіемъ Александрійскимъ, Оглашенія Кирилла Іерусалимскаго. Литературному дѣятелю эпохи царя Симеона Іоанну Экзарху принадлежатъ передѣлки и переводы трудовъ Василія Великаго и Іоанна Дамаскина подъ названіями „Шестодневъ“ и „Небеса“, или „О православной вѣрѣ“, „Увѣріе“ по выраженію опи-

сателя чудесъ св. Бориса и Глѣба. Нѣкоторые ученые приписываютъ Григорію пресвитеру († 927 г.) переводы книги Царствъ, Хронографа и Хроники Георгія Амартола. Мы не говоримъ о массѣ безымянныхъ переводовъ съ греческаго языка въ эпоху царя Симеона и позднѣе. Для насъ гораздо интереснѣе вопросъ о переводахъ, совершонныхъ въ древней Руси, преимущественно, конечно, въ Кіевѣ. Уже въ лѣтописяхъ мы находимъ нѣсколько свидѣтельствъ о переводахъ и переводчикахъ съ греческаго языка, о книжныхъ людяхъ [1]). Свидѣтельства другихъ памятниковъ литературы русской и языкъ самыхъ переводовъ даютъ подтвержденіе лѣтописнымъ указаніямъ. Книжное ученіе шло быстрыми шагами въ новопросвѣщенной Руси XI вѣка. Если при Владимірѣ I стали только раздавать дѣтей на ученіе книжное, то уже при Ярославѣ I явились переводчики съ греческаго языка. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ лѣтопись подъ 1037 г.: „бѣ Ярославъ любя церковные уставы, попы любяше повелику, изъ лиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне. И събра письцѣ многы, и прѣкладаше отъ грекъ на словеньское письмо (въ другихъ спискахъ: „на словенскій языкъ и письмо“). И списаша книгы многы, и списка, ими же поучающеся вѣрніи людье наслаждаються ученья божественнаго“. Это было время „стараго Ярослава“, строителя знаменитыхъ соборовъ во имя св. Софіи въ Кіевѣ и въ Новгородѣ, которые онъ не только украсилъ многоцѣнными иконами съ греческими и славянскими надписями, но и завелъ библіотеки въ этихъ храмахъ изъ многихъ списанныхъ книгъ. Въ Кіевѣ, кромѣ грековъ митрополитовъ, а по всей вѣроятности и другого греческаго духовенства, были такіе просвѣщенные русскіе духовные, какъ м. Иларіонъ, Антоній и Ѳеодосій Печерскіе, Іаковъ мнихъ, Несторъ и друг. Отецъ Владиміра Мономаха, по словамъ послѣдняго, зналъ пять иностранныхъ языковъ, между которыми былъ несомнѣнно и греческій. Внукъ Владиміра Мономаха „съ грекы и латины говорилъ ихъ языкомъ, яко русскимъ“. По свидѣтельству Татищева, быть можетъ, основанному на недошедшихъ до насъ лѣтописныхъ памятникахъ, смоленскій князь Романъ Ростиславичъ († 1180) „къ

[1]) Въ эпоху до XIII в. между Русью и Византіею существовали самыя оживленныя сношенія (войны, связи политическія, церковныя, торговыя, литературныя, зодческія, иконописныя и вообще культурныя), отъ которыхъ въ Цареградѣ оставались воспоминанія, подобно тому, какъ на Руси сохранилась литературная и вещественная память о пребываніи здѣсь грековъ“. (Х. М. Лопаревъ: Правосл. Палестинс. Сборникъ, 51 вып., CXV стр.).

ученію многихъ людей понуждалъ устроя на то училища и учителей, грековъ и латинистовъ своею казною содержалъ", а волынскій князь Константинъ Всеволодовичъ († 1218 г.) „великій былъ охотникъ къ читанію книгъ и наученъ былъ многимъ наукамъ; того ради имѣлъ при себѣ и людей ученыхъ, многія древнія книги греческія цѣною высокою купилъ и велѣлъ переводить на русскій языкъ, многія дѣла древнихъ князей собралъ и самъ писалъ, такожъ и другіе съ нимъ трудилися; онъ имѣлъ однихъ греческихъ книгъ болѣе 1000, которыя частью покупалъ, частію патріархи, вѣдая его любомудріе, въ даръ присылали". Въ лѣтописи Владиміръ Васильковичъ называется наравнѣ съ прежними митрополитами—„великимъ книжникомъ и философомъ".

Сохранилось прямое указаніе на русскій переводъ XII в. „О четвертомъ сборѣ иже въ Халкидонѣ Слово и Сказаніе римскаго митрополита и блаженнаго папы Леонта епистолія", съ предисловіемъ переводчика инока Θеодосія, близкаго человѣка „Киръ Николаю", т. е. Николаю Святошѣ, постриженнику Печерскаго монастыря. На основаніи признаковъ языка можно считать русскими переводами слѣдующія сочиненія: Оглашенія Θеодора Студита, его Житіе, его Уставъ монастырскій, сохранившійся въ рукописяхъ XII—XIV вв.; далѣе—Пандекты Никона Черногорца (древнѣйшая рукопись XII в.), Творенія Григорія Омиритскаго, Толкованія Никиты Ираклійскаго на слова Григорія Богослова, Іосифа Флавія объ Іудейской войнѣ, Чудеса Николая Чудотворца, Житіе Андрея Юродиваго, Житіе Варлаама и Іоасафа; наконецъ такія сочиненія, какъ Толковая Палея, Пчела, Александрія и др. Къ русскимъ же переводамъ проф. Архангельскій (Къ изученію древне-русской литературы, 1888 г., 126 стр.) относитъ еще творенія пр. Нила Синайскаго, Геннадія патріарха Константинопольскаго, Андрея Кесарійскаго, Андрея Критскаго.

Никто изъ отцовъ церкви не пользовался такой славой проповѣдника и плодовитаго писателя, какъ *Іоаннъ Златоустый* (347—407 г.), отъ котораго до насъ дошло болѣе 1000 греческихъ сочиненій. Это знаменитыя бесѣды на св. Писаніе (книгу Бытія, Псалмы, евангелія и проч.), посланія къ разнымъ лицамъ, сочиненія о монашеской жизни, и пр. Слова Іоанна Златоустаго были извѣстны въ славянской письменности съ древнѣйшаго времени, какъ въ кирилловскихъ рукописяхъ XI—XII вв., такъ и въ глаголическихъ (сборникъ Клоца и др.). По церковному уставу слова Златоустаго читались цѣлый годъ и особенно въ нѣкоторые праздники;

поэтому они входили въ составъ богослужебныхъ книгъ, миней или обращались въ сборникахъ избранныхъ словъ. Такъ было въ греческой письменности, такъ было и у южныхъ славянъ. До насъ дошелъ большой сборникъ словъ Златоустаго, подъ названіемъ „Златоструй" (древнѣйшій списокъ XII в.) съ 135 словами, по однимъ спискамъ, съ 80—по другимъ (изъ нихъ 13 словъ новыхъ). Вотъ предисловіе къ этому сборнику: „Прологъ самого христолюбиваго цѣсаря Семеона. Вся книгы ветхыа и новыа, вънѣшныя и внутрьныа, благовѣрный цѣсарь Симеонъ божественаaго писанія, испытавъ и всѣхъ учитель нравы и обычая и мудрость разумѣвъ, сего блаженаго Іоана Златоустаaго почудивься словеснѣй мудрости и благодѣти святого духа, извыкъ ему чести вся книгы и избравъ вся словеса отъ всѣхъ его книгъ въ сия едины сложи книгы, яже прозывая Златоструяя... вся духа святаaго ученія, акы златыими струями человѣкы сладкыими рѣчьми спасеныимь покаяніемъ отъ всякого грѣха омывая къ Богу приводитъ", и проч. Переписчики Симеоновскаго Златоструя допускали много перемѣнъ въ расположеніи словъ и даже въ самомъ текстѣ,—допустивъ цѣлую систему опущеній, сокращеній и перифразовъ. Замѣчательны слѣдующія вставки русскихъ переписчиковъ XI—XII вв.: „и русь, и кривичи, вятичи... въ гоньску же и въ варварьскоу въ кую любо страну церкве и въ русьскую" (Малининъ: Изслѣдованіе Златоструя, стр. 60 и д.). Выборъ словъ въ Златоструѣ почти исключительно общаго нравоучительнаго характера: о терпѣніи, о милостынѣ, о покаяніи, о любви и дружбѣ, о гордости и тщеславіи, о злыхъ женахъ, о объяденіи и пьянствѣ, о лжихъ философѣхъ и о Платонѣ и о прочихъ, о воспитаніи дѣтей, о милованіи нищихъ, и проч. Въ Начальной Лѣтописи, подъ 1068 г. приводится отрывокъ изъ Слова Златоустаго по Златострую, который въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ рукописяхъ приписывается Ѳеодосію Печерскому. Слова Златоустаго дѣйствительно оказали сильное вліяніе на поученія Ѳеодосія Печерскаго, Кирилла Туровскаго и были любимымъ чтеніемъ Авраамія Смоленскаго, по его житію. Отрывокъ изъ того-же Слова Златоструя, что въ Начальной Лѣтописи, подъ 1068, приводится еще въ I Новгородской, подъ 1238 г. Въ Ипатьевскомъ сводѣ лѣтописи выраженія Златоустаго приводятся еще подъ 1111 г., а въ Лаврентьевскомъ—подъ 1175 г. Въ XIII в. (1254, 1258 гг. Ипатьевск.) Иванъ Златоустый пользовался особеннымъ почитаніемъ въ Галичѣ. Жизнь Златоустаго, его ссылка, его нравственный образъ припоминается въ лѣтописи подъ 1211, 1216 гг. (Лаврентьев.).

Послѣ двухъ древнихъ переводовъ словъ Златоустаго—„Златоструевъ“ въ славяно-русской письменности извѣстны были еще: 20 словъ Златоустаго въ мартовской Четь-Минеи XI в. (т. н. Супрасльской рукописи; слова на дни страстной недѣли и на св. Пасху—слово на Пасху помѣщалось во всѣхъ богослужебныхъ книгахъ; нѣкоторыя изъ словъ Супрасльской ркп. повторяются въ глаголическомъ сборникѣ Клоца XI в.); 17 словъ (изъ нихъ 11 словъ новыхъ, не встрѣчающихся въ предыдущихъ) въ майской Четь-Минеи XII в. Московскаго Успенскаго Собора (нынѣ Синод. Моск. б—ки) 7 словъ (изъ коихъ 3 новыхъ) въ сборникѣ XII в. Троицко-Сергіевой Лавры; одно слово Златоустаго читается въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. Можетъ быть, и сборникъ 21 словъ Златоустаго, произнесенныхъ въ Антіохіи, подъ названіемъ „Андріатисъ“ относится къ древнѣйшему времени переводной славянской письменности.

По всей вѣроятности, еще у южныхъ славянъ возникъ громадный сборникъ словъ Іоанна Златоустаго, подъ названіемъ „Златоустъ“—на цѣлый годъ, или на время великаго поста, или на недѣлю цвѣтную. Русскіе писатели стали присоединять къ „Златоусту“ переводному и свои слова. Кириллъ Туровскій имѣлъ въ виду дать Златоустъ Цвѣтной, а Феодосій Печерскій—Златоустъ Постный. Прототипомъ для русскихъ писателей могло служить Учительное Евангеліе Константина Болгарскаго, составленное изъ словъ Златоустаго, съ сокращеніями и дополненіями во вступленіяхъ и заключеніяхъ. Древнѣйшая рукопись его сохранилась отъ XIII в. съ интересными стишными прологами автора. По всей вѣроятности, и сборникъ словъ Златоустаго, подъ названіемъ „Маргаритъ“, образовался еще у южныхъ славянъ; въ немъ есть повторенія словъ Златоструя. Мы не будемъ здѣсь говорить о сборникахъ „Измарагдахъ“, въ которые также входили переводныя слова Іоанна Златоустаго, такъ какъ остановимся на литературной исторіи этихъ интересныхъ сборниковъ при обзорѣ русской литературы XIV вѣка. Въ славянорусской письменности обращались и слова Златоустаго сомнительныя (spuria) и слова ложно-надписанныя именемъ великаго вселенскаго учителя. До сихъ поръ мы не имѣли полнаго русскаго перевода „Твореній св. Іоанна Златоустаго“ (Спб. 1895 г. I, II, III томы), какой предприняла теперь Петербургская Духовная Академія по греческимъ извѣстнымъ изданіямъ сочиненій Златоустаго, принадлежащимъ европейскимъ ученымъ Монфокону и Миню. Но о такомъ переводѣ хлопотали еще въ XIV в. Максимъ Грекъ и князь Курбскій. Первому принадлежатъ извлеченія изъ Толкованій Іоанна Златоустаго на

Дѣянія и Посланія Апостольскія, а второму большой сборникъ словъ, подъ названіемъ „Новый Маргаритъ".

Творенія другого плодовитаго вселенскаго учителя *Василія Великаго* († 379) были также въ обращеніи въ славяно-русской письменности. У насъ словами Василія Великаго пользовались еще въ древности Владиміръ Мономахъ и Кириллъ Туровскій. Въ древнихъ сборникахъ (въ Супрасльской ркп., Изборникѣ 1076 г., въ сборникѣ XII в. Троицко-Сер. Лавры и др.) рядомъ съ словами Златоустаго находимъ и немногія слова на праздники Василія В. Постническія слова Василія В. или его сочиненія о монашествѣ, по всей вѣроятности, были извѣстны уже въ древней славяно-русской письменности. По церковному уставу изрѣдка назначались для прочтенія и слова Василія В. Іоаннъ экзархъ Болгарскій въ X в. составилъ на основаніи бесѣдъ Василія В. и нѣкоторыхъ другихъ толкователей первыхъ главъ книги Бытія о твореніи—свой знаменитый Шестодневъ, дошедшій до насъ въ сербскомъ спискѣ XIII в. Въ переводѣ есть любопытныя вставки о правахъ славянъ самого Экзарха, или его переписчиковъ.

Переводъ словъ (21) *Григорія Богослова* (326—389) относится къ древнѣйшей порѣ славянской письменности. До насъ дошли списки XI в. (XIII словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ, Будиловича, 1875 г.) и XIV в. съ толкованіями Никиты Ираклійскаго (древне-русскій переводъ). Кромѣ того, къ древности же относится переводъ краткихъ стихотворныхъ изреченій Григорія Богослова, подъ названіемъ Гранеса алфавитарь. Въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. помѣщено „Богословьца отъ словесъ"—статья о книгахъ св. Писанія. Въ 10 словѣ Григорія по рукописи XI в. есть замѣчательная вставка славянскаго переводчика (изд. Будиловича, 243 стр.): „овъ требу створи на стоуденьци, дъжда искы отъ него, забывъ яко богъ съ небесе дъждь дасть, овъ не сущимъ богомъ жьреть. И бога створшаго небо и землю раздражаеть; овъ рѣку богыню нарицаеть; и звѣрь живущь въ ней яко бога нарицая трѣбу творить; овъ дыю жьреть, а другый дивии. А инъ градъ чьтеть, овъ же дрынъ въскроущь на главѣ покладая, присягу творить, овъ присягы костьми человѣчами творить, овъ кобені пътичь смотрить; овъ срѣтенія суминться; овъ мущенъ скотъ творя убиаеть; овъ въ недѣлю и въ святыя дни дѣлаеть прибытокъ себѣ творя свою погыбѣль, да елико всею недѣлею сдѣлаеть, тѣмь днемь погубить, овъ на лъжею присязаеть". Эта вставка, важная для характеристики славянскихъ языческихъ обычаевъ и нравовъ, не единственная въ

славяно-русскихъ переводахъ съ греческаго. Рядомъ со вставками въ переводахъ встрѣчаются перестановки, опущенія и чаще всего свободный переводъ. „Въ древнерусскихъ рукописяхъ, замѣчаетъ Архангельскій (Къ изученію древнерусской литературы, 1888 г., 40—41 стр.), св. Григорію Богослову приписывается также много такихъ произведеній, которыя ему не принадлежатъ, какъ, напримѣръ, слѣдующія статьи, слова и поученія: а) Въпроси и отъвѣти Григора Богословьца и Василія (Изборникъ Святослава 1073 г.); б) св. Григоріа Богослова слово о божественней литургіи или Слово откровенія и пр.,—особенно часто встрѣчающееся въ нашихъ рукописяхъ; древнѣйшіе списки относятся къ XIV в., но „Откровеніе", конечно, не принадлежитъ Григорію Богослову; въ „Откровеніи" разсказывается, какъ ангелы присутствуютъ при совершеніи литургіи, осѣняютъ алтарь, участвуютъ въ совершеніи таинства, и проч., —статья апокрифическаго характера; в) св. Григорія Богословца толкъ—толкованіе символа вѣры—также апокрифическая статья; г) св. Григоріа Θеолога словеса избраннаа, еже суть толковая; д) Поученіе попомъ Григорія Богослова; е) отрывокъ подъ заглавіемъ „Святого Григорья" слѣдующаго содержанія: „не требѣ еже навязати на выю дѣтищу бѣсовскихъ врачеваній, лжоимяныхъ, хранилища, ни пріимати еже отъ бабъ помазанья, и вдыманія, и ни коего шептанья, бываема пѣснь, с ними мѣситься бѣсъ, въ призыванье, и образомъ нѣкимъ поклоняються, дай-же свое дѣтище истинному Богу"...; ж) Отъ словесъ Григоріа и Ервана жидовина. О устроеніи словесъ Василіа, Григоріа Θеолога, Іоанна,—апокрифическая статья, въ которой къ различнымъ, болѣе или менѣе хитрымъ, вопросамъ примѣшиваются и народныя загадки, Слово о пьянствѣ и т. п.". Эти статьи интересны для насъ по связи съ книгами отреченными и съ ложнонадписанными статьями многочисленныхъ славяно-русскихъ сборниковъ.

Литература переводныхъ сочиненій разработана неравномѣрно. Вотъ почему я позволю себѣ привести здѣсь выдержки изъ моей работы о „Паренесисѣ *Ефрема Сирина*": „Въ южно-славянской и древне-русской письменности существовалъ сборникъ словъ Ефрема Сирина „Паренесисъ", полное заглавіе котораго слѣдующее: „Книги святого Ефрема глаголемыя греческимъ языкомъ, сказуется же Паренесисъ притча, утѣшеніе, моленіе, поученіе, наказаніе различна полезна". Многочисленные списки этого сборника восходятъ къ XII—XIII вв., а отдѣльныя слова встрѣчаются въ старинной славянской письменности, какъ въ глаголической, такъ и въ кирилловской,

при томъ въ одномъ и томъ же переводѣ. Среди списковъ собственно „Паренесиса“ извѣстны, кромѣ русскихъ—съ XIII в.,[1]) еще сербскіе списки—съ XIV в. Но несомнѣнно, что этотъ сборникъ былъ извѣстенъ и въ средне-болгарской письменности. Древность перевода словъ Ефрема Сирина, вошедшихъ въ „Паренесисъ“, и при томъ въ русскомъ спискѣ, можетъ быть засвидѣтельствована указаніемъ Описи книгъ въ русскомъ монастырѣ Пресв. Богородицы—Ксилургу (дрѣводѣля) на Аѳонѣ, 1143 г., въ которой среди русскихъ церковныхъ книгъ значатся: св. Ефремъ, рядомъ съ Патерикомъ, и др. Не безъ основанія въ этомъ названіи книги „св. Ефрема“ видятъ указаніе на собраніе словъ Ефрема Сирина, въ родѣ „Паренесиса“. Въ церковномъ уставѣ XII в. въ недѣлю мясопустную и въ первыя пять недѣль великаго поста положены чтенія „от словесъ св. Ефрема“. Этотъ студійскій уставъ былъ введенъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ преп. Ѳеодосіемъ во второй половинѣ XI в. и, конечно, уже въ это время долженъ былъ существовать славянскій сборникъ словъ Ефрема Сирина. Сходство въ составѣ и въ переводѣ словъ „Паренесиса“, начиная съ древнѣйшихъ списковъ XII—XIII вв., можетъ свидѣтельствовать, что именно этотъ сборникъ существовалъ и въ церковномъ употребленіи по студійскому уставу второй половины XI в. Не такъ легко отвѣтить на вопросъ, какъ составился этотъ сборникъ и гдѣ впервые появился онъ? Конечно, „Паренесисъ“ былъ переведенъ съ греческаго, но среди извѣстныхъ греческихъ сборниковъ словъ Ефрема Сирина нѣтъ такого, который бы вполнѣ былъ сходенъ съ славянскимъ сборникомъ. Точно также только предположительно можно утверждать, что сборникъ этотъ, по своему происхожденію, относится къ древней болгарской письменности X—XI вв. Глаголическій македонскій листокъ словъ Ефрема Сирина представляетъ окончанія и начала словъ, отвѣчающія порядку расположенія словъ въ „Паренесисѣ“, но слово 84 „Паренесиса“ отмѣчено въ глаголическомъ листкѣ 57. По замѣчанію Срезневскаго, въ томъ спискѣ словъ Ефрема Сирина, отъ котораго сохранился македонскій листокъ, „слова были раздѣлены на не-

---

[1]) Собственно болѣе или менѣе полный списокъ сборника относится къ XIII в. (Троицко-Серг. Лавры, № 7); но въ сборникахъ XII в. встрѣчаются уже выписки нѣкоторыхъ главъ изъ полнаго „Паренесиса“. Такъ въ сборникѣ Московск. Успенск. собора XII в. находится „Слово 48 о св. Авраамія“—48 словомъ оно помѣщено и въ полныхъ спискахъ Паренесиса. Въ сборникѣ Троицко-Серг. Лавры XII в. № 12 помѣщено съ такой же помѣтой „Слово 82. о покаяніи“—то-же слово помѣщено 82 словомъ въ полныхъ спискахъ.

большія чтенія, какъ бы чтенія, въ родѣ тѣхъ, какія помѣщаются въ прологахъ". Конечно, тутъ не можетъ быть рѣчи о связи этого глаголическаго сборника словъ Ефрема Сирина съ Прологами: но связь его съ „Паренесисомъ" заслуживаетъ вниманія. Глаголическій листокъ, несмотря на нѣкоторыя позднія палеографическія черты, носитъ признаки древняго словенскаго языка, которые встрѣчаются и въ древнѣйшихъ спискахъ „Паренесиса". Однако Прологъ своимъ названіемъ по первой статьѣ, или по предисловію къ Синаксарю даетъ объясненіе и для подобнаго же происхожденія названія „Паренесиса" изъ греческаго Παραίνεσις (увѣщаніе или, по славянскому переводу—наказаніе, притча, утѣшеніе, моленіе), которое стоитъ при многихъ словахъ Ефрема Сирина въ греческихъ сборникахъ. При сравненіи славянскаго „Паренесиса" съ греческими сборниками словъ Ефрема Сирина, отличающимися часто числомъ и расположеніемъ словъ, можно видѣть, что славянскій переводъ представляетъ тѣ же слова, съ тѣми же заглавіями,—что въ греческомъ текстѣ, и даже порядокъ словъ славянскаго перевода, по отдѣльнымъ группамъ словъ, слѣдуетъ порядку словъ нѣкоторыхъ греческихъ сборниковъ. Конечно, „Паренесисъ", какъ и другіе славяно-русскіе переводные сборники, не оставался въ одномъ и томъ-же видѣ. Такъ, вѣроятно, уже въ древнѣйшіе списки „Паренесиса" вошло „Слово о проскурѣ рекше о комканіи" изъ Скитскаго Патерика, которое повторено и во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ славянскаго „Паренесиса". Въ нѣкоторыхъ южно-русскихъ спискахъ „Паренесиса" помѣщено „Поученіе къ духовному чаду Георгія черноризца Зарубскыя пещеры", относящееся, по всей вѣроятности, къ XII в. Быть можетъ, эти южно-русскіе списки XV—XVI вв. ведутъ свое начало отъ списка, сдѣланнаго съ дополненіемъ въ Зарубскомъ монастырѣ. Въ общемъ „Паренесисъ" оставался наиболѣе устойчивымъ сборникомъ какъ въ рукописныхъ, такъ и въ печатныхъ текстахъ, являющихся въ XVII ст. Иная судьба была словъ Ефрема Сирина, преимущественно изъ „Паренесиса" въ такихъ древне-русскихъ сборникахъ, какъ Прологи, Златыя Цѣпи, Златоусты, Измарагды и другіе сборники смѣшаннаго характера. Въ Прологѣ слова Ефрема Сирина, появляющіяся уже съ XIII—XIV вв., принимаютъ сокращенный видъ. Такъ въ Прологѣ XIII в. передана въ самомъ сжатомъ видѣ большая „Повѣсть Ефрѣма о св. Авраамін", которая помѣщена вполнѣ въ сборникѣ XII в. Московскаго Успенскаго собора, какъ „слово 48", конечно, изъ Паренесиса. Съ такой же замѣткой—„слово 82", относящейся къ Паренесису, помѣщено „Слово

Ефрема о покаяніи“ въ сборникѣ XII в.; но въ извѣстной Златой Цѣпи XIV в. подъ именемъ „св. Ефрѣма“ помѣщено „Слово о мірстѣй суетѣ“, которое составлено неизвѣстнымъ русскимъ проповѣдникомъ подъ вліяніемъ словъ Ефрема Сирина. Слова Ефрема Сирина начинаютъ появляться съ значительными измѣненіями въ Златоустахъ съ XV в., а въ Измарагдахъ съ XIV в. Несомнѣнно, что уже древнѣйшая редакція Паренесиса имѣла связь съ церковнымъ употребленіемъ словъ Ефрема Сирина. Можно думать также, что славянскій сборникъ, если только не имѣлъ непосредственнаго греческаго прототипа, въ которомъ слова Ефрема Сирина были расположены въ томъ же самомъ порядкѣ,—что этотъ славянскій сборникъ возникъ изъ „увѣщательныхъ словъ Е. С., обращенныхъ къ египетскимъ монахамъ“—Λόγοι Παραινετικοί, πρὸς τοὺς κατ' Αἴγυπτον μοναχούς—отсюда и заглавіе славянскаго сборника „Паренесисъ“ [см. мою статью въ Кіевскихъ Университет. Извѣст. за 1891 г.]. У древнерусскихъ читателей творенія Ефрема Сирина очень рано стали пользоваться особенною любовью. Въ житіи Бориса и Глѣба Нестора отражается въ нѣсколькихъ мѣстахъ это вліяніе Ефрема Сирина. Въ житіи Авраамія Смоленскаго (жилъ въ концѣ XII—началѣ XIII в.) сообщается, что онъ „изо всѣхъ любя часто почитати ученія преподобнаго Ефрема и великаго вселенскаго учителя Іоанна Златоустаго“. На сочиненія Ефрема Сирина есть ссылка и въ посланіи Симона къ Поликарпу. Особенное значеніе имѣли для древне-русскихъ читателей и вообще въ нашей письменности два произведенія Ефрема Сирина: „Слово о злыхъ женахъ“, помѣщавшееся въ Златоструяхъ, и „Слово о антихристѣ“, находящееся въ Паренесисѣ. Вліяніе Ефремовыхъ сочиненій отразилось на нѣкоторыхъ памятникахъ народной словесности: стихи объ Іосифѣ Прекрасномъ, объ исходѣ души, о концѣ міра. Вліяніе сочиненій Ефрема распространилось также на область притчъ, поучительныхъ изреченій. Два слова, встрѣчающіяся въ Измарагдахъ „Слово св. Ефрема о мятежи житіа сего“ и „Слово св. Ефрема о кончинѣ міра“, приписывались извѣстному русскому проповѣднику XIII в. Серапіону Владимірскому (Прав. Собес. 1858 г., II ч.). И наоборотъ слова Серапіона Владимірскаго приписывались св. Ефрему (Архангельскій: Къ изученію древне-русской литературы, 1888 г., 53 стр.). Почти въ теченіе всего древняго до-Петровскаго періода русской литературы сочиненія св. Ефрема Сирина нравились по своимъ картинамъ грядущихъ бѣдъ, ужасовъ смерти, пришествія антихриста и конца міра. Какъ поэтъ Ефремъ горячо призываетъ бѣжать изъ міра въ горы и вертепы.

Къ числу древнихъ болгарскихъ переводовъ относятся сохранившіяся въ древнихъ рукописяхъ: Оглашенія Кирилла Іерусалимскаго XI в. (полный списокъ XII—XIII вв.), толкованія Кирилла Александрійскаго (въ Изборникѣ 1073 г., у Константина Болгарскаго въ Евангеліи Учительномъ), Творенія Іоанна Дамаскина—Богословіе или „Слово о правѣй вѣрѣ"—собственно третья часть его важнѣйшаго труда Πηγή Γνώσεως, и то въ видѣ избранныхъ главъ, нѣкоторыя слова на праздники и другія.

Въ числѣ древне-славянскихъ переводовъ особенно видное и особенное мѣсто занимаетъ Лѣствица *Іоанна Синайскаго* писателя VI в. Она дошла до насъ въ 14 спискахъ, отъ XII до XV в., какъ Паренесисъ Ефрема Сирина въ 9 спискахъ, между тѣмъ, какъ Ѳедоръ Студитъ, Кириллъ Іерусалимскій, Іоаннъ Златоустъ, Григорій папа Римскій—въ одномъ спискѣ. Полное заглавіе славяно-русскихъ списковъ: „Климаксъ сирѣчь Лѣствица божественнаго всхода имущи степеней 30". Подъ этими ступенями, возводящими къ высшему аскетическому совершенству, разумѣются главы, напр.: объ отреченіи отъ суетной жизни и объ отшельничествѣ; о страннической жизни и о сновидѣніяхъ, какія бываютъ у новопоступившихъ; о памятованіи смерти; о чревоугодіи; о псалмопѣніи въ общемъ собраніи; о различныхъ видахъ безмолвія; о невещественной молитвѣ и о терпѣніи; о любви ...и отчасти о богословіи". Въ древнѣйшихъ славянскихъ спискахъ Лѣствицы до сихъ поръ ясны черты южно-славянскихъ—западно-славянскихъ, сербо-хорватскихъ выраженій и формъ: ругочъ, ласкочъ, лукочъ, кошута, вишимь, вражица, отрѣканіе, отѣшненіе, отбрысая, и проч. Въ XIII в. составители Печерскаго Патерика приводятъ въ свободной перефразировкѣ два мѣста изъ Лѣствицы,—очевидно по памяти (см. мою брошюру: „Пятидесятилѣтіе Мыслей объ исторіи русскаго языка" 1899 г.).

Очень вѣроятно, что въ XI вѣкѣ въ Печерскомъ монастырѣ переведены были важнѣйшія сочиненія *Ѳеодора Студита* († 826), основателя знаменитаго Константинопольскаго монастыря, давшаго ему и свой Уставъ, автора двухъ большихъ Катехизисовъ, или оглашеній. До насъ дошли списки XII в. Житія Ѳеодора Студита и его Устава, а въ спискахъ XIV, XV вв. Слова его или Катехизическія бесѣды. Извѣстно, что преп. Ѳеодосій Печерскій ввелъ или даже перевелъ Уставъ Студійскій, а въ своихъ поученіяхъ къ братіи слѣдовалъ словамъ Ѳеодора Студита. Уставъ Студійскій могъ дѣйствительно вызвать поученія преп. Ѳеодосія Печерскаго, если примемъ во вниманіе слѣдующее мѣсто Устава (Голубинскій: Исторія

Русской Церкви I, 2, стр. 675): „нужно знать, что въ середу, пятницу и воскресенье, при предстояніи братіи со всякимъ благоговѣніемъ, послѣ окончанія утрени читается Катехизисъ богоноснаго отца нашего Ѳеодора. Потомъ и отъ себя говоритъ игуменъ, наставляя братію“. Это относится къ великому посту, когда, дѣйствительно, говорилъ свои поученія и Ѳеодосій Печерскій. Оглашенія Ѳеодора Студита обыкновенно читались въ великій постъ самимъ игуменомъ (Описаніе славян. ркп. Москов. Синод. б—ки, III, ч. 1, стр. 247 и д.). Уставъ содержитъ много любопытныхъ подробностей, касающихся монастырской жизни, его занятій тѣлеснымъ и духовнымъ трудомъ. Вотъ, напримѣръ, статья „О томъ, иже съ всяцѣмь прилежаниемь книгъ блюсти книгохранилнику порамон (арю): Да имѣстаж (парамонар) да отрясаеть и затваряеть книжныя хранилы да не оставляеть отворены; яко да праху испълъньшюс погубляют полагаемыя въ нихъ книгы... нъ нагыми персты да не подаеть никомуже хартии прикоснутися да не осквернять ихъ да бывають же и чьтиця съ свѣщами чистами и тыкъками и да блюдоут чьтоущеи ни капати ни слиною изъ устъ ихъ окропит ни рукама окалят. се бо послѣдняго ненаказанія знаменіе хотящемоу ж чис (=чисти) да повелит старѣйшина“, и проч. Въ рукописи Московской Духовной Академіи XIV в. находится 124 слова огласительныхъ Ѳеодора Студита, повторяющихся въ рукописяхъ XVI в. (Троицко-Сергіев. Лавры, Соловецкой б—ки, неполный списокъ). Переводъ несомнѣнно русскій. Замѣчательныя слова: москолоудивъ, конюхъ, седелникъ, неводьникъ, къ илугаремъ, калижникъ, тиуньство, тиоуне, клюнниче, прясло. Языкъ рукописи богатъ русскими формами, увеличившимися, конечно, еще отъ переписчиковъ. Никакихъ слѣдовъ болгаризмовъ не замѣчается. Связь съ греческимъ текстомъ сохранилась въ собственныхъ именахъ и въ нѣкоторыхъ фразахъ, напр.; еоуфремиосъ, варсануфиосъ, силиваносъ, каламарие, керемидникъ, евлоисопатеръ, и пр.

Къ числу русскихъ же переводовъ и любимыхъ сочиненій въ древне-русской письменности относится т. н. Стословецъ патр. Константинопольскаго *Геннадія* († 471 г.). Это сто краткихъ правилъ христіанскаго вѣроучительнаго и нравоучительнаго содержанія, которыя вліяли и на древне-русскія поученія и на Домострой, наставленія дѣтямъ. О древности и распространенности Стослова Геннадія можно судить по слѣдующему. Стословецъ патр. Геннадія помѣщенъ вполнѣ: въ Изборникѣ 1076 г., въ сборникѣ XII в. Троицко-Сергіевой Лавры № 12, въ Златой Цепи XIV в. (Троицко-Серг. № 11), въ сборникѣ Царскаго № 361, XIV в., гр. Уварова, въ

сборникѣ Хлудова № 30, XIV в. (въ самомъ началѣ), въ Измарагдѣ XIV в. Румянц. Музея (въ самомъ началѣ), въ спискѣ древнѣйшей редакціи Измарагда XVI в. Троицко-Сергіевой Лавры № 204 (въ самомъ началѣ). Начиная съ XV в. (Измарагдъ Троицко-Сергіевой Лавры № 91) въ новой редакціи Измарагда (господствующей) Стословъ Геннадія совершенно исключенъ въ полномъ видѣ, какъ исключено „Слово нѣкоего отца къ сыну", встрѣчающееся въ полной редакціи: въ Изборникѣ 1076 г. и въ Златой Чепи XIV в. и въ нѣсколько измѣненной редакціи въ Измарагдѣ XIV в. и въ сборникѣ XVI в. Царскаго № 361. Въ новой редакціи Измарагда изъ этихъ цѣльныхъ сочиненій взяты нѣкоторыя отдѣльныя мѣста и соединены въ „слова" съ новыми заглавіями. Чтобы показать, какія измѣненія и вставки являются въ словахъ этой новой редакціи Измарагда приведемъ слѣдующіе отрывки изъ Стословца Геннадія. Глава 75 по Изборнику 1076 г. и Златой Чепи XIV в. (Троицко-Сергіев. лавры № 11, л. 74). Въ сборникѣ XII в. Троицко-Сергіевой лавры, № 12 сохранились только послѣднія слова этой главы.

Изборникъ 1076 г.	Златая Чепь XIV в.
Въ богатьствѣ сы. и земльныихъ благъ изобиль имѣя. помьни авъиноу слово авраамле еже къ богатому въсприя ты благая въ животѣ своемь. якоже и оубогыи зълая. тѣмьже онъ веселиться. а ты стражеши.	Въ б-аствѣ сыи земныхъ благъ изобилье имѣя помни слово авраамле къ б-атому въсприялъ еси благая в животѣ твоемъ якоже убогій злая. тѣмже онъ веселится а ты стражеши.

Также точно читается эта глава въ полныхъ спискахъ Стословца по сборникамъ XII—XIV вв.; но въ извлеченіи изъ Стословца по новой редакціи Измарагда съ XV в. это мѣсто читается съ значительными измѣненіями и дополненіями въ „Словѣ св. отца Геннадія патріарха": „Въ богатствѣ изобилоуя воспоминай оного немилостиваго богатаго. како ти въ мукахъ сы моляше авраама. да лазаря послеть языкъ оустоудить водою. авраам же рече ему. ты благая въ животѣ приялъ а лазарь терпѣлъ злая. здѣ же нынѣ оутѣшается. а ты въ пламени стражеши. и пристоупль немилостивый бѣсъ къ богатому стклянницю имый горяцю смолы, глаголя ему испій вжадался еси въ кваса мѣсто оного и вы богати боудите милостиви да не таже приимите". Таково же различіе и въ нѣкоторыхъ другихъ главахъ Стословца. Приведемъ еще 76 главу по древнѣйшей редакціи Измарагда XV в. сравнительно съ соотвѣт-

ствующимъ текстомъ сборниковъ XI—XIV вв.: „Възлегъ на многомякцеѝ постели и пространно протягаяся помяни сироты неимущаа одежа како-ти скръчьшеся лежать не имуща постеля нужею студень тръпять неволею"; „Възлегъ (възлежащу ти) на многомякъцѣ постели и пространно протягаяся помяни на голѣ земли лежаштаего подъ единѣмъ рубъмь и не дрьзноунитя ногу своею прострѣти зимы дѣля". Это одинъ изъ примѣровъ различія текстовъ одного и того же сочиненія въ разныхъ рукописяхъ славяно-русской литературы.

Сочиненія отцовъ Церкви не всегда были извѣстны въ славяно-русской письменности въ цѣломъ видѣ; чаще встрѣчались въ извлеченіяхъ и переработкахъ. Такова судьба твореній блажен. *Ѳеодорита Кирскаго* († 457 г.), извѣстнаго истолкователя книгъ св. Писанія, начиная съ книги Бытія. Отрывокъ его сочиненія „Отъ того еже о св. Троицѣ" встрѣчается уже въ Святославовомъ сборникѣ 1073 г. Но несомнѣнно въ славяно-русской литературѣ были извѣстны и переводы толкованій Ѳеодорита на св. Писаніе, такъ какъ въ отрывкахъ они находятся среди вопросо-отвѣтовъ м. Климента XII в., въ Изборникѣ XIII в., въ Толковой Палеѣ XIV в. Наши собственныя сравненія (Критико-библіографическія замѣтки 1893 г.: разборъ Палеи Толковой 1406 и 1477 г.г.) всѣхъ этихъ сборниковъ въ древне-русской письменности дали слѣдующіе выводы: Изборникъ XIII в. и Толковая Палея представляютъ вопросо-отвѣты блажен. Ѳеодорита въ одномъ и томъ же славянскомъ или русскомъ переводѣ; этотъ переводъ отличается отъ греческаго текста толкованій блажен. Ѳеодорита сокращеніями и дополненіями, такъ какъ Толковая Палея (о которой скажемъ еще дальше) могла уже существовать въ русской письменности XI в. (проповѣдь греческаго философа въ Первоначальной лѣтописи; Слово о законѣ и благодати митр. Иларіона), то статьи Изборника XIII в., сходныя съ Толковой Палеей, могли явиться только изъ послѣдней, но не наоборотъ. Противъ этого воззрѣнія высказался проф. Истринъ (Извѣстія отд. Русскаго яз. и Слов. И. Акад. Наукъ 1897 г., II т., 4 кн.), отмѣтившій слѣдующую судьбу вопросо-отвѣтовъ Ѳеодорита. Изъ какого-то стараго перевода блаж. Ѳеодорита вопросо-отвѣты распространялись нерѣдко съ измѣненіями въ слѣдующихъ сборникахъ: Изборникѣ XIII в., Кааѳѣ по списку XV в., Словесахъ избранныхъ еже суть толковыхъ св. Григорія Ѳеолога по списку XV в., въ Толковой Палеѣ, въ Троицк. Сборникѣ, въ Коломыйскомъ сборникѣ 1460 г. и др. Въ Кааѳѣ—древне-русскомъ сборникѣ вопросо-отвѣтовъ, на

Пятокнижіе Моисеево—удержалось первоначальное чтеніе, тогда какъ въ Толковой Палеѣ являются уже дополненія, сокращенія, перестановки. Въ Кааѳѣ 70 вопросо-отвѣтовъ, въ Изборникѣ 45, изъ нихъ 2 новыхъ сравнительно съ Кааѳомъ и въ другомъ порядкѣ, въ Троицкомъ сборникѣ 26, въ Коломыйскомъ сборникѣ 77, и т. д. Этотъ старый подборъ переводныхъ вопросо-отвѣтовъ Ѳеодорита носилъ названіе Толковой Палеи и восходитъ ко времени XII—XIV вв. Скажемъ еще о двухъ сборникахъ компилятивнаго характера, извѣстныхъ подъ одинаковымъ заглавіемъ, но различнаго содержанія, именно о Пандектахъ Антіоха и Никона Черногорца.

Пользуемся опредѣленіемъ перваго сборника по труду проф. Архангельскаго (Къ изученію древне-русской литературы, стр. 92—93). „Пандекты инока *Антіоха* († 635 г.) на славянскій языкъ были переведены уже въ древнѣйшую пору славянской письменности, вѣроятно, еще въ X вѣкѣ, и, конечно, въ Болгаріи. Древнѣйшій изъ извѣстныхъ списковъ Пандектовъ- XI вѣка, Воскресенскаго Новоіерусалимскаго Монастыря № 49; рукопись уже русской редакціи, но сохраняетъ еще очевидные слѣды болгарскаго происхожденія перевода. Значительная часть Пандектовъ (около 50 главъ изъ 130) находится также въ сборникѣ Тр.-Серг. Лавры XII в., № 12. Тотъ же древній переводъ читается и въ рукописи Москов. Синод. библ. XIV—начала XV в. При всей своей древности переводъ чрезвычайно ясный и точный. Ясность и чистота языка въ переводѣ могла много зависѣть и отъ самаго содержанія сочиненія, чрезвычайно простаго и общедоступнаго. Сочиненіе представляетъ собою рядъ поученій и статей: „о воздержаніи,“ „о постѣ,“ „о скупости,“ „о взаимъ дающихъ,“ „о томъ еже хранитися отъ женъ,“ „о гнѣвѣ,“ „о лѣности,“ „о татбѣ,“ и т. д. Порядкомъ главъ славянскій переводъ обыкновенно слѣдуетъ греческому подлиннику и только иногда отступаетъ отъ него; но въ редакціи самаго текста прдставляетъ нерѣдко уклоненія отъ подлинника..

Пандекты *Никона Черногорца* инока XI в.,[1]) состоящіе въ полной редакціи изъ 63 словъ, содержатъ въ себѣ нравственныя наставленія, обращенныя къ монашествующимъ и міряпамъ, извлеченныя изъ учи-

---

[1]) Точнѣе время его жизни опредѣляется временемъ составленія Пандектъ при императорѣ Константинѣ Дукѣ (1059 -1067 г.г.), а заглавіе сочиненія ἑρμηνεία τῶν θειων ἐντολῶν τοῦ Κυρίου см. Krumbacher: Geschihte der Byzant. litterat., 155 стр.

тельныхъ книгъ и соборныхъ постановленій. Многочисленные списки этого памятника, хранящіеся въ библіотекахъ синодальной,—чудовской и Ярославской, обнимаютъ собою періодъ времени отъ XII до XVI вѣка; въ XVII и XVIII вѣкахъ этотъ трудъ уже появляется въ печати. Переводъ Пандектъ, по всей вѣроятности, сдѣланъ въ Россіи, въ XII в., на что указываютъ слѣдующія выраженія: посадникъ, гривна, рѣзана, вѣверица, вѣкша, и другіе. Наблюденіе это сдѣлано акад. Срезневскимъ (Свѣдѣнія и замѣтки № LV), который сказалъ: „примѣровъ этихъ достаточно, чтобы позволить себѣ догадку, что древній переводъ Пандектовъ Никона Черногорца, какъ переводъ и Хроники Георгія Амартола, Космографіи Космы Индикоплова и др. сдѣланъ при участіи русскаго человѣка." Выписки, находящіяся въ этой книгѣ, взяты изъ книгъ св. писанія и изъ произведеній—очень многихъ отцовъ и учителей церкви, именно Аѳанасія Александрійскаго, Василія В., Григорія Назіанзина, Іоанна Златоустаго, Іоанна Лѣствичника, Ѳеодора Студита и др. Кромѣ того есть много выписокъ изъ патериковъ, житій св., изъ хроникъ, изъ монастырскихъ уставовъ.

Какъ творенія отцовъ церкви обращались въ славяно-русской литературѣ большею частію въ сборникахъ съ сокращеніями или дополненіями, такъ и историческія сочиненія византійцевъ—именно Хроники и Хронографы—входили въ сборники и давали сами начало другимъ сборникамъ между прочимъ русскимъ лѣтописямъ и Хронографамъ. Однимъ изъ древнѣйшихъ славянскихъ переводовъ въ области византійскихъ хроникъ является Всемірная Хроника (Χρονογραφία) антіохійца *Іоанна Малалы*, VI—VII вв., переведенная пресвитеромъ Григоріемъ по повелѣнію Симеона царя болгарскаго. Эта популярная, полународная, полумонашеская исторія, отъ сотворенія міра до 563 г., сохранилась въ греческомъ отрывкѣ Оксфордской рукописи и въ русскомъ спискѣ отъ XIII в. *(1261 г.)* переписанномъ въ XV в.[1]). Профессоръ Истринъ указываетъ еще, разъ послѣ кн. Оболенскаго болѣе, ранніе слѣды славянскаго перевода Хроники Іоанна Малалы въ выдержкѣ лѣтописной, подъ 1114 годомъ, по

[1]) Въ славянскомъ переводѣ Хроники Малалы прежде всего важно начало ея, утраченное въ греческой рукописи. Замѣчаются еще слѣдующія отличія между греческимъ текстомъ и славянскимъ переводомъ. Въ послѣднемъ вставлены въ полномъ видѣ два апокрифа: Слово Аѳанасія Александрійскаго о Мельхиседекѣ и завѣты 12 патріарховъ. Кромѣ того славянскій переводчикъ или русскій редакторъ Хроники дѣлалъ вставки изъ Іосифа Флавія.

Ипатскому списку: „и бысть по потопѣ и по раздѣлены языкъ поча царствовати пѣрвое Местромъ отъ рода Хамова, по немь Еремія, по немь Феоста, иже и Сварога нарекоша Египтяне,“ и проч. Въ русскомъ спискѣ Малалы, т. н. Архивскомъ (Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ) сочиненіе Малалы является съ дополненіями, вставками и измѣненіями русскаго редактора. Здѣсь прибавлены: выписки изъ св. Писанія, изъ Палеи (напр. апокрифическіе завѣты 12 патріарховъ), изъ хранографа Георгія Амартола и находится все сказаніе объ Александрѣ „Книги Александръ.“ Русскій компиляторъ, по всей вѣроятности, изъ Западной Руси сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ и важныхъ дополненій для литовской миѳологіи, а также и для славянорусской.—Приведемъ первое сказаніе о „поганской прелести иже Совия Богомъ нарицаютъ“: „Совіи бѣ человѣкъ, Уловивщу ему дивій вепрь иземше из него 9 слезенниць и въдасть ей испечи роженымъ отъ него. Онѣмъ же изъѣздшимъ е, разгнѣвався на рождьшихъся отъ него покушашеся снити во адъ. Осмерыми враты не възмогъ, девятыми хотѣніе свое уполоучивъ. Роженымъ отъ него, рекше сыномъ братіи же его негодовавшимъ на нь, испросися у нихъ дошедъ възыцю отца своего. И пріиде въ Адъ. Отцю же вечерявшю—с нимъ сътвори ему ложе и погребе и въ земли. Наоутріе въпроси его въставшима: добро ли поконице имѣ? Оному же възпившу: охъ чръвми изъѣденъ быхъ и гады. Пакы же наоутріи сътвори емоу вечерю и вложьшемоу и въ древо и положи и. Наоутріе въпроси и. Онже рече, яко бчелами и комары многыми снѣденъ быхъ, ухъ ми, яко тяжко спахъ. Пакы же наоутріе сътворивъ краду огненоу великоу и върже и на огнь. Наоутріежъ въпроси его: добрѣ ли почи? Ономоу же рекшу: яко дѣтищь въ колыбѣли сладко спахъ. О великаа прелесть діаволская, яже въведе въ Литовскый родъ и Ятвезѣ, и въ Проусы, и вь Емъ, и во Либь и иныя многы языкы, иже Совицею наричются, мняще и душамъ своимъ суща проводника въ Адъ Совья. Бывшоу емоу въ лѣта Авимелеха, иже и нынѣ мертва телеса своя съжигають на крадахъ, якожъ Ахилеосъ и Еантъ и иніи порядоу Еллини. Сию прелесть Совій въведе въ нѣ, нижъ приносити жрътвоу скверньмъ богомъ Андаеви и Перкоунови рекше громоу и Жвороунѣ рекше Соуцѣ и Телявели и съкоузнею, сковавше емоу солнце, яко свѣтити по земли и възвергьшю ему на небо солнце. Си же прелесть скверная прииде в нѣ отъ Еллинъ. Лѣтъ же имѣють отъ Авимелеха и многого родоу скверняго Совья до сего лѣта, в няже начяхомъ писати книгы сия есть лѣтъ 3000 и 400 и 40 и 6 лѣтъ“.

Собственно Хроника Малалы имѣетъ слѣдующее предисловіе: „Изложеніе Іоанна бывшаго от Антиохійскаго великаго града Сирия Малыя о лѣтѣхъ мироу“, (въ греческомъ: „ἐγκόκλιον Ἰωάννου καταγομένου ἐκ τῶν χρόνων Κωνσταντίνου τοῦ Μεγάλου ἐκ χρόνων κτίσεως κοσμου). Зѣло добро мню еже въ кратцѣ сказати коуюждо главизну повѣстій. юже Моисеωмъ хронографомъ повѣдаемы соуть и Африканомъ и Евсѣвіемъ Памфиломъ и Паоусаніемъ (καὶ Σισινίου) и Дидумомъ и Ѳеофиломъ и Климянтомъ и Диодоромъ и Домникомъ (καὶ Κλαυθ) и Еоустафіемъ и инѣмъ много трудившихся хронографъ и историкъ и творецъ (Ποιητῶ)“ и проч. О славянскомъ переводчикѣ замѣчено въ слѣдующемъ мѣстѣ: „книгы завѣта Божія Ветхаго, сказающе образы Новаго Завѣта, истинну сущу, преложеныя отъ Греческаго языка въ Словеньскый при Князи Блъгарьстѣмъ Симеонѣ, сынѣ Бориши, Григоріемъ презвитеромъ мнихомъ, всѣхъ церковникъ Блъгарскыхъ церквій, повелѣніемъ того книголюбца Князя Семіона, истиннѣ же рещи боголюбца“. Въ концѣ Хроники Малалы присоединенъ переводъ древнерусскій Іосифа Флавія о плѣненіи Іерусалимовѣ. Еще Срезневскій обратилъ вниманіе на русскія выраженія этого перевода: верста (мѣра разстоянія), зимница, дѣтинецъ, и друг. Приведемъ еще нѣкоторыя выдержки изъ текста для характеристики поэтическаго изложенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малалы, напоминающаго Слово о Полку Игоревѣ (цитируемъ по рукописи Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ): „вда емоу длъго копие злато и хороуговь сребреноу“ (465 б.); „Уеспиcіанъ ...примъ оумъ своею крѣпостію и ста крѣпко исплъчився“ (421); (далѣе интересно сходство съ сказаніемъ объ Александрѣ Невскомъ) „пръвый Евохъ сей поразн Сефа.... вторый Елеанъ сей уби мужа силна хеттеина его же копие иже копия его яко воротило тъкоущимъ... осмыйже Ванея сей многа створи дѣла“. Терновскій въ своемъ трудѣ „Изученіе Византійской Исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси“ (вып. I, стр. 5 и д.) указываетъ слѣдующія особенности труда Малалы: его терпимость въ добрыхъ отзывахъ о языческихъ императорахъ, его умѣнье рисовать портреты историческихъ дѣятелей, отразившееся даже на пріемахъ иконографіи и, можетъ быть, на пріемахъ нашихъ лѣтописцевъ. Вліяніе Хроники Малалы на русскихъ лѣтописцевъ несомнѣнно, напримѣръ, въ разсказѣ о столпотвореніи, и проч.

Еще болѣе вліянія въ этомъ отношеніи оставилъ *Георгій мнихъ*, по прозвищу Грѣшникъ—Амартолъ IX в., написавшій большую Хронику въ 4 книгахъ, отъ Адама до смерти Ѳеофила (842 г.).

Въ многочисленныхъ славяно-русскихъ спискахъ съ XIII в. труда Георгія Грѣшника названіе его читается такъ, соотвѣтственно съ греческимъ: „Лѣтовникь скращень от различних лѣтописьць же и повѣдателій избрань и сьставлень от Георгіа грѣшника инока“ (Χρονικὸν σύντομον ἐκ διαφόρων χρονογράφων τε καὶ ἐξεγητῶν ςυλλεγεν καὶ συντεθὲν ὑπὸ Γεωργίου ἁμαρτωλῦο). Послѣ 842 г. въ греческихъ и славянскихъ рукописяхъ присоединяются труды продолжателей Амартола, между которыми выдѣляется трудъ магистра Симеона Логофета до 948 г., другіе продолжатели Георгія доходятъ до 1143 г. Какъ монахъ, о чемъ Георгій Грѣшникъ упоминаетъ въ изображеніи жизни египетскихъ монаховъ IV в., авторъ много вниманія посвящаетъ разсказамъ чудеснаго содержанія. Георгій въ изобиліи воспользовался своими предшественниками, между прочимъ Іосифомъ Флавіемъ, Малалой, Өеофаномъ, и др. Для характеристики его труда и славянскаго перевода приведемъ нѣсколько мѣстъ по изданію Общества Любителей Древней Письменности (выпуски XXVI и LVI, LXIX): „По сьмрьти же бгомрьзскааго моухоумеда, явисе вь полоудне звѣзда г҃лема докить. Провьзвѣщае аравлянь сихь оукрѣпление и прѣбыстѣ дни 30 простираесе от полоудне до сѣверскые страны вь видѣніи ороужия. Вь неже врѣме воевавше аравляне сии древле оубо гемін, ныняже саракини и аравию оставльше приидоше вь страны Дамаска множьство неизьчтенно еже оувѣдѣвше Вань и Василиск воеводы вьсточные на нихь оустрьмишесе. таже снетию бывшоу побѣждени быше зѣло христіане за множьство прѣгрѣшеніи. вѣтроу бо дьхноувшоу на грькы боурноу и южноу и напрасноу и не могше противоу лицоу врагомь братисе от многааго праха, лютѣ побѣдишесе и приразивше себе кь тѣснотѣ рѣкы г҃емые Іермоухна погыбоше тоу тысоущь 40 и тако одолѣвше срацини и свѣтло вь Дамаскь приидоше. егоже и по силѣ абие прѣемлше. и страны все финикииские вьселишесе за грѣхы наше мрьзции и скверныи вь стоую оноу землю. о нейже пророкь г҃лаше Моуси кь Израилю. се г҃ь бь твои вьвед те вь землю блгоу и многоу“ (318—318 б.)... „Царь же изыде воевати на агараны оставль вь градѣ Орифа ипарха, иже не оу цареви ни от нихже поучаваашесе и вь оумѣ имѣаше творимоу безбожных Роусь вьзвѣсти нашьствие бывшоу оуже оу Мавропотама. и царь оубо и приишьствия поути оудрьжасе. и чесо дѣля сия остави, ничесоже црьско и моужьско сьдѣла. Роуси же проипѣвше вьноутрь быти црькве. много сьдѣлаше оубииство христіаномь. и неповинноу кровь пролияше. бѣхоу же корабле 200, иже крочише градь и многь страхь вьноутрь соущіимь сьтворише. царь же оувѣдѣвь едва вьзможе

прѣити и съ патріархомь Фотиемь вь Влахерноу приидоста и тоу б-а моляахоу таже сь пѣсньми стыи Богородице изнесше омофорь вь море краи омочише и тишинѣ соущи абие вѣтромь наитие. и мороу вьзмоутившоусе. вльнамь вьстаніе често быс(ь)и безбожныхь Роусь корабле погрезоше. малѣмь оубѣгшемь от бѣды“ (386 об.—387); „Быс(ь) же и оскудѣние солнца. якоже нощи быти вь 6 час(ъ) дне. и звѣздамь явитисе. нь и громове и дыханія вѣтромь и мльние быше. якоже изгорѣти на степенехь трьжища, человѣкь 7 и прѣеть быс(ь) от агарань Самось градь. плѣненоу бывшоу и воеводѣ ихь Паспалѣ. створи же царь за Уца да боудеть василопаторь. прилюблень быс(ь) оуже Зои дьщери его. Отравлениемь нѣцѣмь скончавшоусе моужоу ей Ѳеодору Гоузоуніату“ (398 л.).

Со времени еще Шлецера опредѣлено отношеніе первыхъ страницъ русской лѣтописи къ византійскимъ писателямъ и болѣе всего къ Георгію Амартолу. И ни одно изданіе Начальной Русской Лѣтописи, или труда преп. Нестора съ продолжателями не обходится безъ сопоставленій съ Хроникой Георгія Грѣшника. Выписки изъ Амартола начинаются словами: „Глаголеть Георгій въ лѣтописаньи: ибо коемуждо языку, овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычай“, и проч. и слѣдують отъ разсказа о правахъ различныхъ народовъ—сирійцевъ, бактрійцевъ, халдеевъ, британцевъ, амазонокъ,—далѣе, о раздѣленіи земли сыновьямъ Ноевымъ, о захватѣ потомками Хама чужаго удѣла, объ Аполлоньѣ Тіанскомъ—до разсказа о зловѣщихъ знаменіяхъ предъ нашествіемъ Антіоха.

Нельзя не привести и слѣдующаго мѣста изъ Хроники Георгія о гаданіяхъ: „звѣздозаконіе и рожденословіе... вльшвеніе же и чародѣяніе... такоже и о скотосмотрѣньи, ово убо е птицамь смотреніе. овоже храмоусмотреніе. овоже путнаа срѣща. овоже рукосмотреніе. другое же по трепетанію смотреніе и птицосмотренье убо ес, егда лѣтающии здѣ или овдѣ птиции, напрѣждь или назадь. или десная или лѣваа роука потрепещеть, рекоуть се или оно боудеть. храминосмотрение же егда яже вь домоу слоучаютсе, речеть се назнаменоуеть аще ли же на покровѣ явитсе невѣстка, или змія, или мышь, или пролиясе масло, или медь, или вино, или прахь, или трѣсканіе быс(ь) дрѣвию, или ино что се провьзвѣщаеть. поутна же срѣща, егда аще изыдеть кто на поуть и срѣщеть кого гле, аще те срѣщеть таковь человѣкь кто, или се носе, се ти прилоучитсе. рукосмотреніе же, егда пролеченіемь роуцѣ протегнеть. рекоуть се томоу родитсе. потрепетаніе же, еже потрепетаніемь тѣлеснымь познаваемо. аще потрепета десное или лѣвое око, или

рамо, или бедра, или сфрабь на нозѣ, или оуши понищахоу. се рече прилучитьтисе“ (лл. 27б—28). Этотъ перечень повѣрій и суевѣрій встрѣчается и у византійскихъ писателей X—XII вв.

Третьимъ выдающимся хронографистомъ въ византійской литературѣ былъ *Константинъ Манассія* (около 1144 г.), написавшій въ стихахъ Σύνοψις ιστορική, отъ Адама до смерти Никифора Вотаніота въ 1081 г. О времени славянскаго перевода Хроники Манассіи существуетъ въ наукѣ два мнѣнія: одни относятъ его къ раннему времени, къ XII в. въ Болгаріи, другіе—къ XIV в.—времени двухъ списковъ XIV в. (ватиканскому и синодальному). Полное заглавіе славянскаго перевода слѣдующее: „Премудраго Манассія и лѣтописца събраніе лѣтно от създанія миру начинающее. и текуще до самаго царства кир Никифора Вотаніота“. Ранній переводъ Хроники Манассіи у славянъ доказывается отраженіемъ поэтическихъ пріемовъ ея въ лѣтописи, въ Словѣ о Полку Игоревѣ и друг.: „Царство Траіаново. Траіана мужа воиничина побѣдоносца трьпѣлива и блгосрьда добла и храбра въ судохъ неуклонна ярма правдѣ сьи и гетскыя смѣри непрѣклонныя выя на ефратскыихъ струяхъ нарѳѣн от конѣцъ земли до конца земли въскорѣ прѣходитъ и полѣ тамо сущаа сътворивъ тѣлесы настлана добропобѣдник побѣдителная празднуя. сьи съпострадуаше съ страждущими болѣше съ недугующими странныхъ милуаше. дроугы оутѣшаа безъзлобивъ и трьпѣше въсѣко поношеніе“ (67); „истрьгъ мечь и земя сихъ тѣлесы ако снопіемъ. прикрывъ и истекшими крьвми езера съставль“ (125); „грьчьстіи же кони напоишася водъ ефратскыихъ“ (119)[1]; „сіааху же шлемове и щитове зорѣахуся соулнцами“ (113 об.). Приводимъ эти мѣста по рукописи Московской Синодальной библіотеки № 38. Какъ въ Хронику Малалы входитъ обширная повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ—„Александрія“, такъ въ Хронику Манассіи входитъ Троянская исторія. Обѣ эти повѣсти мы разсмотримъ ниже въ отдѣлѣ переводныхъ повѣстей древняго періода русской литературы.

---

[1]) Терновскій: Изученіе византійской исторіи, 127 стр.: „Увидала Едесса Цимисхія; увидали поля ефратскія; ромейскій конь напился водъ Ефрата и всколебалъ воды ефратскія своимъ ржаніемъ и скаканіемъ. Увидалъ Цимисхія и Дунай и живущій близъ Истра скиѳъ; увидали, какъ онъ разбиваетъ полки, губитъ скиѳскихъ воеводъ, гонитъ и побѣждаетъ ихъ подобно льву, напавшему на круторебрыхъ быковъ и терзающему ихъ... (онъ былъ) животворною звѣздою денницею“.

Рядомъ съ хрониками и вызвавшими ихъ хронографами, развитіе которыхъ въ русской литературѣ относится къ XV—XVI вв., въ переводной славянорусской литературѣ видное мѣсто занимали сборники житій св. и сказанія о святыняхъ. Кромѣ отдѣльныхъ переводныхъ житій св., сохранившихся въ рукописяхъ XI—XII вв. мы имѣемъ древнѣйшіе памятники житійной литературы, въ видѣ сборниковъ церковнаго характера (Минеи, Прологи), монашескаго (Патерики), и друг.

Изъ древнѣйшихъ *Миней* XI—XII вв. до насъ дошли два сборника на мартъ мѣсяцъ (Супрасльская рукопись южнославянскаго происхожденія, состоящая изъ житій св. и церковныхъ словъ) и на май мѣсяцъ (Сборникъ Московскаго Успенскаго Собора XII в., также состоящій изъ житій и словъ, но уже съ славяно-русскими статьями о первоучителяхъ славянъ, о Борисѣ и Глѣбѣ). По своему высокому значенію для науки они изданы въ цѣломъ видѣ (Миклошичемъ и фотолитографически Супр. ркп., а сборникъ Москов. Усп. Соб. въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. 1899 г.). Слѣды древнѣйшихъ Миней открываютъ и въ позднѣйшихъ сборникахъ, напр. въ февральской, октябрьской и сентябрьской Минеяхъ древнѣйшаго состава. Повидимому, уже въ древности были переведены всѣ 12 мѣсяцевъ.

Большія житія св. не были удобны для церковнаго употребленія и не могли вмѣщаться въ чтеніяхъ на каждый день, какія давали сборники сокращенныхъ житій св., т. н. Синаксари (сборники, или собранія), а въ русской литературѣ *Прологи* (предисловія), названные такъ по предисловіямъ къ Синаксарямъ. Краткія житія св., составившія Прологи-Синаксари, возникли изъ накопившагося матеріала актовъ о мученикахъ, изъ житій св., изъ патериковъ. Въ концѣ X в. и въ началѣ XI в. въ византійской литературѣ существовали уже Минологій - житійный Мѣсяцесловъ, составленный при имп. Василіѣ Македонинѣ (975—1025) и два греческихъ Синаксаря, изъ которыхъ одинъ имѣлъ три обработки Петра, Иліи и Константина митр. Мокисійскаго, съ обширнымъ предисловіемъ — Προλογος'омъ. Отсюда возникъ и переводный славянскій Синаксарь-Прологъ. Древнѣйшіе списки Пролога, сохранившіеся и извѣстные по другимъ свѣдѣніямъ, восходятъ къ XIII в.: Хлудова, Типографскіе и др. Измѣненія Пролога на русской почвѣ выразились во внесеніи въ составъ его множества житій русскихъ святыхъ, затѣмъ статей русскаго происхожденія и наконецъ переводныхъ церковно-учительныхъ повѣстей и разсказовъ. Заглавія Пролога разно-

образны: „Книга нарицаемая Прологъ начинается мѣсяцемъ сентямбремъ до марта“ или „Прологъ еже нареченться сказание въ кратцѣ святыхъ пророкъ и апостолъ святыхъ мученикъ, святыхъ преподобныхъ отецъ Богу угожьшихъ мужъ и жонъ терпѣнья страсти исправленья от обою надесятью мѣсяцю яже съ Богомъ починаемъ“ (XIII в. Москов. Синод.) и пр. Чтенія по Синоксарю рекомендовались уже Студійскимъ уставомъ, по русскому списку XII в.; но въ монастырскомъ употребленіи рекомендовались болѣе Патерикъ, Лавсаикъ, Метафрастъ Логофетъ. Для насъ важны не столько вопросы о происхожденіи греческихъ синаксаріевъ или прологовъ, сколько вопросы о развитіи ихъ на русской почвѣ.

Ни одинъ сборникъ христіанско-поучительнаго направленія не оказалъ такого вліянія на древне-русскую литературу и народную словесность, какъ Прологъ. Между тѣмъ, кромѣ краткихъ житій русскихъ святыхъ, въ этомъ сборникѣ почти все содержаніе какъ житійнаго, такъ и повѣствовательнаго содержанія, относится къ переводной, библейской и общехристіанской литературѣ, даже съ апокрифическими подробностями. Изъ готовыхъ древнеславянскихъ переводовъ въ Прологъ вошли многія статьи: изъ Синайскаго Патерика, изъ житій Андрея Юродиваго, Іоанна Милостиваго и друг. Древнѣйшіе Прологи важны по житіямъ русскихъ святыхъ: изъ нихъ только мы узнаемъ о Кириллѣ Туровскомъ, какъ писателѣ, о погребеніи в. кн. Ольги и проч. Много интересныхъ подробностей мы находимъ и въ такихъ Проложныхъ житіяхъ, которыя совпадаютъ съ лѣтописными статьями, съ полными житіями другихъ русскихъ святыхъ.

Нѣкоторыя древнѣйшія редакціи житій сохранились въ Прологѣ и уже на основаніи ихъ развились позднѣйшія житія св., напримѣръ: Леонтія и Исаіи ростовскихъ. Уже въ древнѣйшихъ Прологахъ находимъ выдержки изъ такихъ интересныхъ памятниковъ, какъ житіе Варлаама и Іосафата (притчи и проч. помѣщаются въ ноябрьскихъ повѣстяхъ Пролога и въ апрѣлѣ). Самое же большее количество выдержекъ въ Прологѣ относится къ разсказамъ, заимствованнымъ изъ Патериковъ, или Отечниковъ. Несомнѣнно, подъ вліяніемъ Прологовъ развивалась и русская литература въ отдѣлѣ житій св., повѣстей, — какъ русская народная словесность—въ отдѣлѣ легендъ и духовныхъ стиховъ. Прологъ читали не только грамотные люди, но и внимавшіе чтенію въ церкви и въ монастыряхъ.

Впрочемъ въ послѣднихъ, какъ мы уже замѣтили, читали болѣе *Патерики*, напр. за трапезой въ теченіе всего великаго поста и въ другое время. Патерики или Отечники—египетскій, синайскій, скитскій, азбучный—соединяли сказанія о житіяхъ благочестивыхъ мужей и женъ аскетическаго направленія съ нравоучительными повѣстями и бесѣдами знаменитыхъ древнихъ подвижниковъ. Переводы ихъ съ греческаго въ славянорусской литературѣ появились очень рано. Нѣкоторые изслѣдователи Кирилло-Меѳодіевской литературы объясняютъ даже извѣстіе о переводѣ „отеческихъ книгъ“ въ томъ смыслѣ, что это были отечники-патерики. Во всякомъ случаѣ, Патерикъ Синайскій дошелъ до насъ въ русскомъ спискѣ XI—XII вв. (изданъ въ извлеченіяхъ Срезневскимъ въ Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ LXXXII), Скитскій патерикъ—въ спискѣ XIII в. Въ XVI в. по старымъ спискамъ были сдѣланы новые въ Великихъ Четьи-Минеяхъ митр. Макарія. Въ общемъ смыслѣ, безъ указанія на опредѣленный патерикъ ссылается Кіево-Печерскій патерикъ нѣсколько разъ: „якоже въ Патерицѣ написано“. Изслѣдователи и указали много посредственныхъ и непосредственныхъ отношеній переводныхъ патериковъ—къ Кіево-Печерскому, частію по соотвѣтствію монастырскаго быта, частію по повторенію подробностей, выраженій, а иногда и цѣлыхъ повѣствованій. Остановимся на содержаніи нѣкоторыхъ древнѣйшихъ переводовъ патериковъ, начиная съ *Лавсаика Палладія*, епископа Еленополійскаго (360—430). Этотъ Λαυσαϊκὸν—сказанія о египетскихъ монахахъ былъ написанъ по желанію византійскаго сановника Лавса. Въ предисловіи, какъ будто представляющемъ прототипъ для древнерусскихъ писателей, напр. для Нестора, Палладій такъ говоритъ о своемъ приступѣ къ труду (привожу въ новомъ русскомъ переводѣ съ греческаго): „я и необразованный языкомъ, и слегка только вкусившій духовнаго знанія, и недостойный описывать духовную жизнь святыхъ отцевъ, убоявшись важности порученія, превышающаго мои силы, не хотѣлъ было принять его, такъ какъ оно требуетъ и внѣшней мудрости и духовнаго вѣдѣнія, и проч. Въ Лавсаикѣ находятся двѣ большихъ біографіи Макарія Египетскаго и Макарія Александрійскаго. Въ житіи перваго разсказывается, между прочимъ, о превращеніи женщины въ лошадь и о возвращеніи по молитвѣ святого прежняго человѣческаго образа, объ исцѣленіи обжоры. Въ житіи Макарія Александрійскаго приводится тоже истязаніе плоти, преданной добровольно кусанію москитовъ и комаровъ, какому подвергъ себя преп. Ѳеодосій, по

житію Нестора. Въ этомъ же житіи приводится чудесный разсказъ о благодарной гіэнѣ, принесшей святому за исцѣленіе слѣпого дѣтеныша кожу большой овцы. Объ аввѣ Моисеѣ и Өеонѣ разсказывается такъ же, какъ и въ нашемъ Печерскомъ Патерикѣ, какъ молитвой они укротили шайки разбойниковъ и обратили ихъ на путь спасенія. Подробный разсказъ посвященъ отношеніямъ Антонія къ Павлу Препростому, побѣдившему уединеніе Антонія. Изложеніе Патерика отличается діалогической формой, ссылками на св. Писаніе. И самые разсказы о подвигахъ святыхъ тѣсно связаны съ ученіемъ и чудесами Евангелія. Изложеніе Лавсаика отличается отсутствіемъ системы, отрывочностью разсказовъ, большею частію очень краткихъ,—въ чемъ видятъ презрѣніе къ литературной формѣ. Такое же презрѣніе къ условіямъ свѣтской жизни выражается во внутреннемъ содержаніи Патерика: аскеты презираютъ чистоту тѣла и обстановки, истязаютъ себя трудомъ и мученіемъ тѣла, предавая его давленію природы, ея угрозамъ, но защищая чистоту души безстрастіемъ, бѣдностью, одиночествомъ. Всѣ мысли аскета устремлены къ загробной жизни, и разсказы изъ міра видѣній составляютъ поэтическую сторону патериковъ. Особеннымъ обиліемъ этихъ сказаній характеризуется житіе Макарія Александрійскаго IV вѣка, въ которомъ передаются повѣсти о разлученіи души съ тѣломъ.

Къ V же вѣку относится *Исторія Боголюбцевъ Θеодорита епископа Киркаго.* Въ предисловіи Θеодорита есть мѣсто, напоминающее начало извѣстнаго поученія Кирилла Туровскаго: „Тогда какъ поэты и историки описываютъ воинскіе подвиги, а трагики открыто изображаютъ тщательно скрываемыя несчастія и въ сочиненіяхъ увѣковѣчиваютъ ихъ память; а иные тратятъ рѣчи на смѣхотворства и забавныя шутки: не странно-ли было бы намъ оставлять безъ вниманія то, что мужи, которые въ смертномъ и страстномъ тѣлѣ явили безстрастіе и поревновали безплотнымъ, предаются забвенію“. Въ Патерикѣ Печерскомъ находимъ повторенія разсказовъ Θеодорита: о томъ, какъ авва подслушивалъ у дверей и ударялъ въ дверь рукою, если слышалъ безпорядки.

Слѣдующимъ патерикомъ, по времени появленія (въ началѣ VII в.), является *Синайскій Лимонарь,* Лугъ Духовный *Іоанна Мосха* (Λειμωνάριον, Λειμών), посвященный іерею Софронію, впослѣдствіи бывшему патріархомъ Іерусалимскимъ. Если отрывки другихъ патериковъ сохранились въ древнѣйшихъ сборникахъ славянорусской литературы, какъ то въ прологахъ и др., то Лимонарь, къ счастію,

дошелъ въ древнерусскомъ спискѣ XI—XII вв. Нельзя однако думать, что это и русскій переводъ. Несомнѣнно, что мы имѣемъ дѣло съ древнеболгарскимъ переводомъ. Приведу нѣкоторыя выдержки изъ этого памятника. Слово 37 о скоморохѣ, спасшемся, перешедшее въ Прологъ, извѣстное по сказкамъ и легендамъ (напр. у Садовникова Самарскія сказки) передается въ Синайскомъ Патерикѣ въ слѣдующемъ видѣ: „Скомрахъ бяше въ градѣ Тарьсѣ Киликиистѣмь именемь Вавула, тъ имяше двѣ женѣ имя единоїі Комиту, а другоїі Никоса живъїі скверьнѣи дѣлая яко же достоить дѣиствовати съ бѣсы единою же въниде въ церковь ти прилучися по божию строю чисти евангеліе въ то мѣсто идеже пишеться рекъше покаитеся приближилобося есть царствіе небесное и то слышавшю развьржеся емоу на коязнь и начя плакатися коряса самъ дѣлъ ради яже сътворилъ бяаше и абие шьдъ вънъ ис цьркъве и призъвавъ обѣ женимѣ свои рече къ нима вѣста како есмь ходилъ съ вама скверьньно обѣ тъчьно дьржя причьсти и ныня даю вама имѣніе еже ва(ма) бѣхъ и преже далъ даю же вама и мое вьсе имѣніе да раздѣлита равьно вьсе азъ бо оуже отъ дьньсьняго дьне идоу и отъмещюся вьсего и боудоу чьрноризьць онѣ же слышавъши то, яко единѣми оусты бѣ, отъвѣщаста емоу съ сльзами рекоущи дали при бечьстьи и при погыбели д(у)ш(ев)нѣи обьщиици тися бѣховѣ сътворимъ а нынѣ егда хощеши сътворити се богоугодьное дѣло то оставляеши ны ти единъ хощеши сътворити по истинѣ не оставиши наю нъ и при добрѣ дѣлѣ обьщиици ти боудевѣ то слышавъ скомрахъ абие самъ въ затворъ въниде и затворися въ единомь стълпѣ бѣднѣмь онѣже распродавъши вьсе имѣніе свое раздаяста нищимъ и въ чрьны ризы одѣстася и хызиноу сътворьши близь стп҃а (столпа) затвористася въ немь твьрдѣ того же самъ Иоанъ рече видѣхъ и бесѣдовахъ съ нимь и вельми бысть на пользоу моужь бо есть зѣло съмѣренъ рече и милостивъ и крѣпъкъ вьсячески“.

Большая часть словъ Синайскаго Патерика начинается съ указанія на лицо разсказавшаго или съ общеїі отмѣтки о повѣданіи. Кромѣ повѣстеїі въ Патерикѣ находятся изреченія старцевъ. Изложеніе этого Патерика отличается большимъ разнообразіемъ литературноїі формы и содержанія, сравнительно съ болѣе ранними Патериками: притчи, поучительные трактаты даже преданія поэзіи замѣняютъ старую сухость,—что соотвѣтствуетъ новому направленію аскетизма. Усилившееся монашество VII в. утратило грубость прежняго времени, но съ неїі и чистоту старыхъ нравовъ. Въ славяно-

русскихъ спискахъ Синайскаго Патерика заключается 336 повѣстей или словъ. Изъ чего уже можно заключить о разнообразіи этого Патерика, соединившаго въ своемъ содержаніи преданія отцовъ (какой-либо авва передаетъ разсказы прежняго аввы, или разсказываетъ о себѣ самомъ). Небезынтересно отмѣтить общеніе старцевъ съ міромъ животныхъ: левъ приходитъ къ аввѣ, показывая занозу въ лапѣ и освобожденный отъ занозы служитъ старцу, оплакиваетъ его (Герасима) смерть, пасетъ осла и верблюдовъ. У Мертваго моря въ монастырѣ жилъ такой оселъ, который самъ ходилъ за зельемъ, стучалъ въ вертоградъ, получалъ бремя и уходилъ. Левъ уступилъ дорогу старцу на узкой межѣ, обсаженной терновникомъ, посторонившись и стоя на вытяжку. Сказанія Печерскаго Патерика, сходныя съ сказаніями Синайскаго Лимонаря, отмѣчены Яковлевымъ въ изслѣдованіи о древне-кіевскихъ религіозныхъ сказаніяхъ. Таковы разсказы о смиреніи Ѳеодосія Печерскаго, уступившаго свое мѣсто возницѣ (приведемъ далѣе въ своемъ мѣстѣ), о безстрашіи съ печкой, изъ которой монахъ вышелъ невредимъ, и пр. Переводные Патерики, богатые разнообразнымъ повѣствовательнымъ матеріаломъ, оказали сильное вліяніе на русскую литературу и едва ли не меньшее на народную словесность, несмотря на свою краткость и сухость.

Скажемъ еще о нѣкоторыхъ другихъ сборникахъ полуисторическаго, полунаучнаго естествовѣднаго характера. Таковы Палеи Историческая и Толковая—христіанская топографія Козмы Индикоплова, Физіологъ, Пчела.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ компилятивныхъ памятниковъ древности является *Толковая Палея,* извѣстная по спискамъ, начиная съ XIV в. (Александро-Невскій пергаменный около половины XIV в.), 1406 г. (изданъ въ 1892—96 гг. „Палея Толковая по списку, сдѣланному въ г. Коломнѣ въ 1406 г. трудъ учениковъ Н. С. Тихонравова“, 2 вып.) и во множествѣ списковъ XVI—XVII вв. Большая часть списковъ имѣетъ заглавіе: „Сія книги бытія небеси и земли изложеніе иже во св. отца нашего Іоанна Златоустаго... о сотвореніи твари видимыя и невидимыя и о пришествіи Христовѣ и о воплощеніи его и о распятіи и о воскресеніи и о судѣ его и о законѣ и отверженіи жидовстѣмъ“. Заглавіе это прекрасно характеризуетъ Толковую Палею, въ которой отводится много мѣста въ началѣ толкованію „Бытія небеси и земли“, т. е. шести дней творенія, а затѣмъ почти всѣ избранныя мѣста изъ книгъ Моисея, Судей и Царствъ, съ нѣкоторыми дополненіями изъ другихъ книгъ,

толкуются въ прообразовательномъ значеніи по отношенію къ Новому Завѣту, съ постоянными обличеніями жидовина или іудеянина. Нѣкоторые списки продолжаются пророчествами Соломона о рождествѣ Христовѣ, о Іудѣ, о страсти и о крестѣ, о погибели жидовской, объ апостолахъ и наконецъ краткимъ толкованіемъ Филона, еп. Карѳагенскаго Пѣсни Пѣсней Соломона. Русскіе списки Толковой Палеи дѣлятся на двѣ редакціи. Въ древнѣйшей (10 списковъ, въ томъ числѣ Александро-Невскій XIV в., Коломенскій 1406 г., Кіевск. Почаев. XV в. и др.) редакціи нѣтъ слѣдующихъ статей, входящихъ во вторую редакцію (списокъ 1477 г., изданный Общ. Любителей Древней Письменности, 1892 г. № XCIII, трудночитаемое воспроизведеніе Синодальной рукописи): 1) о дочеряхъ Адама и о содѣяніи св. Троицы, 2) о слѣпцѣ Ламехѣ, 3) т. н. Откровеніе Авраама, 4) о Мелхиседекѣ. Все это статьи апокрифическаго содержанія, каковыми вообще характеризуется какъ Толковая Палея на Іудея, такъ и краткая, древнѣйшая историческая Палея, о которой скажемъ въ концѣ. Кромѣ упомянутыхъ апокрифовъ въ Толк. Палеѣ находимъ еще слѣдующіе: завѣты 12 патріарховъ, житіе Моисея, сказанія о Соломонѣ. Въ исторической Палеѣ число мелкихъ и крупныхъ апокрифовъ еще болѣе: погребеніе Авеля, Авраамъ и Мельхиседекъ, гостепріимство Авраама, Моисей, Самсонъ. Отлагая рѣчь объ апокрифахъ до особаго отдѣла, остановимся на другихъ вопросахъ, касающихся происхожденія и состава замѣчательнаго памятника. Греческаго оригинала Толковой Палеи до сихъ поръ не найдено; поэтому думаютъ, что этотъ сборникъ библейскихъ сказаній съ обличеніями жидовина, а отчасти и магометанина, явился въ древней Руси [1]). Ему предшествовали опыты Толковой Палеи изъ вопросо-отвѣтовъ блаж. Ѳеодорита Кирскаго. Шестодневы, апокрифы, толковыя статьи, полемическія сочиненія противъ іудеевъ — вотъ элементы, изъ которыхъ сложилась Толковая Палея, имѣвшая интересную судьбу въ древней Руси. Славянскій или русскій редакторъ составилъ этотъ сборникъ; но гдѣ и когда— остается открытымъ вопросомъ. Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ Толковой Палеи для ознакомленія съ ея изложеніемъ: „Богъ прежде всѣхъ вѣкъ, такъ начинается Т. П., ни начала имѣ ни конца,

[1]) Замѣчательно, что авторъ Толковой Палеи пользовался готовымъ спискомъ библейскихъ книгъ въ старомъ славянскомъ переводѣ, или вѣрнѣе въ древне-русской редакціи, какъ доказалъ это проф. Михайловъ (Варшавск. Унив. Изв. 1895 г.),—что указываетъ на конецъ XIII—начало XIV вѣка.

яко Богъ силенъ, первое створи ангелы своя ...впрашаю же азъ тебе о жидовине, почто Моисій и отъ ангелъ не нача писати" (это обличительно-укоризненное отношеніе къ жидовину проходитъ по всей Толковой Палеѣ); „мы же убо на предлежащее взвратимся, како, рече. владыка створимъ человѣка по образу нашему и по подобію, кому ли ты уподобляше образъ божій жидовине, о нем же Давидъ глаголетъ въ 50 псалмѣ" и пр.; „речеши ли, о жидовине, то не можаше ли богъ инако како спасти человѣчество; азъ же ти реку: ей можаше, но изволи адамово злонравіе исправити" (въ перечисленіи племенъ много замѣтокъ о славянахъ и русскихъ); „1-я рѣка Тигръ... 2-я Дунай, 3-я Днѣпръ, Деспа, Припѣть, Двина, Волховъ, Волга, яже течеть на востокъ въ часть Симову"; „1-й языкъ варяжскій, 2-й словѣньскъ, 3-ій чюдь" и проч.; „се написано исъ книгъ иже суть Іаковичи"; „смотри же, о Июдѣю, власти тоя и силы, не ту ли прообразова плотьское свое пришествіе Господь, еже ѣде яко человѣкь, аще убо бы Аврамъ вѣдалъ, яко Богъ есть глаголяй къ нему, палъ убо бы и убоялся"; „о дивное чюдо, о жидовьское безумье, како убо праотецъ вашъ Аврамъ 3 мужи видя и единемь именемь Господнемь зваше, да не разумѣеши ли окаянне, яко отець и сынъ и св. Духъ единемь именемъ звася"; „Послушайте же и вы оканьніи жидове, кому прообразовася Исаакъ, ида на жертву, не оному ли, о немь же пророчествова Исаія: яко на заколенье ведеся, яко агнецъ прямо стрегущему безгласенъ"; „Въписаніе завѣта Гадова о ненависти. Призва убо Гадъ сыны своя и рече"; „Написаніе завѣта Асирова о злобѣ и о доброумыи. Послушайте рече, чада Асирова отца своего"; „но мы прежереченому бытія притецѣмъ"; „но яко рекоша бытійскыя, створи же Моисій скынію". Замѣчательно слѣдующее мѣсто заключенія Толк. Палеи, повторяющееся у нашего древняго лѣтописца, у Нестора, и у митр. Иларіона: „ти же убо апостоли акы коло гремяще протекоша вселенную и акы молнія блистаніемь просвѣтиша языкы и нача вѣра крестьянская расти и крѣпитися, оканьный же дьяволъ узнавъ свою погибель плакашеся, имь же побѣжаемъ бываше отъ вѣрныхъ не токможе отъ мужь, но и отъ женъ и отъ дѣтищь" (Коломенская Палея 1406 г., II вып., 354 стр.). Тихонравовъ (Сочиненія 1898 г., I т.; 158—159 стр.) такъ характеризуетъ составъ древнѣйшей редакціи Толк. Палеи: „Толк. Палея недаромъ иногда называлась „Бытійскою книгою", разсказомъ о бытіи неба и земли (толкованіями средневѣковой богословской науки о мірѣ, животныхъ, людяхъ и пр.). За этой первою главою слѣдуетъ повѣствованіе о

„бытіи человѣчемъ“, ограничивающееся до потопа хронологическими и генеалогическими указаніями и потомъ уже переходящее къ болѣе строгому и плавному историческому разсказу. Обозначивши число лѣтъ отъ Адама до раздѣленія языкъ и слегка упомянувши объ Авраамѣ, Толк. Палея переходитъ къ разсказу о рожденіи Исава и Іакова и, почти непосредственно затѣмъ, о благословеніи ихъ отцомъ, останавливаясь особенно на символическомъ толкованіи этихъ событій. Къ послѣднему примыкаетъ исторія бѣгства Іакова къ Лавану, которая почти исключительно занята апокрифическимъ отъ лица Іакова разсказомъ о лѣствицѣ, видѣнной имъ во время сна на пути, и длиннымъ полемическо-символическимъ толкованіемъ этого видѣнія. За небольшимъ повѣствованіемъ о встрѣчѣ и примиреніи Іакова съ Исавомъ слѣдуетъ исторія Іосифа, изложенная довольно кратко и въ тѣхъ исключительно подробностяхъ, которыя допускали видѣть въ немъ символическое прообразованіе Христа. Обширное мѣсто въ Палеѣ занимаютъ разсказы о благословеніи Іаковомъ сыновей и „Завѣты 12 патріарховъ“, дополненные символическимъ толкованіемъ этихъ предсказаній. Все послѣдующее изложеніе ветхозавѣтной исторіи (отъ Моисея до Соломона) въ Толк. Палеѣ отличается меньшею самостоятельностію и ограничивается большею частію выдержками изъ Библіи: полемическія обличенія жидовина и символическія толкованія ветхозавѣтнаго содержанія попадаются въ этой части Палеи гораздо рѣже, а потомъ и совсѣмъ замолкаютъ“. Заимствованія изъ Палеи встрѣчаются, кромѣ лѣтописи, въ словахъ митр. Иларіона, митр. Никифора и Кирилла II Ростовскаго, о чемъ скажемъ еще въ своемъ мѣстѣ. Отъ Толковой Палеи слѣдуетъ отличать „Палею Историческую“, или т. н. „Книгу Бытія небеси и земли“ (издана А. Поповымъ въ 1881 г., въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс., кн. I), греческій источникъ которой извѣстенъ и изданъ въ „Сборникѣ памятниковъ Византійской литературы А. Васильева“ (Ученыя Записки Московск. Унив. 1893 г., отдѣлъ Историко-филологическій, вып. XI, стр. 188 и д.). Славяно-русскія рукописи Исторической Палеи начинаются съ XV в., отличаются болгаризмами въ языкѣ и содержатъ краткій историческій очеркъ ветхозавѣтной исторіи съ апокрифическими вставками, отъ начала міровданія до царствованія Давида включительно. Цитата изъ сочиненій Ѳеодора Студита указываетъ на время составленія Исторической Палеи—не ранѣе конца IX стол. Апокрифическія сказанія Исторической Палеи такъ же кратки, какъ и другія статьи, въ противоположность Палеѣ

Толковой. Въ славянскомъ текстѣ встрѣчаются дополненія противъ греческаго оригинала, напр.: „и видѣвше же ковчежецъ въ луцы (о Моисей)—τῇ θίβῃ ἐν τῷ ἕλει лучь бо сказается блатное мѣсто, идѣже тростіе“. Приведемъ слѣдующій апокрифическій эпизодъ изъ жизни Моисея: „Въ единъ же день приведенъ бысть Моисій предъ Фараономъ, не сущимъ съ нимъ вельможамъ его, дѣтя же сягши снятъ вѣнецъ съ главы царевы (въ греческомъ еще: ἐπέθηκεν τὴν κεφαλὴν τῷ Μωυσῇ, ὁ δὲ Μωσῆς ἄρας αὐτὸ κατεπάτησεν αὐτό. Καὶ ὠργίσθησαν οἱ μεγιστᾶνες τῷ φαραώ, ἐπὶ τοῦτο καὶ προσέταξε φαραὼ (ἀ)κουτίσαι τὸν Μωσῆν). И повелѣ Фараонъ метнути Моисея въ рѣку. Мудрый же нѣкто рече Фараонови: неправедно есть умертвити отроца се и рече къ царю, да принесуть камень многоцѣненъ и свѣщю горящю, да аще ся иметь камень, вѣдомо есть яко мудростію сътвори, и умертвимъ отрочя, аще ли восхититъ свѣщу, охабимся его. И се створше принесоша. и въсхити Моисій свѣщю и въложи въ уста своя и пріятъ конець языка своего и опалися и бысть свиблив͏ъ. И тако Моисей избавися отъ смерти“. Историческая Палея носитъ еще названіе „Очи палейныя“. Въ числѣ ея источниковъ важное мѣсто занимаютъ: Канонъ великій св. Андрея Критскаго (находящійся въ Тріоди Постной) и другіе каноны на праздники. Этими выдержками изъ поэтическихъ церковно-богослужебныхъ памятниковъ Палея такъ же оживляется, какъ слова проповѣдниковъ (напр. нашего Кирилла Туровскаго). Сравнивая палейные разсказы съ Библіей, мы видимъ сокращенія подробностей и перестановки. Все это, конечно, принадлежитъ греческому оригиналу и переведено славянскимъ переводчикомъ безъ справокъ съ славянскою Библіей. Апокрифическія подробности Исторической Палеи выражаются нерѣдко въ самыхъ мелкихъ чертахъ. Такъ въ разсказѣ о Самсонѣ, при обратной перестановкѣ библейскихъ подробностей, мы находимъ три мелкихъ прибавки: ангелъ является въ домъ отца Самсона въ то время, какъ Маной „оралъ ниву въ селѣ“, на главѣ Самсона было 7 волосъ, имѣвшихъ таинственную силу и отъ пьянства Самсонъ терпѣлъ несчастія. Въ переводѣ Исторической Палеи удержаны грецизмы.

Къ интереснымъ переводнымъ произведеніямъ древнерусской литературы относится христіанская топографія *Козмы Индикоплова*, писателя VI-го в., изъ Александріи, современника имп. Юстиніана. Послѣ путешествій по торговымъ дѣламъ въ Аравію и восточную Африку онъ жилъ въ Синайскомъ монастырѣ и писалъ въ 547—549 гг.

свою Χριστιανικὴ Τοπογραφία [1]), въ которой далъ свѣдѣнія и о многихъ мѣстахъ Азіи, какъ-то объ Индіи и Китаѣ. Это географическое сочиненіе представляетъ совершенно особенное явленіе: въ немъ географія въ широкомъ смыслѣ соединена съ богословіемъ. Такъ здѣсь много говорится о св. Писаніи, какъ лучшемъ и вѣрнѣйшемъ истолкованіи міра особенно съ точки зрѣнія Моисея. Съ самаго же начала труда авторъ выступаетъ противъ толкованій о шарообразности земли, считая это мнѣніе противнымъ христіанству. Защищая мнѣніе о плоскомъ видѣ земли, прикрѣпленной къ небу съ четырехъ угловъ и имѣющей какъ бы стѣну до неба, Козьма сравниваетъ землю съ Ноевымъ ковчегомъ, съ скиніей завѣта. Таковы же его свѣдѣнія о небѣ, на которомъ ангелы вращаютъ звѣзды и свѣдѣнія о индійскихъ животныхъ: единорогѣ, водномъ конѣ, и проч. Въ сочиненіи Козмы приводятся также и надписи Птоломея Евергета при описаніи Абиссиніи. До насъ дошли великолѣпныя греческія рукописи IX—X вв. со множествомъ миніатюръ. Наши русскіе списки XVI в. также снабжены миніатюрами. Но древность русскаго перевода, по всей вѣроятности, восходитъ къ XII—XIII вв., о чемъ свидѣтельствуютъ отрывки изъ Индикоплова въ Кормчей 1284 г., въ Софійскомъ сборникѣ XIV—XV вв.[2]). Полное заглавіе въ русскомъ переводѣ такое: „Книгы о Христѣ обнемлюща весь міръ Козмы нарицаемаго Индикоплова избраны отъ божественныхъ писаній благочестивымъ и повсюду славимымъ Киръ Козмою“. Русскій переводъ отличается отъ извѣстныхъ греческихъ списковъ дополненіями, впрочемъ болѣе относящимися къ толкованіямъ священнаго Писанія, чѣмъ къ какимъ либо географическимъ или естественнымъ свѣдѣніямъ. Все сочиненіе состоитъ изъ 12 словъ.

---

[1]) Κοσμᾶ Αἰγυπτίου μονάχου χριστιανικὴ τοπογραφία. См. Migne Curs. Patrolog., Series graeca. tom. 88. Славянскій переводъ изданъ И. Обществомъ Любителей Древней Письменности, 1886 г., LXXXVI: „Книга глаголемая Козмы Индикоплова“ (Четьи Минеи Макарія XVI в., Ундольскаго 2 списка и Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, по которому и воспроизведенъ фотографическій текстъ Общ.). Есть списки и въ другихъ библіотекахъ, напр. въ Кіевѣ.

[2]) Указываютъ, между прочимъ, на заимствованіе изъ Козьмы Индикоплова сказанія о вавилонскомъ столпѣ въ Палеѣ Толковой и въ начальной Лѣтописи. Въ такомъ случаѣ славянскій переводъ Индикоплова восходитъ къ еще болѣе древнему времени. Проф. Истринъ (Замѣчанія о Толковой Палеѣ 1897 г. Извѣстія Отд. Рус. яз. и Слов. Акад. Наукъ т. II. 1 кн., 181 стр. и др.) указываетъ отрывокъ изъ перевода Козьмы Индикоплова въ Архивномъ Хронографѣ XV в., списанномъ съ ркп. 1261 г.

Приводимъ заглавія словъ по русскому тексту: „1. Къ христіанствити оубо хотящимъ по внѣшнимъ же (т. е. поученіямъ язычниковъ о мірѣ и небѣ) кругловидно небо мнящимъ и прославляющимъ. 2. Положенія христіанска о образѣхъ и мѣстоположеніи всего міра отъ божественнаго писанія оуказъ имуща (здѣсь же приводятся географическія данныя); 3. Яко истинно есть и достовѣрно божественное писаніе и съгласно себѣ еже о немъ повѣдаемо ветхій же и новый завѣтъ назнаменуа и потребъными образы міра; 4. Главизна въскорѣ написаніе образомъ міра по божественному писанію круга и обратно поразумѣвати возвращеніе; 5. Въ нѣмъ же есть сѣни писаніе пророкъ и апостолъ согласіе съложено о величествіи солнца (здѣсь же заключительныя молитвы); 6. Къ Анастасію яко неразрушима суть небеса и о жилищѣ небеснѣмъ; 7. Въ пѣснь Іезикѣеву и о заходѣ солночномъ. 8. О теченіи звѣздъ; 9. Потребы отеческы приходяща ко всѣмъ списаніемъ; 10. (подобно предыд.); 11. О животныхъ индійскыхъ написаніе и сказаніе; 12. И еще ино слово знаменая яко мнози от внѣшьнихъ и ветхихъ списатель послоушествують началствію божественнаго писанія. еже Моисеом и пророки реченная. У Козмы находится также много апокрифическихъ подробностей.

„Физіологъ“ этотъ древній сборникъ свѣдѣній о животныхъ съ символическими толкованіями, составленный изъ разныхъ источниковъ II—III в. по Р. Х., былъ переведенъ также давно у южныхъ славянъ (у болгаръ), ранѣе XIII в. Это первая редакція славянскаго перевода физіолога; вторая редакція русская сохранилась въ спискахъ позднѣйшихъ XVI в. Физіологъ имѣлъ длинную исторію въ европейскихъ литературахъ и оказалъ вліяніе на народную словесность и искусство. Физіологическія вставки входили въ Толковую Палею. Приведемъ эти свѣдѣнія по труду Карнѣева. Какъ левъ, избѣгая охотника, заметаетъ слѣды хвостомъ, такъ и Давидовъ корень Спасъ покрылъ разумнѣи плеснѣ спрѣчь божество. Когда левъ спитъ въ пещерѣ своей, то бодрствуютъ его глаза, его вѣжди открыты; „якоже Соломонъ послушествуеть въ пѣснихъ глаголя: азъ сплю, а сердце ми бдить плотью бо господь мой на крестѣ успе, а божество его одесную отца бдяще, не вздремлеть бо не уснетъ храня Израиля“. Въ средневѣковыхъ миніатюрахъ и картинахъ духовнаго содержанія этотъ сюжетъ спящаго льва воспроизводится нерѣдко. Объ орлѣ разсказывается тоже, что и о Фениксѣ, хотя и о послѣднемъ разсказывается тоже самое, всѣмъ извѣстное преданіе. Въ Физіологѣ отражаются и мотивы животнаго

эпоса. Таково, напримѣръ, сказаніе о лисѣ: „О лисици. Фисилогъ рече о лисици, яко льстивъ ея животъ есть. аще взалчеть хотящи ясти и не обрящеть бохма ищеть вежа или плѣвьницю и ляжеть възнакаа в себе дшю влекущи и яко издохши лежить и мнящи птица яко умерла есть сядуть на ней клевати ея начнуть ти потомъ въскочить скоро похватить и снѣсть я“. Слѣдуетъ далѣе объясненіе этого мотива съ духовно-нравоучительнымъ выводомъ. О китѣ передается извѣстный разсказъ, уподобляющій его острову, введшему въ заблужденіе мореплавателей; далѣе, удивительное сопоставленіе съ злой женой и наконецъ сравненія съ пророками. Еще интереснѣе слѣдующее описаніе единорога, встрѣчающееся въ древней христіанской живописи: „О инорозѣ псаломъ глаголеть и възнесеться, яко инорогъ мой; Фисилогъ рече о инорозѣ яко сице имать естество малъ животъ есть подобенъ козляти кротокъ же зѣло не можеть приближитися к нему ловець, зане силенъ есть, единъ же рогъ имать посреди главы, то како убо ловять и; дѣвицю чисту повергуть пред нимъ и приползнеть к пазоусѣ дѣвици и персемъ и съсеть и ведеть его дѣвица в полату сію рѣчь приложите къ лицу Спасову: въздвиже бо рогъ спасенія нашего в домоу Давидовѣ отрока своего, не могоша ангельскія силы удержати его, но вселися въ чрево истиныя дѣвица Богородица Марія и слово плоть быс(ть) и вселися в ны“. Такъ же чудесны разсказы о слонѣ и друг.

Сборникъ, извѣстный въ древне-русской литературѣ, подъ именемъ *Пчелы*, въ спискахъ начиная съ XIV в., восходитъ, по всей вѣроятности, къ болѣе раннему времени, а по языку перевода можетъ считаться русскимъ, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія выраженія: тіунъ, нѣмець (=βάρβαρος), близокъ, конюхъ, лапти гусли, ларь, тавлеи. Въ византійской литературѣ существовало 3 выдающихся сборника, двѣ антологіи Антонія VII в., по прозвищу Мелисса-Пчела, отсюда названіе русскаго сборника (замѣчательно, что въ славяно-русской литературѣ имена авторовъ нерѣдко становились названіями сборниковъ сочиненій: Менандръ—сборникъ изреченій, Златоструя, Златоустъ и Максима Исповѣдника. Сводный сборникъ изъ этихъ изреченій составилъ 71 главу разныхъ словъ о добродѣтеляхъ и порокахъ, объ изреченіяхъ древности. Сюда входили и отрывки изъ св. Писанія, отцовъ Церкви и изъ древнихъ философовъ, поэтовъ, ораторовъ и пр. Изрѣдка встрѣчаются басни, разсказы, болѣе или менѣе обширные. Источниками являются: духовными - Библія, Патерикъ, Златоустъ, Лѣствичникъ, Василій

Великій; свѣтскими—Плутархъ, Сократъ, Ксенофонтъ, Аристотель, Епиктетъ, Менандръ, Еврипидъ, Демосфенъ, Иродотъ и др. Заглавія сборника очень обширны: „Книгы бчела рѣчи и мудрости отъ Евангелія и отъ Апостола и отъ св. мужъ и разумъ внѣшнихъ философъ“, или „Книга глаголемая Пчела избраніе душеполезныхъ вещей ветхаго и новаго завѣта, отъ св. Евангелія и отъ Апостола и отъ Притчей Соломонихъ и отъ книгъ Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и Іоанна Дамаскина, Григорія Нисскаго, Нила Великаго (Іоанна списателя Лѣствицы), Діонисія Ареопагитскаго, Ефрема Сирина, Исидора, епископа Испаленскаго, Исихія презвитера Іерусалимскаго и отъ главъ св. Макарія Скитскаго и отъ многихъ различныхъ древнихъ философъ“. Въ примѣръ басенъ приведемъ слѣдующую общеизвѣстную: „Волкъ видѣвъ пастуха ѣдущи чюжи овци отаи въ коучѣ и рече о колико бысте голкы съставили оже быхъ то я створилъ?“ Изъ Златоуста находимъ небезъинтересную выдержку: „Рцы ми, кто въ васъ домовь шед книгы взялъ крестьяньскыя въ роукоу и чтеніе челъ и испыталъ писаніе; никтоже можеть того изрещи. но тавлѣи и шахы въ многыхъ васъ обрѣтаеми сут, а книгъ ни въ кого же развѣ и въ малыхъ, но и ти таци же якоже и не имѣюще съгнувъше бо я и кладоуть въ лари, а въсе имъ тъщаніе на харатийную тонкоту и на грамотную красоту, а о чтеньи не пекуться не душевныя пользы ради стяжають книгы. но хотяще явити богатьство свое и гордость. Тако преумножися въ нихъ тъщеславіе, а никтоже слыша рькуща вѣмъ книжную силу“. О времени перевода Пчелы можетъ свидѣтельствовать интересное мѣсто въ Лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго, подъ 1186 г.: „Всеволодъ же не въсхотѣ мира ихъ, якоже въ Бчелѣ глаголеть: брань славна луче мира студна, съ лживымъ же миромъ живоуще велію пакость землямъ творять“.

Въ сборникѣ, содержащемъ древнѣйшій текстъ Пчелы, находятся еще подобныя же флорилегіи (γνῶμαι μονόστιχοι): изреченія Іисуса сына Сирахова, изреченія изъ Премудрости Соломона, Мудрость Менандра Мудраго, Словца избрана св. Исихія пресвитера іерусалимскаго и Разуми сложенія Варнавы неподобнаго. Приведемъ нѣкоторыя изреченія изъ названныхъ памятниковъ. Изъ Мудрости Менандра Мудраго (Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften in Wien, CXXVI т., 1892 г., Jagič: Die Menander-sentenzen): „жена лукава въ дому аки зла вьялица; живый блюдися далнего аки ближнее вида; мечь язвить тѣло, а слово зло умъ; съ тугою есть старцу въ дому работати; сладко есть изъдалеча моря позоро-

вати; мнози сани (змѣи) всегда суть со вредомъ". Небольшое собраніе изрѣченій, говоритъ проф. Семеновъ (Греческій источникъ Изреченій Исихія. Ж. М. Н. Пр. 1893), извѣстное подъ названіемъ наказаніе или словца избрана и приписываемое, по книжному преданію, св. Исихію, пресвитеру іерусалимскому, появляется въ русской письменности вмѣстѣ съ древнѣйшими памятниками переводной славянской литературы. Свидѣтелемъ служитъ Святославовъ Изборникъ 1076 г., гдѣ Исихій читается въ количествѣ 103 изреченій. Рано попадаютъ Словца избранна и въ списки Пчелы, въ составъ дополнительныхъ статей... Изъ сличенія греческаго текста съ обѣими редакціями русскаго Исихія оказывается что ни та, ни другая не представляютъ полнаго перевода Ниловыхъ статей—(св. Нила Синайскаго † 450 г.). Можно, однако, думать, что въ первоначальномъ своемъ видѣ переводъ былъ полнѣе. Нѣкоторыя указанія на это, повидимому, даетъ извѣстный сербскій сборникъ попа Драголя, XIII—XIV в., въ которомъ, между прочимъ, читается небольшой отрывокъ гномологія св. Нила (въ русскомъ текстѣ 1076 г. этому отрывку есть соотвѣтствія). Здѣсь мы находимъ нѣсколько сентенцій, опущенныхъ въ извѣстныхъ намъ русскихъ спискахъ. Сопоставленіе русскаго текста съ греческимъ даетъ, кромѣ того, возможность обнаружить, что въ наказаніи Исихія (Святославовъ Изборникъ 1076 г.) не достаетъ конца: изреченія 104—112 (см. Памятники Древней Письменности, XCII, стр. 25) представляютъ собою отрывокъ изъ книги Премудрости Іисуса сына Сирахова". Изреченія Исихія и Варнавы по русскимъ спискамъ изданы проф. Семеновымъ (Спб. 1892 г.—Памятники Древней Письменности XCII), изъ которыхъ мы приведемъ слѣдующія, изданныя „Разуми сложенія Варнавы неподобнаго, числомъ 124": „Дѣти ѣдна (лѣтнѣ дна?) бѣгають, а грѣшници труда спасенаго; Бчела на звонъ летить, а мудрый на полезныя словеса течеть; Царь есть акы магыстръ вся привлачить къ собѣ: овы любовію, овы же казнью; ни волкъ волка, ни зьмія зміи не губить, но человѣкъ человѣка погубляеть; пьяный горѣй есть: онъ бо на новъ мѣсяць бѣситься, а сей самохотью по вся дни бѣситься; волка горѣй есть клеветникъ; волкъ бо точію мясо ищеть, а клеветникъ весь родъ погубить".

Въ заключеніе обзора переводныхъ сборниковъ нельзя не замѣтить о возникновеніи въ славянской и русской литературахъ компиляцій и энциклопедій, въ родѣ извѣстнаго Архивнаго сборника, въ спискѣ XV в. съ оригинала XIII в., возводимаго въ настоящее время къ X в. Содержаніе этого сборника представляетъ

соединеніе книгъ Ветхаго Завѣта съ хрониками Малалы, съ Александріей, съ апокрифами и т. п. Другіе сборники истолковательнаго характера, въ родѣ сочиненій Ѳеодорита Кирскаго и другихъ могли являться и на русской почвѣ, какъ Изборникъ XIII в. И. Публичной библ., какъ сборникъ толкованій митр. Климента XII в. Къ древней же порѣ могли относиться уже и словари также энциклопедическаго характера, какъ извѣстный словарь XIII в., находящійся при Кормчей и заключающій истолкованіе именъ въ Библіи и въ другихъ книгахъ.

Остановимся теперь на обширной славяно-русской *апокрифической литературѣ*. Съ древнѣйшихъ временъ она имѣла длинную литературную исторію. Ея значеніе едва ли не превосходитъ многія явленія средневѣковой литературы вообще. Начиная съ церкви до устныхъ преданій, повѣрій народа апокрифическая литература захватила множество сторонъ средневѣковой жизни: искусство, поэзію, вѣрованія и проч. Судьба памятниковъ апокрифической литературы была неодинакова.

Мѣстомъ происхожденія апокрифовъ являются Востокъ, Малая Азія, Египетъ и Греція. Здѣсь уже въ первые вѣка христіанства, особенно во II—III вв., явились письменные памятники апокрифической литературы: евангелія или правильнѣе псевдоевангелія, посланія и странствованія апостоловъ, житія св., присоединившіяся къ прежнимъ ветхозавѣтнымъ апокрифамъ евреевъ. Въ самой Библіи, какъ извѣстно, есть нѣсколько книгъ спорныхъ, въ родѣ исторіи Товита, Ездры, Юдиѳи, и др. Повѣствовательная литература Востока соединилась съ библейскими сказаніями объ Адамѣ и Евѣ, ихъ дѣтяхъ, о патріархахъ, о Моисеѣ, судьяхъ, особенно о царѣ Соломонѣ, даже о пророкахъ, и рядомъ съ Библіей составились ветхозавѣтные апокрифы самаго фантастическаго содержанія. Они распространились затѣмъ не только въ греческой письменности, но и въ коптской, еѳіопской, еврейской, арабской, армянской и проч. Латинскій Западъ воспринялъ и развилъ ихъ въ блестящихъ средневѣковыхъ поэмахъ, въ живописи и вообще въ искусствѣ. Южные славяне получили апокрифы въ переводахъ съ греческаго; но, кажется, восприняли ихъ горячо и развили въ особой окраскѣ т. н. богомильской ереси. Противо-церковное движеніе, выразившееся въ славянскомъ богомильствѣ, проникнувшемъ на Западъ, подъ названіемъ катаровъ, патареновъ, основано было на восточномъ еретичествѣ манихеевъ. Развивши своеобразную обрядность и вѣрованія богомилы придали таинственное значеніе апокрифамъ, особенно

т. п. Откровенію Іоанна Богослова, сказаніямъ о крестномъ древѣ и др. Можетъ быть, и представители оффиціальной церковности въ борьбѣ съ еретиками прибѣгали къ полемическимъ пріемамъ обвиненія своихъ противниковъ въ увлеченіи апокрифами, вообще ложной, неканонической письменностью, отчего это мнѣніе проникло и въ науку (теоріи Ягича, Веселовскаго, и друг.). Апокрифы распространялись различными путями: и въ устныхъ сказаніяхъ, восходящихъ къ глубокой древности, и въ письменныхъ памятникахъ, извѣстныхъ со 2 вѣка до Р. Хр. (книга Эноха). Нерѣдко происходило раздробленіе цѣльныхъ апокрифовъ на отдѣльныя сказанія, которыя вновь образовывали новыя соединенія сказаній. Присутствіе среди нихъ церковныхъ преданій давало апокрифамъ доступъ въ сочиненія христіанскихъ апологетовъ (Оригенъ) и истолкователей св. книгъ, еще болѣе въ сочиненіяхъ историковъ и лѣтописцевъ. У славянъ апокрифы съ давнихъ поръ являются въ переводныхъ Палеяхъ, Хроникахъ, о чемъ мы говорили выше.

Неизвѣстно съ точностью, какъ рано апокрифы (ἀπόκρυφα — сокровенныя книги) или отреченныя (ἀπόρρητα), ложныя, отметныя писанія обратили на себя вниманіе церковныхъ запрещеній. Но уже въ 59 правилѣ Лаодикійскаго Собора IV в. находимъ указаніе на таковыя книги—τοὺς ἰδιωτικοὺς ψαλμούς. Въ VIII—X вв. индексъ запрещенныхъ книгъ въ греческой литературѣ существовалъ въ значительномъ объемѣ и также встрѣчался въ латинской письменности. Въ славяно-русской литературѣ краткій списокъ ложныхъ книгъ, встрѣчаемъ уже въ Изборникѣ 1073 г., подъ именемъ „сокровенныхъ“. Въ Погодинскомъ Номоканонѣ XIV в. и въ Кормчихъ XV—XVI вв. находимъ 59 правило Лаодикійскаго собора съ цѣлымъ спискомъ апокрифовъ. По всей вѣроятности, это прибавка славянскаго редактора Кормчей, такъ какъ въ греческомъ текстѣ упоминаются только ложносоставленные псалмы. Въ этой южнославянской редакціи 59 правила Лаодик. соб. встрѣчаемъ и описанія апокрифовъ: „Паралипомена Іереміина о плѣненьи“, что орла слали въ Вавилонъ съ грамотою къ Іереміи; житіе ап. Петра, что рыбы по суху ходили; недугъ естественный, его же трясавицами именують, якоже баеть Еремія попъ болгарскый, глаголеть бо оканный сице, яко сѣдьщу святому отцу Сисѣнью на горѣ Синайстѣй и ангела Сихаила именуеть, еже на соблазнъ многѣмъ, и седмь трясавицъ Иродовы дщери баснывствовавше злый иже на евангелисты, и не единъ же отъ седми именовавше, но едина испрошьшія главу предтечеву усѣщи, о ней же явѣ есть, яко Филипова дщи бѣ, а не Иро-

дова, великый же Сисѣній патріархъ Костянтиня града, въ своихъ ему словесѣхъ глаголаше сице, не мните мя оного Сисѣнія лживаго, егоже написа Іеремія попъ, неразумнымъ на соблазнъ о древѣ крестнѣмъ извѣщеніе св. Троиця и о Господѣ нашемь Іс. Хр., како въ попы ставленъ тоже Іеремія что си изолга... Суть же ложная писанія, яко се худыи сіи номаканонци у поповъ по молитвеникомъ и лживыи молитвы еже о трясавицахъ". Въ XIV-же вѣкѣ встрѣчаются указанія на отреченныя сочиненія гадательнаго и астрологическаго характера: „громникъ или колядникъ чтець, илп метаньеимець, или розгомечецъ, или въ стрѣчювѣруя" (Паисіевскій сборн.). Такъ и въ греческихъ индексахъ, находимъ указанія на βροντολόγια, σεληνοδρόμια, ἡ καλανδόλογια Масса указаній на гадательныя, астрологическія и вообще апокрифическія сочиненія находится въ т. н. Кипріановомъ молитвиннпкѣ отъ начала XV в. Здѣсь осуждаются мученія св. Георгія, Никиты, Евпатія „что седмижды умеръ, а седмью ожилъ", бесѣда трехъ святителей, масса всякихъ примѣтъ и связанныхъ съ ними еретическихъ книгъ: Рафлей, Трепетниковъ, Сносудцевъ, Сонниковъ, Путниковъ, и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ не разысканы до сихъ поръ. Позднѣйшіе индексы включали и другія примѣты. Здѣсь уже можно отличать наплывъ новыхъ сочиненій подобнаго рода, переведенныхъ съ латинскаго, нѣмецкаго, польскаго вмѣстѣ съ лѣчебниками, травниками, Аристотелевыми вратами, и проч.

Припомнимъ сочиненія и сборники, въ которыхъ встрѣчаются апокрифы съ древнѣйшихъ временъ въ славяно-русской литературѣ: древняя русская лѣтопись, описанія паломничествъ Даніила, Антонія и др., Прологи, Минеи, Палеи, Хронографы, сборники изъ цѣлаго ряда апокрифовъ—южнославянскіе и русскіе, сборники поученій, слѣдованныя псалтири и т. п. Въ XVI в. митр. Макарій вноситъ много апокрифовъ въ свои Великія Четьи-Минеи. Въ древней Руси до появленія ересей стригольниковъ и жидовствующихъ мы находимъ только слабыя указанія на борьбу съ отреченными книгами. Въ правилахъ XII в. Кирика, Иліи и Саввы находимъ указаніе на т. н. ложные или худые номокануици: „прочтохъ же ему (епископу Нифонту † 1156 г.) изъ нѣкоторой заповѣди... а ты книги годяться съжечи" (рѣчь идетъ о вліяніи дней и часовъ на судьбу новорожденнаго и человѣка). Въ святительскомъ поученіи новопоставленному священнику, конца XIII в. читаемъ: „ни почитай възбраненыхъ книгъ, или доселѣ чему научился еси невѣдомая словеса чары и лечьбы, кобп или игры (дивы) творя, басній звягомыхъ.

лѣкы и шахматы" (Рус. Ист. Библ. VI т., 104 стр.). „Ложнихъ книгъ не почитайте", говорится въ епископскомъ поученіи собору епархіальнаго духовенства XIII в. русскаго сочиненія (тамъ же стр. 114).

Въ XII в. въ Смоленскѣ, повидимому, апокрифы нашли и распространеніе и обличеніе, какъ свидѣтельствуютъ посланія митр. Климента къ пресвитеру Ѳомѣ, житіе Авраамія Смоленскаго, котораго упрекали въ чтеніи „голубинныхъ книгъ", въ свидѣтельствахъ лѣтописи XI—XII вв. о богомильскихъ заблужденіяхъ на Руси (разсказы о волхвахъ, которымъ приписываются богомильскія сказанія о сотвореніи міра, и о еретикѣ).

Уже въ древнее время славяно-русская литература владѣла множествомъ переводныхъ апокрифовъ, о чемъ свидѣтельствуютъ указанія индексовъ, обличительныхъ памятниковъ, заимствованія въ древне-русской литературѣ (въ лѣтописи, въ Поученіи Владиміра Мономаха), древнѣйшіе списки апокрифовъ и, наконецъ, особенности языка и письма въ позднѣйшихъ спискахъ славяно-русскихъ отреченныхъ книгъ. Индексы, описывая содержаніе книгъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о ихъ популярности. Обличенія ереси богомиловъ (пресвитера Козмы и др.) отмѣчаютъ апокрифическія сочиненія. Уже древнѣйшая лѣтопись внесла на свои первыя страницы, вѣроятно, подъ вліяніемъ воскрешенія языческихъ преданій и апокрифы о твореніи міра, о дѣтяхъ первыхъ людей, о столпотвореніи. Подъ 986 г. передается подробная проповѣдь греческаго миссіонера, въ которой находится нѣсколько апокрифическихъ сказаній объ Адамѣ и Евѣ, о погребеніи Авеля (какъ птичка, зарывъ другую мертвую въ землю, научила первыхъ людей погребенію), о столпотвореніи, заимствованныхъ изъ Палеи. Еще любопытнѣе раскрытое недавно отношеніе лѣтописнаго сказанія 1071 г. о преніи Яна съ волхвами о міротвореніи къ богомильскимъ сказаніямъ о Сатанаилѣ и созданіи міра: „мывся Богъ въ мовьници и вьспотився, отерься вѣхтемь и сверже съ небеси на землю; и роспрѣся Сотона съ Богомъ, кому въ немь сотворити человѣка? И сотвори дьяволъ человѣка, а богъ душю вонь вложи; тѣмже аще умреть человѣкъ, в землю идеть, а душа къ Богу„ (Мочульскій: Апокрифическое сказаніе о созданіи міра, 1896 г.).

Большая часть апокрифовъ въ славяно-русской литературѣ дошла до насъ въ спискахъ XVI вѣка, отчасти XV и XIV и очень немногіе списки ихъ восходятъ къ XII—XIII вв. Таковы списки XII в. Хожденія Богородицы по мукамъ, Повѣсть о плѣненіи Іерусалима, Слово Меѳодія Патарскаго, Исаіино Видѣніе, въ спискахъ

XIII в. Сказаніе Афродитіана о чудѣ въ Персидской землѣ, Смерть Авраама; въ спискахъ XIV в. Завѣты XII патріарховъ, Откровеніе Авраама: о Макаріи Римскомъ и друг. Однако, нельзя думать, что и болѣе поздніе списки апокрифовъ не относятся къ древности. Мы уже упоминали выше, что такіе старинные переводные сборники, какъ греческіе хронографы, палеи содержатъ множество апокрифическихъ сказаній. Такимъ образомъ, древность проникновенія апокрифовъ въ русскую литературу внѣ всякаго сомнѣнія. Отсюда понятно и ихъ вліяніе на оригинальную русскую литературу древнѣйшаго періода, о чемъ еще будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Въ лѣтописяхъ, въ поученіяхъ и посланіяхъ митр. Иларіона, Владиміра Мономаха, въ житіяхъ русскихъ святыхъ (Бориса и Глѣба) мы находимъ слѣды пользованія апокрифами и сочиненіями, связанными съ ними. Паломники къ св. мѣстамъ, какъ Даніилъ, Антоній и друг. собирали массу апокрифическихъ сказаній, свидѣтельствовали объ ихъ устномъ распространеніи, сами по себѣ вносили новыя апокрифическія сказанія въ обращеніе. Если въ древней Руси существовали дружины каликъ перехожихъ, если двигались въ Царьградъ и Іерусалимъ цѣлыя массы странниковъ, а возвращавшіяся толпы расходились по Руси, пользовались въ качествѣ церковныхъ людей покровительствомъ церкви, то естественно предположить зарожденіе духовныхъ стиховъ уже въ древнюю пору, рядомъ съ былинами и обрядными пѣснями. Прозаическая легенда и духовная пѣсня соединяли библейскія сказанія, церковныя преданія съ апокрифическими разсказами. Богатыри-калики, нищая братія поютъ припѣвки отъ Царяграда, съ Еросалима, изъ-за синя моря. Въ своихъ дорожныхъ сумкахъ они носятъ книги, нѣкоторыя такія, что, по словамъ писателя XII в., годятся сжечи, книги апокрифическія, запретныя. Любимый ихъ стихъ „Голубиная книга"— вся составленная изъ апокрифовъ. Убогіе люди поютъ славу святымъ, величаютъ Христа и обильно пользуются при этомъ апокрифами. Ихъ постоянныя задушевныя желанія увидѣть Ерусалимъ-градъ, искупаться въ Ердань-рѣкѣ, приложиться ко гробу Господню. Пѣніе ихъ въ былинахъ изображается въ чудовищныхъ чертахъ древности: отъ голосовъ зычныхъ попадали верхи съ теремовъ кіевскихъ, люди обезумѣли отъ страха. По пути въ Царьградъ русскіе калики заходили въ Херсонесъ, въ Крымъ и слышали знаменитыя легенды о мощахъ папы Климента:

Какъ изъ славнаго Окіянъ-моря,
Выставала (выходила) изъ моря церковь соборная

Съ двѣнадцатью со престолами
Святу Клименту, папы Римскому...
Изъ той изъ церкви, изъ соборной,
Изъ соборной, изъ богомольной
Выходила Царица Небесная.
(Безсоновъ, Калики 2 вып., 361—362).

Что на Кіенѣ-морѣ
Выходить разъ въ годъ церква соборная,
Что во той во церкви во соборныя
Стоитъ гробница на воздухахъ бѣла каменна,
Въ той гробницѣ бѣлокаменной
Почиваютъ мощи пáпа Римскаго —
Папа Римскаго, славá Клементьева.
(Стихи о Голубиной книгѣ).

Въ греческомъ описаніи чуда „св. священномученика Ефрема, епископа Херсонскаго о совершившемся надъ отрокомъ чудѣ священномученика и апостола Климента“ (Записки И. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. IX, 137 стр. и д.) читаемъ: „Неизмѣримое море утихло и отступило назадъ, такъ что глубину сдѣлало для благочестивыхъ проходимою почти на три тысячи шаговъ. Когда они вошли, то нашли комнату въ видѣ мраморнаго храма, и тамъ, въ каменномъ гробѣ, лежащія всесвятыя и славныя мощи мученика. Когда же они хотѣли взять всесвятыя мощи изъ глубины, то святый, явившись имъ ночью, сказалъ слѣдующее: „Брать мощи вы не думайте (въ замѣнъ того), я даю вамъ вотъ какую благодать, каждый годъ, въ день моего страданія въ продолженіи 7 дней глубина (моря) будетъ открываться и вы до этого мѣста будете ходить по суху“. Слово стало дѣломъ; съ того времени и донынѣ богодѣйственно совершается это великое и дивное чудо“... „Они вошли въ богозданный (εἰς τὸν ἐν τῷ βυθῷ θεόδμητον ἐκεῖνον ναὸν εἰσῄεσαν) во глубинѣ храмъ“. Тоже передается и въ греческомъ „Мученіи св. Климента“ (Записки И. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. X, стр. 158 и д.): „И прошедши множество христіанъ по сухому дну... находятъ скалу, подобную храму, устроенную твоею неизрѣченною мудростію и лежащее (въ углубленіи скалы) свѣтлое тѣло мученика“. Замѣтимъ, что чудо св. Климента съ отрокомъ составляетъ прототипъ для извѣстнаго чуда св. Николая въ Кіевѣ въ XI в. (спасеніе утопшаго дитяти, перенесеннаго въ храмъ св. Софіи). Сказанія о св. Климентѣ были извѣстны въ

древней Руси. И калики перехожіе пѣли о чудесахъ св. Климента, мощи котораго еще в. кн. Владиміръ св. принесъ изъ Корсуня въ Кіевъ (древнее житіе св. Владиміра и др.). Устная легенда о чудномъ спасеніи дитяти нашла живое отраженіе въ Кіевѣ, въ извѣстномъ чудѣ св. Николая въ Софійскомъ соборѣ. Апокрифическій плачъ Адама приводитъ въ XIV в. новгородскій еп. Василій; въ лѣтописяхъ XIV—XV вв. духовные стихи являются въ отрывочныхъ изреченіяхъ о Мамаѣ, о Димитріѣ и проч. Если несомнѣнно въ старину существованіе пѣвцовъ и разсказчиковъ духовныхъ сказаній, то также несомнѣнно смѣшеніе строго-христіанскихъ и апокрифическихъ, сказочныхъ подробностей не только въ устной и письменной словесности, но и въ искусствѣ. Даже остатки знаменитыхъ соборовъ въ Кіевѣ, Новгородѣ, Владимірѣ, въ Ладогѣ даютъ достаточно данныхъ для заключенія объ апокрифическихъ элементахъ въ христіанскомъ искусствѣ древней Руси. Изображенія чудесъ св. Георгія, его мученій, Благовѣщенія у колодца, рождества Богородицы, тератологическія украшенія—все это элементы легенды и апокрифа, вторгавшіеся въ церковныя преданія. Правда, что мы не имѣемъ самостоятельныхъ проявленій въ древней Руси апокрифическихъ преданій, борьбы изъ-за нихъ, ихъ претворенія въ поэзіи, отмѣченной литературой, тѣмъ не менѣе многочисленные списки апокрифовъ сохранили свидѣтельства объ ихъ популярности, а позднѣйшія русскія редакціи объ ихъ внутреннемъ развитіи.

Дѣлая обзоръ содержанія древне-русскихъ апокрифовъ, мы должны оговорить трудность этого дѣла, въ виду отсутствія многихъ древнихъ списковъ, въ виду разсѣянности преданій по различнымъ памятникамъ древнимъ и позднимъ. Придерживаясь памятниковъ древней славяно-русской литературы мы сдѣлаемъ обзоръ апокрифовъ, исключая нѣкоторыхъ, связанныхъ съ древнерусской литературой (напр. ниже о Хожденіи Даніила Паломника). Въ виду особеннаго интереса древнѣйшихъ легендарныхъ и апокрифическихъ сказаній мы начнемъ съ отрывковъ, попавшихъ въ лѣтопись, Палеи, хронографы. Таковъ апокрифъ о сотвореніи міра, о Сатанаилѣ и его паденіи. Уже въ рѣчи греческаго философа къ Владиміру разсказывается о Сатанаилѣ—противникѣ Бога, который задумалъ: „Сниду на землю и пріиму землю и поставлю престолъ свой на облацѣхъ сѣверьскихъ и буду подобенъ Богу. И ту абье сверже и съ небеси, а по немъ спадоша иже бѣша подъ нимъ чинъ десятый“. Затѣмъ, подъ 1071 г., разсказывается въ лѣтописи о созданіи человѣка: „Како есть сотворенъ человѣкъ?... мывся Богъ

въ мовьници и вьспотився, отерься вѣхтемъ, и свѣрже с небеси на землю; и распрѣся Сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити человѣка? и створи дьяволъ человѣка, а Богъ душу в онь вложи: тѣмже аще умреть человѣкъ, в землю идеть, а душа къ Богу" (этотъ Сотона отъ ангелъ свѣрженъ бысть за величаніе и есть въ безднѣ Антихристъ). Въ этихъ сказаніяхъ отразились черты манихейско-павликіанскаго еретичества, выразившагося въ болгарскомъ богомильскомъ дуализмѣ, отчасти же отразились сказанія Толковой Палеи (о Сатанаилѣ). Свидѣтельства Козмы пресвитера о богомилахъ и друг. указываютъ на ясно выраженное вѣрованіе объ участіи Сатанаила въ твореніи міра и человѣка. Апокрифическія слова „о зачатіи неба и земли, отъ сколькихъ частей Адамъ созданъ" также подтверждаютъ распространенность этого вѣрованія, проникшаго въ народныя сказанія Европы и Азіи. Иногда Сатанаилъ въ этихъ разсказахъ принимаетъ видъ птицы (гоголя) или животнаго. Есть несомнѣнный богомильскій апокрифъ Откровеніе Іоанна Liber Johannis, въ которомъ находится и сказаніе о сотвореніи міра. Интересная статья отъ сколькихъ частей Адамъ созданъ, связанная съ Бесѣдой трехъ святителей и народнымъ стихомъ о Голубиной книгѣ, разсказываетъ о 8 частяхъ человѣческаго тѣла: плоть отъ земли, кровь отъ росы (отъ моря), кости отъ камня, мысли отъ ангельской борзости (отъ облакъ ср. Слово о П. И. „летая умомъ подъ облакы"), жилы и волосы отъ травы, душа отъ вѣтра, и проч. Какъ эти, такъ и другія апокрифическія сказанія объ Адамѣ и Евѣ отразились въ многочисленныхъ Вопросахъ и Отвѣтахъ, переведенныхъ съ греческаго и дополненныхъ на славяно-русской почвѣ.

Сказанія о дѣтяхъ Адама и Евы особенно о Каинѣ и Авелѣ встрѣчаются въ древне-русской письменности. Въ лѣтописи, въ рѣчи греческаго философа в. кн. Владиміру, разсказывается слѣдующее: „и рече Каинъ къ Авѣлю: изидевѣ на полѣ. и яко изидоша въста Каинъ и хотяше убити и, и не умѣяше убити; и рече ему Сотона: возми камень и удари и. И уби Авѣля. Адамъ и Евга... плакаетася по Авѣлѣ лѣтъ 30, и не съгни тѣло его и не умѣста погрести его; и повелѣньемъ Божіимъ птенца два прилетѣста, единъ ею умре, и единъ же ископа яму, вложи умѣршаго, и погребе. Видѣвше же се Адамъ и Евга, ископаста ему яму, и вложиста Авѣлю и погребоста и съ плачемъ". Въ Толковой Палеѣ по Коломенскому списку 1406 г.: „рече же Каинъ брату своему Авелю. Поидевѣ убо на поле и оумысли Каинъ на Авеля брата своего убити и. и не бѣ кто убивалъ, но научи Сатона. рече возми камень и удари въ

главу. Онъ же вземъ камень и уби брата своего.. И плакаже ся Адамъ и Евга надъ Авелемь 30 лѣтъ и несъгни тѣло его и не умѣяста его погрести и повелѣньемъ Божіимъ прилѣтѣста двѣ горлици. едина же ею умре и другая же ископавши яму и вложи въ ню оумерцюю и погребе то видѣвъ Адамъ и Евга и погребоста Авеля и уста сій плачь". Разсказъ Исторической Палеи совершенно отличенъ отъ Палеи Толковой, послужившей источникомъ для Лѣтописи: „Адамъ же видя Авеля убьена не вѣдый смертное дѣло его каково и како бысть. и сѣде надъ тѣломъ Авелевымъ 3 дни. Ангелъ же Господень приде рече ему: Адаме, почто сѣдиши надъ тѣломъ мертвымъ безгласенъ бо и неоступенъ отднесь будетъ Авель. Тыя бо есть клятва иже еси слышалъ, яко земля еси и в землю идеши. Сія слышавъ Адамъ отъ ангела, начатъ плакатися рыданіемь, обрѣте же камень въ видѣніе вертепу и положи низъ тѣло Авелево. и на всякый день прихожаше и зряше тѣло, яко зряше помалу гнѣемо, вѣщьини плачь простирааше, зане смертную горькую чашу хотя испити".

Въ „статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ" находимъ слѣдующія названія апокрифовъ, относящихся къ Адаму: „Адамъ, Адамль завѣтъ, Лобъ Адамль, что 30 службъ въ немъ и седмь царей подъ нимъ сидѣло, О древѣ крестномъ извѣщеніе святыя Троицы, О древѣ крестномъ Ереміи презвитера". Ниже, въ главѣ о паломникахъ, мы коснемся сказаній объ Адамовомъ лбѣ и о древѣ крестномъ, теперь же остановимся на вопросѣ о Ереміи презвитерѣ. Съ XIII в. мы имѣемъ списки „Слова Іеремѣя презвитера о древѣ честнѣмъ и о възвѣщеніи [св. Троицы и въ память Моисеви". „Слово Іереміи, говоритъ проф. М. И. Соколовъ (Матеріалы и Замѣтки по старинной Славянской Литературѣ, 1888 г.), какъ видно изъ содержанія отдѣльныхъ его главъ (древо въ Меррѣ, сплетенное Моисеемъ изъ кедра, певга и кипариса для услажденія горькой воды; мѣдный змѣй, пророчество о крестѣ; разбойники Амвросій и Есромъ охраняютъ древо; построеніе Соломономъ храма и посѣченіе древа; о главѣ Адамовой; какъ Христосъ плугомъ оралъ; какъ Провъ назвалъ Христа братомъ; поставленіе Іисуса въ іереи; предательство Іуды и распятіе Христа и разбойниковъ), представляетъ сводъ разныхъ апокрифическихъ сказаній. Канвой служитъ исторія крестнаго древа. Она начинается разсказомъ о древѣ Моисея, усладившемъ воды Мерры и оканчивается распятіемъ Христа и двухъ разбойниковъ.

Далѣе индексы называютъ апокрифы: „Енохъ, о Еносѣ, что былъ на пятомъ небеси и исписалъ 300 книгъ". По всей вѣроятности, этотъ древній апокрифъ появился въ славяно-русской литературѣ поздно, потому что въ отрывкахъ онъ извѣстенъ съ XIV в., а вполнѣ только въ XVII в.

Въ Толковой Палеѣ находимъ интересную подробность о Ноѣ: „и вступивъ Ной въ ковчегъ удари въ било. Слышавше же гласъ тъ. собрашася к нему звѣрье и скоти и птица и гади и прочій народъ отъ четырь коньць вселеныя мужескъ полъ и женескъ". Въ Исторической Палеѣ въ разсказѣ о ковчегѣ приводятся двѣ поговорки—пословицы: „о семь ковчезѣ мудрый нѣкто провидѣніемъ вѣща: небо бѣ, а земля не бѣ, село бѣ, а пути не бѣ"; „нѣмъ поклисаръ, книги ненаписанныя въ градъ приносить, и градъ стоящ и не имый пути къ себѣ" (κῆροξ ἄφονος ἄγραφον γραφὴν πόλιν κομίζει βακτήραν μὴ κεκτημένη). По выходѣ изъ ковчега Ной молился: „Твоя отъ твоихъ тебѣ приносимъ, Тебѣ поемъ, Тебе благословимъ". Въ индексѣ названы книги: „12 Іаковичь, Глаголемая Лѣствица, Исаакъ сонъ видѣ—столпъ посреди двора, архангелъ Михаилъ Авраама возносилъ на небо и далъ ему видѣти, что дѣютъ на земли и судилъ имъ". Въ рукописяхъ XIV в. (Сильвестровскій сборникъ и Толковая Палея) находимъ „Книги Откровенія Авраама" и „О явленіи Аврааму Михаиломъ Архистратигомъ о завѣтѣ его и о смерти". Передадимъ вкратцѣ содержаніе этихъ сравнительно большихъ апокрифовъ. Авраамъ видитъ наглядно тщету идолопоклонства въ домѣ своего отца Фары, приготовлявшаго деревянныхъ и каменныхъ идоловъ. Удалившись изъ отческаго дома, Авраамъ приноситъ жертву и въ сопутствіи ангела посѣщаетъ небеса, въ различныхъ сферахъ которыхъ видитъ престолъ Божій, ангеловъ, праотцевъ и муки грѣшныхъ. Сказаніе оканчивается предсказаніемъ кончины міра и мукъ. Второй апокрифъ начинается слѣдующимъ разговоромъ Михаила Архангела съ Авраамомъ: „Внегда скончашася дніе Аврааму прѣставитися и глагола Господь къ Михаилу архангелу: Михаиле. И рече: се азъ Господи. И рече Господь: встани и иди къ Аврааму и глаголи ему: буди ти изити изъ жизни сея, да иж не изыдеши из мира сего. И иде Михаилъ къ Аврааму и удосі и сѣдяща у ратай своихъ, бѣше бо старъ зѣло и сѣдъ и цѣлова и Михаилъ любовію о Бозѣ, Авраамъ же не вѣдый, кто есть". Авраамъ угостилъ ангела и когда, по заходѣ солнца, ангели предстануть къ престолу Божію, воротился и архангелъ Михаилъ отъ Авраама и объяснилъ, почему онъ оставилъ на землѣ Авраама. Тогда Богъ велитъ Ми-

хаилу идти къ Аврааму и жить у него, питаясь съ его стола. Когда Сарра и Исаакъ увидали опять Михаила, то подняли плачъ. Исаакъ видѣлъ сонъ, какъ солнце сошло съ главы великаго мужа, знаменуя смерть Авраама. Михаилъ беретъ Авраама и съ тѣломъ и несетъ на небо. По пути они видятъ людей плачущихъ и смѣющихся, влекомыхъ въ животъ и въ пагубу. Далѣе они видятъ, какъ ангелы гонятъ тысячи человѣческихъ душъ на судное мѣсто. Здѣсь судія смотрѣлъ по книгамъ дѣянія каждой души. Авраамъ видитъ различныхъ грѣшниковъ. Послѣ этого видѣнія слѣдуетъ разговоръ Авраама со смертью: „Украси съмерть красотою великою и пусти ю къ Аврааму. Видѣвъ же Авраамъ смерть приступившею къ нему убояся вельми и рече Авраамъ смерти: Молютися, скажи ми, кто ты еси и отъиди отъ мене. отнелѣже тя видѣхъ пришедшю ко мнѣ, смятеся душа моя во мнѣ... И рече смерть къ Аврааму: глаголю ти въ всей твари, юже сътвори Господь, и не обрѣтеся подобенъ тебѣ... и рече Авраамъ къ смерти: солга, да что вижю лѣпоту твою, яко нѣсть сего мира... и рече смерть: азъ есмь горестное имя, азъ есмь плачъ, азъ есмь пагуба всѣмъ человѣкомъ“. Праведнымъ смерть является въ красивомъ видѣ съ вѣнцомъ на головѣ, а грѣшнымъ „имѣвше главы зміевы мнози.. луща, злокозньства, огнь“, и проч.

Откровеніе Авраама основано на еврейскихъ преданіяхъ, повторяющихся въ книгахъ Яшаръ, Талмудъ, Гемара. По всей вѣроятности, оно возникло среди іудействовавшихъ еретиковъ первыхъ вѣковъ — эвіонитовъ. Въ Откровеніи можно отмѣтить цѣлый рядъ представленій еврейскаго характера: о неизреченномъ имени Божіемъ, семи небесахъ, Левіаѳанѣ, небесной одеждѣ праведныхъ, громадномъ ростѣ Адама. На христіанскій догматъ о св. Троицѣ въ Откровеніи нѣтъ ни малѣйшаго намека. Точно также псевдо-Аврааму чуждо представленіе о Божественномъ достоинствѣ Мессіи, который нигдѣ въ апокрифѣ не называется Сыномъ Божіимъ. Источниками Откровенія являются: еврейскія легенды, книги ветхозавѣтныя (особенно книга Бытія и книга пророка Іезекіиля) и книга Эноха. Хотя Откровенія и нѣтъ въ древнѣйшихъ спискахъ Толковой Палеи, но разсказъ объ Авраамѣ представляетъ въ значительной части переработку апокрифа и при томъ по готовому славянскому переводу.

Ниже въ разборѣ апокрифическихъ сказаній въ Хоженіи Даніила Паломника мы разсматриваемъ сказанія о Мельхиседекѣ. Теперь же скажемъ о Лѣствицѣ и Завѣтахъ 12 патріарховъ, находящихся въ Толковой Палеѣ, уже въ древнѣйшей редакціи. Первая

содержитъ поясненіе сна Іакова о лѣствицѣ съ толкованіемъ преобразовательнаго движенія и мало чѣмъ подходитъ къ апокрифамъ. Завѣты 12 патріарховъ составлены были уже въ первые вѣка христіанства и содержатъ предсказанія объ Іисусѣ Христѣ. Въ нихъ можно отличать три элемента: историческій, пророческій и нравственный. Завѣтъ Рувима касается чистоты, Симеона—зависти, Левія—гордости, Іуды—мужества, пьянства и прелюбодѣянія, Иссахора—простоты и трудолюбія, Завулона—сострадания и милосердія, Дана—гнѣва и лжи, Невфалима—благости, Гада—ненависти, Асира—добродѣтели и злобы, Іосифа—цѣломудрія и братской любви и Веніамина—чистоты ума. Такъ поучаютъ и предостерегаютъ патріархи своихъ чадъ, представляя древнѣйшую форму родительскихъ поученій, извѣстныхъ въ средневѣковыхъ литературахъ и у насъ въ поученіи Владиміра Мономаха и др. Кромѣ поученія, завѣты содержатъ разсказы о загробной жизни (Левгій), ссылки на книги Еноха праведнаго, разсказы о семейной жизни Іуды, и проч.

Какъ извѣстно, много апокрифовъ, отмѣченныхъ въ славянскихъ индексахъ, даже въ древнѣйшихъ (Изборникъ 1073 г.), не дошло до насъ, или и вовсе не было извѣстно въ славяно-русской литературѣ. Таковы, наприм., Молитва Іосифова, Елдадъ и Модадъ, Псалмы Соломоновы. Разсказъ о египетской царевнѣ „Асеневѳ" и Іосифѣ недавно найденъ въ южно-славянскомъ спискѣ XV в. Обращаемся къ разсказамъ о Моисеѣ: „Моисеевъ Завѣтъ и Исходъ Моисеевъ криво складенъ". Въ Четіи-Минеяхъ, подъ 4 сентября, помѣщается апокрифъ „Житіе св. пророка Моисея како царствовавъ въ срацинѣхъ и како съ царемъ Фараономъ прѣся и съ Валаамомъ влъхвомъ и како изведе люди изъ Египта". Въ Исторической Палеѣ разсказывается объ испытаніи Моисея при дворѣ Фараона посредствомъ свѣчей и драгоцѣнныхъ камней („въ единъ-же день приведенъ бысть Моисей предъ Фараономъ, не сущимъ съ нимъ вельможамъ его, дѣтя же сягши снятъ вѣнецъ съ главы царевы. И повелѣ Фараонъ метнути Моисея въ рѣку. Мудрый же нѣкто рече Фараонови: неправедно есть умертвити отроча се и рече къ царю: да принесутъ камень многоцѣненъ и свѣщю горящю, да аще ся иметь камень вѣдомо есть яко мудростію сътвори и умертвимъ отрочя, аще ли восхититъ свѣщу, охабимся его. И се створше принесоша. и въсхити Моисій свѣщю, и вьложи въ уста своя и пріатъ конецъ языка своего и опалися и бысть свиблив и тако Моисій избавися отъ смерти"), о походѣ Моисея въ Индію и о его смерти

тѣло Моисея, послѣ пренія съ сатаной, тайно погребаетъ архистратигъ Михаилъ.

Толковая Палея ближе передаетъ библейское сказаніе о Моисеѣ. Апокрифическое „Житіе Моисея“ по особенностямъ языка относится къ русскимъ переводамъ: думца, перея славу, доспѣша, оли, и проч. Житіе Моисея содержитъ разсказы, переданные въ Исторической Палеѣ, въ Библіи и кромѣ того еще слѣдующіе. Еще до рожденія Моисея Фараонъ видитъ сонъ: старца съ вѣсами, въ одной чашкѣ которыхъ находились египетскіе вельможи, въ другой—ягнята. Моисей правитъ сарацинскимъ царствомъ и съ помощью аистовъ, пожравшихъ гадовъ, беретъ городъ. Изъ другихъ подробностей отмѣтимъ еще: укрощеніе Моисеемъ и Аарономъ двухъ львовъ при дворцѣ Фараона и открытіе костей Іосифа въ ракѣ изъ олова въ рѣкѣ. Всѣ эти подробности встрѣчаются въ еврейскихъ сказаніяхъ (книга Яшаръ) и у Іосифа Флавія.

Лишнія подробности противъ Библіи о Самсонѣ мы привели выше при разборѣ Исторической Палеи. Историческая Палея не знаетъ разсказовъ о Соломонѣ, популярнѣйшемъ героѣ древнихъ и средневѣковыхъ сказаній. Въ Толковой Палеѣ эти разсказы являются съ XV в., въ отдѣльныхъ спискахъ еще позднѣе. Нельзя отрицать древности этихъ сказаній, въ виду обрусѣнія ихъ старыхъ переводовъ. Проф. Соболевскій указалъ, напримѣръ, на слѣдующія выраженія въ апокрифическихъ сказаніяхъ о Соломонѣ и Китоврасѣ, въ Судахъ Соломона: тіунъ, наробокъ, осочити (найти), ожиритися (разбогатѣть), розквелити (огорчить), нелюбіе и проч. Палейная повѣсть о Китоврасѣ передаетъ почти тоже самое, что талмудическія сказанія. Вотъ начало этой повѣсти: „Тогда же убо бысть потреба Соломону вынросити о Китоврасѣ осочи же и гдѣ живетъ в пустыни далней и по мудрости своей замысли Соломонъ сковати уже желѣзно и гривну желѣзну написа же на ней во имя Божіе зареченіе и послаже бояриина своего лучьшаго съ отрокы и указаше вести вино и медъ“. Придя къ мѣсту трехъ колодцевъ, посланные Соломона наполнили ихъ виномъ и медомъ и заткнули руномъ овчимъ. Китоврасъ не замѣтивъ засады выпилъ всѣ три колодца и заснулъ. Оковали его бояре и повели къ Соломону. „Нравъ же его бяше таковъ: не ходяше путемъ кривымъ, но правымъ“. Поэтому передъ нимъ ломали полаты, когда онъ проходилъ въ Іерусалимѣ. Самъ же Китоврасъ пощадилъ домъ вдовицы. „Ведомь же сквозѣ торгъ и слыша мужа рекуща: нѣсть ли черевій (сапоговъ) на 7 лѣтъ? И расмѣяся Китоврасъ. И видѣ другаго мужа ворожаща

и посміяся, и видѣ свадбу играющу и въсплакася, и видѣ мужа идуща и блудяща и наведе и на путь".

Только на третій день позвалъ Соломонъ Китовраса „и рече: не на потребу тя приведохъ собѣ, но на упросъ очертанію святая святыхъ" (т. е. на построеніе храма Іерусалимскаго). Китоврасъ обѣщаетъ достать „ноготь малъ во имя шамиръ", которымъ можно тесать и камни и рѣзать стекло. Этотъ шамиръ (еврейское: алмазъ) приноситъ птица, когда птенцы ея закрыты стекломъ въ гнѣздѣ. Посланные Соломона замазали гнѣздо птицы съ птенцами стекломъ, а птица принесла камень шамиръ, который опустила при крикѣ посланныхъ Соломона. Соломонъ распрашиваетъ Китовраса о его необычныхъ поступкахъ. Китоврасъ объясняетъ: онъ разсмѣялся надъ заказывавшимъ сапоги на 7 лѣтъ, такъ какъ ему не прожить и 7 дней; онъ разсмѣялся надъ ворожившимъ другимъ, а не знавшимъ о золотомъ кладѣ, находящемся подъ нимъ; онъ расплакался надъ свадьбой, потому что жениху не прожить и 30 дней; онъ вывелъ на дорогу пьянаго, потому что слышалъ голосъ съ неба: это такой вѣрный человѣкъ, что заслуживаетъ помощи. Китоврасъ хитростью завладѣлъ перстнемъ Соломона: „простеръ крыло свое" и ударилъ имъ Соломона, послѣ чего Соломонъ отлетѣлъ на конецъ земли обѣтованныя; только послѣ долгихъ скитаній воротился Соломонъ. Пока не найдено ни греческихъ, ни южнославянскихъ текстовъ этого сказанія. Однако оно не позднѣе XIV в.; и если, говоритъ Веселовскій (Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада 1872 г., 212 стр.), судить по болгарскому номоканону Погодинскаго собранія, запрещающему „О Соломони царѣ и о Китоварасѣ басни и кощуны", и по изображенію одного эпизода легенды на Васильевскихъ вратахъ Новгородскаго Софійскаго Собора. Позднѣйшіе пересказы значительно распространяютъ приведенный эпизодъ о Соломонѣ и Китоврасѣ, эпизодически извѣстный и на западѣ, подъ именемъ Мерлина, Морольфа. Мѣдныя врата Новгородскаго Софійскаго собора, устроенныя въ 1336 г., изображаютъ исполинскую крылатую фигуру Кентавра -Китовраса, который держитъ въ одной рукѣ небольшую фигуру въ зубчатой коронѣ, очевидно, Соломона и собирается его забросить. „Вдали такая же фигура сидитъ на престолѣ: это опять же Соломонъ передъ тѣмъ, какъ Китоврасъ схватилъ его; такія удвоенныя изображенія одного и того же лица въ разныхъ положеніяхъ довольно обычны въ старинныхъ миніатюрахъ. Или это Китоврасъ принявшій, по разсказу Талмуда, образъ изгнаннаго царя и возсѣвшій на его престолъ. Надпись къ

этому изображенію не вся сохранилась или не вполнѣ записана: „(Ки)товрасъ меце братомъ своимъ на обѣтованную землю зр(я?)". Онъ, стало быть, бросилъ его въ другую сторону, отъ себя, или надо читать съ Палеей: на конецъ; подъ братомъ разумѣется Соломонъ—но такимъ, какъ извѣстно, онъ является только въ легендѣ о похищеніи. Въ Палеѣ Китоврасъ—темное, демоническое существо, въ легендѣ онъ—царь, почему на софійскихъ вратахъ изображенъ въ коронѣ и кромѣ того—„по родству братъ Царю Соломону". Ясно, что обѣ редакціи сказаній о Китоврасѣ уже существовали совмѣстно (Веселовскій: Изъ исторіи литературнаго общенія, 224 стр.).

Въ Толковой Палеѣ приводится еще разсказъ о судахъ Соломона. Уже въ Библіи разсказывается о необыкновенной мудрости Соломона не только, какъ писателя, но и какъ судьи, разрѣшившаго споръ двухъ женщинъ. Въ еврейскихъ сказаніяхъ эта форма судовъ мудреца, пріуроченная къ Соломону, особенно полюбилась и притянула къ себѣ индійскіе разсказы о Викрамадитьи. Славянскія сказанія о судахъ Соломона, какъ и предыдущая статья о Китоврасѣ, по языку древнѣе XIV в.: они содержатъ руссизмы и старыя церковно-славянскія формы. Собственно суды Соломона состоятъ не только изъ мудрыхъ рѣшеній, но и изъ загадокъ. Перескажемъ вкратцѣ содержаніе всѣхъ этихъ судовъ, имѣющихъ литературную исторію въ сказаніяхъ и легендахъ Востока и Запада. Судъ первый. 3 сына спорятъ за наслѣдство, состоящее изъ трехъ ларцевъ (три спуды стоящеи другъ на друзѣй горѣ), оставленныхъ по завѣщанію отца. Въ верхнемъ ларцѣ находилось золото, среднее было полно костей, а нижнее полно праху. И возникъ между сыновьями горячій споръ. Соломонъ разсудилъ прю дѣтей, отдавъ золото старѣйшему, скотъ и челядь—среднему, въ соотвѣтствіе ларцу съ костями, а виноградъ, нивы и животъ (т. е. сельское хозяйство)—младшему, какъ владѣльцу земли. Судъ второй. Кражу поясовъ съ золотомъ между тремя евреянами Соломонъ разрѣшаетъ притчей, какъ разбойникъ отпустилъ невѣсту—дѣвушку къ жениху и съ богатствомъ и обличилъ одного изъ трехъ владѣльцевъ поясовъ, похитившаго чресла съ золотомъ товарищей. Третій судъ. Соломонъ открываетъ настоящаго наслѣдника, обличивъ раба, похитившаго, по смерти владѣльца, права настоящаго владѣльца. Соломонъ велѣлъ выкопать плечевую кость отца въ Вавилонѣ и выпущенной кровью раба и затѣмъ сына обмылъ кость отца. Отъ крови раба кость осталась бѣлой, а отъ крови сына кость „насяче крови". Четвертый судъ. Какъ въ предыдущемъ судѣ Соломонъ открываетъ

истиннаго сына покойника, умолявшаго пощадить гробъ и кости отца, отъ незаконныхъ дѣтей (5-ти сыновей и дочери), равнодушно отнесшихся къ требованію разрыть могилу. Судъ пятый. Соломонъ открываетъ низость женской мысли и высоту мужской. Сначала онъ соблазняетъ одного изъ вельможъ своихъ Декира усѣкнуть свою жену, за что обѣщаетъ выдать за него свою родственницу-царевну. Декиръ колеблется, видя свою жену съ дѣтьми и наконецъ отказывается. Между тѣмъ жена Декира, не задумываясь, по приказанію Соломона, собирается убить мужа, но не можетъ привести злобнаго и легкомысленнаго плана въ исполненіе, по предусмотрительности Соломона, снабдившаго ее тонкимъ деревяннымъ мечемъ. По этому поводу слѣдуютъ рѣчи о женской слабости, о Евѣ и Адамѣ и о злой женѣ вообще. Судъ шестой. Соломонъ открываетъ настоящую мать, какъ въ Библіи въ 3 книгѣ Царствъ, въ главѣ 3, съ 15 стиха. Текстъ близокъ къ Острожской Библіи, но отчасти исполненъ архаизмовъ и мѣстами распространенъ противъ Библіи. Судъ седьмой. Въ началѣ представляется гордость Дарія, царя персидскаго, затѣмъ—споръ его съ Соломономъ загадками: „стоитъ щитъ, а на щитѣ заяцъ и прилетѣлъ соколъ взялъ заецъ, и ту седѣ сова; и рече: сия отгонеши дамъ ти три кади сребра“. Соломонъ созываетъ подвластныхъ ему духовъ, и одноокій бѣсъ отгадываетъ загадку Дарія: „Щитъ—земля, а на щитѣ заецъ—правда, а иже взя соколъ заець, то взялъ ангелъ правду на небо, и ту седѣ сова, сирѣчь кривда, правда же бысть взята на небо, а на земли осталася кривда“. И получилъ Соломонъ двѣ кади серебра, обмапувъ и бѣсовъ. Состязаніе загадками продолжается съ дочерью египетскаго царя и съ царицей Ужской. Первую похитили бѣсы. На пути царевна видитъ: человѣкъ пьетъ воду, а вода льется изъ него обратно, другой бродитъ въ водѣ и проситъ пить воды, а волны бьются около него, третій на сушѣ коситъ траву, которую поѣдаетъ козелъ. Соломонъ толкуетъ эти явленія: первое—домъ царскій, въ который войдешь и опять выйдешь, второе—царскій тіунъ „судьбы судитъ, а другихъ ищетъ, чѣмъ бы ему ублаготворить царя“, третье—это вдова идетъ замужъ съ чужими дѣтьми, которые и поѣдаютъ достояніе мужа. Пріѣзжаетъ къ Соломону царица Ужская съ золотомъ, съ зельемъ и съ древами негніющими. Она была необыкновенной красоты, но имѣла шерсть на ногахъ (тѣложъ ея бысть власяно, аки щитъ), которую мудрецы Соломона свели особымъ зеліемъ. И сошелся съ нею Соломонъ ради мудрости ея. Царица загадала загадки Соломону: какъ отличить дѣвушекъ отъ мальчиковъ, одѣтыхъ въ одинаковую

одежду. Соломонъ однажды различилъ ихъ по различію въ умываньи лица (мальчики мылись быстро, дѣвушки медленно и „сладко, мягко"), въ другой разъ по обращенію съ овощемъ (мальчики брали въ полы, а дѣвушки — въ рукава). Среди другихъ загадокъ, или неисполнимыхъ задачъ интересны слѣдующія: мудрецы царицы предложили мудрецамъ царя перевезти колодезь изъ-за города въ городъ, на что послѣдніе отвѣтили: дайте намъ веревки изъ отрубей; другую загадку предложили мудрецы царицы: если на нивѣ выростутъ ножи, чѣмъ сжать ниву; рогомъ ослимъ — отвѣчали мудрецы царя; „а гдѣ у осла рога"? спрашивали первые, „а гдѣ нива ножи родитъ"? отвѣчали вторые. Какъ популярны были эти сказанія можно судить изъ того, что разсказъ о коробочкахъ встрѣчается въ санскритской Викрамачаритрѣ, загадки о правдѣ и кривдѣ въ вопросахъ и отвѣтахъ славяно-русской литературы.

Къ числу ветхозавѣтныхъ апокрифовъ относятся пророчества и сказанія о пророкахъ. Такова „Повѣсть 5 Ноября о плачи и о рыданіи пророка Іеремія и о запустѣніи Іерусалима", иначе озаглавливаемая „Мѣсяца Мая въ 1 день Повѣсть св. и великаго пророка Іереміи о переселеніи и о прогнаніи Іерусалимли". До сихъ поръ были извѣстны списки XIV—XV вв., недавно издано два раза древнее чтеніе этой повѣсти по сборнику XII в. Московскаго Успенскаго собора въ „Сборникѣ Отдѣленія Русскаго языка И. Академіи Наукъ" (т. 58, 1895 г.) и въ „Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древн. Россійск." (1899—1900 гг.)... Къ сожалѣнію трудно пока выдѣлить древнѣйшую редакцію и приходится соединить различныя редакціи. Вотъ начало повѣсти по Макарьевскимъ Минеямъ: „Бысть внегда плѣнени быша сынове Ізраилеви Царемъ Халдѣйскимъ рече Богъ къ Іереміи пророку глаголя: Іереміе избранниче мой изыйди въставъ из града сего ты и Варухъ, понеже погубити его хощу за множество беззаконій живущихъ въ немъ"... И рече Іеремія: „камо дѣти сосуды служебныя. И рече ему Господь: возми и предайже я земли глаголя: слыши земле глаголъ создавшаго". Такъ и поступили Іеремія и Ворухъ. Послѣ того Іеремія послалъ Авимелеха за смоквами; между тѣмъ Халдѣяне напали и увлекли Іеремію въ Вавилонъ, а Авимелехъ задремалъ со смоквами подъ сѣнью древа и проспалъ 76 лѣтъ (по другимъ спискамъ 80 лѣтъ). Проснувшись онъ увидалъ молоко, капавшее изъ смоквъ и пошелъ отыскивать Іеремію и Варуха. Найдя послѣдняго Авимелехъ, наученный ангеломъ, посылаетъ орла съ навязаннымъ на шеѣ посланіемъ къ Іереміи. При видѣ Іереміи „възва орелъ человѣчимъ гласомъ рече:

тебѣ глаголю Іереміе пріими посланіе, еже принесохъ тебѣ отъ Вароха и Авимелеха". Іеремія воротился.

Въ концѣ повѣсти разсказывается о смерти Іереміи, котораго побили камнями Іудеи и накрыли камнемъ, который имѣлъ образъ Іереміи и былъ еще ранѣе пораженъ камнями. Весь этотъ апокрифъ отмѣченъ въ индексѣ слѣдующимъ образомъ: „О плѣненіи іерусалимскомъ Паралипомена Іереміина, что орла слали съ грамотою въ Вавилонъ къ Еремѣи". Откровеніе Варуха, не отмѣченное индексомъ, извѣстно по рукописи XV в. Оно не имѣетъ ничего общаго съ библейской книгой Варуха, въ которой говорится, какъ въ предыдущемъ апокрифѣ о Іереміи, объ общемъ ихъ посланіи въ Вавилонъ. Откровеніе Варуха старше XV в. по языку, такъ какъ содержитъ правильныя формы двойственнаго числа. Ангелъ съ небесными силами показываетъ Варуху самонадѣянныхъ творцовъ столпотворенія, рѣки и море, изъ котораго постоянно пьетъ великій змѣй (ср. народное представленіе радуги въ преданіяхъ и въ заговорахъ), между Тигромъ и Ефратомъ вставленъ Дунавъ (какъ въ переводѣ Іоанна Экзарха, или въ Толковой Палеѣ). Далѣе, говорится о Сатанаилѣ, насадившемъ въ раю виноградную лозу и не хотѣвшемъ поклониться Адаму, о Ноѣ, обрѣтшемъ изнесенную изъ рая во время потопа виноградную лозу. Здѣсь апокрифъ переходитъ въ обличеніе пьянства, столь популярное въ древнерусской литературѣ: „и посла Господь ангела Сарсаила и рече Ноеви въсади лозу и преложи имя горесть въ сладость и оному бысть въ смерть, а тобѣ буди животъ, нъ блюдися Ною яко и еще имать древо отъ злобы тоя; да аще кто безъ мѣры пьетъ отъ него, колько впадаютъ во грѣхъ: братъ брата не помилуетъ, отецъ сына, сынъ отца; въ мнозѣ пьянствѣ бываетъ разбой, блудъ, все злое". Ангелъ объясняетъ видѣніе змія несытаго отъ морской воды: это—адъ; затѣмъ они видятъ колесницу Солнца, которую влекутъ ангелы всю въ огнѣ съ мужемъ на колесницѣ въ огненномъ вѣнцѣ, надъ колесницей летаетъ птица—хранительница миру. Здѣсь же ангелъ объясняетъ Варуху происхожденіе плодотворнаго дождя изъ озеръ, а не изъ моря, потому что морскія облака погубили бы всякую зелень на землѣ. Окончаніе походитъ на Хожденія Богородицы по мукамъ и Хожденіе ап. Павла.

Намъ остается сказать еще о ветхозавѣтномъ апокрифѣ „Видѣніи Исаіи", дошедшемъ до насъ въ русскомъ спискѣ XII вѣка и въ сербскомъ XIV в. Эти два текста, озаглавленные: „Мая мѣсяца въ (8) день. Видѣніе, еже видѣ св. Исайя пророкъ сынъ Амосовъ

(по сербск. сп. XIV в. Описаніе рукописей Хлудова 414—419 стр. 9 мая) драгоцѣнны въ исторіи европейской литературы, въ которой сохранились отрывки греческаго текста и поздній латинскій переводъ 1522 г., рядомъ съ которымъ имѣется ефіопскій текстъ, изданный съ переводомъ въ Оксфордѣ 1819 г. Этотъ разсказъ о видѣніи Исаіи, своеобразно развивающій сказаніе сравнительно съ Библіей, относится Поповымъ къ явленіямъ болгарскаго богомильства. Исаія въ сопутствіи ангела посѣщаетъ семь небесъ. Содержаніе памятника исчерпывается эсхатологическими вопросами: о будущемъ судѣ и о кончинѣ міра.

Вотъ приблизительно кругъ древнѣйшихъ русскихъ апокрифовъ, которые всѣ относятся къ памятникамъ переводнымъ. Оригинальная древне-русская литература вносила ихъ на свои страницы, еще болѣе вліянія оказывали эти памятники на устную народную словесность. Къ сожалѣнію древнихъ памятниковъ этой народной духовной литературы мы не имѣемъ. Въ средній періодъ русской литературы яснѣе и опредѣленнѣе выразилось вліяніе апокрифовъ и появилось множество обличеній ихъ. Однако апокрифы глубоко вошли въ сознаніе и въ обращеніе среди русскихъ книжныхъ и некнижныхъ людей. И этимъ они обязаны уже древнѣйшему періоду русской литературы.

Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ апокрифическихъ евангелій, такъ какъ говоримъ о нихъ ниже, при изложеніи Хожденія Даніила. Теперь замѣтимъ о нихъ вообще. Изъ семи разнообразныхъ апокрифическихъ евангелій, извѣстныхъ въ греческой, латинской и восточныхъ литературахъ, у насъ извѣстны были три евангелія: Іакова, Ѳомы и Никодима. Первыя два говорятъ о рожденіи, дѣтствѣ и жизни Христа, послѣднее только о его страданіяхъ и смерти. Списки ихъ въ славяно-русской литературѣ не восходятъ ранѣе XIII в., иногда встрѣчаются въ позднихъ спискахъ, но по языку относятся къ первымъ вѣкамъ славянской письменности. Протоевангеліе Іакова и апокрифическое Посланіе Пилата въ Римъ отысканы теперь въ спискѣ XIII в. акад. Ягичемъ („Критическія замѣтки къ славянскому тексту апокрифическаго Первоевангелія“, Извѣстія Отд. русскаго яз. Императорской Ак. Н. 1898 г.). Евангеліе же Ѳомы извѣстно въ южнославянскихъ спискахъ, начиная съ XIV в., а въ русскихъ спискахъ въ двухъ текстахъ XVI в. и XVIII в. Ягичъ думаетъ, что Макарьевскіе тексты апокрифическихъ евангелій XVI в. по языку представляютъ древность, а слѣдовательно указываютъ и на существованіе этихъ памятниковъ въ

древней Руси. Дѣйствительно, вліяніе ихъ ощутительно въ сочиненіяхъ Іакова XI в., Даніила игумена XII в. и т. д. Индексы среди многихъ названій новозавѣтныхъ апокрифовъ знаютъ: Іаковлю повѣсть, Евангеліе отъ Ѳомы, Дѣтство Христово. Передадимъ содержаніе Первоевангелія Іакова по пергаменному сборнику XIV в. Чудова монастыря, замѣчательному по составу и по древности языка (изданъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1889 г. кн. 3. Изъ апокрифическихъ статей здѣсь помѣщены: Первоевангеліе Іакова, Похвала житія Иліи пророка, Апокрифическое дѣяніе Ѳомы, Сказаніе Афродитіана). Здѣсь подробности апокрифическаго Евангелія входятъ въ статью „Мѣсяца септября въ 8 день. Рождество св. и преславныя Богородицы Маріи“. Сказаніе объ Іоакимѣ и неплодной Аннѣ, завидующей птицѣ съ птенцами въ гнѣздѣ, во многомъ, какъ и другое въ новозавѣтныхъ апокрифахъ, отвѣчаетъ Евангелію; но содержитъ и много лишняго, или относится не къ тѣмъ лицамъ. Приведемъ прежде всего плачъ Анны: „лютѣ мнѣ, кому уподобихся азъ и не уподобихся азъ? птицамъ небеснымъ, яко птицы небесныя плодовиты предъ тобою Господи. Лютѣ мнѣ, кому уподобихся азъ? ни звѣремъ земнымъ, яко звѣріе земніи плодовити суть предъ тобою Господи... Кому уподобихся азъ? земли сей, яко и земля приноситъ плоды своя на всяко время и тя благословятъ Господи“. Послѣ рожденія Пресвятой Дѣвы разсказывается о ея пребываніи въ храмѣ (и примаше пищю отъ рукы ангеловы),— объ обрученіи Іосифу (выборъ жениха посредствомъ жезловъ: „и се голубь изиде отъ жезла и полетѣ на главу Іосифа“), о порученіи ей іереями храма „прясти злато нескверньно и вусъ и вунта и кокинъ истовую порфиру“. Марія впервые слышитъ гласъ архангела у колодца: „и вземши ковьлъ изиде почерть воды, и се гласъ къ ней: Господь съ тобою, благословенна ты въ женахъ“ и, воротившись домой, она видитъ уже ангела Господня, что передается согласно съ Евангеліемъ. Но смущеніе Маріи и Іосифа дополняется разсказомъ о водѣ обличенія: и рече іерѣй, да вы напою воды обличенья, да явитъ Господь грѣхы ваю предъ очима вашима, и,вземъ іерѣй напои Іосифа и посла въ горницу и приде цѣлъ, напои же Марію и приде цѣла, и чюдишася вси людье, яко грѣхъ не явися на нею“. Далѣе на пути Марія видитъ людей смѣющихся, а другихъ плачущихъ. Въ вертепъ къ ней приходитъ баба Саломія для увѣренія дѣвства ея и для обмыванія младенца. Сюжетъ широко распространенный въ русской народной словесности (въ заговорахъ, въ духовныхъ стихахъ) и въ иконографіи (въ изобра-

женіи Рождества Христова съ древнѣйшихъ временъ). Когда Іосифъ идетъ искать бабу—повитуху для пресвятой Дѣвы все въ природѣ остается неподвижно: молчать птицы, овцы не ѣдятъ и не движутся, пастырь взвелъ руку свою съ жезломъ и она остановилась въ воздухѣ, козлища приложили уста свои къ потоку и не пили. Чуднымъ образомъ спасается Елисавета съ младенцемъ въ горѣ, которая раскрылась и снова закрылась съ Елисаветой и младенцемъ, и они скрылись отъ преслѣдователей Ирода. Оканчивается разсказъ убіеніемъ Захаріи священника, кровь котораго ссѣлась, какъ камень. Нѣкоторыя сказанія составляютъ параллели къ Ветхому Завѣту. Протоевангеліе Іакова важно для оцѣнки сказаній о Божіей Матери и Рождествѣ Христа, такъ какъ было принимаемо и церковью. Содержаніе апокрифическаго евангелія Ѳомы содержитъ другія подробности. Юный Іисусъ лѣпитъ птицъ изъ грязи, и они чудесно оживаютъ и летятъ. Разгнѣванный Іисусъ наказываетъ словомъ своихъ дерзкихъ сверстниковъ: одинъ проклятый зачахъ, другой умеръ отъ паденія, преслѣдователи ослѣпли, и проч. Когда Іосифа упрекаютъ за шалости Іисуса, воспитатель хватаетъ его за ухо. Учитель бьетъ Іисуса по головѣ, но Іисусъ стыдитъ его своей мудростью и всевѣдѣніемъ. Далѣе Іисусъ воскрешаетъ отрока—сотоварища, убившагося съ кровли и—другаго, засѣкшаго ногу сѣкирой. Іисусъ помогаетъ Іосифу въ работахъ: засѣваетъ ниву, вытягиваетъ короткое бревно. Въ школахъ онъ обнаруживалъ свою мудрость: словомъ разрушалъ и поднималъ зданія, лѣчилъ отъ укушенія ехидны, воскрешалъ мертвыхъ. Есть подробности и сходныя съ Евангеліемъ. Апокрифическое евангеліе Ѳомы начинается такимъ приступомъ: „Я Ѳома, избранный израилитянинъ, возвѣщаю всѣмъ народамъ, что я знаю о дѣтствѣ Іисуса, родившагося въ Виѳлеемѣ Назаретскомъ“ (Избранный взвѣстих азъ Ѳома исраильтѣнинъ въсѣхъ от языкъ, братіе, видѣх дѣтство Господа нашего). Текстъ XIV в. напечатанъ г. Яцимирскимъ „Изъ славянскихъ рукописей“ (Москва, 1898 г.).

Изъ Никодимова евангелія извѣстно въ старыхъ болгарскихъ, русскихъ и сербскихъ спискахъ XIII—XIV вв. „Посланіе Тиверію кесарю въ Римъ отъ Пилата о сдѣяніи (или съдѣянныхъ), о преданіи Господа нашего Іисуса Христа“, послѣ котораго обыкновенно слѣдуетъ „судъ надъ Пилатомъ и приговоръ его къ смерти“. Эти части Никодимова Евангелія находятся въ Прологахъ, въ Сильвестровскомъ сборникѣ XIV в., а полный текстъ Актовъ Пилата (о страданіяхъ, смерти и вознесеніи Іисуса Христа, большею частію по каноническимъ евангеліямъ) въ многочисленныхъ спискахъ съ

XV в. Оригинальное изложеніе этого апокрифическаго евангелія дополняется добавочными лицами: на судѣ передъ Пилатомъ за Іисуса говорятъ исцѣленный разслабленный и Никодимъ „иже и сія написа". Онъ говоритъ о знаменіяхъ, совершонныхъ Іисусомъ и уговариваетъ оставить его въ живыхъ. Разбойники носятъ имена Гевста и Дизмаза. И далѣе Никодимъ заявляетъ о себѣ въ разныхъ мѣстахъ актовъ. Ягичъ въ названной выше статьѣ сравнилъ нѣсколько списковъ Письма Пилата къ Тиверію для возстановленія первоначальнаго текста. „Великодержавному и зѣло честному Тиверію", такъ начинается письмо, азъ Пилатъ Понтьскый „трепетомъ многомъ одержимъ есмь и страхомъ веліимъ" пишу о преданіи Іисуса, который совершилъ много исцѣленій. Пилатъ, схваченный Кесаремъ, исповѣдалъ Христа и былъ усѣкнутъ мечемъ. Ангелъ взялъ его голову на небо. Каіафа также былъ убитъ Августомъ на охотѣ стрѣлой въ пещерѣ, передъ которой остановился олень.

„Сказаніе Афродитіана о бывшимъ въ Перьстѣй земли чюдеси" говоритъ о рожденіи Спасителя, поклоненіи волхвовъ и находится въ спискахъ XIII вѣка и позднѣе. Апокрифъ этотъ пользовался въ древней Руси такой же извѣстностью, какъ отрывки Никодимова Евангелія, однако, кажется, никто не пытался передѣлать его въ родѣ Хожденія Богородицы по мукамъ. Въ индексахъ слово это озаглавливалось „Списаніе Афродитіяна Персина на рождество Христово, что Ира во чревѣ зачала". Рано оно попало въ сборники древне-русскихъ поученій и проложныхъ житій. Царь персидскій первый узналъ о рожденіи Христа. Онъ вошелъ въ кумирницу къ жрецамъ узнать о своихъ сновидѣніяхъ, и жрецъ Прупъ сообщилъ ему радость: „Ира зачала во утробѣ"; всю ночь ликовали золотые и серебреные образы: „ходите да ся радуимъ съ Ирою, яко возлюблена бысть", великое солнце възлюбило ю ...есть бо Ира за древодѣля обѣщалася... имя ей Марія есть". Ликованіе идоловъ, пѣніе птицъ сопровождалось появленіемъ небесной звѣзды свѣтлой, вставшей надъ источникомъ въ кумирницѣ. Прообразовательное значеніе этого явленія такъ толкуютъ жрецы: „корень Божескій—и царскій всклонился есть, небеснаго и земнаго цесаря образъ принося, источникъ бо каринъ виѳлеомскыя земля есть дщи; вѣнецъ же образа царскаго есть проповѣданіе на земли чюдотворимо отъ Іуды встало есть царство, еже жидовску память отвержетъ, нынѣ убо, о царю, посли въ Іерусалимъ, обрящеши бо сына вседержителя", и проч. Далѣе идетъ поклоненіе волхвовъ близкое по содержанію къ евангеліямъ, съ нѣкоторыми отклоненіями.

Въ новомъ изслѣдованіи г. Щеголева (Извѣстія отд. Рус. яз. и Слов. Академіи Наукъ, 1899 г., т. IV, кн. 1) „о Сказаніи Афродитіана“ отмѣченъ греческій источникъ, сюжетъ котораго —преніе о вѣрѣ, происходившее при дворѣ персидскаго царя Аррената между христіанами, язычниками и іудеями подъ предсѣдательствомъ верховнаго жреца Афродитіана“. Въ греческой повѣсти, болѣе обширной, находится длинное вступленіе и вообще славянскій переводъ сдѣланъ по сокращенной редакціи. Вліяніе Афродитіанова сказанія отразилось на апокрифической „Лѣствицѣ“, вставленной въ Толковую Палею.

Мы не излагаемъ полной исторіи переводныхъ апокрифовъ, притомъ имѣемъ въ виду только древнѣйшіе, потому опускаемъ нѣкоторыя апокрифическія сказанія, напримѣръ, „обходы апостольскіе, что приходили (апостолы) ко граду, обрѣтоша человѣка орюща волы и просиша хлѣба, онъ же иде во градъ хлѣба ради, апостоли же безъ него взоравше ниву и насѣявше; и пріиде съ хлѣбы и обрѣте пшеницу зрѣлу“. Таково „Слово св. апостолъ Петра, Андрея, Матѳея, Руѳа и Александра“. Наша древняя лѣтопись тоже разсказываетъ апокрифъ (едва ли не единственный русскій) объ апостолѣ Андреѣ, поставившемъ крестъ въ Кіевѣ, прошедшемъ до Новгорода и удивлявшемся русскимъ банямъ. Апокрифическое житіе или мученіе ап. Андрея встрѣчается уже въ южнославянскихъ рукописяхъ XIV в., русскихъ и болгарскихъ XVI в. Въ 3 кн. Чтеній Общ. Исторіи и Древн. Россійск. 1889 г. напечатаны „Дѣянія апостоловъ Петра и Павла“ по рук. XV в. и по той же рукописи сербской „Ученіе ап. Андрея“. Сказанія о преніи Петра съ волхвомъ Симономъ изъ этихъ дѣяній встрѣчаются въ хроникѣ Амартола и у русскаго писателя XII в. митр. Никифора. Проф. Мочульскій издалъ апокрическое житіе ап. Петра, о которомъ индексы уже въ XIV в. говорили: „житіе ап. Петра, что рыбы по суху ходили. Дѣтство Христово, что Господа отрочатемъ продаялъ, еретикъ писалъ“. Здѣсь разсказывается, какъ ап. Петръ около Рима съ чуднымъ отрокомъ (Христомъ) ловилъ рыбу: одну поймали на удицу, другія сами прыгали на сухую землю. Одинъ изъ знатныхъ мужей, по имени Кировастъ, проходя мимо и видя отрока, ловящаго рыбу, сказалъ Петру: продай мнѣ отрока и я дамъ тебѣ 24 таланта. Петръ продалъ отрока Карависту и въ сонномъ видѣніи (по огненной лѣствицѣ спустились къ отроку ангелы) Каравистъ увѣровалъ во Христа, а за нимъ крестился и весь городъ. Когда Петра распяли, и онъ каялся въ продажѣ Господа и отрока, то Христосъ принялъ его душу.

Однимъ изъ самыхъ распространенныхъ и древнихъ апокрифовъ въ русской литературѣ является апокрифъ о „Хожденіи Богоматери по мукамъ" (тексты XII, XV, XVII, XVIII вв. и множество передѣланныхъ текстовъ XIX в., что указываетъ на распространенность апокрифа въ древности). Конечно Хожденіе Богородицы принадлежитъ къ эсхатологическимъ сказаніямъ, а преданія о Богоматери, скудныя по евангеліямъ, существовали въ апокрифахъ. Поэтому мы здѣсь же упомянемъ о древнемъ „Словѣ Іоанна Богослова о покои (т. е. объ успеніи) Богородицы, Владычицы Нашей и Приснодѣвы" (уже въ Торжественникѣ XII в., въ Минеяхъ и пр.). Это сказаніе передано Симеономъ Метафрастомъ, Епифаніемъ, Іоанномъ Солунскимъ и друг. Оно имѣетъ нѣкоторыя противорѣчія съ каноническими сочиненіями и въ этомъ смыслѣ является апокрифомъ, передавая въ остальномъ священное преданіе, принятое Церковью. Богоматерь ходитъ на гробъ Христа молиться, и ангелъ объявляетъ ей о приближеніи смерти. Собираются апостолы къ Богоматери, несутъ одръ ея, при которомъ совершается чудо передаваемое иконографіей. Евреи преслѣдуютъ апостоловъ, и одинъ изъ нихъ смѣется дерзко при одрѣ Богоматери,—за что лишается рукъ, которыя возвращаются по молитвѣ ап. Петра. Срезневскій въ Памятникахъ Русскаго Письма и языка издалъ русскій текстъ Хожденія Богородицы по мукамъ XII в. съ греческимъ оригиналомъ. Отступленія въ текстѣ XII в. исправлены Срезневскимъ по другимъ спискамъ. Начало списка XII в. совершенно испорчено и, кромѣ того, въ текстѣ есть вставки славянскаго переписчика, какихъ не встрѣчаемъ въ другихъ славянскихъ и русскихъ спискахъ. Вотъ параллельное расположеніе начала „Слова о пресвятой Богородицы":

(XII в.) Хотѣ св. Богородица помолитися къ Господу Богу нашему на горѣ Елеонстѣй (въ греческомъ Ἔμελλεν ἡ παναγία θεοτόκος πορέυεσθαι ἰδεῖν τὰς κολάσεις). Во имя Отца и Сына и Святого Духа да снидеть архангелъ Михаилъ и 400 ангелъ съ нимъ: 100 отъ въстока, 100 отъ полудня, 100 отъ полунощь. И цѣлова благодатную Михаилъ со ангелы и рече: Радуйся отче исполненіе.

(XV в. Серб.). Обхожденіе мукамь. „Благовесты с҃та б҃ца вьзыде на гору елеонсцѣй и поклонисе кь г҃у и рече г҃и б҃же мои: да сьниде ть къ мнѣ архангель и да скажет мы м҃ченіа мѣста и въ тьи час сьниде арх҃гль и. ф. а҃гль сь нимь. и поклонисе прѣч(и)стой вл҃дчци нашей б҃ци и вьзупише радуйсе прѣ҃ста м҃ты д҃во упованіе хрстаномь. радуйся а҃гльское похваленie.

Это вступленіе въ Слово съ похвалой архистратигу Михаилу въ позднѣйшихъ русскихъ спискахъ опускалось. Оставался разговоръ Богородицы съ Михаиломъ, хожденія и видѣнія, заключеніемъ которыхъ является молитва всѣхъ силъ небесныхъ съ Богородицей о грѣшникахъ. Всѣ славятъ милосердіе Владыки за покой грѣшнымъ отъ великаго четверга до святой Пятидесятницы. Хожденіе открывается обозрѣніемъ ада. На первомъ планѣ безбожники: сіи суть, говоритъ архистратигъ, иже не вѣроваша въ отца ...нъ забыша Бга и вѣроваша, юже ны бѣ тварь Богъ на работу сотворилъ, то они все Богы прозваша: солнце и мѣсяць, землю и воду, звѣри и гады (далѣе слѣдуетъ затруднительное чтеніе, которое вѣрнѣе издано Тихонравовымъ, невѣрно прочтено Срезневскимъ и Порфирьевымъ) то сетынѣѥ и чл҃чвь окамената (читай: чл҃вчьго каменіа) оутрия (по Порфирьеву: устроя) Трояна, Хърса Велеса, Перуна на Богы обратиша бѣсамъ злымъ вѣроваша". — Трогательно описывается обращеніе Богородицы съ грѣшниками, которыхъ она распрашиваетъ со слезами, и прегрѣшенія которыхъ объясняетъ Михаилъ. Адъ представляется въ 7-ми небесахъ, покрытыхъ тьмой, гдѣ масса мужей и женъ вопятъ громогласно за свое невѣріе. Отсюда Михаилъ показываетъ на полудень и на полуноць. И вотъ на полудни течетъ рѣка огненная, а въ ней, по объясненію Михаила, мучатся: проклятые родителями, не соблюдавшіе таинства кумовства, питавшіеся человѣческимъ мясомъ, клявшіеся крестомъ и не соблюдавшіе крестнаго цѣлованія. Далѣе Богородица видитъ: виситъ человѣкъ за ноги и ѣдятъ его черви (сь — сей есть, иже приклады — проценты имаше на злато свое и на серебро), виситъ жена за зубы (въ серб.: „человѣкъ за языкъ", а „жена за уши") и различныя змѣи исходятъ изъ устъ ея (подслушивала по сусѣдямъ и ссорила ихъ). Богородица хочетъ еще походить, и повели ее на полуночь. Въ огненномъ облакѣ, на огненныхъ одрахъ лежатъ мужи и жены, — это тѣ, которые просыпали заутрени, которые не чтили пресвитеровъ, которые клеветами разлучали близкихъ, которые продавали имѣніе церковное. Попы висѣли въ огнѣ за то, что роняли при проскомидіи крупицы просфоръ. Крылатый змѣй съ тремя головами терзалъ человѣка, который былъ изученъ священнымъ книгамъ, но не творилъ по писанію. Михаилъ ведетъ Богородицу далѣе, и передъ ними въ тяжелыхъ мученіяхъ вопили: патріархи, епископы съ славными именами, попадьи, черницы монастырей. Еще далѣе въ огненной рѣкѣ плыли любодѣйцы, сводницы, пьяницы, немилостивые князья, епископы, патріархи, цари и проч. И

плакала Пресвятая. Безчисленны муки грѣшникамъ, говорилъ Михаилъ, куда же ты хочешь Благодатная? на востокъ, или на западъ, въ рай, на—право, или на—лѣво? И пожелала Богородица выйти на лѣвую страну. И какъ въ морскихъ волнахъ, среди мрака, какъ въ кипящемъ котлѣ поднимались и опускались грѣшники. Еще въ болѣе ужасной рѣкѣ мучились жидове, отравители, убійцы, блудившіе съ родственницами, давившіе дѣтей. И сказала Богоматерь: по дѣломъ ихъ буди тако. И поднялась бурная рѣка, засверкавъ огненными волнами, и снова распространилась тьма. Михаилъ ведетъ Богородицу къ огненному озеру, въ которомъ мучились христіане, творившіе дѣла дьявола. Здѣсь Богоматерь не можетъ удержаться и хочетъ войти въ муки христіанъ; но Михаилъ удерживаетъ ее. „Почивай въ раи"! говоритъ Михаилъ. Необыкновенный драматизмъ, грандіозность картинъ выдѣляютъ это произведеніе изъ ряда апокрифовъ. Всеобщая молитва и обращеніе къ Господу за грѣшниковъ составляютъ завершеніе этого прекраснаго произведенія.

Видѣнія мукъ въ Хожденіи Богородицы повторяются въ неменѣе популярномъ „Видѣніи апостола Павла", о которомъ можно читать изслѣдованіе проф. Шепелевича: „Этюды о Дантѣ. Апокрифическое Видѣніе св. Павла" (Харьковъ, 1891—92 гг.). Славянскій текстъ XIV в. современенъ дошедшему до насъ древнѣйшему греческому тексту, не считая массы передѣлокъ на всѣхъ языкахъ Европы. Славянское „Видѣніе ап. Павла" въ русской литературѣ послужило предметомъ многочисленныхъ передѣлокъ и извлеченій. Таковы многочисленныя поученія о денноношной молитвѣ. Эпизодъ этотъ представляетъ начало апокрифа. Славянскій текстъ XIV в. „начинается жалобами природы на беззаконія людей. Солнце, луна и звѣзды, моря, земля изъявляютъ готовность наказать людей по заслугамъ. Солнце говоритъ про ихъ „беззаконье и неправды", луна и звѣзды про „блудьство и кровопрольянье", воды утверждаютъ, что „сынове человѣцстии оскверниша святое твое имя и насъ". Земля, чувствуя себя „паче всея твари осужена", жалуется краснорѣчивѣе всѣхъ, „не могуща терпѣти блуда и разбоиства и тадбы и клятвы и волхвованія и обаженья человѣчьскъ". Она не желаетъ приносить плодовъ и проситъ лишить дѣтей грѣха необходимыхъ для нихъ услугъ. Господь и здѣсь, какъ при жалобахъ свѣтилъ и воды, увѣщеваетъ просителей вѣрно служить людямъ, ожидая ихъ исправленія". (Шепелевичъ, ч. I, 64 стр.). Въ этихъ жалобахъ природы видятъ вліяніе апокрифической книги Эноха, сходство съ сло-

вами Ефрема Сирина. Слѣдующій эпизодъ „денноноіщной молитвы" отражается въ „Словѣ нѣкоего Христолюбца"—русскомъ Словѣ до-Монгольскаго періода, едва-ли не XI в. „Павелъ рече: видѣхъ облакъ кровавъ (а не огневъ) распростертъ надъ всѣмъ міромъ, и вопросихъ глаголя: Господи что се есть? И рече ми: се есть молитва человѣка, смѣшанная съ беззаконіемъ". Подробность эта можетъ служить доказательствомъ древности славянскихъ и русскихъ списковъ Павлова Видѣнія. Въ немъ послѣ воззванія стихій слѣдуетъ поученіе о необходимости молитвы во время доклада ангеловъ. „Подробность эта, говоритъ Шепелевичъ, (95 стр.) сдѣлалась съ теченіемъ времени весьма популярной проповѣднической темой. Существовавшій издревле обычай вставать ночью на молитву былъ старательно поддерживаемъ набожнымъ духовенствомъ. Конечно, съ ослабленіемъ религіознаго рвенія, онъ сталъ рѣже соблюдаться,—и вотъ главная и основная причина усердія проповѣдниковъ. Извѣстія объ этомъ обычаѣ восходятъ до Поученія Владиміра Мономаха и совершенно ясно формулированы въ Домостроѣ". Въ Поученіи Владиміра Мономаха мы читаемъ: „Не грѣшите ни едину же ночь, аще можете, поклонитися до земли; или вы начнеть ся не мочи, и трижды; съ того не забывайте не лѣнитися, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣніемъ человѣкъ побѣжаетъ дьявола, и что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ человѣкъ избываетъ". Поученій о денноіщной молитвѣ извѣстно съ XV в. девять разныхъ видовъ; они стоятъ въ связи съ иконографіей. Это т. н. „Образъ ангела—хранителя съ похожденіями", конца XV—начала XVI в., описанный гр. Уваровымъ (Русскій Архивъ 1864 г.). Другая подобная же икона, по сообщенію гр. Уварова, относится къ XVIII в. На иконѣ XVI в. слѣдующая длинная надпись: „Въ первый часъ дни ангелъ—хранитель всякаго человѣка приходитъ на поклоненіе Господу, отвѣтъ дающе что будетъ сотворилъ человѣкъ; дѣла нощная и дневная объявлени суть предъ Богомъ отъ ангела; и того ради на всякъ день и нощь благодарите Господа Бога, да необленимся ни единой нощи преминуть безъ поклоненія къ Господу, да не опечалимъ хранителя своего ангела. Рече Господь Господеви моему: сяде одесную мене дондеже положу враги твоя". Икона дѣлится на двѣ половины: изображеніе дневныхъ происшествій съ аллегорической фигурой дня и ночныхъ съ соотвѣтствующимъ изображеніемъ. Икона представляетъ сложное изображеніе: внизу ея помѣщенъ трупъ съ окружающими людьми, и проч. Въ заключеніи „Слова о Видѣніи ап. Павла" излагается поученіе о необходимости ночной молитвы.

Разсказывается о ночномъ докладѣ ангеловъ и подробномъ перечисленіи послѣдними всѣхъ грѣховъ и хорошихъ поступковъ людей: „того для братие и сестры на всяки день и нощь благодарите Бога... въ конець бо дни и въ конець нощи во оуреченныи часъ всегда ангели всѣхъ на поклоненіе къ Богу приходятъ не можемъ ни единъ часъ ни единая нощь преминути не молившеся Богу да не опечалимъ хранителя нашего ангела. Нощь бо на двое разлучена, тѣлоу на упокой и души на спасеніе". Изъ дальнѣйшихъ эпизодовъ „Видѣнія ап. Павла" замѣчательны: смерть праведника и грѣшнаго, загробныя видѣнія ап. Павла (океанъ, окружающій вселенную, въ которомъ погружены грѣшники и 17 мытарствъ).

Рядомъ съ апокрифическими евангеліями и апостольскими дѣяніями существовали и апокрифическіе апокалипсисы и именно Іоанна Богослова (Вопросы І. Б. на горѣ Ѳаворской, І. Б. Аврааму на Елеонской горѣ, І. Б. Аврааму о праведныхъ душахъ) и Варѳоломея. Содержаніе ихъ исчерпывается вопросами о будущемъ судѣ, о кончинѣ міра и пр. Нѣкоторые изслѣдователи, какъ проф. Мочульскій, хотятъ объединить разрозненныя апокрифическія сказанія, относящіяся къ Библіи, между прочимъ въ видѣ многочисленныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, въ формѣ народной Библіи, отвѣчавшей цѣлямъ еретичества, между прочимъ богомильства („Слѣды народной Библіи въ славянской и въ древне-русской письменности", Одесса, 1893 г.). Въ этихъ вопросахъ обращаютъ на себя вниманіе необыкновенныя книги „яко семь горъ толщина, долготы же ихъ умъ человѣчь не можетъ разумѣти, имуще семь печатей". Въ славяно-русской литературѣ изъ греческой были распространены разнообразные виды „Бесѣды трехъ святителей", въ которые и входили апокрифическія сказанія.

Древне-русская иконографія съ древнѣйшихъ временъ знала нѣсколько сюжетовъ, связанныхъ съ апокрифическими житіями христіанскихъ мучениковъ: Георгія, Никиты, Ѳедора Тирона и др. Уже въ фрескахъ Старо-Ладожской церкви XII вѣка и на Погодинской иконѣ XIII в. находимъ „св. Георгія, змію и Елисаву"—Елизавету, при чемъ эта освобожденная царевна ведетъ змѣя, обвязавъ его поясомъ. Бронзовыя иконки, носившіяся въ видѣ амулетовъ, имѣютъ очень часто изображенія св. Никиты, поражающаго демона дубцомъ. Эти иконки ведутъ свое происхожденіе съ очень древняго времени. Въ числѣ наружныхъ фресокъ, украшающихъ Дмитріевскій соборъ XII в. во Владимірѣ находимъ изображеніе св. Никиты, казнящаго

бѣса (Русскія Древности гр. Толстова и Кондакова, 1899 г., вып. VI, стр. 27—28).

Св. Георгій Побѣдоносецъ съ давнихъ поръ сдѣлался любимымъ героемъ народныхъ пѣсенъ и разсказовъ, такъ какъ многіе князья носили это имя и многія церкви строились во имя этого святого, съ XI в. Можно предполагать, что уже съ давнихъ поръ явились и народные обряды на Егорья, весной и осенью, которые притянули къ себѣ и старинные языческіе обряды. Почему же житіе св. Георгія, какъ и другихъ нѣкоторыхъ святыхъ—мучениковъ, считается апокрифическимъ? Конечно, не по одному тому, что рядомъ существовали два житія: одно, составленное церковью-каноническое, а другое апокрифическое,—распространился культъ Георгія. „Апокрифическое житіе Георгія ясно и положительно осуждается въ славянскихъ индексахъ запрещенныхъ книгъ: въ Погодинскомъ Номоканонѣ XIV в. осуждается Георгіево мученіе отъ Дадьяна, а позднѣе запрещается Евпатіево мученіе, въ которомъ повѣствуется о его семикратной смерти, и Ѳедора Тирона; въ нѣкоторыхъ индексахъ прямо указывается, что всякій святой умиралъ только одинъ разъ... Покровительствуемое церковью проложное житіе съ Діоклетіаномъ получило большую силу, но не могло подавить апокрифа: оно вліяло на переписчиковъ его только такимъ образомъ, что они иногда, особенно въ началѣ, замѣняли Дадіяна Діоклетіаномъ, который оставался однако царемъ Персидскимъ“ (Кирпичниковъ: Св. Георгій, 1879 г., 33 стр.). Славянская редакція мученія Георгія характеризуется названіями отца и матери Георгія, отсутствіемъ чудесъ, изобиліемъ мученій и мѣстомъ мученія—Діосполисомъ. Мать Георгія называется Полихроніей—многомудрой, какъ бы Софіей. Отецъ его Геронтій язычникъ склоняется, по совѣту сына, принять христіанство. Жрецы доносятъ на Георгія царю. Вотъ длинный рядъ мученій, претерпѣнныхъ Георгіемъ: его колютъ копьями, но копья загибаются отъ мужественнаго тѣла воина, на грудь ему кладутъ огромный камень, а на другой день привязываютъ къ колесу, утыканному острыми мечами, и такимъ образомъ раздираютъ его тѣло. Но Георгія поддерживаетъ невидимая сила и голосъ съ неба. Императрица Александра и два претора принимаютъ христіанство. Георгія бросаютъ въ ровъ съ негашенной известью, на третій день ищутъ его костей, но находятъ цѣлымъ и невредимымъ. Затѣмъ святого обуваютъ въ раскаленные утыканные гвоздями сапоги изъ желѣза, бьютъ его воловыми жилами, но муки эти остаются для Георгія нечувствительными. Маги язычники даютъ святому ядо-

вптое питье, но Георгій остается невредимымъ. Тогда императоръ и маги требуютъ отъ Георгія чудесъ. Святой воскрешаетъ мертваго, излѣчиваетъ больныхъ, однимъ словомъ исцѣляетъ больного вола пахаря. Георгій притворно соглашается принести жертву идоламъ, но повергаетъ въ храмѣ идоловъ однимъ своимъ словомъ. Тогда Георгія присуждаютъ къ казни вмѣстѣ съ императрицей, но по дорогѣ послѣдняя умираетъ, а Георгію отрубаетъ голову палачъ. Древнѣйшее житіе Георгія служило нерѣдко пособіемъ для другихъ сочиненій подобнаго рода. Такъ и чудо Георгія со змѣемъ и дѣвицей послужило прототипомъ для житія Михаила Терновскаго. Въ чудѣ св. Георгія (вообще, предшествующемъ мученіямъ его, или являющимся посмертнымъ) разсказывается объ избавленной святымъ воиномъ царской дочери отъ чудовища (огромнаго змѣя „сосозага сирѣчь дьявола кровопивца, возгнѣздившагося въ озерѣ“ близъ города Лаосіи), которому городъ обреченъ былъ жертвовать въ пищу змѣя дѣтей, начиная отъ царя. Освобожденный городъ крестится отъ руки епископа Александра.

Въ апокрифическомъ житіи Өеодора Тирона разсказывается подобное же чудо съ матерью героя, попавшей въ плѣнъ змію, какъ въ нашей былинѣ о Добрынѣ Никитичѣ. Она вышла напоить коня Өеодора, такъ какъ змій отнялъ у города воду. Избавленіе матери разсказано такъ: „рабъ же божій Өеодоръ вниде въ жилище зміево и обрѣте матерь свою яко дѣву украшену, златомъ и сребромъ покрыту и 12 змѣй великихъ остегнули ю и аспида мерская предъ нею старый змій сѣдяше на столѣ златѣ и стери гади великія и малыя лежаху предъ нею, стрежаху ея. Рабъ же божій Өеодоръ видѣвъ и ужасеся и паки виде матерь и помысли прихватити ю и приближися къ ней, и абие воздвигошася 12 зміевъ свистающи на него и мерзская аспиды гласяща и облизающися устнѣ свои и старый одобелѣ и бысть якоже человѣку очима не возрѣти и маліи такожe когождо отъ злобъ своихъ и покушахуся пожрети хотяще жива раба божія Өеодора. Рабъ же божій Өеодоръ видѣвъ множество зміевъ и ужасеся и тако маляшеся (слѣдуетъ молитва)... и пріиде ему гласъ глаголя: „възмогай Өеодоре азъ есмь съ тобою“ и простре руку свою побѣди змія и 12 змѣй и аспиду пронзе и все воинство зміево побѣди“. Өедоръ взялъ мать и встрѣтилъ по выходѣ изъ норы великаго змія, котораго и пронзилъ копьемъ. Только молитвой спасся Өеодоръ и отъ змія, и отъ громады его тѣла, которое унесено было небесной рѣкой.

Въ апокрифическомъ мученіи Никиты повторяются черты житія св. Георгія, на котораго есть даже и ссылки (кто тя потвори, ци Егорій тя потвори, его же умучи братъ мой Дадьянъ). Никита является побѣдителемъ Вельзаула бѣса: „простреже блаженный руку свою ять дьявола и поверже подъ собою и наступи на шею его и задави... и снемъ оковы, яже бяху на ногу его, и бьяше дьявола оковами". Даже на судъ изъ темницы Никита приводитъ предъ царя бѣса, держа за руку, и поверже его ницъ. Замѣчательно окончаніе житія Никиты: „да идеже слышится святое чтеніе честнаго и славнаго мученика Христова врача Никиту. и ти аще не добрѣ ся начнеть учити своему ученію, да добрѣ ся научитъ; аще болитъ, да исцѣленіе ему будетъ; аще ли будетъ въ горцѣ работѣ, да свобода ему будетъ; и бѣсы мучить(ся) да избавится отъ нихъ; аще ли сирота или вдовица заступленіе имъ да будетъ; у негоже будетъ чтеніе се св. славнаго мученика Христова Никиты за шесть дній бѣжать отъ него грѣхи его, а за четыредесятъ дній бѣжать отъ него дѣмони". Тоже повторяется въ Ипатьевомъ мученіи.

Обращаемся теперь къ нѣсколькимъ памятникамъ, которые носять названіе житій, но на самомъ дѣлѣ представляютъ т. н. хожденія: житіе Зосимы (хожденіе Зосимы къ Рахманамъ), житіе Макарія Римскаго (хожденіе трехъ монаховъ къ Макарію Римскому), Житіе Агапія (сказаніе о посѣщеніи св. Агапіемъ рая). Акад. Веселовскій (Изъ Исторіи романа и повѣсти, вып. I, 1886 г., стр. 296 и д.) такъ передаетъ содержаніе перваго памятника (приводимъ въ сокращеніи „Хожденіе Зосимы къ блаженнымъ Рахавинъ", или „О Рахманѣхъ Зосимохожденіе"; рукописи съ XIV в.): Зосима живетъ въ пустынѣ, постясь и молясь Богу, дабы видѣть жизнь божественныхъ человѣкъ. Ангелъ вѣщаетъ ему, что его молитва услышана... Сорокъ дней идетъ Зосима пустыней; верблюдъ, преклонивъ передъ нимъ колѣна, принимаетъ его на себя, несетъ дальше и кладетъ на страшномъ мѣстѣ, откуда страшная буря несетъ дальше къ рѣкѣ. „И възпи рѣка глаголющи: Зосимо, человѣче Божій, не можеше пройти сквозѣ мя, немощьно бо человѣку пройти водъ моихъ. И азъ возрѣвъ и видѣхъ стѣну облачну отъ земля до небеси и рече ми облакъ: Зосима, человѣче Божій, сквозѣ мя не проходить ни птица отъ мира сего, ни духъ вѣтренъ, ни солнце ни превабитель дьяволъ"... По молитвѣ Зосимы два дерева выростаютъ по обѣ стороны рѣки, наклоняются другъ къ другу и даютъ возможность путнику перебраться на тотъ берегъ... Зосима встрѣчаетъ нагого, сидящаго мужа, который видитъ въ немъ человѣка Божія—иначе

ему не перейти бы через рѣку и облако,—и говоритъ ему: „Азъ единъ отъ блаженныхъ человѣкъ; пойди, брате, да тя веду ко старцемъ нашимъ“. Увидя пришельца отъ суетнаго міра старцы хотятъ помолиться Господу Богу... Ангелы спускаются съ неба и говорятъ, что Зосима посланъ къ нимъ Богомъ, чтобы пробыть съ ними семь дней и исписать ихъ житіе“. Блаженные не отвѣчаютъ аскетическому идеалу, хотя и стараются воздерживаться отъ излишествъ: у нихъ нѣтъ строгаго брака, нѣтъ одежды (нагомудрецы), нѣтъ домовъ, нѣтъ мяса, нѣтъ винограда, нѣтъ даже счета времени. Молитвѣ блаженныхъ съ пѣніемъ вторятъ ангелы въ небесахъ.

Отреченное сказаніе о трехъ инокахъ (Сергіѣ, Ѳеофилѣ и Угинѣ или Евгенѣ), обрѣтшихъ св. Макарія, какъ будто служило введеніемъ къ житію св. Макарія, помѣщаемому въ минеяхъ, подъ 23 октября. Это сказаніе извѣстно уже въ старо-славянскомъ текстѣ по списку XIV в., въ томъ же столѣтіи знакомо было на Руси, судя по ссылкѣ на него арх. Новгородскаго Василія. Сообщаемъ содержаніе сказанія по обстоятельному изслѣдованію акад. Веселовскаго (Изъ исторіи романа и повѣсти, 1886 г., вып. I, 306 стр. и д.). „Три инока отправляются въ монастырь Асклинія, что въ Месопотаміи сирской: они хотятъ странствовать всю жизнь, лишь бы дойти до мѣста, гдѣ прилежитъ небо къ земли. Посѣтивъ Іерусалимъ и поклонившись его святынямъ, они обращаются на востокъ, переходятъ Тигръ и направляются въ Индію. На пути они находятъ столпъ Александра Македонскаго и другія чудеса: поющихъ птицъ человѣческими голосами, „церковь ледяну и велику, посредеже церкви тоя олтарь знамянованъ посредиже олтаря того источникъ знамянанъ водный бѣлъ, яко млѣко ...се есть источникъ безсмертенъ, ожидая праведныхъ насладитися“. Замѣчательны далѣе описанія природы, въ стилѣ иконописи, напр. вѣтровъ: западный вѣтеръ—зеленый, восточный—рыжій, яко желтъ, полуночный, какъ чистая кровь и полуденный вѣтръ бѣлъ, яко снѣгъ. Въ пещерѣ иноки-странники находятъ св. Макарія, покрытаго съ ногъ до головы бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, служившими ему вмѣсто одежды. Рай Божій, говоритъ св. Макарій, находится за двумя городами: желѣзнымъ и мѣднымъ (какъ это совпадаетъ съ извѣстными народными разсказами сказочнаго характера), тамъ у воротъ рая стоятъ херувимы и серафимы съ пламеннымъ оружіемъ въ рукахъ: „суть же та хирувимы отъ ногу до пупа человѣцы, а перси львовы, а глава иною тварію, а руцѣ яко ледяни“. „Св. Макарій разсказываетъ инокамъ о томъ, какъ онъ тайно покинулъ жену, съ которой со-

четали его родители; какъ пришелъ въ пустыню, руководимый ангеломъ, дикимъ мужемъ, оленемъ и змѣемъ; объ искушеніи, въ которое былъ введенъ коварствомъ дьявола, и о покаянномъ искусѣ, который онъ наложилъ на себя. Побесѣдовавъ съ святымъ, странники собираются въ обратный путь; два льва, прислуживавшіе св. Макарію, доводятъ ихъ до темныхъ мѣстъ... обрѣтохомъ столпъ и комору Александрову. Здѣсь львы покидаютъ ихъ, и они, вступивъ въ Персію и перейдя Тигръ, находятъ христіанъ. Такъ кончается легенда, локализованная гдѣ-то въ пустынѣ, въ пустынѣ за Іорданомъ, гдѣ въ сосѣдствѣ съ Макаріемъ римскимъ находится и земной рай, куда онъ напрасно пытался проникнуть" (313 стр.). А. Н. Веселовскій полагаетъ, что авторъ Хожденія трехъ иноковъ воспользовался какимъ-нибудь христіанизованнымъ пересказомъ Посланія Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю, и именно разсказомъ о Хожденіи въ страну блаженныхъ, τῶν Μακάρων, съ которыми сблизилъ по типу и имени пустынножителя св. Макарія.

Извѣстный Успенскій сборникъ XII в. съ славяно-русскими статьями и съ замѣчательными русскими списками житій, словъ и апокрифовъ содержитъ Хожденіе Агапія въ рай, которое только и имѣется въ русскихъ спискахъ разнаго времени. Агапій, увлеченный аскетизмомъ, мечтаетъ отыскать рай. Его руководитъ орелъ во время плаванія по морю на караблѣ. Корабль пристаетъ къ раю, покрытому обильной зеленью и наполненному сладкозвучнымъ пѣніемъ птицъ. Господь руководитъ Агапіемъ, и далѣе странникъ видитъ стѣны высотою отъ земли до неба, въ которыхъ дверь съ малымъ оконцемъ. Толкнувшись въ нихъ Агапій видитъ Илью пророка, въ образѣ старца, который даетъ ему вкусить райской пищи и напиться райскаго кладязя съ водою бѣлѣе молока и слаще меду. Въ необыкновенномъ свѣтѣ предъ нимъ предсталъ крестъ до небесъ. Райскій хлѣбъ отличается отъ земнаго тѣмъ, что никогда не убываетъ. Агапій спасаетъ имъ отъ голоду заблудившихся корабельщиковъ, воскрешаетъ юношу, которому кладетъ райскій хлѣбъ на лицо. Съ райскимъ хлѣбомъ Агапій прожилъ еще четыре года, написавъ о видѣнномъ къ іерусалимскому патріарху черезъ корабельщиковъ. Текстъ изданъ А. Поповымъ (Библіографическіе Матеріалы 1879 г. Чтенія Общ. Ист. Древн. Росс. 1879 г., кн. I, стр. 41 и д.). Приводимъ изъ него выдержки: „и въздрадовася вельми и приближися къ морю и видѣ въ корабли дѣтищь и дъва мужа велика. и егда поклонитися хотѣ и рещи: добрѣ ходите (ср. нашу древнюю лѣтопись. Не русскій ли это переводъ XI—XII вв.?) и

добръ вы путь боуди. тъгда малый дѣтищь пърьвѣе рече къ Агапію: Агапіе съдравъ ли еси и чьто дѣеши сьде въ лоукахъ сихъ морьскыихъ".

Можетъ быть, уже въ домонгольскій періодъ извѣстны были сказанія о 12 пятницахъ и Епистолія о недѣлѣ, такъ какъ въ посланіяхъ, приписываемыхъ Ѳеодосію Печерскому, находимъ намеки на неправильныя мнѣнія о недѣлѣ. Сказаніе о 12 пятницахъ говоритъ о значеніи выдающихся пятницъ въ году, передъ годовыми праздниками, въ которыя должно поститься. Въ сказаніи опредѣляются ветхозавѣтныя и новозавѣтныя воспоминанія, соединенныя съ этими пятницами, и облегченія отъ грѣховъ за постъ. Епистолія о недѣлѣ относится къ числу подобныхъ же сказаній.

Въ индексы ложныхъ книгъ заносилось „Откровеніе Меѳодія Патарскаго", но по обстоятельному изслѣдованію проф. Истрина 1897 г. (Откровеніе Меѳодія Патарскаго и Апокрифическія видѣнія Даніила въ византійской и славяно-русской литературахъ) „Слово Меѳодія" не есть апокрифъ: оно не содержитъ въ себѣ изложенія неизвѣстныхъ въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ событій и не говоритъ ничего особеннаго о лицахъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ. Если въ немъ встрѣчается неизвѣстный изъ Библіи Мунтъ, сынъ Ноя, то это не дѣлаетъ Откровенія апокрифомъ, каковымъ было, конечно, само сказаніе о Мунтѣ, сынѣ Ноя. Какъ книга истинная „Слово Меѳодія о кончинѣ міра" было извѣстно Нестору лѣтописцу, цитующему его два раза. Вся исторія, начиная съ Адама и кончая вторымъ пришествіемъ Христа, расположена въ Откровеніи въ семи тысячахъ. Славянскій переводъ сдѣланъ не съ буквальной точностью, но свободно; переводчикъ обращалъ больше вниманія на передачу смысла, нежели на точность слова. Съ „Откровеніемъ Меѳодія Патарскаго" (писателя III—IV вв.) стоятъ въ связи апокрифическія „Видѣнія Даніила". Оба памятника пророческаго характера. Славянскія рукописи восходятъ къ XIII в. Къ числу древнихъ апокрифовъ относятся лживыя молитвы о недузѣхъ: отъ трясавицы, отъ нежита, отъ злого духа, отъ змѣи, и т. п. Самыя интересныя молитвы въ этомъ циклѣ—это приписываемыя св. Сисинію. Проф. Соколовъ („Новый матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками". Древности и Труды Славянской Комиссіи И. Московск. Арх. Общ. I, 1895 г., 164 стр.) опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ молитвы этого типа: „встрѣчающіяся въ русскихъ рукописяхъ молитвы и заговоры Сисиніевскаго типа отличаются отъ греческихъ и юго-славянскихъ тѣмъ, что они совершенно не знаютъ легенды

о Мелитинѣ (Сисиній узнаетъ о страданіи сестры Мелитины отъ ангела: у ней взяли 5 дѣтей, и она вошла въ столпъ съ 6. Сисиній хотѣлъ защитить сестру, но дьяволъ похитилъ и 6-го ребенка. Сисиній на быстромъ конѣ догналъ у моря дьявола, билъ его желѣзной палицей и узналъ имена бѣса и вынудилъ у него обѣщаніе оставлять человѣка по молитвѣ) и сверхъ того говорятъ обыкновенно не объ одномъ демонѣ—вѣщицѣ, имѣющемъ много именъ, а о двѣнадцати (иногда семи, иногда болѣе двѣнадцати) дочеряхъ Ирода, трясавицахъ, носящихъ имена, характеризующія тотъ или другой признакъ болѣзни; есть впрочемъ не мало и русскихъ текстовъ съ такими же невразумительными именами, какъ въ текстахъ греческихъ и юго-славянскихъ; въ нѣкоторыхъ текстахъ даются болѣе подробныя объясненія тѣхъ болѣзненныхъ явленій, которыя производятся сестрами—трясавицами. Изъ этихъ объясненій оказывается, что кругъ ихъ зловредной дѣятельности чрезвычайно обширенъ и обнимаетъ едва ли не всѣ тѣ болѣзни, которыя иначе обозначаются именами: дны, нежита, гостца, грыжи и т. д.". Въ индексѣ Погодинскаго Номоканона XIV в. находимъ слѣдующее замѣчаніе: „недугъ естественный егоже трясавицами именуютъ, якоже баетъ Еремія попъ болгарскій; глаголетъ бо окаянный сице: яко сѣдящу св. отцу Сисѣнью на горѣ Синайстѣй и ангела Сихаилаименуеть, еже на соблазнъ мнозѣмъ и седмь трясавицъ Иродовы дщери басньствоваше злый... великый же Сисѣній патріархъ Констянтиня града въ своихъ ему словесѣхъ глаголаше сице: не мните мя онаго Сисѣнія лживаго, егоже написа Іеремія попъ неразумнымъ на соблазнъ". Какъ другія басни, говоритъ проф. Соколовъ (Матеріалы и Замѣтки 1888 г., I, стр. 23), приписываемыя въ индексѣ болгарскому попу Іереміи, такъ и Сисиніевы молитвы отъ трясавицъ, оказываются не оригинальными его измышленіями, а основаны на греческихъ оригиналахъ". „12 трясавицъ выходятъ изъ моря", а нежита Христосъ встрѣчаетъ на пути и заклинаетъ молитвой. Болѣе или менѣе апокрифическія молитвы приписываются и другимъ лицамъ, встрѣчаются въ служебныхъ книгахъ, какъ-то слѣдованныхъ псалтиряхъ, требникахъ и т. п.

Въ поученіи, приписываемомъ Іоанну Златоустому, по Златострую и Начальной лѣтописи (1068 г.), читаемъ: „се бо не поганьскы ли живемъ, аще въсрящемь (въ срѣчю) вѣрующе? Аще бо кто усрящеть черноризца, то взращается, или единець (μόνιος—кабана), или свинью (ли конь лысъ)... друзіи же и чиханію (закыханію) вѣруютъ еже бываетъ на здравіе главѣ". Такихъ примѣтъ въ древне-

сти было множество, причемъ народныя вѣрованія соединялись съ книжными. Въ Византіи астрологическія и гадательныя книги пользовались особеннымъ вниманіемъ среди высшаго общества. Они находились въ придворной библіотекѣ и носили названія знаменитыхъ царей и патріарховъ. Особенно славились книги Меламнода, Гермеса Трисмегиста, Льва Мудраго, Астрампсиха. Названія этихъ книгъ разнообразны: βροντολόγια, σεισμολόγια, ὀνειροκριτίκα и др. Вотъ названія соотвѣтствующихъ книгъ въ славяно-русской литературѣ по индексамъ: Мартолой, рекше астрологъ, Астрономія, Землемѣріе, Чаровникъ, Громникъ, Молніяникъ, Мѣсяцъ окружится, Колядникъ, Метаніе, Мысленникъ, Сносудецъ, „Волховникъ, волхвующе всякими коби птицами и звѣрьми еже есть: храмъ трещитъ, ухозвонъ, окомигъ, огнь бучитъ, песъ воетъ, мышей пискъ, ...волкъ воетъ, трава шумитъ, древо къ древу, листъ шумитъ“, птичникъ, „трепетникъ, мышца подрожитъ, лопаточникъ волхованія различная“, путникъ книга, въ ней же есть писано о встрѣчахъ коби всякія еретическія, Сонникъ, О часѣхъ о злыхъ и о добрыхъ, О днехъ лунныхъ, Звѣздочетецъ, Рафли и др. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ книгъ. „Несмотря на возможность предположеній о давнишнемъ знакомствѣ славянъ съ переведеннымъ уже въ царствованіе Симеона (по мнѣнію Шафарика) Громникомъ, мы очень древнихъ списковъ этого памятника—не знаемъ. Старшій восходитъ къ началу XIV в., значительная часть относится къ XV и XVI вв.“. (В. Н. Перетцъ: Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды, 1899 г., 32 стр.). Къ сожалѣнію, громники, колядники и другіе памятники гадательнаго характера дошли до насъ въ южно-славянскихъ спискахъ и въ позднихъ русскихъ. Въ древнѣйшей русской лѣтописи, подъ 1110 г., упоминается объ ангелахъ „въ звукахъ и громахъ“, согласно съ толкованіями Епифанія арх. Кипрскаго. Въ старину обращалось еще объясненіе происхожденія грома и молніи въ житіи Андрея Юродиваго. перешедшее въ народъ. Въ житіи Андрея Юродиваго предлагается нѣсколько объясненій происхожденія облаковъ, снѣга, молніи, грома и пр.: „Иліа пророкъ на колесници яздя гремитъ и молніа пущаетъ по облакомъ и гонитъ змія.... Иліа живъ есть на земли во плоти, и никтоже его не знаетъ; живъ же есть и Енохъ и посреди людей ходитъ, и никтоже его не вѣсть, нó едини суще достойни прилепляющеся ко Господу.., не святый Иліа пущаетъ молнію, не буди того, но ангелъ Господень приставленъ есть на се.“ Молнія ангелъ, ударяетъ въ змія—дьявола, и послѣдній ищетъ убѣжища у человѣка. Мы не будемъ остонавливаться на гадатель-

ныхъ книгахъ и гаданіяхъ, о которыхъ подробно сказано въ вышеприведенномъ мѣстѣ изъ хроники Георгія Амартола.

Послѣ апокрифовъ въ древнѣйшую пору русской письменности занимали видное мѣсто *повѣсти* и *романы*, переведенные съ греческаго. Византійская литература и здѣсь оказывалась посредницей между Востокомъ и Западомъ, какъ въ области святоотеческой литературы и апокрифовъ. Такимъ образомъ славянорусскія повѣсти и романы относятся т. ск. къ всемірной литературѣ. Сказанія объ Александрѣ Мекедонскомъ, о взятіи Трои, о животныхъ и птицахъ, о мудромъ совѣтникѣ Акирѣ, объ обращеніи въ христіанство Индійскаго царевича Іосафата и проч.—все это явленія изъ широко распространенныхъ достояній средневѣковой европейской литературы отъ Ирландіи до крайняго Востока и Юга.

Происхожденіе греческихъ повѣстей и романовъ разнообразно: въ нихъ отражались древнѣйшія восточныя сказанія, классическія преданія, христіанскіе идеалы, историческія отношенія Византіи къ арабамъ. Восточныя повѣсти съ ихъ діалогами, притчами, съ цѣпью сплетающихся разсказовъ—новеллъ, объединенныхъ въ формѣ нравоучительныхъ сборниковъ, съ притчами изъ міра животныхъ (Панчатантра, 1001 ночь), соединяется въ греческихъ романахъ съ древнѣйшими греческими преданіями, съ христіанскими идеалами аскетизма, съ апокрифами и, наконецъ, съ военными повѣстями о непобѣдимыхъ рыцаряхъ Ромеевъ (Дигенисъ Акритъ), которыхъ позднѣе воспѣваетъ ново-греческая поэзія. Уже византійскіе хронографисты, Малала, Манассія, Георгій минхъ, вносили въ свои историческіе труды романы объ Александрѣ, о Троянскомъ взятіи и проч. Безчисленные греческіе сборники соединяли произведенія другого рода. Все это распространялось уже въ южно-славянской литературѣ въ переводахъ, перешло въ древнюю Русь и здѣсь было дополнено новыми переводами.

Мы начнемъ обзоръ этой литературы съ т. н. Александріи— „Книги Александръ". До насъ дошло четыре редакціи славянорусской Александріи, причемъ древнѣйшая читается въ хронографахъ (Московскаго Архива Минист. Иностр. Дѣлъ—въ хроникѣ Малалы и пр.) и въ выдержкахъ изъ нихъ. Извѣстная помѣта Архивнаго Сборника 1261 г.—временемъ переписки его—указываетъ на происхожденіе русскаго древнѣйшаго перевода Александріи въ XII—XIII вв. Масса грецизмовъ свидѣтельствуетъ объ источникѣ, какъ множество ошибокъ и путаницъ въ переводѣ указываютъ на неопытнаго въ греческомъ языкѣ или въ греческой палеографіи (въ

чтеніи скорописи и слитныхъ начертаній) русскаго человѣка, удаленнаго отъ непосредственнаго общенія съ греческимъ міромъ, какое всегда было у южныхъ славянъ. О русскомъ переводчикѣ свидѣтельствуютъ слѣдующія выраженія: сулица, пестунъ и кормилецъ, рядитель, дружина, посадникъ, товаръ (лагерь, обозъ), корста (гробъ), староста, гривна, верста, скотъ (деньги), и проч. Формы церковнославянскаго языка указываютъ на древность. Таковы напр. формы двойственнаго числа глаголовъ, во множествѣ и даже съ различеніемъ 2 л. отъ 3 л. (обѣ странѣ възвасте). Можетъ быть Александрія была переведена еще у южныхъ славянъ въ XI в., но подвергалась передѣлкѣ подъ рукой русскаго переписчика.

Пользуясь изслѣдованіемъ проф. Истрина (Александрія русскихъ Хронографовъ, Москва, 1893 г.) мы приведемъ характеристику романа и его содержанія. „Исходнымъ пунктомъ западныхъ и восточныхъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ является греческій романъ т. н. Псевдокаллисфена. Исторія знаетъ одного Каллисфена, который не можетъ быть авторомъ разсматриваемаго романа. Настоящій Каллисфенъ былъ племянникомъ Аристотеля, который его и воспиталъ". Приблизившись къ Александру Каллисфенъ сопровождалъ его въ походахъ и составлялъ похвалы побѣдителю. Замѣшанный въ заговорѣ противъ Александра Каллисфенъ умеръ еще при жизни великаго завоевателя. Поэтому онъ не могъ описать смерти Александра, какъ въ разсматриваемомъ романѣ ложно надписанномъ именемъ Каллисфена. Въ романѣ Псевдокаллисфена видна тенденція прославить городъ Александрію,—отсюда заключаютъ о его египетско-александрійскомъ происхожденіи. Составныя части романа: 1) происхожденіе Александра отъ египетскаго бога, 2) повѣствованіе о завоеваніи Греціи и Востока и 3) чудеса, видѣнныя Александромъ на Востокѣ.

Содержаніе романа состоитъ въ слѣдующемъ. „Египетскій царь, Нектанебъ отличался искусствомъ волхвованія: въ томъ случаѣ, когда приходили въ Египетъ враги, онъ лѣпилъ восковыя изображенія воиновъ и кораблей и въ мѣдной посудинѣ оживлялъ и потоплялъ ихъ, а въ это время на морѣ погибали корабли противныхъ. Однажды донесли ему, что къ Египту приближается многочисленное войско враговъ. Нектанебъ обратился къ помощи своихъ чаръ, но увидалъ, что насталъ конецъ египетскому царству. Тогда онъ убѣжалъ изъ Египта, а Египтянамъ богъ ихъ Сераписъ на ихъ вопросъ о Нектанебѣ далъ такой отвѣтъ, что царь ихъ возвратится молодымъ и побѣдитъ ихъ враговъ Персовъ. Египтяне написали

этотъ отвѣтъ на статуѣ Нектанеба. Между тѣмъ Нектанебъ прибылъ въ Пелу македонскую и тамъ скоро прославился какъ искусный гадатель. Филиппа же въ это время въ городѣ не было. Олимпіада, жена Филиппа, будучи неплодною и боясь, чтобы Филиппъ не исполнилъ своей угрозы—отослать ее и жениться на другой—обратилась за помощью къ Нектанебу. Нектанебъ сказалъ ей, что она родитъ сына, если войдетъ въ сношенія съ Ливійскимъ Богомъ Аммономъ, при этомъ объявилъ, что въ эту же ночь во снѣ увидитъ она этого бога „съшедша" съ нею, и описалъ ей наружность его. Такъ и случилось. На другой день утромъ Олимпіада стала просить Нектанеба, какъ бы онъ устроилъ, чтобы богъ на самомъ дѣлѣ пришелъ къ ней. Нектанебъ потребовалъ, чтобы Олимпіада дала ему мѣсто близъ своей спальни, выслала бы отъ себя всѣхъ и, покрывъ лицо, ждала бы бога, который придетъ въ томъ видѣ, въ которомъ она видѣла его во снѣ. Олимпіада согласилась. Ночью Нектанебъ подъ видомъ бога Аммона пришелъ къ Олимпіадѣ и уходя сказалъ ей, что она зачала сына, который будетъ царемъ вселенной и отомститъ за нее. Посѣщенія Нектанеба продолжались и послѣ. Олимпіада, сдѣлавшись беременной, стала бояться отвѣтственности передъ Филиппомъ и высказала свое опасеніе Нектанебу, который при помощи своихъ чаръ устроилъ, что Филиппъ увидѣлъ особенный сонъ: къ его женѣ пришелъ какой-то богъ.. Когда настало Олимпіадѣ родить, Нектанебъ нѣкоторое время удерживалъ ее отъ рожденія, пока небесныя планеты не пришли въ благопріятствующее положеніе. При рожденіи Александра гремѣлъ сильный громъ и сверкала молнія. Родившійся Александръ не былъ похожъ ни на Филиппа, ни на Олимпіаду: видъ имѣлъ человѣческій, гриву на подобіе львиной, одинъ глазъ смотрѣлъ внизъ, другой въ бокъ. Ему дано было нѣсколько учителей, которые научили его различнымъ наукамъ и между прочимъ астрономіи". Здѣсь мы приведемъ выдержки изъ перевода для характеристики Нектанеба: „и выня дщицю златомъ и сланомъ обложена имѣющи звѣздъ 7 и чястный стражь, солнце же и луну. Солнце же убо крустально, а луна адаматина, другый нарицаемый Зеусъ въздушный другый же Кронъ змiевъ, Афродитъ самъфирова, Ермія же змарагдинъ *Орюсконъ* же лугдинъ. Подивившежеся Олумпіада дщичному многоразличію, присѣде къ Нектонаву, повелѣвши всѣмъ отступити, и рече къ нему: пророче (пророкъ египетскый) поглядай о моемъ и Филипповѣ рожествѣ.. „И рече ему ему Олумпіада како есть убо богъ той. Онъ же рече: възрастомъ убо срѣдніи, власы имѣя златы, и груди, и браду, рогы

имѣя на челе украшены златомъ". „Изыдеже убо отъ царицы Нектонавъ и взя зѣліа отъ пустыня, еже знаяше на сътвореніе сномъ, и се столкъ, създа воскомъ женско тѣло, и написа на немъ имя Алумпіадино и въжегъ свѣтилникъ отъ земліи, призываше заклиная бѣсы, иже бяху на се надобѣ, яко призрѣния творити Алумпіадѣ и видѣти и в нощи съплетшася с нею Амнона"... „Нектонавъ, сътворився змиемъ великымъ, вниде посредѣ полаты, и посвиста страшнѣ, яко потрястися основаніемъ полатнымъ, ядущіи же съ царемъ, видѣвше змія, вскочиша ужасни, Алумпіада же, познавше своего жениха, простре десную си руку, въздвижеся змій около всѣхъ ходивъ, възыде на лоно Алумпіадѣ и облобыза ю, знаменіе любве зміи прѣдвидящими творя. Филипу же боявшюся купнѣ и дивящюся и безъ сытости позарующю, преложися змій въ орла и възлетѣ". Продолжимъ пересказъ по изслѣдованію Истрина: „Свою силу и мужество Александръ проявлялъ уже въ дѣтствѣ. Однажды Филиппу привели диковиннаго коня, который ѣлъ сырое мясо, Филиппъ велѣлъ его запереть и кидать ему осужденныхъ на смерть преступниковъ". Александру этотъ конь—волъ (съ головой быка; можетъ быть, африканскій гну?) покорился. Слѣдуютъ разсказы о неосторожномъ убійствѣ Нектанеба Александромъ и признаніе въ немъ отца, убіеніе любовницы Филиппа Александромъ и его примиреніе матери съ отцомъ, отмщеніе смерти Филиппа, усмиреніе возставшаго города. Слѣдуютъ походы Александра. Черезъ Италію Александръ проникъ въ Африку, а отсюда—въ Малую Азію. Два раза Александръ находится при смерти послѣ купанья въ рѣкахъ. Одинъ переодѣвшись посѣщаетъ своего врага персидскаго царя Дарія и спасается въ свой лагерь. Точно также Александръ посѣщаетъ лагерь другого своего врага индійскаго царя Пора. Въ виду того, что наши былины содержатъ разсказы, напоминающія Александрію, мы приведемъ и пересказъ ея и нѣкоторыя выдержки. „Битва съ Поромъ была упорна; наконецъ Индійцы стали брать верхъ. Замѣтивъ это Александръ предложилъ Пору кончить бой единоборствомъ. Поръ обрадовался, надѣясь на свою силу; но во время единоборства послышался шумъ въ войскѣ Пора; Поръ оглянулся, а въ это время Александръ копьемъ поразилъ его (ср. Алешу Поповича). Прекративъ возникшій было бой надъ тѣломъ Пора обѣщаніемъ индійцамъ полной свободы и похоронивъ Пора, Александръ посѣтилъ Рахмановъ и ихъ учителя Дандамія. Отъ Рахмановъ онъ прибылъ въ Прасіачьскій городъ. Здѣсь находились два дерева, говорящія при заходѣ и восходѣ

солнца и луны человѣческимъ голосомъ. Отъ нихъ Александръ узналъ, что онъ погибнетъ отъ индійцевъ въ Вавилонѣ, точно также отъ Индійцевъ погибнутъ мать его и жена. Александръ изъ Индіи возвратился въ Персію и прибылъ во дворецъ Семирамиды, гдѣ царствовала Кандакія, извѣстная своимъ умомъ... Черезъ нѣсколько времени Кандакія отпустила Александра съ богатыми дарами. Прибывъ къ своему войску, Александръ направился къ Амазонкамъ, пославъ напередъ къ нимъ письмо, въ которомъ просилъ, чтобы онѣ пустили его въ свою страну, такъ какъ онъ идетъ не воевать ихъ землю, а только посмотрѣть. Въ отвѣтъ на это Амазонки подробно описали свою страну и свой образъ жизни и посовѣтывали Александру подумать, прежде чѣмъ выступать противъ нихъ". Замѣтимъ, что описаніе жизни амазонокъ напоминаетъ извѣстное мѣсто въ лѣтописи. Интересно, что и въ описаніи походовъ Александра встрѣчаются сходныя съ лѣтописными, напр.: „онъ же, шедъ въ Макидонію строитися нача хотя възыйти въ Асію и съдѣлавъ лодіа многы конскыя 700 и повелѣ внити в ня воемъ своимъ съ оружіемъ и въземъ талантъ 5 темъ злата и вънѣвше пря преидоша на страну фраческую". Приведемъ теперь нѣсколько чудесъ, видѣнныхъ Александромъ во время своихъ походовъ. Александръ пишетъ письмо матери о великанахъ, о людяхъ съ лицами львовъ, о чудесныхъ плачущихъ деревьяхъ, о необыкновенныхъ животныхъ (о шести ногахъ, о трехъ глазахъ), о людяхъ безъ головъ, и т. п. Александръ хотѣлъ видѣть и концы земли: онъ шелъ по темной землѣ, встрѣчалъ дивы, и птицы съ человѣческими лицами предупреждали его, чтобы онъ воротился. Дошедъ до живой воды, Александръ возвратился въ Индію. Послѣдняя глава Александріи, по разсматриваемой редакціи, носитъ названіе: „О солнечне градѣ и Кировахъ полатахъ и о смерти Олександровѣ". Здѣсь въ солнечномъ градѣ изъ дорогихъ камней Александръ видитъ: „бяше же нелепеличина клетка злата висящи у връха въ нейже бѣ птичь, акы голубь, да якоже человѣческымъ гласомъ, еллинскымъ языкомъ рече ми: Александре, престани уже противяся богу и обратися въ своя мѣста и не дерзай взити хотя на небескыя пути". Тутъ же Александръ въ полатахъ Кира видитъ другую птицу въ клѣткѣ золотую, гусли самогуды и т. п. Александра отравили на пиру ядомъ, поданнымъ въ винѣ. Умирая онъ велѣлъ положить себя на высокомъ одрѣ и войска проходили передъ нимъ. Затѣмъ послѣ мглы явились надъ нимъ звѣзда и орелъ, шедшіе по направленію къ морю. Когда

звѣзда опять взошла на небо — и въ это время Александръ скончался. Жилъ Александръ 32 года, начавъ царствовать 20 лѣтъ; покорилъ онъ 22 варварскихъ народа и 14 еллинскихъ племенъ и создалъ 12 городовъ, назвавъ ихъ въ честь своего имени Александріями.

Въ той же Архивной рукописи, въ которой находится Малала съ Александріей, встрѣчаемъ и *Троянскую исторію* не Гомера, а Дареса Фригійскаго. Корнелій Непотъ (также ложный) въ одномъ изъ текстовъ говоритъ: „пусть читатели сообразятъ, кому нужно болѣе вѣрить—Даресу ли, который жилъ во время самой войны и принималъ въ ней участіе, или Гомеру, который жилъ много спустя послѣ того, какъ война была окончена". Но и первоначальный текстъ Диктиса и Дареса не дошелъ до насъ, а дошли передѣлки въ хроникахъ Малалы, Манассіи и друг. Въ виду спорности вопроса о времени славянскаго перевода Манассіиной хроники и принадлежности Троянской Исторіи къ хроникѣ Малалы, мы скажемъ вкратцѣ объ этомъ романѣ, не разысканномъ въ византійской литературѣ, но извѣстномъ по латинскому переводу. Конечно, древній славянскій переводъ даетъ только краткое содержаніе Троянской исторіи. Въ хроникѣ Манассіи разсказъ начинается съ слѣдующаго вступленія: „сию азъ въсхотѣхъ брань съписати, якоже писавшіими прѣжде пишется о ней и хотя глаголати, не якоже Омиръ съписуеть, прощенія прося от благоразумныхъ. Омиръ бо сладкый языкомъ и доброумный различными шаровы прѣмудрости украшаетъ словеса, инуду же много обращаетъ и прѣлагаетъ".

Мы скажемъ теперь въ немногихъ словахъ о древнѣйшихъ переводныхъ повѣстяхъ о прекрасномъ Девгеніѣ Акритѣ, объ Акирѣ премудромъ, о Стефанитѣ и Ихнилатѣ и о Варлаамѣ и Іоасафатѣ. Всѣ эти повѣсти византійскаго происхожденія связаны съ азіатскимъ Востокомъ. Карамзинъ въ своей Исторіи Государства Россійскаго (примѣчанія ко II т. 333 и къ III т. 272) сохранилъ для насъ драгоцѣнныя строки древнѣйшихъ славянскихъ и русскихъ текстовъ „Дѣянія прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ" или „Дѣянія и житія Девгеніева Акрита" и „Синагрипъ царь Адоровъ" по утраченной рукописи, въ которой найдено Слово о Полку Игоревѣ. Сравнивая маленькія выдержки Карамзина изъ повѣсти о прекрасномъ Девгеніи съ текстомъ „Деянія прежнихъ временъ и храбрыхъ человѣкъ: о дерзости и о храбрости и о бодрости прекраснаго Девгенія" по рукописи XVII в., изданной въ „Памятникахъ Старинной Русской Литературы" (вып. II, 379 стр.), мы видимъ значительныя

отличія въ выраженіяхъ: текстъ XVII в., раздѣляя съ старымъ текстомъ многія общія выраженія, отличается значительными подновленіями, какъ бы пересказомъ стараго перевода. Русскіе тексты византійской поэмы были открыты ранѣе греческихъ, хотя и существовали новогреческія пѣсни объ Акритѣ, происшедшія отъ старинной византійской поэмы X в., судя по упоминанію въ ней императора Романа (912—944 г.). Греческія рукописи XIV, XVI, XVII вв. сохранили 4 редакціи въ стихахъ этого замѣчательнаго произведенія византійскаго національнаго эпоса. Герой его Василій Дигенисъ Акритъ, т, е. двуродный (язычникъ по отцу и грекъ — по матери) пограничникъ — охранитель границъ, въ предѣлахъ нападенія мусульманъ и апеллатовъ — разбойниковъ, около Ефрата. Содержаніе поэмы слѣдующее. Василій Дигенисъ сынъ сирійскаго эмира Мусура и дочери Андроника Дуки, похищенной эмиромъ. Мать похищенной посылаетъ 5 сыновей(по русскому тексту трехъ) въ погоню за эмиромъ. Послѣдній соглашается жениться, и отъ этого брака родится сынъ Акритъ Дигенисъ. Уже 12 лѣтъ онъ совершаетъ опасныя предпріятія на охотѣ и въ борьбѣ съ апеллатами. Наслышавшись о красотѣ Евдокіи изъ рода Дукъ онъ влюбляется въ нее. Но гордый отецъ отказываетъ въ рукѣ дочери, которую влюбленный похищаетъ. Послѣ торжественнаго совершенія брака супруга не оставляетъ своего мужа ни въ одномъ предпріятіи. Однако супругъ увлекается новой любовью, послѣ которой возвращается къ супругѣ Евдокіи. Они переѣзжаютъ на Ефратъ. Герой рано умираетъ (33 лѣтъ) отъ тяжкой болѣзни. Передъ смертью онъ крѣпко обнимаетъ свою супругу. Эта фабула и составляетъ зерно всѣхъ разсказовъ о Дигенисѣ Акритѣ. Приведемъ выдержки изъ русскихъ текстовъ въ порядкѣ развитія дѣйствія въ романѣ. „Бѣ нѣкая вдова царска роду, такъ начинается романъ, и предала себя ко спасенію — отъ церкви николиже отхождаше — и бысть у нея три сыны велелѣпны и велеозарны“. И была у нея еще дочь красавица, ради которой явился воинственный женихъ Амиръ царь Аравитскія земли. Онъ похитилъ съ войскомъ красавицу. Видѣла то только старушка въ царскомъ дому. Воротилась отъ обѣдни вдова, а дѣвушки нѣтъ, и распрашивала она рабовъ и рабынь и узнала о похищеніи Амира. Жаловалась она чадамъ своимъ: „и урва ми сердечное кореніе и уязе мя яко бездушную трость“. По ея просьбѣ сыновья ѣдутъ отыскивать Амира. „И всѣдоша на кони своя и поѣхаша яко златокрылатые ястребы, кони же подъ ними яко летаху и доѣха(ша) сумежья срацынскія земли и срѣтоша нѣкоего срацынина, стражи бдуща, и начаша бра-

таничи вопрошати его: повѣждь намъ, брате, колько до жилища вашего Амира царя? Срацынинъ же извлече мечь свой и течаше на нихъ дерзостно, а не вѣдая ихъ дерзости". На рѣчкѣ Багряницѣ братья находятъ стражу Амира и узнаютъ послѣ боя о множествѣ кметей его. Между тѣмъ Амиръ царь разсказываетъ сонъ боярамъ: „видѣхъ я ночесь сонъ, яко ястребы три біюще мя крылы своими". Пріѣхали братья и кличутъ изъ шатра Амира, а онъ отводитъ имъ глаза, указывая на гору, на которой валялись тѣла мертвыхъ, но не нашли они сестры своей. Метнули жеребьи съ Амиромъ, кому биться съ похитителемъ. Выпалъ жребій меньшому брату. „И начаша братаничи меншого брата крутить; а гдѣ стоятъ братаничи, а на томъ мѣстѣ аки солнце сіяетъ; а гдѣ Амира царя крутятъ, и тамъ нѣсть свѣта, аки тма темно. Братія же ангелскую пѣснь ко Богу возсылающе: Владыко, не подай созданія своего въ поруганіе поганымъ". Братья побѣждаютъ Амира, выручаютъ сестру (сидитъ въ шатрѣ на златомъ стулѣ), Амиръ крестится въ землѣ вдовы, пріѣхавъ съ богатыми дарами". Приводимъ параллельно выписку Карамзина и текстъ XVII в.

Ста Амера на сумежіи Грецкой земли и рече: Боярство мое великое, сынове Аравитьстіи! имѣетели дръзость на Гречкую землю, противу тъ(той) силѣ плки поставити? И единъ Аравитянинъ велегласно рче ...устны у него пяди; на конецъ устенъ висяху многы жуковины, и по конецъ носа 12 замка замчена.	Доиде же Амиръ царь до сумежія Греческія земли, и рече Амиръ царь ко Аравитямъ: „братія моя милая, сильніи и храбріи Аравитяне! кто хощетъ со мною дерзость творить, той поди со мною въ греческую землю пакости творити! И рече отъ нихъ единъ Аравитянинъ, во устехъ имѣя у себя дванадесять замковъ.

Амира крестилъ патріархъ на Ефратѣ, и отпраздновали свадьбу его блестящимъ образомъ. Но мать Амира послала возвратить его. Три срацынина ѣдутъ за Александромъ на трехъ коняхъ: вѣтреницѣ (сядете на вѣтреницу, и вы невидимы будете), громѣ (этотъ громъ—конь какъ будто взятъ изъ „Рустема и Зораба" Шахъ-Наме) и молніи. Царица—жена Амира видитъ сонъ: „братія моя милая, видѣла я сонъ: въ нѣкое время влетѣша въ полату мою златокрылатый соколъ и ятъ мя и изнесе изъ полаты моея, и потомъ прилетѣша три враны и напустиша на сокола, и соколъ мя опусти". Волхвы истолковали этотъ сонъ: соколъ—Амиръ похититель царевны, а три ворона—три срацынина. У Амира родится сынъ Акритъ прекрасный Девгеній. Какъ Александръ Македонскій онъ чуденъ взо-

ромъ и богатырскимъ видомъ, совершаетъ подвиги въ юности на борзомъ конѣ—фарижѣ или фарѣ. Послѣ охоты отецъ говоритъ Девгенію: „о свѣтозарное солнце, преславный Девгеній! отъ поту звѣринова и отъ хля медвѣжая порты на тебѣ изрудилися". Далѣе Девгеній побѣждаетъ у источника многоглаваго змѣя. Въ текстѣ XVII в. слѣдуетъ значительный пропускъ, восполняемый пересказомъ Карамзина по утраченной старшей рукописи: „Онъ (Девгеній) ѣдетъ къ славной красавицѣ Стратиговнѣ, бренчитъ подъ окномъ ея на гусляхъ серебряныхъ съ золотыми струнами, и говоритъ: Кажи ми отца своего и братію, каковы суть! И нача дѣва ему глаголати: на отцѣ моемъ брони златы и шеломъ златъ съ каменіемъ драгымъ и жемчюгомъ саженъ, а конь у него покрытъ паволокою зеленою; а братіа моя суть въ сребреныхъ бронехъ, а только шеломы златы, а кони у нихъ чрьвленою паволокою покрыты" (языкъ этого древняго текста указываетъ на русскую древность). Побѣдивъ отца и братьевъ, Девгеній говоритъ имъ: „азъ старости твоея дѣля пожалую дамъ ти свободу и сыномь твоимь; толико (только) знаменіе свое хощу възложити на васъ... И бѣ на Стратигѣ златъ крестъ прадѣда его многоцѣненъ, и у сыновъ его жуковины многоцѣнны съ драгымъ каменіемь; то взя у нихъ за знаменіа мѣсто. Онъ женится на Стратиговнѣ, и тесть предлагаетъ ему дары: Пода Стратигъ своему зятю, 30 фаревь (коней), а покрыты драгыми паволоками, а сѣдла и узды златомъ кованы; пода ему конюхъ 20, пардусовъ и соколовъ 30 съ кръмилици своими, и дасть ему кожуховъ 50, сухымь златомъ шиты, и паволокъ великыхъ 100; шатеръ великъ единъ шитъ весь златомь, вмѣщахуся вонь многы тисуща вой и ужица бяху шатра того шолъкова, а колца серебрена; и подасть ему икону злату св. Ѳеодоръ, и коніа 4 Аравитьская, и мечь дасть прадѣда своего. А теща подасть ему драгыхъ паволокъ зеленыхъ 30, кожуховъ 20, сухымъ златомъ шитыхъ съ драгымъ каменьемъ и съ жемчюгомъ; пръвый шуринъ уноша подасть ему 50 поясовь златокованныхъ и ина шурья даша ему многы дары, имъ же нѣсть числа".

Далѣе неизвѣстно, какъ продолжался Карамзинскій текстъ; но въ текстѣ XVII в. слѣдуетъ перерывъ сравнительно съ греческими текстами. „Послѣ свадьбы, передаемъ пересказъ акад. Веселовскаго (Ист. Рус. Слов. Галахова); Дигенисъ съ женою отправляется къ границамъ для ихъ защиты и съ этихъ поръ получаетъ прозвище Акрита. Его подвиги и его поединки съ богатырями и дикими звѣрями даютъ содержаніе 7 книгѣ поэмы. Онъ борется съ дракономъ.

напавшимъ въ образѣ юноши на Евдокію; поражаетъ льва, вступаетъ въ поединокъ съ тремя знаменитыми предводителями апелатовъ—разбойниковъ. Одинъ изъ нихъ Филопаппъ, желая отомстить за свое пораженіе, обращается къ помощи воинственной Максимо, происходившей, по преданію, отъ амазонокъ. Дигенисъ побѣждаетъ ее въ бою а ея спутниковъ обращаетъ въ бѣгство. Этотъ сюжетъ находится въ русскомъ текстѣ XVII в. „Посланіе Филипаппа и отъ дочери его Максиміаны къ Девгенію прекрасному“: „О свѣте, свѣтозарное солнце прекрасный Девгеній“. Амиръ отецъ удерживаетъ сына отъ этого боя, на который храбрый Девгеній ѣдетъ съ небольшимъ числомъ грековъ. Борьба происходитъ на берегахъ Ефрата, черезъ который Девгеній спасается перепрыгивая, опершись на копье. Побѣдивъ Максиміану дѣвицу, Девгеній не склоняется на ея моленья о любви, узнавъ изъ своей волшебной мудрой книги о продолженіи жизни своей съ Стратиговной, къ которой и ѣдетъ. Конца разсказа не достаетъ, и текстъ спутанъ. Въ греческомъ разсказѣ о Дигенисѣ имѣетъ свое заключеніе. Дигенисъ не устоялъ передъ красотой Максимы, въ чемъ и покаялся передъ женой. Въ прекрасномъ дворцѣ на берегу Ефрата онъ кончилъ жизнь свою съ женой.

Тихонравовъ нашелъ въ сборникѣ XVIII в. отрывки Девгеніева Дѣянія въ древне-русской редакціи, тожественной съ пропавшимъ Мусинъ-Пушкинскимъ сборникомъ (сочиненія Н. С. Тихонравова, т. I; 1898 г., 256 стр. и д.). Здѣсь содержатся слѣдующія подробности Дѣянія: его начало, о свадьбѣ Девгеніевѣ и о въсхыщеньи Стратиговнѣ, сказаніе, како побѣди Девгеній Василія царя. Различія текстовъ—Мусинъ-Пушкинскаго и Малкова (XVIII в. Тихонравовскій сборникъ) съ Пыпинскимъ (Памятники Старинной Русской Литер.)—приводятъ Тихонравова къ предположенію о двухъ редакціяхъ перевода Дѣянія Девгенія въ древней Руси.

Для другой повѣсти, не имѣющей до сихъ поръ греческаго прототипа, извѣстной по спискамъ съ XV в., мы можемъ указать только параллели; тѣмъ болѣе, что эта обширная повѣсть о Синагрипѣ, царѣ Адоровъ или объ Акирѣ Премудромъ имѣетъ различныя отношенія къ еврейской исторіи объ Ахикарѣ II—III вв. (передаваемой у Страбона, Климента Александрійскаго, у греческихъ писателей язычниковъ), къ біографіи Эзопа, написанной византійцемъ Плацудомъ, къ Соломоновскому циклу сказаній и даже къ апокрифамъ. Оттого въ славянскихъ индексахъ отреченныхъ книгъ рано помѣщается и Акиръ Премудрый. Русскіе списки повѣсти о Синагриппѣ, или о премудромъ Акирѣ, имѣютъ значеніе

и для византійской литературы, такъ какъ замѣняютъ собой утраченный греческій текстъ (Byzantinische Zeitschrift von K. Krumbacher 1892 г., 1 в.; „Der weise Akyrios“, nach einer altkirchenslavischen Übersetzung statt der unbekannten byzantinischen Vorlage ins Deutsche übertragen von V. Jagic). Эти списки извѣстны въ двухъ редакціяхъ, можетъ быть, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ уже нѣсколькимъ разновидностямъ греческой повѣсти о Синагриппѣ и Мудромъ Акирѣ. Въ трехъ спискахъ повѣсти о Синагриппѣ, начиная съ XV в. (ркп. Москов. Общ. Ист. и Древн. Росс.), разсказъ ведется отъ лица Акира, между тѣмъ какъ въ многочисленныхъ спискахъ XVII в. (есть и XVIII в.) весь разсказъ развивается въ 3-мъ лицѣ. Вотъ начало повѣсти по выпискамъ Карамзина изъ погибшаго сборника Мусина-Пушкина со Словомъ о Полку Игоревѣ (къ тому III, главѣ VII, 272 примѣчаніе): „Въ то время азъ Акырь книгчій бѣ, и речено ми есть отъ Бога: отъ тебе чадо не родится. Имѣніе же имѣя паче всѣхъ человѣкъ; пояхъ жену и устроихъ домъ, и жихъ 60 лѣтъ, и не бысть ми чяда, и създахъ требники и възгнѣтихъ огнь, и рѣхъ: Господи Боже мой! аще умру, и не будеть ми наслѣдника, и ркуть человѣци: Акыръ праведенъ бѣ, и Богу истинно служаше, аще умреть и не обращеться мужескъ плъ, иже постоитъ на гробѣ его, ни дѣвическъ плъ, иже бы его оплакала; ни иже по немъ задницу (наслѣдство) възметь... И нынѣ прошу у тебе, Господи Боже мой! даждь ми мужескъ полъ: гда преставлюся, да всыплеть ми пръсть на очи мои“. Неполный текстъ этой редакціи по рукописи XV в. напечатанъ у Буслаева въ Исторической Христоматіи; текстъ второй редакціи въ Памятникахъ Старинной Русской Литературы 1860 г., вып. II, начинается: „Бысть нѣкій человѣкъ Акирь премудрый въ землѣ Алевицкой и Анзорской, у великаго царя Синограѳа, и многая множества подъ нимъ царствъ держаша землю Аливитскую и Анзорскую, и многая множества злата, и сребра, и коней быстрыхъ и отроковъ прекрасныхъ, а не было ни единаго дѣтища“ (такъ начинается старинное житіе св. Алексѣя человѣка Божія). Передадимъ общее содержаніе повѣсти.

По первой редакціи небесный голосъ свѣтуетъ Акиру взять сестричича (племянника) Анадана; по второй редакціи къ Акиру является ангелъ съ такимъ же совѣтомъ, при чемъ жена Акира называется Ѳеодулой. Въ этомъ имени акад. Веселовскій усматриваетъ греческій источникъ (Ѳеодулія), какъ въ другихъ именахъ восточное происхожденіе: Санхерибъ, властитель Аравіи и Нинѳвіи

(по арабской редакціи этой повѣсти въ 1001 ночи) Гейкаръ (евр. Ахикаръ—Акиръ), Наданъ (Анаданъ) и друг. Слѣдуетъ длинное наставленіе подростающему Анадану: „Человѣче внимай глаголы моя, господину мой Надане, всякому наказанью сынъ буди" (1 ред.; по 2-ой: „Чадо мое Анадамѣ, буди послушливъ на добрая дѣла, и меня отца чти и матерь, аки Бога". Длинное наставленіе 2-й ред. содержитъ наставленія: „добро сытому у великаго князя обѣда ждать, такоже и праведному смертнаго часу ждать. Чадо нощію безъ оружія не ходи, безъ вины крови не проливай;" во многихъ изреченіяхъ замѣчается сходство съ словомъ Даніила Заточника; сыну, егда вода потечеть, или птица опять полетитъ, или синечь или срачининъ обѣлѣеть, ли желчь аки прѣсный медъ усладѣеть, тогда безумный уму учится." Послѣ этихъ наставленій разсказывается о томъ, какъ Анаданъ оклеветалъ Акира передъ царемъ Синагриномъ (онъ послалъ подложныя письма Египетскому царю), какъ царь Синагринъ велѣлъ Акира заключить въ тюрьму, а затѣмъ казнить, и какъ Акира спасъ отъ смерти его другъ. По второй редакціи Акира спасаетъ конюшій Анбугилъ, казнившій вмѣсто Акира Сутыма или Сутира. Услыхалъ Фараонъ о смерти мудраго совѣтника Акира и посылаетъ посла къ Синагрипу (по второй ред. Елтегу посылаетъ царь съ посадниками, очевидно, редакція древнерусская съ дополненіями: далѣе, напр. Акиръ парится въ баняхъ, изрекаетъ: пѣнію время и молитвѣ часъ, Ангубилъ нача торгати за златые колца, у царевы полаты) съ требованіемъ исполнить трудныя задачи, разрѣшить загадки, обставленныя суровыми условіями; Синагринъ обратился—было за рѣшеніемъ Фараоновой задачи къ Анадану, но этотъ отказался. Тогда-то и было объявлено царю, что Акиръ живъ. Царь съ радостію увидѣлъ Акира и поручилъ ему порѣшить дѣло съ Фараономъ. Повѣсть кончается обличеніемъ преступнаго Анадана, при чемъ Акиръ читаетъ ему въ видѣ поученія двѣ притчи, которыхъ нѣтъ въ спискѣ XV в.: древо яворъ проситъ не рубить его, обѣщая дать на лѣто ягоду вишневу, но господинъ сада не вѣритъ дереву; волкъ учится грамотѣ и на третьемъ слогѣ произноситъ ягнятка. Задачи и загадки заслуживаютъ вниманія, и мы упомянемъ о выдающихся: сдѣлать домъ между небомъ и землею (отрока садятъ въ клѣтку и на двухъ орлицахъ онъ взлетаетъ къ небу, откуда проситъ известн и камней), разгадать фигуру бревна, на которомъ 12 соснѣ по 30 колесъ, а на колесѣ по 2 мыши: одна черная, а другая бѣлая (годъ, 12 мѣсяцевъ, 30 дней, ночь и день); свить песковые ужища; отвѣтить небылицей на небылицу

(напр. Акиръ хватаетъ бога египетскаго тхоря, водитъ его по городу и бьетъ за то, что онъ перегрызъ куръ въ далекомъ отдаленномъ царствѣ). Во 2-ой ред. разсказъ о птицахъ переданъ иначе: „Акиръ же повелѣ отрокомъ своимъ двѣ птицы ноги пустить и повелѣ межь ими ковчегъ построить и повелѣ всадити отрока и дати отроку въ руки топоръ и птицамъ на тычинахъ мяса, чѣмъ кормить птицъ" (извѣстный сказочный мотивъ). Ни одна, кажется, повѣсть не подвергалась такимъ передѣлкамъ въ древне-русской литературѣ, какъ повѣсть объ Акирѣ.

Съ именемъ Синагриппа царя связано „Слово о св. патріархѣ Ѳеостериктѣ" (Памятники Древней Письменности XCIV, Слово о св. Ѳеостириктѣ Х. М. Лопарева, 1893 г.), или „Чудо св. Николы о Синагрипи цари". Содержаніе полной редакціи этого сказанія, составившагося въ истолкованіе рѣдкаго праздника 29-го февраля, въ честь Ѳеостирикта, исповѣдника VIII ст. и преп. Кассіана Римлянина (разъ въ 4 года), въ истолкованіе нѣкоторыхъ церковныхъ пѣснопѣній (ихъ происхожденія), состоитъ въ слѣдующемъ. Ѳеостерикть былъ однимъ изъ учениковъ св. Василія Кесарійскаго (мы знаемъ другую обширную повѣсть о прельщенномъ отрокѣ, связанную съ житіемъ св. Василія. Отрокъ этотъ спасенъ былъ отъ власти бѣса, которому далъ рукописаніе за достиженіе любви женщины. Популярная легенда Византіи и З.-Европы на мотивъ Фауста. У насъ она отразилась во множествѣ пересказовъ и вліяній, напр. на повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ), былъ спасенъ въ дѣтствѣ отъ власти бѣса, мѣшавшаго св. Василію служить св. литургію. По смерти Василія Кесарійскаго Ѳеостериктъ сдѣлался епископомъ. „Въ тажe лѣто поиде царь Синагрипъ на брань и бысть на мори и восташа вѣтри велици и уже кораблю хотящю разбитися. Въ то время бысть у него рядца (σύμβουλος—съвѣтникъ), именемъ Акиръ, премудръ и крестіянъ зѣло бѣ. Рече царю: Призови св. Николу и завѣчай ему канунъ и свѣщю, и избавить тя изъ моря". По счастливомъ возвращеніи Синагрипъ зоветъ на пиръ Ѳеостерикта, который обѣщаетъ и прибытіе Николы. Послѣдній опаздываетъ, такъ какъ спасалъ на морѣ корабль за обѣщанные „канонъ и свѣщи и темьянъ и куръ печенъ тестенъ". Ѳеостериктъ гордо замѣтилъ, на это: „се азъ сего дѣля кура тестянаго ни трію быхъ ступеній не ступилъ". Николай благословилъ трапезу и сталъ невидимъ. Св. отцы уставили за гордость Ѳеостерикта „по три годы не поминати, но четвертое лѣто повелѣша его поминати,—тогда бываетъ високость". Сказаніе это несомнѣнно византійское и входило въ повѣсть объ Акирѣ. Въ

греческихъ оригиналахъ не сохранилось ни сказанія, ни повѣсти. Замѣтимъ еще, что повѣсть объ Акирѣ по лексическимъ особенностямъ относится къ числу русскихъ переводовъ (тивунъ, кнутъ, задница—наслѣдство, научити грамотѣ). Мы знаемъ распространенность русскихъ сказаній о св. Николаѣ въ XI—XII вв. въ Кіевской Руси. Здѣсь и могли появиться переводы какъ повѣсти, такъ и сказанія о Ѳеостериктѣ.

Около 1080 г. Симеонъ Сеѳъ составилъ греческую книгу, подъ названіемъ Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης (увѣнчанный и слѣдящій), разсказывающую о посольствѣ персидскаго врача Περζωέ для пріобрѣтенія индійской книги о двухъ шакалахъ (Калила и Димна) и содержаніе этой книги, а также исторію голубя. Исторія этихъ восточныхъ сказокъ о животныхъ, обработанныхъ съ дидактической цѣлью въ Индіи, подъ именемъ Пятокнижія—Панчатантры, съ буддійской окраской (отъ II в. до Р. Хр.—до 500 г. по Р. Хр.), такова, что въ VI в. по Р. Хр. они были переведены на персидскій врачемъ Барзоэ, а въ VIII в. обработаны въ 4 редакціяхъ на арабскомъ языкѣ съ именемъ Синтипаса и Бидпая философа. Арабскіе тексты послужили для европейскихъ пересказовъ, и однимъ изъ первыхъ въ ряду ихъ являются славянскіе переводы Стефанита и Ихнилата, происшедшіе впрочемъ изъ греческаго, а не изъ латинскаго или еврейскаго текстовъ, какъ на Западѣ. Славянскіе тексты Стефанита встрѣчаются въ многочисленныхъ сербскихъ, болгарскихъ и особенно въ русскихъ спискахъ, съ XIII в. до XVIII в. Древнѣйшій текстъ по спискамъ XIII—XV вв. изданъ Обществомъ Любителей Древней Письменности LXIV и LXXVIII. Полное заглавіе его слѣдующее: „Списаніе Сиѳа Антіоха, друзіи же мнѣша яко суть Іоанна Дамаскина, зѣло пѣснотворца, еже о звѣрехъ, нарицаемыхъ Стефанита и Ихнилата“. Эта интересная повѣсть знакомила русскихъ читателей въ древности съ той же средой животныхъ, что Физіологъ, но въ иной формѣ непрерывно развивающагося повѣствовательнаго характера—притчей. Индійскій царь спрашиваетъ одного изъ своихъ философовъ, какимъ образомъ лукавый мужъ разрушилъ любовь и дружбу между близкими людьми и возбудилъ вражду. На это философъ разсказываетъ притчу о купцѣ—богачѣ, имѣвшемъ нѣсколько сыновей, одинъ изъ которыхъ въ дорогѣ заморилъ тельца и оставилъ его на лугу. Весь разсказъ развивается далѣе такимъ образомъ, что послѣ притчи слѣдуетъ нравственное примѣненіе иного: оставленный телецъ, раздобрѣвшій на лугу, вызываетъ предостереженіе: „зри о иноче и бѣгай таковыя нища“. Рыканіе тельца

дошло до ушей царя льва, который обиталъ близъ луга со многими львами, медвѣдями, волками, лисицами и друг. Два придворные льва, два звѣря Стефанитъ и лукавый Ихнилатъ замѣтили смущеніе льва, не понимавшаго, что за звѣрь телецъ, кричавшій близъ обиталища львова и въ недоумѣніи проводившаго со страхомъ время безвыходно на одномъ мѣстѣ. Бесѣда Стефанита и Ихнилата приняла обычное теченіе восточныхъ сборниковъ: догадки о душевномъ состояніи царя льва повели за собой припоминаніе притчей изъ міра животныхъ. Дѣйствіе однако стало развиваться между отношеніями льва, тельца, Стефанита и Ихнилата. Притчами объ обезьянѣ (пификѣ), верблюдѣ и заицѣ, еще болѣе разсужденіями о мудрости и слабоуміи, сравненіями и изреченіями о царскихъ отрокахъ, воинахъ, писцахъ, два шакала подготовляются подѣйствовать на царя льва, къ которому и идутъ. Здѣсь передъ нами выступаютъ изреченія Пчелы, словъ отъ отца къ сыну и т. п. Греческій оригиналъ проявляется въ такихъ словахъ, оставшихся въ славянскомъ переводѣ, какъ „катадневную пищу, пиѳикъ“ и проч. Лукавый Ихнилатъ идетъ ко льву и вступаетъ съ нимъ въ бесѣду (нравственныя разсужденія ихъ напоминаютъ слова о князьяхъ, посланія митр. Никифора XII в. къ в. кн. Владиміру Мономаху). „Сія словеса слышавъ левъ ужасенъ бывъ и глагола ко окольникомъ своимъ: не подобаетъ властелину презирати разумныя мужи, аще от дальная части суть, но коемуждо по достоянію даяти, аще и нѣціи негодуютъ завистливаго скорбь трудомъ съставиши и всѣмъ благотвори, да въ время благопотребно обрящеши тѣхъ помощники“. Левъ открылся Ихнилату, что онъ боится тельца, не видя его силы и мудрости и судя о нихъ только по реву тельца. Заключивъ свою рѣчь притчей о лисицѣ и тимпанѣ или бубнѣ, повѣшенномъ на деревѣ и издававшемъ звуки, которые прекратились, когда лиса схватила и растерзала бубенъ, Ихнилатъ берется идти и разузнать о тельцѣ. Ихнилатъ убѣдилъ тельца представиться ко двору царя льва, который и принялъ тельца милостиво. Придворныя отношенія вступаютъ въ свою силу. Ихнилатъ уже завидуетъ тельцу, о чемъ сообщаетъ Стефаниту. Слѣдуетъ обмѣнъ мыслей въ формѣ притчъ: Ихнилатъ готовъ убить тельца, а Стефанитъ его удерживаетъ. Но Ихнилатъ начинаетъ свое злостное дѣло съ хитростью. Онъ говоритъ льву притчу о трехъ рыбахъ, одна изъ которыхъ спаслась хитростью, притворившись мертвой (ср. въ народныхъ сказкахъ лиса и ловля рыбы). Слѣдуютъ сказки о вошкѣ и блохѣ, волкѣ, лисицѣ и гавранѣ (о состаревшемся львѣ), о двухъ норцахъ и желвѣ, о

купцѣ, ввѣрившемъ желѣзо похитителю. Первая часть повѣсти закончена. Царь уже обращается къ философу съ просьбой разсказать и далѣе о Ихнилатѣ по убіеніи тельца. О смерти тельца и о раскаяніи льва сообщаетъ матери львовой учитель льва леопардосъ. Раскаявшійся левъ велитъ посадить въ темницу Ихнилата, къ которому приходитъ ночью утѣшить Стефанитъ. Левъ судитъ Ихнилата: „о воини и дружино“ обращается онъ къ окольнымъ своимъ. Разсказъ и далѣе развивается въ притчахъ. Такова большая притча о голубяхъ, накрытыхъ сѣтями охотникомъ и освобожденныхъ мышами, о воронѣ, жившемъ у монаха, освободившемъ серну отъ тенетъ также черезъ мышей. Бесѣда царя съ философомъ продолжается на тему о любви и лицемѣріи. Въ Физіологѣ разсказывается о войнѣ птицъ и тоже развивается въ притчѣ Стефанита о выпляхъ, о царѣ обезьянъ и проч. Царь узнаетъ отъ философа, какъ соблюдать свое царство, какъ бояться вражды, какъ стремиться къ добру, и пр. Въ одномъ изъ списковъ послѣ 8 главы приписано: „а писана сія притча, послѣдняго сего ста седмыя тысяща 87 октомврія. тріас і агіа докса си. з греческихъ книгъ на русскій языкъ переведено“. Стефанитъ и Ихнилатъ относится къ числу тѣхъ византійскихъ передѣлокъ восточныхъ повѣстей, въ которыя входили и христіанскія толкованія, со ссылками на св. отцовъ — Василія В. и проч.

Еще болѣе этотъ христіанскій элементъ отражается въ знаменитой повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафатѣ, происхожденіе которой относится къ VIII ст. и приписывается перу знаменитаго Іоанна Дамаскина, вообще Палестинѣ. Нѣкоторые изслѣдователи возводятъ время происхожденія одного изъ самыхъ популярнѣйшихъ романовъ древности первой половинѣ VII в. (Крумбахеръ: Исторія визант. лит.). Уже въ 1118 г. византійскій писатель Михаилъ Глика приводитъ выдержки и вообще пользуется романомъ о Варлаамѣ и Іоасафатѣ. Но первоначальная канва повѣсти восходитъ къ индійскимъ сказаніямъ о жизни знаменитаго Сидхарта, который прославился подъ именемъ Будды и былъ основателемъ новой религіи († 543 до Р. Хр.). Первая часть нашего Варлаама и Іоасафата разсказываетъ объ индійскомъ царѣ Абенерѣ, у котораго родится сынъ умный и красавецъ, о чемъ ему предсказываютъ волхвы, прибавляя при этомъ, что онъ вмѣсто язычества приметъ христіанство и будетъ монахомъ. Чтобъ предотвратить это предсказаніе царь построилъ для сына великолѣпный недоступный дворецъ, гдѣ ничего не было больного, страдающаго. Ни одинъ нищій не могъ проник-

путь во дворецъ. На глазахъ царевича были одни утѣхи и веселье. Вопреки этимъ предосторожностямъ царевичъ видитъ однажды больного и слѣпого, въ другой разъ мертвеца. Онъ впервые узнаетъ о горѣ и судьбѣ людей. Тщетно царевичъ ищетъ отвѣтовъ на мучащіе его вопросы, пока къ нему не проникаетъ странникъ аскетъ Варлаамъ, который говоритъ Іоасафу о христіанскомъ ученіи и креститъ его. Царь готовъ отдать полцарства сыну, лишь бы возвратить его; но Іоасафъ удаляется въ пустыню, гдѣ отдается подвигамъ подвижничества. Здѣсь онъ и умираетъ глубокимъ старцемъ.

Что же мы находимъ общаго съ житіемъ Будды въ исторіи Іоасафа? Отмѣчаемъ пункты соприкосновенія по труду проф. Кирпичникова (Греческіе романы въ новой литературѣ. Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафатѣ; Харьковъ, 1876 г.): оба они индійскіе царевичи; при рожденіи обоихъ имъ была предсказана будущая слава и предвозвѣщено, что они откажутся отъ царства; отцы ихъ, опасаясь исполненія предсказанія, строятъ имъ дворцы и приказываютъ тщательно наблюдать за ними; встрѣчи съ больными и видъ мертвыхъ возбуждаютъ въ обоихъ мысли о непрочности земнаго, а встрѣчи съ странствующими монахами вызываютъ въ нихъ стремленіе подражать имъ; царевичи тайно покидаютъ царства свои; Буддѣ оказываетъ особенную привязанность его возничій Чандака, который въ греческомъ разсказѣ (Варлаама и Іоасафата) распадается на Варахію и Зардана; Будда и Іоасафатъ выдерживаютъ козни со стороны прельщеній міра, пренія съ противниками и убѣждаютъ отцовъ своихъ съ ихъ подданными принять новое ученіе; наконецъ оба царевичи въ пустынѣ совершаютъ невѣроятные подвиги аскетизма, а по смерти ихъ служатъ предметомъ поклоненія. Есть и другія точки соприкосновенія между личностями Будды и Іоасафата. „Вторая часть Варлаама,—говоритъ проф. Кирпичниковъ (стр. 259)-легенда аскетическая, развивающаяся также по общей рамкѣ: человѣкъ, пренебрегшій всѣми сладостями жизни, уходитъ въ пустыню безъ провизіи, безъ одежды; онъ терпитъ внѣшнія и внутреннія страданія: его мучатъ голодъ и жажда, пугаютъ звѣри, искушаетъ дьяволъ; наконецъ онъ побѣждаетъ всѣ опасности, молится, постится, имѣетъ видѣнія утѣшительнаго характера и, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, умираетъ съ радостью". Славянскіе тексты, разобранные проф. Кирпичниковымъ, распадаются на двѣ группы по изображенію кончины Іоасафата: по одной редакціи погребеніе царевича—пустынника отличается необыкновеннымъ торжествомъ, по другой редакціи Іоасафата скромно хоронятъ пустынники. Акад.

Веселовскій (Ж. М. Н. Пр. 1877 г., ч. CCXII) обратилъ вниманіе на различіе заглавій повѣсти въ славяно-русскихъ текстахъ: „Житіе и жизнь преподобныхъ отецъ нашихъ Варлаама и Іоасафа душевныя ради пользы списано отъ преподобнаго отца нашего Іоанна Дамаскина“ (ркп. XV в.). „Сіа книга принесена бысть изъ внутренняя Еѳіопіа глаголемыя индейскыя страны во св. градъ Іерусалимъ Іоанномъ мнихомъ, мужемъ честнымъ и добродѣтельнымъ, сущаго монастыря св. Саввы, изоображеніе полезно... Сія книга царя Асафа дѣяніе ему же наказатель авва пустынникъ Варлаамъ“ (Четьи-Минеи митр. Макарія XVI в.). Полный текстъ повѣсти, но поздній сравнительно, изданъ Обществомъ Любителей Древней Письменности (LXXXVIII, 1887 г. Житіе Варлаама и Іоасафа). Мы не будемъ пересказывать содержанія всей повѣсти и остановимся еще на нѣсколькихъ апологахъ, вошедшихъ въ повѣсть и обращавшихся въ древнерусской литературѣ въ отдѣльномъ видѣ. Однимъ изъ самыхъ распространенныхъ апологовъ изъ Варлаама и Іоасафата, проникшимъ и въ средневѣковое искусство (у насъ въ древности на вратахъ Новгородскаго собора), представляется притча объ единорогѣ. Вотъ выдержки изъ текста XIV в.: „подобни быти мню мужеви бѣгающю отъ лица инорога... внегда же течааше быстро, в великую нѣкую впаде пропасть... и за древо нѣкое похитився, крѣпко держашеся... възрѣвъ убо и видѣ двѣ мыши, бѣлу бо едину, другую же черну, погрызающи же непрестанно древа еже онъ бяше похитился... посмотри же во дно пропасти и видѣ змія страшно видѣньемь и огнемь дышуща,.. уста же страшно разиноваше пожрети его грядуща... и възрѣвъ очима видѣ отъ вѣтви древа оного мало меда каплюща. Оставивъ убо пещися о одержащихъ его бѣдахъ, како внѣуду убо инорогъ лютѣ неистовася ищеть снести его, долу же горькій змій зіяеть пожрети его, древо же за неже бѣ ся ухитилъ елико же в малѣ искоренитися хотяше, нозѣ же на польсцѣ и невѣрнѣ степени утвердилъ бѣаше: и толикихъ и таковыхъ золъ забывъ устремися къ сласти малаго меду онаго. Се есть подобное прелести міра сего прельщающихся, его же сказанье нынѣ рѣку ти. Инорогъ убо образъ есть смерти гоняща убо постигнути грядущи адамескый родъ. Пропасть же—міръ исполнь сый всяческихъ золъ и смертоносныхъ сѣтій. Древо же его же отъ двою мышю непрестанно подгрызаемое, его же ухитивше держится, время есть коегождо жизни... неистовый змій страшную проображаеть адову утробу... медовная же капля сладость являеть міра“. Притча эта встрѣчается съ заглавіемъ „отъ болгарскихъ книгъ“. Другую притчу также изъ

„Варлаама и Іоасафата приводитъ Кириллъ Туровскій въ сказаніи о бѣлоризцѣ, но о ней мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

Я не могу не разсмотрѣть еще нѣсколько любопытныхъ переводныхъ памятниковъ, хотя бы въ этомъ же отдѣлѣ о переводныхъ повѣстяхъ. Несмотря на то, что эти памятники,—какъ „Житіе и Хоженіе св. отца Нифонта, еже въ Констянтинѣ градѣ", „Житіе Андрея Юродиваго, иже въ Цариградѣ", „Житіе Василія Новаго Царяграда Чудотворца и о умершей духовной дщери его Θеодорѣ и о воздушныхъ мытарствахъ и о ученикѣ его духовномъ сынѣ Григоріи и о его видѣніи страшнаго суда пришествія Христова и о небесныхъ силахъ и о страшномъ судѣ втораго пришествія",—не принадлежатъ строго ни къ одному изъ отдѣловъ церковной литературы—ни къ апокрифамъ, раздѣляя съ ними нѣкоторыя подробности, ни къ житіямъ святыхъ, такъ какъ въ нихъ много посторонняго, ни къ повѣстямъ съ ихъ развитіемъ дѣйствія по связи событій и лицъ,—мы можемъ считать ихъ памятниками повѣствовательной литературы. Они полюбились русскимъ читателямъ, въ полномъ видѣ и въ мелкихъ отрывкахъ (въ Прологѣ, въ сборникахъ, въ родѣ Златоустовъ, Измарагдовъ и проч.), перешли въ народныя сказанія, отразились въ стихахъ, выразились въ лицевыхъ изображеніяхъ. Древность ихъ устанавливается слѣдующими данными: Житіе Нифонта дошло до насъ въ пергаментныхъ рукописяхъ 1219 г. (Ростовскій сборникъ, вмѣстѣ съ Житіемъ св. Θеодора Студита), XII—XIII вв. (Выголексинскій сборникъ) въ древнихъ Прологахъ; Житіе Андрея Юродиваго—въ многочисленныхъ выдержкахъ по древнѣйшимъ Прологамъ XIII — XIV вв.; житіе Василія Новаго отразилось въ словѣ XII — XIII вв. „о небесныхъ силахъ". Интересно, что всѣ три житія связаны съ судьбой Константинополя и Византіи въ періодъ отъ VI до X в. Даже въ изложеніи ихъ можно подмѣтить общія черты: жизнеописаніе разбито на отдѣльные эпизоды, касающіеся постороннихъ сюжетовъ изъ міра видѣній. Кромѣ выдержекъ изъ древнихъ списковъ житія Нифонта мы имѣемъ въ печати пересказъ всей повѣсти у Костомарова „Мистическая повѣсть о Нифонтѣ, памятникъ русской литературы" (Историч. Монографіи, т. I, 1863 г.), изданія текстовъ въ Памятникахъ Древней Письменности (Общ. Люб. Древн. Письм. 1880 г., вып. II и XXXIX, LXII и LXX) XIII в., XVI в. и XVI — XVII в. Послѣдній текстъ замѣчательно передаетъ особенности древнихъ списковъ, отклоняясь въ самой незначительной степени. Приведемъ содержаніе этой повѣсти съ нѣкоторыми выдержками. Послѣ вступленія,

которому подражали русскіе агіобіографы, „худый" авторъ слышитъ голосъ св. Нифонта: „азъ ти дамъ силу и крѣпость на оканьные бѣсы". Нифонтъ былъ сынъ князя Агапита изъ Плагіона; но съ дѣтства его увезли для воспитанія въ Константинополь, гдѣ онъ и провелъ большую часть жизни, умерши епископомъ въ Кипрѣ. Съ юности онъ отдался обширному чтенію и стремленію къ христіанско-нравственной чистотѣ. Однако бѣсъ блуда возымѣлъ надъ нимъ силу. Только благочестивый пріятель Никаноръ и видѣнія отъ образа Богоматери,—то печальной, то улыбающейся,—возвратили его къ прежней чистотѣ. Онъ не замыкается въ монастырѣ, а обрекаетъ себя на странствія изъ церкви въ церковь по Константинополю, при чемъ отдается подвигамъ молчанія и самоистязанія. Напрасно бѣсы отвлекали его отъ этого направленія: они прыгали вокругъ него въ видѣ вороновъ, кричали и спорили съ нимъ, являлись въ образахъ псовъ, лакомствъ, женщинъ и т. п. Наконецъ подкрались къ нему съ религіозными сомнѣніями въ бытіи Божіи, въ личности Христа, и мучили его бѣсы требуя, чтобы онъ покинулъ молитву непрестанную и увѣровалъ въ силу духовъ. Побѣдивъ одно жестокое искушеніе, Нифонтъ впалъ въ другое—въ гордость и преувеличенное представленіе о своей святости. Побѣдивши и этотъ недостатокъ, Нифонтъ сподобился утѣшительныхъ видѣній: одинъ разъ онъ былъ вознесенъ на таинственный столпъ посреди моря; другой разъ, когда молился въ храмѣ, съ небесной высоты простерлись къ нему огромныя руки и обняли его; потомъ ангелъ облилъ его мνромъ, онъ былъ вознесенъ на воздухъ, и бѣсы безсильно кувыркались около него. „Егда хотяше пріяти мало сна, первѣи полагаше камень на землю и верху его полагаше, малъ сажець (? сажиште—σάκκος, ср. саженье—женское убранство, усаженное каменьями), и потомъ станяше, поя погрѣбальная како погребтися хотя, и потомъ съчьтяше 4 апостолы и евангелія, и ина нѣкака, прекрыщая ложе свое, и тако почиваше, камень подъложь подъ главу свою". Для того, чтобы оберечь себя отъ козней дьявола во снѣ, Нифонтъ бралъ масла отъ кандила Богоматери и помазывалъ на сонъ грядущій чело и уши, и выю и сердце *). Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ видѣній святого о бѣсахъ. Онъ видитъ ангела хранителя, оплакивающаго блудника, къ которому не могъ подойти изъ-за массы бѣсовъ. Какъ бы въ Патерикѣ

*) Въ сокращенномъ спискѣ XIII в. это мѣсто читается такъ: „първое полагаше комѣніе на земли и верху полагаше малъ пърътъкъ и прехрыщая ложе свое и тако почиваше камѣнь подъложь подъ лаву си".

разсказывается о трапезѣ благочестивыхъ супруговъ, которымъ прислуживаютъ ангелы. Авторъ сопровождаетъ разсказъ моралью: „да не мозѣте убо молю вы на тряпезѣ сѣдяще пустошныхъ глаголати ни брашьна хулити“. — Какъ дымъ отгоняетъ пчелъ, такъ худыя бесѣды за столомъ отгоняютъ ангеловъ. Милосердіе къ нищимъ и явленіе Христа въ образѣ нищаго изъ повѣсти о Нифонтѣ прошло въ древнѣйшій Прологъ (18 сентября и друг.). Видѣлъ Нифонтъ пользу для человѣческихъ душъ отъ крещаемыхъ младенцевъ. Въ Прологѣ же находится извѣстная повѣсть изъ житія Нифонта „О русаліяхъ“. Приводимъ ее въ оригиналѣ по списку XIII в.: „яко труба сбираеть вое, молитва же творима сбираеть ангелы божія (мысль, выраженная преп. Ѳеодосіемъ Печерскимъ, въ одномъ изъ 5 поученій къ братіи), такоже сопѣли и гусли събираютъ около себе безстудные бѣсы дьрьжаи въ сласть сопѣльника чтетъ темнаго бѣса, иже желаетъ пожрети весь міръ. И се глагола моляше вся удалитися отъ нихъ отъ хытрости дьяволя, наипаче оже свое имѣніе пронырливому бѣсу даютъ, еже суть русалія и игреци, и аще сихъ не останетеся съ кумиро-служебникы имате быти и въ скрежетѣ зубнѣмъ, аще бо имаши цату, до дажь ю възаемъ Христу и възмеши 100 кратицею жизнь вѣчную“... „оувы мнѣ... уши мои на пѣсни бѣсовскыя отверзаетася“. Это мѣсто подверглось множеству измѣненій въ позднѣйшихъ пересказахъ (Разысканія Веселовскаго XIV, 279 стр.). Съ этимъ разсказомъ въ подробномъ житіи связанъ разсказъ о борьбѣ демонскихъ полковъ съ ангелами, при чемъ упоминается и о Византіи: „и когда хотѣлъ пустить своихъ подчиненныхъ на Ѳракійскую землю, то говорилъ: нѣтъ у меня силы противъ дѣвицы Маріи идти на Византію, ибо она приняла въ свой жребій этотъ городъ, и не отступаетъ отъ него никогда, приходитъ лично и явно, и одобряетъ тамошнихъ назарянъ и подвигаетъ ихъ не поддаваться побѣдѣ надъ собою. Сказавъ это онъ (темный князь) ревнулъ и избралъ себѣ 30,000 бѣсовъ и припустилъ на помощь къ ѳракійскому ополченію и особенно бѣсился на Византію“ (понеже та пріяла жрѣбій и градъ сій и николиже его не отступаетъ, самовидно очивѣсть приходитъ и ту сущая назарянъ окрыляетъ, паче же подвижникы не дадущемъ ими побѣжатися). Слава Нифонта разносится по Константинополю и не было церкви, гдѣ бы онъ не побывалъ, странствуя по городу. Патріархъ имѣетъ въ виду назначить епископомъ Нифонта въ Кипръ,—что святой видитъ еще ранѣе, какъ апостолъ Павелъ предлагаетъ ему пасти стадо овецъ. Житіе Нифонта изобилуетъ видѣніями. Князь бѣсовскій разсказы

ваетъ, какъ „человѣкъ бѣ въ Констянтиниградѣ именемъ Нифонтъ и жестокъ намъ зѣло. Тѣмь въ уности его веселяхомся побѣжьше и хваляхомъся пишюще грѣхы его. Онъ же на томъ часѣ начятъ зазирати себе глаголати: о како тѣло червемъ готовлю себе, творю похоти скверньныя яже мя въ огнь повлекуть. Се рекъ акы разгнѣвася на ны, бывъ преже другъ намъ въ уности своей, мы же ругахомъся ему". Житіе оканчивается обѣщаніемъ милости Божіей всѣмъ чтущимъ и пишущимъ подвигъ его, обѣщаніемъ охраны отъ всякихъ бѣсовскихъ приближеній. Замѣтимъ, что Житіе Нифонта въ Византіи подверглось нареканіямъ въ XI—XII вв. за апокрифическій характеръ.

Срезневскій (Свѣдѣнія LXXXVII) первый указалъ на древность славянскаго, или точнѣе древне-русскаго перевода (164 стр.: переводъ сдѣланъ значительно ранѣе XIII в.): година, глекъ, дивъ, дивьяковъ, жирява, москолудити, москолудъ (см. Лука Жидята), похритатися, куны, и проч. Андрей Юродивый жилъ въ V—VI вв. Срезневскій такъ сжато характеризуетъ это житіе: „Житіе Андрея Юродиваго нельзя назвать житіемъ въ подлинномъ смыслѣ слова: жизнеописательнаго въ немъ очень мало. Сказано, что онъ родомъ Скиѳъ (въ славян. переводѣ: Словѣнинъ), юношею рабомъ купленъ былъ протоспаѳаріемъ Ѳеогностомъ, очень понравился ему услужливостію, былъ имъ отличенъ отъ другихъ рабовъ барскою одеждою, былъ многому обучаемъ, многое читалъ, и что затѣмъ „обуялъ"—такъ, что господинъ его, послѣ нѣкоторыхъ жестокихъ попытокъ исправить, отказался отъ него, и Андрей сдѣлался юродивымъ; далѣе отмѣчено, что онъ сблизился особенно съ молодымъ чернецомъ знатнаго рода Епифаномъ и съ его приближеннымъ, Никифоромъ, наставлялъ ихъ въ вѣрѣ, въ дѣлахъ и знаніи міра и его судебъ, многое предсказывалъ, много дѣлалъ чудесъ, и, состарѣвшись, умеръ 66 лѣтъ". Срезневскій указываетъ значеніе этого житія въ томъ, что оно заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, изложеніе понятій о мірѣ, его явленіяхъ (мы привели выше отсюда свѣдѣнія о громѣ), его прошедшемъ и будущемъ. Въ октябрьской части древнѣйшаго Пролога (XIII в. и д.) находимъ выдержки изъ Житія Андрея подъ слѣдующими числами 2, 3, 4, 5, 16 и 17; всѣ онѣ напечатаны въ названной статьѣ Срезневскаго.

Обращаясь къ выдержкамъ изъ житія Андрея, замѣтимъ, что онѣ не составляютъ новаго перевода, а только сокращеніе готоваго древне-славянскаго перевода Житія Андрея Юродиваго; слѣдовательно переводъ восходитъ по памятникамъ древне-русской пись-

менности къ началу XIII вѣка. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ житія: „въскорѣ изучися псалтыри и численъ и всему, еликоже учителя его веляше, яко дивитися учителю его скорому ученію его.. часто же хождааше по церквамъ и любляше прочитати богодухновенныя книги, боле же святыхъ мученіа и жизни святыхъ отецъ“ (указаніе на популярность Миней, Синаксарей, по славянски — прологовъ, а также и—на связь съ русскими житіями Бориса и Глѣба, и др.); преподобный вошелъ въ питейный домъ (въ переводѣ удержано много греческихъ словъ: капеліе, капельникъ—цѣловальникъ, салосъ; есть много словъ древне-русскихъ) и обратилъ вниманіе на скупого, у котораго „скупъ дѣмонъ якоже малъ трепястокъ (обезьяна см. Miklosich: Lexicon palaeoslovenic.; по объясненію же издателей „Великихъ Миней-Четій, собранныхъ Всероссійск. митр. Макаріемъ“, 1870 г. Октябрь 1 — 3, стр. 94—глиняный сосудъ, въ которомъ держали вино!?) на дѣснѣмъ рамѣ сѣдитъ да якоже медвѣдь“; „а се церкви она верховныхъ апостолъ повелѣніемъ Божіимъ сдѣлана бѣаше (этихъ формъ разныхъ глаголовъ въ текстахъ XV—XVI вв. Житія Андрея масса) крестомъ на четыре углы о пяти верхъ, велика и красна, и видѣніемь не имѣюща противну себѣ. Видѣ же Господа, по средѣ церкви тоя на престолѣ сѣдяща и херувимъ и серафимъ около его со всѣмъ воинствомъ небесныхъ силъ, страхомъ и трепетомъ предъстоящемъ. И воздѣвъ руцѣ к нему святый, и возопи: помяни мя, Господи, въ царствіи твоемъ. Томже часѣ бывщу ему во ужасти, прорече церкви (ср. въ русскихъ лѣтописяхъ рѣчи городовъ и пр.) верховныхъ апостолъ: времени, рече, минувщу воздвигнеть ю благовѣрный царь по тому образу, якоже ю есмь видѣлъ велику и красну видѣніемь сущю (ср. Патерикъ Кіевопечерскій); тако ми глаголеть Духъ Святый. Сего времени хощеть быти моръ многъ въ Царѣградѣ семъ“; „рече Епифанъ ко святцю (въ житіи постоянно развиваются бесѣды св. Андрея съ Епифаномъ, бывшимъ впослѣдствіи патріархомъ Константинопольскимъ 520—535 гг. Житіе Андрея Юродиваго было написано Никифоромъ, іереемъ Софійскимъ, современникомъ Андрея и патріарха Епифана; разговоры же Андрея съ Епифаномъ происходили во время юности Епифана): что есть образъ солнцю и како есть лице его? видѣхъ бо въ церкви написано человѣческимъ образомъ; да мнози мнять, яко человѣчьско лицо имѣеть! Святець рече: не буди ми того пріати тако: человѣчьска бо образа солнце не имѣло николиже. Аще ли хощеши увидѣти бытіе его, да слушай: в начало, рече Господь Богъ, слово и бысть, огнь же есть составленъ, сирѣчь кругъ огнь

отъ Бога вожженъ и не угасая. Достоитъ же рещи съ дерзновеніемь, яко величство его есть болше града сего; видим же есть малъ, занеже отстоитъ отъ земля высоту велику; ангелъ же Господень валитъ посредѣ его и словомъ силы его повинуяся ходитъ правомъ теченіемъ".

Житіе Василія Новаго, какъ нельзя болѣе подходитъ по характеру изложенія къ двумъ разсмотрѣннымъ: въ немъ нѣтъ полной біографіи святого, даже дѣйствіе не сосредоточено на личности Василія, а послѣдняя служитъ только заглавіемъ, подъ которымъ соединены различныя сказанія: о хожденіи Өеодоры по мукамъ, о видѣніи самого списателя житія, Мниха Григорія, о послѣднихъ дняхъ, о видѣніи Василія, о походѣ русскихъ на Византію въ 941 г., о чудесахъ св. и пр. Василій Новый скончался, по всей вѣроятности, въ 944 г. Къ сожалѣнію, славяно-русское житіе Василія мало изучено: нѣтъ изданій его, не извѣстно отношеніе древнѣйшихъ списковъ XIV—XV вв., не установлено отношеніе къ т. н. слову Кирилла Туровскаго о исходѣ души и о восходѣ на небо. Акад. Веселовскій имѣлъ подъ руками текстъ житія по ркп. XIV—XV вв. (Разысканія въ области духовнаго стиха XII) и пересказалъ его содержаніе: „О житіи угодника сказано кратко и въ сущности не оно возбуждало главный интересъ. Примикурій Константинъ приставилъ въ услуженіе святому свою кормилицу Өеодору; она умираетъ, а Григорій, желая узнать, какая участь постигла ее за гробомъ, удостоился по молитвѣ своего наставника узрѣть въ видѣніи Өеодору и услышать отъ нея разсказъ о разлученіи души отъ тѣла и о пройденныхъ ею мытарствахъ. Когда она умирала, у ея одра явились демоны въ образѣ страшныхъ эөіоповъ, и свѣтоносные ангелы, пререкаясь другъ съ другомъ о ея душѣ". Является смерть и своими орудіями отсѣкаетъ жизнь въ ногахъ, рукахъ, головѣ, а въ заключеніе подноситъ смертную горькую чашу, отъ которой душа съ содроганіемъ оставляетъ тѣло. Освобожденную душу держатъ ангелы, и снова къ нимъ приступаютъ демоны. Только заступленіе преподобнаго Василія съ мѣшкомъ или ковчегомъ добрыхъ дѣлъ выкупаетъ душу Өеодоры на мытарствахъ, при чемъ только на нѣкоторыхъ ее задерживаютъ. Мытарства (заставы, мѣста сбора подати — мыта) слѣдуютъ въ житіи Василія въ такомъ порядкѣ: оклеветаніе, поруганіе, зависть, ложь, гнѣвъ и ярость, гордость и высокомѣріе, празднословіе и сквернословіе, лихва и лесть, неправда и тщеславіе, сребролюбіе, пьянство, злопомнѣніе, обаяніе, объяденіе и чревоугодіе, идолослуженіе, мужеложство и дѣтоосквернение, любодѣяніе,

разбой, татьба, блудъ, немилосердіе и жестокосердіе. Итого 21 мытарство. „Миновавъ мытарства Ѳеодора приходитъ къ небеснымъ вратамъ, гдѣ видитъ обители святыхъ и лоно Авраамово. Ангелы водятъ ее потомъ и по мукамъ, гдѣ она слышитъ вопли и рыданія грѣшниковъ, послѣ чего она приведена была для успокоенія въ обитель преп. Василія, въ 40 день, когда Василій на землѣ творилъ по ней память (это циклъ легендъ о задушьи, о значеніи поминанья; такимъ образомъ повѣсти Синодиковъ XVI—XVII вв. восходятъ къ русской древности). За разсказомъ Ѳеодоры слѣдуютъ въ житіи чудеса и видѣнія святого и далѣе откровеніе страшнаго суда, бывшее самому списателю житія по слѣдующему поводу: на Григорія напало сомнѣніе касательно правоты христіанской вѣры; вѣра іудейская начала казаться ему именно тою вѣрою, которая угодна Богу, праведна, потому что Авраамъ у іудеевъ праведенъ, Моисей далъ имъ законъ, котораго они и теперь держатся. Свои сомнѣнія онъ передалъ блаженному Василію, который вразумилъ его, а такъ какъ у Григорія еще остались колебанія, помолился по его просьбѣ, чтобы Господь открылъ ему въ сонномъ видѣніи состояніе въ загробной жизни людей всѣхъ вѣръ и всѣхъ исповѣданій“ (А. Н. Веселовскій: Разысканія, XII, стр. 133). Григорій видитъ вышній Іерусалимъ среди чудныхъ свѣтлыхъ полей. Среди города стоялъ холмъ, на холмѣ—крестъ, и на крестѣ блисталъ голубь бѣлый. Съ небесъ сошелъ ангелъ съ небесными воинствами и приготовилъ престолъ для праведнаго Судіи. Въ огненномъ столпѣ раздался голосъ, призывавшій мертвыхъ воскреснуть. Сатана низвергнутъ былъ на край земли. Раздались могучіе звуки ангельскихъ трубъ, повторившіеся три раза, и возстали мертвые въ возрастѣ 30 лѣтъ. Грѣшники съ трепетомъ проклинали день своего рожденія. Среди нихъ вопіяли о своихъ заблужденіяхъ евреи, идолопоклонники. И явился въ великой славѣ Господь, возсѣлъ на престолѣ славы своея. Ангелы произнесли исповѣданіе вѣры, и восъ трепетали іудеи съ Аріемъ безумнымъ и проклятымъ Магометомъ. Тогда начался судъ небесъ, свернувшихся отъ лица его, земли, морей, грѣшниковъ и, наконецъ,—призывъ праведныхъ къ вѣчному блаженству. Послѣ того, какъ по молитвѣ Отроковицы, Господь далъ освобожденіе отъ мукъ некрещеннымъ младенцамъ, милостивымъ блудникамъ, явились еретики разныхъ видовъ и толковъ, опять евреи, измѣнники вѣрѣ Христовой и гонители. Житіе Василія заканчивается изображеніемъ жизни праведныхъ. „Такимъ образомъ, говоритъ г. Сахаровъ (Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ

древне-русской письменности, 1879 г., 184 стр.), житіе Василія Новаго въ двухъ своихъ частяхъ обнимаетъ всю загробную жизнь человѣка и человѣчества. Представляя въ первой части состояніе души по смерти до всеобщаго суда, оно во второй части изображаетъ страшный судъ и жизнь вѣчную всего человѣчества послѣ суда. Это одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній византійской литературы, какъ по поэтическимъ достоинствамъ, такъ и по полнотѣ изображенія суда Божія надъ людьми. Какъ божественная комедія Данта составилась подъ вліяніемъ разныхъ легендъ, носившихся на Западѣ въ средніе вѣка, такъ и въ житіи Василія Новаго нашли себѣ мѣсто разныя мнѣнія восточныхъ христіанъ о загробной жизни". Вліяніе послѣдняго, прибавимъ отъ себя, на легенды Данта несомнѣнно. И этому вопросу посвящены изслѣдованія Буслаева и Веселовскаго (Историч. Очерки и Разысканія).

Мы прослѣдили славяно-русскую переводную литературу, въ которой представляются и источники русской письменности и несомнѣнные вклады послѣдней. Мы касались фактовъ древне-русскаго образованія, школы и состоянія книжнаго дѣла вообще. Все это даетъ намъ возможность объединить эти данныя, присоединивши къ нимъ нѣкоторыя новыя основанія для картины русскаго просвѣщенія въ XI—XIII вв. Прежде всего прочныя основанія для освѣщенія этого всетаки еще темнаго вопроса даютъ сохранившіяся рукописи, съ чертами русскаго письма и языка.

Отъ первыхъ вѣковъ русской письменности сохранилось немного современныхъ памятниковъ: отъ XI в. до 33 книгъ, отъ XII в.—69, отъ XIII в.—87, тогда какъ отъ послѣдующихъ вѣковъ число рукописей измѣряется сотнями. Множество памятниковъ древнѣйшей русской письменности погибло не только отъ опустошительныхъ пожаровъ, погромовъ съ Востока, изъ степей, но и отъ разрушительнаго вліянія времени. Даже пергаменныя рукописи дошли до насъ нерѣдко съ большими дефектами: безъ конца, безъ начала, съ оборванными и стертыми листами, не говоря уже объ утраченныхъ переплетахъ. Однако, нельзя преувеличивать этихъ потерь, такъ какъ пергаментъ и уставное письмо XI, XII и XIII вв. требовали большихъ издержекъ и затратъ времени, сравнительно съ позднѣйшими бумажными полууставными и скорописными рукописями. Большія книги, въ родѣ евангелій, писались по году и болѣе и не однимъ, а иногда и нѣсколькими писцами. (Паремейникъ 1271 г. отцемъ и сыномъ, какъ видно изъ записи). Отсюда книги очень цѣнились, какъ лучшія „украшенія" церквей, архіе-

рейскихъ и княжескихъ теремовъ: онѣ составляли богатство князей и епископовъ (Кириллъ II Ростовскій, 1229 г. „богатъ зѣло кунами и селы и всякимъ товаромъ и книгами"). И заказчики не жалѣли щедрыхъ средствъ на внѣшнія украшенія рукописей на ихъ переплетъ (Мстиславово евангеліе 1125 г.: „бяшеть казалъ Мьстиславъ кънязь худому Наславу и возивъ Царюгороду и учинихъ химипеть, ..исправивъ все злато и сребро и драгыа камень.. цѣну же евангелія сего единъ богъ вѣдае") на украшеніе ихъ золотомъ и красками въ заставкахъ, въ заглавныхъ буквахъ, въ миніатюрахъ. Въ этихъ украшеніяхъ древне-русскихъ рукописей соединялись труды и искусныхъ переписчиковъ калиграфовъ и художниковъ-мастеровъ, работавшихъ по иконописному дѣлу: по мозаикамъ, дорогимъ металламъ, камнямъ и по живописи красками. Есть какое-то своеобразіе въ древне-русскихъ украшеніяхъ рукописей сравнительно съ греческими и латинскими блестящими миніатюрами, писанными какъ будто въ Рафаелевскомъ стилѣ, между тѣмъ какъ славяно-русскія миніатюры отличаются тусклостью и расплывчатостью красокъ, меньшей яркостью ихъ. Въ болѣе или менѣе сохранномъ видѣ дошли до насъ слѣдующія рукописи: Остромирово Евангеліе 1056—57 гг., Изборникъ 1073 г., Евангеліе Мстиславово 1115 г., и друг. Въ ихъ украшеніяхъ много общаго съ фресками Кіево-Софійскаго собора: тѣ же медальоны съ листьями и цвѣтами, правильной геометрической формы, въ тѣхъ же краскахъ, тѣ же фигуры евангелистовъ, князей и ихъ семействъ.

Мы можемъ только относительно судить о размѣрахъ письменности въ разныхъ центрахъ древне-русскаго просвѣщенія. Наибольшее количество сохранившихся рукописей относятся къ южнорусскимъ спискамъ (до 7 рукописей XI в., до 21 рукописи XII в. и до 15 рукописей XIII в.), между тѣмъ какъ новгородскихъ рукописей сохранилось: отъ XI в.—4, въ томъ числѣ Остромирово Евангеліе, писанное, повидимому, не новгородцемъ, 3 рукописи XII в. и 9 рукописей XIII в. Кромѣ церковныхъ книгъ въ этихъ спискахъ мы имѣемъ: два Изборника 1073 и 1076 гг., Пандекты Антіоха, Патерикъ Синайскій, Златоструй съ Торжественникомъ, Лѣствицу, Четьи-Минеи, Слово Ипполита объ Антихристѣ, Прологи, Житія св., Поученія Константина, Пандекты Никона Черногорца, Кормчую, Стословъ Геннадія, Слова Григорія Богослова, Бесѣды папы Григорія, Поученія Ефрема Сирина, Іоанна Дамаскина слово о правой вѣрѣ, поученія Кирилла Іерусалимскаго, и друг. Безъ сомнѣнія первымъ разсадникомъ нашей письменности является Кіевъ и Печерскій

монастырь. Въ извѣстномъ мѣстѣ Кіево-Печерскаго Патерика о прельщенномъ Никитѣ выступаютъ слѣдующія книжныя лица, отчитывавшія инока Никиту: „Никонъ игуменъ (о немъ въ житіи Θеодосія сказано: „многажды же великууму Никону сѣдящю и дѣлающю книгы и блаженууму сѣдящю и прядущю нити, еже на потребу таковому дѣлу"; при немъ же былъ „чернецъ Иларіонъ бяше и книгамъ хытръ псати, ту по вся дни и нощи писааше книгы въ келіи у блаженааго Θеодосія"), Иванъ, иже бысть по немъ игуменъ (не онъ ли написалъ два Изборника 1073 г., будучи княжимъ дьякомъ, 1076 г..., будучи въ монастырѣ?), Пименъ постникъ, Матвѣй чюдотворецъ, Никола, иже бысть епископъ Тмуторокани, Несторъ, иже написа лѣтописецъ, Григорій творецъ кануномъ". Въ Печерскомъ монастырѣ при обиліи братій, богатствѣ средствъ для обозрѣнія книжности въ Кіевѣ (библіотеки св. Софіи и друг.), явились первые талантливые писатели: Θеодосій, Несторъ, Іаковъ Мнихъ, Поликарпъ, Симонъ и друг. Назовемъ еще извѣстныя имена писцовъ XI, XII и XIII вв.: Григорій дьяконъ въ Новгородѣ 1056 г., Іоаннъ дьякъ в. кн. Святослава 1073 г., другой Іоаннъ грѣшный 1076 г., также при кн. Святославѣ, Домка или Яковъ въ Новгородѣ и съ нимъ Михаилъ 1096—1097 гг., Путята въ Новгородѣ, около того же времени, Іоаннъ въ Новгородѣ, въ началѣ XII в., (Сильвестръ игуменъ Кіевскій, написавшій лѣтописецъ, съ записью 1116 г.), Алекса сынъ презвитера въ Кіевѣ, около 1120 г., Θедоръ въ Новгородѣ, 1117 г., Наславъ — художникъ, возившій въ Царьградъ евангеліе Мстиславово, писанное Алексой, для украшенія заставками и дорогимъ переплетомъ, (инокъ печерскій Θеодосій около 1142 г., списатель и переводчикъ, трудившійся по заказу кн. инока Николая Святоши), Илія попинъ Новгородскій, около 1150 г., Добрило дьякъ церкви Іоанна Предтечи 1164 г., въ Владимірѣ-Волынскомъ, Моисій Кіянинъ до 1200 г., Домка попъ Новгородскій 1215 г., покрывавшій книги переплетомъ, Іоаннъ и Олексій въ градѣ Ростовѣ 1219 г., Сава Грьцинъ Новгородскій около 1226 г., упоминаемый въ лѣтописи, Яковъ Домашинъ Явило Новгородскій 1232 г. (Георгій черноризецъ Зарубскій, переписавшій поученія Ефрема Сирина, въ которыя вставилъ и свое собственное поученіе XIII в.), попинъ Максимъ Тьшининць Новгородскій, около 1250 г., подробной „грамотицей" въ концѣ Пантелеймонова Евангелія, замѣтившій и о Прологѣ, писанномъ имъ ранѣе. Захарія писецъ западно-русскій въ 1296 г. („имѣя из дѣтьска обычая много написавъ богословія святыхъ книгъ, уже при старости ему бывшю списа на Волоцѣ еван-

геліе опракосъ боголюбивому Антонію игумену и псалтырю боголюбивой княгинѣ Маринѣ), Василій Осиповъ Новгородскій 1260 г., Георгій сынъ поповъ глаголемаго Лотыша съ Городища 1270 г., въ Новгородѣ, Захарій съ сыномъ Олуферіемъ Матигорцы (Двинской области) за Волокомъ 1271 г.; (Іосифъ, Рязанскій епископъ, переписалъ Кормчую, съ помощью 5 писцовъ, присланную изъ Кіева), (другая Кормчая, переписанная въ Владимірѣ Волынскомъ 1286 г. княземъ Владиміромъ Васильковичемъ съ княгиней Ольгой Романовной). Для этого же волынскаго князя Владиміра въ 1288 г. переписалъ поученія Ефрема Сирина худой Іовъ. Въ Галицко-Волынской лѣтописи, подъ 1288 г., подробно описаны труды волынскаго князя Владиміра, можетъ быть и писателя, въ виду лѣтописной замѣтки (зане бысть книжникъ великъ и философъ, акого же не бысть во всей земли и ни понемь не будетъ): „и апостолъ списа опракосъ.. въ манастырь свой апостолы да еуангеліе опракосъ, и апостолъ самъ списавъ, и съборникъ великый отца своего тутоже положи и молитвеникъ. Въ епископью Перемышльскую да еуангеліе опракосъ, окованно сребромъ съ женчюгомъ, самъ же списалъ бяше, а до Чернѣгова пославъ въ епископью еуангеліе опракосъ золотомъ писано, а окованно сребромъ съ женчюгомъ и среди его спаса съ финифтомъ... еуангеліе списа опракосъ, окова е все золотомъ и каменіемъ дорогымъ съ женчюгомъ, и деисусъ па немъ скованъ отъ злата, цяты великы съ финифтомъ, чюдно видѣніемь, а другое еуангеліе опракосъ же волочено оловиромъ, и цяту възложи на не съ финифтомъ, а на ней святаа мученика Глѣбъ и Борисъ, апостолъ опракосъ, прологы списа 12 мѣсяца, изложено житіа святыхъ отецъ и дѣаніа святыхъ мученикъ, како вѣнчашася своею кровію за Христа, и минѣй 12 списа, и тріоди. и охтай, и ермолой, списа же и служебникъ святому Георгію, и молитвы вечернія и утренія списа особь молитвеника; молитвеникъ же купилъ въ протопопиное и да на немъ 8 гривенъ купъ, и да св. Георгію“ (Ипатьевская лѣтопись 1288 г.).

Мы собрали свѣдѣнія о писцахъ въ древней Руси, которые, по лѣтописямъ, носятъ названія: писцовъ княжескихъ, составлявшихъ грамоты (1196 г.), рукописанія — духовныя (1287), книжныхъ списателей. Въ числѣ ихъ уже въ древней Руси встрѣчаемъ нѣсколько женскихъ именъ. Отсюда заключаемъ, что въ женскихъ монастыряхъ занимались, между прочимъ, и перепиской рукописей. Уваженіе къ книгамъ, грамотамъ, свиткамъ выражается въ извѣстномъ вопросѣ Кирика XII в.: „нѣсь ли въ томъ грѣха, аже

по грамотамъ ходити ногами? Аже кто изрѣзавъ помечеть, а слова будутъ знати".

Книги назывались святыми вообще, въ нихъ заключалась хитрость—мудрость и глубина. Церковные учители и писатели (Θеодосій, Несторъ, Владиміръ Мономахъ, Кириллъ Туровскій) постоянно совѣтовали читать книги, указывая въ нихъ сладость поученія, покаянія, истинный путь жизни, мудрость и глубину таинственнаго знанія. Начитавшіеся книгъ становились великими, премудрыми книжниками, философами (въ Лѣтописи называются митрополиты, князья и даже простые дьяки), они бесѣдовали отъ книгъ, становились учителями. Учителями въ древней Руси являются по преимуществу духовные—греки, южные славяне, а еще болѣе русскіе. Епископы брали княжескихъ дѣтей для обученія, какъ дружинники—кормильцы преподавали молодымъ князьямъ ратное дѣло. Къ вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ о школахъ въ древней Руси, извлеченнымъ изъ Татищева, можно прибавить крупицы изъ лѣтописей и житій русскихъ святыхъ. Подъ 1199 г. читаемъ въ Кіевской лѣтописи о в. кн. Рюрикѣ „богонабдимыя си дѣти учаща". Въ житіи Θеодосія разсказывается о Курскомъ учителѣ: „къ симъ же и датися на ученіе божественныхъ книгъ единому отъ учитель, якоже и створи, и въскорѣ извыче вся граматикія". Обученіе состояло, какъ можемъ судить по правописанію рукописей, изъ чтенія духовныхъ книгъ, заучиванія ихъ наизусть (Евангеліе и псалтирь знали многіе), съ грамматическимъ разборомъ (примѣнительно къ правописанію: различеніе гласныхъ и согласныхъ, женскихъ и мужскихъ родовъ, знаковъ препинанія, титлъ, надстрочныхъ надписаній и проч.). Изученіе твореній отцовъ церкви и переводныхъ сочиненій давало знанія стилистики (Изборникъ 1073 г.): употребленія реторическихъ фигуръ, иносказательныхъ выраженій, раздѣленія сочиненій на части. Ни у кого изъ древне-русскихъ писателей не выдѣляется это умѣнье владѣть расположеніемъ частей сочиненія, какъ у Нестора въ житіи преп. Θеодосія Печерскаго. Съ молитвой и смиреніемъ приступаетъ Несторъ къ своему исповѣданію, полагая начатокъ слову съписанія: „Благодарю тя владыко мой Господи Іисусе Христе, яко сподобилъ мя еси недостойнаго съповѣдателя быти св. твоимъ въгодникомъ" (Борису и Глѣбу, Θеодосію, другимъ Печерскимъ угодникамъ, какъ-то Даміану, Исаакію и пр.)... ему же не бѣхъ достоинъ, грубъ сы и неразумичєнъ, къ симъ же яко не бѣхъ ученъ никоей же хитрости... и моляхся Богу да сподобить мя вься по ряду съписати о житіи богоносьнаго отца нашего Θеодосія, да

и по насъ сущіи черноризьци, пріимше писаніе почитающе". Это, по опредѣленію автора, Слово, Повѣсть, Писаніе, Похвала, противоположныя Сказанію. Подъ Сказаніемъ разумѣли въ древности устныя преданія, однако и письменныя записи ихъ назывались также сказаніями. Когда древне-русскіе писатели ссылались на факты исторіи, то выражались: положено, положихъ, лежать повѣсти въ Отечницѣ Печерскомъ. Обычной формой возвращенія къ главной темѣ служила стереотипная фраза: „мы же паки пойдемъ на первое исповѣданіе", „обаче же уже на пьрьвое съповѣданіе възвратимся", „нъ се пакы лѣпо есть намъ сія съповѣдавше на прокое похваленіе блаженааго сказаніе поити". Такъ и въ „Чтеніи" о Борисѣ и Глѣбѣ Несторъ употребляетъ выраженія: „нъ да не продолжю рѣчи, но воскорѣ извѣщаю", „нъ се уже възратимся на первую повѣсть"; „се по малу скажемъ". Іаковъ Мнихъ сдерживаетъ себя въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ: „нъ сихъ остану много глаголати, да не въ многописаніи въ забыть влѣземъ, но о немъ же начахомъ си скажемь", „еже послѣди скажемь, нынѣже нѣсть время, нъ на предълежащее възвратимся".

Между простыми переписчиками грамматистами стараго времени и списателями—авторами въ древней Руси занимаютъ видное мѣсто еще составители сборниковъ, компиляторы. Нерѣдко эти редакторы пользовались разными списками одного и того же произведенія, выбирали варіанты, пополняли пропуски, сокращали свои оригиналы. Такимъ путемъ возникли лѣтописные своды, сборники, въ родѣ Толковой Палеи, Златоуста, Измарагда, Златой Чепи, и друг.

Мы уже касались вопроса о знаніи иностранныхъ языковъ въ древней Руси. Великій князь Всеволодъ зналъ, напримѣръ, пять языковъ (число эпическое, такъ и у западныхъ лѣтописцевъ): греческій, варяжскій—нѣмецкій, угорскій, польскій и половецкій. О славѣ Руси среди иноземцевъ, въ странахъ дальнихъ, заботились: Иларіонъ, Несторъ, лѣтописцы, авторъ Слова о Полку Игоревѣ. Подъ 1111 г. слава побѣдъ Владиміра Мономаха прошла къ Грекамъ, Униамъ, Ляхамъ, Чехамъ и даже до Рима. По Слову о П. И. славу в. кн. Святослава и горе Игоря поютъ Нѣмци и Венеціанци, Греци и Морава. Въ XII в. Андрей Боголюбскій даже въ далекомъ Владимірѣ на Клязьмѣ принималъ гостей изъ Царягорода, латинянъ. Въ Патерикѣ Печерскомъ содержатся чудные разсказы о варягахъ. Пѣвцы греки упоминаются въ лѣтописи нѣсколько разъ въ XII—XIII вв. Еще замѣчательнѣе греческія выраженія въ сочиненіяхъ древне-русскихъ писателей и въ тогдашней жизни. Въ житіи Бо-

риса и Глѣба читаемъ: „ти тако отъиде въ свою каѳоликаии иклисиа“ (кажется, что слова Нестора). Нерѣдко въ разныхъ сочиненіяхъ находимъ: евлогиса патера, какъ въ лѣтописяхъ: кюръ князь такой-то, керьлѣшь пѣли полки, калугеры, и проч. Ниже мы отмѣтимъ половецкія слова въ Словѣ о П. И. и обратно русскія слова въ Половецкомъ словарѣ XIII в. Такъ въ Галицко-Волынской лѣтописи мы встрѣчаемъ много латинскихъ словъ (отмѣчены ниже). Нѣмецкія слова встрѣчаются рѣже, преимущественно бытового характера.

Нельзя не отмѣтить въ заключеніе этой главы постоянныхъ связей древней Руси въ культурномъ и образовательномъ отношеніяхъ съ Константинополемъ и съ Святой Горой Аѳономъ (1223 г., 1262 г.). Новгородцы и Кіевляне проявляли особенную любовь къ Константинополю, между тѣмъ какъ Галичане предпочитали Святую Гору.

Обращаемся къ самому трудному вопросу въ исторіи древне-русской литературы, къ вопросу о древне-русскомъ языкѣ, его литературной обработкѣ, его разнообразію въ памятникахъ русской письменности. Здѣсь мы встрѣчаемся съ самыми любопытными откровеніями русской древности и вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаемъ самыя тяжелыя затрудненія. Безъ сомнѣнія, древне-русскій языкъ отличался отъ нашего литературнаго, отъ древняго церковно-славянскаго, отъ современныхъ народныхъ говоровъ. 850 лѣтъ тому назадъ иначе говорили, иначе писали. Здѣсь скрываются вопросы объ отношеніи „новопросвѣщенныхъ“ (только что крещенныхъ) русскихъ людей къ письменности, объ ихъ образованіи, наукѣ. Отношенія ихъ къ письму были чрезвычайно разнообразны. Передъ русскими людьми X—XI вв. были готовыя южно-славянскія письмена съ богатой уже литературой въ древне-славянской редакціи, въ новой — средне-болгарской и сербской рецензіяхъ. Старые русскіе грамотѣи приняли эти письмена для своихъ списковъ (какъ дьяконъ Григорій въ спискѣ Евангелія 1056 г.); но, мало по малу, пришли къ опредѣленному взгляду на требованія своей русской рѣчи и возвели въ правило — отклоненія отъ южно-славянскихъ письменъ. Отсюда являются уже въ XI в.: исключеніе юсовъ изъ русскаго письма (Минеи 1096 г.) и введеніе русскихъ звуковыхъ и формальныхъ особенностей. Впрочемъ, большой свободы, или строго проведенныхъ правилъ письма здѣсь не было, и рѣзкія отклоненія отъ церковно-славянской письменности проявлялись какъ-бы случайно, какъ ошибки писцовъ. Новгородцы допускали мѣну согласныхъ *ч* и *ц* (съ XI в.), *ѣ* и *и*; южно-русскіе писцы кромѣ мѣны *ѣ* и *и* вводили мѣну *е* на *ѣ* и *в* на *у;* западно-

русскіе писцы путали *ѣ, е, ь,* употребляли *ч* и *ц,* какъ новгородцы, вм. *жд—жч* и проч. и какъ южноруссы мѣняли *в* на *у.* Итакъ русская школа письма образовалась уже въ XI в. Ея рѣзкія примѣты состоятъ уже въ наклонности ставить глухіе звуки ъ и ь передъ плавными, въ противоположность церковно-славянскимъ сочетаніямъ: пьрвый, пълнъ; изрѣдка русскіе писцы ставятъ и полногласныя формы (сорочиця, городъ). Все это относится къ спискамъ съ готовыхъ южнославянскихъ оригиналовъ. Русскіе писцы являются при этомъ не простыми копіистами, но подготовленными грамматической школой, что можно замѣтить въ спискахъ по употребленію гласныхъ въ концѣ строкъ, по начертаніямъ глухихъ, ѣ, е, ы, и, о, а, и проч., по различенію мягкихъ и твердыхъ слоговъ: перьтинаксъ, аньдрианосъ, анътониносъ.

Русскіе писцы были знакомы съ греческими буквами, съ ихъ тоговременнымъ выговоромъ, что мы видимъ напр. въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. (елени, ирини, клавъдиосъ, оуеспасианосъ, оуиттелиосъ), даже въ спискахъ XIII—XIV вв.: ѥвлойсо патеръ, не пола ити дѣспота, киролѣсу, кириелисонъ, полихрониа (πολλοὺς χρόνους), киръ, керемида (все это взято изъ паломника XII в. Антонія и лѣтописей), въ свою кафоликани иклисиа (житіе св. Бориса и Глѣба Нестора), епистолію, по аеру, протостраторъ зовется въ поминаніи вашемъ (Патерикъ Печерскій).

Конечно, люди, созерцавшіе греческія надписи въ соборахъ XI—XII вв., должны были понимать ихъ начертанія, при общемъ сходствѣ съ церковно-славянскими. Отсюда въ русскихъ спискахъ находимъ уставныя подражательныя начертанія греческимъ. Такъ древніе русскіе писцы вставляли иногда и глаголическія буквы, или пользовались ими, какъ тайнописью.

Послѣ простыхъ писцовъ слѣдуютъ дьяки — составители грамотъ, юридическихъ памятниковъ (Русская Правда и проч.). При первомъ же знакомствѣ съ ними мы встрѣчаемъ простоту рѣчи: ея отрывочность, сжатость, ея близость къ живому русскому языку,— конечно старинному. Но и здѣсь объединяющій элементъ церковно-славянской письменности, ея правилъ сказывается одинаково въ сѣверныхъ и въ южныхъ грамотахъ (соединеніе предложеній посредствомъ союзовъ: аще, занеже, и рядомъ: ачили, аже, а). Глаголы въ юридическихъ памятникахъ съ XII в. почти тожественны съ позднѣйшими и современными формами: здѣсь нѣтъ еще слитныхъ малорусскихъ формъ будущаго вр. или прошедшаго (положилъ еси, купилъ есмь, а не виноватъ есть, а язъ есмь былъ цѣ-

ловалъ и пр.). Также просты выраженія отдѣльныхъ лицъ въ лѣтописяхъ. Если мы попробуемъ отыскивать разницу въ выраженіяхъ, въ рѣчи сѣверныхъ и южныхъ памятниковъ, то найдемъ слѣдующія черты. Въ новгородскихъ грамотахъ и въ лѣтописяхъ находимъ любовь къ уменьшительнымъ именамъ: Ондрѣйко, на улкѣ. Въ южно-русскихъ памятникахъ находимъ также своеобразныя выраженія: ото, осе, оно (осе рать! осе даю ти) оконце, кубара (корабль, греч.; на сѣверѣ финское „лойва" Новг. лѣтоп. 1143 и д.).

Богатый матеріалъ лѣтописей не представляетъ соотвѣтствующихъ данныхъ: южнорусскія лѣтописи переполнены разговорами дѣйствующихъ лицъ, а въ новгородскихъ эта форма изложенія почти отсутствуетъ. Но мѣстныя названія въ лѣтописяхъ даютъ кое-что для характеристики юга и сѣвера: Ковыла (на Сулѣ город,). Вручій (порогъ на Днѣпрѣ и город. въ Древлянской землѣ); Выдобичь, Капичь, Германечь, Стафанечь (монастыри); Гай (село Волынск.): въ Новгородск. лѣтоп.: Петрятинъ дворъ, Савкинъ дворъ, Михалица улица. Конечно, и въ грамотахъ и въ разговорной рѣчи лѣтописей мы имѣемъ народные говоры древняго русскаго языка, не подвергавшагося еще утратамъ (двойствен. числа, различія рода и падежей въ именахъ, разнообразія временъ въ глаголахъ) и вслѣдствіе этого какъ будто болѣе однообразнаго, чѣмъ теперь. Вѣдь, мы пока не знаемъ: раздробляется ли въ исторіи языковъ одинъ племенной языкъ (арійскій, литво-германо—славянскій, славянскій, русскій) на парѣчія и говоры, или сливается въ группы подъ вліяніемъ религіи, управленія, школы, и проч.?

Переходимъ къ рѣчи древнерусскихъ писателей. Конечно, здѣсь естественно ожидать наибольшей искусственности, подражательности, проявленія школы. Библія была главной учительницей древнерусскихъ книжниковъ: ея складъ рѣчи (историческій, поговорочный—приточный, поучительный) отражается равно у лѣтописцевъ и у талантливыхъ составителей словъ, и даже у автора Слова о Полку Игоревѣ.

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣтокъ о литературномъ языкѣ древнерусскихъ писателей. Замѣтимъ только, что переписчики разныхъ вѣковъ налагали свою руку на правописаніе древнихъ русскихъ писателей. Поэтому, напримѣръ, въ спискахъ сочиненій Нестора XII в. и XIV в. находимъ значительную разницу: протяженныя формы именъ и глаголовъ, свойственныя списку XII в., совершенно отсутствуютъ въ спискѣ XIV в., а равнымъ образомъ и въ правописаніи видимъ употребленіе глухихъ (бъгъмь XII в.) въ спискѣ

XII в. и отсутствіе ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ древнѣйшаго русскаго и церковно-славянскаго правописанія. Однако черты древняго русскаго писателя проглядываютъ въ складѣ рѣчи и въ такихъ выраженіяхъ, какъ: „ти тако“ „бѣаху“, „отъ святую Бориса и Глѣба“, „даяхуть“, и проч. Въ древнѣйшей церковнославянской формѣ дошло до насъ „Слово о законѣ“ митр. Иларіона: протяженныя формы глаголовъ нерѣдки даже по спискамъ съ XIV в. Также писалъ и Кириллъ Туровскій, что сохранилось въ спискахъ, начиная съ XIII в. И Несторъ и Кириллъ Туровскій проявили въ своихъ сочиненіяхъ большую любовь къ молитвамъ, къ богослужебнымъ пѣснословіямъ. Кириллъ Туровскій, какъ извѣстно, самъ писалъ молитвы, какъ и другіе авторы каноновъ въ древней Руси до—монгольскаго ига. Не таковъ уже языкъ Ѳеодосія Печерскаго,—простой церковно-славянскій языкъ русской редакціи. Впрочемъ, списки поученій Ѳеодосія не восходятъ ранѣе XV в. И въ разныхъ рукописяхъ Печерскаго Патерика находимъ нерѣдко протяженныя формы глаголовъ, но въ общемъ языкъ этого драгоцѣннаго памятника тотъ же, что языкъ Ѳеодосія печерскаго, Іакова и друг.

Мы остановимся ниже на звукахъ и формахъ древнерусскаго языка. Но прежде приведемъ нѣсколько культурныхъ словъ изъ древнерусскихъ памятниковъ. О нихъ можно замѣтить вообще, что въ древности, при общихъ условіяхъ княжескаго, дружиннаго управленія, духовнаго и религіознаго направленія, выражавшихся въ общихъ терминахъ суда, религіозныхъ уставовъ и вѣрованій было болѣе общности въ выраженіяхъ даже для опредѣленія мѣры, вѣса, монетъ и проч. Не называя авторовъ и сочиненій приведемъ слѣдующія слова изъ переводныхъ русскихъ памятниковъ и оригинальныхъ до—Монгольской Руси: свитокъ, книги, черпилница, изборословца; бочка, кадь, кадка, корчага; кола, возы, возила, повозы, телѣги, сани; дворъ, поварня, пещьшница, медуша, пивници, изба, истопка, теремъ, клѣти, сѣни, хоромина, горенка; торгъ, городня, городище, дѣтинецъ, вежи, костеръ (башня, какъ и „вежа“), порубъ (тюрьма), городище; орарьникъ, плугарь, овчюхъ, огородникъ, сторожи, сторожеве, перевозникъ, неводьникъ, кличаны (при охотѣ), конюхъ, конюшій, ключникъ, дворскій, дворецкій, паробки, челядь, холопъ, калижникъ, обувншвецъ, сапогшьющіи, швецъ, опонникъ, кожевники, кожемяки (кажется, слово по преимуществу южно-русское), печецъ, поваръ, скутельникъ, гость, гостебникъ, староста, стольники, дворяне, бояре, тіуны, посадники, биричи, лапотники, и проч. Какъ для юга, такъ и для сѣвера Руси были общими названія: сыты, каши,

квасъ, и проч. Мы уже приводили заимствованныя слова изъ греческаго. Прибавимъ термины книжнаго дѣла: каламаріе, графья, харатья, грамота; интересно замѣтить, что только въ одномъ житіи Кирилла философа (Константина учителя Славянъ) находится слово „вивлотикаръ“, между тѣмъ какъ въ другихъ памятникахъ славянскихъ и русскихъ—нѣтъ ни выраженія „библіотека“, ни „библіотекаря“, а только „книгоположница“, „книгохранилница“, „книжныя хранила“, „беремя книгъ“, „многы книгы“ па полатяхъ церковныхъ (т. е. на хорахъ, въ верхнемъ этажѣ церкви или полаты), „книжный хранитель“, „книгохранильникъ“.

Еще слѣдуетъ присовокупить, что переписчики замѣняли одни выраженія другими. Отсюда разнообразіе списковъ одного и того же произведенія въ выраженіяхъ и даже въ отдѣльныхъ фразахъ, замѣна древнихъ церковно-славянскихъ словъ—русскими. Такъ, уже въ старыхъ спискахъ переводныхъ сочиненій встрѣчаемъ выраженія: вѣверица, вѣкша, бѣла, утъкъ (κρόκη, Сочиненія Ипполита XII в., „утокъ“) и проч. Проф. Соболевскій въ статьѣ „Особенности русскихъ переводовъ до монгольскаго періода“ 1893 г. приводитъ еще слѣдующія выраженія: скалва—вѣсы, лыскарь—лопата, клюка—хитрость, коверъ, возникъ—кучеръ, доспѣти, клюдити—говорить, щюпати, кожухъ, вологa—жиръ(?), пирогъ, плотникъ, вшанинъ—житель деревни, доволъ—кошель, ушьвъ—шапка, горшекъ, чересъ—кошель, ладенъ—согласенъ, кузнецъ, наймитъ, ѣздокъ, и проч.

Остановимся теперь на особенностяхъ языка древне-русской письменности трехъ первыхъ вѣковъ ея, т. е. XI, XII и XIII вв. Отъ XI вѣка до насъ дошло незначительное количество церковно-славянскихъ памятниковъ, писанныхъ русскими въ Новгородѣ, въ Кіевѣ и, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ другихъ центрахъ умственной жизни (въ Смоленскѣ, или даже въ Греціи). По этимъ памятникамъ мы можемъ прослѣдить быстрое образованіе русскаго правописанія. Если писецъ 1057 г. списывалъ съ большимъ пониманіемъ старославянскій текстъ Евангелія, сохраняя и юсы, и глухіе звуки, то черезъ 40 лѣтъ новгородскіе писцы избѣгали и юсовъ, и строгаго соблюденія въ написаніи согласныхъ (мѣняя по-новгородски во многихъ случаяхъ *ч* и *ц*). XII вѣкъ совершенно отклонился отъ преданій церковно-славянской письменности въ сторону русскихъ звуковъ, формъ, хотя и не создалъ живого литературнаго языка. Даже грамоты XII в., отражающія множество особенностей и синтаксиса русскаго языка, и его этимологіи и вмѣстѣ съ тѣмъ діалектическихъ отличій сѣверныхъ, южныхъ и западныхъ говоровъ, не

свободны отъ церковно-славянскихъ звуковъ и формъ. Борьба звуковъ съ буквами продолжается въ XIII в. и даетъ поразительные примѣры путаницы въ грамотахъ Смоленскихъ и Новгородскихъ, напр. въ употребленіи *ѣ, е, ь; ъ, о, ы*. Трудно гадать, что могло бы развиться на почвѣ этихъ колебаній въ сторону созданія одного, или нѣсколькихъ литературныхъ языковъ. Но нельзя не замѣтить укоренившагося старо-славянскаго преданія въ русской письменности разсматриваемаго времени и рядомъ съ нимъ переходнаго состоянія самаго русскаго языка въ его древнѣйшей формѣ, не безъ основанія понимаемой въ болѣе близкомъ отношеніи всѣхъ разновидностей, чѣмъ позднѣе, въ эпоху разошедшихся русскихъ племенъ, подвергшихся и новымъ вліяніямъ. Къ сожалѣнію, въ разсматриваемое время мы почти не видимъ слѣдовъ средне-русскаго нарѣчія, сдѣлавшагося съ теченіемъ времени объединяющимъ литературнымъ языкомъ. Это новое движеніе русскаго литературнаго языка явилось только въ XVI вѣкѣ, когда и въ юго-западной Руси дѣлались неуклюжіе опыты новой литературной рѣчи. Естественный московскій говоръ завоевалъ большее пространство для письменной русской рѣчи. Въ данное же время мы можемъ только говорить о сѣверно-русскомъ нарѣчіи и южно-русскомъ съ ихъ нѣкоторыми разновидностями (Псковскимъ, Смоленскимъ и др.). Въ области звуковъ древне-русскій языкъ всего типичнѣе выразился въ употребленіи *ѣ: ѣ* южно-русское отличается относительной систематичностью, сравнительно съ западно-русскимъ *е* и даже съ сѣверно-русскимъ *ѣ*. Сѣверъ рано проявилъ свою особенность въ смѣшеніи *ц* и *ч*, а югъ въ смѣшеніи *у* и *в*, *жд* и *жч*. Послѣ Остромирова Евангелія мы почти не находимъ памятниковъ русской письменности съ соблюденіемъ особенностей церковно-славянскаго правописанія, не говоря уже о юсахъ, о глухихъ и т. п., не видимъ копированія съ южно-славянскихъ оригиналовъ. Какая-то общая школа русскаго письма и языка охватываетъ русскую письменность до-Монгольскаго времени. Поэтому только относительно можно говорить о памятникахъ галицко-волынской письменности (съ извѣстной мѣной *ѣ* и *е* въ извѣстныхъ случаяхъ), или новгородскихъ. Кіевскіе памятники письменности отличаются безцвѣтностью языка и только въ XIV в. (Псалтирь 1397 г.) проявляютъ южно-русскія черты (даже 1 л. множ. ч. на—мо). Незначительные остатки письменности отъ далекаго юга, который русскіе уступили съ конца XI в. степнякамъ, какъ Тмутороканскій камень, не даютъ почти ничего діалектическаго. Приходится только отмѣтить, на осно-

вапіи памятниковъ письменности и историческихъ свидѣтельствъ, передвиженіе и смѣшеніе нѣкоторыхъ группъ русскихъ племенъ, ощутительныя и въ настоящемъ ихъ состояніи, въ особенности въ области средне-русскихъ говоровъ и отчасти южно-русскихъ. Отмѣтимъ теперь нѣсколько древнѣйшихъ особенностей русскаго языка въ области склоненія и спряженія.

Замѣтимъ здѣсь вообще, что діалектическія особенности юга и сѣвера проявляются въ склоненіи. Южные памятники особенно любятъ окончанія дат. ед.—ови, им. множ.—ове, зват. пад. ед. ч.—у, е; между тѣмъ какъ сѣверные памятники проявляютъ наклонность къ соединенію *к, г, х* съ *и* въ имен. множ. ч. и въ остальныхъ падежахъ. Склоненіе XI в. характеризуется двойственнымъ числомъ, которое для послѣдующихъ вѣковъ является традиціей и нерѣдко замѣняется соотвѣтствующими падежами множ. ч. Къ концу XIII в. сѣверные памятники проявляютъ уже наклонность къ замѣнѣ окончаній дат., твор. и мѣстн. множ. чиселъ мужеск. и средн. родовъ—окончаніями женск. р. (матигорьцамъ, съ клобуками, и проч. Паремейникъ 1271 г.). Изъ мѣстоименныхъ формъ заслуживаетъ упоминанія „я“ въ грамотѣ 1130 г. рядомъ съ „язъ, азъ“. Грамоты съ XII в. знаютъ въ обиліи формы прошедш. вр.—лъ безъ вспомогательнаго глагола. Какъ же мы должны разсматривать прошедшія времена (имперфекта и аориста), употребляющіяся правильно и неправильно въ лѣтописяхъ, въ Словѣ о Полку Игоревѣ и даже въ записяхъ и въ послѣсловіяхъ? Принято думать, что въ XI в. еще живо было чутье къ этимъ формамъ; еще болѣе ихъ поддерживала школа и условная церковно-славянская книжность. Имперфектъ для XII—XIII вв. представлялъ уже архаизмы. Переходныя явленія въ исторіи языка ни въ чемъ также не поражаютъ насъ, какъ во временномъ господствѣ формъ причастія наст. вр. на—а (мога, река, рка, ида), исчезнувшаго затѣмъ изъ жизни языка и изъ памятниковъ письменности.

Въ заключеніе этой главы повторимъ объ особенностяхъ рукописей, по которымъ мы судимъ о древне-русской письменности и литературѣ. Почти каждая рукопись даже самаго традиціоннаго характера, какъ библейскія книги, подвергалась случайностямъ переписки, т. е. пропускамъ, опискамъ, сокращеніямъ словъ, выговору писца и т. п. Отсюда каждая рукопись является особеннымъ самостоятельнымъ явленіемъ. Быть можетъ, писцы иногда и сами произвольно сокращали текстъ, вносили разночтенія въ выраженіяхъ, исправляли выговоръ и правописаніе словъ. Мы имѣли слу-

чай прослѣдить рѣзкую разницу списковъ Патерика Кіево-Печерскаго XVI в., не говоря уже о позднихъ спискахъ. Любое сводное чтеніе древне-русскаго памятника литературы (паломника, лѣтописца, житій св. и проч.) можетъ ознакомить съ характеромъ этихъ разночтеній. Поэтому мы не можемъ дѣлать заключеній ни объ одномъ древнемъ памятникѣ, какъ о непосредственномъ выраженіи особенностей писателя извѣстнаго времени и мѣста. Не всегда даже мы можемъ возстановить первоначальный видъ памятника (напр. Паломника Даніила, Первоначальной Лѣтописи, Слова Даніила Заточника, и проч.). Слова Кирилла Туровскаго находимъ въ сокращенномъ видѣ въ спискѣ XV в., Патерикъ Печерскій въ двухъ разновидностяхъ XV—XVI вв., не считая частныхъ подраздѣленій. Слово Даніила Заточника въ двухъ разныхъ редакціяхъ и т. д. Даже большіе сборники поученій терпѣли передѣлки. Отсюда ни языкъ памятника, ни его содержаніе не можетъ быть представлено болѣе или менѣе точно безъ сравненія всѣхъ списковъ какъ древнихъ, такъ и позднихъ. Иногда и въ позднемъ спискѣ сохраняются черты древности, а въ древнемъ спискѣ являются уже подновленія. Сверхъ того, изслѣдователи допускаютъ порчу текста вслѣдствіе переписки съ листовъ, которые могли быть перепутаны въ переплетахъ сборниковъ, или въ отдѣльныхъ свиткахъ и листахъ (Слово о Полку Игоревѣ, Паломникъ Антонія Новгородскаго XII в.).

Греческія, южно-славянскія и русскія слова—поученія въ древнихъ славяно-русскихъ сборникахъ XI — XIV вѣковъ. Древнія поученія Новгородскихъ писателей (Луки Жидяты и Иліи—Іоанна). Древне-Кіевскія слова и посланія (м. Иларіона, Ѳеодосія Печерскаго, Іакова Мниха, м. Георгія, м. Іоанна II, м. Никифора, м. Климента, Георгія Зарубскаго и др). Кириллъ Туровскій. Серапіонъ Владимірскій. Поученія и посланія неизвѣстныхъ древне-русскихъ писателей.

II.

Одними изъ первыхъ сочиненій богатой христіанской литературы, появившейся въ древней Руси съ конца X вѣка, явились переводныя поученія вселенскихъ учителей и ихъ послѣдователей въ византійской и южно-славянской литературахъ. Извѣстно значеніе трехъ свѣтилъ проповѣднической литературы: Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и Григорія Богослова, съ ихъ блестящими научными словами истолковательнаго и нравоучительнаго направленія, которыя составляютъ славу Византіи IV вѣка. Въ этихъ обширныхъ сочиненіяхъ мы находимъ объясненія возвышенныхъ истинъ вѣры, нравственности, высшаго совершенства христіанской жизни и необыкновенно сильное слово обличенія современной имъ греческой жизни или слово постояннаго заступничества за бѣдныхъ и гонимыхъ. Аскетическое направленіе соединяется у нихъ съ жизнерадостнымъ свѣтлымъ міровоззрѣніемъ, — что въ соединеніи съ ихъ ученостью, основанной на классическихъ языческихъ авторахъ и поэтахъ, придаетъ необыкновенную стройность, ясность и полноту содержанія вмѣстѣ съ теплотою чувства и пылкостью въ обличеніи нравовъ. Рядомъ съ этими тремя свѣтилами стоятъ объяснительныя (догматическія и полемическія), обще-моральныя, аскетическія

и похвальныя слова на господскія, богородичныя и другія празднества церковнаго года современниковъ трехъ названныхъ святителей,—Ефрема Сирина, Кирилла Іерусалимскаго и позднѣйшихъ писателей VIII—IX вв. Андрея Критскаго, Ѳеодора Студита и др. Отличительными чертами этихъ писателей являются: или пылкая поэзія, или необыкновенная простота и общедоступность. Кромѣ личныхъ особенностей въ писательскомъ дарѣ этихъ сравниваемыхъ писателей отражаются въ ихъ сочиненіяхъ и измѣнявшіяся условія внутренней византійской жизни. Рѣзкія колебанія въ развивающейся христіанской церкви, выразившіяся въ ересяхъ и ихъ пораженіи, смѣнились въ Византіи развитіемъ монашества и проповѣди между язычниками. Одними изъ ближайшихъ къ грекамъ такихъ народовъ явились славяне, воспринявшіе богатую греческую литературу византійскаго періода. Только неблагопріятныя условія политической жизни славянъ помѣшали имъ развить на этой основѣ такія же высокія проявленія писательскихъ талантовъ, какія видимъ у ихъ образцовъ.

Условія молодой славянской церкви—новопросвѣщенныхъ людей—отражаются въ ихъ самостоятельной литературной дѣятельности XI—XIV вѣковъ, въ разсматриваемой области. Какъ будто славянскимъ писателямъ дороже были плоды практической дѣятельности, въ видѣ христіанскихъ подвиговъ, чѣмъ стремленія пытливой мысли, основанной на широкомъ научномъ образованіи. Отсутствіе высшей школы, философскаго образованія, за самыми незначительными исключеніями, искупалось непосредственной вѣрой, простымъ живымъ воображеніемъ, основаннымъ на чтеніи св. Писанія и переводныхъ сочиненій, и борьбой съ проявленіями насилія, суевѣрія и рѣдкихъ заносныхъ проявленій еретическихъ, какъ богомильство. Славянская литература болгаръ, сербовъ и русскихъ перваго періода, основанная на Кирилло-Меѳодіевскомъ преданіи, питалась всего болѣе переводами съ греческаго, въ видѣ многочисленныхъ и разнообразныхъ сборниковъ. Одни изъ нихъ имѣли непосредственно церковное назначеніе, другіе отвѣчали запросамъ любознательной мысли и горячаго чувства неофитовъ. Въ византійской литературѣ, современной возникавшей славянской рѣчи церковнаго характера, въ видѣ панегириковъ—торжественныхъ словъ святымъ, были очень распространены; ими занимались съ любовью и свѣтскія лица,—представители императорскаго дома,—сановники, опираясь на изученіе искусственныхъ правилъ риторики и пособій, составленныхъ изъ сочиненій знаменитыхъ проповѣдниковъ. По-

слѣднія назывались панегириками, параллелями, еклогами, цѣпями (κατεναι), иногда расположенными въ отрывкахъ по алфавиту для лучшаго пользованія при справкахъ.

Школа византійскаго проповѣдничества, ораторскихъ посланій, часто очень искусственныхъ, поддерживалась столько же учеными, сколько и сборниками. Южные славяне уже въ X в. заботились о переводѣ такихъ сборниковъ, о приспособленіи ихъ къ своимъ нуждамъ. Таково происхожденіе знаменитыхъ Изборниковъ болгарскаго царя Симеона, переписанныхъ у насъ въ 1073 и 1076 гг. для в. кн. Святослава, содержащихъ, между прочимъ, поученія Іоанна Златоустаго, Василія В., Григорія Богослова, Ефрема Сирина и др. Исключительно изъ поученій Іоанна Златоустаго (до 137) состоитъ другой сборникъ, составленный при царѣ Симеонѣ,—Златоструй, дошедшій до насъ въ спискахъ, начиная съ XII в. Переводы этихъ поученій могутъ относиться и къ Кирилло-Меѳодіевской эпохѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ древніе сборники Миней-Четій, въ родѣ Супрасльской рукописи XI в., глаголическаго Клоцова сборника и др. Церковные и монастырскіе уставы требовали чтенія избранныхъ поученій въ теченіе всего года, особенно во время великаго поста, Пасхальной недѣли и слѣдующихъ за ней. Такъ, у южныхъ славянъ уже могли существовать т. н. Златоусты—сборники поученій великаго учителя на означенные церковные службы. Поученія читались вмѣстѣ съ житіями святыхъ. Краткій изборъ тѣхъ и другихъ далъ начало извѣстному церковному сборнику т. н. Прологу,—собственно Синаксарю, краткому виду Миней. Конечно, у южныхъ славянъ, кромѣ Златоструевъ, Златоустовъ, Прологовъ, были уже и другіе сборники, которые получили широкое развитіе въ древнерусской литературѣ, какъ напр. Торжественники, Златыя Цѣпи, Измарагды.

Сдѣлаемъ теперь бѣглый обзоръ дошедшихъ до насъ древнерусскихъ сборниковъ поученій и словъ. Изборникъ 1073 г. и Златоструй несомнѣнно переведены съ греческаго и списаны съ южнославянскихъ прототиповъ. Но уже Изборникъ 1076 г., быть можетъ, дѣйствительно „избранъ изъ многъ книгъ княжихъ“,—изъ княжеской библіотеки, какую еще умѣлъ составить Ярославъ Мудрый. Въ Изборникѣ 1076 г. едва ли не впервые мы встрѣчаемъ т. н. сомнительныя слова (spuria), псевдонимы и анонимы въ надписываніи статей, которыми далѣе отличаются „Измарагды вмѣстѣ съ Златоустами“, „Златыми Цѣпями“ и другими сборниками. Таково, напримѣръ, слово о пьянствѣ, приписанное въ Изборникѣ 1076 г. пророку Іоилю (лл. 246 об.—267 об.). Въ библейской книгѣ пророка

Іоиля (I, 5) мы находимъ нѣсколько словъ о пьянствѣ; но этихъ словъ нѣтъ въ поученіи, приписанномъ прор. Іоилю въ Изборникѣ 1076 г., и все поученіе, говорящее о „пьянственномъ бѣсѣ", о „медвьномъ питіи—медѣ", относится или къ памятникамъ южнославянской литературы, или—древне-русской. Интересно въ этомъ поученіи особенное вниманіе къ „мужу ратьному", который „медъмь съврьженъ бысть съ коня беждельза: не отъ ратьныихъ оубиенъ бысть". Вообще Изборникъ 1076 г. заслуживалъ бы особаго изслѣдованія со стороны содержанія и источниковъ: въ немъ много общаго съ позднѣйшими древне-русскими сборниками. Такъ въ немъ находимъ и Стословецъ патр. Константинопольскаго Геннадія, и Слово нѣкоего отца къ сыну, и Аѳонасьевы отвѣты, и краткія поученія о молитвѣ, о постѣ, о пьянствѣ, избранныя изъ словъ Іоанна Златоустаго (есть и только приписываемыя ему, или передѣлки изъ его сочиненій), Василія Великаго и др. Между другими словами особенно интересно слово, безъ котораго не обходится ни одинъ древне-русскій сборникъ,—„о женахъ злыихъ и добрыихъ". Къ сожалѣнію, въ Изборникѣ 1076 г. нѣсколько листовъ изъ этого слова утрачено. Но мы восполнимъ его по другимъ сборникамъ: Изборнику 1073 г., Златострую, Златоустамъ, Измарагдамъ и проч. Это знаменитое слово составляетъ спорный вопросъ объ авторѣ. Обыкновенно оно приписывается Іоанну Златоустому и связано съ его ссылкой, между прочимъ, за обличенія императрицы Евдоксіи. „Паки Продія бѣсится, такъ начинается это слово, паки мутится и паки мятется: паки мещетъ, паки проситъ главы Іоанна Крестителя" (слово написано „на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи", 29 августа). Между тѣмъ слово это частями встрѣчается среди сочиненій Ефрема Сирина, вопросо-отвѣтовъ Анастасія и служитъ предметомъ славяно-русскихъ передѣлокъ. Имъ пользуется извѣстный Даніилъ Заточникъ. Чтобы показать разницу въ передачѣ русскихъ списковъ и передѣлокъ слова, я приведу одну выдержку, интересную и со стороны языка. Въ Златоструѣ XII в. читаемъ: „аще ли имать мужа боярина (ἄνδρα ἄρχοντα), нощь и день въз̃остряетъ сердце ему на прелестное убійство устящи, якоже Продія Проди (ὡς Ἡρῳδιάς, въ Изборникѣ 1073 г. „акы Продовая"), аще ли нища имать мужа, на дързновеніе и на котыры въставляетъ, аще ли вдова есть, сама собою вся безчествуетъ". Въ Изборникѣ 1073 г. передается иначе: „аще и мужа има(ть) князя, нощь и день словесы и пооуштяюшти на убійство остритъ акы Продовая Прода. аште ли имать убога мужя на гнѣвы и на которы и подвизае(ть). аште и вдова есть.

сама собою вся корить, вся потязасть". Не приводимъ позднѣйшихъ передѣлокъ этого мѣста. Библейскія изрѣченія о женахъ злыхъ и добрыхъ, по Притчамъ Соломона и Книгѣ Сираха, входятъ и въ поученія и въ лѣтопись, подъ 980 г. о в. кн. Владимірѣ. Какъ ни рѣзки эти обличенія въ сравненіяхъ злыхъ женъ съ дикими звѣрями, надо помнить, что рядомъ съ обличеніями женъ (особенно павшихъ) въ словахъ Златоуста „съ увлеченіемъ (по словамъ Н. А. Лавровскаго: Памятники старипнаго русскаго воспитанія, стр. 29), а иногда съ истинно-поэтическимъ одушевленіемъ говорится о женщинѣ, о ея значеніи и положеніи въ семействѣ, о воспитаніи дѣвицы и вообще о бракѣ и супружеской жизни".

Сборники XII — XIII вв. (напр. знаменитый Сборникъ Московскаго Успенскаго Собора и другой—Троицко-Сергіевой Лавры XII в.), содержа поученія Іоанна Златоустаго, вводятъ уже въ кругъ южнославянской проповѣди: Климента еп. Величскаго, Іоанна Экзарха Болгарскаго, и Константина еп. Болгарскаго,—сподвижниковъ царя Симеона книголюбца. Поученія эти несомнѣнно были ближайшими образцами для первыхъ русскихъ писателей, такъ какъ по своей простотѣ и приспособленности къ пониманію соплеменныхъ болгаръ новопросвѣщенныхъ людей, ближе подходили и къ пониманію, какъ людей, наслаждавшихся переводной книжностью, такъ и простого русскаго народа. Въ первомъ отношеніи они являлись торжественными словами, прославлявшими христіанскія праздпества и славянскихъ святыхъ (напр. первоучителей), во второмъ отношеніи они состояли изъ пересказа и объясненія евангелія по выбраннымъ твореніямъ Златоустаго и др. Изложеніе этихъ толковыхъ воскресныхъ евангелій оживлялось у славянскихъ и русскихъ проповѣдниковъ разговорной формой и лирическими изліяніями, въ видѣ молитвъ, восклицаній. Назидательный элементъ отличался также простотой. Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ трехъ славянскихъ проповѣдниковъ, отъ которыхъ до насъ дошли 17 словъ на праздники Климента, нѣсколько словъ Іоанна Экзарха -болѣе извѣстнаго своими богословскими трудами (Богословіе Іоанна Дамаскина и Шестодневъ, составленный по сочиненіямъ Василія Великаго и др.) и Евангеліе учительное Константина, составленное по сочиненіямъ Іоанна Златоустаго. Въ „заповѣданіяхъ о праздницѣхъ Климента еп. Словѣньска, въ поученіяхъ къ людемъ", какъ будто составленнымъ въ образецъ для послѣдующихъ славянскихъ проповѣдниковъ, находимъ такіе совѣты: „си же суть дѣла сотонина: идоложертвія, братоненавидѣнія, клеветы, гнѣводержанья...

пьянство, объяденіе, разбои, пѣсни бѣсовьскыя, плясанія, срамословья, влъшвенія, дѣтогубья, прѣлюбодѣяньа, клятвопреступленіе“: „должни есмы, братія, праздникы божія честити, въздержающеся отъ всякаго зла, убѣгающе отъ всякоя нечистоты, подобящеся св. угодникомъ Божіемъ, почитающе житія ихъ, въ св. книгахъ, и пытающе съ вѣрою отъ всякого сердца: коею бѣ добродѣтелію, или кыими добрыми правы обрѣтоша царствіе небесное“... „Не поминающе другъ другу злобы, благовѣріемъ цвѣтуще, нищелюбіемъ свѣтящеся, братолюбіемъ украшьшеся, духомъ горяще.. а не словомъ точію нарицаемся крьстьяни“.. „да похвалимъ лазорево благодарьство: лазорь красная лѣторасль божія сада, лазарь сьрдоточная капля мудрость божія, лазорь источникъ благодати духовныя.. лазорь небопарный орелъ“.. „аще хощеши красны и прелѣпы дворы видѣти, то смотри по зашествіи солнца небо украшено звѣздами“. Такъ поэтично и просто изложена и похвала учителю словѣнскому Кириллу философу Климентомъ. Такова же форма и словъ Іоанна Экзарха на господскіе праздники: „но рещи ми имаши, брате; что есть фаворъ; повѣмь же ти азъ: фаворъ гора есть, идѣже хотя прѣобразитеся Христосъ.. якоже и нынѣ слышасте (т. е. въ евангеліи).. радуйся небо и земле и вся тварь днесь, видящи солнце праведное плотію просіявше, на горѣ высоцѣ на фаворѣ; радуйтеся темнаа мѣста, свѣтъ неисповѣдимый пріемлющи, его же являеть отецъ въ сынѣ“. Константинъ, переводя извлеченія изъ поученій Іоанна Златоустаго, сопровождаетъ ихъ собственными вступленіями и заключеніями, говоритъ: „се бо и азъ пакы придохъ днесь къ вашей любви Златоуста наставника предлагая, Христова словеса прозябающи алчьнамъ душамъ и якоже брашномъ ухлѣбяща, не греци бо точію обогатишася отцемъ симъ, но и словенскый родъ, мнимый попранъ бысть всѣми“. Проповѣдникъ жалуется на то, что его мало слушаютъ: „вѣдѣ же яко тяжекъ вы есмь по вся недѣля къ вамъ бесѣдуя, но не остануся дондеже добрѣйше будете“. О безбоязненномъ проповѣданіи Христа Константинъ говоритъ новопросвѣщеннымъ: „слышасте ли вѣру слѣпца, видѣсте ли дрьзновенія мужеска, како не убояся народа, како не устранися прѣщенія, не тольма бо хотѣаше тѣлеснама очима прозрѣти, елма духовными, тѣмь же мы молимся ему (Богу) да прозримъ душевныма очима творити заповѣди его и славити его боголѣпно, не боящеся цесаря, не стыдящеся князь, не срамляющеся вельможъ, но аще и гоненіе настоитъ, аще мукы прѣдлежать, аще нужда належитъ не боятися, не отлучатися отъ любве его“. Наши проповѣдники выражались

такъ только въ посланіяхъ къ князьямъ, какъ преп. Θеодосій и др. Слова знаменитыхъ славянскихъ проповѣдниковъ вошли въ т. н. Торжественники вмѣстѣ съ похвальными словами изъ старинныхъ сборниковъ, въ родѣ Супрасльской рукописи, вмѣстѣ съ словами Кирилла Туровскаго. Ни одинъ вѣкъ не богатъ такъ замѣчательными русскими сборниками, какъ XIV вѣкъ, отъ котораго мы имѣемъ и опредѣленные типы Измарагда, Златоуста, Златой Цѣпи, и сборники смѣшаннаго характера съ драгоцѣнными поученіями противъ язычества неизвѣстныхъ писателей и съ именами м. Иларіона, Θеодосія Печерскаго, Кирилла Туровскаго, Серапіона Владимірскаго, новгородскихъ архіепископовъ и др. Все это только слѣды широко развернувшейся древне-русской проповѣди, ораторскаго искусства и простого дѣятельнаго правоученія. Одни изъ этихъ сборниковъ имѣли назначеніе для церковной проповѣди, другіе—для домашняго чтенія. Но неумѣнье выдѣлить своихъ русскихъ писателей и поглощающее богатство переводной литературы съ стремленіемъ систематизировать весь этотъ матеріалъ по вопросамъ вѣры и нравственности приводилъ русскихъ составителей сборниковъ къ забвенію своихъ историческихъ преданій. Русскіе книжники XIV—XV вѣковъ не умѣли сохранить неприкосновенными проповѣдническіе труды древнѣйшаго періода,—отчего и создалось тяжелое затрудненіе къ возстановленію объема и содержанія русской проповѣди до—монгольскаго времени. Отсюда мы не знаемъ цѣльнаго круга поученій ни Иларіона, ни Θеодосія, ни Кирилла Туровскаго, не говоря уже о поученіяхъ неизвѣстныхъ русскихъ проповѣдниковъ, которымъ принадлежатъ, напримѣръ, 12 краткихъ поученій на праздники и 9 поученій на великій постъ (изданы проф. Пѣтуховымъ въ 1886 и 1894 гг.). Эти поученія входятъ уже въ древнѣйшіе Пролога, повторяются въ Златоустахъ и Измарагдахъ. Въ нихъ есть черты древнихъ славянскихъ проповѣдниковъ и общіе пріемы, сближающіе ихъ съ поученіями Луки Жидяты, Θеодосія и др. Особенно замѣчательны древнія поученія на воскресные дни великаго поста. Въ правилахъ русскаго митрополита XI в. Іоанна II предписывается особенная необходимость поученій въ дни великаго поста, такъ какъ многіе еще въ русской землѣ „жрутъ бѣсомъ и болотомъ и кладяземъ; въ великое говѣнье мясо ядятъ и скверное; въ сырную недѣлю мясо ядятъ и крови и давленицу“; пиры и пьянство встрѣчаются не только среди простыхъ людей, но и среди іереевъ и монаховъ; „нѣкоторые люди не принимаютъ св. таинъ ни единою лѣтомъ“. Поэтому іереямъ предписывается „имѣть нака-

занье и поученье къ людемъ не единою, ни двождь, но различно, дондеже увѣдають и разумѣють воистину и добру научаться" (Русск. Историч. Библ., т. VI, стр. 1—20). Кіевскій м. Никифоръ XII в. указываетъ на особенное значеніе поученій предъ великимъ постомъ: „потребну же сущу поученію нынѣ приходящихъ ради дней св. великаго поста" (м. Макарія: Ист. Рус. Церкви. II², 366); а въ посланіи къ в. кн. Владиміру тотъ же Никифоръ говоритъ о необходимости, „по церковному уставу", поученій князьямъ по случаю поста (Русск. Достопам. 1815 г., 1 ч., 63). Извѣстно, что и поученія Ѳеодосія Печерскаго относятся преимущественно къ днямъ великаго поста. Въ XIII в., въ опредѣленіяхъ Владимірскаго собора указывается „неродьство" въ новгородскихъ странахъ: „упивающеся безъ мѣры въ св. пречистыя дьни постеныя отъ свѣтлыя недѣлѣ верьбьныя до всѣхъ святыхъ" (Русск. Историч. Библ. VI, 27). Припомнимъ и указаніе Стоглава 1551 г. на то, что „въ великій четвергъ порану солому палять и кличють мертвыхъ". Понятно, почему въ дни великаго поста необходимы были по преимуществу простыя поученія, говорившія о воздержаніи отъ „обьяденья и пьянства.. корчьмы" (Древнія поученія, изд. Пѣтухова, стр. 17), о томъ, что Богъ „не терпѣ насъ зрѣти поработившихся бѣсу, бездушнымъ кумиромъ требу полагающа" (22 стр.), о „скверныхъ дѣлахъ.. бѣсующеся и и скачуще во пьянствѣ" (8). Отвѣчая по мыслямъ поученіямъ Ѳеодосія Печерскаго и новгородскихъ владыкъ, разсматриваемыя древнія слова и входять въ сборники однороднаго содержанія, представляя собою Златоусты т. н. постные, въ отличіе отъ цвѣтныхъ, въ которые входятъ слова Кирилла Туровскаго. Такимъ образомъ, древне-русскіе писатели первыми своими трудами имѣли въ виду удовлетворить церковнымъ требованіямъ Уставовъ, предписывавшихъ поученія преимущественно въ великомъ постѣ и съ Пасхи до недѣли всѣхъ святыхъ. Въ разныхъ мѣстахъ древней Руси могли возникнуть однородныя сочиненія, удовлетворявшія этимъ требованіямъ. Вотъ почему мы встрѣчаемъ Златоусты южнаго происхожденія и Златоусты сѣвернаго, новгородскаго. Такъ и въ лѣтописяхъ приводятся выдержки изъ словъ неизвѣстныхъ русскихъ писателей, при чемъ нельзя не замѣтить богатства и развитія проповѣди на югѣ, въ Кіевѣ и сравнительной бѣдности ея на сѣверѣ.

Обыкновенно первымъ русскимъ писателемъ называется новгородскій архіепископъ *Лука Жидята* (1036—1059 гг.) [1]). Неболь-

[1]). По лѣтописямъ арх. Лука является современникомъ в. кн. Ярослава, строителемъ св. Софіи въ Новгородѣ, современникомъ митр. Кіевскаго Ила-

шое „поученіе архіепископа Луки къ братіи“, какъ оно надписывается въ одномъ изъ трехъ списковъ XVI в., дошедшихъ до насъ, признается древнѣйшимъ въ виду безыскусственности, краткости простыхъ разнообразныхъ назиданій, входящихъ въ кругъ религіозныхъ и нравственныхъ понятій христіанина въ отличіе отъ язычника. Авторъ поученія въ обиліи пользуется библейскими выраженіями и отчасти оглашеніями Кирилла Іерусалимскаго извѣстными намъ по славянскимъ спискамъ съ XI в. Въ этомъ краткомъ Поученіи нѣтъ плана, поэтому мы приведемъ нѣсколько выдержекъ, которыя интересны по отношенію къ новопросвѣщеннымъ русскимъ „се братіе (такъ начинается слово) первѣе всего сію заповѣдь извѣстно (т. е. несомнѣнно, твердо) должни есми вси крестіанѣ держати: вѣровати въ единъ Богъ, не ленитися къ церкви ходити; подъ братомъ ямы не рой, но буди правъ тако, яко и приложа главу (такъ говорили древнерусскіе князья и дружинники); помните и милуйте странныя и убогыя и темничникы и своимъ сиротамъ милостиви будете; Москолудство [1]) вамъ братіе не лѣно имѣти, ни

ріона, знаменитаго проповѣдника. Лука часто, вольно и невольно, посѣщаетъ Кіевъ, живетъ здѣсь въ заточеніи три года (1055—1058 гг.). Въ 1558 г., при обрѣтеніи мощей еп. Никиты Новгородскаго, нашли и гробъ еп. Луки. Въ рукописи Румянц. Музея XVI—XVII в., № 154 (тоже у митр. Макарія: Исторія Русской Церкви, II[2], 1889 г., стр. 20, прим.) это событіе разсказано такъ: „обрѣтоша гробъ шестью дсками каменными содѣланъ, на верхней же каменнѣй дъсцѣ вообраҗеніе бѣ честнаго креста... и отверзти его повелѣ (архіепископъ) и абіе видѣ мощи святительски свидѣтельствующему омофору, яко быти епископу лежащему во гробѣ томъ... Взыскающе же по памятованіемъ и обрѣтоша, яко ту погребенъ есть епископъ Лука, иже бѣ отъ крещенія нашего вторый епископъ великому Новуграду (бѣ же сей отъ начала просвѣщенія земли нашей).. самому епископу Луцѣ полагающу черту по своему его гробу жезломъ своимъ“ (лл. 63 об.—64 об.).

[1]). Вторая часть этого слова несомнѣнно значитъ глупость, дурачество: лудъ-дуракъ, такъ объяснено и въ словарѣ Памвы Берынды: „Лудъ-безуменъ, глупъ“; производныя слова; лудячій, лудость, лужду, лужденіе; въ Великихъ Ч.-Минеяхъ (Октябрь, 946 стр. Мученіе св. мученикъ Тарха, Прова и Андроника) встрѣчаемъ: „многомъ человѣкомъ падъшимъ отъ *лудова* игрища мечемъ, ово звѣрьми побіеномъ бывшимъ... въ средѣ *позорнаго* игрища, звѣриже многи попущени бывша... повелѣ мечникомъ аударномъ — лударіомъ“ τῶν λουδαρίων. Въ поученіи другого новгородскаго епископа XII в. Иліи—Іоанна (см. ниже) встрѣчаемъ другія выраженія объ играхъ съ ряженьемъ и грубыми обращеньями смѣхотворцевъ, шутовъ: „и о турѣхъ и о лодыгахъ (ср. у Берынды: лотыги-марнотравцы, развратники), и о колядницѣхъ, и про беззаконный бой“.

молвити срамна слова, ни гнѣва на всякъ день имѣти; буести не имѣйте, ни гордости, помня, яко утро будемъ смрадъ и гной и червіе; ни заклинайте, ни проклинайте; не пій безгода, по здоволь, а не доньяпства".

Это одинокое новгородское поученіе можно дополнить новооткрытымъ словомъ *арх. Иліи-Іоанна* [1]) (1165—1185 гг.), имя котораго связано и съ интересными вопросами XII в. Кирика, Саввы и Иліи и съ отвѣтами еп. Нифонта и другихъ іерархическихъ лицъ. Какъ видно, въ Новгородѣ не было проявленія духовнаго краснорѣчія, о чемъ свидѣтельствуетъ и простота изложенія новгородской лѣтописи и Поученіе уже начала XIV в. новгородскаго арх. Моисея о безвременнѣмъ пьянствѣ (Первое Прибавленіе къ Описанію Хлудова, стр. 56—57). Вопросы обрядовой жизни сильно занимали новгородцевъ уже въ XII в. Отвѣтовъ на вопросы объ уклоненіяхъ въ окружающей обстановкѣ—еще полуязыческой, полуиновѣрной (въ виду торговыхъ отношеній Новгорода) новгородское духовенство искало у просвѣщенныхъ кіевлянъ: еп. Нифонта, Климента и др. Разсматриваемыя сочиненія новгородцевъ отличаются простотой и близостью къ народной рѣчи, такъ какъ и вопросы, разсматриваемые въ нихъ, вращаются исключительно въ кругу народной жизни: о кулачныхъ бояхъ, о народныхъ празднествахъ и играхъ, о народныхъ суевѣріяхъ, о безмѣрномъ пьянствѣ, о женскихъ слабостяхъ и т. п. Интересны здѣсь свѣдѣнія и о такихъ книгахъ, обращавшихся среди новгородцевъ, которыя, по словамъ Нифонта, „годятся сжечи". Это были отреченныя апокрифическія книги гадательнаго содержанія. Какъ видно, новгородцы, то обра-

[1]). Въ Церковномъ Уставѣ Студійскаго монастыря XII в. (Москов. Синод. библ. № 380) есть замѣчательныя приписки: „въ лѣто 6678 постави Илія архіепископъ и братъ его Гаврилъ манастырь св. Богородица Благовѣщеніе. А въ лѣто 87 камену церковь постависта индикта 4" (ср. въ Новгор. лѣт.: „въ тоже лѣто—1170 г.—арх. боголюбивый Илія съ братомъ Гавриломъ създаста манастырь церковь св. Богородиця Благовѣщеніе"; 1180 г. „томьже лѣтѣ заложи церковь камяну въ манастыри на воротехъ боголюбивый арх. Новъгородскый Илія съ братомъ Гавриломъ у св. Благовѣщенья"): „въ лѣто 6694 прѣставися Илія арх. Новгородьскый постригъся мѣсяца сентября въ 7 день на память св. священномученика Созонта и бысть ему имя мнишьское Іоанъ" (ср. въ I Новг. лѣт.: „1186 г. въ тоже лѣто преставися Илія арх. Новг., мѣсяца сентября въ 7 день. и положенъ бысть въ притворѣ св. Софія"). Въ Новгор. лѣт. находимъ еще слѣд. свѣдѣнія объ Иліи—Іоаннѣ: 1165 г. „поставленъ бысть Илія арх. Новг. отъ митр. Іоанна.... (въ Кіевѣ) и приде Новугороду." Илія пользовался большой популярностью въ Новгородѣ

щаясь къ волхвамъ (можетъ быть финскимъ), то къ варяжскимъ попамъ, прибѣгали болѣе всего въ югу: ходили въ Іерусалимъ и пользовались южно-русской литературой, къ которой мы теперь и переходимъ. Центромъ этой литературы, какъ и образованія, былъ Кіевъ, произведшій такого выдающагося церковнаго оратора, какимъ является второй древній писатель и проповѣдникъ м. *Иларіонъ* (1051—1055 гг.) [1].

Изъ лѣтописи извѣстно, что онъ былъ священникомъ при церкви св. апостоловъ въ селѣ Берестовѣ, любимой загородной резиденціи в. кн. Ярослава. былъ „мужъ благъ, книженъ и постникъ". Затѣмъ онъ вздумалъ отдаться отшельничеству, и первый выкопалъ небольшую пещеру — въ двѣ сажени — на уединенномъ берегу Днѣпра, гдѣ вскорѣ затѣмъ возникъ Кіево-Печерскій монастырь. Иларіонъ ходилъ молиться изъ Берестоваго въ эту пещерку, вокругъ которой въ то время былъ „лѣсъ великъ". Но Ярославъ призвалъ его къ столу кіевской митрополіи и, вѣроятно, недовольный Греками, не послалъ этого перваго русскаго митрополита къ патріарху въ Константинополь, а ограничился посвященіемъ его соборомъ русскихъ епископовъ. Безъ всякаго сомнѣнія Иларіонъ отличался замѣчательнымъ духовнымъ образованіемъ и талантами, о чемъ свидѣтельствуетъ большое, искусно-составленное *Слово* Иларіона: „*О законѣ Моисеомъ даннѣмъ, и о благодати и истинѣ Іисусъ*

[1]). Въ рукописяхъ имя его надписывается слѣд. обр.: „молитва преподобнаго отца нашего Иларіона, митрополита россійскаго, въ нашествіе иноплеменныхъ, и за бездождіе, и въ смертоносіе" въ Канонникѣ XVII в. Москов. (?) Синод. библ., (Библіологич. Словарь, 1882 г. Строева, 144 стр.). Эта молитва упоминается въ 1555 г., въ актахъ (Арх. Эксп. I, 258): читать молитву „твореніе митрополита Иларіона русскаго". Въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Унив. 1865 г., I т. напечатано „Слово Иларіона митрополита Кіевскаго къ брату стлъпнику" по сербской рукописи XIV—XV вв. „Слово св. Ларіона митрополита Кіевскаго". Нач.: „Потщимся, братіе и сестры, къ вѣчнѣй жизни свѣтлѣй" (сборникъ Троицко-Сергіевой Лавры XIV в., пергам., № 13, изданъ въ Прибавленіяхъ къ Твор. Отца Цер. 1844 г., но по другому списку), „Преп. отца нашего Ларіона великаго митр. російскаго" (напеч. тамъ-же, изъ канонника Троицко-Серг. Лавры № 284, XVII в. синод.?; Тоже въ спискѣ XIV в. № 254). „Молитва преп. отца нашего Иларіона русійскаго", Тр.-Серг. Л. № 350, XVI в.)—Знаменитое поученіе Иларіона не встрѣтилось пока съ его именемъ и только внутреннія основанія даютъ право отнести его къ знаменитому митр. Кіевскому. Въ Синод. ркп. XVI в., № 318 слово „О законѣ" помѣщено вмѣстѣ съ Исповѣданіемъ вѣры митр. Иларіона съ подписью его на концѣ (Описаніе Москов. Син. б. II, 3, стр. 599).

Христомъ бывшимъ, и како законъ отъиде, благодать (же) и истина всю землю исполни, и вѣра въ вся языки простресся и до нашего языка руськаго, *и похвала кагану* (восточное, хазарское названіе князя, заимствованное русскими славянами еще до призванія князей) *нашему Владимеру,* отъ негоже крещени быхомъ (и молитва къ Богу отъ всеа земли нашеа"). Слово это дошло до насъ въ нѣскольких древнихъ спискахъ, начиная съ XIV в., извѣстно и по сборникамъ XVI—XVII вв. Что оно было хорошо извѣстно въ древней Руси видно изъ передѣлокъ и выдержекъ изъ него: въ лѣтописной памяти XIII в. о князѣ владимірскомъ Владимірѣ Васильковичѣ, въ похвальныхъ словахъ кн. Константину Муромскому, св. Владиміру и даже въ сербской литературѣ XIII в., въ житіи великаго жупана Немани. Принадлежность Слова Иларіону, имени котораго нѣтъ ни на одномъ спискѣ изъ многихъ извѣстныхъ теперь, устанавливается слѣдующими обращеніями проповѣдника къ княжеской семьѣ — сыну Владиміра „славнаго христолюбца, учителя и наставника русской земли апостола": „добръ послухъ твой сынъ Георгій (христіанское имя Ярослава)... иже славный градъ твой Кыевъ величьствомъ яко вѣнцемъ обложилъ.. и церковь на великыихъ вратѣхъ (т. е. на золотыхъ воротахъ) създа во имя св. Благовѣщенія (1037 г.)... встани, о честная глава, отъ гроба, встани, отряси сонъ.. и виждь благовѣрную сноху твою Ирину, виждь внукы твоа и правнукы (Ирина скончалась въ 1050 г.), како живуть,.. како благовѣріе держать по преданію". Слово оканчивается молитвой о „сущихъ въ работѣ, въ плѣненіи, въ заточеніи, въ путехъ, въ плаваніи, въ темницѣхъ, въ алкотѣ и жажди и наготѣ", и проч. Въ лѣтописи, подъ 1043 г., разсказывается о несчастномъ походѣ на Грековъ сына Ярослава Владиміра съ воеводой Вышатой, которые потерпѣли неудачу отъ бури на морѣ и отъ Грековъ, три года державшихъ въ плѣну Вышату съ Русью, изъ которыхъ многихъ и ослѣпили. Слово Иларіона, судя по живымъ обращеніямъ ко гробу Владиміра, въ Десятинной церкви, „идѣже мужьственное тѣло его лежить", было произнесено, какъ торжественная рѣчь; до насъ же дошло въ „писаніи": „не къ невѣдущимъ бо пишемъ, говоритъ проповѣдникъ, но прѣизлиха насыщьцемся сладости книжныя". Это также подходитъ къ вѣку Ярослава—книголюбца. Первая часть Слова посвящена обширнымъ сопоставленіямъ ветхозавѣтныхъ прообразовъ съ новозавѣтными явленіями въ символическихъ и аллегорическихъ толкованіяхъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ символическихъ образовъ закона и благодати: работная Агарь и свободная

Сарра, свѣтъ луны и солнце возсіявшее, согрѣвшее землю солнечной теплотой, благословеніе Манасіи на іудеяхъ и Ефрема — на христіанахъ; и проч.

Проф. Ждановъ („Палея“, Кіевск. Унив. Изв. 1881 г. сент., 256 стр.) указалъ на сходство символическаго толкованія разсказа объ Агари и Саррѣ у Иларіона съ подобнымъ же толкованіемъ въ Толковой Палеѣ. „Не имѣя подъ руками Палейныхъ пророчествъ, я не могу, къ сожалѣнію, говоритъ Ждановъ, подтвердить этого замѣчанія сопоставленіемъ Слова и Палеи. Припомню еще ссылки Иларіона на „иныя книги“: а еже поминати въ писаніи семь и пророческая проповѣданія о Христѣ,... то излиха есть и на тщеславіе склоняяся. Еже бо въ инѣхъ книгахъ писано и вамъ вѣдомо, то здѣ положити, то дрьзости образъ и славохотію“. Теперь, съ появленіемъ сочиненій Н. С. Тихонравова (т. I, 1898 г., стр. 44—45 примѣчаній), это отношеніе можетъ быть подтверждено фактами. Три мѣста въ Словѣ м. Иларіона совпадаютъ съ толкованіями Палеи: выраженія объ Агари и Саррѣ, о Гедеонѣ и о благословеніи Ефрема и Манассіи. „Иларіонъ, говоритъ Тихонравовъ, развивалъ подробнѣе указанія Толк. Палеи. И Толк. Палея, и Слово Иларіона могли имѣть ближайшее примѣненіе въ XI в. къ населенію Кіева, въ которомъ было много жидовъ. Изъ Патерика Печерскаго извѣстно, что св. Феодосій ночью выходилъ спорить съ жидами, а Никита затворникъ наизусть зналъ книги ветхаго завѣта. Замѣчая въ Словѣ Иларіона и другія мѣста, сходныя съ Толк. Палеей (напр. опроверженіе мнѣнія, будто Христосъ привидѣніемъ пришелъ на землю, и легенду о поклоненіи Іисусу идоловъ, находящуюся и въ Т. Палеѣ, по сп. XIV в.) мы склонны къ предположенію, что подъ именемъ пророческихъ проповѣданій Иларіонъ разумѣлъ мѣста изъ пророковъ въ Толк. Палеѣ“.

Послѣ этихъ длинныхъ сопоставленій, отличающихся однако стройностью и поэтическимъ воодушевленіемъ, слѣдуетъ историческая часть Слова, въ которой проповѣдникъ говоритъ о принятіи христіанской вѣры „русскимъ языкомъ“: „уже не идолослужители зовемся, (но) христіанами... и уже не капищъ съграждаемъ, но Христовы церкви зиждемъ, уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга... и уже не жертвеныа крове вкушающе... къ сему же и гугнахомъ языки нашими, моляще идолы... и преже бывшимъ намъ аки звѣремъ и скотомъ не разумѣющимъ десницѣ и шуйцѣ и земленыхъ прилежащемъ и ни мала о небесныхъ пекущемся“. Эта характеристика древне-русскаго язычества напоминаетъ характери-

стику жизни Древлянъ, Вятичей и др., находящуюся на первыхъ страницахъ Начальной Лѣтописи. Вообще Слово Иларіона выдѣляется изъ всѣхъ остальныхъ поученій и словъ XI—XIV вв. историческимъ содержаніемъ, близостью къ современной русской жизни. Въ слѣдующей части Слова, въ обширной похвалѣ Владиміру, проповѣдникъ снова говоритъ о язычествѣ и о введеніи христіанства. Видно, что въ это время, какъ свидѣтельствуютъ и другіе памятники русской письменности, еще были свѣжи преданія язычества: „мы бо людіе твои, стадо еже новоначатъ пасти и исторгъ отъ пагубы идолослуженія.. не остави насъ, аще и еще блудимъ... аще и еще съгрѣшаемъ ти, акы новокупленіи раби“. Распространеніе христіанства послѣ крещенія Руси изображается у Иларіона въ слѣдующихъ словахъ: „тогда начатъ мракъ идольскый отъ насъ отходити, и заря благовѣріа явишася, тогда тьма бѣсовскаго служеніа погыбе и солнце евангельское землю нашу осія, капища разрушишася и церкви поставляются, идоли съкрушаются... монастыреве на горахъ сташа“. Глубоко проявляется въ Словѣ гордость своей землей и глубокое сочувствіе къ ея славѣ: „Хвалитъ римская страна Петра и Павла, Патьмъ Іоанна Богослова, Индія Ѳому, Египеть Марка,—вся страны, гради и людіе чтутъ и славятъ коегождо ихъ учителя. Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей, нашего учителя и наставника, великаго кагана нашея земля Владимера, внука *стараго* Игоря, сына же *славнаго* Святослава (какъ видите Иларіонъ славится и язычниками, прилагая къ ихъ именамъ тѣже эпитеты, какіе мы находимъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ и въ Начальной Лѣтописи: „иже въ своя лѣта владычествующа, мужьствомъ же и храбрьствомъ прослуша въ странахъ многихъ и поминаются нынѣ и словутъ. Не въ худѣ бо и не въ невѣдомѣ земли владычествоваша, но въ русской, яже вѣдома и слышима есть всѣми конци земля“. Говоритъ Иларіонъ и о щедротахъ и о великихъ милостыняхъ Владиміра къ бѣднымъ: „твоя бо щедроты и милостыня и нынѣ въ человѣцѣхъ поминаеми суть“—любопытный намекъ на сказанія, или историческія народныя пѣсни XI в. о в. кн. Владимірѣ. Вообще Слово Иларіона замѣчательно какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Даже искусcныя, витіеватыя слова—поученія Кирилла Туровскаго XII в. уступаютъ торжественному слову митр. Иларіона. Уже одно Слово о законѣ и благодати свидѣтельствуетъ, что митр. Иларіонъ былъ талантливымъ, искусснымъ и плодовитымъ писателемъ. И дѣйствительно, съ его именемъ извѣстны еще другія слова. Большое „Слово Иларіона митр. Кіевскаго къ брату столпнику, иже рече столпникъ

епископу написати ему слово душеполезно, много моливъ его, блаженый же начеть къ нему сице писати по своему смѣренію": (начало) „Къ брату моему и рабу Христову азъ оубогый и мьнії Иларіонь" и проч.—встрѣчается и въ отдѣльныхъ частяхъ (въ рукописи Румянц. Музея № 406, XV в.) съ слѣдующими заглавіями: „Въ среду 6 недѣли поста, на часѣхъ, поученіе св. Иларіона объ отверженіи мира" (л. 184)—„Вси иже мира сего отврьгшесе и иже образъ иночьскый пріемшеи" и проч.; „Поученіе св. Иларіона о мирьстѣмь житіи" (л. 182—183 об.)—„Доколѣже убо, о братіе, въ плоти сей есмы" и проч. Мы склонны думать, что это дѣйствительно творенія митр. Иларіона, судя по особенностямъ языка, по реторическимъ пріемамъ, по связи съ древнѣйшей русской письменностью. Вотъ нѣкоторыя выписки изъ этого обширнаго слова: „вѣмь убо яко посла ми слово тако глаголе, яко бѣси мучет мс мысль ми отай и явѣ много, велеще ми отыти мѣста своего, любве ради божіе напиши ми слово утѣшное" (ср. разсказы о первыхъ кіевскихъ черноризцахъ); „хощу же ти писати не витіемь словесь, ни сокровеною бесѣдою (ср. переписку митр. Климента XII в.), не бо взрастохомъ въ Аѳинѣ, ни философіи учихомсе, яже обыкла есть умудрити словеса, нъ просто и ясно, якоже и не книжнику разумѣти и простому, не полезно бо яко язвы скрозѣ ризу лѣковати, ни полезны рѣчи мудростію покрывати, да будетъ же ти писаніе се, паметь моленія" (все это въ складной рѣчи напоминаетъ и Даніила Заточника и лучшихъ русскихъ проповѣдниковъ); „сущіи бо въ насъ богатіи черноризцы безъимѣнные (т. е. безъ имѣній, недостаточныхъ; мы печатаемъ въ новой транскрипціи, принимая во вниманіе отношеніе сербск. и русск. списковъ) укоряють и безъимѣнные богатыя осуждають"; „не имамы ли селъ, якоже и жены и дѣти имущеи, не словутъ ли нивы черниче, езера, жита, скоти, домове твердо огражденн и храми свѣтли?"; „не на брацѣхъ ли ихъ (сатира на монаховъ и духовныхъ, ср. правила митр. Іоанна II, вопросы Кирика XII в. и др. „обѣды и праздники мирскихъ намъ полни бывають") предсѣдаемъ и... на насъ есть видѣти безгодное упиваніе (ср. о тропарныхъ чашахъ Слово, приписываемое Ѳеодосію Печерскому) таковое дѣло трое вины носить: первое тѣлеси недугъ, второе отъ человѣкъ укоръ и смѣхъ, третіе—души паденіе и ума изъступленіе"; „невѣдеще окаянніи, яко же нелѣпо зрѣти мертвеца, на конь всажденъ, тако и черноризецъ власть пріемъ"; „се же азъ своима ушима слышахъ отъ етера погана и дивно ми бысть яко же и погани вѣдять, како достоить быти черницу лишену всего

въ мирѣ семъ"; „колми паче христіаномъ, вѣдящимъ и слышащимъ по вся дни въ церквахъ житія святыхъ преподобныхъ отецъ"; „нъ о княжи придаяніи.. о богатствѣ монастыря, о множествѣ селъ и о на мѣсти игумена и о приятіи старѣйшинства" (ср. посланія Симона къ Поликарпу) „дымъ не явится, аще не отъ огня, ни бесѣда мирская, ..его же бо не имать храмина, двери не износять и его же сердце не имать, уста не глаголють" (слѣдуетъ сравненіе монаховъ съ воинами, боярами, княземъ); „и мытется яко ястреби, поновляются яко орли, возвышаются въ облакы безпечалія.. и вышедше на гору разума Божія" (большой отрывокъ этого поученія повторяется въ словѣ, XII. в., приписываемомъ митр. Клименту, „въ субботу сыропустную", см. проф. Никольскаго „О литературныхъ трудахъ митр. Климента" 1892 г., 220—221 стр.). Въ словѣ этомъ много выдержекъ изъ Пандектъ Антіоха, изъ Патериковъ и Пролога. Жизнь монашеская описывается въ поэтическихъ картинахъ: „друзіи же на версѣхъ горскыхъ яко ластовице вгнѣздившеся шептааху псаломныи пѣсни, ови исходяще къ источникомъ въ камени скоротекущимъ и звененіемъ сладкимъ уши оглашающе рукама своима напиваюцася, благодаряху Бога.. ..не бѣ имъ въ очію градьнаго мятежа, народнаго клича, ни придоша къ ўшима ихъ блудниче скверные пѣсни, не видѣше земле къ земли па сѣчь сьшедшеся.. токмо въ очію имъ бѣ дрѣвное двизаніе, вѣтвій шумѣніе, и по утишенію точію источникъ шумѣніе, птиць пѣніе, коейждо свою пѣснь въспѣвающи, тѣмъ убо не бѣ печали, избѣжаше бо печали мира отшедше"; „мы же аще единъ часъ поболимъ главою, или прищъ единъ на тѣлѣ нашемъ скорбимъ, стенемъ, тужимъ и всѣмъ знаемымъ нашимъ вьзвѣщаимъ, аще ли разболимся, то не яко мниси, но яко мирьсціи: друзи наши совѣты творяща, которое убо быліе ключится на устробленіе наше, тогда же и женскія руки тѣло наше осязають и мастми мажуть, стенаніе глубоко творять зряще, отходять воздыхающе и мы по нихъ зряще сжаляемся и до слезъ". Языкъ этого поученія отражаетъ въ себѣ древне-русскія черты: орудіе — дѣло, занятіе; тугою — скорбью (такъ замѣнено въ текстѣ Иноческаго Потребника 1639); ходь — шествіе; князь—царь (см. подробнѣе объ этомъ поученіи въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университ. 1865 г., т. I, 47—84 стр., изданіе И. М. Добротворскаго: „Памятники русской и славянской письменности и литературы". Проф. Никольскій въ трудѣ о Климентѣ приписываетъ это изданіе проф. Петровскому?). Третьимъ поученіемъ митр. Иларіона считается „Слово св. Ларіона о пользѣ души поученіе" (по Прологу XII—

XIII вв. Софійск. Новгор. б-ки издано Купріяновымъ въ Извѣстіяхъ второго отдѣленія И. Академіи Наукъ 1856 г., V т., 222—224 стр.). Простое слово это, въ которомъ есть толкованіе евангельскихъ притчъ, можетъ принадлежать Иларіону великому (см. Четьи-Минеи Макарія 21 окт.).

Нѣсколько поученій и посланій знаменитаго основателя и устроителя Кіево-печерскаго монастыря *Θеодосія* посвящены главнымъ образомъ вопросамъ монастырской жизни [1]). Въ другомъ мѣстѣ мы изложимъ біографическія подробности житія св. Θеодосія по труду Нестора; теперь же замѣтимъ только, что всѣ стремленія этой цѣльной энергичной души мужественнаго игумена были направлены къ устроенію общаго монастырскаго житія по уставу, переведенному имъ съ греческаго устава Θедора Студита, извѣстнаго и своими поученіями. Давая живой примѣръ своей жизнью и дѣятельностью, Θеодосій и въ словахъ своихъ къ братіи краткими простыми словами, подкрѣпляемыми евангельскими и вообще библейскими изрѣченіями старается пробудить живую дѣятельную любовь иноковъ къ страждущему человѣчеству, къ терпѣнію и смиренію, къ хожденію въ церковь и молитвѣ, къ постоянному труду и бодрствованію. Вотъ заглавія и начала пяти замѣчательныхъ поученій Θеодосія къ монастырской братіи, дошедшихъ до насъ съ его именемъ въ немногочисленныхъ спискахъ, начиная съ XV в.: „Слово св. Θеодосія о терпѣніи и о любви“ (Что внесемъ, любимицы мои, въ міръ сей, или что имамы изнести, не оставихомъ ли міра и яже въ мірѣ по заповѣди Христовы), „Слово св. Θеодосія о терпѣніи и о любви“ (Многажды друзіи отгонимы мною искушеніа ради, а не останутся, доидеже получать святый тотъ даръ: то, что створю, невѣмъ убогыи [2]),

---

[1]) Въ житіи Авраамія Смоленскаго, составленномъ инокомъ Ефремомъ въ XIII в., находимъ интересную ссылку на поученія Θеодосія: Авраамій „изъ всѣхъ любя почитати ученіе преп. Ефрема и великаго вселенныя учителя Іоанна Златоустаго и Θеодосія Печерскаго—житія и словеса“ (Православн. Собесѣдн. 1858 г., ч. III). Память преп. Θеодосія Печерскаго отмѣчена уже въ Румянцевскомъ Стихирарѣ XII в., а въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1168 г. онъ названъ святымъ. Поученія Θеодосія находятся въ житіи Нестора, въ лѣтописи, въ сборникахъ (Рум. Муз. XV в. № 406).

[2]) Приводимъ замѣтку акад. Сухомлинова (Извѣстія И. Ак. Н. по отд. Русск. яз. 4 т., 137 стр.): „во второмъ словѣ Θеодосія, носящемъ заглавіе—о терпѣніи и о любви и о постѣ—говорится о помощи бѣднымъ и не упоминается ни о терпѣніи, ни о любви, ни о постѣ, между тѣмъ, какъ въ первомъ словѣ дѣйствительно говорится о любви, а въ третьемъ о терпѣніи“.

„Поученіе св. Θеодосія о терпѣніи и милостыни (Возлюбленніи! Притчю пріимите злостраданіа и тръпѣніа), „Поученіе св. Θеодосія о терпѣніи и о смиреніи“ (Подвизайтеся, трудници, да пріимете вѣнець тръпѣніа вашего: Христосъ бо ждеть входа нашего), „Поученіе св. Θеодосія о хожденіи къ церкви и о молитвѣ“ (Слышимъ убо Господа, пророкомъ глаголюща къ нашему учительству). Къ этимъ пяти словамъ Θеодосія необходимо прибавить еще нѣсколько отрывковъ изъ поученій къ братіи, приведенныхъ Несторомъ въ житіи преп. Θеодосія, въ образецъ неустанной проповѣднической дѣятельности игумена, поучавшаго покаянію, смиренію, нестяжательности и борьбѣ съ бѣсовскими навожденіями. Чтобы дополнить представленіе о литературной дѣятельности Θеодосія, необходимо упомянуть о его посланіяхъ къ великимъ князьямъ — Изяславу о латынской вѣрѣ, къ Святославу о братолюбіи, о нѣсколькихъ молитвахъ и, быть можетъ, еще о нѣсколькихъ поученіяхъ, скрытыхъ отъ насъ подъ псевдонимами въ древне-русскихъ сборникахъ.

Чтобы познакомиться съ направленіемъ простыхъ поученій Θеодосія, имѣющихъ много общаго съ огласительными катехизическими словами Θедора Студита, приведемъ нѣсколько выдержекъ: „нынѣ же азъ, худый, въ умѣ пріемъ заповѣдь благаго Владыки, се вѣщаю вамъ: лѣпо бо бяше намъ отъ трудовъ своихъ кръмити убогыя и странныя, а не праздным пребывати, преходити отъ келіи въ келію“. „Горкія слова“, со слезами и любовью, Θеодосій основываетъ, какъ и самъ указываетъ, на Поученіяхъ и уставѣ монашеской жизни Θеодора Студита, призывая къ доброчинству, къ единодушію, къ стремленію поучиться книгамъ, напр. житіямъ святыхъ. Обличая лѣность, слабодушіе онъ возбуждаетъ бодрость духа на монашескіе подвиги. „Колико бо лѣтъ минуло, ни единого вижду, пришедша ко мнѣ, й глаголюща: како ми спастись! Но нѣсть того въ насъ никогда же обрѣсти. И егда портища съ проста не дадять, или свиты, или иного, еже есть на потребу: то велику печаль себѣ створимъ въ томъ“; „Истаеваеть бо душа наша по вся дни, иже не вижду васъ тщащеся о своемъ обѣщаніи, житія бо святыхъ почитающе и отъ тѣхъ затыкающе уши своя, яко не слышати мужества ихъ.. но на неподобныя рѣчи, и на укореніе, и на гнѣваніе несмы лѣниви“. Въ понятномъ для XI в. уподобленіи христіанина, а особенно монаха — воину, Θеодосій въ слѣдующей картинѣ изображаетъ призывъ къ повседневной церковной службѣ: „Ибо трубѣ, убуждающи насъ на святое славословіе и на вся годины, и образъ свой въ томъ подавающи намъ, не малы бла-

гостыня. Рати бо належащи и трубѣ воиньстѣй трубящи, никтоже можеть спати: и воину Христову лѣпо ли есть лѣпитися? Да или то они за тщую славу и изгыбающую не помнять ни жены, ни дѣтей, ни имѣнія. Да что мню имѣніе, еже есть хуже всего, но и главы своея ни въ что же помнять, дабы имъ не посрамленымъ быти. Да якоже суть сами временніи: тако и слава ихъ съ животомъ скончевается. Намъ же не тако. Но аще стерпимъ, борющеся съ супостаты нашими, и одолѣвше, пріимемъ славу безконечную и чьсти неизреченныа сподобимся. Билу бо ударяющу и образы симъ гласы намъ тако испущающе, аще не рѣчію възвѣщающе, намъ, но образомъ глаголетъ намъ, призывая къ святой церкви на Божественное пѣніе. Приходяще же съ страхомъ стоимъ до отпущеніа іереева, главу долу покланяюще, а умъ имуще къ Вышнему".

Поученія Θеодосія Печерскаго не связаны съ какими-либо церковными воспоминаніями, не прикрѣплены къ опредѣленнымъ днямъ и не носятъ какихъ либо историческихъ оттѣнковъ. Въ нихъ рѣзко отражается одно опредѣленное назначеніе для монашества, и почти всѣ эти поученія Θеодосія могутъ быть названы словами игумена къ братіи. Свои слова Θеодосій подкрѣпляетъ ссылками на св. Писаніе и заимствуетъ иногда образы изъ Библіи, напр. о Моисеѣ для сравненій съ монашеской жизнью. Вообще слова Θеодосія Печерскаго отличаются силой выраженія, убѣдительностью наставленія и краткостью формы. Въ этомъ отношеніи они превосходятъ даже переводныя Слова Θеодора Студита, къ которымъ приближаются въ другихъ отношеніяхъ. Такъ Θеодосій вездѣ выражается о себѣ съ крайнимъ смиреніемъ: „азъ грѣшный и недостойный рабъ вашъ", „убогый", „худый". Въ обращеніи къ слушателямъ Θеодосій употребляетъ самыя нѣжныя и ласковыя выраженія: „любимици мои, отци и братія моя, возлюбленніи, братіа моя любимая, трудници, чада духовная избранная". Самыя обращенія къ слушателямъ устныя и письменныя отличаются необыкновеннымъ смиреніемъ: „съ слезами моляся и къ колѣномъ вашимъ припадая", „не на укореніе вамъ написахъ". Тѣмъ не менѣе въ поученіяхъ Θеодосія нѣтъ мѣста уступчивости, послабленію требованій. Онъ упрекаетъ за лѣность и тунеядство (2 поученіе), за озлобленіе и презрѣніе къ примѣрамъ святой жизни въ житіяхъ св. (3 поученіе), за невниманіе къ церковной службѣ, за дремоту и предпочтеніе сна заутренѣ (4 поученіе), за невниманіе къ душевному спасенію и за заботу о покоѣ тѣлесномъ (5 поученіе).

Не представляя дословныхъ заимствованій изъ поученій Θеодора Студита, переведенныхъ уже въ XI в. или у южныхъ славянъ, или въ Кіевѣ, слова Θеодосія Печерскаго представляютъ поразительное сходство съ поученіями Θеодора Студита по духу, по отдѣльнымъ выраженіямъ и вообще по формѣ. Даже самыя заглавія у Θеодосія напоминаютъ таковыя же у Θеодора Студита: „О въздержаньи и о смиреномудріи“.

Приведемъ соотвѣтствующія выраженія изъ словъ Θеодора Студита по рукописи Москов. Дух. Акад. XIV в., 52 №: „братья моя отци и чада“, „чада моя възлюбленая“, „любимици мои“, „азъ окаанный“, „паче мене грѣшнаго“, „чада моя възлюбленная и любимая“, „азъ недостойный“, „азъ смиренный и грѣшный“. Кромѣ Θеодора Студита, Іоанна Златоустаго въ поученіяхъ Θеодосія Печерскаго замѣтны слѣды вліянія Пандектовъ Антіоха.

Заботы о монастырѣ, о его достояніи выражаются въ краткомъ поученіи Θеодосія къ келарю, которому вручается ключъ, да не „преобидѣти что монастырское, или окрадити что и себѣ притяжити и сбирати паче, а не монастыреви“, или „раздавати безъ чину своимъ“. Какъ дополненіе къ поученіямъ о постѣ представляется обширное посланіе Θеодосія къ в. кн. Изяславу о заклапіи животныхъ и о постѣ въ среду и пятокъ. На эти вопросы, такъ занимавшіе современниковъ и послѣдующихъ людей въ древней Руси, Θеодосій отвѣчаетъ съ снисхожденіемъ, указывая только на „свое сердце“, требующее воздержанія. Вопросъ о постахъ связанъ съ другимъ большимъ посланіемъ къ в. кн. Изяславу о вѣрѣ варяжской, въ которомъ Θеодосій говоритъ: „нѣсть бо иноя вѣры лучше нашей, яко же наша чиста и свята вѣра... не подобаетъ же, чадо, хвалити чужея вѣры.. аще ли начнеть непрестанно хвалити и свою и чужю, то обрѣтается таковый двоевѣрець: близь есть ереси“. Нѣкоторые ученые приписываютъ Θеодосію еще два выдающихся древне-русскихъ поученія: о казняхъ Божіихъ, ко всему народу (въ лѣтописи, подъ 1068 г., по поводу нашествія Половцовъ) и Слово Христолюбца,—знаменитое по обличенію двоевѣрія. Мы остановимся на немъ ниже.

Посланія о Латинахъ кромѣ Θеодосія писали еще митрополиты греки: *Георгій* (1062—1079 г.) и *Никифоръ* (1104—1121), пользуясь греческими сочиненіями. Особенно подробны эти посланія къ князьямъ западной части древней Руси, называющія латинянъ нѣмцами. Еще болѣе вниманія удѣляется въ посланіяхъ, правилахъ

(напр. м. Іоанна II, 1077—1089) и словахъ неизвѣстныхъ писателей этого времени вопросамъ о двоевѣріи, остаткахъ язычества въ русскомъ простомъ народѣ и другихъ порокахъ. По всей вѣроятности, при м. Іоаннѣ II, перечислившимъ въ своемъ обширномъ интересномъ посланіи къ Іакову черноризцу народныя суевѣрія и обычаи, относятся два замѣчательныхъ похвальныхъ слова св. Николаю чудотворцу, ставшему самымъ любимымъ святымъ русскаго народа. Въ 1087 г. на Западѣ совершилось перенесеніе мощей св. Николая изъ Миръ Ликійскихъ въ Бары, въ Италію. Какой-то ученый грекъ, прибывшій въ Кіевъ изъ Италіи, принесъ подробное извѣстіе объ этомъ церковномъ событіи. Русскіе тотчасъ же установили праздненство 9 мая и составили историческую память перенесенія мощей св. отца Николы, дошедшую до насъ по спискамъ съ XIV в. и Похвалу на свѣтлое праздненство перенесенія мощей. Въ первомъ словѣ упоминаются в. кн. Всеволодъ и благородный сынъ его Володимеръ въ Черниговѣ. Разсказавъ подробно о перевезеніи барянами мощей св. Николая хитростью, предупредившими венеціанцевъ и разсказавъ о чудесахъ исцѣленія больныхъ въ Барахъ, неизвѣстный русскій авторъ говоритъ, какъ „римскій папежъ Германъ и епископъ и вси гражане и людіе праздникъ великъ створиша въ тъ день похвалу святому, юже творять и до сего дни, и яша и пиша и веселишася въ ты дни и многа даянія даша убогымъ“. Обѣ похвалы дышутъ вѣротерпимостью и общимъ восторгомъ всѣхъ христіанъ. „Да се вѣдуще, говоритъ авторъ второго сочиненія, отъ всякоя злобы оцѣщаемся, студодѣянья, лихоиманья, кобенія и волшьбы, плясанія, имже бѣсомъ угодья творять таковии“. Подобно лѣтописцу или м. Іоанну II въ его правилахъ авторъ призываетъ: „мы же того оставивше рѣкамъ и источникомъ требъ полагаемъ и жремъ яко Богу твари бездушнѣй. да того ради и бываетъ небу затвореніе и бездождіе и плодомъ пагуба, ово сланою, ово градомъ, ово язвами различными, ихже да убѣжимъ... да и мы братія и отцы добронравію (св. Николая) поревнуемъ, память его честно творимъ, не на брашно ся токмо сбираемъ, но и на послушаніе и на добрая дѣла подвигнемся не отъ брашна токмо, но и отъ пьянства.. отъ мертвечины и отъ кровоядения, таковая бо дѣла творяще далече отъ Бога суть, аще не покаються покаяніемъ, еже есть пріятно Богу, но слезами и умиленіемъ“.

Мы уже упоминали о посланіяхъ Ѳеодосія къ в. кн. Изяславу (Димитрію). Послѣдній велъ переписку съ братіей Печерскаго монастыря, обращаясь съ смиренными и жалостными посланіями и

къ Θеодосію и къ черноризцу Іакову. Эта литература посланій свѣтскихъ и духовныхъ лицъ по вопросамъ вѣры и нравственности заслуживаетъ вниманія, какъ свидѣтельство о просвѣщеніи въ древней Руси до—монгольскаго времени. Воздерживая отъ увлеченій своихъ духовныхъ сыновей, призывая ихъ къ чтенію книгъ, духовные писатели входили въ интересы современной свѣтской жизни; интересно въ посланіи черноризца Іакова сравненіе борющагося съ дурными помыслями съ садовникомъ: „сверѣпа бо есть похоть акы дикая быль (т. е. быліе—трава), особѣ възникши на недѣланнѣй земли. Имаши силу удолѣти ей страхомъ Божіимъ, акы тяжаръ отребляти садъ желѣзомъ чюжа прилоги". Какъ извѣстно монастыри были въ древней Руси насадителями культуры садоводства и огородничества. Призываетъ Іаковъ и къ поученію народа: „а ты храмлющая о вѣрѣ научи и ноги текущихъ на игры къ церкви обрати, руцѣ изсохшія отъ скупости къ нищимъ на даніе прострети створи".

Еще въ XI в. могли быть другіе русскіе составители словъ и поученій, о чемъ свидѣтельствуютъ отрывки и сокращенія въ начальной нашей лѣтописи поучительнаго характера. Таково, напримѣръ, „Слово о перенесеніи мощей св. преподобнаго отца нашего Θеодосія Печерскаго", помѣщенное въ Торжественникѣ XVI в. съ приписью „августа 14, Нестора Мниха монастыря Печерьскаго" (начинается: „Съ похвалами бывающая памяти праведныхъ возвеселятся людіе"), которое издалъ архим. Леонидъ въ 1890 г. „Два памятника древне-русской Кіевской письменности XI и XIII вѣка". Это Слово въ сокращеніи помѣщается въ Начальной Лѣтописи подъ 1091 г. Первоначально Слово написано для произнесенія на празднествѣ открытія мощей 3 мая. Въ спискѣ Слова, изданномъ Леонидомъ, находится прямое свидѣтельство о Несторѣ: „и азъ грѣшный Несторъ сподобленъ быхъ , и перві самовидѣцъ св. его мощей по повелѣнію игумену".

Греки митрополиты и пріѣзжіе съ ними духовные греки являлись нерѣдко замѣчательными писателями, хотя и препятствовало имъ въ непосредственной литературной дѣятельности незнаніе славянскаго и русскаго языка. Оттого въ древней Руси мы встрѣчаемъ употребленіе греческаго языка въ церковномъ пѣніи и, вѣроятно, въ обращеніи среди русскаго духовенства и князей.

Митрополитъ *Никифоръ* грекъ, современникъ в. кн. Владиміра Мономаха, проявившій замѣчательное образованіе и ораторскій талантъ, сознавался въ своемъ неудобномъ положеніи по отношенію

къ русской паствѣ: „но не данъ ми бысть даръ язычный по Божественному Павлу, яко тѣмъ языкомъ творити ми порученная, и того ради, безгласенъ посредѣ васъ стою, и молчу много". Вѣроятно, четыре большихъ поученія его дошли до насъ въ переводѣ съ греческаго, написанныя авторомъ, въ видѣ „писаній, бесѣдъ". Въ словѣ на недѣлю сыропустную проявляется стройность плана, общность обличеній и пріемы, какимъ слѣдовалъ позднѣе Кириллъ Туровскій. Особенную ученость м. Никифоръ проявилъ въ посланіи, обращенномъ непосредственно къ лицу в. кн. Владиміра. Знаменитое посланіе это о постѣ и о воздержаніи чувствъ носитъ слѣдующее заглавіе: „Посланіе Никифора Митрополита Кіевскаго къ Великому Князю Володиміру сыну Всеволожю Сына Ярославля" (списки XVI в. изданы въ Великихъ Четьи-Минеяхъ подъ 31 августа, въ Русскихъ Достопамятностяхъ, ч. I). Здѣсь онъ подробно разбираетъ душевныя качества, толкуя, какъ философъ, объ умѣ, о чувствахъ, о нравственныхъ отношеніяхъ правителя и его совѣтниковъ. Въ искусномъ панегирикѣ онъ восхваляетъ добродѣтели великаго князя: „О обоняніи же, иже гонить благоуханіе, что подобаетъ глаголати къ такому князю, иже боле на земли спитъ и дому бѣгаеть, и свѣтлое ношеніе портъ отгонитъ, и по лѣсомъ ходя сиротинину носитъ одежду, и по нужи въ градъ входя, власти дѣля, въ властельскую ризу облачится? И о вкушеніи такоже, иже въ брашнѣ и въ питіи бываеть. и вѣмы, яко еже инѣмъ на обѣдѣ свѣтлѣ готовиши, и бываеши всѣмъ всяческая, да всѣхъ пріобрящеши, и законныя и беззаконныя, величества ради княжескаго; и самъ убо служиши и стражеши рукама своима, и доходитъ подаваніе твое даже и до комаровъ, творишн же то княженія ради и власти; и объядающимся инѣмъ и упивающимся, самъ пребываеши сидя и позоруя ядуща ины и упивающася, и малымъ вкушеньемъ и малою водою, мнится, и ты съ нимъ ядый и пія... И многа имѣлъ быхъ изрещи на похваленіе поста, аще иному бы было писаніе се; а понеже къ тобѣ, добляя глава наша и всей Христолюбивѣй земли, слово се есть: егоже Богъ издалеча проразумѣ и предновеле, егоже отъ утробы освяти и помазавъ, отъ царское и княжеское крови смѣсивъ, егоже благочестіе вспита и постъ вздои ...кто бо не вѣсть твоего исправленія сего? ни той, иже оттищудь невѣжа, или нечувственный, не разумѣетъ ихъ. и видятъ вси и чудятся" Искусно и тонко подходитъ Никифоръ къ щекотливому вопросу, откуда приходитъ пакость душевная. „О второмь же чувствіи и о слусѣ не имамъ постиженія, княжемой, изрещи что извѣстно: мнитъ

же ми ся, яко не мога самъ вся творити очима своима, отъ служащихъ орудіемъ твоимъ и приносящимъ ти въ споминанья, то отъ тѣхъ нѣкако приходить ти пакость душевная, и отвръсту сущу слуху, тѣмъ единѣмъ стрѣла входить ти... о семъ испытай, княже мой, о томъ помысли: о изгнанныхъ отъ тебѣ, о осуженныхъ отъ тебе наказаніа ради, о прѣзрѣнныхъ; въспомяни о всѣхъ, кто на кого изреклъ, и кто кого оклеветалъ... всѣхъ помяни и отпусти", Никифоръ объясняетъ, что это заступничество вызвано не чьей либо просьбой, а однимъ только желаньемъ сказать что-нибудь полезное тѣмъ, кто въ великой власти и много можетъ сдѣлать и добра и зла. Отвлеченными сопоставленіями заканчиваетъ Никифоръ свои поученія: „градъ же есть—душа твоя, и тако потребиши изъ нея злые совѣтникы, рекше лукавые помыслы". Интересно и описаніе душевныхъ качествъ человѣка: „та убо душа сѣдить въ главѣ, умъ имущи якоже свѣтлое око въ себѣ, и исполняющи все тѣло силою своею. якоже бо ты княже, сѣдя здѣ въ сей своей земли, воеводами и слугами своими дѣйствуеши по всей земли, и самъ ты еси господинъ и князь; тако и душа по всему тѣлу дѣйствуетъ пятью слугъ своихъ, рекше пятью чювствіи: очима, слухомъ, обоняньемъ, еже есть ноздрима, вкушеньемъ и осязаньемъ, еже еста руцѣ". и т д. Въ душѣ различаются три силы: словесное, яростное и желанное. Все это подробно развивается, согласно господствовавшимъ тогда философскимъ воззрѣніямъ, съ упоминаньемъ объ еллинахъ. Это рѣдкое въ русской литературѣ разсужденіе отвѣчаетъ нѣкоторымъ мѣстамъ Шестоднева Іоанна Экзарха, Толковой Палеи и нѣкоторыхъ сборниковъ, въ которые входили выдержки изъ научныхъ свѣдѣній византійской литературы. *) Такое поученіе драгоцѣнно для характеристики древнерусской книжности, и т. ск. школы, состоявшей изъ ученыхъ грековъ и ихъ русскихъ послѣдователей. Въ двухъ посланіяхъ къ в. кн. Владиміру и къ одному изъ волынскихъ князей Никифоръ, на основаніи греческихъ полемическихъ сочиненій, излагаетъ разности латинской вѣры и греческой-православной. Не перечисляя всѣхъ разностей догматическаго и обрядоваго характера, упомянемъ хотя только обличенія

*) Проф. Ждановъ (Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи, 1881 г., стр. 125) отмѣтилъ внѣ - библейскую подробность въ поученіи м. Никифора: „Самсонъ отъ иноплеменникъ остриженъ *златыхъ оныхъ власъ*—отъ иноплеменницы наложницы своей". У византійца Цеца въ поэмѣ встрѣчаются золотые волосы Самсона, какъ и въ греческихъ сказкахъ.

разности въ соблюденіи постовъ, въ обычаѣ латинскихъ епископовъ принимать дѣятельное участіе въ битвахъ, въ названіяхъ лицъ звѣриискими именами (Левъ, Пардусъ и прочихъ звѣревъ), въ отсутствіи сложенія перстовъ крестообразно у покойниковъ.

Что литература древнерусскихъ поученій и посланій была обширна и разнообразна, свидѣтельствуютъ новыя открытія, которыя еще недавно познакомили насъ съ посланіемъ и словами м. *Климента (1147—1164).* Личность Климента или Клима заслуживаетъ особеннаго вниманія по особенной судьбѣ. Поставленный въ митрополиты соборомъ русскихъ епископовъ, безъ разрѣшенія Константинопольскаго патріарха, при протестѣ двухъ сильныхъ русскихъ епископовъ (Новгородскаго Нифонта и Смоленскаго Мануила), Климентъ то терялъ, то снова получалъ митрополію, одновременно съ княжескими пререканіями за великокняжескій столъ. Митрополитъ выдавался книжностью, и лѣтописи называютъ его философомъ. Извѣстно что до поставленія въ митрополиты онъ былъ схимникомъ въ зарубскомъ монастырѣ.

Съ именемъ этого монастыря, исчезнувшаго послѣ татарскаго нашествія, связанъ литературный памятникъ, вѣроятно, XII-го вѣка: „Посланіе къ нѣкоему духовному Сыну *Георгія черноризца зарубскія Пещеры*", въ которомъ смиренный старецъ возстаетъ противъ свѣтскихъ увеселеній того времени (скомороховъ и всякихъ потѣшниковъ, Пѣсенъ и гуслей), противъ словоохотія и отчасти противъ философіи, указывая назначеніе высшаго христіанскаго подвижничества и книгъ о подвижникахъ. Митрополитъ Климентъ, какъ можно судить по новооткрытому его сочиненью, приближался къ этому аскетическому идеалу; презиралъ богатство и славу и помышлялъ только о загробной жизни и о могилѣ. Но въ то же время у него были особенныя литературныя влеченія, которыя приближаютъ его къ направленію Кирилла Туровского и м. Никифора. Быть можетъ, Клименту въ древнерусской литературѣ принадлежало не одно „Посланіе написано Климентомъ м. Русскымъ Ѳомѣ презвитеру истолковано Аѳанасіемъ мнихомъ" (какъ оно дошло до насъ въ рукописяхъ XV—XVI вв.), но и нѣкоторыя слова, напр. „О любви", „Слово въ субботу сыропустную" и др. Но въ настоящее время съ полнымъ основаніемъ Клименту можно приписать только названное „Посланіе" и „Слово въ похвалу святымъ", или „въ субботу сыропустную". Первое состоитъ изъ двухъ частей: изъ собственно посланія Климента къ пресвитеру Ѳомѣ и изъ обширныхъ толкованій разныхъ библейскихъ и богословскихъ выраженій.

предложенныхъ въ формѣ вопросовъ. Собственно Посланіе Климента говоритъ о перепискѣ митрополита съ смоленскимъ княземъ, объ отвѣтѣ митрополиту этого смоленскаго князя черезъ пресвитера Ѳому, упрекающаго Климента въ тщеславіи": „славишися пиша философъ ся творя". Ѳома ссылается на своего учителя Григорія, который просто бесѣдуетъ о спасеніи душевномъ. На это митрополитъ Климентъ горячо отвѣчаетъ, что онъ читалъ это укоризненное писаніе предъ княземъ Изяславомъ и многими послухами съ радостью, а что раньше писалъ „отъ Омира и отъ Аристотеля и отъ Платона, иже въ еллинскихъ нырѣхъ славнѣ бѣша"; затѣмъ Климентъ оправдывается отъ упрековъ въ тщеславіи, указывая на свое презрѣніе къ богатству и на постоянное размышленіе о гробѣ. Вторая обширная часть посланія несамостоятельна и состоитъ изъ выписокъ толковыхъ статей на евангельскія и вообще библейскія изреченія. Толкованія приводятся преимущественно изъ Ѳеодорита Кирскаго, Никиты Ираклійскаго и др. Въ нихъ преобладаетъ широкое примѣненіе символическихъ и аллегорическихъ толкованій. Среди этихъ толкованій особенно интересны объясненія, относящіяся къ миру животныхъ, рыбъ и къ душевнымъ качествамъ человѣка. Это „тонкое истолкованіе божественныхъ писаній", за которое особенно стоитъ митрополитъ Климентъ, какъ нельзя болѣе подходитъ къ манерѣ толкованій Кирилла Туровскаго. Что касается „Слова въ недѣлю сыропустную", приписываемаго Клименту, то въ немъ упоминаются „новопросіявшая въ Руси печера, Антоній, Ѳеодосій и мученикъ кн. Игорь", убитый кіевлянами въ 1147 г., несмотря на заступничество митрополита Климента и князей. Слово высказывается противъ любви современниковъ къ злату, имѣнію, свѣтлымъ храмамъ и домамъ украшеннымъ, къ обѣдамъ и мирскимъ праздникамъ на которые стекается масса народа. Въ противоположность этой славѣ, чести и красотѣ міра сего восхваляется жизнь иноковъ и инокинь.

Ни одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ писателей не оставилъ по себѣ такой памяти, исключая лицъ, прославленныхъ въ пространныхъ житіяхъ святыхъ, какъ *епископъ Туровскаго княжества Кириллъ*, дѣйствовавшій во второй половинѣ XII вѣка. Проложное житіе назвало его плодовитѣйшимъ писателемъ, а многочисленные сборники съ XIII в., между прочимъ „Златоусты", сохранили много его поученій съ надписями: Кирилла епископа Туровскаго, Кирилла недостойнаго мниха, и пр. Кромѣ поученій въ рукописяхъ сохранилось много молитвъ, надписанныхъ именемъ Кирилла Ту-

ровскаго. До сихъ поръ не установлено точное количество поученій, составленныхъ Кирилломъ. Проложное житіе его такъ выражается объ объемѣ литературной дѣятельности епископа Кирилла: „многа божественная писанія изложивъ и славенъ бысть по всей странѣ той (Туровской)... и добрѣ подвизався по церкви Божіи и Өеодорца за укоризну тако нарицаема (событіе, разсказанное въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1169 г.), сего блаженный Кириллъ отъ божественныхъ писаній ересь обличи и прокля его. и Андрею Боголюбскому князю многа посланія написа отъ евангельскихъ и пророческихъ указаній и яже суть на праздники господскія слова и ина многа душеполезная въ нихъ словеса, и си вся и ина множайшая написа, и церкве предаде, и донынѣ держатъ рустіи вѣрніи людіе, вся просвѣщающе и веселяще... другій златословесный учитель намъ въ Руси возсія паче всѣхъ" (въ варіантахъ дополнено: „яже къ Богу молитвы и похвалы многимъ... канунъ великій о покаяніи створи къ Господу по главамъ азбуки").

Благодаря этому Проложному житію и сочиненіямъ Кирилла мы можемъ слабо очертить его личность и время его жизни. Кириллъ былъ сыномъ богатыхъ родителей города Турова (теперешней Минской губ., Мозырскаго у., примыкающаго къ Волынской губ.), получилъ основательное образованіе, предавшись весь чтенію божественныхъ писаній; удалившись отъ окружавшей его богатой среды со всей ея славой, Кириллъ не удовлетворился обыкновенной монастырской жизнью, а затворился въ столпѣ (въ сторожевой каменной башнѣ), предался здѣсь посту, молитвамъ и литературной дѣятельности, послѣ чего уже былъ поставленъ епископомъ граду Турову. Туровское княжество во второй половинѣ XII в. стояло на высотѣ культурной жизни: оно имѣло своего князя, болѣе независимаго отъ Кіева, своего епископа и было удалено отъ тревожныхъ событій удѣльной эпохи, охватившихъ востокъ и югъ древней Руси. Вдали отъ половецкихъ набѣговъ, отъ разгрома, какому подвергся Кіевъ при Мономаховичахъ, Туровъ былъ огражденъ и отъ ближайшихъ враговъ—Литвы, нанесшей ему пораженіе только въ XIII в. Туровскіе князья принимали участіе въ походахъ кіевскихъ князей, вступали въ брачныя сношенія съ Суздалемъ (описаніе богатой свадьбы въ Пинскѣ по лѣтописи), и хоронили своихъ близкихъ въ Кіевѣ. Несмотря на лѣсную глушь, въ которой охотился Владиміръ Мономахъ, въ Туровѣ проявлялась и умственная жизнь, чему способствовала связь съ Кіевомъ и близость Владиміра Волынскаго. Здѣсь жила въ XII в. греческая княж-

на, бывшая за русскимъ княземъ,—конечно, со своимъ дворомъ изъ грековъ. Быть можетъ, у этихъ грековъ учился и Кириллъ Туровскій, плодовитый писатель, поэтъ въ душѣ, хорошо ознакомленный съ переводной и, быть можетъ, оригинальной греческой литературой. Проф. Голубинскій и Малышевскій (Творенія св. отца нашего Кирилла епископа Туровскаго, Кіевъ, 1880 г.) утверждаютъ о непосредственномъ знакомствѣ Кирилла Туровскаго съ греческимъ языкомъ по слѣдующимъ выраженіямъ: огненный родъ (греческій каламбуръ отъ γέεννα—адъ, γένος—родъ), сахаръ, и другимъ, которыя отражаютъ слѣды свѣжей начитанности въ греческихъ книгахъ" (l. c., стр. LV—LVI). Если мы обратимся ко времени Кирилла Туровскаго по его сочиненіямъ, то найдемъ самые незначительные намеки. Такъ въ обширномъ словѣ въ недѣлю 3 по Пасхѣ, въ заключеніи Кириллъ обращается съ молитвой: „подай же всѣмъ намъ твою помощь; буди покровъ граду нашему отъ всякаго зла, подавая благовѣрному князю на сопротивныя побѣды, и заступи его отъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ врагъ; миръ глубокъ и здравіе тѣлеси, купно же и души проси спасенія; и насъ избави отъ всякія нужа, и печали, и бѣдъ и всѣхъ лютыхъ напастей". Это могло относиться къ событіямъ 1159—1160 г., когда Туровъ былъ осаждаемъ кіевскими князьями, но безуспѣшно. О дальнѣйшей жизни Кирилла Туровскаго сохранились свѣдѣнія въ двухъ свидѣтельствахъ: о посланіи его къ печерскому игумену Василію, избранному въ 1182 г., и о жизни „Кирилла мниха недостойнаго и многогрѣшнаго сущаго у святого Николы въ Туровѣ" по надписямъ на Молитвахъ. Это могло быть въ послѣднихъ годахъ XII в., когда Кириллъ Туровскій жилъ въ монастырѣ, оставивши епископію. Смерть его воспоминается 28 апрѣля.

Обращаясь къ поученіямъ Кирилла Туровскаго замѣтимъ прежде всего объ ихъ судьбѣ въ древнерусской литературѣ. Уже въ старыхъ сборникахъ они подвергались измѣненіямъ. Начиная съ сборниковъ XIII в. (гр. Толстова, въ листъ, №№ 8—9 словъ Кирилла Туровскаго подрядъ, затѣмъ Іоанна Златоустаго и Оглашенія Кирилла Іерусалимскаго) слова Кирилла Туровскаго помѣщались вмѣстѣ съ словами другихъ отцовъ церкви, Ѳеодора Студита, Іоанна Златоустаго, и иногда подписывались именами отцовъ церкви, Антіоха Іерусалимскаго, Іоанна Златоустаго, и пр. Въ разныхъ спискахъ встрѣчаются не только замѣны отдѣльныхъ выраженій и словъ, перестановка ихъ; но и „въ нѣкоторыхъ поученіяхъ опущены начала, въ другихъ—заключенія, въ иныхъ—нѣсколько мѣстъ въ

срединѣ; дополненія замѣтны только въ заимствованіяхъ изъ какого—либо источника, всего болѣе изъ св. Писанія, частью же изъ сочиненій церковно-историческихъ; иногда въ древнихъ спискахъ удержаны только необходимыя, по ходу рѣчи, части библейскаго текста, а въ послѣдующихъ приводится текстъ вполнѣ; преніе Спиридона съ Аріемъ изложено въ позднѣйшихъ спискахъ полнѣе, нежели въ спискахъ XIII—XIV вв.“ (Сухомлиновъ: Рукописи графа Уварова, стр. LXI).

Самый спорный вопросъ при изученіи сочиненій Кирилла Туровскаго, это о числѣ ихъ. Древнѣйшій списокъ XIII в. даетъ 9 словъ, начиная отъ Ѳоминой недѣли (но начало сборника утрачено, слѣдовательно было еще 2 слова, итого 11 словъ, вмѣстѣ съ „Притчей или Словомъ о премудрости“). Калайдовичъ въ „Памятникахъ Россійской словесности XII в.“ (1821 г.) издалъ 15 сочиненій Кирилла, въ томъ числѣ „Слово о мытарствахъ“, Слово о черноризьчьстѣмь чину, Повѣсть къ Василію игумену печерскому и Притчу о человѣческой души. Сухомлиновъ въ „Рукописяхъ графа А, С. Уварова“ (т. II. 1858 г.) издалъ болѣе 20 сочиненій Кирилла Туровскаго, въ томъ числѣ его молитвы. Въ изданіи Евгенія еп. Минскаго, подъ названіемъ „Творенія св. отца нашего Кирилла епископа Туровскаго, съ предварительнымъ очеркомъ исторіи Турова и Туровской іерархіи до XIII вѣка“ (Кіевъ, 1880 г.) напечатано 13 сочиненій Кирилла Т., изъ нихъ 8 словъ, отъ недѣли вайй до Слова въ похвалу св, отецъ 318, 30 молитвъ, молебный канонъ, 3 слова, надписываемыхъ именемъ св. Кирилла, подлинность которыхъ подлежитъ сомнѣнію. Наконецъ въ изданіи проф. Пономарева „Памятники древне-русской церковно-учительной литературы“ (вып. I, съ статьей редактора) напечатано 9 поученій, въ порядкѣ цвѣтной тріоди, 1 поученіе церковное и притча. Здѣсь пропущено „Слово на недѣлю 5-ую.“ Проф. Пѣтуховъ въ статьѣ „Къ вопросу о Кириллахъ авторахъ“ (1887 г.), на основаніи краткаго обозначенія имени „св. Кирилла“ на большинствѣ списковъ словъ его, относитъ къ числу несомнѣнно принадлежащихъ Кириллу епископу Туровскому словъ слѣдующія: Слово въ недѣлю вайй, на Ѳомину нед., о слѣпомъ и на сборъ 318 отецъ. Къ этимъ словамъ надо присоединить еще слова: на Пасху, на третью нед. по Пасхѣ, о разслабленномъ, на вознесеніе, Слово о поученіи церковномъ. Слово на пятидесятницу мы склонны отнести къ поученіямъ преп. Ѳеодосія Печерскаго, хотя оно и помѣщается среди словъ Кирилла Туровскаго. Затѣмъ къ сочиненіямъ нашего писателя, кромѣ 30 молитвъ, канона молебнаго,

исповѣданія и поминовенія, слѣдуетъ отнести: Сказаніе о Черноризчестѣмь чину, Притчу о тѣлѣ и о души и о воскресеніи мертвыхъ, о Подвигѣ иноческомъ, Посланіе къ печерскому игумену Василію.

Въ 1893 г. X. М. Лопаревъ издалъ съ интереснымъ предисловіемъ „Слово въ великую субботу, принадлежащее св. Кириллу Туровскому". „Между изданными его проповѣдями, говоритъ издатель новаго Слова, одна озаглавливается такимъ образомъ: „Слово на третью недѣлю по Пасхѣ, заключающее въ себѣ похвалу Іосифу Аримаѳейскому и мироносицамъ". Содержаніе его распадается на три части: въ первой разсказывается о плачѣ Богородицы при Крестѣ, о просьбѣ Іосифа для полученія тѣла Іисусова и о погребеніи Господа; во второй о мироносицахъ и въ третьей объ Іосифѣ. Для насъ непонятна мысль Кирилла въ словѣ въ недѣлю третью по Пасхѣ распространяться главнымъ образомъ о крестной смерти Іисуса,—это онъ могъ сдѣлать въ проповѣди въ страстную недѣлю и, какъ теперь оказывается, онъ именно и сдѣлалъ: „Во св. великую субботу слово ижъ во св. отца нашего Кирилла епископа Туровьскаго о погребеніи телеси Господа нашего Іисуса Христа и о плачи пречистой Богородицы и о Іосифѣ, иже отъ Аримаѳея пріиде во Іерусалимъ", читаемъ въ рукописи XVI вѣка."

Свои поученія Кириллъ Туровскій характеризуетъ названіями: похвальныхъ словъ на праздники, бесѣдъ, сказаній, душеполезныхъ поученій. Онъ нигдѣ не ссылается на свои источники, называя ихъ вообще богодухновенными книгами, но это несомнѣнно были кромѣ книгъ св. Писанія и богослужебныхъ Пѣснопѣній, такія же поученія Іоанна Златоустаго (въ выборкахъ изъ полныхъ, сокращенныя), Григорія Богослова, Епифанія Кипрскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Ѳеодора Студита, Аркадія арх. Кипрскаго, Симеона Метафраста и др. Кириллъ пользовался также и Прологомъ съ его притчами изъ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафатѣ и др. Поученія нашего древнѣйшаго выдающагося проповѣдника имѣютъ нѣкоторое отношеніе и къ предшествующимъ русскимъ словамъ Иларіона и Ѳеодосія. Кириллъ Туровскій соединилъ въ своихъ словахъ витіеватость перваго съ простотой и силой убѣдительности второго. Но Кириллъ Туровскій не касался современности, не обращался къ монашеству. Слова его живыя, наглядныя истолкованія евангелія, съ призывами къ духовному восторгу, къ погруженію въ міровое значеніе событій, связанныхъ съ христіанствомъ. У нашего проповѣдника можно указать отдѣльныя картины, образы, литературные пріемы, напомина-

ющіе названныхъ вселенскихъ и греческихъ проповѣдниковъ, но нѣтъ рабскаго слѣдованія имъ. Нашъ проповѣдникъ успѣлъ вчитаться въ многочисленныя переводныя поученія и создать свои пріемы истолкованія евангелія. Только въ словѣ на соборъ 318 отцовъ и въ аскетическихъ сочиненіяхъ Кириллъ Туровскій пользовался въ значительной степени источниками. Сдѣлаемъ обзоръ словъ Кирилла Туровскаго, слѣдуя порядку цвѣтной тріоди, и отмѣтимъ отношеніе его къ образцамъ греческой проповѣди.

Первымъ словомъ Кирилла Туровскаго въ порядкѣ цвѣтной Тріоди является „Слово на вербницю", или „на недѣлю цвѣтоносную". Оно проникнуто радостнымъ чувствомъ какъ и другія слова Кирилла. Похвала празднику выражается въ истолкованіи прообразовательныхъ образовъ входа Спасителя въ Іерусалимъ, окруженнаго не только земными, но и небесными явленіями ангеловъ. Картины Кирилла Туровскаго напоминаютъ живопись восторженныхъ художниковъ европейскаго христіанства. „Днесь горы и холми точатъ сладость; удолія и поля плоды Богови приносятъ. Горніи въспѣваютъ, а преисподніи рыдаютъ. Ангели дивятся, видяще на земли невидимаго на небесѣхъ и на жребяти сѣдящаго—сущаго на престолѣ херувимстѣ; обступаема народы—неприступнаго небеснымъ силамъ". Слово проникнуто прославленіемъ поста, иночества, но обращено къ мірскимъ людямъ. Несмотря на блестящіе пріемы ораторскаго искусства, которые отражаются во вступленіи къ Слову, оно отличается, какъ и у другихъ древнерусскихъ писателей, скромностью и самоумаленіемъ. „Велика и ветха, такъ начинаетъ Кириллъ Слово на Вербницю (т. е. велики и древни), съкровища, дивно и радостно откровеніе („видѣніе" по варіантамъ), добра и сильна богатьства, неоскудно даеми дарове, славна и зело честно дому искусни строителя, обильни и переполнени царскыя трапезы мнози останци, отъ нихъ же нищіи препитаеми бываютъ... (далѣе рѣчь идетъ о церковныхъ учителяхъ). Тѣмъ же и мы, убозіи, тоя же трапезы останковъ крупицъ въземлющеи наслаждаемся".

Еще реторичнѣе вступленіе въ слѣдующее Слово Кирилла на Воскресенье, на Пасху. Это вступленіе все состоитъ изъ противоположеній, и здѣсь Кириллъ Туровскій вполнѣ сходится съ своимъ предшественникомъ митр. Иларіономъ, причемъ совпаденіе доходитъ до тожества выраженій. И далѣе въ сопоставленіи Ветхаго завѣта („закона", по выраженію Кирилла Туровскаго) съ Новымъ въ прообразахъ апостоловъ Іоанна и Петра, въ заключеніи Слова—„и се нынѣ яко въ Галилею въ святую сію церковь събравшеся возрадуемся и воз-

веселимся въ онь“—нашъ проповѣдникъ сходится съ своимъ знаменитымъ предшественникомъ. Туровскій витія отражаетъ живо пріемы древнѣйшей южно-русской проповѣди, отличаясь отъ простыхъ, дѣловыхъ наставленій новгородцевъ. Нельзя не отмѣтить въ этомъ же Словѣ искуснаго соотношенія между предшествовавшими и настоящими событіями,—пріемъ общій у нашего проповѣдника съ греческими ораторами: Кирилломъ Александрійскимъ, Епифаніемъ Кипрскимъ, Ѳеодоромъ Студитомъ. У послѣдняго въ Словѣ же на Пасху читаемъ: „вчера въ печали, а сегодня въ благодушіи; вчера въ сѣтованіи, а сегодня въ свѣтлости; вчера рыданія, а сегодня восклицанія“. „Вчера съ разбойникомъ распинахомся, говоритъ Кириллъ Туровскій, днесь съ тобою воскресохомь; вчера съ Логиномь возвахомь: воистину воскресе Христосъ; вчера съ Никодимомъ съ креста снимахомъ тя, днесь съ Магдалынею воскресша тя видѣхомь“, и проч.

Едва ли не лучшимъ словомъ Кирилла Туровскаго по поэтическимъ картинамъ является „на Ѳомину недѣлю“, или на Антипасху. Слово это отличается обширными размѣрами и отражаетъ вліянія поучительныхъ словъ Григорія Богослова, Аркадія арх. Кипрскаго, и др. Нашъ проповѣдникъ въ началѣ своего Слова, какъ будто намекаетъ на свои источники: „велика учителя и премудра сказателя требуетъ церкви (имен. над., т. е. церковь) на украшеніе праздника. Мы же нищи есмы словомъ и умомъ мутни къ сложенію душеполезныхъ словесъ“. Далѣе упоминается о прошедшемъ язычествѣ русскихъ, въ стилѣ митр. Иларіона: „земля очищенна Богомъ отъ бѣсовскихъ скверпъ... уже бо не нарекутся Богомъ стихія, ни солнце, ни огнь, ни источници, ни древеса. Отселе бо не пріемлетъ адъ требы (въ жертву) закалаемыхъ отцы младенецъ, ни смерть почести: преста бо идолослуженіе, и погубися бѣсовское насиліе крестнымъ таинствомъ, и не ктому (не токмо) спасеся человѣчь родъ, но и освятися Христовою вѣрою. Ветхый же законъ отнудъ (совсѣмъ) обнища“ и проч. Пріемъ этотъ, общій для словъ митр. Иларіона и еп. Кирилла, встрѣчается въ Словѣ Аркадія арх. Кипрскаго на память великомученика Никиты (15 сентября Великія Четьи-Минеи): „идеже бѣсовьскыя жертвы, тамо христіаньскіа церкви; идеже диаволъ ликоствоваше, тамо Владыка явися; идеже дуси вгнѣждахуся, оттуду нынѣ отгоняются“. Я уже приводилъ изъ разсматриваемаго Слова (во „Введеніи“ 1896 г.) живописное изображеніе весны съ чертами народныхъ выраженій, совпадающихъ съ веснянками. Надо только прибавить, что мѣсто это передѣлано Кирилломъ Туровскимъ

изъ слова Григорія Богослова. Однако нельзя не замѣтить, что такіе же образы оживающей природы, ея торжества весной находятся у Ѳеодора Студита въ 60 словѣ по русскому переводу: „въ недѣлю четвертую на весну; братія и отцы, вотъ зима прошла и настала весна, и мы видимъ, что все на землѣ юнѣетъ и обновляется, т. е. деревья и растенія разцвѣтаютъ, земля украшается зеленью и цвѣтами, птицы радуются, щебечутъ и воспѣваютъ Жизнодавца Христа". Въ превосходной картинѣ, всетаки ближайшимъ образомъ созданной подъ вліяніемъ Григорія Богослова, его слова „на новую недѣлю, на весну", Кириллъ Туровскій представилъ для своихъ русскихъ слушателей, живо чувствовавшихъ природныя явленія, изображавшихъ ихъ въ пѣсняхъ, приходъ весны съ домашней жизнью селянина (ратая), съ жизнью полей, лѣсовъ, но съ постоянными сопоставленіями съ христіанствомъ, замѣнившимъ язычество. Оставляя эту длинную картину, начинающуюся словами: „нынѣ небеса просвѣтишася, темныхъ облакъ яко вретищь съвлекошася и свѣтлымъ воздухомъ Славу Господню исповѣдають: не си глаголю видимая небеса, но разумная апостоли", и проч.,—не можемъ не привести еще изъ разговора Господа съ Ѳомой слѣдующаго отрывка, характеризующаго литературные пріемы Кирилла: „вижь нозѣ мои, имаже предъ вами ходихъ по морю, и по воздуху шествовахъ, явьственно ступахъ, и въ преисподняя вшедъ, тѣма ада поправхъ".

Въ большомъ Словѣ въ недѣлю третью по Пасхѣ, содержащемъ Похвалу Іосифу Аримаѳейскому и мироносицамъ приводится плачъ Богоматери, встрѣчающійся у византійскихъ писателей, между прочимъ, у Симеона Метафраста († 976), но, какъ будто въ стилѣ народныхъ плачей по мертвымъ: „вижу тя, милое мое чадо, на крестѣ висяща бездушна... радость мнѣ отселе никакоже прикоснется: свѣтъ мой и надежа, и животъ.. где ми чадо благовѣствованіе.. нынѣ мое чаяніе, радости же и веселія лишена быхъ.. слышите небеса и море съ землею внушайте моихъ слезъ рыданіе". На этотъ плачъ Богоматери Іосифъ тотчасъ же отвѣчаетъ воплемъ: „и ничтоже не рече Іисусъ, но вся уметы створи". Мы знаемъ, что въ русской литературѣ плачи такая же любимая форма, какъ діалогическое изложеніе. Такъ въ житіяхъ Бориса и Глѣба Іаковъ ввелъ поэтическіе плачи, Лѣтопись любитъ эту форму, какъ и Слово о Полку Игоревѣ, далѣе—Задонщина.

Выше, какъ мы замѣтили, часть разсматриваемаго Слова была обработана Кирилломъ Туровскимъ на погребеніе телеси Господа

І. Христа во св. великую субботу. „Кириллъ, говоритъ издатель Лопаревъ, переработалъ ранѣе сказанное имъ слово, далъ ему большую стройность, выпустивъ большинство искусственно нанизанныхъ сравненій, и вообще приспособилъ слово ко времени и событію". Не обошлось дѣло при этомъ и безъ апокрифа: когда Іосифъ оплакивалъ тѣло Христа передъ положеніемъ его во гробъ, Господь повелѣваетъ ему пѣть „святый Боже", „и нача Іосифъ пѣти съ Никодимомъ: Святы Боже, Святы Крѣпки, Святы Безсмертный помилуй ны. Тѣмъ же сице возлаголаша: „Погребу тя, Боже мой, яко наученъ есмь святымъ твоимъ духомъ".

Въ Словѣ о разслабленномъ выступаетъ живая діалогическая форма: „хощеши ли здравъ быти? спрашиваетъ Господь, и рече: ей, Господи, хотѣлъ быхъ, но не имамъ человѣка, дабы, по возмущеніи ангеловѣ, вверглъ мя въ купѣль. Но аще мя еси о здравіи, владыко, въпросилъ то кротцѣ послушай моего отвѣта, дати своея болѣзни скорбь исповѣмъ... мертва ли себѣ нареку, но чрева ми пища желаеть, а языкъ отъ жажда изсыхаеть. Жива ли себѣ помышляю, но не токмо въстати съ одра, но ни подвигнути себѣ не могу: нозѣ имѣю не поступнѣ, руцѣ же не токмо бездѣльне, но ни осязати себе тѣма съвладѣю. Не погребенъ мертвецъ разумѣю ся; одръ сей гробъ ми есть: мрътвъ есмь въ живыхъ и живъ есмь въ мертвыхъ, ибо яко живый питаюся и яко мертвъ не дѣлаю". Такъ проповѣдникъ оживлялъ евангельскія личности. Житійный и лѣтописный стиль въ его нравоучительныхъ мѣстахъ выступаетъ у Кирилла въ слѣдующемъ мѣстѣ: „но, акы звѣріе на оруженика (охотника) нападше, отбѣгоша и богохулная словеса, акы стрѣлы къ камени, пущающе, сламляхуся".

Слѣдующія поученія: „въ недѣлю о слѣпомъ—шестую по Пасхѣ" и „на вознесеніе Господне" отличаются также значительными размѣрами. Не таково Слово на пятидесятницу, приписываемое Кириллу Туровскому, и нѣкоторыя другія слова, напечатанныя акад. Сухомлиновымъ въ „Рукописяхъ графа Уварова". Слово на пятикостную недѣлю можно бы скорѣе приписать Ѳеодосію Печерскому по теплотѣ чувства (молю вы, любимици мои, чтите святыя книгы), по краткости, по любви къ цитатамъ изъ Евангелія. Проповѣдникъ убѣждаетъ слушателей воздерживаться отъ игръ неподобныхъ, отъ пьянства. Быть можетъ, и Кириллъ Туровскій могъ написать это Слово въ стилѣ Ѳеодосія Печерскаго и Ѳеодора Студита. Пока не найдено другого слова на пятидесятницу Кирилла Туровскаго, необходимо допустить принадлежность его нашему проповѣднику.

Въ словѣ на Вознесеніе, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ Кирилла Туровскаго, проявляется интересная связь съ толкованіями, въ родѣ Толковой Палеи, Изборника XIII в. съ статьями изъ Ѳеодорита Кирскаго и др. Это тоже направленіе, что мы замѣтили въ сочиненіяхъ митр. Климента Смолятича.

Мы уже замѣтили выше о связи вступленія въ Слово Кирилла на соборъ святыхъ отцовъ 318 съ Хронографомъ Малалы: „якоже исторіи (историцы) и вѣтіа, рекше лѣтописци и пѣснотворци, приклоняють своа слухы въ бывшая между царей рати и ополченіа, да украсять словесы слышащая и възвеличять крѣпко мужествовавшая по своемъ цари, и не давшихъ въ брани плещи врагомъ, и тѣхъ славяще похвалами вѣнчаетъ: колми паче намъ лѣпо есть и хвалу къ хвалѣ приложити храбрымъ и великымъ воеводамъ Божіимъ“. Кажется, что сказаніе о соборѣ и осужденіи Арія существовало въ чьемъ то переводѣ особо, какъ оно встрѣчается въ сборникѣ Румянцевскаго Музея XV в., № 406 (242 л. и д.). Сравненія Арія рѣзки, подобно бывшимъ въ ходу порицаніямъ еретиковъ: „слыши Аріе, нечистый душе, безглавный звѣрю, окаанный человѣче, новый Каине, вторый Іюда, плотяный дѣмоне, прелестный змію, церковный всѣмъ вѣдомый тать, необратимый разбойниче, нераскаемый грѣшниче, неукротимый на Христово стадо волче, безбоязненный св. вѣры разорителю, хотящимся спастися пакосниче, Божій враже и сыну погибели“!

Въ Словѣ о поученіи церковнѣмъ, или въ недѣлю 5 по Пасцѣ есть мысли Златоуста. Проповѣдникъ жалуется на то, что въ церковь ходятъ не такъ охотно, какъ на пиры, гдѣ раздаютъ медъ и вино, или даже серебро. Интересна слѣдующая картина стараго городскаго собранія: „якоже бо кто грамоту цареву или княжу принесеть во градъ подъ рукою ему сущимъ, не испытаютъ житья принесшему и — богатъ ли есть или убогъ, или грѣшенъ, или праведенъ; но тѣхъ точью чьтомыхъ послушаютъ, и тщатся аки ничто ихъ не забылъ; аще ли котораго слова не гораздо слышитъ, то впрашаютъ слышавшаго; аще ли бесчиненъ человѣкъ голку (шумъ, волненіе) сътворитъ, то біюще отгонять и, аки пакость, творяща“.

Уже Буслаевъ замѣтилъ въ Ист. Христ. (376 стр.), что это слово живыми намеками на современный бытъ рѣзко отличается отъ прочихъ, имѣющихъ характеръ отвлеченный. Кромѣ того, проповѣдникъ говоритъ въ немъ о значеніи молитвы: „послушайте же, да поучю вы о молитвѣ, тою бо исправляется всяко доброе“ (да ис-

правятся вся добрая). Выраженія эти напоминаютъ слова Владиміра Мономаха.

Остановимся еще на другихъ сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго. Въ своихъ молитвахъ онъ не разъ обращается къ Θеодосію Печерскому и любитъ припоминать ветхозавѣтныя лица и событія.

Въ „Словѣ къ Василію игумену Печерскому о мирскомъ сану и о мнишескомъ чину и о умѣ и о души и о покаяніи сі составлено во притчѣ“ Кириллъ приводитъ притчу изъ Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафатѣ: царь ходитъ по городу съ дочерью, и видитъ въ пещерѣ оружіе, о которомъ не заботился во все время своего управленія. Подробности измѣнены Кирилломъ противъ оригинала: „и приникнувши къ оконцу тому, видѣста внутрь вертепа жилище, въ немъ же седяше мужь, въ послѣдней живя нищетѣ, худыми облеченъ вретищи, ему же близъ присѣдяше своя жена, слажьшю бранна пѣснь поющи. Предстоаша же ему нѣкто красенъ и высокъ на твердѣмь камени, питая и вино черпая; и пріемщу мужу чашу, тогда похвалами веньчеваху и многою радостію мужа. Сія вся съглядавь царь призва своа другы, и рече къ нимь: оле чюдо, друзи мои, како худое сей потаеное житіе честнѣй нашея державы веселится, и свѣтлѣе внѣшнихъ внутренняя сіяють“! Далѣе слѣдуетъ обширное „сказаніе притчи сея“: градъ—тѣло человѣка, царь—умъ, люди—чувства, совѣтники—житейскія мысли, ратная оружія—пость, молитва и проч. Другую притчу Кириллъ Туровскій приводитъ о слѣпцѣ и хромцѣ подъ заглавіемъ: „Притча о тѣлѣ человѣчьстѣ и о души и о воскресеніи мертвыхъ“ (Сухомлиновъ напечаталъ въ „Рукописяхъ графа Уварова“ эту притчу по тремъ редакціямъ). Въ заключеніи сказанія притчи, по одной изъ редакцій ея, читаемъ: „сице же ми о сихъ сказавшу не отъ своихъ умышленій, но отъ св. книгъ, да нѣсть се мое слово, но бесѣда: нѣсмь бо учитель, якоже оны церковніи мужіе“. Кириллъ Туровскій выписалъ эту притчу изъ какого-то полнаго источника, который послужилъ также для сокращеннаго извлеченія стариннаго Пролога (отсюда буквальныя совпаденія). Начало притчи у Кирилла Туровскаго исправлено по другой притчѣ евангельской. Содержаніе остальнаго текста состоитъ въ томъ, что нѣкто кроткій господинъ устроилъ виноградъ, но съ оплотомъ безъ воротъ. И, долго раздумывая, рѣшилъ для болѣе безопаснаго оберегу посадить у воротъ слѣпца и храмца: „хромець убо видить, слѣпецъ же чюеть“. И учуялъ слѣпецъ благоуханіе плодовъ сада того, соблазнилъ хромца обобрать садъ, и посадилъ на себя хромца съ кошемъ, въ который

они и собрали вся благая сада. Долго добирался господинъ до виновниковъ покражи, пока не посадилъ хромца на слѣпца, въ какомъ видѣ и наказалъ ихъ. Истолкованіе притчи разъясняетъ, что человѣкъ домовитъ—Богъ, виногродъ—земля, оплотъ—законъ, хромецъ—тѣло, слѣпецъ—душа.

Какъ аскетъ Кириллъ Туровскій писалъ о полномъ подчиненіи своей воли игумену (Сказаніе о черноризчестѣмь чину отъ Ветхаго и Новаго закона): „свѣща ли есть, токмо до церковныхъ дверій въ своей воли буди, и о томъ не расматряй, како и чимъ тя потваряетъ. Риза ли еси, да пріемлющаго тя в руку знай себе; ктому не помысли, аще и на оночѣ растерганъ будеши. Точію до монастыря имѣй свою волю". „Ты, какъ свѣча, переводитъ редакторъ кіевскаго изданія Твореній Кирилла Туровскаго, воленъ въ себѣ до церковныхъ дверей; и потомъ не смотри, какъ и что изъ тебя сдѣлаютъ. Ты, какъ одежда, знай себя до тѣхъ поръ, пока не возмутъ тебя въ руки; а потомъ не заботься, если тебя разорвутъ и на тряпки. Имѣй свою волю только до вступленія въ монастырь; а по принятіи монашескаго образа, всего себя отдай въ послушаніе и не скрывай въ себѣ ни малаго своевольства". Обличенія недостатковъ и отступленій отъ идеала монашеской жизни такъ же ярки у Кирилла, какъ у послѣдующихъ аскетовъ, въ родѣ авторовъ Кіевопечерскаго Патерика. Все это изложено въ аллегорическихъ образахъ: „поясъ же усьянъ, кожныя ризы, являя мертвенность... но аще и не сіяеши съ Моисеемъ чистотою, поне воздыханіемъ о грѣсѣхъ, яко гора, курися".

Наконецъ Кириллу епископу Туровскому, подъ сомнѣніемъ, приписывается еще „Слово... о исходѣ души и о восходѣ на небо", или „о двудесяти мытарствахъ". Оно пользовалось необыкновенной популярностью въ древней Руси, о чемъ свидѣтельствуетъ 39 списковъ его, съ именемъ „св. Кирилла" и проч., не говоря о другихъ передѣлкахъ и названіяхъ. Авторъ воспользовался не менѣе популярнымъ византійскимъ Видѣніемъ Ѳеодоры загробныхъ мытарствъ. Введеніемъ къ слову, какъ и въ Видѣніи Ѳеодоры, является сопутствіе ангела душѣ человѣческой въ изслѣдованіи тайны о исходѣ души и о восходѣ на небо. Затѣмъ перечисляются 22 мытарства: оболганіе, оклеветаніе, зависть, гнѣвъ, гордость, плясанія въ пиру, волхвованіе и потворы и наузы, волхвованіе и вѣруютъ въ стрѣчу, въ чехъ и въ полазъ, и въ птичей грай и въ баснотвореніе, или—въ ворожбу и еже басни баютъ, и въ гусли гудутъ. Слово обширно излагаетъ дальнѣйшія странствованія души и заканчивается концомъ міра.

Всѣ заключенія о литературномъ талантѣ Кирилла Туровскаго противорѣчивы и не обходятся безъ порицанія. Въ его рѣчахъ отмѣчаютъ искусственность, подражательность, исключительное толкованіе евангельскихъ событій въ наиболѣе легкой и простой формѣ. Отсюда діалогизмъ, образность, картинность и драматизмъ въ проповѣдяхъ Кирилла Туровскаго и рабское слѣдованіе греческимъ образцамъ.

Въ противоположность такимъ отвлеченнымъ, удаленнымъ отъ жизни, поученіямъ, какъ только что разсмотрѣнныя сочиненія самаго выдающагося писателя древней Руси, Слова *Серапіона епископа Владимірскаго* отличаются простотой и близостью къ своему времени. Это было время татарскаго нашествія и первыхъ послѣдствій тяжелаго ига, налегшаго на русскую землю. Проповѣдникъ согласно съ современными ему воззрѣніями, не только скорбитъ о постигшихъ несчастіяхъ, но и видитъ въ нихъ наказаніе Божіе, причемъ отмѣчаетъ и пороки народа, особенно рѣзко его суевѣрія.

О жизни еп. Серапіона сохранились въ лѣтописи скудныя извѣстія, по поводу поставленія и смерти, безъ упоминанія о его литературной дѣятельности: подъ 1274 г.: „пріиде изъ Кіева митрополитъ Кириллъ и приведе съ собою архимандрита Печерскаго Серапіона и постави его епископомъ Володимерю и Суздалю и Нову-городу Нижнему“, затѣмъ въ слѣдующемъ году лѣтопись отмѣчаетъ уже смерть Серапіона † 1275 г. Серапіону приписывается теперь 5 несомнѣнныхъ поученій, изъ нихъ 4 открыты были въ сборникѣ XIV в. (Златая Чепь) и 1 въ Паисіевскомъ сборникѣ XIV—XV вв. Приписывались Серапіону и другія поученія, но безъ достаточныхъ основаній.

Поученія Серапіона кратки, какъ поученія преп. Θеодосія Печерскаго, или Θеодора Студита, но выражены языкомъ сильнымъ и картиннымъ. Вотъ схемы поученій Серапіона. Въ первомъ словѣ проповѣдникъ говоритъ о знаменіяхъ небесныхъ и землетрясеніяхъ, какъ наказаніи за грѣхи, и призываетъ къ покаянію, къ перемѣнѣ жизни и удаленію отъ дѣлъ неподобныхъ. Во второмъ словѣ снова вспоминаетъ о злыхъ обычаяхъ современниковъ и говоритъ объ ужасахъ татарскаго ига и разрушенія. Въ третьемъ Словѣ сопоставляются ужасы татарскаго нашествія съ грѣхами русскихъ. Въ четвертомъ словѣ проповѣдникъ надѣется на исправленіе слушателей, но возстаетъ противъ волхвованія. Наконецъ въ пятомъ словѣ Серапіонъ снова скорбитъ о поганскихъ обычаяхъ русскихъ,

о жестокости современниковъ, о несчастіяхъ всего свѣта (градъ Драчь, Перемышль, Ляхи).

Приведемъ теперь выдержки изъ словъ еп. Серапіона. Прежде всего заслуживаютъ вниманія изображенія татарскаго погрома: „приде на ны языкъ немилостивъ, попустившю Богу и землю нашу пусту створиша и грады наши плѣниша и церкви святыя разориша, отца и братію нашу избиша, матери и сестры наши въ поруганье бысть... Чего не приведохомъ на ся, какія казни отъ Бога не васпріяхомъ. Не плѣнена ли бысть земля наша, не взяте ли быша гради наши“? и пр. Въ другомъ словѣ еще подробнѣе изображены такія бѣдствія: „тогда наведе на ны языкъ немилостивъ, языкъ лютъ, языкъ нещадящъ красы уны, немощи старецъ, младости дѣтей. Разрушены божественыя церкви, осквернены быша ссуди священныя, потоптана быша святая святители мечю во ядь быша, плоти преподобныхъ мнихъ птицами на снѣдь повержени быша, кровь и отецъ и братіа нашея, аки вода многа, землю напои; князій нашихъ воеводъ крѣпость; храбріи наши страха наполъншеся бѣжаша (здѣсь какъ будто отражается свѣжая молва о богатыряхъ павшихъ подъ ударами татаръ); множайша же братя и чада наша въ плѣнъ ведени быша; села наша лядиною поростоша, и величьство наше смѣрися; красота наша погыбе; богатство наше инѣмь въ корысть бысть; трудъ нашъ поганіи наслѣдоваша земля наша иноплеменникомь въ достояніе бысть въ поношеніе быхомь живущимъ вскраи земля нашея; въ посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ“.

Что касается мысли о грѣхахъ современниковъ и татарскаго ига, какъ кары Господней,—что такъ часто повторяется въ поученіяхъ Серапіона,—то не одно только татарское нашествіе породило это настроеніе; оно вытекало изъ основныхъ началъ религіознаго міросозерцанія христіански развитаго древне-русскаго общества съ первыхъ моментовъ его просвѣщенія; татарское иго только усилило это настроеніе. Тема „о казняхъ Божіихъ“ развивается уже въ византійской литературѣ и отражается во многихъ славянскихъ переводныхъ поученіяхъ. Слово на такую тему приписывается въ сборникахъ (въ лѣтописи, подъ 1068 г., безъ имени автора) еще Өеодосію Печерскому. Другой элементъ въ поученіяхъ Серапіона—перечисленіе пороковъ (пьянства, зависти, гнѣва, и пр.) — точно также распространенъ въ русской поучительной литературѣ съ самаго начала ея существованія. Эта схема перечисленія пороковъ перешла къ намъ изъ Византіи, а тамъ она возникла изъ болѣе общаго источника - св. Писанія. Въ древне-русской поучительной литера-

турѣ рѣдко можно встрѣтить что либо непосредственно относящееся къ русскому быту и воззрѣніямъ. Нѣсколько историческихъ словъ, слова о суевѣріяхъ и такихъ явленіяхъ древне-русской жизни, какъ пиры, или изгойство—вотъ почти весь кругъ поученій, сближающихся съ потребностями свѣтской жизни, помимо господствующихъ аскетическихъ идеаловъ. Поученія Серапіона, въ противоположность словамъ Ѳеодосія Печерскаго и Кирилла Туровскаго, проникнуты и историческимъ и бытовымъ содержаніемъ. Въ двухъ поученіяхъ Серапіонъ возстаетъ противъ испытанія вѣдьмъ посредствомъ холодной воды и истребленія ихъ огнемъ и противъ вытребанія изъ земли похороненныхъ утопленниковъ и удавленниковъ, которые, по народному повѣрью, удержавшемуся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до сихъ поръ, могли вредить урожаю и благопріятной погодѣ. Въ лѣтописяхъ разсказы о такихъ повѣрьяхъ соединены съ разсказами о волхвахъ, подъ 1024, 1071, 1227 гг. и др. „Отъ которыхъ книгъ се слышасте, говоритъ Серапіонъ, яко волхвованіемь глади бывають па земли и пакы волхвованіемь жита умножаются. Се нынѣ по трехъ лѣтъ житу рода нѣтъ не токмо въ Руси, но и въ Латѣнѣ: се влъхвове ли створиша? Правила божественная повелѣвають многыми послухъ осудити на смерть человѣка. Вы же воду послухомь постависте и глаголите: аще утопати начнеть неповинна есть; аще ли поплоеть волхвовь есть“. Проповѣдникъ разубѣждаетъ и призываетъ къ покаянію. Другое слово Серапіона прямо озаглавлено „о маловѣрьи“: „хто буде удавленника или утопленника погреблъ, не погубите людій сихъ, выгребите. о безумье злое! о маловѣрье! симъ ли божію казнь хощете утишити“.

Архим. Леонидъ въ 1890 г. издалъ „Два Памятника Древнерусской Кіевской письменности XI и XIII вв.“, изъ которыхъ одно приписалъ архим. печерскому Серапіону „Похвала преп. Ѳеодосію Печерскому“ неизвѣстнаго, помѣщенная въ Печерскомъ Патерикѣ (XV в.) и въ Четьихъ-Минеяхъ 3 мая. Похвала эта, припоминающая въ общихъ чертахъ житіе Ѳеодосія, какъ учителя мнишескому житію, храбра, прописателя, приписывается Леонидомъ архим. Серапіону на основаніи слѣдующаго мѣста въ словѣ: „и тогда Божіимъ попущеніемь, грѣхъ ради нашихъ, раздрушишась домове божественіи, и манастырeве разорени быша, и гради пленени суть, и села опустѣша отъ языка незнаема, отъ языка немилостива, отъ языка студа исполнена, ни Бога боящася, ни утробы человѣколюбивы дръжаща. Тѣмже и еще отъ нихъ въ работѣ суще (значитъ,

еще продолжается татарское иго) и въ озлобленіи злѣ и въ томленіи лютѣ".

Лѣтописи даютъ указанія на нѣсколько учительныхъ епископовъ, которые несомнѣнно были въ свое время выдающимися проповѣдниками. Таковъ еп. Кириллъ Ростовскій, о которомъ подробно говорится подъ 1231 г.: „не токмо бо словомъ уча, но и дѣломъ кажа" (Лаврентьев. лѣт.).. „и вся приходящая удивлеся, князя же и велможѣ.. нетокмо же простьця, но и попы и игумены и весь черноризьчьскый чинъ, и вся приходящая изъ окрестныхъ градъ в св. зборную церковь св. Богородиця.. послушающе ученья его еже отъ св. книгъ". Лѣтописецъ ставитъ Кирилла наравнѣ съ первыми просвѣтителями Ростова, Леонтіемъ и Исаіемъ. Повидимому онъ былъ ученикомъ еп. Кирилла: „послушая любовному ученью его" и „вдахъ собе написанья". Быть можетъ, этому Кириллу Ростовскому XIII в. и принадлежитъ извѣстное „Слово о небесныхъ силахъ, чего ради созданъ бысть человѣкъ на земли", такъ какъ лѣтописецъ указываетъ на Кириллову бесѣду: „да и азъ аерьскымъ духомъ нахоженья избѣгну, направляя корабль словеси ти в тихо пристанище введу, начиная бесѣду здѣ, яко истинна есть повѣстьству". Слово это извѣстно въ двухъ редакціяхъ (см. Калайдовича: Памятники XII в., Слово XII, стр. 92 и д., собственно о 12 мытарствахъ, и у Сухомлинова: Рукописи гр. Уварова, см. XVIII, стр. 107; съ тѣмъ же началомъ см. XIX, стр. 120, но взято изъ Толковой Палеи). Кириллъ, умершій въ 1262 г., могъ быть такимъ же проповѣдникомъ, какъ Серапіонъ Владимірскій. „Слово это приписывалось ранѣе Авраамію Смоленскому; въ немъ находятся апокрифическія подробности".

Именемъ Серапіона мы заканчиваемъ обзоръ древнерусскихъ проповѣдниковъ, къ числу которыхъ въ XIV вѣкѣ относится еще нѣсколько именъ, кромѣ авторовъ посланій, столь обильныхъ за это время, и обращаемся къ выдающимся безымяннымъ древнерусскимъ поученіямъ XI—XIII вѣковъ.

Древнѣйшіе Пролога, Златоусты, Торжественники и другіе сборники древнерусской литературы содержатъ безымянныя русскія поученія. Таковы 12 поученій на праздиества и праздники, изданныя проф. Пѣтуховымъ въ „Матеріалахъ и замѣткахъ изъ исторіи Древней Русской Письменности" (1894 г.) и 9 „Древнихъ поученій на воскресные дни великаго поста" (1886 г.). Они отличаются краткостью, простотой изложенія и правоучительнымъ направленіемъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ отражаются пріемы нашихъ

русскихъ проповѣдниковъ, въ другихъ очевидны заимствованія изъ переводныхъ твореній. Такъ Слово, напечатанное г. Пѣтуховымъ, на Покровъ Пресв. Богородицы цѣликомъ заимствовано изъ Житія Андрея Юродиваго. Встрѣчаются въ этихъ словахъ и ссылки на „великаго пастуха Іоанна Златоустаго" и дѣйствительно есть мѣста, заимствованныя изъ него. Интересно видѣть въ нѣкоторыхъ изъ этихъ поученій то пріемы Луки Жидяты, то Кирилла Туровскаго. Въ одномъ изъ постныхъ поученій проповѣдникъ говоритъ: „азъ же дѣтемъ и новопросвѣщеннымъ скажю." Черты русской дѣйствительности попадаются въ нихъ въ самой незначительной мѣрѣ: о языческихъ суевѣріяхъ, о недавнемъ крещеніи.

Въ сборникѣ поученій XII в. Троицко-Сергіевой Лавры находится замѣчательное Слово о богатомъ и убогомъ, представляющее картины древнерусской жизни. Вотъ какъ описывается жизнь богача: „тъ богато на землѣ живяше, въ багърѣ и въ паволоцѣ хожаше, кони его тучни, иноходи, ликъствующе златыми тварьми оукрашени, седьла его позлащена, раби его предитекуще мнози, въ брачинѣ и въ гривьнахъ златахъ, а друзіи позади въ монистѣхъ и въ обручихъ. и отъинудь рещи въ велицѣ славѣ. на обѣдѣ же слоужьба бѣ многа съсоуди златъмь съкованн и сребръмь брашьно много и различно: тетеря, гоуси, жеравие, ряби, голоуби, коури, заяци, елени, вепреве, дичина, чамъри, трътове, печени, крънанія, шемьлизи, пирове, потъкы множество сокачій работаюче и дѣлающе съ потъмь. и мнози текуще и на прьстѣхъ блюда носяще иниже махающе съ боязнію чашѣ срѣбрьны великыя позлащены коубьци и котьли питіе же многое медъ и квасъ; вино, медъ чистый пъпьряный, питія обнощьная съ гоусльми и свирѣльми веселіе многое ласкавьци шпилеве, праздпословьци, смѣхословьци, плясанія мрьзости, въплеве, пѣсни, готовять же ему и одръ настьланъ перинъ паволочитыхъ възлежащю же ему и не могущю уснути дроузи ему нозѣ гладять, инiи по лядвіямъ тѣшать его, иии по плечема чишють, инiи гудуть, инiи бають ему и кощюнять."

Въ сборникахъ XV в. сохранилось интересное историческое „Слово о Князьяхъ", иначе озаглавливаемое: „Слово похвальное на пренесеніе св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба", или даже „Слово о блаженномъ князѣ Давидѣ Свѣтославичи, внукѣ Ярослава Владиміровича чюдесныя повѣсти". Слово было написано вскорѣ послѣ 1161 г.—года смерти третьяго сына Давида Святославича, князя Черниговскаго. Слово стоитъ на границѣ поученій, лѣтописи и житія св. Оно отвѣчаетъ цѣли житія Бориса и Глѣба, написаннаго

Несторомъ въ поученіе мятежнымъ молодымъ князьямъ. „Слышите князи противящеся старѣйшей братьи, такъ начинается это Слово, и рать въздвижуще и поганыя на свою братью возводяще не обличилъ ти есть Богъ на страшнѣмь судищи. Како св. Борисъ и Глѣбъ претерпѣста брату своему не токмо отъятіе власти, но отъятіе живота. Выже до слова брату стерпѣти не можете и за малу обиду вражду смертоносную въздвижете, помощь пріемлете отъ поганыхъ на свою братію“. Какъ это напоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ. „Познайте, продолжаетъ неизвѣстный авторъ, князи, свое величество и свою честь. Князя дѣда имате св. Володимера, приведша къ Богу тысяща тысящами и тмы тмами душь праведныхъ, каку братію имате сіа великыа чюдотворца Бориса и Глѣба“. Затѣмъ разсказывается интересная исторія: „Притча“ о князѣ Давидѣ Святославичѣ, внукѣ Бориса и Глѣба,—князѣ кроткомъ, послушливомъ, соблюдавшемъ крестное цѣлованіе. Смерть и погребеніе этого Черниговскаго Князя описаны въ стилѣ самыхъ чудесныхъ легендъ переводной житійной литературы. „Егдаже изволи Богъ пояти душу его отъ тѣла, и болѣвшю ему недолго, позна епископъ Ѳеоктистъ, яко уже князь преставитися хощетъ, повелѣ пѣти канунъ кресту, единою рассѣдеся верхъ теремцю, и вси оужасошася, и влетѣ голубь бѣлъ, и сѣде ому на грудехъ; и князь душу испусти, голубь же невидимъ бысть, и наполнися храмъ благыя воня. И несоша князя въ Спасъ св. долго по вечернѣ. Пришедши звѣзда ста надъ крестомъ. Оттолѣ несоша и въ церковь Бориса и Глѣба созданную отъ него. Звѣзда же отъ Спаса преступи на мученическую церковь. Пѣвшу епископу надъ княземъ, гробъ не докончянъ бысть. Епископу рекшу: „се уже солнце заходить, заутра похоронимъ и“. Всѣмъ сидящимъ надъ княземъ, шедше въ церковь, повѣдаша епископу: „солнце не заходить, но во единомъ мѣстѣ стоить“. Епископъ удивився и похвали Бога. Доиде же камень сровнаша и князя вложиша въ гробъ, тогда солнце зайдеть“. *) Какъ зашла такая притча—легенда въ торжественное слово намъ будетъ понятно, если мы припомнимъ притчи Кирилла Туровскаго. Лѣтописи содержатъ также и торжественныя похвалы князьямъ и правоучительныя поученія,—быть можетъ иногда восходящія къ цѣльнымъ недошедшимъ до

---

*) Подробность о такомъ погребеніи въ каменной гробницѣ съ явленіемъ звѣзды надъ тѣломъ мученика встрѣчается въ Мученіи св. Тарха, Прова и Андроника (Великія Четьи-Минеи, октябрь, 947—948 стр.).

насъ поученіямъ, въ родѣ вставленныхъ въ Лѣтописи поученій „о козняхъ Божіихъ“ (приписывается Ѳеодосію Печерскому) и Поученія дѣтямъ Владиміра Мономаха. Уже въ Начальной Лѣтописи много отрывочныхъ словъ и поученій, напр. подъ 988 и 1110 гг. обширныя слова въ честь крещенія и Владиміра просвѣтителя Руси. Характеристики Владиміра I и Ярослава I могли вызвать и притчу „Слова о Князьяхъ“. Слова о мирѣ, любви и согласіи между князьями, влагаемыя въ уста умирающаго Ярослава I и другихъ князей, размышленія лѣтописцевъ въ сторону христіанскихъ идеаловъ—все это близко соприкасается съ древнерусскими поученіями и посланіями. Иногда въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ и выдержки изъ поученій Іоанна Златоустаго, Василія В., безъимянныхъ русскихъ проповѣдниковъ. Большое слово Іоанна Златоустаго, какъ мы уже упомянули выше, находится въ Начальной Лѣтописи, подъ 1068 г. и въ I Новгородской Лѣтописи, подъ 1238 г. Въ житіи Ѳеодосія Печерскаго приводятся отрывки изъ его словъ, и одинъ отрывокъ приводится въ лѣтописи, при разказѣ объ успеніи Ѳеодосія въ 1074 г. Подъ 1091 г. приведена похвала Ѳеодосію Печерскому къ разсказѣ объ обрѣтеніи его мощей. Разсказъ о походѣ на Половцевъ въ 1093 г. заканчивается длиннымъ словомъ какого-то автора, упоминающаго о себѣ вь концѣ Слова. Это какъ будто предшественникъ Серапіона еп. Владимірскаго. Нашествіе половцевъ объясняется, какъ наказаніе за грѣхи. Подъ 1111 г., со ссылкой на Іоанна Златоустаго, Епифанія Великаго, Ипполита и другихъ приводится обширное Слово.

Подъ 1087 г. имѣемъ отрывокъ изъ слова митр. Іоанна († 1089 г.) на погребеніе кн. Ярополка, двоюроднаго брата Владиміра Мономаха. Это могло быть то утѣшеніе, которое приписывается митр. Іоанну по выдающейся характеристикѣ его подъ 1089 г. „Хытръ книгамъ и ученью рѣчистъ же книгами святыми утѣшая печалныя, и сякого не бысть преже на Руси ни по немь не будеть сякь“: „многы бѣды примъ, безъ вины изгонимъ отъ братья своея, обидимъ, разграбленъ, прочее и смерть горкую прнятъ, но вѣчнѣй жизни и покою сподобися. Такъ бяше блаженый сь князь тихъ, кротькъ, смѣренъ и братолюбивъ, детятину дая святѣй Богородици отъ всего своего имѣнья по вся лѣта, и моляше Бога всегда, глаголя: Господи Боже мой, приими молитву мою, и дажь ми смерть, якоже двѣма братома моима, Борису и Глѣбу, отъ чюжею руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, и избуду суетнаго свѣта сего и мятежа, сѣти вражіи; егоже прошенья не лиши его благый Богъ: въсприя благая она, ихже

око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку не взиде, еже уготова Богъ любящимъ его" (Лейбовичъ: Сводная Лѣтопись, 163 стр.). Подобный же отрывокъ изъ слова на погребеніе Владиміра Мономаха находится въ Лаврентьевской лѣтописи 1125 г. Едва ли не отрывки изъ словъ приводятся подъ 1123 г., по поводу побѣдъ Владиміра Мономаха: „Вижь, что приодолѣ гордость, и паки исправить въ сердци, что исправить смиреніе, яко же Писаніе глаголеть: весь узносяйся сердцемъ нечистъ предъ Богомъ. Прочее, дружино и братье, разумѣйте, по которомъ есть Богъ, по гордомъ ли, или по смиренномъ... Вижьте, братіе, коль благъ Богъ и милостивъ, на смиренныя и на праведныя", и проч. Еще вѣроятнѣе похвальное слово Рюрику за построеніе стѣны вокругъ Выдубицкаго монастыря, приведенное въ лѣтописи, подъ 1200 г. Здѣсь говорится о игуменѣ Моисеѣ съ братіей и ихъ писаніи, но стиль писанія совершенно отвѣчаетъ похвальному слову. Быть можетъ, этого Моисея такъ же можно зачислить въ число авторовъ древней Руси, какъ епископа Ростовскаго Кирилла II (1231—1262 гг.), о которомъ лѣтопись нѣсколько разъ говоритъ, какъ объ учительномъ дѣятелѣ.

Лѣтописное слово „о казняхъ Божіихъ" (1068 г.) говоритъ подробно о языческихъ суевѣріяхъ, но, признавая это слово переводнымъ изъ Іоанна Златоустаго, мы должны отказаться отъ толкованія его въ приложеніи къ русскому язычеству. Другое дѣло, извѣстное „Слово нѣкоего Христолюбца, ревнителя по правой вѣрѣ" (въ спискахъ, начиная съ XIV в.). Слово это исполнено самыхъ живыхъ воспоминаній о язычествѣ славянъ и русскихъ. Мы касались его уже во „Введеніи" 1896 г. Теперь разсмотримъ его, какъ поученіе „изложенное отъ многословесныхъ книгъ на раздрушеніе лести и на поученіе правовѣрнымъ". Начавъ съ образа ветхозавѣтнаго Иліи пророка Фезвитянина, заклавшаго идольскихъ жрецовъ, Христолюбецъ обращается къ Посланіямъ апостола Павла къ Римлянамъ и выдержками изъ него доказываетъ необходимость оставить язычество, перечисляя подробно разные его виды, и учитъ Христову ученью. Это какъ будто толковая статья на св. Писаніе. Мы знаемъ такія бесѣды истолковательныя на книги Ветхаго и Новаго Завѣта въ твореніяхъ Отцовъ Церкви—Іоанна Златоустаго и др. Авторъ нашего Слова воспользовался и отрывкомъ изъ апокрифическаго Видѣнія апостола Павла. Мы не будемъ приводить всего, что заключаетъ это драгоцѣнное Слово въ отношеніи къ славянорусскому язычеству, начиная съ названія боговъ до описанія обрядовъ. Припомнимъ хотя бы слѣдующее мѣсто: „не подобаетъ кре-

стьяномъ игръ бѣсовскихъ играти, еже есть плясанье, гуденье, пѣсни мирьскія и жертвы идольскія, еже моляться огневѣ подъ овиномъ и Виламъ, и Мокоши, и Симу, и Рьглу, и Перуну, и роду, и рожаницѣ, и всѣмъ тѣмъ иже суть тѣмъ подобни"... „и въ Вилы, ихже числомъ 13 сестреницъ, глаголють невѣгласи, и мнятъ богинями и тако покладывахуть имъ теребы, и куры имъ рѣжуть, и огневѣ молятся, зовуще его Сварожичемъ и чесновитокъ, богомъ же его творяться, егдаже у кого будетъ пиръ, тогда же кладутъ въ ведра и въ чаши и тако пьють о идолѣхъ своихъ веселящеся". Въ переводныхъ и подражательныхъ словахъ, приписываемыхъ I. Златоустому и Григорію Богослову, мы находимъ также замѣчательныя вставки о языческихъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ. Но мы ими пользовались уже въ отдѣлѣ народной словесности. Здѣсь мы замѣтимъ, что древнерусскія поученія противъ язычества начинаются со временъ Владиміра св. и Ярослава I. Подъ 1030 г. въ лѣтописи читаемъ: „Ярославъ пріиде къ Новугороду и собравъ отъ старость и отъ презвитеровъ дѣтей 300, и повелѣ учити книгамъ, престався первый архіеп. Новгородскій Акимъ Корсунянинъ, бѣ во епископіи 42 лѣта и бяше въ его мѣсто ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше, и благословенъ бысть епископомъ Іоакимомъ, еже учити люди новопросвѣщенныя, понеже Русская земля вновѣ крестися, чтобъ мужи и жены вѣру христіанскую твердо держали, а поганскія вѣры не держали и имѣлибъ; сей поучивъ люди 5 лѣтъ, святительству же не сподобися" (Сводная Лѣтопись Лейбовича, стр. 125).

Старинные сборники сохранили много словъ, надписанныхъ именами вселенскихъ учителей, но принадлежащихъ русскимъ авторамъ. Нерѣдко въ нихъ встрѣчаемъ наставленія, направленныя противъ пороковъ, какъ пьянство съ живыми характеристиками всѣхъ послѣдствій пороковъ. Здѣсь зарождалась народная литература по языку, по стилю, близкая къ устной народной поэзіи. Таковы древнія слова о хмѣлѣ, о лѣнивыхъ, сонливыхъ и упьянчивыхъ. Хмѣль является въ роли проповѣдника и говоритъ всѣмъ людямъ, начиная съ князей и бояръ до простыхъ людей. Слово это приписывается Кириллу философу, и, быть можетъ, восходитъ къ первообразамъ въ византійской литературѣ. Для насъ интересны древнія выраженія Слова, въ родѣ: князю землю пусту створяеть, храбріи мечю предашася, и проч. Это Слово близко подходитъ по нравоученію къ словамъ о тропарныхъ чашахъ, въ которыхъ совѣтуется избѣгать безмѣрнаго пьянства и ограничиваться тремя

чашами. Но въ Словѣ о хмѣлѣ поражаетъ народная форма изложенія, близкая къ формѣ Слова о Полку Игоревѣ. Это образчики древнѣйшей русской народной поэзіи. Слово о полку Игоревѣ, Слово Даніила Заточника, Лѣтописи и даже поученія — слова не избѣгли той формы словесности, которая развивалась независимо и даже въ разрѣзъ съ книжной литературой—формы устной народной поэзіи. Масса списковъ свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ этой популярной литературы. Въ ней какъ будто явилась замѣна средневѣковыхъ мистерій и другихъ памятниковъ сближенія христіанства съ свѣтской публикой. Эта форма литературы имѣла постоянное развитіе вплоть до XVIII в.; но древніе списки содержатъ подробности отдаленнаго быта: „Братіа, не уподобляйтеся симь, не долго спите, не много лежите, вставайте рано, а ложитеся поздно.. лежати долго не добыти добра, чти и славы не получити, медовыя чаши не пити, а у князя въ нелюбви быти, а волости или града отъ него не видати" и т. д. Но къ этой формѣ мы воротимся, когда будемъ говорить о Словѣ Даніила Заточника. Не таково Поученіе Владиміра Мономаха дѣтямъ, о которомъ скажемъ въ отдѣлѣ о лѣтописяхъ. Оно написано строго въ стилѣ переводныхъ и оригинальныхъ поученій славяно-русской литературы. Многочисленныя цитаты изъ св. Писанія, изъ святоотеческихъ твореній, глубокая вѣра въ силу обрядовъ высшаго христіанскаго идеала—монашества, сознаніе грѣховности, призывъ къ удаленію отъ всего, что противорѣчитъ христіанскому идеалу, дѣятельная жизнь и любовное отношеніе къ ближнимъ—вотъ существенныя черты Поученія Владиміра Мономаха, а съ нимъ и всей славяно-русской учительной литературы. Литература эта, какъ мы видѣли, отличается необыкновенной обширностью. Хранилищами ея сдѣлались многочисленные сборники, переходившіе и къ южнымъ славянамъ. Такъ напр. въ сборникѣ XIII в. южно-славянскій составитель внесъ и русское поученіе Кирилла Туровскаго. Сборники поученій переводныхъ и русскихъ назначались или для церковныхъ чтеній, или для домашняго употребленія свѣтскихъ людей. Таковъ, напримѣръ, Измарагдъ, дошедшій до насъ въ спискахъ, начиная съ XIV в. Но о немъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Нельзя не замѣтить о выдающемся значеніи разсмотрѣнной нами поучительной литературы перваго періода, т. ск. Кіевскаго, южно-русскаго, въ сравненіи съ которымъ поученія сѣверной Руси кажутся слабыми. Къ тому же проповѣдь въ XIV — XV вв. замираетъ. Одни южно-славянскіе писатели поддерживаютъ у насъ преданія византійскаго проповѣдничества, тогда

какъ русскіе писатели скрываются за псевдонимами, или дѣятельно составляютъ, измѣняютъ сборники поученій подъ названіями Златоустовъ, Измарагдовъ, Златыхъ Цѣпей и т. п. Несмотря на то, что эти сборники дошли до насъ въ различныхъ редакціяхъ не древнѣе XIV в., ихъ происхожденіе можетъ восходить и къ до—монгольскому времени, какъ и самыя произведенія, входящія въ нихъ относятся къ этому старому времени. Типъ Златоуста можно видѣть въ Успенскомъ сборникѣ XII в., въ сборникѣ Лаврскомъ XII в. и друг., а типъ Измарагда несомнѣнно восходитъ къ Изборнику 1076 г., въ чемъ можно убѣдиться по множеству сходныхъ статей, начиная съ поученія о пользѣ чтенія книгъ до словъ о вредѣ пьянства, бѣсовскихъ игръ, пѣсенъ и плясанья. Арх. Филаретъ въ „Обзорѣ русской духовной литературы“ (изд. 3, 1884 г., 47—51 стр.) къ русскимъ сочиненіямъ до—монгольскаго времени относитъ слѣдующія сочиненія поучительнаго характера неизвѣстныхъ авторовъ, изъ которыхъ мы съ большей или меньшей вѣроятностью отмѣчаемъ слѣдующія, приводя и выдержки изъ нихъ по рукописямъ.

Толкованіе молитвы Господней, подъ заглавіемъ: „Господь учяше ученики своя, како молитися. Се же есть молитва и съ толкомъ (замѣтимъ вообще обиліе краткихъ толковыхъ статей и словъ въ древне-русской литературѣ): „Отче нашъ“—сочиненіе, безъ сомнѣнія, русское. Здѣсь говорится о крещеніи Владиміра; между долгами—грѣхами, упоминаются „сварба, злопомнѣніе, рѣзоиманіе“; въ изъясненіи словъ: „но избави насъ отъ лукаваго“; говорится: „всего же есть горѣе изгойство взимати“. Къ этому слову объ изгойствѣ по сборнику XV в. архива Министр. Иностр. Дѣлъ можно добавить еще нѣсколько древне-русскихъ поученій и статей объ изгойствѣ (Срезневскаго: Свѣдѣнія и Замѣтки, LIX: Наставленіе ереямъ о покояніи съ замѣчаніемъ объ изгойствѣ). Въ большомъ наставленіи (правило св. отецъ соборныхъ) ереямъ о покаяніи говорится о пьянствѣ, о взиманіи неправедныхъ процентовъ, о рабахъ и пр.: „а еще накы и се горши всего, емлюще изгойство на искупающихся отъ работы“. Срезневскій отмѣтилъ и еще выраженіе: „аще кто емлеть куны на изгоевыхъ дѣтехъ, то обрящется продая кровь неповинную“. Слово о св. Климентѣ Римскомъ, при обновленіи Десятиннаго храма. Послѣдняя половина его напечатана въ Кіевлянинѣ (Москва, 1850 г., стр. 144—146; къ сожалѣнію у насъ нѣтъ подъ руками этого изданія). Похвала св. Козьмѣ и Даміану: „Похвалимъ, братья, благого Бога и вся его угодникы, иже съхраниша вся заповѣди Его... Побѣду испросяща у Христа правовѣр-

ному князю нашему, молитвою ваю вѣнчаита и силою препояшете его“ (Румянц. Музей XVI в. № 434).

Поученіе правыя вѣры душеполезно (Златая Чепь XIV в., напечатано въ Христоматіи Буслаева въ выдержкахъ. Тоже въ Синод. сборн. XVI в. № 321). Поученіе русское и древнее по складу. Замѣтимъ близость его къ словамъ Ѳеодосія Печерскаго и Владиміра Мономаха. Вотъ выдержки по рукописи Тр.-Серг. Лавры, № 11: „полунощи встах и исповѣмтися тобѣ аще царь сы седмимь днемь богу пѣл и полунощи встая молилъ, а толико печалій, толико ратій и отъ чужихъ и отъ своихъ и въ гоненіи; то каку муку мы имамъ пріяти во льготѣ живуще и лѣнящеся къ церкви и пропивающе вечернюю и заутренюю и часъ молитвы, что створиши человѣче безчинно и скаредно живый поганы нравы любя тѣхъ бо есть веселье, еже упиватися, а крестьянымъ егда отобѣдати, тогда и отпити, а ты сѣдиши весь день питьемь, ни орудій могый къ тому створити, ни тѣлесныхъ, ни душевныхъ, но все продая на питьи, душю и тѣло томя. Дивно бо есть по истинѣ въ часъ брашна наѣстись, а весь день погубити пьюще, мню яко ни безсловесные звѣріе и скоти ни Бога вѣдуще, ни суда чающе ни орудій житійскыхъ имуще... едино убо есть се: мнози хвалятъ ркуще: то есть не пьяница, оже упився а ляжеть спать, но иже толчется и бьется и сварится лаеть, аже (азъ же) покушаюся указати, яко и кроткый упиваяся, аще и спати ляжетъ и неудомѣваю, къ чему ми сего приложити: скотину ли и нарку, но того скотѣе, звѣря ли пророку, но того зверѣе и неразумнѣе“.

Большая часть этого поученія повторяется въ другомъ, извѣстномъ древне-русскомъ „Поученіи о пьянствѣ и пѣніи тропарей при чашахъ“ (издано Срезневскимъ въ Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ, LVIII, поученіе это неправильно приписывалось преп. Ѳеодосію Печерскому): „св. отцы не повелѣша трепарій пѣти всегда, но токмо въ нарочитыа праздникы, понеже трепарь плача не ражаетъ, аще и въ церкви поемъ въ трезвѣ умѣ“, и проч. Съ именемъ преп. Ѳеодосія Печерскаго слово это напечатано въ Ученыхъ Запискахъ II-го Отд. Акад. Наукъ.

О постѣ поученье: „Василей рече помпите слово Исаіи пророка—пе такого поста избрахъ, глаголеть Господь“. Здѣсь говорится: „мы же, братіе, яжьмы и піймы въ славу Божію уреченную мѣру, а неотригати нарою на олтарь Божій, — но да ся кормимъ многами тряпезами святыми книгъ, и разноличья многая и питья св. отецъ ученія и наказанія, то ти вы питье пьюче... се бѣсомъ

прогнаніе, се ангелу хранителю неотходное сблюденіе, сблюдающи насъ отъ всякоя козни сотонины и отъ пакостныя качици (ср. некошной—бѣсъ) и отъ проклятыя бѣса хороможителя" (т. е. домового). „Слово и откровенье св. апостолъ" издано по рукописи XVI в. въ Лѣтоп. рус. литер. III, 3—5. Здѣсь говорится противъ почитанія ложныхъ боговъ,—Перуна, Хорса, Дыя, Трояна, и иныхъ.

Еще, быть можетъ, рядъ небольшихъ словъ „о епископѣхъ и о попѣхъ, о князѣхъ, о друзѣхъ, о сусѣдѣ, о страсѣ, о челяди, о тайнѣ, о спѣхъ, о смиреніи, о храборствѣ" (Буслаевъ. Историч. Христ. 477—483 стр. и Пономарева: Памятники церковно—учительной литературы, вып. 3, стр. 109—110) относится къ до-монгольскому времени. Всѣ они находятся въ Златой Чепи XIV в. „Слова эти, говоритъ Буслаевъ, русскаго происхожденія, принадлежатъ къ лучшимъ памятникамъ нашей литературы XII—XIV вв." Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ небольшихъ словъ, близкихъ по направленію къ Поученію Владиміра Мономаха, и друг.: „попы же бѣльцы честите достоино.., то боле трехъ чашъ не нудите ихъ, но дайте ему волю да же ся и самъ напьетъ... а нельзѣ слоугъ Божіихъ до сорому поити, но съ поклономъ отпустити и благословеніе въземше отъ него"; „не отнимайте чужаго.. сусѣда же не обидите и не отъемлите земли его"; „Князю же земля вашея покоряйтеся.. и пріяйте ему головою своею и мечемь своимъ, аще добрѣ пріяете князю вашему и обогатѣеть земля ваша, аще кто отъ своего князя ко иному князю отъѣдеть, а достойну честь пріемля отъ него, то подобенъ есть Іюдѣ.. и вы сынове моя милыи не мозите пріяти чюжему князю, да не въ тоже зло впадете"; „чада моя милая еще вы глаголю; челядь свою кормити, якоже до сыти имъ, одѣвайте, обувайте, аще ли не кормите, не обуваете, а холопа твоего убьютъ у татьбы или робу, то за кровь его тобѣ отвѣщати, тѣмже набдите сироты своя во всемъ и учите я на крещеніе и на покаяніе и на весь законъ Божій;" „Сыну, егда на рать со княземъ идеши, и ты со храбрыми напереди ѣзди, да и роду своему чести добудеши и собѣ добро имя. Что бо того лѣплѣ, иже предъ княземъ умрети и робы же сыну путные чести и люби нереже да въ бѣдѣ и въ рати пособникы добры обрящеши". Еще полнѣе эти статьи (съ добавленіями: о монастыри, о женѣ второй) находимъ въ замѣчательномъ сборникѣ гр. Уваровой (бывшей Царскаго) XIV в., въ которомъ находятся почти всѣ поученія Кирилла Туровскаго, нѣкоторыя статьи Изборника 1076 г. и Изборника XIII в., Стословецъ патр. Геннадія, части Златоуста и Измарагда.

Въ заключеніе этого обзора древнѣйшей русской поучительной литературы нельзя не отмѣтить ея преобладающаго направленія. Прежде всего здѣсь мы должны отмѣтить зависимость древне-русскихъ проповѣдей отъ ихъ источниковъ: „Не послушахомъ, говоритъ еп. Серапіонъ Владимірскій, Еуангелья. Не послушахомъ Апостола. Не послушахомъ Пророкъ. Не послушахомъ свѣтилъ великихъ, рку: Василья и Григорья Богословца, Іоанна Златоуста"; „изъ какихъ книгъ се слышасте?" говоритъ тотъ же проповѣдникъ XIII в. въ другомъ поученіи. Такъ и Кириллъ Туровскій въ Словѣ на Вознесеніе Господне замѣчаетъ: „отъ боговдохновенныхъ скажемъ книгъ: мы бо слову нѣсмы творцы, но пророческихъ и апостольскихъ вълѣдующе глаголъ". Такимъ образомъ проповѣдникъ древней Руси пріучалъ своихъ слушателей къ чтенію св. книгъ, вызывалъ стремленіе къ образованію и самъ стоялъ во главѣ древне-русскаго образованія, какъ Иларіонъ, Кириллъ, Никифоръ и друг. Такое отношеніе къ источникамъ имѣло и свою невыгоду. Древне-русскія проповѣди смѣшивались въ сборникахъ съ переводными словами, имена авторовъ утрачивались, и личность древне-русскаго проповѣдника исчезала. Отсюда мы не знаемъ о собраніяхъ собственно древне-русскихъ проповѣдей, о сборникахъ словъ одного автора, какъ позднѣе митр. Даніила XVI в., Максима Грека, и др. Между тѣмъ Өеодосій Печерскій, Кириллъ Туровскій повидимому имѣли въ виду составить такіе сборники словъ для монашествующихъ, для цвѣтной тріоди, для поста, и проч. Еще одна черта характеризуетъ древнѣйшую русскую проповѣдь. Это разнообразіе ея видовъ: историческія слова (похвальныя и при погребеніи), истолковательныя (по поводу текущихъ событій, еще болѣе — по поводу праздниковъ), поучительныя и друг. Обличительныя слова на язычество также характеризуютъ древне-русскую проповѣдь. И вся эта проповѣдь до—Монгольскаго времени отражаетъ черты поученій новопросвѣщеннымъ людямъ, отличаясь отъ послѣдующей, съ которой сближается общимъ стремленіемъ подчинить жизнь русскаго общества и народа руководству церковному, христіанскому, даже аскетическому. Насколько это направленіе достигало своей цѣли мы можемъ судить по Поученію Владиміра Мономаха, по лѣтописнымъ извѣстіямъ о благочестіи князей, княгинь и высшаго общества. Житія русскихъ святыхъ свидѣтельствуютъ также о подчиненіи сильныхъ древне-русскаго міра церковному нравственному авторитету, требованіямъ и наставленіямъ монашества и высшаго духовенства. Какъ рѣдкія исключенія встрѣчаются сопротивленія

пасомыхъ пастырямъ, напр. въ Новгородѣ, въ Смоленскѣ, не говоря уже о простомъ народѣ, отстаивавшемъ старое язычество, хотя бы въ чужой инородческой формѣ (сѣверные финскіе волхвы и др.). Отсюда и самая проповѣдь пріобрѣтала въ древней Руси жизненное значеніе и дѣлалась строже: такова она въ устахъ еп. Серапіона Владимірскаго и друг. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ пока крайне необходимаго пересмотра всѣхъ безымянныхъ русскихъ поученій, которыя такъ живо изображаютъ недостатки русскаго народа, начиная съ пьянства, разгула до преступленій.

Древне-кіевскія сказанія о Печерскомъ монастырѣ и о его подвижникахъ. Монастырскія лѣтописи, Несторъ лѣтописецъ и др. Житія святыхъ мниха Іакова и Нестора. Посланія Симона и Поликарпа. Другія древне-русскія сказанія о святыхъ и святыняхъ (кіевскія, смоленскія, новгородскія, ростовскія). Переводныя житія св. въ Патерикахъ и въ Прологѣ.

III.

Еще болѣе чѣмъ нравственно-поучительная и ораторская литература развилась въ древней Руси историческая письменность, въ которой мы находимъ два главныхъ вида: житія святыхъ и лѣтописи. Литература житій русскихъ святыхъ, возникшая въ XI вѣкѣ, тянется непрерывно до XVIII в., отражая въ себѣ преимущественно монастырскія преданія. Кіево-Печерскій монастырь въ XI и XIII вѣкахъ имѣетъ первенствующее значеніе въ исторіи возникновенія и процвѣтанія этой литературы, какъ и въ исторіи возникновенія и развитія самого монашества въ древней Руси. Мало того, съ Кіево-Печерскимъ монастыремъ связаны и первые труды собственно исторической дѣятельности, выразившейся въ лѣтописаніи въ т. н. Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Говоря о Печерскомъ монастырѣ, о его литературной дѣятельности, мы должны начать именно съ древнерусской лѣтописи, выдѣливъ изъ ея всѣмъ извѣстнаго свода XII вѣка (дошло до насъ въ спискахъ не древнѣе конца XIV вѣка) сказанія о началѣ древнерусскаго монашества, о первыхъ подвижникахъ, о монастыряхъ, о церквахъ и святыняхъ монастырскихъ. Первое извѣстіе о знаменитомъ насадителѣ русскаго монашества, объ Антоніѣ Печерскомъ, мы находимъ подъ 1015 г. Когда въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи говорится и объ Антоніѣ рядомъ къ общими свѣдѣніями

о смерти в. кн. Владиміра, который характеризуется выдержками изъ его житія, о мученической смерти князей Бориса и Глѣба, сыновей Владиміра, которые становятся первыми русскими святыми и которымъ вскорѣ же назначается день праздноства, съ похвалами и житіями. Затѣмъ, подъ 1017 г. въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи сообщается о приходѣ Антонія изъ Царяграда; подъ 1018 г. и 1030 г. приводятся общія свѣдѣнія о польскомъ королѣ Болеславѣ и о св. Моисеѣ Угринѣ, который былъ взятъ въ плѣнъ, подвергся мученичеству въ Польшѣ и возвратился въ Кіево-Печерскій монастырь по смерти Болеслава. Подъ 1034 г. говорится о Ѳеодосіѣ, Антоніѣ и Никонѣ. Краткія свѣдѣнія эти заимствованы лѣтописцемъ изъ недошедшаго до насъ житія Антонія Печерскаго, которымъ пользовались, однако, до XIV в. и лѣтописецъ печерскій и составители житій кіево-печерскихъ святыхъ до Ѳеодосія и послѣ него. *) Только повидимому знаменитый инокъ Несторъ, авторъ житій Бориса и Глѣба, Ѳеодосія Печерскаго и, по довольно основательному преданію Ѳеодосьева монастыря,—авторъ печерской лѣтописи, отсюда прозванный Несторомъ лѣтописцемъ, не зналъ этого житія Антонія, или не пользовался имъ. Долгое время, какъ извѣстно, въ русской наукѣ приписывали этому Нестору всю древнѣйшую русскую лѣтопись отъ начала ея до 1110 г., подъ которымъ въ древнемъ Лаврентьевскомъ спискѣ и др. стоитъ приписка Сильвестра игумена Кіево-Михайловскаго монастыря и съ котораго начинается различіе въ разныхъ спискахъ лѣтописей. Но теперь можно также возстановлять недошедшую до насъ печерскую лѣтопись Нестора, какъ приходится возстановлять отрывки житія Антонія Печерскаго.

Такъ, вѣроятно, иноку Нестору принадлежитъ слѣдующее лѣтописное сказаніе 1037 г. о началѣ монастырской жизни въ Кіевѣ

---

*) Въ Печерскомъ Патерикѣ т. н. Іоанновской редакціи (напр. по списку Кіево-Печ. Лавры 1554 г.) находимъ сказаніе Нестора мниха иной редакціи сравнительно съ лѣтописной статьей 1051 г. „Въ княженіе самодержца русскія земли в. кн. Владиміра Святославича.. бысть нѣкій благочестивый мужъ отъ града Любеча.. и възложи господь сему ити въ страну греческую.. и въ св. гору дойде". И далѣе подробно разсказывается объ Антоніи до княженія Ярослава I. При Святополкѣ Антоній бѣжалъ снова въ св. гору и воротился при Ярославѣ. Разсказъ далѣе сливается съ лѣтописнымъ повѣствованіемъ 1051 г. Такимъ образомъ мы имѣемъ двѣ редакціи сказанія Нестора: одну, составленную по житію Антонія, другую, пріуроченную къ княженію Ярослава. Вторая редакція могла вытекать изъ первой, составлять ея переработку.

при Ярославѣ, о значеніи книжнаго ученія и мудрости, обрѣтаемой въ книгахъ. Лѣтописецъ говоритъ о храмахъ, заложенныхъ въ Кіевѣ Ярославомъ, и, между прочимъ, о двухъ монастыряхъ св. Георгія и св. Ирины... „и черноризцы поча (начаша) множитися, и монастыреве почаху (починаху) быти". Разсказывая о переводахъ съ греческаго на славянскій языкъ, о списываніи книгъ при Ярославѣ, лѣтописецъ прибавляетъ слѣдующую похвалу книжному ученію, которая характеризуетъ Нестора и въ другихъ его трудахъ: „Ярославъ, сынъ Володимерь, насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемь, ученіе приемлюще книжьное. Велика бо польза бываеть человѣку отъ ученія книжнаго: книгами-бо кажеми и учими есми пути покаянію, и мудрость бо обрѣтаемь и вздержаніе отъ словесъ книжныхъ. се бо суть реки напаяющи вселенную всю, се суть исходящи мудрости; книгамъ бо есть неищетная глубина, сими бо есми въ печали утѣшаемы есмы, си суть узда вздержанію... Аще поищеши въ книгахъ мудрости и прилежно, то обрящеши великую ползу души своей; иже бо часто кто чтеть книги, то бесѣдуеть съ Богомъ, или святыми мужьми; почитая пророчьскыя бесѣды, еуангельскія ученія и апостольская, и *житья святыхъ отець*, и восприемлеть душа ползу велику".

И слѣдующая большая статья въ Лѣтописи, подъ 1051 г., съ опредѣленнымъ заглавіемъ—„чего ради прозвася Печерскый манастырь„—имѣетъ въ основаніи трудъ Нестора лѣтописца, но соединяетъ его съ житіемъ Антонія. Отсюда объясняются противорѣчія нѣкоторыхъ важныхъ свидѣтельствъ этой статьи съ обширнымъ житіемъ Ѳеодосія, написаннымъ Несторомъ. Такъ первая пещера, по этому сказанію, выкопана Иларіономъ, а, по другимъ свѣдѣніямъ монахи воспользовались уже готовыми пещерами, выкопанными варягами. Но главнѣйшія противорѣчія заключаются въ слѣдующемъ. По житію Ѳеодосія Несторъ принятъ въ монастырь при преемникѣ Ѳеодосія—игуменѣ Стефанѣ, а по лѣтописной статьѣ, „что ради зовется Печерскій монастырь" авторъ 17-ти лѣтъ принятъ самимъ Ѳеодосіемъ. Конечно свидѣтельство житія Ѳеодосія, дошедшаго до насъ въ древнихъ спискахъ съ XII в., передаетъ неискаженное чтеніе. Затѣмъ, по лѣтописной статьѣ, студійскій монастырскій уставъ Ѳеодосій получилъ въ Кіевѣ отъ грека—инока Михаила, пришедшаго изъ Греціи съ митр. Георгіемъ, а по житію Ѳеодосія за студійскимъ уставомъ игуменъ послалъ одного изъ печерской братіи въ Константинополь, гдѣ уставъ былъ исписанъ и посланъ Ѳеодосію. По лѣтописи самъ Ѳеодосій перевелъ уставъ и отъ него

приняли студійскій уставъ всѣ русскіе монастыри. Мы остановимся на этомъ уставѣ при изложеніи труда Нестора.

Теперь же замѣтимъ, что еще до большой лѣтописной статьи 1074 г.—о успеніи Ѳеодосія—къ монастырскимъ записямъ можно отнести слѣдующія сказанія: о побѣдѣ Половцевъ 1068 г. съ выпиской поученій изъ Златоструя, приписываемаго Ѳеодосію Печерскому, о бѣсовскихъ наученьяхъ подъ 1071 г., проявленныхъ волхвами и обличенныхъ Яномъ Вышатичемъ—въ Кіевѣ, въ Ростовской землѣ, на Бѣлоозерѣ и въ Новгородѣ. Объ этомъ Янѣ, погребенномъ въ Печерскомъ монастырѣ въ 1106 г., лѣтописецъ Печерскій замѣтилъ слѣдующее: 1106 г. „преставися Янъ, старець добрый, живъ лѣтъ 90, въ старостѣ маститѣ; живъ по закону Божію, не хужій первыхъ праведникъ, у него же азъ слышахъ многа словеса, яже вписахъ въ лѣтописецъ". Этотъ тысяцкій воевода Кіевскій, одинъ изъ смысленыхъ мужей, Янъ, и его жена Яневая были близки къ Ѳеодосію Печерскому, посѣщавшему ихъ домъ съ любовью за ихъ примѣрную, согласную и христіанскую жизнь,—почему и гробъ жены Яна находился также въ Печерскомъ монастырѣ близъ гроба Ѳеодосія. Янъ могъ также сообщить Нестору и другимъ его современникамъ—лѣтописцамъ, по преданію и какъ самовидецъ, многое и изъ свѣтскихъ дѣяній, какъ узналъ Несторъ отъ старыхъ монаховъ о жизни Ѳеодосія и его современниковъ,—о чемъ говоритъ самъ въ житіи Ѳеодосія.

Подъ 1072 г. находится выдержка изъ житія мниха Іакова о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба. Подробности этого описанія такъ живы, что мниха Іакова можно признать очевидцемъ, и писалъ онъ житіе Бориса и Глѣба послѣ 1072 г. Подъ 1074 г. въ лѣтописи подробно разсказывается о преставленіи Ѳеодосія Печерскаго и о выборѣ братіей, при жизни еще Ѳеодосія, игуменомъ Стефана, не смотря на выраженное желаніе самого Ѳеодосія поставить игуменомъ Якова прозвутера. Братьи же не „любо бысть, глаголюще: яко не здѣ есть постриглся, бѣ бо Іаковъ пришелъ съ Летьца, съ братомъ своимъ Павломъ". Ѳеодосій любилъ и держалъ въ своей кельѣ людей книжныхъ: великаго Никона,—третьяго игумена послѣ Ѳеодосія, Иларіона и др. Поэтому Іакова презвитера можно отождествить съ мнихомъ Іаковомъ, авторомъ Похвалы Владиміру и Ольгѣ и житій Бориса и Глѣба. Несторъ пользовался около 1088 г. для составленія своего чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ трудомъ Іакова особенно въ отдѣлѣ чудесъ и перенесенія мощей.

Подъ 1074 г. въ лѣтописи находится обширная статья объ успеніи Θеодосія и о четырехъ первыхъ черноризцахъ Печерскихъ: Дамьянѣ, Іереміи, который помнилъ крещеніе Русской земли, Матθеѣ прозорливомъ и Исаакіѣ [1]). Послѣдніе два пережили Θеодосія. Несторъ упоминаетъ въ житіи Θеодосія только Дамьяна. Если статья 1074 г. составлена Несторомъ, то уже послѣ житія Θеодосія, написаннаго до открытія мощей Θеодосія и похвала ему написаны Несторомъ, какъ самовидцемъ. [2]) Конецъ жизни Θеодосія и первые годы послѣ его смерти были омрачены распрями Ярославичей и печерской братіи изъ—за выбора игумена. Избранникъ самой братіи, утвержденный умиравшимъ Θеодосіемъ, былъ изгнанъ изъ печерскаго монастыря вскорѣ послѣ смерти Θеодосія. Изгнанный в. кн. Изяславъ Ярославичъ воротился въ Кіевъ, но на другой же годъ (1078)

[1]) Въ житіи Агапита лѣчца читаемъ: „якоже блаженый Нестеръ въ лѣтописцѣ написа о блаженныхъ отцѣхъ: о Дамьяци, Уеремѣи и Матфеѣ и Исакіи. Въ житіи св. Антонія вся житіа ихъ вписана суть, аще и вкратцѣ речена". Интересное житіе черица Исакія состоитъ въ слѣдующемъ. До поступленія въ монастырь, онъ былъ богатымъ купцомъ (по имени Чернь, изъ Торопца). Рѣшившись сдѣлаться монахомъ онъ роздалъ свое имѣніе нищимъ и монастырямъ. Будучи принятъ въ печеру вел. Антоніемъ, онъ сталъ вести жизнь строгую, одѣлся во власяницу, потомъ купилъ себѣ козла, содралъ съ него кожу, надѣлъ ее на себя поверхъ власяницы, и кожа засохла на немъ. Затворился онъ въ маленькой келейкѣ локтя въ 4, и тутъ молился. Пищей ему была одна просфора и то черезъ день, а пилъ онъ воду и той мало. Приносилъ ему это вел. Антоній, подавая черезъ окошечко, куда рука едва проходила. Такъ прожилъ онъ 7 лѣтъ, не выходя на свѣтъ, не ложась на ребра, спя сидя и то мало... Измученный бѣсами, соблазнившими Исакія пляской и всякой музыкой, онъ заболѣлъ, перенесенъ былъ Θеодосіемъ въ его келію, и проболѣлъ 2 года; а затѣмъ опять сталъ жить въ печерѣ, какъ жилъ прежде. По смерти Θеодосія Исакій началъ юродствовать, досаждая то игумену, то братіи, то и мирянамъ, такъ что его и били за это. Онъ собиралъ дѣтей и одѣвалъ ихъ по-монашески, за что били его родители. Но терпѣливо сносилъ Исакій побои, какъ наготу и холодъ. Изъ чудесъ его разсказано терпѣніе на огнѣ въ печи. Сказаніе это внесено въ Повѣсть врем. лѣтъ и въ древній Патерикъ Печерскій. Многое разсказывали объ Исакіи, а иное видѣлъ самъ Несторъ (Срезневскій: Свѣдѣнія, LXXXVII).

[2]) Объ этой похвалѣ и словѣ Нестора мы говорили уже въ предыдущей II гл. Списокъ, найденный арх. Леонидомъ („Два памятника", и проч., 1890 г.), важенъ по прямому свидѣтельству о сочиненіи Нестора: „и азъ грѣшный Несторъ сподобленъ быхъ и первіе самовидѣцъ святыхъ его мощей, по повелѣнію игумению" (стр. 10). Въ лѣтописи, подъ 1091 г., Слово Нестора приведено въ сокращеніи.

былъ убитъ въ битвѣ на Нѣжатинѣ нивѣ. Вотъ почему печерскіе авторы—монахи съ особенной любовью воскрешали въ 70, 80 и 90 годахъ XI вѣка примѣры братолюбія князей и добродѣтельнаго житія иноковъ въ послушаньихъ. „Таци же бѣша черноризци Ѳедосьева монастыря, иже сіяють и по смерти яко свѣтила, и молять Бога за здѣ сущюю братію, и за приносящія в монастырь и за мирьскую братію“. Конецъ XI и начало XII в. до конца „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, т. е. до 1110, или, можетъ быть, правильнѣе до 1116 г., отмѣчены въ лѣтописи постоянными упоминаніями о Печерскомъ монастырѣ. Разсказъ о смерти в. кн. Изяслава, сочувственная его характеристика и размышленія лѣтописца связаны съ монастырскимъ преданіемъ о борьбѣ Ѳеодосія съ Святославомъ изъ—за Изяслава, на чемъ мы подробно остановимся при разсмотрѣніи житія Ѳеодосія. Подъ 1093 г. преставившійся в. кн. Всеволодъ, какъ и Ярославъ I, восхваляется за то что „излиха же любляше черноризцѣ и подаваше требованье имъ“.

Подъ 1096 г. Печерскому лѣтописцу пришлось описать нападеніе Половцевъ съ ихъ ханомъ Бонякомъ на монастырь: „намъ сущимъ по кѣльямъ почивающимъ, говоритъ лѣтописецъ, по заутрени, и кликоша около монастыря, и поставиша два стяга предъ вороты монастырьскыми, намъ же бѣжащимъ за домъ монастыря, а другымъ убѣгшимъ на полатѣ; безбожніи же сынове Измаилеви (съ Бонякомъ безбожнымъ, шолудивымъ, хыщникомъ) высѣкоша врата монастырю и устрѣмишася по кѣльямъ ...изношаху еже аще обрѣтаху у кѣльи“. Половцы зажгли и церковь и княжескій красный дворъ и убили нѣсколько человѣкъ братіи, не успѣвшей скрыться. Это страшное событіе вызвало у печерскаго лѣтописца множество воспоминаній: онъ вспомнилъ по сочиненіямъ: (т. н. Откровенію) Меѳодія Патарскаго VII в. о концѣ міра, о нечистыхъ человѣкахъ, заклепанныхъ въ горѣ Александромъ Македонскимъ, о разсказахъ Гюряты Роговича Новгородца, о дикомъ народѣ въ горахъ, наконецъ тутъ же въ Лаврентьевскомъ спискѣ Лѣтописи вставлено Поученіе Владиміра Мономаха дѣтямъ и Посланіе къ Олегу по поводу смерти сына Мономаха. Очевидно, для печерскаго лѣтописца монаха (предположимъ опять Нестора) это выдающеся изъ ряда вонъ страшное событіе было очень тяжело и памятно. Съ этого времени всѣ послѣдующіе походы на Половцевъ начинаются въ лѣтописи не иначе, какъ „вложи Богъ въ сердцѣ русскимъ князьямъ.“ Отправляясь въ походъ кіевскіе князья молятся у гроба Ѳеодосія, монахи привѣтствуютъ съ цѣлованіемъ возвра-

щающихся князей—побѣдителей половцевъ (1107 г.). Подъ 1110 г. послѣ того, какъ Ѳеодосій внесенъ былъ въ синодики всѣхъ русскихъ церквей, лѣтописецъ говоритъ о знаменіи въ Печерскомъ монастырѣ: 11 февраля явился огненный столбъ отъ земли до неба и былъ слышенъ громъ, и молнія освѣтила весь міръ въ 1 часъ ночи. Лѣтописецъ подробно разъясняетъ, что это явился ангелъ въ помощь русскимъ князьямъ на поганыхъ. Побѣды Владиміра Мономаха въ первой четверти XII в. ободряли монастырскихъ лѣтописцевъ. Извѣстна краснорѣчивая лѣтописная характеристика Мономаха подъ 1026 г. „преставися благовѣрный Князь Христолюбивый и великой Князь всея Руси Володимерь Мономахъ, иже просвѣти Рускую землю, акы солнце луча пущая; его же слухъ произыде по всимъ странамъ, наипаче же бѣ страшенъ поганымъ, братолюбець, и нищелюбець, и добрый страдалець за Рускую землю“.

Такова была Печерская монастырская лѣтопись, составленная нѣсколькими лѣтописцами, среди которыхъ особенно выдавался Несторъ, какъ авторъ житія Ѳеодосія и сказаній о немъ, составлявшихъ лучшую часть монастырской лѣтописи. Вѣроятно, Несторъ лѣтописецъ составилъ часть Печерской лѣтописи, по слѣдамъ уже предшествующаго лѣтописца, по устнымъ преданіямъ, по греческимъ хроникамъ (можетъ быть, въ южнославянскихъ переводахъ): въ родѣ Георгія мниха Амартола и др. Ученый монахъ—лѣтописецъ, мастеръ въ литературномъ изложеніи, могъ воспользоваться и безхитростными трудами, въ видѣ лѣтописныхъ краткихъ отмѣтокъ въ *пасхальныхъ таблицахъ*, въ *памянникахъ—синодикахъ*.

Первоначальныя записи, первоначальные своды, даже нѣкоторыя сочиненія не дошли до насъ и сохранились или въ позднѣйшихъ передѣлкахъ, или въ краткихъ извлеченіяхъ. Такъ не дошло до насъ замѣчательное житіе св. Антонія Печерскаго, на которое ссылаются въ первой половинѣ XIII в. составители житій печерскихъ угодниковъ, Симонъ и Поликарпъ, не дошли до насъ въ полномъ первоначальномъ видѣ и труды Нестора лѣтописца и его сотрудниковъ по Печерской лѣтописи. Только Житія кн. Бориса и Глѣба и преп. Ѳеодосія Печерскаго, можно сказать, почти сохранились въ спискахъ XII—XIV вв. въ томъ видѣ, какъ вышли изъ подъ пера Нестора. Передѣлыватели Нестора лѣтописца, и др., примирявшіе произвольно противорѣчія разныхъ источниковъ и пособій, внесли давно уже замѣченныя противорѣчія въ свидѣтельствахъ о личности Нестора и о другихъ событіяхъ въ начальной исторіи Печерскаго монастыря. Такъ подробности Житія св. Анто-

нія (1072 или 1073 г.), соединявшія многія явленія въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ съ инціативой Антонія, встали въ противорѣчіе съ Житіемъ Ѳеодосія, относившимъ эти же явленія къ своему дѣятелю. Къ противорѣчіямъ приводило позднѣйшихъ редакторовъ лѣтописи и Кіево-Печерскаго патерика стремленіе ввести хронологію въ начальную исторію Печерскаго монастыря. Заканчивая Житіе Ѳеодосія, Несторъ далъ слѣдующія автобіографическія подробности: составляя впервые житіе Ѳеодосія, въ видѣ „повѣсти слова", пользуясь устными преданіями старцевъ монастырскихъ и своей литературной начитанностью въ житіяхъ св. (въ южнославянскихъ и въ русскихъ переводахъ), 30 лѣтній Несторъ поступилъ въ Печерскій монастырь 17 лѣтъ при игуменѣ Стефанѣ (съ 1074 или 1075 г.). Значитъ, Несторъ родился около 1057 г. При игуменѣ Стефанѣ, послѣ обязательнаго искуса въ монастырской службѣ (быть можетъ, протекавшаго еще при Ѳеодосіи). Несторъ принялъ постриженіе, сподобился мнишеской одежды и наконецъ возведенъ былъ въ дьяконскій санъ. Монастырское ученье и литературная дѣятельность, благодаря извѣстнымъ литературнымъ трудамъ самого Ѳеодосія, стояли настолько высоко въ послѣдней четверти XI в., что молодой дьяконъ Несторъ могъ подготовиться къ двумъ крупнымъ трудамъ своимъ, написаннымъ между 1079 г. и 1088 г. „о житіи и о убіеніи и о чюдесехъ св. Бориса и Глѣба" и между 1088 и 1091 гг. „О житіи преп. отца нашего Ѳеодосія Игумена Печерскаго". Въ 1091 г. инокъ Несторъ участвовалъ въ открытіи мощей Ѳеодосія и подробно описалъ, какъ самовидецъ это монастырское торжество, слухъ о которомъ быстро разошелся по Руси. Составляя въ концѣ XI ст. сказаніе о перенесеніи мощей Ѳеодосія съ краткой похвалой святому, Несторъ составилъ также „сказаніе, чего ради прозвася Печерскый монастырь." Въ дошедшемъ до насъ лѣтописномъ сводѣ это сказаніе, подъ 1051 г., имѣетъ противорѣчивое заключеніе о приходѣ автора 17 лѣтъ къ самому Ѳеодосію,--что объясняютъ теперь опущеніемъ подробности объ игуменѣ Стефанѣ,—преемникѣ Ѳеодосія, искусственнымъ раздѣленіемъ въ лѣтописи подробностей о Ѳеодосіи подъ 1051 и 1074 гг. Жизнь Ѳеодосія, написанная Несторомъ, даетъ единственное полное жизнеописаніе писателя древней Руси, исключая в. кн. Владиміра Мономаха, личность котораго довольно отчетливо вырисовывается, какъ въ его поученіи дѣтямъ, такъ и въ посланіи къ кн. Олегу и въ многочисленныхъ подробностяхъ лѣтописи. Если Несторъ умеръ въ старости (предполагаютъ около 1116 г.), то, конечно, онъ жилъ въ княженіе Владиміра Мономаха и не оставлялъ своей блиста-

тельно начатой литературной дѣятельности въ это мирное и благопріятное для литературнаго развитія княженіе въ Кіевѣ в. кн. Владиміра Мономаха.

Рядомъ съ Несторомъ, отчасти какъ бы его предшественникомъ во второй половинѣ XI в., является печерскій же „мнихъ Іаковъ", авторъ „Сказанія о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ" (списки съ XII в.) и житія блаженнаго князя Владиміра, подъ названіемъ „Память и Похвала". Не останавливаясь на содержаніи этихъ сочиненій, мы отмѣтимъ начитанность мниха Іакова, или его продолжателя, ссылающагося въ житіяхъ Бориса и Глѣба на книгу „Увѣріе Іоанна Дамаскина", подъ которымъ надо понимать Богословіе Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна Экзарха Болгарскаго. Собственно о личности своей Іаковъ говоритъ только въ Памяти и Похвалѣ Владиміру: упомянувъ о писаніяхъ апостоловъ и о житіяхъ и мученіяхъ многихъ святыхъ „такоже и азъ худый мнихъ Іаковъ, слышавъ отъ многыхъ о благовѣрнемъ князе Володимере всея русскыя земля, о сыну Святославлѣ и мало събравъ отъ многыя добродѣтели его, написахъ, и о сыну его, реку же святую и славную мученика Бориса и Глѣба", а въ этомъ послѣднемъ житіи, начинающемся словами „Родъ правыихъ блгословиться, рече пророкъ, и сѣмя ихъ въ блгословеніи боудеть сице убо бысть маломъ преже сихъ лѣтомъ. сущю самодерьжцю вьсѣй Руськѣй земли Володимиру сыну Святославлю внуку же Игореву, иже и святымь крщениемь просвѣти всю землю Рускую. прочая же его добродѣтели индѣ скажемъ. нынѣ же нѣсть время". Въ дошедшую до насъ редакцію житія св. Владиміра входитъ древнее житіе его, извѣстное по спискамъ XVI в., представляющее какъ бы черновую какого-то труда, въ родѣ стройной работы мниха Іакова. Здѣсь мы видимъ безсистемный наборъ похвальныхъ выраженій и фактическихъ данныхъ. Тутъ есть и общее съ лѣтописью и противорѣчія — еще болѣе замѣчательныхъ дополненій. Авторъ древняго житія не могъ описать чудесъ, сотворенныхъ по смерти Владиміра (? не это ли значитъ— „того стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ", т. е. гробъ его былъ утраченъ), хотѣлъ представить рѣзкую разницу между жизнью Владиміра язычника и Владиміра христіанина (и плакашеся блаженный князь Владиміръ всего того, елико сътвори въ поганьствѣ). Если это не былъ лѣтописецъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ владѣлъ драгоцѣнными историческими матеріалами изъ времени в. кн. Владиміра I. Поздніе списки Похвалы Владиміру (съ XVI в.), рядомъ съ которыми, существуютъ и древ-

нія житія Владиміра, составленныя въ XII—XIII вв., не дають возможности заключать о литературныхъ особенностяхъ труда Іакова, которыя выступаютъ только въ житіи Бориса и Глѣба. Несмотря на стройное изложеніе своего труда авторъ Сказанія не разъ высказываетъ боязнь „многописанія“ и, оставляя множество побочныхъ историческихъ свѣдѣній, держится изложенія главнаго предмета, украшая его поэтическими плачами и обычными разговорами дѣйствующихъ лицъ. Оплакивая отца, Борисъ, между прочимъ, говоритъ: „что бо пріобрѣтоша преже братія отца моего, или отецъ мой. гдѣ бо ихъ житіе и слава міра сего. и багряница и брачины. сребро и золото. вина медове (и) брашна честная. и быстрии кони и домове красьнии велиции. имѣнія многа и дани и чести бещисленныя. и гордѣния яже о болярѣхъ своихъ. Уже все се имъ акы не было николи же (яко нѣсть имъ было никогда). вся съ ними ищезоша. и нѣсть помощи ни отъ кого же сихъ. ни отъ имѣнія, ни отъ множества рабъ. ни отъ славы мира сего“. *) Такія размышленія привели въ Печерскій монастырь въ концѣ XI в. знатнаго боярскаго сына, инока Варлаама, при Θеодосіѣ и позднѣе, въ первой половинѣ XII в., князя Николая Святошу Черниговскаго, владѣльца порядочной по тому времени библіотеки книгъ. Несторъ книголюбецъ въ житіи Бориса съ любовью отмѣчаетъ, что „блаженный Борисъ.. взимаше книгы и чтяше. бяше бо и грамотѣ наученъ. чтяше же житія и мученія святыхъ“. И Несторъ самъ дѣлаетъ въ своемъ трудѣ многочисленныя выписки изъ житій Плакиды, Романа и изъ другихъ сочиненій. Іаковъ, избѣгая многоглаголанія, больше касается размышленій и дѣйствій своихъ героевъ. Поэтому Борисъ у него „помышляшеть мученіе и страсть св. Никиты и св. Вячеслава“, поетъ вечерню, и послѣ тревожнаго сна съ страшными мыслями, встаетъ, отправляетъ заутреню; поетъ псалтырь, молится, разговариваетъ съ отрокомъ и попиномъ, и проч. Іаковъ владѣлъ большимъ талантомъ лѣтописателя или, точнѣе, историческаго повѣствователя, но съ большей любовью входилъ во внутреннюю жизнь своихъ героевъ. Глѣбъ обращается къ своимъ убійцамъ, догонявшимъ его кораблецъ въ ладьяхъ: „не пожнѣте мене

---

*) Эти выраженія и форма ихъ напоминаютъ поученія Ефрема Сирина: „что пользы доставили намъ концы міра? Гдѣ отецъ, родившій насъ? Гдѣ матерь, произведшая насъ на свѣтъ? Гдѣ братья? Гдѣ дѣти? Гдѣ друзья? Гдѣ богатство? Гдѣ имѣніе? Гдѣ людская молва? Гдѣ пиры“? и т. д. (см. напр. Сахаровъ: Эсхатологическія сочиненія, 1879 г.).

отъ житія несъзрѣла. ни пожнѣте класа не уже съзрѣвша. но млеко безлобия носяща. не порѣжете лозы не до конца възрастъшия а плодъ имущи“, и проч. Описаніе чудесъ св. при житіи ихъ принадлежитъ, по всей вѣроятности, уже продолжателю мниха Іакова, жившему въ началѣ XII в. (послѣ 1113 г.).

Въ трудѣ Нестора съ его многочисленными отступленіями, цитатами, искусственными вступленіями, замѣчательно заключеніе житія: „видители братие, коль высоко покореніе еже стяжаста святая къ старѣйшему брату... мнози бо суть нынѣ (относится къ событіямъ 1078 и 1079 гг. по лѣтописи) дѣтьскы Князи не покоряющеся старѣйшимъ и супротивящеся имъ и убиваеми суть“. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ и въ лѣтописи поэтически описана смерть молодыхъ князей Глѣба Святославича въ Заволочьи, Бориса Вячеславича на Нежатиной нивѣ и Романа Святославича въ Половецкомъ полѣ. „Ти, говоритъ Несторъ, не суть такой благодѣти сподоблени, якоже святая сія. Яко что бо святую сею чюднѣе, еже въ такой чьти и въ такой славѣ ти тако покорение имуща якоже и на смерть предастася. Мы же не мало имамъ покорения къ старѣйшимъ, нъ овогда прекы глаголемъ имъ. овъгда же укаряемъ я. многаждыже супротивимся имъ“. И Несторъ, отмѣтившій свое имя въ концѣ „чтенія о житіи и о погубленіи и о чюдесехъ св. страстотерпецъ“ и Іаковъ, предположительно называемый авторомъ Сказанія о страстотерпцахъ своими трудами, пріобрѣтшими популярность въ лѣтописяхъ, въ прологахъ и минеяхъ и во множествѣ другихъ древне-русскихъ сборниковъ, утвердили живые примѣры братолюбія и святости молодыхъ князей, о которыхъ стали пѣть впослѣдствіи и въ народныхъ духовныхъ стихахъ. Нечего и говорить о популярности этихъ русскихъ мучениковъ—князей, которые сдѣлались патронами князей въ ихъ походахъ, цѣлителями недуговъ въ многочисленныхъ храмахъ, воздвигнутыхъ во всей древней Руси въ ихъ память. О чудесахъ ихъ мы еще скажемъ ниже.

Искусно и пространно составилъ также Несторъ и „Житіе преп. отца нашего Θеодосія игумена Печерскаго“. Во вступленіи, въ „начаткѣ слову“ онъ выставилъ цѣлью своего труда „да и по насъ сущіи черноризьци, приимше писаніе почитающе, ти видяще мужа доблесть въсхвалять бога и угодьника его прославляюще на прочія подвиги укрѣпляються наипаче же яко и въ странѣ сей такъ сій мужь явися“. Съ большимъ смиреніемъ и обычнымъ самоуничиженіемъ, съ молитвой приступаетъ Несторъ къ своему труду, въ которомъ пользуется, какъ показываютъ новѣйшія сравненія, жи-

тіемъ Саввы Освященнаго, которое, по всей вѣроятности, было переведено уже въ XI в. Самъ Несторъ указываетъ иногда на свои источники и образцы: „якоже пишеться таково о св. и велицѣмь Савѣ“, „якоже пишеть въ отьчьскыихъ книгахъ“, „якоже, и о св. и велицѣмь Антоніи пишеться“. И, дѣйствительно, указано много сопоставленій и примѣненій изъ различныхъ греческихъ житій, какія Несторъ внесъ въ свой трудъ о жизни Ѳеодосія. Тѣмъ не менѣе, трудъ этотъ имѣетъ неоспоримыя историко-литературныя достоинства: онъ знакомитъ насъ съ бытомъ, съ нравами, съ воззрѣніями той отдаленной эпохи довольно отчетливо обрисовываетъ высокій нравственный обликъ Ѳеодосія и вмѣстѣ съ тѣмъ касается въ связи съ жизнью Ѳеодосія жизни его современниковъ, исторіи Печерскаго монастыря. Поэтому я считаю необходимымъ прослѣдить хотя нѣкоторыя событія изъ жизни Ѳеодосія и отмѣтить литературные пріемы Нестора.

Жизнь Ѳеодосія, до поступленія въ Печерскій монастырь, протекаетъ вблизи Кіева: въ Василевѣ, въ Курскѣ. Здѣсь онъ учится у учителя и съ дѣтства предается тяжелымъ духовнымъ подвигамъ, несмотря на суровое и жестокое прещеніе со стороны матери—богатой женщины и насмѣшки знатныхъ сверстниковъ. Два раза неудачно пытается тайно удалиться изъ дому — съ паломниками въ св. Землю и къ какому-то священнику. Наконецъ, увлекаемый евангельскими словами, уходитъ въ Кіевъ, гдѣ также, по бѣдности, не находитъ сначала пріема въ монастыряхъ, и только Антоній Печерскій, жившій съ Никономъ въ пещерѣ, принимаетъ Ѳеодосія, а Никонъ постригаетъ въ монашество. По умноженіи братіи въ монастырѣ печерскомъ (о названіи этомъ и происхожденіи пещеръ Несторъ говорилъ особо въ лѣтописи) Ѳеодосій получаетъ санъ пресвитера, а затѣмъ и игумена, выдавшись своей кротостью, смиреніемъ (всю жизнь онъ проходилъ въ самомъ простомъ грубомъ платьѣ), трудолюбіемъ, духовными аскетическими подвигами и вообще добродѣтельнымъ житіемъ. Несторъ съ любовью разсказываетъ всѣ эти „доблести блаженнаго и великаго отца Ѳеодосія“, не оставляя безъ вниманія и историческихъ событій. Читая обширное житіе Нестора, мы видимъ, какъ возникаетъ и ростетъ печерскій монастырь, какъ пріобрѣтаетъ онъ высокое значеніе не только въ Кіевѣ, но и во всей тогдашней Руси, какъ относятся къ нему князья и бояре, какъ помогаетъ монастырь убогимъ, больнымъ и заключеннымъ, наконецъ какъ поддерживается „добрая управленія“ въ самомъ монастырѣ. Ѳеодосій, въ изображеніи Нестора, является

съ необыкновенно твердымъ характеромъ. Даже мать его должна была подчиниться направленію сына и поступила въ женскій монастырь св. Николая въ Кіевѣ (кажется, что мѣстоположеніе его было на теперешней Аскольдовой могилѣ). Но еще замѣчательнѣе отношенія игумена Ѳеодосія къ в. кн. Святославу, выгнавшему изъ Кіева своего старѣйшаго брата в. кн. Изяслава. Ни угрозы в. князя, ни уговоры вельможъ и братіи не могли поколебать Ѳеодосія въ его отношеніяхъ къ изгнанному в. кн. Изяславу. Ѳеодосій долго настаивалъ на возвращеніи княжескаго стола кіевскаго Изяславу и въ этомъ смыслѣ открыто противодѣйствовалъ Святославу всѣми мѣрами. Наконецъ написалъ ему обширную „епистолію, обличая того и глаголя: гласъ крове брата твоего вопіеть на тя къ богу, яко Авелева на Каина и инѣхъ многыихъ гонитель и убойникъ и братоненавидникъ приводя. и притчами тому вся еже о немь указавъ". Это посланіе Ѳеодосія не дошло до насъ; но, можетъ быть, подъ вліяніемъ его въ Лѣтописи, подъ 1073 г., читаемъ: „а Святославъ сѣде въ Кыевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отьню, паче же и Божію. Великъ бо есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего: ибо исперва преступиша сынови Хамови на землю Сифову, по 400 лѣтъ отмьщеніе пріяша отъ Бога; отъ племени Сифова суть Евреи иже избиша Хананейско племя, всприяша свой жребій и свою землю. И пакы преступи заповѣдь Исавъ отца своего, и прія убійство; не добро есть преступати предѣла чюжаго". Святославъ, получивъ епистолію Ѳеодосія, „удари тою о землю" и готовъ былъ на заточеніе Ѳеодосія,—что доставило только радость послѣднему: „яко ничьсоже ми блаже въ житіи семь. еда богатство имѣнію лишеніе нудить мя, или дѣтій отлученію и селъ опечалуеть мя.. тѣмь же готовъ есмь или (ити) на смерть. и оттолѣ начатъ того (князя) укаряти о братоненавидѣніи". Святославу пришлось уступить: по ходатайству бояръ и братьи Ѳеодосій смягчился и рѣшилъ съ любовью молить Святослава—возвратить столъ брату. Такъ продолжалось до смерти Ѳеодосія въ 1074 г. Святославъ далъ поле монастырю подъ каменный храмъ Успенія, бывалъ часто въ монастырѣ и скромно выслушивалъ поученія Ѳеодосія. Мало того, в. князь долженъ былъ поступиться и своимъ домашнимъ весельемъ, — по крайней мѣрѣ въ тѣ дни, когда его посѣщалъ Ѳеодосій. Было это такъ, какъ разсказываетъ Несторъ: „Ѳеодосій вниде въ храмъ идѣже бѣ князь сѣдя. и сѣ видѣ многыя играюща прѣдь нимь. овы гусльныя гласы испущающемъ, другыя же органныя гласы поющемъ. и инымъ замарьныя пискы гласящемъ. и тако

всѣмъ играющемъ и веселящемся, яко же обычай есть прѣдъ княземъ. блаженный же бѣ вскраи его сѣдя и долу нича. и яко малы въсклонився рече къ тому: то будеть ли сице на ономь свѣтѣ"? Святославъ прослезился и велѣлъ перестать играющимъ.

Мы знаемъ посланія Ѳеодосія противъ Латинъ; въ житіи передается и другая борьба „Христова исповѣдника" съ жидами, которыхъ Ѳеодосій обличалъ безъ боязни, выходя тайно изъ монастыря по ночамъ.

Изъ монастыря Ѳеодосія, наполнявшагося многочисленной братіей, выходили игумены, епископы въ другія области, существовали сношенія съ Царьградомъ. Этому способствовала и слава Ѳеодосія и книжность, которую онъ поддерживалъ въ своемъ монастырѣ. Для правильнаго управленія монастыремъ Ѳеодосій досталъ Константинопольскій студійскій уставъ, появившійся въ началѣ XI в. и перевелъ его. Уставъ этотъ сохранился до насъ въ спискѣ XII в.; его приняли и другіе русскіе монастыри. Уставъ, подробно опредѣляя всю жизнь общежительнаго монастыря, всѣ частности монашескаго быта, обращалъ особенное вниманіе на книжное дѣло: въ монастырѣ полагается особый книгохранильникъ, который наблюдаетъ за хартіями и книжными хранилами, за чтеніемъ книгъ днемъ и при свѣчахъ. По житію въ кельѣ самого Ѳеодосія шла неустанная работа надъ списываніемъ книгъ, надъ ихъ переплетомъ. Студійскій уставъ требовалъ множества чтеній и въ церкви и во время трапезы изъ Патериковъ, житій св., поучительныхъ словъ, толковыхъ книгъ. Все это вызывало необходимость въ собраніи указанныхъ книгъ въ южно-славянскихъ переводахъ и въ новыхъ русскихъ. А текущая жизнь вызывала и на самодѣятельность: въ печерскомъ монастырѣ явились составители грамотъ, лѣтописей, поученій, посланій, житій св. Это былъ первый разсадникъ русской письменности, русской литературы.

Вся жизнь монаха, по уставу, должна была проходить въ неустанной работѣ и въ молитвѣ. Мы знаемъ, что Ѳеодосій давалъ примѣръ такой работѣ, исполняя и тяжелыя черныя работы съ полнымъ смиреніемъ. Несторъ соединяетъ эти труды Ѳеодосія и братіи съ чудесными знаменіями и необыкновенными явленіями. Не только злые люди являлись врагами монаховъ, но еще болѣе злые духи—бѣсы. По дѣйствію бѣсовскому не разъ наносился вредъ монастырскому хозяйству: бѣсы портили муку въ мѣсильницѣ, мучили скотъ въ хлѣвинѣ; но, по молитвѣ Ѳеодосія, эти пакости прекращались. Воры, собиравшіеся ограбить монастырь, удерживались

чудными видѣньями, будучи очевидцами того, какъ поднимались церковь и монастырь на воздухъ. Самая смерть Ѳеодосія и его погребеніе сопровождается солнечнымъ сіяньемъ изъ-за тучъ, послѣ дождя. И Несторъ отмѣчаетъ предсмертныя слова Ѳеодосія и подтверждающія ихъ событія, что и за гробомъ Ѳеодосій остается неразлучнымъ покровителемъ своего монастыря, а по разночтенію — и принимаетъ на себя отвѣтъ за грѣхи погребенныхъ въ монастырѣ. Мы говорили уже о характерѣ изложенія Нестора: о его многочисленныхъ выпискахъ изъ переводныхъ сочиненій, объ уподобленіяхъ, о многословіи его вступленій, заключеній „повѣсти, слова, съповѣданія", какъ онъ называетъ свой трудъ. Нерѣдко Несторъ обращается къ братіи, послушающей похваленіе блаженнаго Ѳеодосія, извиняется за свои отступленія отъ изложенія по ряду, выбираетъ отъ многаго малое и указываетъ на свои источники—свидѣтельства современниковъ Ѳеодосія. Всѣ эти отступленія и патетическія восклицанія автора объясняются задачей „похваленія" святого,—что вообще характеризуетъ всю многочисленную литературу и послѣдующихъ житій русскихъ святыхъ. Въ образцовомъ житіи Нестора, какъ и въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, къ которому мы теперь переходимъ, мы находимъ даже болѣе историческихъ данныхъ, чѣмъ въ позднѣйшихъ житіяхъ,—особенно XV—XVI вв. Ниже мы укажемъ еще вліяніе Нестора на позднѣйшую русскую агіографію, теперь же замѣтимъ, что житіе Ѳеодосія рано вошло уже въ Прологъ въ сокращеніи изъ труда Нестора (Румянц. XIII в.) и въ полномъ видѣ вошло въ Патерикъ Печерскій, а въ отрывкахъ и въ сочиненія другихъ авторовъ Патерика.

Этотъ Патерикъ Печерскій,—одинъ изъ самыхъ популярныхъ и замѣчательныхъ памятниковъ древне-русской литературы, имѣетъ длинную литературную исторію. До насъ дошло около 100 разнообразныхъ списковъ его, начиная съ конца XIV в. (особенно много списковъ XVI в.) и множество печатныхъ изданій, начиная съ XVII вѣка. Собственно, основныя статьи Печерскаго Патерика — посланія епископа Симона († 1226 г.) и инока Поликарпа—относятся къ первой половинѣ XIII в. Къ сожалѣнію, остаются невыясненными вопросы о древнѣйшемъ составѣ этого памятника, о его источникахъ и самихъ авторахъ. Съ давнихъ поръ высказывается пожеланіе появленія хорошаго научнаго изданія этого драгоцѣннаго памятника, который мы имѣемъ пока въ изданіи Яковлева (Памятники русской литературы XII — XIII вв.) и въ переводѣ Викторовой съ 1870 г. Если мы возьмемъ церковно-славянскія печатныя изданія Кіево-

Печерскаго Патерика, начиная съ 1661 г. и до настоящаго времени, то мы увидимъ обширный историческій памятникъ, представляющій рядъ сказаній отъ XI в. до XV в. Здѣсь мы находимъ житія Антонія, Ѳеодосія, нѣкоторыхъ слѣдовавшихъ за нимъ игуменовъ, между прочимъ Поликарпа (который смѣшанъ здѣсь съ авторомъ житій—инокомъ Поликарпомъ), далѣе сказанія о созданіи печерской церкви, о святыхъ печерскихъ, посланія епископа Симона, выписки изъ лѣтописи, относящіяся къ печерскому монастырю и нѣкоторыя позднѣйшія чудеса и вступленія. Въ рукописяхъ XV—XVI вв. мы находимъ иной, хотя также не однообразный составъ Печерскаго Патерика. Такъ древнѣйшая пергаменная рукопись 1406 г., съ записью о Тверскомъ епископѣ Арсеніи (отсюда называемая Арсеньевскою), представляетъ слѣдующую редакцію (сокращенную): службу преп. Ѳеодосію, житіе Ѳеодосія и похвалу ему, сказаніе еп. Симона о печерскихъ черноризцахъ съ опущеніемъ большей части личныхъ обращеній въ житіяхъ, написаніе Поликарпа о черноризцахъ къ игумену Печерскому Акиндину (такъ же съ опущеніемъ личнаго элемента и, кромѣ того, съ опущеніемъ статьи объ Алимпіѣ иконописцѣ) и статьи о Даміанѣ, заимствованной изъ лѣтописи о первыхъ черноризцахъ печерскихъ. Итакъ эта древняя рукопись Патерика не можетъ считаться древнѣйшей редакціей памятника. Затѣмъ мы имѣемъ двѣ редакціи XV в. съ записями о составленіи списковъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ въ 1460 и въ 1462 гг. Это т. н. Кассіановскія редакціи, причемъ первую называютъ еще въ отличіе отъ второй Акакіевской (по имени заказчика инока Акакія), опуская отличія этихъ редакцій (въ Кассіановской 1462 г. прибавлены статьи, выписанныя изъ лѣтописи, нѣкоторыя житія переставлены, или разбиты на главы съ особыми надписаніями, наконецъ въ текстѣ кое-гдѣ встрѣчаются мелкія разночтенія), мы находимъ въ нихъ слѣдующія статьи: Слово о созданіи печерской церкви (статья эта должна относиться къ концу посланія еписк. Симона); Сказаніе мниха Нестора, что ради прозвася печерскій монастырь; далѣе—его же житіе Ѳеодосія, слова о перенесеніи мощей и о покованіи раки Ѳеодосія; похвала Ѳеодосію неизвѣстнаго автора; Посланіе еп. Симона (вполнѣ съ житіями и съ обращеніями къ Поликарпу); второе посланіе Поликарпа къ Акиндину (со всѣми житіями) и наконецъ различныя прибавки, изъ которыхъ къ Патерику могутъ относиться только лѣтописныя статьи о первыхъ черноризцахъ печерскихъ. Итакъ эти Кассіановскія редакціи представляютъ нашъ памятникъ въ болѣе полномъ видѣ, хотя, разумѣется, далеко

не въ первоначальномъ. Мы не будемъ говорить о другихъ редакціяхъ Патерика, въ родѣ Ѳеодосіевской (пергаменная рукоп. XV в. и др.), въ которой являются „чтенія“ не только печерскихъ житій, но и житій в. кн. Ольги, Владиміра, даже князей — мучениковъ Михаила и Ѳеодора, и т. д. (см. еще въ Приложеніяхъ).

Замѣтимъ еще, что названіе „Патерикъ Печерскій“ является только въ Кассіановскихъ редакціяхъ, причемъ Акакіевская 1460 г. называется еще Іоанновской, такъ какъ въ началѣ списка читаемъ: „сказаніе главъ Патерика Печерскаго, списано Іоанномъ мнихомъ Печерскимъ“.

Если мы отъ этой литературной исторіи Печерскаго Патерика, по дошедшимъ до насъ рукописямъ, обратимся къ исторіи печерскихъ агіобіографовъ, къ исторіи печерской агіографіи, то мы уже знаемъ слѣдующее. Вскорѣ послѣ смерти Антонія, въ 1072 г., появилось обширное житіе его, не дошедшее до насъ, утраченное въ XVI в., но извѣстное въ ссылкахъ и выдержкахъ Симона и Поликарпа объ Иларіонѣ, объ Евстратіѣ, о созданіи церкви печерской, о Григоріѣ чудотворцѣ, о Лаврентіѣ затворникѣ, о Моисеѣ Угринѣ и Іоаннѣ затворникѣ, о варяжской пещерѣ и проч. Это житіе Антонія составляло достояніе собственно печерскаго монастыря; рядомъ съ нимъ развивались лѣтописныя печерскія записи и сказанія. Но общерусское княжеское торжество открытія мощей Бориса и Глѣба вызвало первые громкіе труды печерскихъ литераторовъ, за которыми послѣдовалъ рядъ другихъ. Несторъ лѣтописецъ посвятилъ свою литературную дѣятельность сказаніямъ о Ѳеодосіѣ Печерскомъ и создалъ его замѣчательное обширное житіе. Такъ было въ концѣ XI в. Въ XII в. наступаетъ перерывъ въ русской агіографіи: быть можетъ, въ это время написаны житія в. кн. Владиміра, который, хотя и не творилъ чудесъ по смерти, но оставался первымъ просвѣтителемъ русскаго народа, вторымъ Константиномъ; далѣе, чудеса при мощахъ Бориса и Глѣба въ княженіе Святополка и перенесеніе ихъ мощей при Владимірѣ Мономахѣ. Но преданія устныя, а, можетъ быть, и письменныя о святыхъ черноризцахъ печерскихъ продолжали развиваться въ монастырѣ, такъ что около 1225 г. эти преданія явились въ двухъ литературныхъ обработкахъ печерскихъ постриженниковъ: одного — епископа Владимірскаго и Суздальскаго Симона, возведеннаго въ званіе игумена одного изъ Суздальскихъ монастырей еще въ концѣ XII в.; а съ 1215 до 1226 г. — епископа, любимаго князьями, и другого — какъ бы неудачника, бывшаго два раза игуменомъ вблизи отъ Симона — инока печерскаго Поликарпа. Житія святыхъ печер-

скихъ черноризцевъ, написанныя Симономъ и Поликарпомъ, явились по частному поводу, хотя были, какъ увидимъ, болѣе общія побужденія къ появленію, своего рода перваго русскаго патерика. Въ посланіи еп. Симона мы читаемъ о перепискѣ по поводу Поликарпа: писала къ Симону княгиня Верхуслава, прося доставить мѣсто епископа Поликарпу, котораго княгиня, видимо, цѣнила за иноческіе подвиги, за умъ и духовное образованіе; но Симонъ, несмотря на предложеніе княгини издержать даже до 1000 серебра, не согласился. Затѣмъ написалъ Симону самъ Поликарпъ: онъ жаловался на свое положеніе въ печерскомъ монастырѣ: „развѣ я не достоинъ, писалъ онъ по словамъ Симона, такого сана (епископа въ Новгородѣ, въ Смоленскѣ или въ Юрьевѣ, какъ просила княгиня), что не могу съ увѣренностью принять его? Развѣ я хуже эконома этого, или его брата, который тоже начальствуетъ?.. или этотъ игуменъ и экономъ этотъ думаютъ, что только здѣсь и можно угодить Богу, а въ другомъ мѣстѣ и спастись нельзя? А что сами принимаютъ отъ насъ почести, того не берутъ въ толкъ" (такъ въ переложеніи Викторовой; по оригиналу же трудно вполнѣ возстановить это послѣднее мѣсто: „или мнитъ собѣ, рече, сіи игуменъ и сій иконом, яко (се и неидѣ спастися невозможно) здѣ точію богу угодити, индѣ же невозможно спастися, а на ми и что ми=чтомы? почитаемы? не разумѣють"?). Посланіе еп. Симона съ его суровыми обличеніями Поликарпа и съ поученіями о чистомъ иноческомъ житіи, въ образецъ котораго и приводятся 9 житій святыхъ печерскихъ, жившихъ послѣ Θеодосія, отъ 1078 по 1110 или немного позднѣе, и четыре повѣсти о построеніи и украшеніи печерской церкви,—это посланіе такъ замѣчательно, что мы считаемъ необходимымъ познакомиться съ нимъ поближе.

„Брате, начинаетъ Симонъ свое посланіе, сѣдъ въ безмолвіи, собери умъ свой и рци къ себѣ: о убогій иноче (человѣче) нѣси ли міра оставилъ и по плоти родителей Господа ради; аще же и здѣ пришедъ на спасеніе не духовныя творишь и что ради въ черническое имя облеклся еси? (а) Не избавятъ бо тя муки черныя ризы, аще не инчески живеши. Се же вѣждь, яко блажимъ еси здѣ отъ князь, и отъ бояръ, и отъ всѣхъ другъ своихъ; глаголютъ бо: блаженъ есть, яко возненавидѣлъ еси міра сего и слав его, и уже къ тому не печется (печешися) ничимъ же земнымъ, небесныхъ желая. Ты же не чернечески живеши, и великъ студъ (срамота) обдержитъ мя тебе ради: аще блажащеи насъ здѣ предваряютъ ны въ царствіи небесномъ и они (тіи) въ покои обрящутся, мы же мучими горько во-

зопіемъ. И кто помилуетъ тя самому себе погубившу? Воспряни, брате, воспряни и попецися мысленно о своей души! Работай Господеви со страхомъ и со всякою смиренною мудростію, да не днесь кротокъ а утро яръ и золъ, въ малѣ молчаніе и паки роптаніе на своего игумена и на того служебники (служители, службу)". Вѣрный завѣтамъ Ѳеодосія и Уставу иноческому, а также и направленію такихъ сочиненій, на которыя и ссылается, какъ Лѣствица Іоанна, какъ Патерики и житія св., Симонъ совѣтуетъ Поликарпу смиреномудріе, послушаніе, покаяніе и молитву, перенесеніе оскорбленій, молчаніе, послушаніе игумену и старшимъ; особенно же предостерегаетъ Поликарпа—не оставлять печерскій монастырь, не ходить по кельямъ, заводя ссоры, возбуждая гнѣвъ и вражду и не искать сановъ игумена и епископа. Послѣднее особенно интересно по отношенію къ тогдашнему времени. Съ одной стороны, мы видимъ, что печерскій монастырь настолько былъ выше всѣхъ остальныхъ русскихъ монастырей по образованію, по книжности, что изъ него часто брали монаховъ на высшія мѣста іерархіи; съ другой стороны, въ этой послѣдней были примѣры недостойныхъ лицъ. По лѣтописи мы знаемъ нѣсколько такихъ лицъ—епископовъ въ Ростовской землѣ (Ѳеодорецъ, Леонъ 1159 г.). Вотъ какъ говоритъ Симонъ въ обширномъ заключеніи своего посланія, замѣчательнаго и въ историческомъ и въ литературномъ отношеніи. Привожу все это въ русскомъ переложеніи Викторовой: „Какъ отъ Христа Бога нашего во всю вселенную посланы были апостолы, такъ изъ печерскаго монастыря Пречистой Богоматери многіе епископы поставлены были и, какъ свѣтила свѣтлыя, освятили всю русскую землю крещеніемъ. Первый изъ нихъ — великій святитель Леонтій — епископъ ростовскій, котораго Богъ прославилъ нетлѣніемъ. Онъ былъ первый престольникъ (занимавшій епископскій престолъ), котораго, послѣ многихъ мученій, убили невѣрные. Это третій гражданинъ русскаго міра (съ тѣми двумя варягами) увѣнчанный отъ Христа, ради котораго пострадалъ. Объ Иларіонѣ же митрополитѣ ты и самъ читалъ въ житіи св. Антонія, что имъ онъ постриженъ былъ и такъ святительства сподобился. Потомъ были епископами: Николай, Ефремъ въ Переяславлѣ, Исаія въ Ростовѣ, Германъ въ Новгородѣ, Стефанъ во Владимірѣ † 1094 г., Нифонтъ въ Новгородѣ † 1156 г., Маринъ въ Юрьевѣ, Мина въ Полотскѣ, Николай въ Тмуто则ракани, Ѳеоктистъ въ Черниговѣ † 1123 г., Лаврентій въ Туровѣ (съ 1182), Лука въ Бѣлгородѣ, Ефремъ въ Суздалѣ... Да если хочешь узнать всѣхъ, читай старую Ростовскую лѣтопись, тамъ ихъ всѣхъ болѣе 30; а послѣ нихъ и

до насъ грѣшныхъ, я думаю, около 50. Разумѣй же, братъ, какова слава и честь монастыря того! Устыдись и покайся и возлюби тихое и безмятежное житіе, къ которому Господь призвалъ тебя. Я бы радъ былъ оставить свою епископію и работать въ томъ святомъ печерскомъ монастырѣ. И говорю я, братъ мой, это, не для того, чтобы величать самого себя, а чтобы только возвѣстить тебѣ объ этомъ. Святительства нашего власть ты самъ знаешь, и кто не знаетъ меня грѣшнаго, епископа Симона, и этой соборной церкви, красы Владиміра, и другой, Суздальской церкви, которую я самъ создалъ? Сколько онѣ имѣютъ городовъ и селъ! И десятину собираютъ на нихъ по всей землѣ той. И всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость. А между тѣмъ все это оставилъ бы я; но ты знаешь, какъ велико дѣло духовное. И теперь я весь отдался ему и молю Господа, чтобъ далъ онъ мнѣ время исполнить его. „Си вѣсть (истинно, пред богом ти молвлю) глаголю тебѣ, продолжимъ словами Симона, яко всю сію власть (славу) и честь вскорѣ яко калъ вмѣнилъ быхъ и аще бы ми (трѣскою торчати за враты) ся сметіемъ пометаему быти (валятися) въ печерскомъ монастырѣ и попираему (быти) человѣки, или единому быти отъ убогихъ предъ враты честныя тоя лавры и створитися просителю, то лучши бы ми временныя сея чести“ („но вѣдаетъ Господь тайное, — переводитъ Викторова, — истинно говорю тебѣ; сейчасъ же всю эту славу и честь за ничто вмѣнилъ бы, лишь бы коломъ торчать за воротами, валяться соромъ въ Печерскомъ монастырѣ, чтобы люди попирали меня, или сдѣлаться однимъ изъ убогихъ, просящихъ милостыню у воротъ честной лавры; это лучше было бы для меня временной сей чести“). Больше желалъ бы я провести одинъ день въ дому Божіей Матери, чѣмъ жить 1000 лѣтъ въ селеніяхъ грѣшниковъ. По истинѣ говорю тебѣ, братъ Поликарпъ: гдѣ слышалъ ты о такихъ дивныхъ чудесахъ, какія творились въ святомъ печерскомъ монастырѣ, — о такихъ божественнѣйшихъ отцахъ, которые, подобно лучамъ солнечнымъ, просіяли до конца вселенной? Къ тому, что ты уже слышалъ отъ меня, я приложилъ въ настоящемъ своемъ писаніи достовѣрную о нихъ повѣсть“. Первую повѣсть о преп. Онисифорѣ и безъименномъ недостойномъ мнихѣ, который по смерти своей испускалъ такой смрадъ, что даже животныя не могли приближаться къ его тѣлу, къ его могилѣ, Симонъ „слышалъ отъ блаженныхъ старцевъ печерскихъ“, а они говорили, что слышали эту предивную вещь (замѣтимъ, что тоже самое передается въ Патерикѣ папы Григорія) отъ самовидцевъ этого чуда“. Монахи собирались уже бросить въ воду тѣло этого нечестивца, но Антоній явился во снѣ пресвитеру

Онисифору и сказалъ: „смиловался я надъ душею этого брата, потому что не могу нарушить обѣта моего (тоже передается въ нѣкоторыхъ спискахъ житія Өеодосія): я обѣщался, что всякій положенный здѣсь (т. е. въ Печерскомъ монастырѣ) будетъ помилованъ, хотя бы и грѣшенъ былъ, никто изъ монастыря этого не будетъ осужденъ на муку". „Оттого-то, заключаетъ эту повѣсть Симонъ, и я грѣшный, епископъ Симонъ, тужу, скорблю и плачу, и желаю тамъ скончаться, чтобы только положеннымъ быть въ той божественной землѣ и принять малую отраду отъ многихъ грѣховъ моихъ". Таковъ характеръ изложенія и дальнѣйшихъ разсказовъ Симона, напр. о мученикахъ Евстратіѣ, Никонѣ и Кукшѣ: „ради добродѣтельнаго житія ихъ и поганые крестились (разумѣются жиды, половцы и вятичи) и въ монашество поступали". „Много больше этого слышалъ ты отъ меня, грѣшнаго епископа Симона, худшаго изъ епископовъ, недостойнаго быть подножіемъ тѣхъ святыхъ черноризцевъ.. да ихъ, думаю, и весь міръ недостоинъ и нѣтъ достойнаго писателя, который бы могъ описать всѣ чудеса ихъ;.. но, если ты и этому не увѣруешь, то хотя бы кто изъ мертвыхъ воскресъ, ты не повѣришь". И вотъ дальше Симонъ разсказываетъ о св. Аѳанасіи затворникѣ, который на другой день послѣ своей смерти снова ожилъ и жилъ потомъ 12 лѣтъ. Симонъ постоянно оговариваетъ, что, если кому покажется это невѣроятнымъ, то пусть читаютъ житія св. Антонія и Өеодосія, начальниковъ русскаго монашества, и много другихъ книгъ (вообще онъ ссылается на Патерики, Лѣствицу, Ефрема Сирина, на лѣтописи).

Особенно подробно и, очевидно, съ намѣреніемъ убѣдить Поликарпа да и другихъ, — не искать сановъ высокихъ, Симонъ разсказываетъ о преп. Святошѣ, князѣ Черниговскомъ, въ иночествѣ Николаѣ, отъ котораго сохранились въ монастырѣ многія книги, а у князей власяница святого (защищавшая въ бояхъ), крестъ отъ парамана, подушка и кладка, на которой онъ преклонялъ колѣна. Оставивъ княженіе, и честь, и славу, Святоша три года пробылъ на поварнѣ, работая на братію, три года пробылъ у монастырскихъ воротъ сторожемъ и 30 лѣтъ прожилъ въ бѣдной келіи, не исходя изъ монастыря до самаго преставленія въ вѣчную жизнь. „Никто въ Руси, поучаетъ Симонъ Поликарпа, не сдѣлалъ того, что онъ (Святоша): ни одинъ князь по своей волѣ не вступилъ въ иночество. Воистину, онъ больше всѣхъ князей русскихъ. Что же значатъ твои обиды передъ его власяницей". Однако, Симонъ признаетъ за Поликарпомъ и достоинства: онъ отказался отъ игумен-

ства у Козьмы и Даміана, у св. Димитрія, устроилъ двое дверей въ великой печерской церкви св. Богородицы, и проч. И вотъ, чтобы и изъ-за этого не малодушествовалъ Поликарпъ, истративъ свое богатство, Симонъ разсказываетъ о черноризцѣ Эразмѣ, истратившемъ имѣніе свое на св. иконы и за то получившемъ спасеніе и о черноризцѣ Ареѳѣ, какъ украденное у него имѣніе вмѣнилось ему въ милостыню и наконецъ, вооружаясь противъ главнаго порока — вражды и гнѣва, Симонъ заключаетъ разсказомъ о двухъ, враждовавшихъ между собою братіяхъ, Титѣ священникѣ и Евагріѣ дьяконѣ. Этимъ еще не оканчивается посланіе Симона.

Едва ли не самая поэтическая часть Печерскаго Патерика, исполненная наивной прелестью древней благочестивой легенды и вмѣстѣ съ тѣмъ интереснымъ историческимъ колоритомъ—сказанія Симона о созданіи печерской церкви св. Богородицы, о ея зодчихъ и живописцахъ, тѣмъ болѣе, что дѣйствующими лицами являются варяги и греки, первые даютъ средства и латинскія драгоцѣнныя святыни (золотые массивные поясъ и вѣнецъ съ распятія „написаніемъ ваннымъ, якоже латыня чтутъ“) для построенія и украшенія церкви печерской, вторые чудеснымъ образомъ являются изъ Константинополя въ Кіевъ, гдѣ и остаются на всю жизнь въ монастырѣ. „Бысть въ землѣ варяжской князь Африканъ братъ Якуна слѣпаго, иже отбѣже отъ златыя луды (ср. въ Лѣтописи, подъ 1024 г. Ярославъ „посла за море по Варяги, и приде Акунъ съ Варягы, и бѣ Акунъ слѣпъ, и луда у него златомъ истыкана; и приде ко Ярославу; и Ярославъ съ Якуномъ поиде на Мстислава.. и бысть сѣча сильна; видѣвъ же Ярославъ яко побѣжаемь есть, и побѣже съ Якуномъ, княземъ Варяжькимъ, и Акунъ ту отбѣже луды златое; а Ярославъ же приде къ Новугороду, а Якунъ иде за море“) бьяся полкомъ по Ярославѣ съ лютымъ Мстиславомъ; и сему Африкану бяху два сына: Фріандъ и Шимонъ. По смерти же отца ею изгна Якунъ обою брату отъ области ею; пріиде же Шимонъ къ благовѣрному князю нашему Ярославу“. Въ этомъ разсказѣ Симона мы находимъ интересное дополненіе къ лѣтописному намеку и къ другимъ сказаніямъ лѣтописи, напр. къ 1068 г. пораженію Ярославичей на Альтѣ Половцами. Антоній Печерскій предсказалъ это пораженіе, но Шимонъ, служившій въ дружинѣ Всеволода, умолилъ святого и чудеснымъ образомъ спасся съ поля пораженія, изъ среды мертвецовъ. Придя въ монастырь къ Антонію и Ѳеодосію, Шимонъ подробно разсказалъ, какъ видѣлъ на морѣ, во время отчаяннаго плаванія изъ своего отечества, церковь на воздухѣ, какъ лежа раненый на полѣ

Алтскомъ снова увидалъ на небѣ ту же церковь и слышалъ голосъ, повелѣвавшій выстроить церковь, въ которой онъ будетъ и положенъ по смерти. Эта церковь была выстроена въ 1073 г. Для этого Шимона Ѳеодосій составилъ разрѣшительную молитву, которую съ тѣхъ поръ стали влагать въ руки мертвецовъ. Сынъ Шимона, Георгій, служилъ сыну Владиміра Мономаха въ Суздальской землѣ. И захотѣлъ этотъ Георгій Симоновичъ оковать гробъ св. Ѳеодосія, для чего послалъ одного изъ бояръ, давши ему 500 гривенъ серебра и 50 золота. Мы не будемъ пересказывать чуда съ этимъ бояриномъ и грамоты, данной монастырю, которая и приводится въ сказаніи. Еще чудеснѣе разсказы о прибытіи въ Кіевъ грековъ зодчихъ и живописцевъ; первыхъ послала Царица Богородица, что во Влахернѣ, въ Константинополѣ, окруженная воинами — безплотными силами. „Что, братъ мой, больше этого, заключаетъ Симонъ этотъ разсказъ о грекахъ, прошли мы книги Ветхаго и Новаго Завѣта и нигдѣ не находили о святыхъ церквахъ такихъ чудесъ.. по небесному голосу измѣрена она была его поясомъ.. каково и то, что изъ Греціи пришла съ зодчими святая икона и подо всѣми стѣнами положены мощи святыхъ мучениковъ, и по этимъ мѣстамъ сами написаны на стѣнахъ.. отецъ свыше благословилъ росой, и столбомъ огненнымъ, и облакомъ свѣтлымъ.. а Пречистая Царица Богородица на три года золота дала строителямъ, и икону своего пречистаго образа, и ее намѣстной поставила, и отъ иконы этой многія чудеса творятся“.

Для насъ интересенъ разсказъ грековъ живописцевъ, отъ которыхъ въ монастырѣ сохранились греческія книги и свиты: „егда, рече, пріидохомъ въ Каневъ въ лодіахъ (изъ Олѣшія) и се видѣхомъ церковь сію велику на высотѣ; вопросихомъ сущихъ съ нами, кая си есть церковь (церкы): и рѣша — печерская, ей же вы есте писцы. Разгнѣвавшеся хотѣхомъ бѣжати внизъ. Въ ту же нощь бысть буря велика на рѣцѣ; заутра же вставше обрѣтохомся близъ Треполя, и лодія сама идяаше възводу (горѣ), акы нѣкая сила влечашеть ю; мы же нужею удержахомъ ю, стоявше весь день и размышляюще, что се будеть, яко толикъ путь проидохомъ единою нощію, не гребуче, еже съ трудомъ едва треми днями доходятъ друзіи (нѣціи); въ другую же нощь видѣхомъ церковь сію и чудную икону намѣстную глаголющу намъ: человѣци, что всуе мятетеся непокорящеся воли сына моего и моей? истинну вы глаголю: аще мене преслушаете и бѣжати восхощете, вся вы вземше съ лодьею, положу въ церкви моей, и се же да вѣсте, яко оттуду не

изыдете, но ту въ монастырѣ моемъ остригшеся животъ свой скончаете, и азъ вамъ дамъ милость въ будущемъ вѣцѣ строителю сею дѣля Антонія и Ѳеодосія. Мы же заутра вставше хотѣхомъ бѣжати внизъ и много трудихомся гребуще, а лодія взводу (горѣ) идяаше противу. Повинувшежеся воли и силѣ Божіи дахомся, и скоро подъ монастырь сама лодія приста". Слухъ объ этомъ чудѣ разошелся по всей русской землѣ и по образцу этой печерской церкви создали на Кловѣ церковь и въ Ростовѣ и въ Суздалѣ, а Владиміръ Мономахъ исцѣлѣлъ отъ болѣзни при наложеніи на него того золотаго пояса, что принесъ Шимонъ изъ Варягъ.

Посланіе Поликарпа къ печерскому архимандриту Акиндину болѣе замѣчательно пространными житіями, интересными въ историческомъ и бытовомъ отношеніи. Личный элементъ въ краткомъ посланіи Поликарпа незначителенъ. Смиренный инокъ выражаетъ только робость передъ игуменомъ и опредѣленно указываетъ цѣль труда: „пусть и другіе узнаютъ святое житіе преподобныхъ отцевъ печерскихъ и то, что въ одно время было въ монастырѣ томъ до 30 такихъ мужей, которые однимъ словомъ могли изгонять бѣсовъ". Но нѣкоторыя житія, какъ напр. Агапита врача, Поликарпъ сопровождаетъ, подражая, Симону, длиннымъ обращеніемъ къ Акиндину, въ которомъ упоминаетъ о блаженномъ Несторѣ, написавшемъ въ Лѣтописцѣ о блаженныхъ отцахъ Даміанѣ, Іереміи, Матѳеѣ и Исаакіи. Поликарпъ близко зналъ монастырскую литературу, и въ другомъ житіи Никиты назвалъ Нестора, который написалъ лѣтопись, и Григорія—творца каноновъ. Въ его житіяхъ выступаютъ образованные по тому времени иноки, смущаемые бѣсами, какъ Никита затворникъ, который зналъ на память чуть не весь Ветхій завѣтъ, поучалъ приходившихъ къ нему, или Лаврентій затворникъ, который сталъ говорить по-еврейски, по-латински (по-нѣмецки), по-гречески. Начитанный авторъ съ смиреніемъ начинаетъ житіе Марка печерника: „мы, грѣшные, подражаемъ писанію древнихъ святыхъ; но они изъяснили и со многимъ трудомъ разыскивали въ пустыняхъ, и горахъ и пропастяхъ земныхъ; иныхъ отцевъ они сами видѣли, о другихъ прежде бывшихъ слышали, и изъ сказаній о жизни, чудесахъ и дѣяніяхъ ихъ сложили Патерики, которые мы читаемъ и наслаждаемся духовными тѣми рѣчами. Я же, недостойный, и разума истины не постигъ и ничего такого не видѣлъ, а послѣдую слышанному мною: что мнѣ говорилъ преподобный епископъ Симонъ, то я и написалъ твоему отчеству. Никогда я не обходилъ святыхъ мѣстъ, не видалъ ни Іерусалима, ни Синайской горы, и не могу приложить чего ни-

будь къ повѣсти для прикрасы, какъ это въ обычаѣ у хитрословесниковъ". Изъ историческихъ и бытовыхъ фактовъ въ житіяхъ Поликарпа можно отмѣтить слѣдующіе. Агапитъ, безмездный врачь, исцѣляетъ Владиміра Мономаха, заболѣвшаго въ Черниговѣ; но не хочетъ нарушить своего обѣта—безвыходнаго пребыванія въ монастырѣ и отказываетъ посланнымъ князя въ посѣщеніи больного князя въ Черниговѣ, не принимаетъ отъ него богатыхъ даровъ, послѣ того, какъ даетъ ему исцѣленіе посланнымъ зеліемъ и требуетъ, чтобы исцѣленный князь роздалъ свое имѣніе, — что Владиміръ и исполняетъ. Я уже высказалъ ранѣе мысль, что одно это отношеніе къ Агапиту въ соединеніи съ потерей сына могло вызвать знаменитое поученіе Мономаха. Агапитъ строго обличилъ врача—армянина, искусснаго доктора въ Кіевѣ. Въ житіи Григорія чудотворца, чудесно удерживавшаго воровъ и обратившаго ихъ на работу братіи, разсказывается о столкновеніи святого съ братомъ Владиміра Мономаха Ростиславомъ, который утонулъ въ Стугнѣ на глазахъ Владиміра,—что такъ сочувственно описано и въ Лѣтописи подъ 1093 г. и въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Но Поликарпъ разсказываетъ, что смерть эту князя предсказалъ Григорій чудотворецъ, котораго разсерженный князь велѣлъ утопить въ Днѣпрѣ съ камнемъ на шеѣ. „Случилось въ монастырѣ, разсказываетъ Поликарпъ, что осквернился сосудъ отъ паденія въ него какого-то животнаго; и по этому случаю преподобный Григорій пошелъ къ Днѣпру за водой. Въ тоже время проходилъ здѣсь князь Ростиславъ Всеволодовичъ, шедшій въ Печерскій монастырь для молитвы и благословенія. Онъ съ братомъ своимъ Владиміромъ шелъ въ походъ противъ воевавшихъ съ Русью половцевъ. Увидали княжескіе слуги старца и стали ругаться надъ нимъ, метая срамныя слова. Инокъ же, зная, что всѣ они близки къ смерти", сталъ кротко увѣщевать ихъ и предсказалъ имъ смерть въ водѣ. Князь же, считая пустошными рѣчами это пророчество, сказалъ: „мнѣ повѣдаеши смерть отъ воды, умѣющу бродити посредѣ ея" (мнѣ ли предсказываешь смерть отъ воды, когда я плавать умѣю). Ростиславъ, какъ предсказалъ блаженный, утонулъ со всѣмъ своимъ войскомъ: что человѣкъ посѣетъ, то и пожнетъ, таково отмщеніе гордымъ. А потопленнаго Григорія долго искала братія. „И вотъ въ кельѣ очутился блаженный, связанный, съ камнемъ на шеѣ. Одежды его были еще мокры, лице же свѣтло и самъ, какъ живой. И не нашли, кто принесъ его, а келья была заперта. Братія же честно вынесли тѣло преподобнаго и честно положили его въ пещерѣ. И многія лѣта

пребываетъ оно тамъ цѣло и нетлѣнно“. Разсказы свѣтскихъ авторовъ въ лѣтописи и въ Словѣ о Полку Игоревѣ не знали этого монастырскаго событія и столкновенія молодого князя и отроковъ его съ силой подвижничества.

Обширное житіе Моисея Угрина, пострадавшаго отъ знатной польской вдовы при Болеславѣ, имѣетъ также важное историческое значеніе для начала XI вѣка. Чудотворецъ Прохоръ, который молитвою изъ травы, называемой лебеда, дѣлалъ хлѣбы, а изъ пеплу — соль, столкнулся во время голода не только съ корыстолюбіемъ купцовъ, продававшихъ соль по дорогой цѣнѣ, но и съ корыстолюбіемъ самого князя, желавшаго нажиться насчетъ монастыря. Точно также въ житіи Ѳеодора и Василія разсказывается, какъ князь Мстиславъ, услыхавъ о находкѣ сокровища въ Варяжской пещерѣ, сталъ мучить Ѳедора, подвѣсивъ его на огнѣ, какъ въ коптильнѣ, чтобы добиться, куда мученикъ зарылъ найденное сокровище, а Василія въ раздраженіи тотъ же князь Мстиславъ велѣлъ прострѣлить. Но и самъ князь погибъ, по предсказанію святыхъ, въ 1099 г. отъ стрѣлы же въ битвѣ. А между тѣмъ, по приказанію блаженнаго Ѳеодора, бѣсы и муку мололи въ монастырѣ и лѣсъ носили въ бревнахъ отъ Днѣпра на гору на построеніе церкви, и келій, и кровли, и моста и всего, что нужно было для монастыря, послѣ пожара. За это-то нанятые извощики воздвигли крамолу на блаженнаго, требуя своей платы. Несправедливый же судья, взявши съ нихъ подарки, велѣлъ имъ получить свою плату съ преподобнаго. Сказанія Поликарпа согласуются со многими указаніями лѣтописи о внѣшнихъ и внутреннихъ событіяхъ въ монастырѣ, въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ Руси. Онъ видѣлъ икону, которую Владиміръ Мономахъ послалъ въ Ростовъ въ тамошнюю церковь,—о чемъ и разсказываетъ въ житіи Алимпія иконописца, обличившаго черноризцевъ, обкрадывавшихъ монастырь и христолюбцевъ—заказчиковъ иконъ. Слава Алимпія, которому помогли ангелы писать иконы, при которомъ чудесно излеталъ бѣлый голубь изъ устъ Богородицы при ослѣпительномъ свѣтѣ отъ иконы, который исцѣлялъ, помазая красками больныхъ, промчалась по всему Кіеву. Таковы и другія сказанія Поликарпа,

Кіево-Печерскій Патерикъ, какъ и древнѣйшая лѣтопись, заключаетъ въ себѣ, кромѣ собственно Печерскихъ сказаній, еще сказанія, имѣющія связь со всей Русской землей. Несомнѣнно, что до Печерскаго монастыря доходили мѣстныя сказанія изъ Тмуторокани, Новгорода, Смоленска и Ростова, какъ вошли въ него сказанія

о сношеніяхъ и съ иноземцами: греками, варягами, ляхами, обезами (кавказскимъ народомъ), половцами и др. Мнихъ Іаковъ въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ пользуется смоленскими преданіями (Голубовскій: Исторія Смоленской земли, 246—248), точность которыхъ вызываетъ у историка Смоленской земли предположеніе, что Іаковъ Мнихъ пользовался смоленскимъ литературнымъ произведеніемъ о Глѣбѣ, послѣ котораго въ XIII ст. является замѣчательное житіе Авраамія Смоленскаго, написанное ученикомъ преподобнаго Ефремомъ, и содержащее интересныя свѣдѣнія о книжности въ Смоленскѣ *). Несторъ въ житіи Ѳеодосія сообщаетъ объ основаніи монастыря на Тмутороканскомъ островѣ, „иже и до нынѣ есть". Епископъ Симонъ, по мѣсту своего жительства, хорошо былъ знакомъ съ ростовской лѣтописью, съ ростовскими преданіями о св. Леонтіѣ и Исаіѣ—просвѣтителяхъ Ростова, о которыхъ до насъ дошли отклики старыхъ сказаній въ позднѣйшихъ житіяхъ. Мощи ихъ были обрѣтены въ 1164 г. Къ этому времени относятся, вѣроятно, и нѣкоторыя чудеса въ житіяхъ Леонтія и Исаіи, составленныхъ въ XIII—XV вв. Наконецъ Печерскій же Патерикъ представляетъ древнѣйшія свѣдѣнія о новгородскихъ святыхъ епископахъ Никитѣ и Нифонтѣ. Въ сказаніи о Нифонтѣ, умершемъ въ 1156 г. въ Кіевѣ,

*) Напечатано въ Православномъ Собесѣдникѣ 1858 г., III, житіе и терпѣніе Авраамія Смоленскаго, написанное инокомъ Ефремомъ въ XIII в. Предисловіе составлено по образцу житія Ѳеодосія Печерскаго препод. Нестора и оканчивается дословной выпиской изъ него. Окончаніе житія отражаетъ вліяніе сочиненій Ефрема Сирина. Вообще въ житіи Авраамія Смоленскаго множество ссылокъ на литературныя сочиненія: Іоанна Златоустаго, Ефрема Сирина, Савву Освященнаго, Златыя Чепи, изборники, апокрифическія сочиненія и проч. Самъ Авраамій, по свидѣтельству житія, „вся отъ всѣхъ избирая и списая ово своею рукою, ово многыми писцы". Извѣстный сборникъ XIV в. „Златая Чепь" не подходитъ по своему содержанію къ цитатѣ житія Авраамія. Приводимъ здѣсь эту выдержку: „пишеть бо въ златыхъ чепехъ всея вселенныя святыхъ отець. Яко же бысть нѣкій отець отъ преподобныхъ, многымъ пользу творя словомъ и житіемъ. Нѣции же отъ дѣйства дьяволя, завидивше и оклеветавше многы отсекаша отъ него, и яже къ нему пользы лишиша, послѣди же уразумѣша дьяволю лесть и покаяшеся ему и прощеніе отъ него пріимаша послѣди. овіи въ различныя впадша бѣды грѣха ради.—рече бо Спасъ, смущая васъ ту пріиметь судъ кто любо буди, се есть подобна помянути повѣсть нѣкоего отца духовна къ сыну духовну. корабль есмы мы, кормьникъ же Богъ всего мира, направляя и спасая и своими присными угодными рабы, реку же пророкы, апостолы, святители и всѣми учители Божіи".

въ Новгородской лѣтописи слышится какое-то нерасположеніе къ печерскому постриженнику,—быть можетъ откликъ той же вражды, какая выразилась еще въ насмѣшкѣ кіевскихъ дружинниковъ надъ новгородскимъ ополченіемъ Ярослава, подъ 1016 г.: „а вы плотници суще! а приставимъ вы хоромъ рубити нашихъ". Такъ и о св. Нифонтѣ, при его жизни, новгородцы говорили: „яко полупивъ св. Софію (т. е. Новгородскую) пошелъ Царюграду".

Что въ преданіяхъ о водвореніи христіанства въ Ростовѣ, при Леонтіи, Исаіи и Авраамін, въ Муромѣ, при еп. Василіѣ и кн. Константинѣ, дошедшихъ до насъ въ позднихъ пространныхъ сказаніяхъ, мы имѣемъ дѣло съ откликами и старинныхъ преданій свидѣтельствуетъ поговорка, дошедшая до насъ, что „Муромцы святогоны", такъ какъ въ XIII в. они изгнали отъ себя еп. Василія, по кознямъ бѣсовскимъ, такъ-же, какъ новгородцы изгнали епископа Іоанна, ѣздившаго изъ Новгорода въ Іерусалимъ чудеснымъ образомъ на бѣсѣ. Эти параллели въ сказаніяхъ о святыхъ и святыняхъ—самое распространенное литературное явленіе, которое объясняется столько же жизнью, ея условіями, правилами (какова особенно жизнь монашеская съ ея аскетическимъ идеаломъ), сколько и подражаніемъ писателей, заимствованіями, передачей въ устномъ преданіи, въ народной молвѣ. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ, подъ 1045 г., передается о созданіи церкви св. Софіи въ Новгородѣ и о чудѣ съ образомъ Спаса Господа Нашего Іисуса Христа. Иконописцы греки изъ Цареграда написали этотъ образъ не съ благословляющей, а съ сжатой рукой. Напрасно, по повелѣнію епископа Луки, стараются они три раза написать благословляющую руку; наконецъ слышатъ голосъ: „писари, писари, о писари! не пишите мене благословляющею рукою; Азъ бо въ той руцы Великій Новъградъ держу, а коли рука моя распространится тогда будетъ граду скончаніе". Совершенно такое же преданіе слышалъ новгородскій арх. Антоній въ 1200 г. въ Константинополѣ: „Есть же тутъ (у св. Софіи Цареградской) Спасъ Вседержитель великъ мусіею написанъ и единаго перста у правой руцѣ мѣзинца нѣсть. златомъ прикрыто, понеже бысть иконописецъ самъ ся написавъ и похвалив: Господи Царю человѣколюбче, мню: тя азъ по существу написахъ,—дивяся на многъ часъ; и се гласъ бысть къ нему, глаголя: о человѣче, почто всуе смусшаешися во умѣ своемъ коли ты мене видяше... Ты же отселѣ да не пишеши Моего образа, и въ той часъ нѣмъ бысть писецъ, абие издыше; и той перстъ остася не написан; никтоже могій написати, но сребрянъ, позлащен положиша въ па-

мять грядущему роду человѣчю", и далѣе Антоній продолжаетъ о грамотѣ пророка Даніила, въ которой „написано бысть въ Царѣградѣ, кому быти царемъ, дондеже стоитъ Царьградъ" (Лопаревъ: Описаніе рукописей Имп. Общ. Любит. Древн. Письм. II, 387).

Эти параллели существовали въ обиліи и въ многочисленныхъ образцахъ древнерусскихъ писателей, т. е. въ греческихъ патерикахъ, минеяхъ, въ сборникахъ сокращенныхъ житій св., которые рано были переведены у южныхъ славянъ и у насъ. Въ сохранившейся до насъ древнерусской письменности отъ XI до XIV в. мы находимъ однихъ т. н. Прологовъ (краткихъ житій св. на весь годъ, съ поученіями) 57, два полныхъ Патерика (синайскій и скитскій)—XII—XIII вв., 20 отдѣльныхъ житій св., 14 списковъ Лѣствицы Іоанна, съ XII в. и до 20 разнообразныхъ сборниковъ съ житіями св. Патерики, описывавшіе чудеса и житія монаховъ на Востокѣ и въ Европѣ, появляются съ IV в., когда развившееся монашество и масса все возникавшихъ монастырей, при начинавшемся въ тоже время упадкѣ, отступленіяхъ отъ духа древняго монашества, требовали обличеній и назиданій. Изъ массы патериковъ, отечниковъ выдаются: Лавсаикъ Палладія, Исторія Боголюбцевъ Θеодорита, Лимонарь Мосха, Діалоги св. Григорія Двоеслова (папы Римскаго), Лѣствица Іоанна Синайскаго, и др. Большая часть этихъ произведеній монашеской литературы примыкала къ образцамъ, даннымъ уже Библіей, апокрифическими книгами о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицахъ, сказаніями о христіанскихъ мученикахъ, преданіями о святыхъ первыхъ временъ христіанства. Это повтореніе образцовъ въ жизни и въ литературѣ являлось естественнымъ образомъ изъ идеаловъ монашества, помимо историческихъ явленій, которыя также встрѣчаются въ этихъ памятникахъ и еще болѣе въ большихъ отдѣльныхъ житіяхъ св. *). Церковные историки собира-

*) Еще Буслаевъ въ 1859 г. (рѣчь о народной поэзіи въ древне-русской литературѣ) указалъ вліяніе византійскихъ идеаловъ Синайскаго Патерика на нашъ Кіевскій Патерикъ: разсказу о томъ, какъ Θеодосій, возвращаясь ночью отъ в. кн. Изяслава въ свой монастырь, самъ долженъ былъ править и сидѣть на конѣ, въ то время какъ возница его покойно отдыхалъ въ повозкѣ, отвѣчаетъ подобный случай съ патр. Θеодотомъ. Однажды ѣхалъ онъ съ однимъ клирикомъ. Клирикъ сидѣлъ на ослѣ, а патріархъ въ повозкѣ; и сказалъ этотъ послѣдній своему возницѣ: измѣримъ долготу пути: одну половину пути ты будешь ѣхать на ослѣ, а я въ повозкѣ, а другую половину ты въ повозкѣ, а я на ослѣ (параллель отдаленная, см. у Срезневскаго Свѣдѣнія LXXXII, русскій списокъ Синайскаго Патерика XI—XII вв., слово 38);

ли акты о мученикахъ, историки монашества обходили пустыни, скиты и города, собирая преданія объ основателяхъ, объ учителяхъ, о мученикахъ монашества. Въ этой литературѣ мы находимъ и слѣды классической философіи, приложенной къ христіанскимъ началамъ. Такова напр. замѣчательная Лѣствица. Кромѣ переводовъ полныхъ житій въ славянорусской литературѣ рано появляется т. н. „Прологъ", составленный на основаніи греческихъ сборниковъ сокращенныхъ Миней на цѣлый годъ. Въ этотъ Прологъ входятъ многочисленныя выдержки изъ Патериковъ, изъ Лѣствицы, съ XII в.—изъ русскихъ житій. Къ тому, что мы сказали о Прологѣ выше прибавимъ еще, что древніе списки его важны по житіямъ русскихъ святыхъ. Такія житія, какъ Владиміра св., Ольги, Леонтія Ростовскаго, Варлаама Хутынскаго (Новгородскаго), въ спискахъ XIII вѣка, служатъ прекраснымъ дополненіемъ лѣтописныхъ сказаній и драгоцѣннымъ критеріемъ позднѣйшихъ житій. Въ нихъ содержатся важныя данныя для характеристики древне-русскаго язычества; со стороны же собственно литературной они даютъ указанія на взаимныя отношенія произведеній древне-русской литературы. Проложное житіе Владиміра отражаетъ пріемы Иларіона и автора лѣтописнаго сказанія объ Ярославѣ книголюбцѣ, 1037 г. Проложное сказаніе о в. кн. Ольгѣ дополняетъ реторическую похвалу въ лѣтописи подъ 969 г. важными данными.

Къ числу произведеній древне-русской литературы разсматриваемаго нами времени относятся нѣсколько сочиненій, посвященныхъ чествованію св. Николая Мирликійскаго, который и у другихъ европейскихъ народовъ пользовался особенной популярностью, какъ спаситель погибающихъ на водѣ, на морѣ, какъ защитникъ плѣнныхъ, угнетенныхъ, ратоборецъ за правду. Чудеса святыхъ служили предметомъ церковной иконописи и народной духовной пѣсни. Въ Старой Ладогѣ сохранились церковныя фрески XI в., представляющія извѣстное чудо св. Георгія со змѣемъ—побѣду

точно также и разсказъ о просфорникѣ Спиридонѣ, который своею ризою заткнулъ устье печи, и тѣмъ предотвратилъ пожаръ, а риза его не сгорѣла, соотвѣтствуетъ происшествію въ обители Ѳеодосія Великаго (Синайскій Патерикъ, гл. 114 о Георгіѣ). Остальныя параллели см. въ изслѣдованіи Яковлева о древне-кіевскихъ религіозныхъ сказаніяхъ. Таковы разсказы: о наполненіи закрома мукой по молитвѣ святого (Синайскій Патерикъ), о раскаяніи за убитаго комара и о преданіи своего тѣла на кусаніе комаровъ и мошекъ (Египетскій Патерикъ) и проч.

надъ нимъ и освобожденіе царской дочери. О св. Николаѣ мы имѣемъ три русскихъ записи чудесъ, при чемъ мѣстомъ дѣйствія двухъ изъ нихъ является Кіевъ. Къ XI в. относится установленіе праздника перенесенія мощей Николая Чудотворца изъ Миръ-Ликійскихъ въ Баръ градъ,—что относится къ 1087 г. Голубинскій въ Исторіи Русской Церкви (I. 1, 642) высказалъ основательное предположеніе, что упоминаемый въ Никоновской лѣтописи, подъ 1091 г., митр. Θеодоръ Грекъ, принесшій много мощей изъ Рима отъ папы, принесъ на Русь и первыя извѣстія объ этомъ латинскомъ торжествѣ, неизвѣстномъ грекамъ Византіи, но сдѣлавшемся русскимъ церковнымъ праздникомъ и вызвавшемъ сказаніе „Мая въ 9 день память перенесенія мощій св. отца нашего арх. Николы"; „въ напастехъ великаго помощника и заступника показавшагося по морю и по суху, больныя исцѣляя, плѣнники избавляя", и пр. Это произошло, говоритъ авторъ XI в.,—„въ лѣта русскихъ князей: христолюбиваго князя Всеволода Мономаха въ Кіевѣ и благороднаго сына его Володимера въ Черниговѣ". Здѣсь разсказывается подробно, какъ Баряне вооруженные предвосхитили у Венеціанцевъ мощи св. Николая и какъ въ первые же дни въ Барахъ явились чудеса исцѣленія больныхъ, и пр.

Такимъ образомъ слава св. Николая на Руси широко распространяется уже въ XI в.: „Пріиди въ Русь, говоритъ русскій авторъ чуда въ Кіевѣ съ дѣтищемъ, и виждь, яко нѣсть града, ни села, идѣже не бѣша чюдеса многа умножена св. Николая". „Но и се вы скажю, продолжаетъ авторъ чюда послѣ краткаго вступленія, сотворися чюдо въ градѣ Кіевѣ: приспѣвши памяти св. мученику Бориса и Глѣба, приходящимъ множеству людій отъ всѣхъ градъ и селъ на праздникъ св. мученику". Нѣкоторый кіевлянинъ собрался въ Вышгородъ поклониться гробу святыхъ Бориса и Глѣба, взявъ съ собой „свѣщу и θиміамъ и просфоры на почесть празднику". Поѣхалъ онъ на лодкѣ по Днѣпру съ женой и младенцемъ. Жена задремавъ уронила младенца въ воду, и онъ утонулъ. Напрасно вопіялъ отецъ, призывая св. Николая, къ которому имѣлъ велику вѣру: „Ци, мниши мя невѣдающи, говорилъ несчастный отецъ, твоихъ чюдесъ: кто избави 3 мужи отъ смерти? кто избави Агрикова сына отъ Сращинъ? кто изъ дна моря извлече и въ единъ часъ обрѣтеся въ хлѣвинѣ своей? и ина бесчисленная чюдеса, ихже языкъ человѣчь не можетъ изрещи", и проч. Жена только рвала волосы и била себя по ланитамъ. И не напрасны были слезныя молитвы кіевлянина: „архіерей Христовъ удиви чюдо, его-же въ

прежнихъ родѣхъ не бысть: дѣтя утопшее изъ рѣкы принесе нощію и положи е на полатѣхъ св. Софіи живо и невреженo". Изумился пономарь, услыхавъ на заутренѣ дѣтскій плачъ въ Софіи, и послали въ соборъ торгу (на базаръ): „чье дѣтя лежить на полатѣхъ св. Софіа"? Велико было и изумленіе и радость родителей дѣтища, и весь градъ стекся въ св. Софію, прославляя св. Николу. Два другихъ чуда въ старомъ житіи св. Николая передаютъ разсказы русскихъ, бывшихъ въ Константинополѣ. Это чудо о коврѣ, его же купивъ и паки взврати вспять, и чудо о человѣцѣ, его же избави изъ железъ, изъ темницы. Наконецъ въ сборникахъ встрѣчается еще старинное чудо св. Николая съ плѣннымъ половчиномъ въ позднихъ спискахъ.

Однако чудо это настолько замѣчательно по старымъ бытовымъ подробностямъ, что мы считаемъ возможнымъ сдѣлать изъ него нѣсколько выдержекъ, опуская вставочныя размышленія кіевскаго монаха—автора, знакомаго съ лѣтописными поученіями о казняхъ Божіихъ XI в. Содержаніе чуда состоитъ въ слѣдующемъ: какой-то богатый мужъ „въ славнемъ градѣ Кіевѣ" державъ въ оковахъ плѣннаго половчина, дожидаясь, вѣроятно, выкупа; наконецъ рѣшилъ выпустить его на волю, послѣ того, какъ половчинъ поклялся въ церкви передъ образомъ св. Николая привести въ Кіевъ выкупъ—табунъ коней. Долго не привозилъ выкупа „поганый Половецъ", пока не стали случаться съ нимъ чудныя происшествія: въ пути являлся ему св. Николай и напоминалъ объ искупѣ, приводя его къ покаянію выбрасываніями изъ сѣдла съ коня. Такъ случилось наконецъ съ „поганымъ Половчиномъ„ въ сонмѣ князей и вельможъ съѣхавшихся Половцевъ: „сторже его съ коня сила Божія невидимая, всѣмъ зрящимъ и дивящимся". Это было уже третье явленіе, при которомъ повторилось невидимое увѣщаніе Половчину и страшное мученіе его, съ біеньемъ о землю, съ страшными изгибами всего тѣла, такъ что и голова попадала между ногъ. Поправившись послѣ того „Половчинъ той,—продолжимъ словами повѣсти, напоминающей во многомъ лѣтописныя сказанія (напр. а невѣдущи силы Божія, ни повѣда намъ мнихомъ, созва весь родъ свой и племя),—убоявся ни мало пождавъ, повелѣ рабомъ своимъ нарядитися и стадо коней отлучити, имже бяше дати искупъ, и малое стадце къ тому прилучити, еже дати отъ порученя св. Николѣ, дабы уже не мучилъ его; бяше бо богатъ зѣло, И тако скоро поѣха на Русь съ коними тѣми и не токмо искупъ пригна господину своему, но и боле бояся поручника своего, па-

шего поборника великаго помощника св. Николы. Егда же пригнася ко граду Кіеву, не ѣха на дворъ, идѣже бѣ сѣдѣлъ у господина оного, но ѣха преже ко церквѣ св. Николы, идѣже бѣ данъ на поруку ему, и слѣзъ съ коня далече пѣшъ пріиде ведый за собою малое оно стадце коней, и вшедъ въ притворъ, узрѣ икону ону св. Николы, сице со слезами падъ на землю рече: не мучи мене, Господи мой поручниче, святче Божій Николо, се искупъ весь пригнахъ христіанину твоему и тебѣ нечто мало отъ порученія, да не гнѣваешися на мя; понеже хотѣхъ солгати и не добро ми бысть. И си изрекъ икони отдавъ іерѣю тоя церкви, поѣха ко господину своему, и пригнавъ на дворъ его большее стадо коней, поклонився рече ему: се искупъ мой, господи, а у поручника бых уже!“ — Повѣсть эта, или сказаніе могло составиться въ стилѣ Проложныхъ или Лѣтописныхъ повѣстей. Содержаніе его не лишено интереса для характеристики быта половцевъ, напр. ихъ совѣщаній на коняхъ, въ кругу, какъ бы казачьемъ, ихъ сословныхъ отношеній, содержаніи въ плѣну у русскихъ, о значеніи поручительства передъ образомъ — даже для инородцевъ.

Въ заключеніе этого отдѣла отмѣтимъ изданія памятниковъ, разсмотрѣнныхъ въ немъ:

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. II, 1888 г., отдѣлъ 2. „Въ память исполнившагося 900-лѣтія со времени крещенія Руси, изд. подъ ред. А. И. Соболевскаго“. Памятники древнерусской литературы, посвященные Владиміру св.: Древнее житіе св. Владиміра, „Память и похвала“ Мниха Іакова, Обычное житіе св. Владиміра, Проложное житіе св. Владиміра, Распространенное проложное житіе, Похвальное слово митр. Иларіона, Похвальное слово Владиміру, Уставъ церковный Владиміра, южно-русское житіе св. Владиміра, Проложное житіе св. Ольги.

Чтенія въ И. О. Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1870 г., кн. I, III. Матеріалы славянскіе (Бодянскаго) „Съказаніе и страсть, и похвала св. мученику Бориса и Глѣба... по харатейному списку Московскаго Большаго Успенскаго Собора XII в., съ 2-мя литографированными снимками и по харатейному списку Московскаго Чудова монастыря XIV в., съ литогр. снимкомъ.

Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка. Изд. И. И. Срезневскій. Спб. 1860 г. (съ полнымъ литографированнымъ изданіемъ и текста и рисунковъ оригинала).

Житіе преп. Θеодосія игумена Печерскаго. Списаніе Нестора, съ предисловіемъ Андрея Попова (по харатейному списку XII в.). Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1879 г. кн. I).

Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ, изданные Владиміромъ Яковлевымъ, Спб. 1872 г. (Кіевскія религіозныя сказанія и Печерскій Патерикъ).

Кіевопечерскій Патерикъ по древнимъ рукописямъ, въ переложеніи на современный русскій языкъ Маріи Викторовой, бывшей воспитанницы Маріинско-Ермоловскаго женскаго училища. Кіевъ, 1870 года.

Во II Приложеніи (ниже) мы даемъ еще свѣдѣнія о древнѣйшихъ рукописяхъ Печерскаго Патерика, ихъ текстахъ, печатая нѣкоторыя сказанія съ разночтеніями. Кромѣ того, мы касаемся еще вопроса о происхожденіи Кіево-Печерскаго Патерика, отмѣчая его источники, его планъ и характеръ изложенія. Пока мы не имѣемъ своднаго хорошаго изданія Памятника, не можемъ говорить о его литературной исторіи. Что изданіе Яковлева не удовлетворительно въ научномъ отношеніи можно судить уже потому, что въ немъ есть пропуски, ошибки въ выраженіяхъ, напр.: стр. LXXII (нѣтъ начала сказанія Іоанновской редакціи), стр. XCIII (пропускъ цѣлой фразы), CXIV — CXVII (масса разночтеній), CLXV (пропущено: и нача копати), CLXXV (2 стр. снизу вм. „домъ“ читай „долгъ“), и т. д. и т. д.

Хожденія русскихъ паломниковъ—странниковъ въ св. Землю, въ Іерусалимъ и въ Константинополь—Царьградъ. Игуменъ Даніилъ, архіепископъ Новгородскій Антоній и ихъ отношеніе къ послѣдующему развитію паломнической литературы.

IV.

Путешествія древне-русскихъ писателей, начиная съ знаменитаго игумена Даніила, начала XII в., представляютъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ отдѣловъ духовной литературы, такъ какъ, за самыми незначительными исключеніями, всѣ эти описанія русскихъ путешественниковъ до XVIII в. написаны съ религіозной цѣлью— въ назиданіе и въ руководство читателямъ и странникамъ. Но древнѣйшія изъ нихъ интересны по отношенію къ подобной же западно-европейской литературѣ и еще болѣе по отношенію къ характеристикѣ древне-русскаго просвѣщенія и культуры. Такимъ образомъ сочиненія двухъ нашихъ первыхъ путешественниковъ XII—XIII вв. имѣютъ важное историческое значеніе и даютъ богатый матеріалъ—съ одной стороны, для характеристики сношеній русскихъ съ иностранцами, свѣдѣній объ ихъ жизни, а съ другой стороны,—для характеристики иноземныхъ вліяній въ древней Руси, выразившихся въ легендахъ, апокрифахъ, въ искусствѣ, въ литературѣ.

Къ сожалѣнію, тексты древне-русскихъ путешественниковъ дошли до насъ въ неудовлетворительномъ видѣ: или въ видѣ многочисленныхъ позднихъ передѣлокъ, или въ видѣ отрывковъ и даже— въ видѣ сжатыхъ сокращенныхъ путеводителей. Такъ самый популярный памятникъ этой литературы—древнѣйшее Хожденіе или Странникъ игумена Русскія земли Даніила, 1106—1107 г., дошед-

шій до насъ въ количествѣ 90 списковъ, представляетъ отличія въ заглавіи, въ расположеніи главъ (около 100) и даже въ самыхъ подробностяхъ содержанія. Многія подробности Даніилова Хожденія встрѣчаются у позднѣйшихъ русскихъ паломниковъ отъ XIV до XVII в. Если позднѣйшіе странники могли вставлять въ свои описанія выдержки изъ полнаго Хожденія Даніила, то могли быть и позднѣйшія вставки въ послѣднемъ, тѣмъ болѣе, что книга странничества Даніила дошла до насъ въ спискахъ не старѣе второй половины XV в. (1475 г.). Другое описаніе древняго Цареграда изъ паломничества архіепископа новгородскаго Антонія 1200 г. дошло до насъ всего въ 4 неполныхъ спискахъ XV—XVII вв.

Критическими изданіями древне-русскихъ паломниковъ, число которыхъ увеличилось недавно еще новыми открытіями (Хожденій архимандрита Агрефенія XIV в., священно-инока Варсонофія XV в. и Бесѣды о святыняхъ Цареграда того же вѣка), особенно ревностно занято Императорское Православное Палестинское Общество, которому и принадлежатъ слѣдующія изданія: Житье и Хоженье Данила игумена (3 и 9 вып. Правосл. Палест. Сборника), Хожденіе Игнатія Смолнянина 1389—1405 г. (вып. 12), Хоженіе инока Зосимы 1419—1422 г. (вып. 24), Хоженіе гостя Василія 1465—1466 г. (вып. 6), Хожденіе купца Позднякова 1558—1561 г. (вып. 18), Хожденіе Трифона Коробейникова 1593—1596 г. (вып. 27), Житіе и Хожденіе въ Іерусалимъ и Египетъ казанца Василія Гагары 1634—1637 г. (вып. 33). Изъ прежнихъ изданій все еще имѣютъ значеніе: Норова „Путешествіе игумена Даніила“, *Савваитова* „Путешествіе новгородскаго арх. Антонія въ Царьградъ“ и Сахарова въ „Сказаніяхъ Русскаго народа“, во 2 т. „Путешествія русскихъ людей“, хотя собственно научное значеніе имѣетъ только изданіе Саввантова. Но въ прошломъ году появилось прекрасное изданіе „Книга Паломникъ. Сказаніе мѣстъ святыхъ во Царѣградѣ Антонія Архіепископа Новгородскаго въ 1200 г., подъ редакціею Хр. М. *Лопарева*“ (Православный Палестинскій Сборникъ, 51 выпускъ), 1899 г.

Значительное развитіе паломнической литературы объясняется прежде всего ея жизненнымъ значеніемъ. Съ самаго перваго появленія христіанства на Руси, начинаются странствованія русскихъ съ религіозной цѣлью въ Царьградъ и затѣмъ далѣе—въ св. Землю, гдѣ сходились въ средніе вѣка всѣ представители европейскихъ христіанскихъ народовъ. Это сердечное влеченіе къ Іерусалиму съ гробомъ Господнимъ, съ массой воспоминаній о евангельскихъ и библейскихъ событіяхъ, разрѣшается, какъ извѣстно, крестовыми

походами, передъ которыми, повидимому, готовы были смолкнуть религіозныя разногласія церквей и толковъ. Но крестовые походы окончились неудачей, хотя и оставили глубокое вліяніе въ европейской культурѣ и литературѣ. Въ этомъ движеніи справедливо видятъ одинъ изъ несомнѣнныхъ путей перехода восточныхъ сказаній и вещей на западъ. Такъ было и у насъ, хотя русскіе и не участвовали въ непосредственномъ движеніи крестовыхъ походовъ, но вполнѣ сочувствовали имъ,—тѣмъ болѣе, что азіатскій Востокъ давалъ себя знать непосредственно, все болѣе и болѣе напирая на русскую землю. Послѣ татарскаго нашествія наши странники предпринимали далекія путешествія: на Востокъ, въ Индію, или черезъ Кавказъ и Малую Азію въ св. Землю. Но влеченіе къ Константинополю и Іерусалиму осталось господствующимъ до XVIII в., хотя съ XV в. присоединяются описанія путешествій и въ Западную Европу, особенно въ Германію и въ Италію.

Въ описаніяхъ нашихъ религіозныхъ паломничествъ мы нерѣдко встрѣчаемся съ любопытными указаніями на дружины русскихъ странниковъ, на русскія святыни въ Константинополѣ и въ св. Землѣ, на радость встрѣчъ этихъ и на патріотическія дѣйствія и вспоминанія самихъ авторовъ паломничествъ. Намъ приходилось уже встрѣчать указанія памятниковъ древнерусской письменности и народной словесности на распространенность въ древней Руси т. н. паломниковъ, каликъ, странниковъ, причемъ, замѣтимъ, названія первыхъ двухъ происходятъ отъ пальмъ, съ которыми возвращались странники и отъ обуви—калигъ. Толпы этихъ странниковъ двигались по древней Руси въ Ерусалимъ, вообще къ св. мѣстамъ, пользуясь покровительствомъ церкви и благочестивыхъ слушателей, которымъ странники повѣствовали о видѣнномъ и слышанномъ на пути, увлекая нерѣдко и этихъ слушателей на путь странствованія къ св. мѣстамъ, дабы заслужить тѣмъ наибольшую милость Господа и его святыхъ.

Былины и духовные стихи говорятъ и о пѣніи такихъ каликъ перехожихъ, знавшихъ напѣвки отъ Царяграда и отъ Ерусалима. Однако были и противники въ высшемъ и образованномъ духовенствѣ, вооружавшіеся противъ странничества. Такъ Несторъ не раздѣлялъ увлеченія молодого Ѳеодосія „походить съ странниками по св. мѣстамъ, идѣже Господь плотію походи и поклонитися имъ“; такъ въ новгородскихъ вопросахъ Кирика и др. половины XII в. указывается, что русская земля страдаетъ отъ обѣщаній (отъ роты), которыя накладываютъ на себя многіе,—идти въ Ерусалимъ,—не-

рѣдко просто изъ любви къ бродяжничеству, чтобы ѣсть и пить въ праздности; такъ самъ Даніилъ паломникъ говоритъ противъ увлеченія многихъ паломничествомъ. Приведемъ подлинныя слова Даніила. Начиная свое описаніе съ необыкновеннымъ смиреніемъ, предлагая его читателямъ для душеспасительнаго чтенія, замѣняющаго самыя хожденія, Даніилъ говоритъ: „мнози бо дома суще, въ мѣстѣхъ своихъ добріи человѣци мыслію своею и милостынею убогыхъ, добрыми своими дѣлы, достигаютъ мѣстъ сихъ святыхъ, иже болшую мзду пріимутъ отъ Бога.. мнози бо доходивше св. сихъ мѣстъ и св. градъ Іерусалимъ, и възнесшеся умомъ своимъ, яко нѣчто добро сътворивше, и погубляютъ мзду труда своего, отъ нихъ же первый есмь азъ; мнози бо ходивше св. града Іерусалима, пойдутъ опять, многа добра невидѣвши, тщаще опять вскорѣ, а сего пути нелзѣ вскорѣ сотворити“. И далѣе Даніилъ объясняетъ, что въ теченіе 16-ти мѣсячнаго пребыванія въ св. Землѣ онъ не мало истратилъ и средствъ „вѣдущіимъ добрѣ вся св. мѣста въ градѣ и внѣ града. да быша мнѣ все указали добрѣ“. Въ другихъ мѣстахъ своего описанія Даніилъ отмѣчаетъ не мало „лжи и неправды“, какую разсказываютъ о св. мѣстахъ странники. Такъ о св. свѣтѣ небесномъ, который сходитъ чудеснымъ образомъ въ великую субботу на гробъ Господенъ, одни разсказываютъ, по словамъ Даніила, что то Св. Духъ сходитъ голубемъ, другіе,—что то—молнія сходитъ съ неба, и т. д. Оттого, наслушавшись всякихъ разсказовъ, Даніилъ хотѣлъ все еще видѣть и своими очами. И дѣйствительно описаніе его во многихъ отношеніяхъ точно, обстоятельно, хотя и не лишено многихъ легендъ и апокрифовъ, на которыхъ остановимся подробнѣе дальше. Теперь же замѣтимъ, что, выставляя правдивость своего житія и хожденія въ св. Землѣ, Даніилъ извиняется за то, что оно написано „не хитро, но просто... и не мудро“ (стр. 126). Таковъ литературный характеръ вообще всѣхъ нашихъ паломничествъ: рѣдко въ нихъ можно встрѣтить изліянія личныхъ чувствъ, восторга передъ невиданной природой, характеристики иноземцевъ. Вмѣсто этого почти постоянно встрѣчаемъ описаніе въ порядкѣ сухого дневника—путеводителя, выписки изъ св. Писанія, отрывки изъ житій св. и еще чаще легенды и апокрифическія сказанія. Съ величайшимъ трудомъ можно добраться по нашимъ паломничествамъ до отвѣтовъ на вопросы: откуда были авторы, кто были ихъ современники, гдѣ они писали?

Давно уже нашего перваго паломника „Даніила игумена Русскія земли, или просто мниха“ признали черниговскимъ жителемъ

на основаніи сравненія рѣки Іордана съ родной русской рѣкой „Сновой“ (еще митр. Евгеній указывалъ на Снову р. въ окрестностяхъ Стародуба, Черниговской губ.). Если эта Снова или Сновь р. одно изъ такихъ распространенныхъ названій, какъ напр. Каменка, Старица и т. п., то есть еще основаніе считать Даніила южнорусскимъ уроженцемъ. Это предпочтеніе, южно-русскихъ Князей—своихъ современниковъ. Таковы шесть князей, по спискамъ болѣе древней редакціи Хожденія Даніила: Михаилъ Святополкъ (т. е. в. кн. Кіевскій 1093—1113 г.), Василіе Владиміръ (т. е. Владиміръ Мономахъ, бывшій в. Кн. Кіевскимъ 1113—1125 г.), Давидъ Святославичъ, † 1123 г., Михаилъ Олегъ, † 1115 г., Панкратій Святославичъ, † 1127 г., и Глѣбъ Менскій. † 1112 г., женатый на внучкѣ в. кн. Кіевскаго Святослава. Списки другихъ редакцій Хожденія прибавляютъ имена другихъ князей, или искажаютъ названныхъ. Болѣе или менѣе точное опредѣленіе 1106—1107 г.—годомъ странствованія Даніила въ св. Землѣ основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ. Даніилъ совершалъ свое 16-ти мѣсячное хожденіе по св. Землѣ при королѣ іерусалимскомъ Балдуинѣ I (1100—1118), послѣ взятія крестоносцами города Акры (1104 г.), или точнѣе сопутствуя Балдуину во время его войны съ Дамаскимъ эмиромъ (1106—1108). Прослѣдимъ теперь путь Даніила, отмѣчая его лучшія описанія и подробнѣе остановимся на легендахъ и апокрифахъ, составляющихъ особенное значеніе въ исторіи древнерусской литературы и народной словесности.

Даніилъ ничего не говоритъ о своемъ пути изъ Россіи, какъ не говоритъ и о возвращеніи на родину, ограничиваясь указаніемъ на Царьградъ,—какъ мѣсто отплытія въ св. Землю „по лукоморію“ и „великому морю“ и затѣмъ, какъ мѣсто своего возвращенія. Отмѣчая поверстное разстояніе между остановками и замѣчательными мѣстами по пути къ Іерусалиму, Даніилъ отмѣчаетъ островъ Родъ, на которомъ „былъ Олегъ Князь русскій 2 лѣтѣ и 2 зимѣ“ (это знаменитый Гориславличъ Слова о Полку Игоревѣ, о которомъ лѣтопись говоритъ: подъ 1079 г. „а Олга емше Козаре поточиша за море Царю городу или Цесарюграду“, подъ 1083 г. „приде Олегъ изъ Грекъ Тмутороканю“), гору на островѣ Кипрѣ съ кипариснымъ великимъ крестомъ, который „стоитъ на воздусѣ ничимъ же не придержится къ земли, но тако духомъ святымъ носимъ есть на воздусѣ“. „И ту, говоритъ Даніилъ, недостойный азъ поклонихся святыни той чудной и видѣхъ очима своима грѣшныма благодать Божію на мѣстѣ томъ и походихъ островъ той весь добрѣ„. Среди

множества сухихъ и точныхъ путевыхъ замѣтокъ мы встрѣчаемъ у Даніила такое трогательное выраженіе чувства, какъ при видѣ Іерусалима: „и бываеть тогда радость велика всякому христіанину, видѣвше святый градъ Іерусалимъ и ту слезамъ пролитье бываеть отъ вѣрныхъ человѣкъ. Никтоже бо можеть не прослезитися, узрѣвъ желанную ту землю и мѣста сватаа вида, идѣже Христосъ претерпѣ страсти насъ ради грѣшныхъ и идуть всѣ пѣши съ радостію великою къ граду Іерусалиму". Удивляется далѣе нашъ паломникъ чуднымъ храмамъ, живописнымъ образамъ и еще болѣе—необыкновеннымъ святынямъ. Онъ отмѣчаетъ и фрязскія святыни, хотя, какъ увидимъ, сторонится отъ латинянъ. Первымъ дѣломъ Даніилъ описываетъ храмъ гроба Господня и Голгоѳу, при чемъ, какъ и всѣ его современники, отмѣчаетъ: „за олтаремъ пупъ земли и создана надъ нимъ комарка.. а отъ пупа земнаго до распятія Господня есть саженъ 12.. распятіе же Господне на камени высоко было яко стружія выше". Это слово „стружіе", встрѣчающееся въ Словѣ о Полку Игоревѣ, замѣчательно у Даніила среди его верстъ, саженъ, или „дострѣловъ и яко довержеть человѣкъ каменемъ". На Голгоѳѣ „лежить первозданнаго Адама глава и въ распятіе Господне, разсказываетъ Даніилъ по извѣстному апокрифу, егда на Крестѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ предасть духъ свой, и тогда раздрася катапетазма и каменіе распадеся: тогда же и тъ камень просѣдеся надъ главою Адамлею и тою разсѣлиною сниде кровь и вода изъ ребръ Владычень на главу Адамову и омы вся грѣхы рода человѣча. и есть разсѣлина та на камени томъ и до днешняго дне". Далѣе Даніилъ описываетъ столпъ Давыдовъ, въ которомъ царь составилъ псалтирь, и въ который входилъ и Даніилъ, но могъ войти только съ однимъ спутникомъ Изславомъ. Дальше мы увидимъ, что около Даніила была дружина изъ кіянъ и новгородцевъ человѣкъ 8 или болѣе. Описывая не разъ природу и образъ жизни въ св. Землѣ, опасности пути изъ Іерусалима къ Іордану, Даніилъ такъ изображаетъ эту рѣку: „Іорданъ же рѣка течеть быстро.. вода же мутна велми и сладка пити и нѣсть сыти піюще воду ту святую; ни съ нея болѣть, ни пакости во чревѣ человѣку. Всѣмъ же есть подобенъ Іорданъ къ рѣцѣ Сновьстѣй, и вширѣ и въ глублє, и лукаво течеть и быстро велми, яко же Сновь рѣка. Вглубле же есть 4 сажень среди самое купѣли, яко же измѣрихъ и искусихъ самъ собою, ибо пребродихъ на ону страну Іордана, много походихомъ по брегу его; вширѣже есть Іорданъ яко же есть Сновь на устіи. Есть же по сей странѣ Іордана на купѣли той, аки лѣси

древо не высоко, аки вербѣ подобно есть... и яко лозіе, по несть якоже наша лоза.. звѣрь многъ ту и свиніи дикіи бещисла много и пардуси мнози ту суть львове же" (46). Подробно и съ удовольствіемъ, какъ монахъ, описываетъ Даніилъ Лавру св. Саввы: „лавра же уставлена отъ Бога дивно и несказанно: потокъ бѣ нѣкако страшенъ и глубокъ зѣло и безводенъ, стѣны имя высоки, и на тѣхъ стѣнахъ лiять келіи прилѣплены и утвержены отъ Бога нѣкако дивно и страшно; на высотѣ бо той стоять келіи по обѣма странама потока того страшнаго и лiять на скалахъ, яко звѣзды на небеси утвержены". Какъ обычно въ житіяхъ св. мѣсто основанія лавры „показа Богъ св. Савѣ столпомъ огненымъ.. и видѣхъ кладязь св. Савы, его же показа ему въ нощи осля дикое". Любопытны апокрифическія преданія о сіонскихъ святыняхъ, о горѣ, въ которой скрылась Елисавеѳь съ Предтечею, о Ѳаворѣ и пещерѣ Мельхиседековѣ, но мы скажемъ о нихъ ниже. Много въ Хожденіи Даніиловомъ выдержекъ изъ Евангелія, приводимыхъ въ связи съ описаніемъ соотвѣтствующихъ мѣстъ и святынь Палестины; но не мало и разсказовъ, связанныхъ съ современными событіями. Таковы подробности о Балдуинѣ, о латинахъ и о св. свѣтѣ. Первая встрѣча съ королемъ Іерусалимскимъ описана у Даніила такъ: „пойде бо князь Іерусалимскій Балдвинъ на войну къ Дамаску путемъ тѣмъ къ Тиверіадьскому морю.. то азъ увѣдахъ, оже хощеть князь путемъ тѣмъ къ Тиверіадѣ, идохъ къ князю тому и поклонихся ему и рекохъ: и азъ быхъ хотѣлъ пойти съ тобою къ Тиверіадьскому морю, да быхъ походилъ святаа та мѣста вся около Тиверіадьского моря; да Бога дѣля поими мя, княже!" Тогда княземъ съ радостію повелѣ ми пойти съ собою и приряди мя къ отрокомъ своимъ.. и тако пройдохомъ мѣста тѣ страшная съ вои царьскими безъ страха; а безъ вои путемъ тѣмъ никтоже можетъ пройти„. Въ другой разъ въ великую пятницу Даніилъ явился къ Балдуину, поклонился ему до земли. „Онъ же, видѣвъ мя худаго, и призва мя къ себѣ съ любовію и рече ми: „что хощеши, игумене Руській?" позналъ мя бяше добрѣ и люби мя велми, якоже есть мужь благодѣтенъ и смѣренъ велми и не гордить ни мало. Азъ же рекохъ ему: „княже мой! господине мой; молю ти ся Бога дѣля и князей дѣля русскихъ, повели ми, да быхъ и азъ поставилъ свое кандило на гробѣ святѣмь отъ всея русскыя земля!" Не смотря на это расположеніе Балдуина къ Даніилу, съ какимъ онъ приблизилъ нашего паломника къ себѣ, несмотря на расположеніе одного изъ латинскихъ епископовъ, который угощалъ нашихъ странниковъ съ Даніиломъ

во главѣ, послѣдній не преминулъ нѣсколько разъ отмѣтить свою разность съ латинскимъ духовенствомъ: „латина же начаша верещати свойскы; а фряжьская кандила повѣшена бяху горѣ, а отъ тѣхъ ни едино же възгорѣся (св. свѣтъ сошелъ только на кандила православныхъ); а не опрѣснокомъ (добавляетъ Даніилъ о литургіи хлѣбомъ и виномъ)“. Повидимому находчивый Даніилъ такъ же не побрезговалъ воспользоваться услугами и „старѣйшины срациньскаго“, который „со оружіемъ проводи ны олне до Виѳлеема и та мѣста вся тоже ны проводилъ, а лань не дойти до тѣхъ мѣстъ поганыхъ ради“. Однако въ торжественныя минуты Даніилъ легко сливался чувствомъ христіанскаго умиленія со всякимъ христіаниномъ. Не могу не привести здѣсь картины Іордана въ водохрещенный праздникъ: „множество народа бещисла тогда пришедшихъ къ водѣ; всю нощь ту пѣніе бываетъ изрядно и свѣщь бесчисла горящихъ и въ полунощи бываетъ крещеніе водѣ; тогда бо и Духъ Святый приходитъ на воды Іорданскіа и видятъ достойніи человѣци добріи, а вси народи не видятъ ничтоже, но токмо радость и веселіе бываеть тогда въ сердци всякому христіанину, и егда рекуть: „во Іордани крещьщутися Господи“, тогда вси людіе въ воду и крестяться въ полунощи, якоже и Христосъ въ полунощи крестился есть“. Точно также передъ нисхожденіемъ св. огня на гробъ Господень: „и тако стоать вси вѣрніи людіе слезни и скрушенымъ сердцемъ и тъ самъ Балдвинъ стоитъ съ страхомъ и смиреніемъ великимъ; источници проливаются чюдно отъ очію его; такоже и дружина его около его стоятъ прямо гробу, близъ олтаря великаго, вси бо сіи стоятъ съ смѣреніемъ“.

Въ заключеніе обозрѣнія Хожденія Даніила остановимся на легендахъ и апокрифахъ, вошедшихъ въ его описаніе многочисленныхъ святынь. Припомнимъ еще замѣчательное свидѣтельство самого Даніила о разногласіи сказаній и о его собственныхъ устныхъ и книжныхъ источникахъ: „не ложно по истинѣ, яко видѣхъ, тако и написахъ о мѣстѣхъ сихъ, а иніи не доходивше мѣстъ сихъ, лжуть много и блядуть. Мнѣ же худому Богъ показа мужа свята и стара деньми, и книжна вельми, и духовна, живша въ Галилеи лѣтъ 30, а у св. Савы въ лаврѣ живша лѣтъ 20, и тый ми мужь указа все по истинѣ, отъ святыхъ книгъ испытавъ добрѣ“. Въ другомъ мѣстѣ Даніилъ ссылается и на соотечественниковъ—очевидцевъ: „мнѣ же худому Богъ послухъ есть.. и вся дружина Русьстіи сынове, приключшіися тогда во тъ день Новгородци и Кіяне: Изяславъ Ивановичь, Горо-

диславъ Михайловичъ, Кашкича и инін мнози, еже то свѣдають о мнѣ худомъ“.

Перечитывая нашихъ старыхъ паломниковъ и особенно самаго древняго и плодовитаго изъ нихъ, Даніила, мы находимъ у нихъ упоминанія множества такихъ именъ, мѣстностей, предметовъ и связанныхъ съ ними мѣстныхъ преданій, какія не повторяются въ настоящее время. Эта широкая область легендъ и апокрифовъ, исчезнувшая вслѣдствіе многочисленныхъ историческихъ измѣненій, пережитыхъ святынями Палестины и Цареграда, имѣетъ глубокое историко-литературное значеніе. Это область, въ которой сливаются разсказы всѣхъ европейскихъ паломниковъ съ сказаніями Востока, съ литературными преданіями первыхъ христіанскихъ вѣковъ и ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ въ искусствѣ и литературѣ среднихъ вѣковъ, въ народныхъ пересказахъ и стихахъ, доживающихъ до нашего времени. Покажемъ на нѣсколькихъ примѣрахъ, взятыхъ изъ Хожденія Даніила, любопытную литературную исторію этихъ преданій, составляющихъ предметъ извѣстныхъ уже намъ отреченныхъ, ложныхъ, апокрифическихъ книгъ.

Выше мы приводили разсказы Даніила о крестѣ на воздухѣ, о главѣ Адама, на которую снизошла съ креста Господня кровь и вода и омыла грѣхи первозданнаго Адама; прибавимъ къ этому упоминаніе о пнѣ древа того честнаго Креста, который видѣлъ Даніилъ въ одномъ изъ Палестинскихъ монастырей. Слѣдующіе за Даніиломъ русскіе паломники повторяютъ и дополняютъ эти сказанія. Такъ іеродіаконъ Зосима въ 1420 г. говоритъ о Кипрскомъ крестѣ „воздухомъ держимомъ“, но называетъ его уже „крестомъ благоразумнаго разбойника“. Въ Хоженіи инока Варсанофія 1456 г. говорится такъ же, какъ и у Даніила, о монастырѣ Иверскомъ „идѣже посекоша древо и сотвориша подножіе кресту Господню“, но ничего уже не сообщается о пнѣ древа, а только о ямѣ, идѣже посекоша древо. Въ XVII в. русскій паломникъ Гагара сообщаетъ, что „подлинный крестъ, на коемъ былъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, увезенъ въ немцы, какъ былъ Іерусалимъ за немцами“ (т. е. до 1187 г.). Акад. Веселовскій (Розысканія 378), разбирая апокрифическія сказанія о крестномъ древѣ и трехъ деревьяхъ, послужившихъ крестами, при распятіи Христа, обращаетъ вниманіе и на слова Гагары: „а гдѣ Лотъ за Іорданомъ рѣкою съ дочерьми своими въ горахъ въ грѣхъ впадеся, и въ томъ мѣстѣ куритца безпрестанно и до нынѣ“. Въ половинѣ XII в. среди Новгородскаго духовенства существовало такое преданіе о крестѣ Гос-

поднемъ: „тако повѣдають: яко не дошедъ Цесаряграда, егда обрѣтенъ, възнеслся на небеса; тако зовуть мѣсто то „Божіе Възнесеніе“, а на земли осталося подножіе“ (Рус. Историч. Библ. 1880 г. VI, 32). Въ переводномъ апокрифическомъ сочиненіи „Откровеніи Меѳодія Патарскаго“, на которое ссылается нашъ древній лѣтописецъ въ началѣ XII в., поддерживается это новгородское преданіе: въ концѣ міра „снидеть съ небеси животворящій крестъ и станеть на мѣстѣ Голгоѳы“.

Прибавимъ еще сказанія о главѣ Адамовой у паломниковъ XVI--XVII вв. и еще болѣе интересное сообщеніе объ этой главѣ и рукописаніи Адама въ Повѣсти краткой Арсенія діакона о Іерусалимѣ: „и входя въ церковь.. лежитъ глава Адама первозданнаго.. а на главѣ той есть церковь, служба въ ней вседневная, а лежитъ взничь двери въ главу горломъ, а лежитъ въ закрилу церковномъ (Сахаровъ Сказанія II т.).. а подъ тѣмъ каменіемъ кости зміевы видѣти, что блюлъ рукописаніе Адамле“.

Конечно, уже древне-русскіе читатели могли дать хорошія и полныя объясненія этимъ намекамъ на связныя апокрифическія преданія объ Адамѣ и крестномъ древѣ, пользуясь многочисленными сказаніями, обращавшимися въ сборникахъ, въ родѣ Палеи, и отдѣльно. Прообразовательное значеніе ветхозавѣтныхъ лицъ и событій, напр. Адама и Христа, древа райскаго и креста и т. п., сближало эти апокрифическія сказанія съ церковными пѣснопѣніями, поучительными словами, церковными преданіями, наконецъ — съ иконами и миніатюрами; но апокрифы въ своемъ стремленіи отвѣтить на всѣ вопросы, слить народныя восточныя преданія съ церковными заходили такъ далеко, что индексы книгъ истинныхъ и ложныхъ давно уже отмѣчали „ложнаа писанія криво складеныя“, какъ напр. о „лбѣ Адамлѣ, что 30 службъ въ немъ и 7 царей подъ нимъ сидѣло“, „о древѣ крестномъ“ и пр. Въ самихъ апокрифическихъ писаніяхъ отмѣчались иногда противорѣчія. Такъ въ „Написаніи Аѳанасія мниха Ерусалимскаго къ Панкови о древѣ разумнѣмь“ опровергаются разныя мнѣнія о древѣ познанія добра и зла, будто это древо было виноградное, или то древо, которымъ Моисей усладилъ воды въ Меррѣ: „а иже то почелъ еси слово Еремѣя прозвитера, еже о древѣ честнѣмь и о извѣщеніе св. Троица, то басни лживыя челъ еси“. Постараемся въ самыхъ сжатыхъ чертахъ изложить сущность сказаній объ Адамѣ и Еввѣ, о Лотѣ, о Соломонѣ и связанномъ съ ними крестномъ древѣ по апокрифиче-

скимъ сказаніямъ, приписываемымъ Григорію Богослову, Северіану Гавальскому и др.

Адама похоронили въ вѣнцѣ изъ вѣтки райскаго дерева, принесеннаго Сиѳомъ. На могилѣ Адама и Еввы выросло изъ этой вѣтки чудное дерево, раздѣлившееся на три части: изъ одной части Сиѳъ возжегъ неугасимый огонь на берегу рѣки Нила. Когда Лотъ согрѣшилъ, то взялъ три головни изъ этого огня посадилъ ихъ и поливая въ постоянномъ покаяніи, достигъ того, что изъ головней явились (проросли) три чудныхъ дерева. Всѣ эти деревья и части ихъ послужили затѣмъ орудіями при распятіи Христа. Когда Соломонъ, владѣя чуднымъ перстнемъ, силой котораго онъ заставлялъ работать себѣ демоновъ, захотѣлъ достать деревьевъ для Храма, то демоны „вырваша древо съ кореніемъ, а глава Адамова въ корени, и принесоша древо во Іерусалимъ и отсекоша кореніе покинуша на поли“. Но чудныя деревья не пригодились для Храма, а Сивилла предсказала Соломону таинственное назначеніе этихъ деревьевъ. Такъ они и остались при Храмѣ до распятія Господа. Между тѣмъ отрокъ Соломона укрылся случайно отъ бури въ пещерѣ и разсмотрѣлъ, что это была кость человѣческая, а не камень. Соломонъ, узнавъ объ этой громадной головѣ Адама, привезъ ее въ Іерусалимъ и здѣсь, ее забросали евреи камнями, образовавъ лиѳостратонъ—гору Голгоѳу, на которой былъ распятъ Христосъ на крестѣ изъ древа, возросшаго изъ главы Адама, вѣрный разбойникъ на крестѣ изъ головни Лота и наконецъ невѣрный разбойникъ на древѣ, которымъ Моисей въ Меррѣ усладилъ воды.

„Сказаніе о рукописаніи Адама, говоритъ Порфирьевъ (Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ... (Спб. 1877 г.. стр, 40—42) въ разныхъ спискахъ излагается неодинаково. По однимъ спискамъ представляется, что Адамъ далъ на себя рукописаніе діаволу но тому, что безъ него онъ не дозволялъ ему землю пахать, говоря, что небеса и рай Божіи, а земля принадлежитъ ему; по другимъ сказаніямъ, Адамъ, испуганный темнотою въ первую ночь, по изгнаніи изъ рая, думалъ, что онъ навсегда лишился свѣта, и далъ діаволу рукописаніе за то, что онъ обѣщалъ ему возвратить свѣтъ. Наконецъ есть еще третье сказаніе... Каинъ родился съ 12-ю змінными головами, которыя страшно терзали Еву, когда она кормила Каина грудью. Адамъ сильно скорбѣлъ объ этомъ и согласился дать рукописаніе на себя діаволу, когда онъ пообѣщалъ снять съ Каина зміевъ... Діаволъ снялъ съ Каина 12-ть головъ змѣиныхъ, положилъ ихъ на плиту съ рукописаніемъ, которую опустилъ въ

Iорданъ, заповѣдавъ змiиным головамъ хранить рукописанiе. Змiины головы и хранили рукописанiе Адамово до того времени, когда Спаситель пришелъ на Iорданъ креститься и сокрушилъ ихъ. Увидѣвъ это дiаволъ отнесъ рукописанiе въ адъ; но, когда Спаситель сошелъ въ адъ, то растерзалъ рукописанiе и связалъ дiавола". Эти сказанiя, возникшiя въ Грецiи, или на Востокѣ, отразились въ греческихъ пѣснопѣнiяхъ VIII в., напр. въ пѣсняхъ канонов на Богоявленiе („и змiевъ главы гнѣздящихся сокрушаетъ, опали струею змiевы главы") и въ греческой церковной живописи, въ изображенiи крещенiя на мозаикахъ и фрескахъ, „гдѣ Спаситель представленъ стоящимъ на четырехугольномъ камнѣ, съ четырехъ угловъ котораго поднимаются противъ Спасителя четыре змiиныя головы".

Русскiе народные стихи былеваго и духовнаго характера (о Василiѣ Буслаевѣ, о Голубиной книгѣ) знаютъ въ Ерусалимѣ Сiонскую гору, Сiонскую церковь—мать всѣмъ церквамъ и камень Алатырь. Данiилъ паломникъ вмѣстѣ съ русскими и западно-европейскими паломниками даетъ лучшее объясненiе этимъ сiонскимъ святынямъ, какъ это разъяснено акад. Веселовскимъ (Разысканiя въ области духовнаго стиха, III) и проф. Мочульскимъ (Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ, 1887 г.). Данiилъ говоритъ о Сiонской горѣ: „и ту есть былъ домъ Iоанна Богословца на горѣ Сiоньстей, и на томъ мѣстѣ создана была церкви велика клѣтьски.. и ту есть храмина, за олтаремъ тоа церкви, и въ той храминѣ Христосъ умы ноги ученикомъ своимъ.. (и далѣе) келiа была Iоанна Богословца, и въ той келiи Христосъ вечерялъ со ученики своими... на томъ же мѣстѣ Сошествiе Святого Духа бысть на апостолы въ Пентикостiю.. и въ ту храмину прiиде Христосъ ко ученикомъ своимъ дверемъ затворенымъ.. ту же и Фому увѣрилъ есть въ 8 день. ту же есть святый камень, принесенъ ангеломъ съ Синайскiа горы. а на друзѣй странѣ тоа же церкви, къ западу лицы есть другаа храмина на земли низка, тѣмъ же образомъ, и ту въ той храминѣ преставилася Святаа Богородица. И то все ся дѣяло въ дому Iоанна Богословца". Послѣдующiе русскiе паломники, какъ дiаконъ Игнатiй (1391 г,), Зосима (1420) и др. прибавляютъ къ этому о сiонскихъ святыняхъ: „яко тамо Христосъ самъ обѣдню служилъ и научилъ по плоти брата своего Iакова обѣдню служити и предалъ ему таинство Священныхъ и божественныхъ служенiй... тамо же въ той церкви два камени, на которыхъ Христосъ сиживалъ часто"; „церковь св. Сiонъ, мати всѣмъ церквамъ; глаголетъ бо писанiе, яко сiя убо первая церковь стася по распятiи Христовѣ во Iеруса-

лимѣ.. и ту лежать два камени, иже Пречистаа восхотѣла видѣти тѣ камени, на чемъ Христосъ бесѣдовалъ съ Моисеемъ на горѣ Синайстѣй и принесе ангелъ два камени, еже ся зоветъ Купина Неопалимая.“ Всѣ эти Сіонскіе камни и святыни вмѣстѣ съ преданіемъ о первой Христіанской церкви, о первомъ алтарѣ отразились во множествѣ поэтическихъ легендъ, стиховъ и поэмъ европейскихъ народовъ,

Но церковныя и особенно апокрифическія преданія указывали древній прообразъ жертвенника безкровной жертвы и перваго іерея—уставника этой жертвы—Мельхиседека. Нашъ древній паломникъ выражается о Мельхиседекѣ почти въ тѣхъ же словахъ, какъ апокрифическое „Слово Аѳанасія арх. Александрійскаго о Мельхиседецѣ“. „На горѣ Ѳаворской, разсказываетъ Даніилъ, пещера чюдна зѣло, тако есть яко погребецъ малъ въ каменіи иссѣченъ и оконце мало было на версѣ пещеры тоа святыя; трапеза создана днѣ въ пещерѣ той на встокъ лиць; дверци имать малы слѣзти же въ пещеру ту по степенемъ отъ запада лиць.. и въ той пещери жилъ св. Мелхиседекъ и ту пріиде къ нему Авраамъ и возва 3-жды и рече: „человѣче Божій!“ Изиде Мелхиседекъ и изнесе хлѣбъ и вино и созда жертовникъ ту въ пещерѣ той, створи жертву хлѣбомъ и виномъ и абіе взяться жертва на небеса къ Богу; и ту благослови Мельхиседекъ Авраама, и остриже и Авраамъ и обрѣза нокти его, и бѣ бо косматъ Мелхиседекъ; и то бысть начатокъ литургіамъ хлѣбомъ и виномъ, а не опрѣснокомъ.. и второе паки любовію влѣзохомъ въ пещеру ту святую и поклонихомся святѣй той трапезѣ, юже создалъ Мелхиседекъ со Авраамомъ; и есть до днешнего дне трапеза та въ пещерѣ той и нынѣ приходить ту св. Мелхиседекъ часто и литургисаетъ въ пещерѣ той святой... иже ту живутъ въ горѣ той святѣ, ти же ми повѣдаша о томъ по истинѣ.“ Въ Прологѣ XV в. и въ другихъ сборникахъ въ названномъ Словѣ арх. Аѳанасія находимъ слѣдующее соотвѣтствующее мѣсто: „Мелхиседекъ възвратися въ гору (Ѳаворскую), уединенъ бысть ту 7 лѣтъ, нагъ, яко отъ рожепіа матери его, и хребетъ бысть якоже звѣрина кожа.. и по 7-ми лѣтъ гласъ приде Авраму, глаголя: Аврамe, Аврамe!„ Рече: „се азъ Господи мой!“ Господь рече къ Авраму:.. взиди на гору Ѳаворскую, даже възови гласомъ трижды: „человѣче божій!“, и изидеть ти человѣкъ акы дивій, и не възбойся его, и острizи и, и обравъ ногты его.. (послѣ разсказа о жертвѣ) и тако первой уставникъ бысть Мелхиседекъ безсмертней жертвѣ, образъ створивъ святѣй просфурѣ“.

Приблизительно въ IV в. на Востокѣ, въ Азіи, появились апокрифическія евангелія Іакова, Ѳомы и др. Особенной популярностью пользовалось Первоевангеліе Іакова, которое даже читалось публично въ восточныхъ церквахъ 8 сент. (день Рождества Богородицы) и 21 ноября (Введеніе во храмъ пр. Богородицы), а знаменитые отцы церкви и особенно проповѣдники брали изъ него матеріалъ для своихъ сочиненій. Эти апокрифическія евангелія наполнены главнымъ образомъ легендами на тему изъ дѣтства и отрочества Христа, подробностями изъ жизни Іоакима и Анны, Іосифа и Маріи, страстями Христовыми и пр. Проф. Сперанскій (Славянскія апокрифическія евангелія, М. 1895 г.) указываетъ слѣд. прямыя заимствованія Даніила изъ Первоевангелія Іакова: „св. Богородица видѣ двои люди едины смѣющася, а другія плачющися... *) а оттуда есть полъверсты чресъ дебрь горы в нюже гору прибѣже Іелисавеѳь и рече: „горо, пріими матерь съ чадомъ“! и абіе разступися гора и пріятъ ю. слуги же Иродовы, иже гна вслѣдъ ея, пришедше до мѣста того, не обрѣтоша ничтоже и возвратишася томлены. и есть мѣсто то знати на камени томъ и до нынѣшняго дне“. Слѣдующій разсказъ Даніила, взятый, по словамъ изслѣдователя Апокрифическихъ Евангелій, изъ Первоевангелія Іакова, извѣстный по многимъ средневѣковымъ художественнымъ изображеніямъ Благовѣщенія у колодца, передаетъ „о кладязи, идѣже ангелъ первое благовѣсти“: „есть же отъ града Назареѳа вдале, яко дострѣлити добрѣ, до кладязя того святого; у того бо кладязя бысть первѣе благовѣщеніе святѣй Богородици отъ архангела. Пришедши бо ей по воду и яко почерпе водоносъ свой, възгласи ей ангелъ невидимо, и рече: „радуйся, обрадованная, Господь съ тобою!“ Озрѣвся Марія сюду и сюду, ни видѣ никого же, но токмо гласъ слыша и, вземше водоносъ свой, идяше дивящися во умѣ своемъ, рекущи: „что се будеть гласъ еже слышахъ, никого же не видѣхъ“? И вниде въ Назареѳь, и вниде въ домъ свой, и постави водоносъ свой, и сѣде на прежерѣченномь мѣстѣ и начатъ скати кокнитъ; и тогда явися архангелъ Гавріилъ явѣ, стоя на прежереченномъ мѣстѣ, тогда ей благовѣсти рождество Христово“.

*) Въ апокрифич. сказаніи о Смерти Авраама передается тоже, какъ арх. Михаилъ объясняетъ во время хожденія на томъ свѣтѣ подобное видѣніе: „и егда видиши смѣющася, то разумѣй, яко душя видит ведомыя въ животъ; егда же видит плачющася, то разумѣй, яко видит душя ведомыя въ пагубу“ (Тихонравовъ: Отреч. книги I т. 84).

Проф. Покровскій (Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, 1892 г., 28—29 стр.) такъ объясняетъ это свидѣтельство Даніила: „въ Византіи извѣстны были списки протоевангелія Іакова.. они были и въ славянскомъ переводѣ. Для образца приведемъ выдержку о благовѣщеніи изъ повѣсти Іакова, по рукописному сборнику Макаріево-унженскаго монастыря XVII в. (приводимъ разночтенія по списку XV в. Чюдова мон. Чтенія Общ. Ист. 1889 г., III, 14—15 стр.): бысть совѣтъ отъ іерей глаголющъ: да сотворимъ катапетазма церкви Господни, и рече іерей слугамъ: призовите дѣвы нескверны 8-го колѣна Давидова; и идоша слуги и изыскавше седмь дѣвъ обрѣтоша. И помяну іерей отроковицу Марію, яко бѣ (бысть) отъ колѣна Давидова и нескверна Богу, и идоша слуги и приведоша ю во церковь Господню. И рече іерей: извѣстите ми ся здѣ (кошите ми ся сде) кто имать отъ васъ прясти злато не скверно и висъ, и сурика, и вакинта (вунта—τὸ ὑακίνθον), и кокинъ истовую порфиру. И паде жребій Маріи; и веемши Марія иде въ домъ свой. Во время же оно Захарія умолча, и бысть Симеонъ (Сименъ—тоже, въ гомиліяхъ Іакова, а въ Протоеванг. Σαμουήλ) въ него мѣсто, дондеже проглагола Захарія. Марія же веемши кикинъ (кокинъ) скаше.—И веемши водоносъ изыде почерпсти воды (и веемши ковьлъ изиде почерть воды), и се гласъ бысть къ ней глаголя: радуйся обрадованная, Господь съ тобой, благословенна ты въ женахъ. И озрѣся одесную и ошуюю, откуду есть гласъ сей, и убоявшися иде въ домъ свой; и поставльши водоносъ веемши порфиру сѣде на престолѣ своемъ и скаше. И се ангелъ Господень ста предъ нею глаголя: не бойся Маріе, обрѣла бо еси благодать предъ Богомъ, и се зачнеши убо и родиши Сынъ Его. Марія же слышавши помышляше въ себѣ глаголющи: како ми се будетъ, идѣже мужа не знаю, да еще зачну отъ Бога жива и рожду, яко и всяка жена рождаетъ; и абіе отвѣща ангелъ Господень глагола къ ней: не тако ти будетъ Маріе, но сила Вышняго осѣнитъ тя... и рече Маріамъ: се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему.—Широкое распространеніе этого преданія въ письменности свидѣтельствуетъ о благосклонномъ отношеніи къ нему со стороны представителей духовнаго просвѣщенія. Этимъ и объясняется повсюдное распространеніе изображеній благовѣщенія „съ рукодѣліемъ (въ мозаикахъ Кіево-Софійскаго Собора по бокамъ главнаго алтаря) и у источника“ по крайней мѣрѣ до XVII в. включительно. Художники не выступали въ данномъ случаѣ изъ круга понятій и представленій, поддерживаемыхъ и внушаемыхъ имъ памятниками письменности“.

Если Даніилъ можетъ считаться писателемъ южной Руси съ ея литературнымъ развитіемъ, съ ея любовью къ обширнымъ сочиненіямъ, то арх. Антоній, отъ котораго до насъ дошли неполныя записки о цареградскихъ святыняхъ 1200 г., можетъ служить типичнымъ представителемъ новгородской письменности. Личность Антонія, умершаго въ 1232 г., довольно извѣстна по новгородской лѣтописи. Подъ 1211 г. въ лѣтописи отмѣчено избраніе и поѣздка арх. Антонія въ Русь—въ Кіевъ для посвященія: „тогда же бяше пришелъ прѣже изгнанія Митрофаня архепискона Добрыня Ядрѣйковиць изъ Царяграда и привезѣ съ собою гробъ Господень (т. е. или мѣру гроба Господня, въ родѣ ящика, или частицу св. гроба)' а самъ постриже ся на Хутинѣ у св. Спаса и волею Божію взлюби и князь Мстиславъ и вси Новгородци". По возвращеніи изъ Кіева онъ занялся каменными постройками церквей и палатъ. До насъ дошелъ воздвизальный крестъ съ надписью арх. Антонія, съ частію древа креста Господня. Затѣмъ судьба была нѣсколько разъ перемѣнчива по отношенію къ Антонію, то терпѣвшему изгнанія, то возвращавшемуся на каѳедру. Послѣднія 6 лѣтъ онъ прожилъ въ болѣзни, такъ какъ у него отнялся языкъ, сначала архіепископомъ' а потомъ на покоѣ въ монастырѣ.

Антоній писалъ свою книгу Паломникъ послѣ 1211 г., но упомянулъ въ ней о времени своего путешествія, около 1200 г., т. е. до взятія и разгрома Константинополя крестоносцами въ 1204 г. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1204 г. находится обширное сказаніе о „взятіи Цареграда фрягами" причемъ упоминаются святыни и драгоцѣнности св. Софіи и другихъ церквей, уничтоженныя и забранныя завоевателями. „То же все въ единой Софии сказахъ, говоритъ повѣствователь (въ которомъ можно признать Антонія).. инѣхъ же церквій не можетъ человѣкъ сказати, яко бещисла. Одигитрію же чудную, иже по граду хожаше, св. Богородицу, съблюде ю Богъ добрыми людьми, и *ныне есть, на нюже надѣемся* (какъ увидимъ, объ этой иконѣ говорятъ наши паломники XIV—XV вв.); иные церкви въ градѣ и внѣ града, и манастыри въ градѣ и внѣ града, пограбиша все, имъ же не можемъ числа, ни красоты ихъ сказати". Сказаніе это едва ли можетъ считаться переводомъ съ греческаго и скорѣе обличаетъ очевидца современника — русскаго, который говоритъ въ заключеніи: „и тако погыбе царство богохранимаго Костянтиняграда и земля Грьчьская въ свадѣ царевъ, ею же обладають фрязи".

Антоній написалъ свой Паломникъ съ слѣдующей цѣлью: „се же на увѣдѣніе и на память и на молитву благовѣрнымъ человѣкомъ, еже есть во Царѣградѣ по Суду извну града от многа ничтоже святыхъ написахъ, или во градѣхъ или во святѣй Софіи“. Авторъ часто обращается съ поученіемъ къ братіи: „мы же потщимся, братіе, оставити всю злобу діаволю и связавшеся любовію поревнуемъ тѣхъ святыхъ житію, ихъже память есть написана здѣ.. се же, братіе, поминающе поревнуемъ таковой же службѣ быти со страхомъ да получимъ добрую жизнь въ сій вѣкъ и въ будущій.“ Мы уже говорили, что сохранилось только 6 списковъ Сказанія или Паломника Антонія XVI—XVII вв. Древнѣйшій списокъ, напечатанный Савваитовымъ съ примѣчаніями (1872 г.) начинается такъ: ***Книга паломник зъ богомъ починаемъ Сказаніе мѣстъ святыхъ во Царьградѣ.*** Се азъ недостойный многогрѣшный Антоней архіепископъ Новгородскій божіимъ милосердіемъ и помощію св. Софіи, иже глаголется премудрость присносущное слово ***пріидохомъ*** во Царьградъ, преже ***поклонихомся*** св. Софѣи и пресвятого гроба Господня двѣ досцѣ цѣловахомъ“. Другіе неполные списки носятъ заглавіе: „Повѣсть о Цариградѣ колико было драгихъ вещей“ (Лопаревъ, Описаніе рукописей Общ. Люб. Др. П. II, 385), или „Сказаніе о св. мѣстѣхъ и чюдотворныхъ иконахъ и иныхъ чюдныхъ вещехъ иже суть въ Царѣградѣ было во св. Софѣи до взятія безбожныхъ латынъ написано бысть на вѣдѣніе и на удивленіе всѣмъ христіаномъ“ (Срезневскій Свѣдѣнія № LX). Послѣ Антонія въ XIV в. о Царьградѣ писали новгородцы же: священникъ Василій около 1321 г. составилъ Сказаніе или Бесѣду о Царѣградѣ (издан. Л. Н. Майковымъ въ 1890 г.) и Стефанъ Новгородецъ, около 1350 г. Свѣдѣнія о цареградскихъ святыняхъ, изложенныя въ Бесѣдѣ епископа съ царемъ, содержатъ разсказы о томъ, что арх. Михаилъ есть стражъ храма св. Софіи, что въ притворѣ этого храма находится Ноевъ ковчегъ и цѣпь ап. Петра, а надъ дверьми образъ Спасовъ. Здѣсь описываются также монастыри: Студійскій, Манданскій и 40 мучениковъ, церкви—пандепонта, паммакаристы, царскій дворецъ, украшенный узорочьемъ, столбами, львами, орлами и баранами каменными; описывается игрище близъ дворца, статуи. Памятникъ этотъ не тождественъ съ другими извѣстными доселѣ описаніями Царьграда. Онъ написанъ послѣ взятія Константинополя фрягами, но ранѣе завоеванія его турками, около 1300 г.; авторомъ его былъ, вѣроятно, русскій. Интересно замѣтить, что въ Новгородѣ проявлялось болѣе литературныхъ интересовъ, связанныхъ съ Царьградомъ,

чѣмъ на югѣ, гдѣ было болѣе живыхъ непосредственныхъ отношеній съ Византіей. Еще въ половинѣ XII в. въ Новгородской лѣтописи передается о несправедливомъ осужденіи арх. Нифонта, вышедшаго изъ Кіево-Печерскаго монастыря и тамъ же скончавшагося въ 1156 г., и объ осужденіи его многими Новгородцами, когда онъ отправился на югъ: „яко полупивъ св. Софію (т. е. Новгородскую) пошелъ Царюгороду“. Нифонтъ былъ защитникомъ власти Цареградскаго патріарха въ Русской митрополіи. Въ XIV в. новгородскіе владыки получили изъ Константинополя крещатыя ризы и бѣлый клобукъ, о которомъ составилась обширная любопытная легенда—повѣсть. Недаромъ и былевой герой новгородской дружины Василій Буслаевичъ кончаетъ жизнь въ паломничествѣ въ св. Землю. Въ половинѣ XIV в. повторяется избраніе арх. Василія изъ паломниковъ, въ мірѣ Григорій Калѣка, извѣстный своими литературными трудами. Ближайшее знакомство съ Цареградомъ, быть можетъ, привлекало новгородцевъ вслѣдствіе ихъ исключительныхъ торговыхъ интересовъ.

Антоній, согласно своей задачѣ, — отмѣтить памяти святынь Цареграда,—даетъ этотъ перечень, извиняясь за неполноту, сообщая нѣсколько легендъ, восторгаясь въ особенности отъ церковныхъ службъ въ св. Софіи и отмѣчая время и обстоятельства одного современнаго чуда въ Константинополѣ и имя одного изъ греческихъ современныхъ иконописцевъ. Послѣднее показываетъ, что Добрыня Ядрѣйковичъ еще до поставленія въ архіепископы проявлялъ большой интересъ къ церковнымъ дѣламъ. Въ Цареградѣ онъ завершилъ свое религіозное образованіе. „Благочестиваго міряпина, но уже помыслами монаха, говоритъ Х. М. Лопаревъ (Правосл. Палестин. Сборн. 51 вып., XXXIV стр.), не прельщали ни дворцы, ни колонны, ни форумы, ни прочія достопримѣчательности столицы; для него Царьградъ существуетъ лишь по стольку, по скольку онъ есть носитель святыни“. Свое описаніе Цареграда Антоній начинаетъ съ св. Софіи, которую описываетъ съ наибольшей обстоятельностью: „а соборная церковь зѣло велика бысть Софии Премудрости Божія, небеси подобна“ (ср. разсказъ пословъ в. кн. Владиміра I въ лѣтописи). Нашего паломника упрекаютъ въ спутанности описанія, въ непослѣдовательности; но можно отмѣтить нѣкоторыя общія точки зрѣнія. И одна изъ такихъ—это особенное вниманіе къ церковной иконописи и пѣнію.

Вотъ какъ онъ описываетъ свое знакомство съ иконописцемъ и впечатлѣнія отъ службы въ св. Софіи: „и написанъ въ ней (въ

крестилницѣ св. Софіи) Христосъ во Іерданѣ крестится отъ Іоанна, со дѣяніемъ написанъ, и какъ Іоаннъ училъ народы, и какъ младыя дѣти металися во Іорданъ и людіе, то же все Павелъ хитрый писалъ при моемъ животѣ и нѣту такого писменн... и Павелъ преже Христа написалъ со драгимъ каменіемъ и со жемчюгомъ вапы стеръ на одномъ мѣстѣ у св. Софѣи стояти той иконѣ и до днесь". Замѣчая о великолѣпномъ церковномъ пѣніи, Антоній такъ описываетъ особенное торжество: „и егда внидетъ царь во церковь ту, тогда понесутъ подъ исподъ много ксилолоя темьяна и кладутъ на угліе и исходитъ воня проходы тѣми во церковь на воздухъ и наполнится благоуханія вся церковь пѣніе же воспоютъ калуфонии аки ангели. и тогда будетъ стояти во церкви той аки на небеси или аки въ раи, духъ же св. наполняетъ душу и сердце радости и веселія правовѣрнымъ человѣкомъ". О монастырской жизни нашъ паломникъ замѣчаетъ: „а черницъ не испущаютъ изъ монастыря ни когда же. а селъ не держатъ, но божіею благодатію и пощеніемъ и молитвами Іоанна питаеми суть", хотя другой монастырь „грады и селы и златомъ богатѣе инѣхъ всѣхъ монастырей во Цариградѣ". Слѣдующія подробности касаются частной жизни патріарха: „овощь же патріарховъ всякій: дыни и яблоки и груши держатъ въ кладязи, повержено ужищемъ въ кошницы. и когда ясти патріарху и тогда вынимаютъ е студено. тако же и царь ястъ. и баня патріархова на полатахъ воды же по трубамъ возведены, а другая дождовая". Кромѣ описанія жизни, храмовъ, монастырей, иконъ, драгоцѣнностей Константинополя Антоній отмѣчаетъ и нѣкоторыя сочиненія, напр. „Василій Новый о страшномъ судѣ написалъ", „Прологъ по заутрени чтутъ до обѣдни", по поводу необыкновеннаго изображенія царя Льва мудраго (царь корлѣи о софосъ), у котораго „камень драгій въ челѣ и свѣтитъ въ нощи по св. Софіи", Антоній замѣчаетъ, что Корлѣй „вземъ грамоту во гробѣ у св. пророка Даніила переписалъ ю философски, кому же быти царемъ во Царѣградѣ дондеже и стоитъ Царѣградъ". Вѣроятно, здѣсь разумѣются апокрифическія Видѣнія пророка Даніила, которыя стояли въ связи съ популярнымъ Откровеніемъ Меѳодія Патарскаго. Частыя полемическія упоминанія о жидовинахъ указываютъ, что Антоній былъ знакомъ съ византійской полемикой, обращенной противъ евреевъ. Разумѣется не менѣе ему были знакомы житія св., патерики и нѣкоторыя византійскія легенды, напр. о св. службѣ Анфиногена, при которой ангелъ взялъ дѣтища и т. п. Не менѣе любопытны свѣдѣнія о всемъ русскомъ, замѣченномъ Антоніемъ

въ Царѣградѣ. Разсказывая объ умиленіи, плачѣ и воздыханіи, съ какими присутствують въ св. Софіи при совершеніи св. даровъ, разсказывая далѣе о чудѣ съ кандиломъ, по поводу котораго Антоній вдается въ мечты о наступленіи царства Божія на земли—безъ войнъ, съ полнымъ достаткомъ и правдой и св. житіемъ, съ войной только противъ некрещеныхъ жидовъ и поганыхъ,—онъ отмѣчаетъ и годъ этихъ событій 1200 г. „при моемъ животу, при царствѣ Алексѣевѣ (имп. Алексѣя Ангела) и при патріарсѣ Иванѣ и при посольствѣ Твердятинѣ Остромирица иже пришелъ посольствомъ отъ в. кн. Романа со Неданомъ и со Дмитромъ и съ Негваромъ посломъ". Замѣчательно, что въ Константинополѣ уже въ то время была церковь во имя св. русскихъ князей Бориса и Глѣба: „въ томъ градѣ явишася святыи и изцѣленіи многа бываютъ отъ нихъ". Оттого и въ св. Софіи „поставлена икона велика св. Бориса и Глѣба". Еще Несторъ замѣтилъ, что обильныя чудеса святыхъ не только на Руси, но и „по всѣмъ странамъ и по всѣмъ землямъ преходяща болѣзни и недуги отгониша". Подробно описалъ Антоній и дорогое „великое золотое блюдо служебное Ольги Русской, когда взяла дань, ходивши ко Царюграду". Еще два гроба русскихъ отмѣчаетъ Антоній въ Царѣградѣ: „па уболѣ св. Георгія св. Леонтій попъ русинъ лежитъ въ тѣлѣ великъ человѣкъ, той бо Леонтій трижды во Іерусалимъ пѣшъ ходилъ"; въ другой церкви „лежитъ блаженная княгиня Ксенія Брячиславля". Г. Лопаревъ (Прав. Пал. Сборн. 51 вып., CXVI стр.) не хочетъ видѣть въ русскомъ паломникѣ Леонтіѣ—русскаго, а „прусина"—русина, т. е. жителя Прусы, подвижника Олимпа, греческаго святого половины IX ст., память котораго 9 октября. „Несмотря на небольшой объемъ книги, говоритъ тотъ же изслѣдователь отношеній Византіи къ древней Руси (стр. CXV), а главное на вообще довольно сухой перечень святынь Цареградскихъ, паломникъ Добрыня Андрейковичъ сообщилъ значительное количество замѣчаній объ отдѣльныхъ историческихъ лицахъ предшествовавшаго и его времени, — такихъ подробностей, которыя сохранились только благодаря его любознательности. Большая часть такихъ мелкихъ, но весьма цѣнныхъ замѣчаній относится къ Русской исторіи и только не многія—собственно къ исторіи Византіи". Кромѣ описанія богатствъ св. Софіи Антоній насчитываетъ 75 церквей самого Константинополя и 22 церкви Перы и Галаты. Татарское нашествіе прервало паломничества русскихъ на цѣлое столѣтіе, а разрушеніе украшеній Константинополя въ 1204 г. крестоносцами измѣнило видъ этого привлекательнаго города для

древне-русскихъ людей и читателей. Поэтому описаніе арх. Антонія имѣетъ большой археологическій интересъ для изучающихъ Византію. Если и послѣдующіе русскіе паломники XIV—XV вв. жаловались на трудность обзора всѣхъ достопримѣчательностей Константинополя, то тѣмъ болѣе, придаетъ цѣну на первый взглядъ мелочность и сухость описанія его у Антонія, текстъ котораго, по всей вѣроятности, еще будетъ исправленъ и разъясненъ ученой критикой. Въ этомъ отношеніи недавнее изданіе X. М. Лопарева подвинуло впередъ изученіе Паломника арх. Антонія.

Послѣднее изслѣдованіе о паломникахъ въ общемъ очеркѣ даетъ А. Н Пыпинъ (Исторія русской литературы, 1 т., 1898 г., глава X),—что и составляетъ лучшую главу всей книги. Тутъ же приведена обширная литература предмета.

Древне-русскія лѣтописи, ихъ своды и важнѣйшіе списки. Начальный сводъ, (сочиненія в. кн. Владиміра Мономаха). Кіевская и Галицко-Волынская лѣтописи, Новгородская лѣтопись, и друг. Отдѣльныя лѣтописныя сказанія, какъ образцы литературнаго изложенія. Научное изученіе русскихъ лѣтописей.

V.

Мы уже коснулись лѣтописей, какъ памятниковъ духовной литературы, но значеніе ихъ превосходитъ все, что только мы имѣемъ въ области древне-русской литературы. Мы не будемъ говорить объ исторической важности лѣтописей, не будемъ останавливаться на разнообразномъ содержаніи и составѣ ихъ и ограничимъ свою задачу ихъ общей характеристикой, какъ памятниковъ литературныхъ.

Лѣтописаніе было любимымъ занятіемъ нашихъ предковъ: въ монастыряхъ и при важнѣйшихъ церквахъ, при княжескихъ дворахъ и въ походахъ непрестанно велись записи и составлялись искусныя сказанія о дѣяніяхъ въ Русской землѣ. Изъ массы этихъ отдѣльныхъ записей, замѣтокъ и сказаній—повѣстей составлялись историческіе труды подъ вліяніемъ византійскихъ хроникъ или хронографовъ: повѣсти временныхъ лѣтъ, лѣтописцы или лѣтописанія, лѣтописные своды. Въ настоящее время не легко возстановить процессъ слiянія отдѣльныхъ сказаній и лѣтописей въ тѣ дошедшіе до насъ своды, которые не восходятъ ранѣе XIV в. Изъ массы этого матеріала утратились въ теченіе вѣковъ не только первоначальные труды, но и многіе своды, составленные въ разныхъ русскихъ земляхъ и княжествахъ. Постоянная переписка, и передѣлка и новыя дополненія лѣтописей тянутся до XVIII в. и

мы можемъ наблюдать разнообразные слои лѣтописанія. Отсюда понятно, что только путемъ тонкаго анализа мы можемъ дойти до представленія о древнѣйшихъ лѣтописяхъ, и въ этомъ направленіи не мало сдѣлано уже въ русской наукѣ: въ трудахъ Шлецера, Карамзина, Соловьева, Срезневскаго, Костомарова, Бестужева-Рюмина, Сухомлинова, Погодина, въ послѣднее время Шахматова и др., о чемъ мы скажемъ еще ниже подробно.

Сдѣлаемъ краткій обзоръ дошедшаго до насъ лѣтописнаго матеріала. Древнѣйшими списками представляются два пергаменныхъ списка: Лаврентьевскій 1377 г. и Новгородскій съ утраченнымъ началомъ; затѣмъ древній бумажный списокъ Ипатьевскій XIV—XV вв. Не перечисляя множества другихъ списковъ, число которыхъ доходитъ до ста*), назовемъ еще Хлѣбниковскій—съ именемъ Нестора лѣтописца, переяславскій—суздальскій, подъ названіемъ „Лѣтописецъ русскихъ царей“, т. н. новгородскія лѣтописи—вторая, третья, четвертая, или „лѣтописецъ новгородскій церквамъ божіимъ“, и проч.; софійскій временникъ, троицкій списокъ 1534 г., или хронографъ глаголемый лѣтописецъ Русскій, и наконецъ большая Никоновская лѣтопись XVII в. съ прибавленіемъ Новаго Лѣтописца, до 1630 г. Изъ всѣхъ этихъ названій по записямъ списателей, по заказчикамъ, владѣльцамъ и по мѣсту нахожденія заслуживаетъ особеннаго вниманія Лаврентьевскій списокъ, являющійся уже въ 3-ьемъ изданіи Археографической Комиссіи (1897 г.). которой принадлежатъ всѣ изданія Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Въ сокращеніи приводимъ запись 1377 г., въ концѣ Лѣтописи по списку Лаврентія: „радуеться купецъ прикупъ створивъ, и кормчій въ отишье приставъ, и странникъ въ отечество свое пришедъ; такоже радуеться и книжный списатель дошедъ конца книгамъ, такоже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій Лаврентей мнихъ. началъ есмъ писати книги сія, глаголемый Лѣтописецъ мѣсяца генваря въ 14, на память св. отецъ нашихъ... князю великому Димитрію Константиновичу, а по благословенію священнаго епископа Діонисья... и нынѣ, господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля а не клените, занеже книгы ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ“, и проч. Сравнивая различные списки

*) Въ статьѣ Бычкова „Объ изданіи лѣтописей въ Россіи“ (Ж. М. Н. Пр. 1860 г., ч. CV, стр. 21) отмѣчено 168 списковъ лѣтописей, изъ которыхъ въ 53 спискахъ заключается т. н. Несторовъ временникъ.

лѣтописей отъ начала русской земли мы видимъ одну общую начальную часть, которая въ Лаврентьевскомъ спискѣ, подъ 1110 г., имѣетъ слѣдующую запись: „Игуменъ Силивестръ св. Михаила (въ Выдубецкомъ монастырѣ) написахъ книгы си Лѣтописець, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при (великомъ) князѣ Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю (игуменомъ бывшю) у св. Михаила, въ 6624 г. (1116 г.) индикта 9 лѣта; а иже четь книгы сия, то буди ми въ молитвахъ“. Эта общая часть всѣхъ русскихъ лѣтописей, Начальный Лѣтописецъ, имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Се повѣсти времяньныхъ лѣтъ („черноризца Феодосьева монастыря печерьскаго“, такъ въ спискахъ Радзивиловскомъ, Ипатьевскомъ; въ Хлѣбниковскомъ добавлено: „Нестера черноризца“), откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити (въ другихъ спискахъ: „и кто въ ней (т. е. въ Русской землѣ) почалъ первѣе княжити) и откуду Русская земля стала есть“. Заглавіе это, какъ увидимъ далѣе, не можетъ относиться ко всей общей части, которая правильнѣе называется „Лѣтописцемъ Русскимъ“, или „Временникомъ“. Въ Лаврентьевской лѣтописи, послѣ 1110 г., слѣдуетъ суздальская лѣтопись, перемѣшанная съ выдержками изъ другихъ лѣтописей. Вообще съ 1110 г. ни въ одномъ изъ списковъ нѣтъ того общаго свода, который представляется въ Начальной лѣтописи. Отсюда мы имѣемъ: въ Ипатьевскомъ спискѣ до 1201 г. т. н. Кіевскую, или юго-западную лѣтопись, и далѣе до конца (1292 г.) Галицко-волынскую. Лѣтописи Новгородскія представляютъ болѣе цѣльный характеръ. За ними слѣдуютъ псковскія, тверскія и пр.; наконецъ—такія сводныя лѣтописи, какъ Никоновская, составленная и въ начальной части по нѣкоторымъ недошедшимъ до насъ спискамъ Начальной лѣтописи.

Мы скажемъ теперь о началѣ русскаго лѣтописанія, о древнѣйшемъ сводѣ лѣтописныхъ замѣтокъ и древне-русскихъ памятниковъ письменности, объ опытѣ перваго историческаго труда, какимъ является Начальный сводъ, или его отдѣльныя части и наконецъ о характеристическихъ чертахъ лѣтописей кіевскихъ, галицко-волынскихъ, новгородскихъ и суздальскихъ, составляющихъ прямое продолженіе Начальнаго Свода. Собственно въ дошедшемъ до насъ Начальномъ сводѣ заключены древнѣйшіе слѣды русской письменности. Это договоры языческихъ князей Олега, Игоря и Святослава съ Греціей, это лѣтописныя замѣтки о времени дохристіанскомъ, выражающемся въ лѣтосчисленіи княженій съ Олега, и далѣе „до смерти Святополчи (1113 г.)“, это первыя преданія о

началѣ княжескихъ порядковъ въ Новгородѣ, въ Кіевѣ, въ Полоцкѣ, и проч. Все это во второй половинѣ XI в. получило первую литературную обработку. Опыты такихъ обработокъ явились еще въ Новгородѣ въ началѣ XI в., о чемъ сохранились свѣдѣнія о двухъ первыхъ епископахъ новгородскихъ Іоакимѣ и Ефремѣ. Ученикъ послѣдняго замѣтилъ подъ 1030 г. „преставися архіепископъ Акимъ (Іоакимъ) новгородскій, и бяше ученикъ его Ефремъ, иже *ны* учаше". Мы однако не можетъ теперь представить себѣ, насколько была близка первая новгородская лѣтопись къ труду перваго кіевскаго лѣтописца, который и далъ высокій историческій трудъ для характеристики лѣтописца, для характеристики древне-русскаго образованнаго человѣка. То, что имѣется у Татищева въ I т., подъ именемъ Іоакимовской лѣтописи, можетъ быть и сомнительно; но простыя, можетъ быть, сухія свѣдѣнія новгородскихъ древнѣйшихъ лѣтописцевъ вошли и въ Начальный сводъ, напр., всѣ сѣверныя преданія, начиная съ разсказа о призваніи варяжскихъ князей. Южныя древнѣйшія записи сведены однако впервые въ художественный трудъ печерскимъ ученымъ лѣтописцемъ, и этотъ лѣтописецъ былъ, по важнѣйшимъ преданіямъ, преп. Несторъ, извѣстный уже намъ авторъ житій св. русскихъ.

Мы сдѣлаемъ теперь очеркъ приблизительнаго развитія художественныхъ обработокъ древне-русскихъ лѣтописныхъ замѣтокъ и сказаній. Отъ 70-хъ до 90-хъ годовъ XI ст. Несторъ, занимаясь составленіемъ житій св., въ тоже время трудился надъ сводомъ лѣтописныхъ сказаній, въ видѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ", или „Временника—Хронографа". Первой задачей его было начать повѣсть, въ подражаніе греческимъ Хронографамъ, въ родѣ, по всей вѣроятности, уже переведенныхъ у южныхъ Славянъ Хронографовъ Георгія мниха Амартола и его продолжателя, Малалы, Никифорова лѣтописца вкратцѣ, и проч. Онъ началъ свою повѣсть всемірной исторіей, съ трехъ сыновей Ноя, съ географическаго очерка странъ и земель свѣта, въ который русскій авторъ постепенно вводитъ свѣдѣнія о древней Руси, о славянскомъ мірѣ, о жизни Полянъ на великомъ водномъ пути изъ Варягъ въ Греки (при чемъ вводится сказаніе сѣверное объ Андреѣ Первозванномъ), о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, объ Обрахъ, объ обычаяхъ Полянъ, Древлянъ, Радимичей и др., со ссылкой на лѣтописаніе Георгія, изъ котораго онъ и дѣлаетъ выписку о подобныхъ обычаяхъ другихъ древнихъ и современныхъ ему народовъ. Наконецъ начинается самое лѣтописаніе съ „6360 г. (852 г.), индикта 15, на-

ченію Михаилу царствовати, нача ся прозывати Русская земля. о семь бо увѣдахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишеться въ лѣтописаніи Гречьстѣмь; тѣмже отселе почнемъ и числа положимъ". И затѣмъ въ русской лѣтописи слѣдуетъ рядъ выписокъ о византійскихъ императорахъ, о болгарскихъ царяхъ, наконецъ о крещеніи славянъ и о появленіи славянской грамоты, наконецъ все это завершается подробнымъ экзегетическимъ и историческимъ разсказомъ о крещеніи Руси Владиміромъ. Это составляетъ какъ бы общую мысль, связь древне-русскаго Хронографа, зарожденіе правильнаго русскаго лѣтописанія, начало повѣсти временныхъ лѣтъ, по образцу которой развиваютъ свои труды талантливые лѣтописцы въ другихъ центрахъ древнерусскаго образованія. Быть можетъ, этихъ книжныхъ сказаній, заимствованныхъ, а затѣмъ и своихъ (въ видѣ сказаній о началѣ Христіанства въ Руси) было болѣе въ первоначальныхъ недошедшихъ до насъ сводахъ; но для насъ немалый интересъ представляютъ также свѣтскія полународныя и еще болѣе дружинныя сказанія о временахъ до введенія письменности. Такъ образованный монахъ соединилъ свои мысли о всемірной греческой христіанской и русской исторіи съ народными преданіями современной ему Руси, Его симпатіи къ полянамъ, любовь къ Кіеву проходятъ черезъ всю исторію первоначальной повѣсти, которую въ началѣ XII в. игуменъ Выдубецкаго монастыря Сильвестръ дополнилъ и сдѣлалъ своимъ спискомъ, Видѣніе столпа надъ гробомъ Ѳеодосьевымъ, описанное подъ 1110 г. 1111 г. такъ прекрасно заканчивающее въ общерусской лѣтописи, въ Начальномъ сводѣ, рядъ монастырскихъ печерскихъ сказаній, быть можетъ, было послѣднимъ сказаньемъ преп. Нестора, которое переписалъ, какъ благочестивый списатель Сильвестръ, какъ всякій переписчикъ старинныхъ памятниковъ, какъ новый редакторъ драгоцѣннаго памятника. Въ самомъ дѣлѣ, въ цѣльномъ трудѣ перваго печерскаго ученаго лѣтописца, несмотря на позднѣйшія вставки (напр. большого сказанія Василія изъ Владиміра Волынскаго, или сочиненій кн. Владиміра Мономаха), замѣчаются автобіографическіе намеки: еще въ дѣтствѣ онъ видѣлъ поразившее его чудо, вытащеннаго изъ Днѣпра младенца утопленника,—описанное имъ въ слѣдующихъ словахъ: „въ си же времена бысть дѣтищь вверьженъ въ Сѣтомль (рѣчка, по всей вѣроятности, находившаяся на Подолѣи, на Болоньи, недалеко отъ т. н. Чортова лѣса), сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, егоже позоровахомъ до вечера и пакы ввергоша и въ воду; бяшеть бо сиць: на лици ему срамнии

удовѣ, „иного нелзѣ казати срама ради". Это воспоминаніе благочестиваго монаха изъ страшныхъ представленій дѣтства совпадаетъ съ его разсказами о невѣгласахъ изъ простого народа, которые разсказывали въ эпоху Нестора много „знаменій въ небеси, или звѣздахъ, въ солнцѣ, въ птицахъ", и проч. Подъ 1064 г. онъ отмѣтилъ по преданью первый приходъ Половцевъ на Русскую землю („се бысть первое зло отъ поганыхъ и безбожныхъ врагъ"), а подъ 1068 г. онъ помѣстилъ цѣльное сказаніе о второмъ приходѣ Половцевъ, соединилъ его съ поученіемъ о казняхъ Божіихъ. Эти печальныя повѣсти объ опустошеніяхъ Половецкихъ особенно трогательно описаны подъ 1093 г. и 1096 г. Подъ послѣднимъ находимъ слѣдующую автобіографическую подробность: „и пріидоша на манастырь печерьскый, намъ сущимъ по кѣльямъ почивающимъ по заутрени.. намъ же бѣжащимъ за домъ монастыря". Тутъ же лѣтописецъ прибавляетъ свѣдѣнія о своихъ близкихъ лицахъ—знатныхъ дружинникахъ, какъ Гурята Роговичъ Новгородецъ, и далѣе, подъ 1106 г. о старцѣ добромъ Янѣ, „у него же и азъ слышахъ многа словеса, яже вписахъ въ лѣтописецъ."

Лѣтопись инока Нестора и его продолжателя отличается обиліемъ сказаній о печерскомъ монастырѣ и его святыхъ, обиліемъ книжныхъ выписокъ, выдержекъ изъ литературныхъ и юридическихъ памятниковъ. Прежде чѣмъ остановиться на выдающихся сказаніяхъ Начальнаго Свода, мы сдѣлаемъ еще обзоръ сказаній по церковнымъ вопросамъ, отвѣчающихъ преобладающему направленію византійскихъ Хронографистовъ. Эти послѣдніе, вслѣдствіе условій внутренней жизни Византіи, посвящали много вниманія вопросамъ иконоборчества, ересей, монашеской жизни, связывая все это съ тѣми военными безпокойствами, какія выносила Византія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ волненій. Повидимому, въ только что зародившейся молодой русской Церкви, среди новопросвѣщенныхъ людей, не могло быть и рѣчи о ересяхъ, или полемикѣ въ сторону церковныхъ разногласій; однако уже на первыхъ страницахъ лѣтописи мы находимъ обширное сказаніе о православной вѣрѣ и ересяхъ латинскихъ,—собственно 3 статьи: символъ вѣры, краткое сказаніе о 7-ми вселенскихъ соборахъ и полемическое сочиненіе о латинахъ—переводы съ греческаго (подъ 986—988), въ которомъ разсматриваются не только мухометанство, еврейство, но и нѣмецкія отступленія, т. е. латинство съ его разнорѣчіемъ о постѣ, объ опрѣснокахъ, далѣе—сказаніе объ отраженіи богомильскихъ ученій въ древней Руси, которыя лѣтописецъ приравниваетъ къ разгуливав-

шимъ по древней Руси XI—XII вв., а, быть можетъ, и далѣе языческимъ волхвамъ—кудесникамъ. Таково любопытное сказаніе о волхвахъ въ Кіевѣ, въ Ростовѣ и Бѣлоозерѣ. Этотъ обширный и любопытный разсказъ о разговорѣ Яна Вышатича съ двумя кудесниками—волхвами, захваченными въ Бѣлоозерѣ, и передаетъ существенныя черты богомильскихъ сказаній о сотвореніи міра: „мывся Богъ въ мовници, говорили волхвы, и вьспотився, отерься вѣхьтемъ и сверже съ небеси на землю; и распряся сотона съ богомъ, кому въ немъ сотворити человѣка: и створи дьяволъ человѣка, а Богъ душю въ онь вложи; тѣмже аще умреть человѣкъ въ землю идеть, а душа къ Богу". Такъ учили и Богомилы и манихеи—павликіане по извѣстнымъ сочиненіямъ о богомильской ереси (Козмы Пресвитера, и др). Янъ же рѣче, говоритъ лѣтописецъ, какъ русскій христіанинъ, створилъ бо есть Богъ человѣка отъ земля, и съставленъ костьми и жилами отъ крови, и нѣсть въ немъ ничтоже токмо Богъ единъ вѣсть". Итакъ объемъ вопросовъ жизни русской у древнѣйшаго лѣтописца опредѣляется: церковнымъ просвѣщеніемъ, княжескими отношеніями, усобицами, нашествіями поганыхъ и отчасти, насколько могъ представить лѣтописецъ, вопросами о началѣ Руси, о жизни славянъ до раздѣленія на племена.

Приведемъ теперь нѣсколько лучшихъ мѣстъ по описанію быта и нравовъ до—христіанскаго времени на Руси и современной Нестору эпохи XI в. изъ свѣтскаго быта. Припомнимъ хотя бы смерть Олега: „и повелѣ осѣдлати конь „дать вижю кости его". и пріѣха на мѣсто, идеже бяху, лежаще кости его голы и лобъ голъ; и слѣзъ съ коня посмѣяся реки: „отъ сего ли лъба смерть мнѣ взяти?" и въступи ногою на лобъ; и выникнучи змѣя, и уклюну и в ногу, и с того разболѣвся умре. и плакашася по немь вси людіе плачемъ великомъ, и несоша и, и погребоша и на горѣ, иже глаголеться Щековица; есть же могила его до сего дни, словеть могила Олгова.. се же дивно есть." Любовь къ Кіеву выражается хотя бы въ слѣдующемъ мѣстѣ: „бѣ бо тогда вода текущи возлѣ горы Кіевьскыя и на Подолѣ не сѣдяхуть людье, но на горѣ; городъ же бяше Кіевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше въ городѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинь, а перевѣсище бѣ внѣ града, дворъ теремный и другый, идеже есть дворъ демесниковъ, за св. Богородицей надъ горою, бѣ бо ту теремъ каменъ". Характеристика Святослава изложена вполнѣ поэтическимъ стилемъ: „кн. Святославу възрастьшу и възмужавшу, нача воя съвокупляти, многы и храбры, бѣ бо и самъ хоробръ и легокъ, ходя акы пардусъ (позднѣе, подъ

1201 г. галицко-волынскій Лѣтописецъ пользуется этимъ же пріемомъ характеристики) воины многи творяше. возъ бо по себѣ не возяше, ни котла, на мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину, или звѣрину, или говядину, на угълехъ испекъ, ядяше; ни шатра имяше, но подъкладъ постилаше, а сѣдло въ головахъ" (964 г.). Характеристика международной торговли въ древней Руси вложена въ уста Святославу: „не любо ми есть въ Кіевѣ жити, хощю жити въ Переяславци въ Дунаи, яко то есть среда земли моей, яко ту вся благая сходяться: отъ Грѣкъ паволокы, золото, вино, и овощи разноличьнии, и не Чеховъ, и изъ Угоръ серебро и комони, изъ Руси же скора, и воскъ, и медъ и челядь" (969 г,). Отношенія племенныя, основанныя на народныхъ преданіяхъ, хорошо и кратко выражаются въ разсказѣ о Радимичахъ и в. кн. Владимірѣ, подъ 984 г.: „и иде Володимиръ на Радимичи. и бѣ у него воевода, Волчій Хвостъ, и посла предъ собою Володиміръ Волчія Хвоста; и срѣте Родимичи на рѣцѣ Пищанѣ и побѣди Волчій Хвостъ Радимичи; тѣмъ и Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: Пѣщаньци Волъчья Хвоста бѣгають. быша же радимичи отъ рода ляховъ, и пришедши ту ся вселиша, и платять дань въ Руси, и повозъ везуть и до сего дни." Такъ и подъ 1016 г. кіевскій воевода задираетъ новгородцевъ: „что прiидосте съ хромьцемь симъ, а вы плотници суще? а приставимъ вы хоромъ рубить нашихъ." Описаніе битвы нигдѣ въ лѣтописи такъ не картинно, какъ подъ 1024 г.: „и бывши нощи бысть тьма, и громове и мольнья и дождь. и рече Мстиславъ дружинѣ своей: „пойдемь на нѣ". и поиде Мстиславъ и Ярославъ противу, и съступишася въ чело Варязѣ съ Сѣверомъ и трудишася Варязи сѣкуще Сѣверъ, и посемъ наступи Мстиславъ съ дружиною своею, и нача сѣчи Варягы и бысть сѣча сильна, яко посвѣтяше мольнія и блисташася оружія и бѣ гроза велика, и сѣча сильна и страшна." Смерть выдающихся князей впервые отмѣчена лѣтописцемъ подъ 1034 г., въ характеристикѣ Мстислава: „Мьстиславъ изыйде на ловы, и разболѣся и умре, и положиша и въ церкви св. Спаса. юже создалъ самъ; бѣ бо въздано ея при немъ вьзвыше яко и на конѣ стоячи рукою досячи. бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, чермъномъ лицемъ, великома очима, храбръ на рати, и милостивъ, и любяше дружину повелику, а имѣнія не щадяше, ни питья, ни яденія не браняше." Удѣльная эпоха, ея нравы изображаются подъ слѣдующими годами: подъ 1093 г. „и быша ему печалѣ болшѣ, наче неже сѣдящю ему у Переяславлѣ; сѣдшю бо ему Кіевѣ, печаль бысть ему о сыновищихъ своихъ. яко начаша

ему стужати, хотяще власти, і овъ сея, овъ же другоѣ". Молодымъ героемъ изъ князей, оставившимъ печальное воспоминаніе въ литературѣ и, вѣроятно, въ народной поэзіи, является Ростиславъ, утонувшій въ Стугнѣ, о чемъ говорится подъ 1093 г. „и налегоша на Володимера, и бысть брань люта; и побѣже и Володимеръ съ Ростиславомъ... и нача утопати Ростиславъ передъ очима Володимеровыма: и хотѣ подхватити брата своего, и мало не втону самъ; и тако утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожь... Ростислава же искавше обрѣтоша и в рѣцѣ; и вземше и принесоша и Кыеву, і плакася по немь мати его, и вси людье плакаша по немь повелику, уности его ради". Поэтично описано это событіе въ Словѣ о Полку Игоревѣ и съ болѣе внутренней стороны раскрыто въ Патерикѣ Печерскомъ. Печальные невольники войны съ Половцами изображены въ описаніи той же войны: „мучими зимою, и оцѣпляемѣ у алъчбѣ и в жажѣ, і в бѣдѣ побледѣвше лици, и почернивше телесы; незнаемою страною, языкомъ іспаленомъ, нази ходяще и босѣ, ногы имуще избодены терньемь. Съ слезами отвѣщеваху другъ другу, глаголюще: „азъ бѣхъ сего города", а другій: „азъ сего села" і тако съвъсопрошахуся со слезами, родъ свой повѣдающе очи възводяще на небеса... Се бо азъ грѣшный, прибавляетъ Несторъ, многа и часто Бога прогнѣвахъ, и часто согрѣшая бываю по вся дни". Много говорится о Владимірѣ Мономахѣ при изображеніи походовъ на половцевъ, совѣщаній князей, и проч. Особенно выдающимся героемъ является Владиміръ Мономахъ при описаніи похода 1111 г. Сначала описано совѣщаніе въ характерѣ быта: „сѣдоша въ единомъ шатрѣ, Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею. и бывшу молчанію, и рече Володимеръ: „брате! ты еси старѣй; почни глаголати; како быхомъ промыслили о Руськой земли". И рече Володимеръ: „како я хочю молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя, рекуще: хоцеть погубити смерды и ролью смердомъ? но се дивно мнѣ брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коний, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смердъ тоть орати лошадью тою, и пріѣхавъ Половчинъ ударить смерда стрѣлою и поиметь лошадь ту, и жену его, и дѣти его, и гумно его зажжеть; то о семъ чему не мыслите"? И рекоша вся дружина: „право воистину тако есть". Полки идутъ къ Дону, и вотъ въ степномъ городѣ Шаруканѣ находять встрѣчу: „и кн. Володимеръ престави попы своя, ѣдучи предъ полкомъ, пѣти тропари и коньдакы хреста честнаго и канунъ св. Богородици. Поѣхаша ко граду, вечеру сущю, и въ недѣлю выидоша из города, и поклонишася княземъ Рус-

скымъ, и вынесоша рыбы и вино; и перележаша нощь ту". Это обширное описаніе побѣды русскихъ князей надъ Половцами, по всей вѣроятности, уже одного изъ продолжателей Нестора,—монаха печерскаго, заканчивается такой чудной славой: „възвратишася Русьстіи князи восвояси, съ славою великою, къ своімъ людемъ; и ко всимъ странамъ дальнимъ, рекуще къ Грекомъ, и Угромъ и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима пронде, на славу Богу".

Мы должны теперь остановиться на двухъ замѣчательныхъ памятникахъ, именно: на Сказаніи Василія 1097 г. въ Ипатьевской лѣтописи и Поученіи Владиміра Мономаха съ посланіемъ къ Олегу 1096 г. въ Лаврентьевской лѣтописи. Послѣднее я считаю удобнымъ разсмотрѣть въ связи со всѣми лѣтописными сказаніями о Владимірѣ Мономахѣ. Сказанія Василія волынянина описываютъ „лесть", какой опуталъ Давыдъ Василька съ в. кн. Святополкомъ, закончившуюся извѣстнымъ ослѣпленіемъ кн. Василька. Это страшное событіе, описанное со всѣми кровавыми подробностями, даетъ замѣчательную характеристику и Василька, удалаго князя удѣльной эпохи, и Владиміра Мономаха,—миротворца и братолюбца. Авторъ повѣствованія сидитъ и бесѣдуетъ съ ослѣпленнымъ княземъ, и вотъ Василько признается о своихъ воинственныхъ замыслахъ, которые носили въ своей душѣ удалые удѣльные князья, какъ герои Слова о Полку Игоревѣ: „се азъ слышю, оже мя хочеть Давыдъ давати Ляхомъ; то ся мало насытилъ крове моея... азъ бо Ляхомъ много зла створихъ, и еще есмь хотѣлъ створити и мьстити Русьскую землю; аще мя вдасть Ляхомъ, не боюся смерти, но се повѣдаю ти: по истинѣ яко наведе на мя Богъ за мое узвышенье, яко приде ми вѣсть, яко идуть ко мнѣ Береньдичи, и Печенѣзи, и Торци, и се рекохъ въ умѣ своемь: оже мі будуть Берендичи и Торци и Печенѣзи, і реку брату своему Володареви и Давыдови: дайта дружину свою моложьшюю, а сама пійта и веселитася; и помыслихъ на землю Лядьскую, наступлю на зиму и на лѣто и возьму землю Лядьскую и мьщю землю Русьскую; и посемь хотѣлъ есмь переяти Болгары Дунайскыя, и посадити я у себе; посемь хотяхъ проситися у Святополка и у Володимера на Половцѣ, и пойду, рѣхъ, на Половцѣ, да любо налѣзу собѣ славу, любо свою главу сложу за Русьскую землю.. и веселяся сердце мое, и возвеселися умъ мой". Въ этомъ же сказаніи Владимірь Мономахъ выступаетъ съ такими рѣчами: „Володимеръ же слышавъ, яко ять есть Василко и ослѣпленъ, ужасеся, и въсплакася вельми і рече: „сего не было есть у Русьской земли ни при дѣдехъ нашихъ, ни

при отціхъ нашихъ такого зла". и ту абье посла ко Давыду и къ Ольгови Свѣтъславичема, глаголя: „поидѣта къ Городцю, да поправимъ сего зла, еже ся сотвори у Русьскоі земли и в насъ братьи, оже уверже в ны ножь; да аще сего не поправимъ, больше зло въстанеть в насъ, и начнеть братъ брата заколати, и погыбнеть земля Русьская, и врази наши Половци пришедъше возмуть землю Русьскую". Вынужденный подойти съ войскомъ къ Кіеву, Владиміръ Мономахъ примирился съ мольбами Кіевлянъ и „расплакася рече: по истиннѣ отци наши и дѣди наши соблюдоша Русьскую землю, а мы ю хощемъ погубити; и преклонися на мольбу... любовь имѣя къ митрополитомъ і къ епископомъ, наче же черноризецкій чинъ любя, и приходящая къ нему напиташе и напояше, акы мати дѣти своя; аще кого видить или шюмна, или въ коемь зазорѣ, и не осужаше, но все на любовь прикладаше и утѣшаше". Не приводя многихъ мѣстъ лѣтописи, посвященныхъ Владиміру Мономаху, и которыхъ мы уже касались выше, отмѣтимъ только слѣдующія мѣста: подъ 1023 г. какъ будто передаются слова самого князя: „прочее, дружино и братье, разумѣйте по которомъ есть Богъ, по гордымъ ли или по смиреномъ". Тутъ же лѣтописецъ характеризуетъ князя „благовѣрнымъ.. за честное его житье и за смиреніе его".

Только въ одномъ Лаврентьевскомъ спискѣ мы находимъ Поученіе Владиміра Мономаха, замѣчательное по начитанности автора — единственной вполнѣ опредѣленной личности свѣтскаго писателя древней Руси.

Въ лѣтопись попали сочиненія Владиміра Мономаха или по его собственному желанію, или какъ дополненіе лѣтописныхъ извѣстій о жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго идеальнаго князя. Мы имѣемъ теперь неполныя два сочиненія Владиміра Мономаха: собственно его поученіе дѣтямъ и письмо, или грамоту къ Олегу, написанное по поводу смерти сына Мономаха, Изяслава, въ битвѣ недалеко отъ Ростова. Это письмо предшествуетъ по времени Поученію, и потому мы разсмотримъ его сначала. Изяславъ былъ убитъ 6-го сентября и похороненъ въ Новгородѣ, въ которомъ сидѣлъ братъ покойнаго княземъ, сынъ Мономаха, Мстиславъ. Письмо и начинается намекомъ на этого сына: „да се ти написахъ, зане принуди мя сынъ мой, егоже еси хрстилъ, иже то седить близъ тобе, прислалъ мнѣ ко мнѣ мужь свой и грамоту река: ладимъся и смѣримся, а братцу моему судъ пришелъ; а вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на Бога, а стануть си предъ Богомъ, а

Русьскы земли не погубимъ". Вызванный этимъ письмомъ Мстислава Новгородскаго Мономахъ пишетъ горестное и вмѣстѣ примирительное посланіе, показывающеее глубокую и высокую душу выдающагося князя, перенесшаго столько и горести, и трудовъ, и болѣзней и до старости сохранившаго мужественную душу. Вспоминая свои отношенія къ мстительному Олегу, Мономахъ противопоставляетъ его насилію мольбы о примиреніи, вызывая его на присылку снохи и утѣшительной грамоты. Отказываясь отъ мести, несмотря на горькую мысль объ убитомъ сынѣ („егда же убиша дѣтя мое и твое предъ тобою, и бяше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процвѣтшю, якоже агньцю заколену, и рещи бяше, стояще надъ нимъ, вникнущи въ помыслы души своей: увы мнѣ! что створихъ, и пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзохъ грѣхъ собѣ, отцю и матери слезы"), Владиміръ взываетъ къ своей постоянной заботѣ: „добра хочю братьи и Русьскѣй земли".

Поученіе Владиміра Мономаха, которое онъ называетъ самъ „грамотицей" или „словцами", представляетъ сочиненіе нравоучительно-историческое и стройно изложенное. Слѣдуя за порядкомъ изложенія Поученія, мы находимъ въ немъ: краткое вступленіе, выражающее скромность автора, обстоятельства, при которыхъ написано Слово, и личность писателя; затѣмъ слѣдуетъ рядъ выписокъ изъ любимыхъ сочиненій автора (псалтири, поученія Василія Великаго, между прочимъ правила о монашеской жизни, пророчества Исаіи и др.). Далѣе изложены практическія наставленія о молитвѣ, судѣ, отношеніи къ духовенству, служащимъ, воиньмъ, чужестранцамъ,—вообще къ человѣку (больному, мертвому); наконецъ слѣдуетъ самая интересная—историческая часть о военныхъ трудахъ, дѣяніяхъ и ловахъ великаго князя съ 13-ти лѣтъ и наконецъ—заключеніе о Божьемъ блюденіи, которое лучше человѣческаго. Многія мысли въ Поученіи Владиміра Мономаха встрѣчаются уже у предшествующихъ русскихъ писателей, начиная съ Луки Жидяты: „Помните и милуйте странныя, говорилъ Жидята, и убогыя и темничникы и своимъ сиротамъ милостиви будете", и проч.

Повидимому Поученіе написано между 1098 и 1112 г. (см. еще въ Приложеніяхъ). Первое опредѣляется вступленіемъ Мономаха: „сѣдя на санехъ, помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ днев грѣшнаго допровади... усрѣтоша бо мя слы отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: „потъснися къ намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отымемъ". Это было въ 1098 г. Въ печали Владиміръ разогнулъ

Псалтирь, любимую книгу древне-русскихъ людей, служившую и первымъ средствомъ обученія и утѣшенія въ жизни и блогочестиваго гаданія. Утѣшившись словами Псалтири Мономахъ приступилъ къ своему сочиненію. „На саняхъ" въ древней Руси возили больныхъ и мертвыхъ. Изъ Печерскаго Патерика мы знаемъ о двухъ исцѣленіяхъ Владиміра Мономаха, когда онъ былъ въ Ростовѣ и въ Черниговѣ, черезъ возложеніе золотого пояса, пожертвованнаго въ монастырь варягомъ Шимономъ, и безмезднымъ врачемъ Агапитомъ. Послѣдній смирилъ княжескую гордость, отказавшись отъ вознагражденія и не поѣхавши къ Владиміру больному въ Черниговъ, въ виду строгаго исполненія монастырскихъ обѣтовъ (безвыходнаго пребыванія въ монастырѣ). Послушливый Мономахъ смирился передъ высокой нравственной силой, и, вѣроятно, подъ вліяніемъ сознанія о безсиліи человѣческихъ стремленій безъ помощи Божіей, и написалъ свое завѣщаніе дѣтямъ и другимъ христолюбцамъ. Въ Посланіи проходятъ мысли о постоянныхъ трудахъ, объ избѣжаніи гордости, лѣности, самонадѣянности. Поученіе проникнуто уваженіемъ къ знанію, къ книжности, къ справедливости въ судѣ, къ миролюбію и любви въ то тревожное время, когда Владиміру приходилось то и дѣло двигаться по Руси, заграницу и по степи съ своей дружиной и съ другими князьями, терпѣть пораженія и достигать блистательныхъ побѣдъ, прибѣгать иногда и къ жестокости, напр. съ Половцами; но болѣе всего заключать миръ и призывать къ миролюбію среди враждующихъ князей. Ко всему этому присоединялись опасности въ путяхъ и въ охотахъ. Въ южной Руси водились въ то время самыя разнообразные звѣри, и охота была любимымъ занятіемъ князей. Описывая въ видѣ дневника свои походы Владиміръ отмѣчаетъ подробнѣе только самыя опасныя положенія, въ какихъ приходилось ему бывать съ Половцами и Олегомъ. Быстро, какъ богатырь, ѣздилъ Мономахъ изъ Чернигова въ Кіевъ: „днемъ есмь ѣздилъ до вечерни пестинь ко отцю". На охотѣ онъ арканилъ дикихъ коней („своима рукама связалъ есмь"); но чаще терпѣлъ несчастія: „тура мя два метала и съ конемъ на розехъ, олень мя одинъ болъ, а два лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогома болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже". Все онъ дѣлалъ самъ, за всѣмъ смотрѣлъ, никогда не зналъ покою.. Мономахъ надсматривалъ и домашній нарядъ, и церковный, и судебный (худаго смерда и убогой вдовицы не далъ обидѣть сильнымъ), и военный и охотничій („въ

ловчихъ ловчій нарядъ самъ есмь держалъ и о соколѣхъ и о ястребѣхъ, и въ конюсѣхъ“). Такимъ образомъ рядомъ съ увлеченіемъ мірской дѣятельностью у идеальнаго князя древней Руси жило въ душѣ стремленіе приблизиться къ монастырской жизни: отсюда совѣты о дѣвственной жизни, о молитвѣ и ночью, и въ путяхъ на конѣ, и въ постоянныхъ помышленіяхъ о смерти, о презрѣніи къ богатству. Мономахъ совѣтуетъ строго соблюдать крестное цѣлованіе и не погублять души христіанской—даже виновнаго человѣка: „ни права, ни крива“. Наставленія Мономаха отличаются простотой и наглядностью: весь день, всѣ случаи въ жизни князя отмѣчены въ порядкѣ. Идеальный князь древней Руси и бояре вставали до восхода солнца и привѣтствовали его теплой молитвой на заутрени, затѣмъ садились думать съ дружиной, или творить судъ — оправливать людей, или ѣхали на охоту; затѣмъ слѣдовалъ полуденный сонъ, который соблюдался и въ монастыряхъ, и наконецъ слѣдовали снова труды, или пиры—обѣды съ великой любовью.

Поученіе Мономаха имѣетъ нѣкоторые литературные образцы въ переводной славянорусской литературѣ, какъ напр. Поученія Ксенофонта и Өеодоры,—извѣстные уже по Святославову Изборнику, 1076 г. и по другимъ сборникамъ, завѣщанія дѣтямъ, между прочимъ, извѣстное краткое завѣщаніе Ярослава I, вложенное лѣтописцемъ въ уста умирающаго князя (1054 г.). Быть можетъ, этотъ призывъ къ любви былъ первой дѣйствительной духовной великихъ князей, при распредѣленіи столовъ; или это былъ только литературный памятникъ, предшествовавшій обширному Поученью Мономаха.

Въ 1116 г., при в. кн. Владимірѣ Мономахѣ—Игуменъ Сильвестръ навсегда закрѣпилъ Начальный Сводъ для послѣдующихъ лѣтописцевъ, только изрѣдка измѣнявшихъ его (въ Софійскомъ Временникѣ, въ Воскресенской и Никоновской лѣтописяхъ) по недошедшимъ до насъ спискамъ, отличавшимся отъ Сильвестровской редакціи Несторовской лѣтописи. *) Затѣмъ въ главныхъ лѣтопис-

*) Въ XV вѣкѣ имя Сильвестра было упомянуто по слѣдующему поводу. Подъ 1409 г. (Никоновская Лѣтопись), изложивъ безпристрастно столкновенія съ Татарами, лѣтописецъ замѣтилъ: „якоже бо обрѣтаемъ начальнаго лѣтословца Кіевскаго... при Володимерѣ Маномахѣ оного великаго Селивестра Выдобыжскаго не украшая пишущаго, да аще хощеши почти тамо прилѣжно“. Нестора называютъ лѣтописцемъ сказанія Кіево-Печерскаго Патерика, нѣкоторые списки лѣтописей въ самомъ заглавіи и польскіе лѣто-

ныхъ сводахъ: Лаврентьевскомъ, Новгородскомъ и Ипатьевскомъ начинаются отличія: еще Лаврентьевскій и Ипатьевскій какъ будто идутъ параллельно до XIII ст., хотя и замѣчается отличіе т. н. Кіевской лѣтописи въ Ипатьевскомъ сводѣ и т. н. Суздальской лѣтописи въ Лаврентьевскомъ сводѣ. Кіевская лѣтопись содержитъ наибольшее количество повѣствованій и замѣтокъ о Южной Руси, а Суздальская лѣтопись, разумѣется, интересуется болѣе землями Ростовской, Владимірской, Суздальской и Новгородской, хотя и даетъ иногда новыя свѣдѣнія о Южной Руси, т. е. о Кіевѣ, исключая Галицко-Волынской земли. Этой послѣдней посвящена вся заключительная часть Ипатьевскаго свода, съ 1201 г. до 1292 г. Лаврентьевскій сводъ даетъ уже для XIII—XIV вв. исключительно свѣдѣнія о своихъ земляхъ. Новгородская лѣтопись, при ея преобладающей сухости, краткости, вращается въ кругу событій собственно Новгородской земли, изрѣдка только касаясь юга и даже Цареграда. Конечно, въ этихъ теченіяхъ лѣтописныхъ сводовъ замѣчается различіе и по отношенію къ иноземцамъ. Кіевская лѣтопись полна разсказовъ о Половцахъ, Галицко-Волынская объ Уграхъ, Литвѣ, Полякахъ и даже Нѣмцахъ, Новгородская знаетъ всего болѣе послѣднихъ, удѣляя мѣсто, какъ и Суздальская, финнамъ сѣвернымъ и восточнымъ. Нельзя, однако, эти мѣстныя лѣтописи представлять исключительными, узкими; въ каждой изъ нихъ найдемъ не мало разсказовъ изъ жизни всей Руси. Это зависѣло отъ междукняжескихъ отношеній, отъ общихъ интересовъ въ защитѣ руской земли — что, среди междоусобій удѣльной эпохи, признавалось самымъ высокимъ, самымъ дорогимъ всѣми сознательными лѣтописателями. Кромѣ того, можно найти много общихъ чертъ въ этихъ русскихъ лѣтописяхъ XII—XIII вв., какъ то въ объясненіи событій, въ изложеніи, въ языкѣ. Характеристическія черты будутъ указаны далѣе.

Теперь мы остановимся на т. н. Кіевской лѣтописи по Ипатьевскому своду. Она писана несомнѣнно въ Кіевѣ; это видно изъ подробностей при изображеніи осадъ Кіева, когда называются и огороды и дворы бояръ, и ворота, и подробности битвы. Свѣтскіе писатели стоятъ уже рядомъ съ церковными, которые любятъ вво-

писцы. Слѣдовательно, на юго-западѣ держалось преданіе о Несторѣ лѣтописцѣ, а на сѣверо-востокѣ о Сильвестрѣ Выдубицкомъ. Конечно, популярность Кіево-Печерскаго Патерика поддерживала славу Нестора лѣтописца и не безъ основанія.

дить въ описанія элементы: житійный, поучительный. Таково напр. обширное заключительное сказаніе Кіевской лѣтописи 1199 г. о построеніи кн. Рюрикомъ Ростиславичемъ стѣны подъ Выдубицкимъ монастыремъ, вызвавшемъ панегирикъ строителю князю. Въ Кіевскомъ продолженіи начальной лѣтописи мало уже печерскихъ сказаній: изрѣдка находимъ извѣстія о выборѣ игумена (напр. священника Василія, въ виду распрей въ монастырѣ), о смерти и погребеніи въ монастырѣ выдающихся лицъ (напр. Новгородскаго епископа Нифонта 1156 г.). Изъ церковныхъ событій выдаются распри о митрополитѣ Климентѣ въ 40-хъ годахъ XII в., совпадающія съ ужаснымъ убійствомъ мятежными кіевлянами в. кн. Игоря Ольговича. Событіе это описано съ большимъ сочувствіемъ къ Игорю, вскорѣ же причтенному къ лику святыхъ. Это было началомъ послѣдовавшихъ событій борьбы Мономаховичей и Ольговичей, когда съ особенной силой выступили военные интересы. Описанія битвъ отличаются живостью: опустошенія городовъ, селъ вводятъ невольно въ жизнь и народную, въ матеріальный бытъ. Слогъ разсказа украшенъ народными и дружинными пословицами. Объясненіе событій остается или непонятнымъ для лѣтописателя, или вызываетъ горестное чувство объ отсутствіи братолюбія, сознанія пользы и единства Русской земли, исполненія нравственныхъ и религіозныхъ отношеній. Конечно, иногда выражается и пристрастіе составителей сказаній къ тому или другому князю, или землѣ. Кіевлянинъ неблаговолитъ къ новгородцамъ, хотя болѣе воздерженъ, чѣмъ суздалецъ въ сужденіи о близкихъ новгородскихъ событіяхъ. Въ Кіевской лѣтописи порядокъ изложенія событій какъ будто слѣдуетъ по началамъ княженій, и родовыя отношенія князей по отчинѣ и дѣдинѣ памятны лѣтописцамъ. Одного какъ будто не находимъ въ Кіевской лѣтописи: это интереса къ просвѣщенію, что, можетъ быть, совпадаетъ съ упадкомъ собственно духовнаго образованія Кіева съ половины XII в. до второй четверти XIII в. Живость изложенія свѣтскихъ событій объясняетъ только возможность появленія въ концѣ XII, въ началѣ XIII в. Слова о Полку Игоревѣ. Позволимъ себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ Кіевской лѣтописи для характеристики ея изложенія и отношенія къ дружиннымъ повѣстямъ. Осада Кіева в. кн. Андреемъ Юрьевичемъ изображена въ такихъ подробностяхъ: „бѣжащимъ же нѣмьцемъ къ городу по гребли, улучи самъ по нихъ, дружинѣ не вѣдущимъ его, токмо отъ меньшихъ дѣтскихъ его два видѣвши князя своего у велику бѣду впадша, зане обиступленъ бысть ратьными, и гнаста по немъ,

ять бо бѣ двѣма копіема подъ нимъ конь, а третьимъ въ передній лукъ сѣдельный, а съ города яко дождь каменіе метаху на нь; единъ же отъ нѣмчичь (нѣмчинъ) видѣвъ и хотѣ просунути рогатиною но Богъ съблюде... мужи отьни похвалу ему даша велику: зане мужьскы створи, паче бывшихъ всихъ ту. Конь же его, язвьнъ вельми, унесъ господина своего, умре; князь же Андрѣй, жалуя комоньства его, повелѣ и погрести надъ Стыремъ". Въ 1151 г. в. кн. Изяславъ „исхитрилъ лады дивно: бѣша бо въ нихъ гребци невидимо, токмо весла видѣти, а человѣкъ бяшеть не видити; бяхуть бо лодьи покрыти досками, и борци стояще горѣ въ броняхъ и стрѣляюще, а кормьника два бѣста, единъ на носѣ, а другый на кормѣ, аможе хотяхуть, тамо поидяхуть, не обращающе лодій". Въ этомъ же году в. кн. подвергся другой опасности: раненый лежалъ онъ среди конницы и пѣшихъ на полѣ сраженія. Пѣшіе кіевляне приняли его за „ратнаго" и стали ударять ему по шлему, такъ что шлемъ ушелъ до лба. Когда Изяславъ снялъ шлемъ, то его узнали и, поднявши крики съ „кирелѣйсонъ", съ радостью привѣствовали его. Образчикомъ драматизма въ изложеніи можетъ служить: „Наутрія поидохомъ съ Володиміромъ изъ Вышегорода.. Игуменъ же рече Поликарпъ: „княже! се дружина его не ѣдуть съ нимъ; а пусти своеѣ дружины нѣсколько, нѣкто ни конь доведа, ни стяга донеса". Давыдъ рече: „того стягъ и честь съ душею пешла"; но рече: „ото ти попове Мученичьскыи" (1171 г.).

Битвы съ Половцами и княжескія междоусобія составляютъ основное содержаніе Кіевской лѣтописи. Для насъ особенно интересно прослѣдить извѣстія о герояхъ Слова о Полку Игоревѣ — современникахъ Игоря, такъ какъ въ это поэтическое выдающееся произведеніе древней Руси входитъ намеками и многое, соотвѣтствующее Начальной Лѣтописи. Подробный разсказъ Кіевской лѣтописи, подъ 1185 г. о несчастномъ походѣ, пораженіи и бѣгствѣ изъ плѣна Игоря Святославича, Новгородъ-Сѣверскаго князя, выступающаго съ 1174 г. дѣйствующимъ лицемъ въ удачныхъ походахъ или, правильнѣе, наѣздахъ въ полѣ Половецкомъ на степняковъ, имѣетъ параллельный разсказъ, болѣе краткій, однако съ новыми подробностями, въ Лаврентьевской лѣтописи, или въ Суздальскомъ сводѣ. Очевидно, въ Кіевѣ были заинтересованы и личностью Игоря и его походомъ. Незначительный, по тому времени, князь, выдвинувшійся изъ Ольговичей своими успѣшными наѣздами и близкимъ знакомствомъ съ Половцами, дѣлается героемъ свѣтской литературы, единственнаго цѣльнаго эпическаго повѣствованія, и вмѣстѣ

съ тѣмъ двухъ лѣтописныхъ повѣствованій, написанныхъ двумя разными лицами съ религіозными размышленіями о грѣхахъ Игоря и его современниковъ, за которые Богъ и покаралъ несчастный полкъ сѣверскихъ князей и ихъ нѣкоторые города. Слово о Полку Игоревѣ намекаетъ только чудеснымъ концемъ на освобожденіе Игоря изъ плѣна; между тѣмъ какъ лѣтописныя сказанія прямо объясняютъ счастливый исходъ побѣга Игоря заступленіемъ Божіимъ и честнаго креста. Этотъ походъ—отрывокъ изъ длинной эпопеи, повѣствующей то о пораженіяхъ русскихъ половцами, то о побѣдахъ, какъ во времена Владиміра Мономаха, когда, по лѣтописи, ангелы помогали невидимо побѣдоноснымъ русскимъ полкамъ и князьямъ. Молодого Игоря съ дружиной мы встрѣчаемъ въ лѣтописи впервые подъ 1174 г., когда онъ въ день пророка Ильи одержалъ побѣду надъ половцами и пріѣхалъ въ Кіевъ къ празднику Бориса и Глѣба, привезя сайгатъ,—подарокъ великому князю и самъ былъ одаренъ князьями. Нѣсколько ранѣе съ эпическими подробностями въ Кіевской лѣтописи, подъ 1172 г., изложены удачи кн. Михалька въ преслѣдованіи половцевъ „якоже преже въ луцѣ моря“, замѣчаетъ сказатель. Въ этомъ же году мелькомъ выступаетъ и Игорь съ моложьшими князьми на Кіевскомъ „болоньи“. Участникъ этой междоусобной войны, при в. кн. Святославѣ Ольговичѣ выдѣляется и совѣтами (1180 г.), и опытностью въ отношеніяхъ съ половцами. Въ одной ладьѣ съ Кончакомъ онъ бѣжитъ къ Чернигову послѣ пораженія половцевъ, а въ 1183 г. онъ ѣздитъ съ великокняжескимъ полкомъ напереди черезъ поле половецкое и одерживаетъ побѣду. Успѣхъ в. кн. Святослава въ 1184 г. и весной 1185 г. разгорячаетъ Игоря и сѣверскихъ князей вспомнить и лукоморье, и Тмуторокань, и побѣды Владиміра Мономаха. Это было общее стремленіе южнорусскихъ князей съ в. кн. Святославомъ; но сѣверскіе князья, не успѣвъ попасть въ первый походъ Святослава, тайно отъ в. кн. захотѣли добыть одними своими силами великую честь и славу. Послѣ первой побѣды Половцы обошли всѣми своими силами и конниковъ и черныхъ людей. Лѣтописецъ подробно описываетъ мужество и Игоря и брата его Всеволода изъ Трубецка. Четырехъ князей разобрали по рукамъ половецкіе князья. „Отворилися ворота на Русскую землю“, по выраженію в. кн. Святослава, и печаль распространилась по всему Посемью, въ Новгородъ-Сѣверскѣ и въ Черниговской области: „князи изымани и дружина изымана, избита; и мятяхуться акы въ мотви, городи воставахуть и не мило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрѣкахуся

душь своихъ, жалующе по князихъ своихъ". Подробно описано также нападеніе половцевъ и пребываніе въ плѣну Игоря съ немногими русскими, оставшимися отъ избіенія. Горестныя и благочестивыя размышленія влагаетъ лѣтописецъ въ уста Игоря, кающагося въ кровопролитьи при междоусобной брани у Переяславля: „гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо роженія моего? гдѣ бояре думающеи, гдѣ мужи храборьствующеи, гдѣ рядъ полъчный? гдѣ кони и оружья многоцѣньная? не отъ всего ли того обнажихся". Даже бѣгство Игоря описано въ живыхъ краскахъ, но съ горячей вѣрой въ избавленіе помощію Божіею. Однако лѣтописецъ не помнитъ о церкви Пирогощей и вмѣсто нея ставитъ отношеніе Игоря къ князьямъ въ Кіевѣ. Въ 1190 г. кратко описано бѣгство Владиміра Ярославича изъ Угоръ, отъ короля, который держалъ его съ попадьею и дѣтьми. Здѣсь уже Кіевская Лѣтопись переходитъ въ Галицко-Волынскую, въ которой всего болѣе встрѣчаемъ извѣстій и культурныхъ подробностей нѣмецкой жизни, напр. сочувственный отзывъ о крестоносцахъ: „сіи же нѣмци яко мученици святіи прольяша кровь свою за Христа, со цари своими". Свѣдѣнія объ Игорѣ продолжаются и далѣе въ Кіевской Лѣтописи. Подъ 1191 г. разсказывается два раза о походѣ Ольговичей и Игоря на половцевъ, при чемъ во второй разъ ночью, наученные предыдущимъ опытомъ, они ушли прочь. Такимъ образомъ лѣтопись связана не только съ внѣшнимъ бытомъ древней Руси, съ ея политическими событіями, но и съ внутренней духовной жизнью русскаго народа, съ ея литературой, даже въ лучшихъ образцахъ, какъ Слово о Полку Игоревѣ и житія св., не говоря уже о посланіяхъ и отчасти о поученіяхъ. Вообще лѣтописцы проявляютъ начитанность не только въ библіи, въ твореніяхъ св. отцовъ, въ хроникахъ, въ апокрифахъ и повѣстяхъ, но и въ Пчелѣ (Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго подъ 1186 г.) и даже въ Гомерѣ (Ипатьевск. лѣтопись, подъ 1223 г., если только отрывки изъ Гомера не цитовались лѣтописцами по антологическимъ или хронографическимъ переводнымъ или византійскимъ сочиненіямъ).

Переходимъ теперь къ Галицко-волынской лѣтописи, связанной съ Кіевской лѣтописью—общимъ сводомъ Ипатьевскаго списка. Собственно эта лѣтопись представляетъ второй опытъ прагматическаго изложенія хронографіи. Подъ 1254 г. находимъ такую замѣтку: „хронографу же нужа есть писати все и вся бывшая, овогда же писати въ передняя, овогда же возступати въ задняя: чътый мудрый разумѣеть; число же лѣтомъ здѣ не писахомъ, въ задняя

впишемъ по Антивохыйскимь сором (съборомъ), алумъпыядамь, Грьцкыми же численицами, Римьскы же висикостомь, якоже Евьсѣвій Памьфиловъ и иніи хронографи списаша отъ Адама до Хрѣстоса; вся же лѣта спишемь росчетъше во задьняя". Ни въ одной изъ лѣтописей нѣтъ столько замѣтокъ составителя свода и лѣтописателей, какъ въ этой цѣльной, относительно говоря, галицко-волынской лѣтописи, которая, по всей вѣроятности, въ концѣ XIII в. была подвергнута переработкѣ. Отдѣльныя сказанія, краткія лѣтописныя замѣтки были обработаны въ цѣльную исторію несчастій и устроеній галицко-волынской земли, стремившейся встать во главѣ всея Руси. Такъ собственно эта мѣстная лѣтопись связывалась съ Начальной Лѣтописью. Приведемъ нѣсколько замѣтокъ, характеризующихъ общее направленіе разсматриваемой лѣтописи: „Начало княженія в. кн. Романа самодержца бывша всей Руской земли князя Галичкого" (1201 г.); „начнемь же сказати бесчисленныя рати, и великыя труды, и частыя войны, и многія крамолы, и частая востанія, и многія мятежи, изъ млада бо не бы има покоя" (1227 г.); „посемь скажемъ многій мятежь, великія льсти, бещисленыя рати" (1230 г.). Нѣсколько разъ лѣтописецъ ставитъ своей задачей разсказать о началѣ городовъ Галича, Владиміра Волынскаго, Холма, Каменца; говоритъ о побоищѣ Батыевомъ; старается округлить свои разсказы, припомнить связь событій и очевидное для него нарушеніе хронологической послѣдовательности, показываетъ свою начитанность, ссылаясь на Гомера, византійскихъ историковъ, хронографы. Этотъ редакторъ галицко-волынской лѣтописи жилъ, очевидно, въ княженіе в. кн. Владиміра Васильковича, который былъ большой книголюбецъ и хорошо разумѣлъ исторію своей земли. Значеніе лѣтописи для князей очевидно изъ извѣстнаго распоряженія кн. Мстислава, внука Романова „вписать въ лѣтописецъ коромолу ихъ", въ видѣ грамоты. Подъ 1287 г. занесено дословно „Князя Володимера рукописаніе". Мы видимъ такимъ образомъ свѣтскихъ лѣтописцевъ, княжескихъ писцовъ рядомъ съ духовными, знакомыми съ знаменитымъ словомъ м. Илариона (примѣненнымъ къ покойному Владиміру Васильковичу), съ житійнымъ стилемъ въ изображеніи болѣзней и страданій князей и епископовъ. Мы видимъ особенное развитіе литературныхъ пріемовъ, украшенный стиль, намеки на народную поэзію и дружинный эпосъ. И во всемъ этомъ трудѣ проходитъ прославленіе кн. Романа, его дѣтей и внуковъ, при странномъ отсутствіи подробностей о послѣднихъ дняхъ и смерти самаго главнаго дѣйствующаго лица. Съ па-

мятью его связаны два героя галицко-волынской лѣтописи, кн. Даніилъ и Владиміръ Васильковичъ.

У редактора разсматриваемой лѣтописи или не хватало лѣтописныхъ извѣстій о Романѣ и др., или онъ хотѣлъ воспользоваться народными преданіями и пѣснями. Это какой-то отрывокъ изъ памятника, въ родѣ Слова о Полку Игоревѣ, что можно видѣть хотя бы напр. изъ слѣдующаго мѣста: „по смерти же Романа.. ума мудростію ходяща... устремилбося бяше на поганыя яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь... и прехожаше землю ихъ яко и орелъ, хработъ бо бѣ яко и туръ. ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя Измаилтяны, рекомыя Половци, изгнавшю Отрока во Обезы за Желѣзныя врата, Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою оживъшю, тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотомъ шоломомъ Донъ“, и проч. Далѣе разсказывается, какъ гудець Орь возвращалъ своего хана Отрока, пѣлъ ему пѣсни Половецкія, давалъ понюхать зелье (е(в)мшанъ) и растрогалъ его до слезъ. Возвратился этотъ ханъ и былъ отцомъ Кончака, который надѣлалъ много бѣдъ Русской землѣ — „снесъ Сулу, пѣшь ходя, котелъ нося на плечеву“. Въ былинномъ стилѣ изложено описаніе осады и взятія Кіева Батыемъ въ 1240 г.: „и не бѣ слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множества ревенія вельблудъ его, и рьжанія отъ гласа стадъ конь его. и бѣ исполнена земля русская ратныхъ“. И опять, подъ 1251 г., описывается походъ Даніила, его полкъ въ поэтическихъ чертахъ: „наутрѣя же пригнавъшимъ къ нимъ прусомъ и бортомъ, и воемъ же всимъ съсѣдшимъ, и воружьшимся пѣшьцемь изъ стана; щитѣ же ихъ яко зоря бѣ, шоломъ же ихъ яко солнцю восходящу, копіемь же ихъ дрьжащимъ въ рукахъ яко трьсти мнози, стрѣлцемь же обаполъ идущимъ, и держащимъ въ рукахъ рожанци своѣ, и наложившимъ на нѣ стрѣлы своя противу ратнымъ. Данилови же на конѣ сѣдящю и воѣ рядящю, и рѣша Прузи Ятвяземь: „можете ли древо поддрьжати сулицами и на сію рать дерзнути“?.. и придоста со славою на землю свою, наследивши путь отца своего великаго князя Романа, иже бѣ изоострился на поганыя, яко левъ, имъ же половци дѣти страшаху“.

Галицко-волынская лѣтопись отличается обиліемъ свѣдѣній о Западной Европѣ, хотя и въ Кіевской лѣтописи находимъ такія мѣста, какъ „възвратишася Русьстіи князи съ славою великою къ своимъ людемъ и ко всимъ странамъ дальнимъ, рекуще къ Грекомъ, и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима пройде“. Подъ 1252 г. въ разсматриваемой лѣтописи встрѣчаемся съ слѣду-

ющими свѣдѣніями о Вѣнѣ: „пришли бо бяху посли нѣмѣцкыи къ нему, бѣ бо царь обьдержа Веден, землю Ракушьску и Штирьску: герцюкъ бо уже убьенъ бысть". Это было въ Венгріи, гдѣ присутствовалъ Даніилъ, пришедшій на помощь королю Угорьскому, и дивились нѣмцы татарскимъ и русскимъ обычаямъ военной силы галицкаго князя: „бѣша бо кони въ личинахъ и въ коярѣхъ кожаныхъ и людье во ярыцѣхъ, и бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающася. самъ же ѣха подлѣ короля, по обычаю Руску: бѣ бо конь подъ нимъ дивленію подобенъ, и сѣдло отъ злата жьжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшена, иными хитростьми, якоже дивитися, кожюхъ же оловира Грѣцького и круживы златыми плоскыми ошитъ, и сапози зеленого хъза шити золотомъ". Подъ 1255 г. разсказывается объ извѣстномъ посольствѣ къ Даніилу отъ папы съ короной и скипетромъ. Подъ 1258 г. описывается украшеніе церкви св. Ивана въ Холмѣ: „комары 4, съ каждаго угла преводъ, и стоянье ихъ на четырехъ головахъ человѣцскихъ изваяно отъ нѣкоего хытреца, окна 3 украшена стеклы Римскими" (т. е. расписанными стеклами); а подъ 1260 г. чаша—крестильница изъ земли Угорьской: „мрамора багряна, изваяна мудростью чюдна, и змьевы главы бѣша округъ ея, и постави ю предъ двѣрми церковьными, нарѣцаемыми царскыми; створи же въ ней крестилницю крестити воду на св. Богоявленіе; створи же въ ней блаженый пискупъ Иванъ". Этихъ латинскихъ словъ попадается въ разсматриваемой лѣтописи нѣсколько: пискупья", „пробощъ", „риксъ рекомый король". Подъ 1285 г. и слѣдующимъ много свѣдѣній о печальныхъ событіяхъ въ Европѣ: „начаша повѣдати, оже въ нѣмцихъ вышедъ море и потопило землю, гнѣвомъ Божіимъ: боле шьстидесятъ тысячь душъ потонуло, а церквій каменныхъ одинадесять и сто, опроче деревянныхъ", „преставися в. кн. Лестько Казимиричь Краковьскый... во Краковѣ городѣ". Не будемъ приводить множества живописныхъ изображеній битвъ, единоборствъ, религіозныхъ размышленій и характеристикъ отдѣльныхъ выдающихся личностей изъ враговъ и своихъ. Свѣтская стихія, отразившаяся въ южно-русскихъ лѣтописяхъ въ большей степени, чѣмъ въ другихъ лѣтописяхъ, выражается въ яркости красокъ, обиліи подробныхъ рѣчей, въ нерѣдкомъ употребленіи пословицъ и поэтическихъ оборотовъ.

Мы обращаемся теперь къ сѣверо-восточнымъ лѣтописямъ, и прежде всего къ Суздальской (по Лаврентьевскому списку), въ составъ которой вошли лѣтописи: Ростовская, Владимірская и собственно Суздальская. Существенныя черты этой лѣтописи давно

уже опредѣлены: это любовь къ княжескому роду Мономаховичей и нерасположеніе къ своевольнымъ Новгородцамъ, особенное пристрастіе къ церковнымъ спорамъ и къ описанію святынь. Большая характеристика Владиміра Мономаха представляетъ искусную похвалу съ поученіемъ. Подъ 1128 г. передается или народное преданіе о Роговоложихъ и Ярославлихъ внукахъ, о ихъ враждѣ, которая возводится къ Владиміру I и Гориславѣ-Рогнѣдѣ, или книжное отдѣльное сказаніе. Преданіе это, со словъ вѣдущихъ, показываетъ сколько обращалось въ устахъ горожанъ и народа сказаній о князьяхъ прежняго времени, объ отношеніяхъ княжествъ и земель русскихъ. Подъ 1164 г., 1168 и 1169 г. слѣдуетъ рядъ сказаній о ересяхъ(Леонтіаньской; разсказъ подробенъ и характеризуетъ настроеніе „вѣрныхъ людій“, смущавшихся спорами о постахъ въ среды и въ пятки, въ праздники), и владыки Феодорца (который характеризуется злымъ, пронырливымъ, безумнымъ, и любостяжательнымъ,—что все соединялось съ невѣроятной жестокостью). Одно обширное сказаніе въ Суздальской лѣтописи заслуживаетъ особеннаго вниманія по сердечности описанія, по живымъ подробностямъ,—это „о убьеньи Андрея Боголюбскаго“. Украсивъ сказаніе житійнымъ стилемъ и похвалой мученику, повѣствователь (какъ думаютъ кіевлянинъ Кузьмище) не забылъ описать и украшеніе города Владиміра богатой церковью и Боголюбова такой же церковной роскошью. Для насъ особенно интересенъ живой разговорный языкъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: „и рече Кузьмище (когда убитый князь выволоченъ былъ въ огородъ и лежалъ ограбленный): Амбале вороже! сверзи коверь ли что ли, что постьлати или чимъ прикрыти господина нашего.“ и рече Амбалъ: „иди прочь, мы хочемъ выверечи псомъ“. и рече Кузьмище: „о еретиче! уже псомъ выверечи? помнишь ли, жидовине, въ которыхъ порътѣхъ пришелъ бяшеть? ты нынѣ въ оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежить; но молютися, свѣрьзи ми что любо“—и сверже коверъ и корзно; и обертѣвъ и несе и въ церковь. и рече: „отомькнете ми божницю“. и рекоша: „порины и ту въ притворѣ, печаль ти имъ“; уже бо пьяни бяхуть. и рече Кузмище: „уже тебе, господине, паробьци твои тебе не знають; иногда бо аче и гость приходилъ изъ Царя города и отъ иныхъ странъ изъ Руской земли, и аче Латининъ, и до всего хрестьянства, и до всеѣ погани, и рече: въведете и въ церковь и на полати да видять истинное хрестьяньство и крѣстяться“. Живо представляются и похороны князя: „и, поча выступати стягъ отъ Боголюбово, и людье не могоша ся нимало удержати, но вси вопьяхуть, отъ слезъ же не можаху прозрити

и вопль далече бѣ слышати. и поча весь народъ молвити: „уже ли Кіеву поѣха господине, въ ту церковь, тѣми золотыми вороты". Въ 1176 г. лѣтописецъ прославляетъ Володимерцевъ за ихъ правду противъ Новгородцевъ, но даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстное свѣдѣніе о древности вѣча „земель, городовъ и пригородовъ". Мы не будемъ останавливаться на многочисленныхъ поученіяхъ, входящихъ въ лѣтописныя похвалы и характеристики, и остановимся еще только на общей радости суздальцевъ при проводахъ кн. Константина въ Новгородъ Великій на княженіе: „и да ему отець крестъ честный и мечь, река: „се ти буди схраньникъ и помощникъ, а мечь прѣщенье и опасенье, иже нынѣ даю ти пасти люди своя отъ противныхъ" и рече: „сыну мой Констянтине, на тобе Богъ положилъ переже старѣйшиньство во всей братьи твоей, а Новгородъ Великый старѣйшинство имать княженью во всей Руськой земли, по имени твоемъ тако и хвала твоя.. и проводиша и вся братья его съ честью великою.. Георгій, Володимеръ, Іоаннъ, и вси бояре отца его, и вси купци, и вси посли братья его и бысть говоръ великъ акы до небеси отъ множства людій, отъ радости великія.. пристигшю же вечеру. поклонишася ему братья его, и вси людье, и всѣ мужи отца его, и вси посли братья его, и ти поклонишася ему и похвалу ему давше велику, възвратишася кождо ихъ восвояси, жалостьныя и радостныя слезы испущающе, оставше такого утѣшенья. рыдаху же множство народа правовѣрныхъ, зряще отца сирымъ и кормителя", и проч.

Намъ остается сказать о Новгородской I лѣтописи. Прежде всего мы встрѣчаемся съ сѣверной природой—виновницей неурожаевъ, непогоды, морозовъ, нерѣдко повальныхъ болѣзней. Все это вызываетъ вниманіе къ цѣнности продуктовъ жизни и товаровъ, слагается практическій характеръ сѣверянина—новгородца, предпріимчивый, расчетливый, дѣловой, но сухой. Несмотря на общую страсть къ житійному стилю, къ поученіямъ или словамъ обличенія, языкъ и изложеніе Новгородской лѣтописи за немногими исключеніями отличается краткостью и сжатостью. Діалогическая форма почти совершенно отсутствуетъ, а взамѣнъ ея являются постоянныя молитвословія. Даже въ описаніи событій XIII в. рѣчь, влагаемая въ уста разговаривающихъ, отличается отрывочностью, исключая очевидныхъ выдержекъ изъ грамотъ. Замѣтки новгородской лѣтописи касаются преимущественно поставленія и смерти епископовъ, строенія церквей, походовъ новгородцевъ, и проч. Только въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробивается народная пѣсня

(1233 г.). Два раза упоминаетъ о себѣ новгородскій лѣтописатель: подъ 1144 г. „въ тоже лѣто постави мя попомь архепископъ св. Нифонтъ“; подъ 1188 г. „томьже лѣтѣ преставися рабъ Божій Германъ, іерѣй св. Якова, зовемый Воята, служивъшю ему у св. Іакова полъпятадесять лѣтъ въ кротости и съмереніи и богобоязьнствѣ... покой Господи душю раба твоего Германа, отпусти ему вся прегрешенія вольная и невольная“ (этого Вояту нѣкоторые считаютъ однимъ изъ выдающихся редакторовъ Новгородскихъ лѣтописей): подъ 1230 г. „и дай Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимофѣю пономарю“ *). Для характеристики новгородской жизни приведемъ нѣсколько выдержекъ: (1209 г.),, новгородци же пришедше Новугороду створиша вѣче на посадника Дмитра и на братью его: яко ти повелѣша на Новгородьцихъ сребро имати, а по волости куры брати, по купцемъ виру дикую, и повозы возити; и все зло; идоша на дворы ихъ грабежемь; а Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житіе ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а сокровища ихъ изискаша и поимаша бещисла, а избытокъ раздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему городу и на щитъ; аще кто потай похватилъ, а того единъ Богъ вѣдаеть, и отъ того мнози разбогатѣша“; (1215 г.) „а Новѣгородѣ зло бысть вельми: кадь ржи купляхуть по 10 гривенъ, а овса по 3 гривнѣ а рѣпѣ возъ по 2 гривнѣ: ядяху люди сосновую кору и листъ липовъ и мохъ. О, горѣ тогда, братье, бяше! дѣти своя даяхуть одерень; и поставиша скуделницю и наметаша полну. О, горе бяше! по торгу трупіе, по улицамъ трупіе, по полю трупіе, не можаху пси изъѣдати человѣкъ; а Вожане помроша, а останъке разидеся; и тако, по грѣхомъ нашимъ, разидеся власть наша и градъ нашь“. Подъ 1216 г. „о, великъ е, братье, промыслъ Божій! на томь побоедищи Гюргевыхъ и Ярославлихъ вой паде бещисла, а Новгородець убиша на съступѣ: Дмитра Пльсковитина, Онтона котелника, Иванъка Прибышиница опоньника, а въ загонѣ; Иванка поповица“; 1230 г. „изби мразъ на Воздвиженье честнаго хреста обилье по

*) Обиліе молитвенныхъ заключеній въ Новгородскихъ лѣтописяхъ отмѣчено еще Костомаровымъ. Новгородцы любили составлять кондаки своимъ святымъ и выдержки изъ нихъ приводили въ лѣтописи,—что важно, какъ указаніе на источники лѣтописи вообще. Подъ 1096 г. читаемъ: „при семъ епископѣ Никитѣ бысть въ Великомъ Новѣградѣ пожаръ велми великъ, и въ кондаки его написано: „прилежно моленіе за люди своя принося, овогда же и граду запаленіе угасилъ еси“ (Лейбовичъ, Сводная Лѣтопись, 180 стр.).

волости нашей, и оттолѣ горе уставися велико: почахомъ купити хлѣбъ по 8 кунъ", и пр.; 1230 г. „иная простая чадь рѣзаху люди живыя и ядяху, а иніи мертвая мяса и трупіе обрѣзающе ядяху; а друзіи конину, псину, кошки", и т. д.

Таково древне—русское лѣтописаніе.

Въ заключеніе обзора древнѣйшихъ лѣтописей сдѣлаемъ нѣкоторыя обобщенія, пользуясь и характеристиками изслѣдователей. „Лѣтописатель русскій не всегда былъ затворникомъ, не покидавшимъ своей кельи. Изъ оживленнаго разсказа его иногда видно, что онъ присутствовалъ на вѣчевой сходкѣ; или при спорѣ князя съ дружиной и гражданами—что онъ участвовалъ въ походѣ, бывалъ очевидцемъ сѣчи и осады города; ликовалъ съ побѣдителемъ, сѣтовалъ съ побѣжденнымъ, слушалъ князей, договаривавшихся о мирѣ, и присутствовалъ при обычномъ крестоцѣлованіи. Духовникъ княжескій или пономарь, или свѣтскій человѣкъ, употреблявшійся княземъ для писанія крестоцѣловальныхъ, судныхъ и дарственныхъ грамотъ, онъ писалъ свои замѣтки по большей части на досугѣ, и, принимаясь за перо, всетаки старался отрѣшиться отъ личныхъ интересовъ и усвоить себѣ роль безпристрастнаго судьи — христіанина, какъ того требовало литературное направленіе" (И. П. Хрущовъ: О древне-русскихъ историческихъ повѣстяхъ, стр. 3). „Содержаніе Древней Лѣтописи, какъ и всѣхъ другихъ русскихъ лѣтописей, говоритъ А. И. Маркевичъ (О лѣтописяхъ, стр. 245), составляютъ: судьба русской земли, войны изъ за нея, набѣги непріятелей, княжескіе раздоры, сооруженіе церквей и монастырей и судьба ихъ, подвижничество монаховъ, распространеніе христіанства, наконецъ сохраненіе преданій древности о родной землѣ". У нашихъ лѣтописцевъ такъ же, какъ у ихъ современниковъ европейскихъ анналистовъ, болѣе всего говорится о внѣшнихъ событіяхъ, но за то сравнительно мало передается о чудесахъ, знаменіяхъ, видѣніяхъ (не такъ какъ въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ памятникахъ). Однако всѣ явленія внѣшней жизни толкуются лѣтописцами, какъ проявленія воли Божіей, Провидѣнія, праведнаго суда Божія, или какъ козней дьявола, вызывающаго злыя дѣла. „Въ тонѣ изложенія Древней Лѣтописи, продолжаемъ слова г. Маркевича, господствуютъ простота и ровность: въ иныхъ только мѣстахъ сказывается глубина чувства, и особенно при описаніи какихъ либо народныхъ бѣдствій; печальны также описанія смерти и похоронъ любимыхъ князей. Но вообще тонъ разсказа свѣтлый въ прошедшемъ и темный въ настоящемъ".

Русскія лѣтописи отличаются однообразнымъ, безличнымъ характеромъ: церковно-славянскій стиль съ различными народными наслоеніями — таковъ лѣтописный языкъ; погодные своды съ преобладаніемъ интересовъ какой-либо мѣстности—таковъ составъ русскихъ хронографовъ. Но подъ этой безличной, подражательной, традиціонной формой таится богатое и разнообразное содержаніе: личныя обмолвки лѣтописцевъ и авторовъ отдѣльныхъ сказаній, съ цитатами изъ литературныхъ памятниковъ, придаютъ русскимъ лѣтописямъ видъ хранилищъ богатой исторической литературы, видъ окаменѣлостей отъ прошлой жизни, — жизни ума, чувствъ, и проч.

Присматриваясь къ лѣтописнымъ сводамъ мы замѣчаемъ иногда слѣды работы редакторовъ. Такъ, въ новгородскихъ лѣтописяхъ, при разсказѣ о первоначальномъ мѣстѣ св. Софіи, сгорѣвшей въ 1049 г., прибавлено указаніе на построеніе на этомъ мѣстѣ церкви Содкой Сытиничемъ въ 1167 г.; такъ, въ Начальномъ Сводѣ помѣчены могилы языческихъ князей въ Кіевѣ (идѣже нынѣ стоитъ дворъ такой-то), и т. д. Въ Галицко-волынской лѣтописи редакторъ ввелъ множество замѣтокъ о своей работѣ по разнымъ рукописямъ. Сокращенія источниковъ видны въ постоянныхъ оговоркахъ: „Но мы не продолжимъ слова, но мы та вся оставльше възвратимся вспять, о нихъ же почали бяхомъ преже глаголати". Конечно, редакторамъ сводовъ принадлежатъ и отдѣльныя заглавія, какія видимъ даже въ древнихъ спискахъ — Ипатьевскомъ и Лаврентьевскомъ. Подъ слоемъ редакторскихъ сводовъ находимъ слѣды описанія прошлыхъ событій за нѣсколько лѣтъ, что выражается въ замѣткахъ: „што ся удѣяло скажемъ, посемъ же скажемъ приключшихся лѣтѣхъ, сихъ, ихже мы преди написахомъ, и послѣди скажемъ", и проч. Сюда же относятся заглавія Начальной Лѣтописи: „Си повѣсти временныхъ лѣтъ, се начнемъ повѣсть сію, и се да скажемъ, чего ради прозвася Печерскій монастырь, тѣмже отселе почнемъ и числа положимъ". Наконецъ мы имѣемъ множество замѣтокъ современниковъ событій: это знаменитый Василь, очевидецъ ослѣпленія Василька, это лѣтописатели, упоминающіе о себѣ: азъ грѣшный! (съ молитвой, иногда даже съ именемъ), ссылающіеся на самовидцевъ, вѣдущихъ людей, упоминающіе о противорѣчивыхъ свидѣтельствахъ: „азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ; сеже написахомъ, да ненаскакають нѣціи на святительскій санъ; много о томъ писать, но то мы оставимъ; скажемъ вмалѣ; слышахомъ у самовидецъ, тако сказаша

намъ самовидци; въ тоже лѣто постави мя попомь“ (Новгород. I, 1144 г.), и проч.

Разнообразны были таланты лѣтописцевъ и ихъ начитанность, манера излагать и украшать разсказы о событіяхъ, дѣлать заключенія, составлять характеристики. По этому искусству въ стилѣ можно отличить самыхъ разнообразныхъ представителей литературнаго искусства: отъ простыхъ записывателей лѣтосчисленія по выдающимся событіямъ времени до повѣствователей въ стилѣ поучительныхъ словъ, народныхъ повѣстей, житійныхъ разсказовъ, съ литературными цитатами, или съ народными притчами. Но почти каждый лѣтописатель зналъ прошлое Руси и нерѣдко ссылался на первыхъ князей, проводилъ параллели. Начальная Лѣтопись, ея сокращенія, быть можетъ, какія либо таблицы краткихъ лѣтосчисленій, родословныхъ княжескаго дома были въ обиліи распространены въ древней Руси и были всегда подъ рукой болѣе или менѣе крупнаго лѣтописателя. Такъ выработался къ XIII—XIV вв. однообразный видъ Русскаго (начальнаго, древнѣйшаго) лѣтописца. Начитанный въ лѣтописяхъ монахъ или княжескій дьякъ не стѣснялся вставлять въ лѣтописи отрывки поученій, словъ, грамотъ, молитвъ, уставовъ, повѣстей. И лѣтопись становилась не только исторіей, но и энциклопедіей, въ которой видное мѣсто отводится средневѣковой астрономіи, или астрологіи. Послѣднее объясняется византійскими образцами хронографовъ. Библейская и всемірная исторія была также не чужда нашимъ лѣтописцамъ, и они имѣли ее всегда въ виду, пользуясь или отдѣльными переводными и компилятивными сочиненіями, или принимали ее за образецъ и подбирали соотвѣтствующіе факты, какими богата начальная лѣтопись. Какъ литераторъ, лѣтописатель нерѣдко владѣлъ талантомъ жизнеописателя (святыхъ), оратора (церковнаго), полемиста (о ересяхъ), сухого разсказчика народныхъ преданій. Отсюда болѣе или менѣе искусныя сказанія о тяжелыхъ историческихъ событіяхъ въ связи съ страшными небесными знаменіями, или объ удачахъ на войнѣ въ связи съ чудесами отъ явленій святыхъ, иконъ; наконецъ утѣшительныя замѣтки о постройкахъ городовъ, церквей и о различныхъ мастерахъ.

О народной стихіи въ лѣтописномъ изложеніи мы достаточно говорили во „Введеніи къ Исторіи Русской Словесности“ 1896 г., въ которой изъ лѣтописей извлечено не мало древнихъ пословицъ, поговорокъ, пѣсенныхъ выраженій и даже сказочныхъ повтореній. Однако ни одинъ изъ сводовъ не занесъ на свои страницы старой

поэмы въ стилѣ Слова о Полку Игоревѣ. Очевидно, духовное начало всегда преобладало въ лѣтописяхъ, и стиль строгаго изложенія подчинялъ отраженія народныхъ сказаній, пѣсенъ общему тону.

Говоря о лѣтописяхъ нельзя обойти вопроса объ ихъ изученіи, и мы хотя вкратцѣ коснемся здѣсь научной разработки лѣтописей, отсылая читателей за подробностями къ слѣдующимъ статьямъ: А. С. Архангельскаго „Первые труды по изученію Начальной Русской Лѣтописи“ (Казань, 1886 г.); В. С. Иконникова „Скептическая школа въ русской исторіографіи и ея противники“ (Кіевъ, 1871 г.); Полетаева „Разработка русской исторической науки въ первой половинѣ XIX ст.“ (Спб. 1892 г. Библіографъ).

Занятія русской лѣтописью начались еще въ прошломъ столѣтіи. Извѣстный историкъ *Татищевъ* (Исторія Россійская съ древнѣйшихъ временъ, неусыпными трудами чрезъ 30 лѣтъ собранная и описанная, 1768 г., кн. I, ч. I) въ первой части своего обширнаго труда посвящаетъ уже нѣсколько главъ слѣдующимъ вопросамъ: „о древности письма Славянъ,... о исторіи Іоакима Новогородскаго епископа, о Несторѣ и его лѣтописи, о послѣдовавшихъ Нестору лѣтописателяхъ, о спискахъ или манускриптахъ, употребленныхъ къ сему собранію. Татищевъ признаетъ начало лѣтописанія ранѣе Нестора, основываясь на его источникахъ, какъ то на разсказахъ о Волотахъ или Римлянахъ, о войнахъ со Греки, о Кіѣ, Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ и пр., на договорахъ со Греками. Къ числу такихъ несомнѣнныхъ писателей до Нестора Татищевъ относитъ Исторію Іоакима Новгородскаго епископа (991—1030 г.), списанную имъ у архимандрита Бизюкова монастыря Мельхиседека. Три тетрадки, списанныя Татищевымъ и содержавшія различныя дополненія къ первымъ страницамъ начальной лѣтописи, пропали. Остались для науки выписки Татищева, которыми пользуются историки съ большой осторожностью. П. А. Лавровскій въ 1856 г. въ Ученыхъ Запискахъ 2-го отд. И. Академіи Наукъ въ „Изслѣдованіи о Лѣтописи Якимовской“ старался снять съ памяти Татищева упрекъ въ подлогѣ. Татищевъ ревностно собиралъ историческіе источники и владѣлъ недошедшими до насъ лѣтописями: Раскольнической 1421 г., доведенной до 1197 г., Голицынской до 1198 г., Іосифовской, Волынской, Полоцкой—Еропкина, Смоленской—Хрущова, о которыхъ нѣтъ болѣе слуха. Поэтому Татищевъ не видѣлъ совершенства въ дошедшей до насъ Начальной Лѣтописи, указывая на ея сокращенность и кое гдѣ спутанность. Нестора, бывшаго монаха Печерскаго монастыря (род. 1056 г. на Бѣлѣ-озерѣ) Татищевъ

признавалъ авторомъ всей Начальной Лѣтописи до 1093 г. „гдѣ онъ пиша о казнехъ божескихъ за грѣхи кончилъ рѣчь такимъ порядкомъ, какъ обыкновенно книги русскія кончатся, „Аминь", что и послѣдователь его Силвестръ, во окончаніи своея лѣтописи, равномѣрно положилъ" (И. Р. I, 1. стр. 53—54). Татищевъ признавалъ Нестора, упоминаемаго Кіево-Печерскимъ Патерикомъ, за лѣтописателя на основаніи свидѣтельства „всѣхъ нашихъ и польскихъ историковъ". Продолжателями Нестора у Татищева являются слѣдующія лица: Сильвестръ игуменъ Михайлова Выдобскаго монастыря († 1125 г. запись 1116 г. не свидѣтельствуетъ еще, чтобы онъ не продолжалъ Лѣтописи и далѣе; на Сильвестра ссылаются Симонъ епископъ. Игнатій дьяконъ, списатель Пимена ѣзды и Кипріянъ митр.), Нифонтъ, бывшій на Волыни игуменомъ, а въ Новгородѣ епископомъ († 1156 г.), Симонъ епископъ западнорусскій († 1226 г.), Іоаннъ попъ Новгородскій (около 1230 г. упоминаетъ о себѣ въ лѣтописи). Мы изложили подробно мнѣнія Татищева, такъ какъ заслуги его въ русской исторіи очень важны (см. біографію его въ трудахъ Бестужева Рюмина и Нила Попова).

Въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" 1755 г. появилась статья *Миллера* „О первомъ Лѣтописателѣ россійскомъ Несторѣ", которому авторъ приписалъ уже всю Начальную лѣтопись до 1116 г., а слѣдующую часть до 1123 г. Сильвестру. Важнѣйшимъ трудомъ о „Несторѣ и русскихъ Лѣтописяхъ" послѣ Татищева, или, правильнѣе выразиться, первымъ крупнымъ трудомъ въ этой области, представляется трудъ *Шлецера* (ум. 1819 г.). Въ русскомъ переводѣ 1809—1819 г. Языкова онъ состоитъ изъ 3-хъ частей, въ которыхъ кромѣ вопросовъ о Несторѣ, въ 20 спискахъ его разсмотрѣнъ „Русскій временникъ на древле—Славянскомъ языкѣ, сличенный, очищенный отъ описокъ и вставокъ, объясненный и переведенный" (доведенъ до 980 г.). Это плодъ 40—лѣтнихъ трудовъ Шлецера. Въ немъ объяснена каждая строчка Начальной Лѣтописи на основаніи филологической критики и исторической путемъ сличенія съ византійскими и западно-европейскими историками. Біографію Нестора, его участіе въ составленіи Лѣтописи Шлецеръ признавалъ согласно съ Татищевымъ и Миллеромъ, но впервые выдвинулъ вопросъ объ образованіи Нестора (греческомъ), и его источникахъ греческихъ хронографахъ. Іоакимовскую Лѣтопись Шлецеръ признавалъ выдумкой Татищева. Вообще критика Шлецера по отношенію къ русской лѣтописи проникнута недовѣріемъ. Онъ стремился возстановить

истинный видъ лѣтописи, испорченный переписчиками и тенденціозными редакторами лѣтописей, подъ вліяніемъ высшаго духовенства.

По словамъ Бычкова (Обзоръ хода изданія лѣтописей въ Россіи. Журн. Мин. Нар. Пр. 1860 г., ч. CV, стр. 13) Шлецеръ „очистилъ Нестора отъ описокъ переписчиковъ, объяснилъ темныя мѣста и исправилъ ошибочныя и вообще старался показать способъ возстановленія первоначальныхъ словъ нашего лѣтописца... хотя и нельзя было принимать его за образецъ при изданіи лѣтописей, потому что по истеченіи 700 лѣтъ едва ли возможно отгадать настоящія слова Нестора и опредѣлить съ точностью, что принадлежитъ ему и что позднѣйшимъ его переписчикамъ, тѣмъ не менѣе однакожъ съ этого именно времени начинаются у насъ первыя попытки ученаго изданія памятниковъ исторической литературы и уже становятся невозможными явленія въ родѣ лѣтописцевъ типографскаго (1784 и 1790 г.) или Русскаго Львова“ (1792 г. съ произвольными опущеніями, сокращеніями и подновленіями въ слогѣ).

Карамзинъ въ разныхъ мѣстахъ своей „Исторіи Государства Россійскаго“ (1816 г. I т.) высказываетъ свои сужденія о нашей лѣтописи. Въ I т., въ предисловіи „объ источникахъ Россійской Исторіи до XVII в.“, онъ говоритъ слѣдующее о Несторѣ: „Несторъ, инокъ монастыря Кіево-Печерскаго, прозванный *отцомъ* Россійской исторіи, жилъ въ XI вѣкѣ, одаренный умомъ любопытнымъ, слушалъ со вниманіемъ изустныя преданія древности, народныя историческія сказки, видѣлъ памятники, могилы князей, бесѣдовалъ съ вельможами, старцами Кіевскими, путешественниками, жителями иныхъ областей Россійскихъ; читалъ Византійскія хроники, записки церковныя и сдѣлался первымъ лѣтописцемъ нашего отечества“. Несторъ кончилъ свою лѣтопись въ 1106 г., сказавъ намъ о смерти добраго 90-лѣтняго старца Яня, славнаго воеводы (изд. Эйнерлинга I т., 88 стр.). Всѣ иные лѣтописцы послѣ Нестора, по мнѣнію Карамзина, остались для насъ безъименными, и онъ точнѣе опредѣляетъ ихъ. Іоакимавскую лѣтопись Карамзинъ совершенно отрицаетъ. Нѣсколько лѣтописныхъ списковъ Карамзинъ нашелъ впервые, и одинъ изъ нихъ Карамзинскій Троицкій XIV в. сгорѣлъ въ московскомъ пожарѣ 1812 г. *) Во время Карамзина была еще масса

*) Сохранились разночтенія этой лѣтописи въ 10 листахъ не вышедшаго въ свѣтъ изданія Чеботарева 1804—1811 гг. Кстати замѣтить, что Карамзинъ предлагалъ планъ изданія исправнаго ученаго свода лѣтописей въ 10 большихъ томахъ отъ XI до XVII в., принявъ за основаніе лучшій, древ-

лѣтописныхъ списковъ полныхъ и въ сокращеніи (болѣе 1000). Житіе Нестора въ печатномъ Патерикѣ Карамзинъ признавалъ недостовѣрнымъ, а о самомъ Несторѣ въ 144 прим. I. т. замѣчаетъ слѣдующее: „въ точности ли справедливо сіе описаніе нравовъ (полянъ, древлянъ и пр,)? Не излишно ли Несторъ хвалитъ Кіевлянъ, между которыми онъ самъ жилъ? Не излишно ли чернитъ другихъ славянъ, можетъ быть для того, что они и въ его время не хотѣли еще совсѣмъ оставить идолопоклонства? О свойствѣ же Новгородцевъ, отдаленныхъ отъ Кіева, не говоритъ ни слова; видно, что ихъ древніе обычаи и преданія были ему мало извѣстны". Карамзину принадлежитъ еще открытіе Меѳодія Патарскаго, византійца IV в., какъ одного изъ источниковъ Начальной лѣтописи.

Между тѣмъ Шлецеръ совершенно упустилъ изъ виду Георгія инока Амартола, какъ одного изъ непосредственныхъ прототиповъ Нестора. И это открытіе принадлежитъ извѣстному археографу *Строеву* (Труды и Лѣтописи Общ. Ист. и Древн. Росс. 1828 г. ч. IV), написавшему „О византійскомъ источникѣ Нестора", т. е. о Георгіѣ инокѣ Амартолѣ, изъ котораго въ лѣтописи и отмѣчено Строевымъ 7 мѣстъ: о нравахъ древнихъ народовъ, о дѣлежѣ міра между сыновьями Ноя, о волхвѣ Аполлоніи, о звѣздѣ Лампадіи, объ уродливомъ дѣтищѣ и шестиногомъ псѣ, о набѣгѣ Аскольда и Дира на Царьградъ и о разбитіи греками Игоря. Еще ранѣе, въ 1820 г. въ предисловіи къ „Софійскому Временнику", Строевъ высказалъ оригинальный взглядъ на лѣтописные сборники, на передѣлки Нестора, въ каковыхъ онъ и дошелъ до насъ, на существованіе въ древности множества отдѣльныхъ лѣтописей (каждой земли, города, монастыря).

Мнѣніе Строева уже примыкаетъ къ т. н. скептической школѣ въ русской исторіографіи, основателемъ которой является собственно проф. *Каченовскій* (ум. 1842 г.). Не признавая зачатковъ культуры и образованности въ древне-русской жизни, вѣря въ одно варварство этого отдаленнаго времени и опасаясь подлоговъ (по пути Нибура), русскіе скептики 30—40-хъ годовъ отчасти издѣвались надъ вѣрующими въ старинные памятники, отчасти старались отыскать доказательства

нѣйшій списокъ и только означая важныя отмѣны и прибавленія другихъ списковъ. Рядомъ съ этимъ выступили другіе способы изданія лѣтописей: графическій—воспроизведенія отдѣльно каждой рукописи и способъ ученаго Тимковскаго—исправленія ошибокъ переписчиковъ при помощи собственныхъ соображеній и варіантовъ.

подложности памятниковъ. Если Слово о П. И. они считали произведеніемъ XVII—XVIII вв., то древнѣйшія наши лѣтописи и въ томъ числѣ Нестора считали произведеніями XIII в. и даже не ранѣе XIV. „Вслѣдъ за Шлецеромъ, говоритъ В. С. Иконниковъ (Опытъ Русской Историографіи, I т., 1 кн., стр. 19, 260*), и онъ (Каченовскій) разсматриваетъ вопросы о первоначальныхъ источникахъ русской лѣтописи, о степени ея достовѣрности, о баснословномъ характерѣ древнѣйшихъ извѣстій, вошедшихъ въ нее. А послѣ знакомства съ критикою Нибура, Каченовскій выразилъ даже сомнѣніе въ возможности появленія въ то время такого памятника, какъ древняя лѣтопись, и заподозрѣлъ достовѣрность другихъ историческихъ памятниковъ (договоровъ, Русской Правды), относя появленіе ихъ къ болѣе позднему періоду". Задачей Каченовскаго было отыскивать вездѣ сомнительность лѣтописныхъ извѣстій, ихъ противорѣчія, сбивчивость и запутанность показаній и хронологіи. Не отрицая существованія Нестора въ XI в., Каченовскій считалъ, однако, лѣтописи XI, XII и XIII вв. на самой низкой степени развитія, тк. ск. въ зачаточной формѣ, которая была еще переработана въ лѣтописныхъ сборникахъ XIII и XIV вв. По мнѣнію Каченовскаго русское просвѣщеніе такъ было слабо въ XI—XIII вв., что не мыслима была ни искусственная рѣчь, ни письменность. Каченовскій первый выдвинулъ указанія на противорѣчія въ свидѣтельствахъ о Несторѣ (о баснословномъ времени въ Россійской Исторіи, 1833 г.). По пути его подвергъ еще разъ разсмотрѣнію этотъ вопросъ *Казанскій* въ 1849 г. во Временникѣ, въ статьѣ „Еще вопросъ о Несторѣ" и пришелъ къ выводу, что личность лѣтописца Нестора сомнительна.

Отступая нѣсколько отъ хронологическаго порядка мы упомянемъ о возраженіяхъ скептикамъ *Погодина* (статьи его начинаются еще въ 1834 г., но полный трудъ въ „Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ", т. I, 1846 г.). Вотъ какъ отзывается Погодинъ о скептикахъ: „общее господствующее мнѣніе состоитъ въ томъ, что лѣтопись Несторова дошла до насъ искаженная и обезображенная, украшенная и подновленная, распространенная и сокращенная позднѣйшими переписчиками, со множествомъ вставокъ и пропусковъ, новыхъ сказокъ и басенъ, отъ коихъ должно очищать ее критикѣ,—словомъ совершенно не въ томъ видѣ, какой далъ ей сочинитель". Погодинъ разсмотрѣлъ вопросы: объ отношеніи лѣтописи къ иноземнымъ источникамъ (свидѣтельство иностранныхъ писателей современныхъ Нестору), къ туземнымъ (другимъ памятникамъ рус-

ской древности), о времени и мѣстѣ сочиненія первой лѣтописи, о лѣтописцѣ Несторѣ, объ ея источникахъ, и пр. Мѣстомъ происхожденія лѣтописи Погодинъ считаетъ Кіевъ, а временемъ XI—XII вв., основываясь на перерывѣ отъ 1104 г. до 1110г. (до Сильвестровой приписки оставлено по многимъ древнимъ спискамъ безъ описанія, которое слѣдуетъ уже за нею). Достовѣрность и современность лѣтописи описываемымъ событіямъ доказывается извѣстіями съ личными мѣстоименіями—явными признаками современности. Несторова лѣтопись, доказываетъ далѣе Погодинъ, дошла до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, что доказывается сходствомъ и незначительными отмѣнами въ Начальной лѣтописи. До Нестора существовали „прежнія записки"—извѣстія современниковъ и баснословныя устныя преданія—сказки. Погодинъ коснулся вопроса и о новгородскихъ древнихъ лѣтописяхъ. Митр. Евгеній признавалъ первымъ новгородскимъ лѣтописцемъ архіеп. Іоанна; арх. Филаретъ, напротивъ, указывалъ на пономаря Тимофея. Оба мнѣнія основаны на припискахъ въ разныхъ спискахъ подъ 1230 г. Погодинъ не согласенъ съ этими мнѣніями: онъ видитъ въ лицѣ Іоанна и Тимофея—переписчиковъ; составленіе же первой Новгородской лѣтописи относитъ къ 1164 г. Въ позднѣйшемъ своемъ трудѣ „Древняя русская исторія До-монгольскаго ига" (1872 г. II т., 1126 стр. и д.). Погодинъ считаетъ предѣломъ Несторовой лѣтописи 1111 г., хотя думаетъ, что Несторъ жилъ еще въ 1113 г., такъ какъ ввелъ и этотъ годъ въ свою хронологическую таблицу. Другой большой трудъ *Буткова* посвященъ „Оборонѣ лѣтописи русской, Несторовой, отъ навѣта скептиковъ" 1840 г. Авторъ разсматриваетъ слѣдующіе вопросы: „на такой ли степени образованія стояла Россія въ XI вѣкѣ, чтобъ могла имѣть тогда собственнаго лѣтописца? Источники лѣтописи русской; явленіе Нестора; образованіе сего инока; начало и конецъ его Временника; связь съ лѣтописью Нестора отдѣльныхъ повѣстей о Борисѣ и Глѣбѣ, о началѣ печерскаго монастыря и о житіи Өеодосіевомъ, средства Несторовы къ собранію для лѣтописи матеріаловъ, съ какихъ поръ Несторъ извѣстенъ въ званіи лѣтописца"? Бутковъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за мнѣніемъ скептиковъ.

Въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ (т. 4, 1848 г.) появилось сочиненіе *Кубарева:* „Несторъ первый писатель россійской исторіи—церковной и гражданской". Кубаревъ старался собрать и пересмотрѣть всѣ свидѣтельства о принадлежности начальной лѣтописи Нестору. Онъ склоненъ думать, что мнѣніе о Несторѣ лѣтописцѣ распространилось черезъ Печерскій Патерикъ и сдѣлалось всеоб-

щимъ въ концѣ XV в. Противорѣчія въ свидѣтельствахъ о Несторѣ житій св. и лѣтописи объясняются, по мнѣнію Кубарева, разновременностью написаній. Вообще мы замѣчаемъ, что мнѣніе о Несторѣ, какъ лѣтописцѣ, окрѣпло въ 40-хъ годахъ, въ борьбѣ со скептиками.

Скажемъ кратко объ изслѣдованіяхъ Бѣляева, Шевырева, Полѣнова, относящихся къ 40-мъ и отчасти къ 50-мъ годамъ, когда уже являются новые труды по изученію лѣтописей. *Бѣляевъ* въ статьяхъ „О Несторовой Лѣтописи" (Чтенія общ. Ист. и Древн. Рос. 1847 г. №—5) и во Временникѣ (2 кн. 1849 г.) старался указать въ Несторѣ вѣрнаго, глубокомысленнаго историка художника,—что подкрѣпилъ Шевыревъ въ статьѣ Москвитянина и въ своихъ Лекціяхъ по Исторіи Русской Словесности 1846 г. Бѣляевъ прослѣдилъ ходъ изложенія Несторовой лѣтописи до 1110 г. съ первыхъ ея страницъ. Бѣляеву принадлежитъ первое различеніе видовъ лѣтописей: оффиціальныхъ или государственныхъ, фамильныхъ или частныхъ, монастырскихъ, литературныхъ сборниковъ. Впервые же имъ указано, какъ на основаніи сочувствія лѣтописца къ разнымъ мѣстностямъ и лицамъ, по его взгляду и отношенію къ событіямъ можно опредѣлить мѣсто его родины, жительство, сословія и пр.,—что позднѣе такъ всесторонне примѣнено къ лѣтописямъ Бестужевымъ-Рюминымъ. Въ 1851 г. кн. *Оболенскій* издалъ „Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго" съ интереснымъ предисловіемъ, въ которомъ коснулся греческихъ хронографовъ, Георгія Амартола и Малалы. Особенности этого новаго списка лѣтописи отмѣчены были Полѣновымъ въ статьѣ 1854 г. „Обозрѣніе лѣтописца Переяславскаго" (Ученыя Зап. 2-го Отд. Акад. Наукъ). Еще въ 1846 г. кн. Оболенскій указалъ на Палею, какъ на источникъ Лѣтописи.

Срезневскій положилъ основаніе серіозному изученію лѣтописей, въ особенности со стороны ихъ древнѣйшаго происхожденія въ небольшихъ статьяхъ (Изслѣдованія о лѣтописяхъ новгородскихъ, Древнія жизнеописанія русскихъ Князей X—XI вв., Памятники X-го вѣка до Владиміра св. 1854 г., Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ) съ 1853 г. Съ полной вѣрой въ лѣтописца Нестора Срезневскій остроумно разобралъ свидѣтельства Лѣтописи о событіяхъ IX и X вв., приписавъ ихъ предшественникамъ Нестора и доказавъ это убѣдительно и такъ сказать неотразимо. Это—остатки лѣтописныхъ сказаній, относящихся ко времени язычества. Особенную цѣну имѣетъ разборъ хронологической таблицы, помѣщенной въ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Срезневскій указываетъ, что въ нашей лѣтописи годы играютъ такую же роль, какъ у западныхъ лѣто-

писцевъ, а не какъ у византійскихъ. въ виду самаго названія annales и основы ихъ въ пасхальныхъ таблицахъ. Перволистки нашей лѣтописной литературы Срезневскій указываетъ въ извѣстномъ перечнѣ лѣтъ по княженіямъ, находящемся въ Несторовой лѣтописи. Въ лѣтописныхъ погодныхъ перечняхъ Срезневскій старается отмѣтить участіе разныхъ лицъ. Древнѣйшими лѣтописцами были по преимуществу лица свѣтскія, позднѣйшими являются уже духовныя лица. Доказательства Срезневскаго, направленныя въ сторону частностей, отмѣченныхъ современниками, сводятся къ признанію русскаго лѣтописанія до Владиміра св. Срезневскій дѣлаетъ предположеніе о Византійской Болгарской Лѣтописи, которой пользовался нашъ лѣтописецъ съ 852 г. по 943 г.

Мнѣнія *Соловьева* о лѣтописи изложены въ 3 т. Исторіи Россіи (4-ое изд., стр. 112—146). Онъ признаетъ лѣтописцами духовныхъ лицъ, а дошедшія до насъ списки составными сборниками. Уже въ Начальной Лѣтописи Соловьевъ отличаетъ сѣверную и южную и признаетъ ея сокращенность, допуская значеніе дополненій по позднѣйшимъ сводамъ. Въ виду такого сложнаго состава Лѣтописи Соловьевъ колеблется уже въ мнѣніяхъ о личности Нестора Лѣтописца, о лѣтописномъ трудѣ Сильвестра Выдубицкаго и говоритъ мелькомъ о т. н. Несторовой Лѣтописи. Между тѣмъ Іоакимовской Лѣтописи Соловьевъ вѣритъ. Наши Лѣтописи онъ называетъ княжескими. Онъ разсматриваетъ религіозныя нравственныя, политическія и научныя понятія лѣтописца. Соловьеву же принадлежитъ названіе начальной лѣтописи—всероссійской. Индивидуальныя особенности лѣтописей также намѣчены въ общихъ чертахъ Въ 1862 г. *Билярскій* (Записки Академіи Наукъ „Замѣчанія о языкѣ Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ приписываемаго Нестору, сравнительно съ языкомъ лѣтописей“) пытался разграничить, на основаніи признаковъ языка, труды Нестора жизнеописателя отъ трудовъ Нестора Лѣтописца (напр. въ одномъ „страна“, въ другомъ „земля“, „языкъ“; въ одномъ „верста“ въ значеніи возростъ, въ другомъ мѣра разстоянія): но ближайшее изученіе различныхъ списковъ житія Бориса и Глѣба совершенно разрушаетъ выводы Билярскаго. Сошлюсь на замѣчательный текстъ XV—XVI вв. Кіевск. Дух. Ак. О. 4. 79, въ которомъ, какъ разъ находятся тѣже выраженія, что въ лѣтописи. Выводы Билярскаго, основаны были на одномъ спискѣ житія Бориса и Глѣба, безъ сличенія съ другими списками.

Для насъ наибольшій интересъ представляетъ трудъ акад. *Сухомлинова* „О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литера-

турномъ" 1856 г. (Ученыя Записки 2-го отд. Академіи Наукъ). Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: списки русскихъ лѣтописей, начало и ходъ лѣтописанія въ Россіи, заимствованія въ древней лѣтописи: книги св. Писанія, Палея, Исповѣданіе вѣры, жизнеописанія св. Кирилла и Меѳодія, первоучителей Славянскихъ, житіе Владиміра св., Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, составленное монахомъ Іаковомъ, поученіе св. Ѳеодосія, разсказъ Василія, Хроника Георгія Амартола, сочиненія Меѳодія Патарскаго, договоры русскихъ князей съ греками, самостоятельная часть древней лѣтописи, языкъ и слогъ древней лѣтописи, заключеніе. Замѣчательна осторожность, съ какой авторъ во всемъ трудѣ своемъ обходится съ именемъ Нестора. Какъ будто вопросъ о его лѣтописной дѣятельности не игралъ никакой роли въ изслѣдованіи о Начальной лѣтописи: ни полемики, ни дополненій къ предшествующимъ отзывамъ не находится въ почтенномъ трудѣ всесторонняго изслѣдованія древней русской лѣтописи. И это отношеніе къ Нестору какъ нельзя лучше характеризуетъ новое направленіе въ изученіи вопроса о происхожденіи русскихъ лѣтописей включительно до настоящаго времени. Изслѣдованіе акад. Сухомлинова отличается точностью въ опредѣленіи источниковъ Начальной лѣтописи. Вопросъ о Палеѣ едва ли не впервые выдвинутъ Сухомлиновымъ. Въ Основѣ 1861 г. Сухомлиновъ указалъ на преданіе первоначальной лѣтописи въ связи съ скандинавскими сагами, какъ на интересныя литературныя сказанія.

Литературная сторона лѣтописей, ихъ художественное изложеніе выступило теперь на первый планъ. Такъ разсматриваетъ лѣтописи интересная статья въ Православномъ Собесѣдникѣ 1860 г. (январь и д.). „Обзоръ русскихъ лѣтописей въ содержаніи и характерѣ ихъ, преимущественно церковно-историческомъ". Авторъ признаетъ существованіе Несторовой древнѣйшей лѣтописи. И взглядъ этотъ раздѣляетъ авторъ „Исторіи Русской Словесности", проф. казанской духовной академіи, Порфирьевъ, о чемъ еще скажемъ далѣе.

Въ 1861 г. явились въ свѣтъ „Лекціи по Русской Исторіи" проф. *Костомарова* (Источники русской исторіи). Здѣсь разсмотрѣны лѣтописи, какъ источники удѣльно-вѣчеваго уклада. Здѣсь сдѣланъ сводъ выводовъ предшественниковъ о лѣтописяхъ и прибавлены собственныя соображенія. Костомаровъ, въ противоположность Соловьеву и др., отдаетъ предпочтеніе свѣтскимъ лѣтописцамъ, выдвигаетъ ихъ роль. Лѣтописи имѣли оффиціально—княжеское и юридическое значеніе, онѣ писаны современниками, и въ этомъ ихъ достоинство, какъ достовѣрныхъ памятниковъ. Взглядъ на Не-

стора выраженъ у Костомарова въ слѣдующихъ словахъ: „Лѣтопись, приписываемая Нестору; ее приписывали преподобному Нестору, монаху Кіево-Печерскаго монастыря, извѣстному въ житіяхъ подъ именемъ Нестора, чудотворца Печерскаго, и доказывали ему принадлежность лѣтописи тѣмъ, что на нѣкоторыхъ спискахъ было надписано имя Нестора". Далѣе онъ продолжаетъ: „вѣроятно Несторъ писалъ Печерскую Лѣтопись, и эта монастырская лѣтопись занесена была въ нашу, какъ одна изъ составныхъ частей ея: вѣроятно, все, что относится въ ней къ печерскому монастырю взято изъ этой монастырской лѣтописи, писанной, между прочимъ, и Несторомъ; но не все, заключающееся въ ней, слѣдуетъ приписывать монаху или вообще Печерской обители, въ особенности разсказы о древнихъ событіяхъ на Руси". Опираясь на извѣстныхъ противорѣчіяхъ между сочиненіями Нестора агіографа и лѣтописью, Костомаровъ отрицаетъ всякое участіе Нестора въ составленіи Начальной лѣтописи (стр. 29). Костомаровъ выдвигаетъ новый взглядъ на автора Начальной Лѣтописи: „Сильвестръ есть составитель лѣтописи, и лѣтопись по справедливости должна называться Сильвестрова, а не Несторова. Дѣло Сильвестра есть сводъ отдѣльныхъ сказаній. Этотъ Сильвестръ внесъ въ свой трудъ Несторову лѣтопись Кіево-Печерскаго монастыря, относящуюся до дѣлъ этой обители и составляющую только незначительную часть всей лѣтописи. Не все, что касается Кіево-Печерскаго монастыря, писано Несторомъ" (стр. 30). Итакъ Костомаровъ впервые выдвинулъ вопросъ о лѣтописи Печерскаго монастыря, вошедшей въ составъ первоначальной лѣтописи до 1180 г. Сильвестровскій сводъ Костомаровъ разлагаетъ на слѣдующія части: Повѣсть древнихъ лѣтъ, перебитую вставками, Лѣтопись или повѣсть Печерскую, начинающуюся въ сводѣ съ 6559 г. (1051 г.), затѣмъ подъ 1074, 1090, 1091 гг., и проч.; благочестивыя поученія, которыя очевидно должны быть проповѣдями того же времени (1078 г. проповѣдь, говоренная при погребеніи в. кн. Изяслава, 1093 г. явно проповѣдь). Разлагая Кіевскую лѣтопись на части Костомаровъ отмѣчаетъ сплошной разсказъ, съ 1146 г., свѣтскаго лица, дружинника, далѣе отъ 1156 г. до 1175 г. является новое лице лѣтописца, а послѣдніе года, съ 1175 г. описаны кіевляниномъ, въ томъ числѣ и походъ Игоря Святославича на половцевъ, подъ 1185 г. Галицко-волынская лѣтопись съ 1202 до 1305 г. съ утраченнымъ началомъ, отрывки котораго можно видѣть еще въ Кіевской лѣтописи. Составители ея міряне, участники политическихъ событій. Лѣтопись Галицко-Волынская, была, какъ

видно, сначала написана въ видѣ повѣсти безъ годовъ и неискусно разбита на года уже послѣ. Въ трудѣ Костомарова разсмотрѣны и лѣтописи поздния.

Митр. *Макарій* въ „Исторіи Русской Церкви“ (Пт., 1863 г.), приписывая Начальную лѣтопись Нестору, относитъ ее и вообще лѣтописи въ разрядъ не церковныхъ, а свѣтскихъ памятниковъ. Важнѣйшимъ трудомъ въ области изученія лѣтописей можетъ считаться до сихъ поръ трудъ *Бестужева-Рюмина* „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка“, 1868 г. (Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи, вып. 4). Выбравъ всѣ самые основательные пріемы изученія лѣтописей у своихъ предшественниковъ Бестужевъ-Рюминъ приложилъ ихъ въ широкихъ размѣрахъ къ Повѣсти временныхъ лѣтъ, включая сюда остатки лѣтописей ей современныхъ и къ Лѣтописямъ южнорусскимъ и ихъ сводамъ. Въ приложеніи къ труду приложены польскія выписки русскихъ извѣстій изъ Длугоша до 1386 г. Результатами перваго изученія являются слѣдующіе: Повѣсть временныхъ лѣтъ есть сводъ лѣтописный, сводъ этотъ составленъ въ началѣ XII вѣка, есть возможность опредѣлить и даже до извѣстной степени возстановить его источники (т. е. письменные). Надо удивляться тонкому анализу, приложенному къ выдѣленію матеріаловъ лѣтописныхъ сводовъ у Бестужева-Рюмина, которые онъ дѣлитъ на отдѣльныя сказанія и погодныя записки. Сшивка этихъ матеріаловъ уясняется иногда по противорѣчіямъ, дурно соединеннымъ или совсѣмъ не тронутымъ, иногда даже по выраженіямъ, по слогу, приличнымъ чему-то иному, а не тому мѣсту, гдѣ находимъ данное извѣстіе. При отсутствіи этихъ внѣшнихъ признаковъ остаются еще признаки внутреніе: куда клонится сочувствіе лѣтописца, на кого и на что онъ смотритъ благосклонно или враждебно, гдѣ именно могло быть извѣстно то, что встрѣчаемъ въ лѣтописи и въ какомъ видѣ. Разсматривая всѣ мѣста, касающіяся Печерскаго монастыря, Бестужевъ-Рюминъ приходитъ къ убѣжденію, не отвергая Нестора лѣтописца (стр. 17), что составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ не воспользовался вполнѣ печерскимъ лѣтописцемъ, такъ напр., о Никонѣ печерскомъ игуменѣ подъ 1088 г. Несторъ могъ сказать значительно болѣе, чѣмъ сохранилось въ лѣтописи. Вообще въ мнѣніи о Несторѣ лѣтописцѣ и у Бестужева-Рюмина недомолвки, замалчиванія, колебанія. Вниманіе изслѣдователя поглощено разложеніемъ лѣтописи на составныя части. Подобно своимъ предшественникамъ, Соловьеву и Костомарову, Бестужевъ-Рюминъ относитъ заглавіе „Се повѣсти“, и проч. къ на-

чалу сплошнаго разсказа о князьяхъ язычникахъ, особенно о Рюрикѣ и пр. Но онъ отвергаетъ мнѣніе Костомарова о Сильвестрѣ, какъ авторѣ лѣтописи, такъ какъ очень мало извѣстій о Михайловскомъ монастырѣ, даже нѣтъ извѣстія о его построеніи. Опредѣленія мѣста написанія сказаній и замѣтокъ, даже ихъ источниковъ замѣчательно представлены въ трудѣ Бестужева-Рюмина, который надолго послужилъ образцовой работой. „Повѣсть временныхъ лѣтъ› говоритъ авторъ, разобравши множество частностей, является архивомъ, въ которомъ хранятся слѣды погибшихъ для насъ произведеній первоначальной нашей литературы. Оттого и трудно смотрѣть на нее, какъ на цѣльное произведеніе: то, что до сихъ поръ считалось взглядами извѣстнаго лѣтописца, теперь скорѣе можно признавать взглядомъ книжниковъ цѣлой эпохи“ (59 стр.). И въ лѣтописныхъ сводахъ южно-русскомъ и волынско-галицкомъ Бестужевъ-Рюминъ разсматриваетъ подробно отдѣльныя сказанія. Даже мелкія замѣчанія автора, напр. (стр. 87, прим.) о богатырѣ Демьянѣ и вообще о богатыряхъ въ лѣтописяхъ замѣчательны. О Словѣ о П. И. авторъ держится взгляда о Новгородъ - Сѣверскомъ происхожденіи его. Кромѣ русскихъ извѣстій изъ Длугоша въ Приложеніяхъ даны еще извѣстія, невошедшія въ составъ первоначальнаго свода.

Нѣкоторые изслѣдователи лѣтописей съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ отдавались толкованію затруднительныхъ выраженій у Нестора и другихъ лѣтописцевъ. Таковы работы кн. Оболенскаго, интересныя и въ другихъ отношеніяхъ: „О первоначальной Русской лѣтописи“ 1870 г. и „Изслѣдованія и Замѣтки“ 1875 г. Работы эти близки къ трудамъ арх. Леонида, кн. Вяземскаго и др. Въ нихъ нерѣдко встрѣчаются оригинальныя соображенія, новыя точки зрѣнія. Болѣе значенія по объясненію иностранныхъ (греческихъ) источниковъ лѣтописи имѣетъ извѣстный трудъ *Терновскаго* „Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси“ (1875 г.). Георгія инока Амартола Терновскій считаетъ прототипомъ нашего лѣтописца Нестора: „конечно одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ Амартола былъ подъ руками у нашего лѣтописца Нестора и, быть можетъ, далъ ему идею о его историческомъ трудѣ и во всякомъ случаѣ послужилъ для него первообразомъ“ (23 стр., вып. I). Съ этимъ мнѣніемъ, кажется, можно и согласиться, имѣя въ виду редактора Начальной Лѣтописи, какимъ могъ быть Несторъ агіографъ.

Такого мнѣнія держится и *Д. И. Иловайскій* въ „Исторіи Россіи“ I т. (Кіевскій періодъ, стр. 178, 1876 г.), считая при этомъ

авторомъ „Повѣсти Временныхъ лѣтъ“ Сильвестра игумена Выдубицкаго монастыря, ставя его имя вездѣ, гдѣ прежде разумѣли Нестора лѣтописца. Мнѣніе это Иловайскій проводитъ съ необыкновенной рѣшительностью. Въ „Разысканіяхъ о Началѣ Руси“ (1876 г. 288 стр. и д.) къ этому же мнѣнію объ авторствѣ Сильвестра Иловайскій присоединяетъ еще другое мнѣніе о непосредственной связи Кіевской лѣтописи до конца XII—начала XIII в. съ Начальной Лѣтописью: „однимъ словомъ, говоритъ онъ, редакцію „повѣсти временныхъ лѣтъ“ я передвигаю отъ начала XII в. на конецъ XII или начало XIII в.“ Мнѣнія прежнія о противорѣчіяхъ между авторствомъ Нестора агіографа и Несторомъ—лѣтописцемъ Иловайскій дополняетъ еще слѣд.: имя Нестора въ заглавіи лѣтописи подставлено въ XVI в., хронологическая роспись въ началѣ лѣтописи указываетъ на время отъ Олега до смерти Святополка Михаила (ум. 1113 г.); если лѣтопись Нестора начата въ 1113 г., а кончина въ 1116 г., гдѣ стоитъ приписка Сильвестра, то ни Несторъ не могъ написать лѣтописи въ такой короткій промежутокъ времени, ни Сильвестръ—переписать ее изъ рукъ Нестора; въ XV в. имя Сильвестра пользовалось равной извѣстностью лѣтописца съ именемъ Нестора, какъ свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто Никоновской лѣтописи, подъ 1409 г.: „сія вся написаннаа (приводимъ текстъ по подлиннику) аще и нелѣпо кому видится, иже толико отъ случившихся въ нашей землѣ несладостнаа намъ и неуласканнаа изглаголавшимъ, но взустителнаа и къ пользѣ обрѣтающаася... якоже бо обрѣтаемъ началнаго лѣтословца Кіевскаго, иже вся временнобытства земскаа необинуяся показуетъ; но и пръвіи наши властодръжцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добраа и недобраа прилучившаася написовати, да и прочіимъ по нихъ образы явлени будуть, яко же при Володимерѣ Мамомасѣ оного великаго Селивестра Выдобыжскаго не украшая пишущаго, да аще хощеши, прочти тамо прилежно, да почетъ почіеши“. Признавая Сильвестра за автора „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ Иловайскій усваиваетъ Выдубицкому монастырю и дальнѣйшее лѣтописаніе до конца XII в., до извѣстнаго панегирика Рюрику за построеніе стѣны монастырской. И языкъ лѣтописи, по мнѣнію Иловайскаго, подновленный одинаково свойственъ начальной лѣтописи съ т. н. Кіевской. Вообще „Начальная лѣтопись, говоритъ Иловайскій, не дошла до насъ въ своемъ первобытномъ видѣ, а дошла съ сокращеніями, вставками и искаженіями“.

Въ 1878 г. *И. П. Хрущовъ* въ изслѣдованіи „О древне-русскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ XI—XII столѣтій“ разсмотрѣлъ двѣ повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ, повѣсти о св. Владимірѣ, духъ и пріемы Нестора въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, сказанія XII-го вѣка—характера церковнаго, сказанія XII вѣка—свѣтскаго характера и сказанія о походахъ на половцевъ, имѣющія характеръ повѣстей. Нестора лѣтописца въ преданіяхъ Печерскаго монастыря Хрущовъ считаетъ лицемъ собирательнымъ. Однако высказываетъ еще такое опредѣленное мнѣніе: „мы признаемъ Нестора за автора первоначальной „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, писанной возвышеннымъ тономъ, повѣсти, во всякомъ случаѣ, не нисходившей до преданія о языческомъ времени и даже до разсказовъ о битвахъ. Сверхъ того, если Несторъ и довелъ свою повѣсть до Владиміра, то и окончилъ ее ничѣмъ другимъ, какъ изложеніемъ вѣроученія православной церкви и прославленіемъ сего второго Константина“ (стр. 101). Изслѣдованіе написано подъ вліяніемъ пріемовъ, указанныхъ Бестужевымъ-Рюминымъ, и посвящено изученію внутренняго содержанія сказаній и повѣстей, съ изложеніемъ ихъ замѣчательныхъ подробностей. Въ концѣ изслѣдованія авторъ касается и Слова о Полку Игоревѣ. *Г. П. Сениюву* принадлежитъ пересмотръ вопросовъ о древности Новгородскихъ лѣтописей (О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода, 1884 г.; О древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ Великаго Новгорода, 1886 г.). Здѣсь разбирается вопросъ о существованіи новгородскихъ лѣтописей въ до-христіанское время, при чемъ авторъ считаетъ это мнѣніе неосновательнымъ. Начало лѣтописей, авторъ согласно съ Соловьевымъ, для Новгорода признаетъ только съ извѣстій о крещеніи Новгорода, т. е. съ начала XI в., или правильнѣе, съ 989 г. Софійскій временникъ, составленный въ самомъ началѣ XIII в. монахомъ Порфиріемъ—Прокшей, не даетъ первоначальной Новгородской лѣтописи, которую, однако, можно возстановить на основаніи лѣтописей позднѣйшихъ.

Въ 1883 г. проф. *Маркевичъ* напечаталъ изслѣдованіе „О лѣтописяхъ (изъ лекцій по русской исторіографіи)“, въ которомъ пересмотрѣна литература предмета, далѣе разобраны: происхожденіе русскихъ лѣтописей съ критикой всѣхъ мнѣній предшественниковъ, составъ русскихъ лѣтописей и ихъ содержаніе, форма русскихъ лѣтописей, заглавія, послѣсловія и рисунки въ русскихъ лѣтописяхъ, мнѣнія о лѣтописныхъ спискахъ, о древне-русской лѣтописи. Маркевичъ не раздѣляетъ положительнаго взгляда на Нестора лѣтопис-

ца, какъ это поддерживали, кромѣ упомянутыхъ изслѣдователей гг. Разсудовъ, Лашнюковъ и Ламбинъ. Собственный выводъ Маркевича о Несторѣ таковъ, „что сохранившаяся древняя лѣтопись написана не пр. Несторомъ, а самая лѣтопись Нестора могла войти въ нее лишь въ качествѣ одного изъ источниковъ“ (185 стр.). Вообще работа Маркевича можетъ служить хорошимъ пособіемъ при изученіи русскихъ лѣтописей. Авторъ не опускаетъ и литературной характеристики древней русской лѣтописи. По его мнѣнію, Сухомлиновъ въ своемъ упомянутомъ трудѣ „исходилъ изъ предположенія, что Древняя лѣтопись—продуктъ творчества одного лѣтописца, а именно преп. Нестора. Въ настоящее время, когда лѣтопись признана сводомъ, характеристика ея сводится на характеристику цѣлаго литературнаго направленія, имѣвшаго мѣсто въ древней Руси въ XI вѣкѣ“ (244 стр.).

Этотъ вопросъ о Несторѣ лѣтописцѣ воскресъ въ наши дни и все болѣе вызываетъ вниманія въ трудахъ гг. Щепкина, Шахматова и др. Въ 1896 г. въ Архивѣ Ягича явилась статья проф. *Щепкина* Zúr Nestorfrage, подвергающая пересмотру всѣ доводы „за“ и „противъ“ Нестора лѣтописца. Оставляя пока вопросъ открытымъ, авторъ склоняется на сторону признанія Нестора авторомъ и многихъ статей въ Начальной Лѣтописи и однимъ изъ главныхъ редакторовъ Начальнаго Лѣтописца, какъ во введеніи въ лѣтопись по иностраннымъ источникамъ, такъ и для части лѣтописи, отъ 1065—1110 гг.

Стремленіе возстановлять утраченные памятники, какъ напр. Житіе св. Антонія Печерскаго, Лѣтопись Нестора и его другіе труды, овладѣло новѣйшими изслѣдователями филологическаго направленія, особенно акад. *Шахматовымъ*. Таковы его труды: О начальномъ Кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ, М. 1897 г. I—III; Хронологія древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1897 г. № 4); Житіе Антонія и Печерская лѣтопись (Журн. Мин. Нар. Пр. 1898 г. № 3), и др. На основаніи этихъ новѣйшихъ трудовъ мы и представили въ своемъ мѣстѣ изложеніе вопроса о Начальной и Печерской Лѣтописяхъ.

Обращаемъ вниманіе еще на филологическіе труды, посвященные лѣтописямъ:

П. Лавровскаго: О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей, Спб. 1852 г.

Изслѣдованіе о языкѣ Синодальнаго списка 1-ой Новгородской лѣтописи; трудъ *Б. М. Ляпунова*, Выпускъ I, Спб. 1899 г.

О языкѣ Ипатской лѣтописи, изслѣдованіе *А. А. Никольскаго*, Варшава, 1899 г.

Выдающіяся изданія древнихъ русскихъ лѣтописей:

Лѣтопись Несторова съ продолжателями (по Кенигсбергскому списку до 1206 г.), изд. 1767 г.

Русская Лѣтопись по Никонову списку, изданная подъ смотреніемъ Императорской Академіи Наукъ, 8 частей, 1767 г.—1792 г. (до сихъ поръ единственное полное изданіе).

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Археографическою Коммиссіею, съ 1846 г., 16 томовъ, XI томъ печатается, XII—XIV не появлялись еще, послѣдній томъ XVI, 1889 г., съ приложеніями, примѣчаніями, снимками, по различнымъ спискамъ. До сихъ поръ появились слѣдующія лѣтописи П. С. Р. Л.: I. Лаврентьевская и Троицкая, II. Ипатьевская и Густынская, III. Новгородскія три, IV. Новгородская четвертая и Псковская первая, V. Псковская вторая и Софійская первая; VI. Софійская вторая и Отрывокъ русской лѣтописи, VII—VIII. Воскресенская, IX—X. Никоновская, XV. Тверская, XVI. Авраамки.

Кромѣ того, Археогр. Комм. изданы отдѣльные томы: 1. Лаврентьевская. изд. 3, 1897 г., 2. Ипатьевская 1871 г., 3. Новгородская харатейная 1888 г., 4. Новгородскія вторая и третья. Изданія фотолитографическія тѣхъ же лѣтописей, 1871—75 гг. 3 тома.

Т. н. Іоакимовская лѣтопись въ Исторіи Россійской Татищева, 1768 г. 2 т.

Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, 1851 г.

Сводная Лѣтопись, составленная по всѣмъ изданнымъ спискамъ лѣтописи *Л. И. Лейбовичемъ*, выпускъ первый. Повѣсть временныхъ лѣтъ, Спб. 1876 г. (удобна для справокъ, хотя и съ сокращеніями).

Предапія Русской Начальной Лѣтописи *Ѳ. Гилярова*, Москва, 1878 г.

Обзоръ хода изданія лѣтописей въ Россіи *А. Ѳ. Бычкова* (Жур. М. Н. Пр. 1860 г., ч. CV. Интересный очеркъ изданія лѣтописей съ XVIII в. до 1859 г. VIII т. П. С. Р. Л.).

Слово о Полку Игоревѣ и его значеніе въ исторіи русской литературы. Открытіе Слова, его изданія и изученіе. Содержаніе Слова о П. И. и его происхожденіе. Литературная исторія Слова о П. И. и его отношеніе къ древнерусской литературѣ и народной словесности. Складъ Слова и его языкъ. Объясненія темныхъ мѣстъ. Опытъ исправленія текста Слова о Полку Игоревѣ.

VI.

Въ древнерусской литературѣ нѣтъ памятника болѣе интереснаго по содержанію, по формѣ и значенію, какъ Слово о Полку Игоревѣ. Слово—драгоцѣнное украшеніе древне-русской литературы, великое поэтическое достояніе русскаго народа изъ той отдаленной эпохи, когда онъ долгое время выносилъ на своихъ плечахъ натиски азіатскихъ степныхъ кочевниковъ, какъ половцевъ и другихъ иноплеменниковъ. Это надвиганіе степи на развертывавшіеся оазисы древнерусской культуры и образованности (подобно природному надвиганію песковъ, степи на плодородныя, черноземныя земли) не давало простора и свободы для широкаго развитія образованія и литературы. Древнерусская жизнь въ литературныхъ изображеніяхъ не дошла до насъ въ такихъ обширныхъ, разнообразныхъ и художественныхъ поэмахъ, каковы—средневѣковыя западноевропейскія. Но историческая судьба не обдѣлила русскій народъ: и на долю его досталась такая единственная лиро-эпическая „пѣсня—повѣсть“, сравнительно краткая и сжатая по размѣрамъ, но полная и живая по изображенію гибели и мужества, горя и радости,—это Слово о Полку Игоревѣ! Несмотря на сжатость и сравнительную краткость Слова, указывающія на его сложеніе вслѣдъ за событіемъ, нельзя не подумать о томъ, что тревожная судьба русскаго народа,—особенно на

югѣ и на западѣ,—уничтожила другія подобныя произведенія древне-русской поэзіи, которыя предшествовали Слову и слѣдовали за нимъ. Послѣднее подтверждается извѣстной „Задонщиной“ и недавней находкой отрывка изъ „Слова о погибели Рускыя земли“ (изд. 1892 г. Хр. М. Лопаревымъ)...

Почти сто лѣтъ тому назадъ эта драгоцѣнная, единственная для насъ, древне-русская „пѣсня—повѣсть“ сдѣлалась извѣстной ученому міру и любителямъ русской старины; но до сихъ поръ нѣтъ другого памятника древнерусской литературы, который бы превзошелъ Слово о Полку Игоревѣ по поэтическимъ достоинствамъ, нѣтъ другого болѣе цѣннаго историческаго свидѣтельства,—кромѣ лѣтописныхъ сказаній,—о несчастномъ походѣ Новгородъ-Сѣверскаго князя, Игоря Святославича, на половцевъ въ 1185 г., о половецкихъ нашествіяхъ и княжескихъ междоусобіяхъ въ XI—XII вв., освѣщенныхъ глубокой мыслью современника поэта.

Если бы исторію русской литературы ограничить изученіемъ однихъ поэтическихъ памятниковъ, то Слово о Полку Игоревѣ явилось бы выдающимся и чуть-ли не единственнымъ памятникомъ древне-русской поэзіи. Только предположительно мы можемъ утверждать, что рядомъ съ этимъ памятникомъ существовали въ древней Руси XI, XII и XIII в.в. историческія пѣсни, былины, миѳологическій эпосъ, сказки, заговоры, загадки, пословицы, причитанія, лирическія пѣсни, и проч. Правда, пословицы, поговорки, загадки и слабое отраженіе былинъ, историческихъ пѣсенъ и сказокъ мы находимъ въ лѣтописяхъ. Тѣмъ не менѣе, Слово о Полку Игоревѣ представляется почти единственнымъ цѣльнымъ памятникомъ древнерусской поэзіи, ярко блистающимъ оригинальными и свѣжими красками народной поэзіи и вмѣстѣ съ тѣмъ—памятникомъ, отличающимся уже нѣкоторыми искусственными пріемами стараго русскаго писателя, воспитаннаго въ византійской, южно-славянской и успѣвшей уже развиться—русской школѣ XI—XII вв. Эта школа древне-русскихъ писателей,—о которой мы должны догадываться по выдающимся памятникамъ поученій и словъ, житій св. и путешествій къ св. мѣстамъ, повѣстей и лѣтописныхъ сказаній и общаго славяно-русскаго потока переводныхъ и подражательныхъ сочиненій изъ греческой византійской литературы,—получаетъ особенно-яркое освѣщеніе при помощи изученія Слова о Полку Игоревѣ. Благодаря этому изученію направленія и главныя явленія древне-русской литературы и образованности представляются разнообразными и болѣе отчетливыми, а вмѣстѣ съ тѣмъ устанавлива-

ются между ними и нѣкоторыя точки соприкосновенія; особенной близостью въ этомъ отношеніи отличаются лѣтописныя сказанія и Слово о Полку Игоревѣ, а изъ переводныхъ къ нему приближаются сказанія византійскихъ хроникъ, переводныя и оригинальныя византійскія повѣсти. Изученіе Слова о П. И. въ связи съ древне-русской переводной и оригинальной литературой приводитъ насъ къ той обстановкѣ, среди которой оно развилось, къ той почвѣ, на которой оно выросло.

Еще поразительнѣе изученіе Слова о П. И. въ связи съ народной поэзіей. Только въ этой связи открывается высокій поэтическій характеръ Слова, его народность, красота и, такъ сказать, правильность поэтическихъ образовъ и оборотовъ рѣчи. Если мы забудемъ объ этомъ живомъ родникѣ русской народной поэзіи, изъ котораго, безъ сомнѣнія, черпалъ полной рукой авторъ-поэтъ Слова о П. И., то низведемъ Слово на степень рѣдкаго образца древне-русской свѣтской книжности съ витіеватыми пріемами и искусственнымъ языкомъ. Но при сравненіи Слова съ народной поэзіей въ немъ остается не много образовъ и выраженій, которые можно было бы признать исключительно книжными, не связанными съ русской народной поэзіей и съ народной поэзіей другихъ народовъ,—прежде всего, конечно, славянскихъ. Многочисленныя и разнообразныя черты народнаго склада въ Словѣ устанавливаютъ до нѣкоторой степени прошлое русской народной поэзіи, указываютъ ея древніе элементы, почти ничѣмъ не отмѣченные въ древне-русской литературѣ до XVII вѣка.

Кромѣ того, Слово о П. И. находитъ себѣ много соотвѣтствій, какъ по складу, такъ отчасти и по изображенію быта, въ средневѣковыхъ, западно-европейскихъ поэмахъ. Недаромъ наше Слово принадлежитъ тому же столѣтію, въ которое сложилась Пѣснь о Нибелунгахъ,—когда процвѣтала на Западѣ рыцарская поэзія въ пѣсняхъ трубадуровъ, менестрелей и миннезенгеровъ. Но изъ всѣхъ западно-европейскихъ поэмъ нѣтъ болѣе близкой поэмы къ нашему Слову о П. И., какъ знаменитая французская Пѣснь о Роландѣ „La Chanson de Roland“.

Погибшій полкъ Игоревъ, котораго „уже не крѣсити“, какъ взываетъ съ тяжелой горестью нѣсколько разъ въ Словѣ авторъ,—полкъ изъ лучшихъ бояръ, храбрыхъ мужей, съ многоцѣннымъ оружіемъ и дорогими конями, горе в. кн. Святослава, призывы князей къ отмщенью въ борьбѣ съ погаными половцами, описанія необычайныхъ подвиговъ такихъ героевъ, какъ буй-туръ Всеволодъ,

неожиданность страшнаго несчастія, необозримыя полчища враговъ и самонадѣянность молодыхъ и храбрыхъ князей, „погрузившихъ храбрый полкъ и русское золото во днѣ Каялы рѣки Половецкія“, похвалявшихся, по словамъ в. кн. Святослава, — „преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ“,—все это невольно приводитъ къ сближеніямъ съ погибелью отборнаго французскаго войска въ Ронсевалѣ, съ горестью Карла Великаго, его местью, борьбой съ невѣрными сарацинами, съ описаніями подвиговъ Роланда, Оливье и епископа Турпина, окруженныхъ сотнями тысячъ сарацынъ и съ виной Роланда, самонадѣянно отказавшагося призвать на помощь Карла Великаго: „Cumpainz, vus le feistes... Franceis sunt mort par vostre legerie“, говоритъ Оливье Роланду, — или, какъ переводитъ проф. Готье въ своемъ извѣстномъ великолѣпномъ изданіи (La Chanson de Roland, par Leon Gautier, Tours, 1872 г.): „C'est votre faute... Si tant de Français sont morts, c'est votre folie qui les a tués“.

Кромѣ высокихъ литературныхъ достоинствъ Слово о П. И. не лишено и важнаго историческаго значенія. Слово о П. И. почти такой же историческій источникъ, какъ лѣтописныя извѣстія о выдающихся событіяхъ XII в.; поэтому историкъ русской жизни этого времени не можетъ обойти Слова о П. И., въ которомъ онъ найдетъ и общее освѣщеніе событій и такіе частные факты, о которыхъ молчатъ лѣтописи.

Съ давнихъ поръ повторяется мнѣніе, что Слово П. И. посвящено незначительному историческому событію XII в., что несчастный походъ 1185 г. не имѣлъ значенія въ общемъ развитіи историческихъ событій и былъ дѣломъ удали молодыхъ сѣверскихъ князей; но Слово захватываетъ множество событій XI—XII вв., относящихся къ самымъ выдающимся явленіямъ того времени. Мало того, Слово отражаетъ и важныя историческія отношенія, среди которыхъ оно явилось.

То было время поколебленнаго первостепеннаго значенія Кіева, великокняжескаго стола Кіевскаго, время образованія сильнаго владимірско-суздальскаго великокняжескаго стола, время сильнаго галицко-волынскаго княжества, и т. д. Образованнымъ южноруссамъ XII—XIII вв., какъ авторъ Слова о П. И. и нѣкоторые выдающіеся лѣтописцы, принадлежатъ голоса объ единеніи Русской земли, предчувствія грядущихъ событій XIII в. Но въ Словѣ о П. И. нѣтъ еще мѣста безнадежному отчаянію, и счастливое возвращеніе изъ плѣна героевъ — князей наполняетъ радостью сердце автора Слова и его современниковъ.

То было время великихъ крестовыхъ походовъ, свѣдѣнія о которыхъ приносили въ древнюю Русь русскіе паломники, отправлявшіеся въ Царьградъ и св. Землю, заносившіе эти свѣдѣнія и въ описанія своихъ путешествій, и въ лѣтописи. Новгородская лѣтопись, подъ 1204 г., подробно разсказываетъ о взятіи крестоносцами Царьграда и только намекомъ упоминаетъ какъ будто объ извѣстныхъ всѣмъ пѣсняхъ о „поганомъ зломъ Дедрикѣ“, обнаруживая знакомство съ поэмами готско-ломбардскаго цикла.

Переходя къ изученію Слова о П. И., должно замѣтить, что относящаяся сюда обширная литература (въ настоящее время число всѣхъ малыхъ и большихъ трудовъ, касающихся Слова, доходитъ до 200) заслуживаетъ особеннаго вниманія; такъ какъ ни объ одномъ памятникѣ древне-русской литературы не было высказано столько самыхъ противоположныхъ мнѣній и гаданій, какъ о Словѣ о Полку Игоревѣ его истолкователями, переводчиками и издателями. Обращаемся теперь къ обзору литературы Слова со времени его открытія до настоящаго года, т. е. за цѣлое уже столѣтіе.

Открытіемъ рукописи Слова о Полку Игоревѣ и его первымъ изданіемъ 1800 г. русская наука обязана гр. Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину (скончался въ 1817 г.), который съ 1791 г. по 1797 занималъ постъ Оберъ-Прокурора Св. Синода. Съ 1791 г., живя въ Петербургѣ, Мусинъ-Пушкинъ обнаружилъ „невѣроятную страсть къ собиранію и объясненію древнихъ отечественныхъ памятниковъ... У архимандрита Спасо-Ярославскаго монастыря *Іоиля* купилъ онъ всѣ русскія книги, въ томъ числѣ драгоцѣнное *Слово о Полку Игоревѣ*, которое и издалъ, подъ названіемъ „Ироическая пѣснь о походѣ на Половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная старинным русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе“ (Москва, въ Сенатской типографіи, 1800 г.; въ 4 долю; съ дозволенія Московской цензуры). Предисловіе, подъ названіемъ „Историческое содержаніе пѣсни“ на VIII стр.; затѣмъ текстъ Слова, напечатанный русскимъ курсивомъ и рядомъ гражданскій переводъ, съ примѣчаніями внизу на 46 стр.; „погрѣшности“ и „поколѣнная роспись россійскихъ великихъ и удѣльныхъ князей, въ сей пѣсни упоминаемыхъ“.

Между тѣмъ, вскорѣ же послѣ находки Слова, въ Гамбургскомъ журналѣ Spéctateur du Nord (1797, октябрь) появилась слѣдующая замѣтка, прекрасно выражающая первоначальный взглядъ на Слово: „Вы, можетъ быть, удивитесь еще болѣе, (замѣчаетъ въ

видѣ письма неизвѣстный авторъ статьи изъ Россіи) если узнаете, что *два года* тому назадъ (т. е. въ 1795 г.) открыли въ нашихъ архивахъ отрывокъ поэмы подъ названіемъ: *Пѣснь Игоревыхъ воиновъ*, которую можно сравнять съ лучшими Оссіановскими поэмами и которая написана въ XII ст. неизвѣстнымъ сочинителемъ. Тоже самое высказывается и въ предисловіи къ изданію Слова въ 1800 г.: „любители Россійской словесности согласятся, что въ семъ оставшемся намъ отъ минувшихъ вѣковъ сочиненіи видѣнъ духъ *Оссіановъ;* слѣдовательно, и наши древніе герои имѣли своихъ *Бардовъ,* воспѣвавшихъ имъ хвалу“...

До московскаго пожара 1812 г., въ которомъ погибла драгоцѣнная рукопись, съ нея было снято, по крайней мѣрѣ, двѣ копіи, если не больше. Такъ еще въ 1795—96 гг. была сдѣлана копія для императрицы Екатерины II, и эта копія дошла до насъ: она издана Пекарскимъ въ 1864 г., въ V т. Записокъ Академіи Наукъ, но съ ошибками, и болѣе точнымъ образомъ въ Древностяхъ и Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества за 1890 г. Другая копія, служившая оригиналомъ для изданія 1800 г., не дошла до насъ. Въ пожарѣ 1812 г. погибла и значительная часть изданія Слова 1800 г., такъ что теперь первое изданіе составляетъ библіографическую рѣдкость и представляетъ первое прочное основаніе для изслѣдованій, замѣняя рукопись. Съ этимъ изданіемъ принято сличать и текстъ Екатерининской или Архивной рукописи, разнящейся отъ изданія 1800 г. преимущественно въ правописаніи.

Послѣ погибели подлинной рукописи Слова въ московскомъ пожарѣ сразу явились запросы о ней со стороны извѣстнаго уже намъ ученаго Калайдовича и проф. Тимковскаго; явились и сомнѣнія въ древности Слова со стороны другого извѣстнаго знатока и собирателя древне-русской старины того времени, графа Румянцева, и такого изслѣдователя русскихъ древностей, какъ митр. Евгеній. Среди этихъ споровъ выяснились нѣсколько черты пропавшей рукописи, появились нѣкоторыя доказательства ея подлинности.

Что же можно вывести изъ всего сказаннаго о погибшей рукописи Слова, объ отношеніи къ ней первыхъ издателей? — Большой сборникъ, въ листъ, содержавшій хронографъ и переводныя византійскія повѣсти, среди которыхъ было списано и Слово о Полку Игоревѣ, былъ полученъ Мусинымъ-Пушкинымъ изъ какой-то монастырской библіотеки. Слово о Полку Игоревѣ могло быть списано въ этомъ сборникѣ съ оригинала, который представлялъ собраніе старинныхъ переводныхъ повѣстей съ Словомъ о Полку

Игоревѣ. Можетъ быть, Слово уже въ древности распространялось преимущественно въ подобныхъ сборникахъ, какъ русское поученіе Георгія Зарубскаго, конца XII в., всегда входило въ списки переводныхъ словъ Ефрема Сирина, и т. п. Конечно, рукопись Слова въ сборникѣ Мусина-Пушкина относилась къ концу XV в. или къ началу XVI в. Насъ не должно удивлять отсутствіе болѣе раннихъ списковъ Слова. Вспомнимъ Поученіе Владиміра Мономаха, дошедшее до насъ въ единственномъ спискѣ XIV в., въ Лаврентьевской лѣтописи 1377 г. Это—памятникъ литературы XI в. Почему же памятникъ конца XII или начала XIII в., какъ Слово о Полку Игоревѣ, не могъ дойти до насъ только въ единственномъ спискѣ XV—XVI вв.? Рукопись Слова относилась къ спискамъ сѣверо-восточной Руси, быть можетъ, —къ псковскимъ спискамъ, знающимъ мѣну *с* и *ш*, *з* и *ж*, *ч* и *ц* (напримѣръ *ш*изымъ, друзѣ, Русичи и Русици, вѣци и вѣчи, луци и лучи, и проч.). Мусинъ-Пушкинъ, какъ и его современники, былъ поглощенъ переводной работой надъ Словомъ. Среди русскихъ ученыхъ конца XVIII ст. были уже распространены переводы Слова. Малиновскій въ Москвѣ досталъ такой переводъ, когда рукопись и гр. Мусинъ-Пушкинъ находились еще въ Петербургѣ. Копія для Екатерины II, т. н. Архивная рукопись, представляетъ уже результатъ работы Мусина-Пушкина надъ разборомъ рукописи: въ архивномъ спискѣ введена уже новѣйшая пунктуація, раздѣлены слова, подставлены заглавныя буквы при предполагаемыхъ и настоящихъ собственныхъ именахъ, подставлены ъ, ь; но еще не вездѣ, какъ въ изданіи 1800 г.; наконецъ есть и незначительные пропуски противъ изданія 1800 г., но за то нѣтъ ничего лишняго сравнительно съ послѣднимъ.

Переходимъ теперь къ изученію Слова въ выдающихся трудахъ и въ главныхъ направленіяхъ. Конечно, въ этомъ изученіи первое мѣсто принадлежитъ первымъ издателямъ Слова 1800 г. Ихъ трудами была разобрана рукопись Слова, выдѣлены слова изъ связнаго письма и придано этимъ словамъ извѣстное значеніе. Въ лѣтописяхъ и еще болѣе въ „Исторіи Россійской“ Татищева первые издатели и истолкователи Слова искали основаній для его объясненія, преимущественно со стороны исторической, почему и предисловіе къ изданію 1800 г. носитъ одно заглавіе: „Историческое содержаніе пѣсни“. Первымъ издателямъ и истолкователямъ Слова принадлежитъ введеніе и такихъ новыхъ собственныхъ именъ и названій, какъ: Боянъ, Троянъ, Карна и Жля (предводители половцевъ), Кощея (ст. 22 собствен. имя), Дебрь Кисаню, Бусово время,

Могуты, Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревугы, Ольберы, Шеломянемъ (10 стр.: село въ области Переясловской), Уримъ (27 одинъ изъ воеводъ кн. Игоря), Чага (=Кончакъ, 28 стр.), Деремела, Хинова, и проч. Но нѣкоторыя выраженія въ Словѣ отмѣчены первыми издателями, какъ „невразумительныя, неизвѣстныя"; нѣкоторыя—остались и безъ перевода.

Послѣ первыхъ издателей Слова мы должны остановиться на первыхъ скептикахъ въ изученіи Слова. Необычайность открытія этого поэтическаго памятника XII в. смутила такихъ выдающихся изслѣдователей и собирателей русской старины, конца XVIII—начала XIX ст., какъ извѣстный впослѣдствіи мит. Евгеній, до конца жизни не признававшій древности происхожденія Слова (онъ считалъ его позднимъ памятникомъ, написаннымъ не ранѣе XVI в.), какъ гр. Румянцевъ, считавшій Слово поддѣлкой XVIII в.

Между тѣмъ Калайдовичъ и Тимковскій, предлагавшіе гр. Мусину-Пушкину вопросы о погибшей рукописи Слова, нашли первыя вѣскія подтвержденія его подлинности. Калайдовичъ открылъ въ пергаминномъ псковскомъ Апостолѣ 1307 г. слѣдующую приписку на послѣднемъ листѣ (рукопись эта находится въ Московск. Синод. б—кѣ): „при сихъ князехъ сѣяшется и ростяше оусобицами. гыняше жизнь наша въ князѣхъ, которы и вѣци скоротишася чл҃вкмъ".

Тимковскій нашелъ еще болѣе вѣское подтвержденіе подлинности Слова, его извѣстности въ древнерусской литературѣ, открывъ Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, или т. н. „Задонщину", въ которой находятся подражанія и повторенія изъ Слова о Полку Игоревѣ. Въ то же время другой списокъ Задонщины былъ открытъ Карамзинымъ, который уже указывалъ на значительное сходство Слова съ Волынской лѣтописью и объяснялъ изъ выраженій лѣтописи многія выраженія Слова. Но для ученыхъ въ началѣ XIX в оставались совершенно непонятными многія изъ выраженій и собственныхъ названій Слова: Тимковскій и Евгеній не понимали сначала даже такихъ словъ, какъ „зегзица, харалужный", и т. п.

Въ 1816 г. Карамзинъ въ первыхъ трехъ томахъ Исторіи Государства Россійскаго сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о Словѣ, причемъ привелъ его содержаніе съ самостоятельнымъ истолкованіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ (III томъ, VII гл.). Изложеніе Слова, сдѣланное Карамзинымъ, признается настолько важнымъ по непосредственному знакомству историка съ погибшей рукописью, что нерѣдко приводится въ изданіяхъ Слова рядомъ съ выдержками изъ лѣто-

писей о несчастномъ походѣ Игоря. По мнѣнію Карамзина Слово сочинено въ XII в. міряниномъ, ибо монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ и приписывать имъ дѣйствія естественныя.

Въ 1819 г. вышелъ переводъ Слова съ примѣчаніями и перепечаткой текста Пожарскаго (Слово о Полку Игоря Святославича, вновь переложенное, и проч.).

Въ трудѣ Грамматина 1823 г. („Слово о Полку Игоревомъ. Ироическая поема, писанная въ началѣ XIII в. на славенскомъ языкѣ прозою, и съ оной преложенная стихами древнѣйшаго Русскаго размѣра, съ присовокупленіемъ—другаго буквальнаго преложенія, съ историческими и критическими примѣчаніями, критическимъ же разсужденіемъ и родословною“ таково длинное заглавіе этого труда) мы впервые встрѣчаемся съ поправками текста Слова по изд. 1800 г. Поправокъ этихъ у Грамматина много; нѣкоторыя изъ нихъ указываютъ на незнаніе древнерусскаго языка, другія — произвольны и очень немногія—основательны.

Кромѣ объясненія словъ и выраженій въ это время занимаются и сопоставленіями Слова съ лѣтописями. Такова статья Арцыбышева 1826 г. „Игорь или война Половецкая“ (въ Вѣстникѣ Европы, т. 147), посвященная разбору лѣтописныхъ сказаній о походѣ 1185 г. противъ половцевъ. Здѣсь впервые затронутъ вопросъ о топографіи этого несчастнаго похода—о рѣкахъ Каялѣ, Сальницѣ и Сюурліѣ.

Съ начала 30-хъ годовъ въ изученіи Слова о Полку Игоревѣ наступаетъ второй періодъ развитія скептицизма. Теперь противъ подлинности Слова выступаютъ такіе ученые, какъ Строевъ, Каченовскій, Бѣликовъ, Давыдовъ, Сенковскій, съ болѣе научными пріемами, чѣмъ первые скептики, какъ гр. Румянцевъ и др. Ихъ скептическое отношеніе распространялось на Слово, точно такъ же, какъ и на другіе памятники древне-русской письменности.

Сущность воззрѣній скептиковъ на Слово сводится къ двумъ главнымъ мнѣніямъ: одни считали этотъ памятникъ — подделкой XVIII в. и искали въ немъ французскихъ выраженій русскихъ образованныхъ людей этого вѣка; другіе скептики считали Слово позднимъ памятникомъ XVI—XVII вв. и искали въ немъ особенностей литературной рѣчи югозападныхъ писателей этого времени. Замѣчательно, что послѣ скептиковъ 30—40-хъ годовъ никто уже позднѣе не поднималъ въ русской печати вопроса о сомнительномъ или подложномъ происхожденіи Слова о Полку Игоревѣ, однако скептическое отношеніе къ Слову о П. И. оказало вліяніе на его

дальнѣйшую разработку, конечно, вліяніе отрицательное. Въ защиту Слова явились уже въ 30-хъ годахъ не только полемическія статьи, но и нѣкоторыя изслѣдованія Слова въ новомъ научномъ направленіи.

Таковы замѣчанія Полевого Н. (въ „Исторіи Русскаго Народа", 1830 г. и въ Московск. Телегр. 1833 г.) и Глаголева („Умозрительныя и опытныя основанія Словесности", 1834 г.). У Полевого мы впервые встрѣчаемся съ мнѣніемъ о развитіи древне-русской поэзіи, о пѣвцахъ въ древней Руси и предшествующихъ Слову „пѣснопѣніяхъ". Въ лѣтописныхъ сказаніяхъ до XIII в. (напр. о смерти Аскольда и Дира, о походѣ Олега на Царьградъ, о смерти Олега, и пр.), которыя П. сравниваетъ съ сагами, онъ видитъ миѳическо-героическую поэзію Руссовъ, которая завершилась Словомъ о П. И. Отсюда въ Словѣ смѣшеніе язычества съ христіанствомъ. Слѣдующее развитіе поэзіи въ поэмахъ, какъ сказаніе о Задонской битвѣ, принимаетъ характеръ религіозно-героическій и выражается въ прозаической формѣ. Интересно, что П. усматривалъ въ лицѣ „Трояна" Слова о П. И. в. кн. Владиміра св. — Глаголевъ первый обратилъ вниманіе на постоянные эпитеты въ Словѣ о П. И., на символику, сравненія отрицательныя, изображенія сраженія въ образахъ брачнаго пира или земледѣльческихъ занятій.

Максимовичъ первый указалъ на сходство всѣхъ этихъ особенностей стиля Слова съ русской народной поэзіей, и это былъ важный шагъ въ научной разработкѣ Слова. Это было начало новаго научнаго направленія, которому вскорѣ придалъ общій смыслъ Буслаевъ, указавъ на миѳологію Слова. Въ III т. Собранія сочиненій М. А. Максимовича (изд. въ Кіевѣ, 1880 г.) помѣщены всѣ статьи его о Словѣ. М. разсматриваетъ образы выраженія въ Словѣ: подобія, народно — поэтическую символику птицъ и звѣрей, повторенія. Здѣсь М. старается привести Слово въ тѣсную связь съ южнорусской поэзіей, при чемъ преимущественно опирается на изданныя имъ украинскія пѣсни, хотя приводитъ и нѣкоторыя пѣсни великорусскія. Особенно любопытна народно-поэтическая символика птицъ и звѣрей: соколъ—символъ храбрости и быстроты въ нападеніи, соловей—эмблема пѣвца, зегзица—символъ сиротства и родственной печали, вороны и галки—вѣстники горя и смерти, волкъ—символъ быстроты, и проч. О языкѣ Слова М. высказался, что онъ представляетъ соединеніе книжнаго славянскаго яз. (т. е. церковнославянскаго) съ народнымъ областнымъ, южнорусскимъ: „Языкъ Слова напоминаетъ языкъ Нестора, Мономаха, Кіевской и Волын-

ской лѣтописей; онъ сильный, живой, звучный и яркій, несмотря на его разностихійность, пестроту и неустоянность грамматическую". Касаясь вопроса о пѣсенномъ складѣ Слова, М. отвѣчаетъ: „Пѣснь Игорю могла быть сложена стихами и не для пѣнія и наоборотъ: могла быть пѣтою, не бывъ вся стихотвореніемъ". Такимъ образомъ, М. считалъ Слово по происхожденію исключительно книжнымъ сочиненіемъ.

Въ 1838 г., въ 3 т. „Русскаго Историческаго Сборника" И. Снегиревъ напечаталъ: „Повѣданіе о побоищѣ в. кн. Димитрія Ив. Донского", „Слово о житьи и о преставленіи в. кн. Димитрія Ив. Царя Русскаго" и „Слово о Плъку Игоревѣ", при чемъ указалъ на поразительное сходство съ послѣднимъ Повѣданія и Слова о в. кн. Димитріи Донскомъ. Это сходство С. сравниваетъ съ отношеніемъ списка къ подлиннику. Но особенно интересны замѣчанія С. къ Слову о П. И., текстъ котораго онъ напечаталъ съ собственными поправками.

Въ 1841 г. въ I т. „Сказаній Русскаго Народа" Сахаровъ сдѣлалъ подробный обзоръ изданій, переводовъ и изслѣдованій Слова о П. И. и здѣсь же коснулся подлинности Слова, отстаивая его противъ скептиковъ. Самый текстъ Слова напечатанъ у него съ незначительными поправками противъ перваго изданія Слова и съ раздѣленіемъ его на 12 пѣсенъ.

Заслуживаетъ вниманія небольшая замѣтка Вельтмана 1842 г. (Москвитянинъ) о томъ, что „Бояна" Слова надо раздѣлить на частицу „бо" и „Яна" Вышатича, упоминаемаго не разъ въ лѣтописи, напр.: „старецъ добрый, жилъ лѣтъ 90 (род. въ 1016 г. при Ярославѣ и ум. 1106 г. при Олегѣ Черниговскомъ), у него же и азъ (говоритъ лѣтописецъ) многа словеса слышахъ еже и писахъ въ лѣтописаніи семъ". Это предположеніе допускалось и позднѣе нѣкоторыми изслѣдователями (напр. г. Лонгиновымъ, въ 1892 г., стр. 91 „Историч. изслѣдованія").

Въ 1844 г. Дубенскій издалъ „Слово о Полку Игоревѣ, объясненное по древнимъ письменнымъ памятникамъ", которое завершало собой цѣлое направленіе въ изученіи Слова; на смѣну этому направленію явились изслѣдователи миѳологи. Большую часть книги Дубенскаго занимаетъ текстъ Слова о П. И., его переводъ и множество подстрочныхъ примѣчаній, относящихся къ тексту и содержащихъ грамматическій разборъ Слова, сличеніе его съ древними памятниками, особенно съ лѣтописями. Въ концѣ книги Д. прило-

женъ словарь всѣхъ выраженій Слова съ грамматическимъ разборомъ, а въ началѣ—взглядъ на исторію литературы Слов̆

Буслаевъ съ первой же печатной статьи своей, появившейся въ 1842 г. въ Москвитянинѣ (№ 11 „Сербская сказка о царѣ Троянѣ“), пытается объяснить загадочную личность „Трояна“ въ Словѣ изъ сербской сказки о Троянѣ, ѣздившемъ по ночамъ въ Срѣмъ и растаявшемъ отъ солнечныхъ лучей. Этотъ „баснословный, поэтическій Троянъ“ и связанъ въ Словѣ съ давней порой Бояна, съ языческими божествами, съ оборотнемъ Всеславомъ.

Въ 1850 г. Б. напечаталъ статью „Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи“ по поводу сборника пѣсенъ Максимовича. Здѣсь Б. вводитъ Слово въ область сравнительнаго изученія, старается придать внутренній миѳологическій смыслъ образамъ Слова, сходнымъ или даже тожественнымъ съ русской, славянской народной поэзіей и съ средневѣковой поэзіей другихъ народовъ, особенно германскихъ. Здѣсь же Б. обратилъ особенное вниманіе на Бояна, какъ на представителя множества другихъ неизвѣстныхъ пѣвцовъ, въ памяти которыхъ были свѣжи еще миѳологическія и героическія основы русской поэзіи. Эту мысль Б. развилъ въ статьѣ 1859 г. „Русская поэзія XI и начала XII в“. Здѣсь онъ отнесъ къ „старымъ словесамъ“, къ „замышленію Бояна“ всѣ миѳическіе намеки въ Словѣ, считая ихъ только повтореніемъ изъ древнѣйшей поэзіи и относя къ такимъ же заимствованіямъ всѣ историческія воспоминанія автора Слова до времени Игоря Святославича. И въ другихъ статьяхъ своихъ, собранныхъ въ „Историческихъ Очеркахъ Русской народной Словесности и Искусства“ (1861 г., особенно т. I), Б. не разъ касается Слова о П. И.

Въ 1851 г. появились интересныя „Замѣчанія на Слово о П. И.“ кн. П. П. Вяземскаго (Временникъ Общ. Ист. и Др. Р. кн. 11 и 1853, кн. 17), которыя развилъ позднѣе въ цѣлую книгу: „Замѣчанія на Слово о П. И.“ 1875 г. Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ: подъ Бояномъ надо разумѣть Гомера, авторъ Слова изучилъ Гомера и какъ послѣдній по преимуществу ποιητής безъ придачи собственнаго имени, такъ *боянъ* вообще поэтъ по этимологическому значенію слова отъ „баяти“; Троянъ заимствованъ изъ средневѣковыхъ Троянскихъ сказаній, „Тропа Трояна“=τροπή возвратъ Троянскій, дѣва-обида=Элена Троянскихъ сказаній.

Около этого же времени оріенталисты Эрдманъ и Березинъ отмѣтили слѣды азіатизма въ Словѣ о П. И.

Въ „Опытѣ сравнительнаго обозрѣнія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи германской и славянской", 1864 г., П. Н. Полевого Слово разсмотрѣно въ связи съ германскими и чешскими поэтическими произведеніями по общности формы и пріемовъ выраженія въ связи съ бытомъ и съ понятіями человѣка о природѣ.

Въ 1868 г. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ извѣстномъ своемъ трудѣ „О составѣ русскихъ лѣтописей" (въ Лѣтописи занятій Археогр. Ком. и отдѣльно), разсматривая отдѣльныя сказанія южнорусскаго свода, коснулся и описанія похода Игоря на половцевъ, при чемъ замѣтилъ, что „сличеніе лѣтописи и Слова могло бы представить любопытныя данныя; ясно оказалась бы разница въ изложеніи одного и тогоже предмета книжникомъ и поэтомъ; однако, ни сказаніе лѣтописи не служило источникомъ Слова, ни наоборотъ. Лѣтописный разсказъ близкій по предмету съ Словомъ о П. И., наиболѣе далекъ отъ него по изложенію".

Въ 1864 г. Пекарскій издалъ списокъ Слова о П. И., найденный имъ въ Государственномъ Архивѣ среди бумагъ изъ кабинета импер. Екатерины II, именно—среди тѣхъ бумагъ, которыя составляли подготовительные труды ея по разработкѣ отечественной исторіи. При текстѣ Слова, списанномъ съ того же погибшаго оригинала, съ котораго сдѣлано и первое изданіе 1800 г., приложены въ этой Екатерининской, или Архивной рукописи, переводъ и примѣчанія. Въ 1890 г., въ Древностяхъ Моск. Археол. Общ. (т. XIII) г. Симони переиздалъ со всею точностью текстъ Слова по Архивной рукописи.

Изданіе Пекарскаго вызвало интересныя палеографическія соображенія и поправки Н. С. Тихонравова—„Слово о П. И. для учащихся" (1866 г. и 2-е исправл. изд. 1868 г.). Назначеніе изданія Слова для учащихся отразилось въ приложеніяхъ—разсказа о походѣ Игоря по Ипатскому списку и даже по Исторіи Карамзина,—въ объясненіяхъ грамматическихъ, въ объясненіяхъ словъ. Научный элементъ въ изданіи Т. выражается: въ поправкахъ текста на основаніи палеографической критики, въ интересныхъ объясненіяхъ нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ Слова путемъ сравненія съ древними памятниками и наконецъ въ сравненіи поэтическихъ образовъ Слова съ народной поэзіей, преимущественно съ великорусской. Главныя поправки Т. слѣдующія: ре^{ч} (=речь), пѣ^{с} (=пѣсь), свивая славію—(=славы), „Боянъ" вездѣ вм. „Троянъ" (при чемъ Т. основывался на невѣрномъ чтеніи Пекарскаго „Зоянъ" вм. „Троянъ"; во 2-мъ изд. Т. возстановилъ „на землю Трояню", но оставилъ

„тропу Бояню“ и „вѣчи Бояни“; это чтеніе Т. было принято затѣмъ многими, но нашло и сильныя возраженія), не было въ обидѣ (=небылонъ обидѣ). Т. измѣнилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пунктуацію; но вообще держался текста 1800 г.

Въ 1870 г. чешскій ученый Эрбенъ издалъ „Dvě zpěvů staroruských totiž: O vypravě Igorově a Zadonština. S kritickými, historickými i jinými vysvětlujicimi poznámkami a doklady. V Praze.—Karel Jaromir Erben“. Въ предисловіи Эрбенъ упоминаетъ, что сначала онъ приступилъ къ тексту Слова, какъ къ старославянскому, и стремился ввести однообразіе въ правописаніи памятника; но затѣмъ отступился отъ этой мысли, хотя и ввелъ нѣкоторыя поправки (стр. VII: о Словѣ „o prostonárodni piseň ruskou věků minulých“). Въ своихъ поправкахъ Э. руководствовался: исправленіями Тихонравова (вездѣ Боянъ вм. Трояна, въ обидѣ вм. къ обидѣ), сравненіями текста Слова съ Задонщиной и Повѣданіемъ о Мамаевомъ побоищѣ (хотя эти сравненія не проведены послѣдовательно) и нѣкоторыми собственными домыслами. Критика Эрбена вызвала интересную статью Н. А. Лавровскаго (Ж. М. Н. Пр. 1870, октябрь).

Здѣсь мы должны упомянуть о стихотворныхъ переводахъ съ 30-хъ годовъ. Таковы—переводы Деларю (1839 г.), Минаева (1846 г.), Мея (1850 г.) и Гербеля (1850 г.). Переводчики встрѣчались съ значительными затрудненіями при передачѣ темныхъ и неисправныхъ мѣстъ Слова, при выборѣ размѣра и при прибавкѣ словъ, необходимыхъ для уясненія современному читателю древнихъ сжатыхъ картинъ и образовъ Слова. Отсюда объясняется рѣзкое различіе между этими поэтическими переводами. Деларю перелагалъ Слово гекзаметрами, Мей „народнымъ сказочнымъ размѣромъ“, Гербель старался приблизиться къ разнообразію рѣчи и размѣра подлинника. Наиболѣе отступленій отъ подлинника у Минаева, который развивалъ „сжатыя мысли Слова“ въ цѣлыя картины.

Новый переводъ Майкова (Заря 1870 г. и въ Собраніи сочиненій поэта) далеко оставилъ за собой предшествующіе стихотворные переводы не только съ художественной стороны, но и со стороны пониманія Слова. М. изучилъ комментаторовъ Слова, старался и самъ проникнуть въ его внутренній смыслъ.

Между тѣмъ научное изданіе Тихонравова вскорѣ же оказало вліяніе на популярно-учебныя изданія Слова о Полку Игоревѣ. Такъ это вліяніе отразилось на изданіи Я. Малашева: „Слово о Полку Игоревѣ. Поэтическій памятникъ русской письменности XII в., съ примѣчаніями, полнымъ словаремъ и тремя приложеніями“

(1871 г.). Текстъ Слова изданъ у Малашева съ раздѣленіями на короткіе стихи, числомъ 780; затѣмъ все Слово еще раздѣлено на 12 частей.

Переходимъ къ труду, болѣе самостоятельному, о которомъ, однако, нѣкоторые ученые отзываются слишкомъ преувеличенно. Это трудъ львовскаго профессора Огоновськаго: „Слово о Пълку Игоревѣ. Поетичниіі памятник Руськоі письменности XII віку. Текстъ с перекладом и с поясненьями. У Львові, 1876 г.“ Многія поправки О. и объясненія Слова извлечены имъ изъ предшествующихъ русскихъ трудовъ.—О происхожденіи Слова О. высказываетъ слѣдующее. Онъ, подобно Максимовичу, стоитъ за самобытное происхожденіе Слова, помимо всякихъ литературныхъ вліяній, за связь Слова съ русской народной поэзіей. Въ авторѣ Слова О. признаетъ участника похода, человѣка свѣтскаго, изъ дружины Игоревой: но безъ всякихъ политическихъ взглядовъ. Прибавимъ еще, что О. не прочь сравнивать Слово о П. И. съ Краледворской рукописью и даже съ Иліадой и Одиссеей Гомера, несмотря на то, что въ предисловіи высказался противъ мнѣнія кн. Вяземскаго о сходствѣ Слова съ классической поэзіей. Но болѣе сравненій Слова у О. съ народной поэзіей, конечно, преимущественно съ малорусской.

Въ 1877 г. явился трудъ А. И. Смирнова, посвященный во-1) литературѣ Слова со времени открытія его до 1876 г. и во-2) пересмотру нѣкоторыхъ вопросовъ (1879 г.). Задачей перваго труда авторъ ставитъ изложеніе мнѣній и замѣчаній даже второстепенныхъ представителей литературы Слова. Во второй части своего труда С. подвергъ критическому разбору изслѣдованія о Словѣ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ: 1) о вѣкѣ рукописи и характерѣ письма (мы касались этого вопроса выше и уже отмѣтили отношеніе С. къ взгляду Тихонравова, критикѣ котораго главнымъ образомъ посвящена эта часть труда С., 2) о языкѣ Слова со стороны звуковъ и формъ, какимъ онъ является по изданію М. Пушкина, 3) объ исправленіяхъ первопечатнаго текста, 4) о судьбахъ Слова въ послѣдующей русской литературѣ (здѣсь разсматривается отношеніе Слова къ Задонщинѣ, къ Псковскому лѣтописцу и къ Исторіи объ Азовскомъ сидѣніи), 5) наконецъ разсматривается отношеніе Слова къ Сѣвернорусской народной поэзіи и языку.

Къ 1877 году относится работа о Словѣ, отличающаяся особенной оригинальностью взгляда. Значенію этой работы въ исторіи изученія Слова до нѣкоторой степени отвѣчаетъ извѣстная работа Стасова по вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Сходство прояв-

ляется какъ въ общности метода, такъ и въ особенномъ вниманіи къ новой работѣ со стороны критики, въ спорахъ о предметѣ. Мы говоримъ о „Взглядѣ на Слово о Полку Игоревѣ“ Всев. Ѳ. Миллера (М. 1877 г.). Прежде всего авторъ относится совершенно отрицательно къ наиболѣе распространеннымъ въ то время мнѣніямъ объ авторѣ Слова, о Боянѣ и о языческихъ существахъ, упоминаемыхъ въ Словѣ, —вообще—къ вопросу о происхожденіи Слова, какъ этотъ вопросъ разрѣшался Буслаевымъ, Срезневскимъ и друг.; какъ онъ повторялся и въ лучшихъ въ то время учебныхъ пособіяхъ по словесности, напр., у Стоюнина. Вс. Миллеръ совершенно отрицаетъ убѣжденіе, что Слово—пѣсня неграмотнаго народнаго или дружиннаго княжескаго пѣвца, воображеніе котораго, а отчасти и вѣрованія были исполнены еще языческаго наивнаго міровоззрѣнія. Слово о Полку Иг., по мнѣнію Вс. Миллера,—произведеніе строго книжное, вполнѣ литературное, авторъ его—писатель просвѣщенный, христіанинъ, называющій языческія божества только для красоты поэтической рѣчи, какъ украшающіе эпитеты: онъ сознательный поборникъ опредѣленной политической идеи; онъ замѣчательно начитанъ въ византійской и южнославянской литературахъ, особенно въ области повѣстей и поэмъ. Въ доказательство этого послѣдняго взгляда Вс. Миллеръ подробно разбираетъ византійскій героическій романъ X в. о Дигенисѣ Акритѣ, извѣстный сравнительно въ позднихъ греческихъ и славянскихъ спискахъ, и проводитъ аналогію между Словомъ о Полку Игоревѣ и византійской поэмой. И снова, какъ у Стасова, оказывается, что авторъ Слова заимствовалъ множество подробностей изъ чужеземныхъ источниковъ; не только украшающіе эпитеты, но и Бояна, Трояна, Дажь-Бога, Велеса, Хорса, Дива, Дѣву—Обиду, Дунай, и проч. Все это изъ Византіи или, точнѣе, изъ Болгаріи. Почему Вс. Миллеръ и ставитъ на своей работѣ эпиграфъ: „Дѣвици поютъ на Дунаи (болгарскія поэмы),—вьются голоси чрезъ море до Кіева“ (и эти болгарскія поэмы доходятъ до Кіева, гдѣ русскій книжникъ, подражая имъ, черпая изъ нихъ многія подробности, въ тѣхъ же выраженіяхъ пишетъ о русскихъ событіяхъ XI—XII вв.).

Изъ статей, вызванныхъ „Взглядомъ“ Вс. Миллера, отмѣтимъ прежде всего статью академика Веселовскаго „Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1877 г., августъ). Веселовскій предлагаетъ свои интересныя соображенія о Троянѣ, о Дивѣ и Дѣвѣ-Обидѣ и друг. Не соглашаясь съ такими толкованіями Трояна, какъ—солнечнаго бога, поражавшаго демоновъ тьмы (Ого-

новскій), какъ—существа темнаго, выработаннаго суевѣріемъ славянской Дакіи изъ историческаго императора (Вс. Миллеръ), В. вмѣсто этой миѳической основы указываетъ на болѣе вѣроятную „псевдоисторическую“: „вѣки Трояни“ были бы вѣками Трояна—Троянскихъ дѣяній, повѣсти о которыхъ хорошо были извѣстны и на византійско-славянскомъ югѣ, и на западѣ; пѣснотворець Троянь, если предположить такое сочетаніе, былъ бы поэтомъ троянской славы, троянскихъ дѣятелей. Источникомъ разсказовъ о Троянскихъ дѣяніяхъ было для среднихъ вѣковъ короткое изложеніе ихъ у т. н. Диктиса и Дарета“ (296 стр.)...

Изслѣдованіе Вс. Миллера явилось въ русской литературѣ о Словѣ такой новинкой, что долго и позднѣе изслѣдователи Слова останавливались на его „Взглядѣ“ и старались опровергнуть его (наприм. Барсовъ).

Отчасти такъ же, какъ возраженіе на „Взглядъ“ Вс. Миллера въ 1878 г. явился замѣчательный трудъ Потебни („Слово о Полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія“; первоначально въ Филологич. Зап. 1877—78 гг.), который снова поднялъ вопросъ о тѣснѣйшей связи Слова съ русской и славянской народной поэзіей. Кромѣ поправокъ въ текстѣ Слова Потебня допустилъ въ своемъ изданіи перестановки, при чемъ высказалъ слѣдующій взглядъ на исчезнувшую рукопись Слова. „Кажется, что списокъ, дошедшій до насъ въ изд. 1800 г., ведетъ свое начало отъ черновой рукописи, писанной самимъ авторомъ или съ его словъ, снабженной приписками на поляхъ, замѣтками для памяти, поправками, вводившими переписчика (быть можетъ, конца XIII или начала XIV в.) въ недоумѣніе относительно того, куда ихъ помѣстить. Сверхъ того, кажется, въ текстъ внесены глоссы одного и болѣе чѣмъ одного переписчика“. Мы уже говорили, что П. противъ гипотезы Вс. Миллера о готовомъ византійско-болгарскомъ шаблонѣ Слова; напротивъ, по глубокому убѣжденію Потебни, Слово проникнуто народно-поэтическими стихіями. Изслѣдованіе П. имѣетъ особенное значеніе по объясненію поэтическихъ образовъ и связи ихъ съ народной поэзіей. Съ этой же стороны Потебня коснулся Слова еще ранѣе въ своей статьѣ, подъ названіемъ: „Малорусская народная пѣсня по списку XVI в., текстъ и примѣчанія“ (Филол. Зап. 1877 г., вып. 2, и отдѣльно).

Неоконченная работа Андріевскаго („Изслѣдованіе текста пѣсни Игорю Святославичу“, часть 1. главы I—III, Екатеринославъ, 1879;—глава IV, 1880 г. и „Пѣсни Игорю Святославичу—Слова о Полку Игоревѣ, по чтенію М. А. Андріевскаго“, часть I, 1880 г.) посвя-

щена библіографическому указателю литературы Слова, выдержкамъ изъ нѣкоторыхъ трудовъ по вопросу о „загадочности нашего памятника“, сводному тексту Слова; критическимъ замѣткамъ объ отдѣльныхъ частяхъ и выраженіяхъ въ Словѣ и наконецъ собственному чтенію Слова, предложенному авторомъ (издана только часть этого относительно исправленій въ текстѣ Слова у г. Андріевскаго нельзя не согласиться съ Барсовымъ, что они произвольны и часто ни на чемъ не основаны, что въ исправленіяхъ этихъ г. Андріевскій „не зналъ уже никакой мѣры и удержу“ (Е. В. Барсовъ: Слово о Полку Игоревѣ, II, 110 стр.).

Къ 1879 г. относится замѣтка И. И. Малышевскаго „Къ вопросу объ авторѣ Слова о П. И.“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1879 г., августъ), вызванная трудомъ Вс. Миллера. Раздѣляя взглядъ Вс. Миллера на византійско-болгарское книжное происхожденіе Слова, М. обращаетъ особенное вниманіе на упоминанія въ Словѣ Тмуторокани и соединяетъ ихъ съ греко-русскими отношеніями на азовско-черноморскомъ побережьѣ. Авторъ Слова, по мнѣнію М., живалъ въ древней Тмуторокани, бывалъ и въ другихъ мѣстахъ.

Въ „Исторіи Россіи“ 1880 г. Д. И, Иловайскаго находимъ слѣдующія замѣчанія о Словѣ. Какъ Бояна, такъ и автора Слова, образованнаго дружинника, И. считаетъ поэтами Черниговo-Сѣверскими. Въ Словѣ И. видитъ такой же „аристократическій характеръ“, какъ и въ рыцарской поэзіи трубадуровъ и миннезенгеровъ, который русская придворно-княжеская поэзія не уступала даже со стороны женскихъ идеаловъ (художественное, симпатичное изображеніе Ярославны).

Интересно остановиться и на оригинальномъ отзывѣ о Словѣ извѣстнаго церковнаго историка, Голубинскаго (Исторія Русской Церкви, I, первая половина тома, 1880 г., стр. 700—705). Авторъ разсматриваетъ Слово, какъ „сочиненіе неизвѣстнаго сочинителя“: „остатокъ нашего домонгольскаго трубадурства, другіе памятники котораго или погибли или еще пока скрываются въ рукописяхъ неоткрытыми“, Авторъ возстаетъ противъ „преувеличеннаго мнѣнія“ о Словѣ: онъ ставитъ лѣтописный разсказъ о походѣ Игоря выше Слова и даже, въ противоположность, всѣмъ изслѣдователямъ Слова, считаетъ „прозаическимъ источникомъ поэмы повѣсть о походѣ Игоря, помѣщенную въ Ипатской лѣтописи“.

Въ 1880 же году И. Н. Ждановъ въ статьѣ „Литература Слова о П. И.“ (Кіевъ, 1880 г.) дополнилъ критико-библіографическія работы Смирнова и Барсова указаніемъ какъ мелкихъ трудовъ, такъ

и такихъ крупныхъ, какъ Огоновскаго, Вс. Миллера, Потебни, и др. Кромѣ того, Ждановъ присоединилъ замѣчанія относительно нѣкоторыхъ мѣстъ Слова о П. И. Особенно интересны его объясненія: 1) мысленнаго древа въ иносказательномъ значеніи дерева воображаемаго и дерева родословнаго; 2) выраженія—„храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло" въ сопоставленіи съ подобными же выраженіями въ старинныхъ памятникахъ. Еще ранѣе, въ другой своей статьѣ о „Русской поэзіи въ до-монгольскую эпоху" (1879 г., Кіевск. Унив. Изв.) Ж. также коснулся нѣкоторыхъ мѣстъ Слова.

Давнишнія попытки выправить текстъ Слова посредствомъ перестановокъ нѣкоторыхъ мѣстъ и перемѣны нѣкоторыхъ выраженій (что такъ рѣзко проявилось въ книгѣ Андріевскаго) снова выступили въ небольшомъ трудѣ Д. Прозоровскаго: „Новый опытъ объяснительнаго изложенія Слова о П. И." (1881 г.).

Упомянемъ здѣсь о двухъ историческихъ изслѣдованіяхъ, касающихся „Исторіи Сѣверской земли", Д. И. Багалѣя и П. И. Голубовскаго (Сборникъ сочиненій студентовъ Университета св. Владиміра, вып. 3 и 4, 1881—82 г.г.). Багалѣй касается топографіи похода 1185 г. и предпочитаетъ мнѣнія Буткова и отчасти Аристова другимъ. Голубовскій высказываетъ общее мнѣніе о походѣ Игоря Святославича, „представляющемъ фактъ княжескаго удальства, но фактъ вполнѣ безполезный". То же повторяетъ г. Голубовскій въ интересномъ трудѣ своемъ, важномъ въ другихъ отношеніяхъ: „Печенѣги, Торки и Половцы" (Кіевъ, 1884 г., стр. 163): „это не было предпріятіе, вызванное общими интересами Руси... Оно было результатомъ отваги молодыхъ Сѣверскихъ князей, ихъ стремленія поискати древняго Тмутораканя, продолжавшаго существовать и быть торговымъ пунктомъ на Азовскомъ морѣ".

Мы не будемъ останавливаться на неудачной попыткѣ Ом. Партыцкаго (Слово о Полку Игоревомъ, во Львовѣ, 1884 г.) выправить текстъ Слова согласно съ правилами метрики, подгоняя всѣ слова и предложенія памятника подъ ямбы и трохеи. Болѣе серіозной работой представляется трудъ А. С. Петрушевича: „Слово о Полку Игоревѣ" (Львовъ, 1887 г.).

Самымъ большимъ трудомъ, какой когда-либо посвящался Слову о Полку Игоревѣ, является трудъ до сихъ поръ еще и неоконченный Е. В. Барсова—„Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси", томы I—II, 1887 г. и III т., 1890 г. Въ предисловіи къ первому тому Б. ставитъ своей задачей возстановить историческое и художественное значеніе Слова о П. И., кото-

рое остается, по мнѣнію Б., въ сторонѣ изъ-за тонкихъ филологическихъ и грамматическихъ изслѣдованій Слова. Кромѣ изученія Слова въ связи съ древнерусской письменностью и народнымъ пѣснотворчествомъ Б. придаетъ особенное значеніе вновь открытымъ бумагамъ Малиновскаго. Послѣ вводныхъ статей Б. разсматриваетъ Слово: 1) какъ выраженіе школы Кіевской дружинной Руси на основаніи сличенія Слова съ древнерусскимъ переводомъ Флавія о раззореніи Іерусалима; 2) какъ историческую повѣсть въ связи съ лѣтописями; 3) какъ пѣснь, подобную Бояновой, въ связи съ миѳологіей Слова; 4) Слово—въ отношеніи къ словамъ богатырскимъ и наконецъ 5) Слово въ его отношеніи къ позднѣйшимъ повѣстямъ, т. е. къ лѣтописнымъ повѣстямъ, къ Задонщинѣ, къ сказанію объ Азовскомъ сидѣніи. Второй томъ изслѣдованія Б. состоитъ собственно изъ перевода Слова и палеографической критики затруднительныхъ темныхъ мѣстъ Слова. Первое авторъ называетъ „Словомъ въ его цѣломъ и въ частяхъ", на второмъ мы остановимся ниже. Третій томъ представляетъ „Лексикологію Слова", и пока даетъ подробный словарь отъ буквы *а* до *н*. Б. же принадлежитъ удачное сравненіе выраженій Слова съ переводной повѣстью Флавія о раззореніи Іерусалима и особенно находка и обнародованіе бумагъ Малиновскаго. Хотя послѣдніе матеріалы и не такъ уже важны, какъ представляетъ ихъ Б., но тѣмъ не менѣе для объясненія Слова имѣютъ значеніе и такіе матеріалы, какъ выписки словъ изъ погибшей рукописи одного изъ редакторовъ изданія Слова 1800 г.

Въ 1890 г. вышла небольшая, но интересная замѣтка Козловскаго,—„Палеографическія особенности погибшей рукописи Слова о П. И." (Древности и Труды Московск. Археолог. Общ. т. XIII, вып. II). К., основываясь на извѣстныхъ указаніяхъ палеографіи на лигатуры, гаплографію (т. е. слитное написаніе двухъ одинаковыхъ стоящихъ рядомъ слоговъ или согласныхъ), предложилъ слѣдующія поправки къ тексту Слова: вм. самаю=сам*аю*; стрежаше *его* гоголемъ, изрони злато слово (*с*) слезами, трепещуть *си* синіи молніи, стругы *про*стре, Днѣпрь *при* темнѣ березѣ, вознзи стрикусы.

Въ 1892 г. вышло „Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ Сѣверскаго князя Игоря Святославича на Половцевъ въ 1185 г." А. В. Лонгинова (Одесса). Изслѣдованіе Л. раздѣляется на три главы, въ которыхъ авторъ преимущественно останавливается на темныхъ мѣстахъ Слова и особенно подробно говоритъ о Боянѣ и Троянѣ. Затѣмъ къ изслѣдованію приложенъ переводъ Слова и

примѣчанія. Авторъ старался изучить Слово преимущественно въ связи съ лѣтописями, съ памятниками древнерусской письменности и въ этомъ отношеніи въ его изслѣдованіи встрѣчаются интересныя сопоставленія. Разборъ этого труда сдѣланъ нами въ 1894 г. въ 10 присужденіи Пушкинскихъ премій. Кромѣ того Слову же о. П. И. посвящена нами работа, явившаяся въ 1894 г. въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ и отдѣльно.

Обращаемся къ содержанію Слова о П. И. Мы не будемъ передавать его дѣленія на части, его фабулы и остановимся на составѣ Слова о П. И., на взаимной связи его отдѣльныхъ частей. Для полнаго представленія о памятникѣ недостаточно и этого обзора безъ чтенія самого произведенія, которое мы и предложимъ въ концѣ этой главы. Теперь же сдѣлаемъ только небольшія выдержки изъ Слова, безъ которыхъ трудно обойтись, говоря о такомъ до крайности сжатомъ поэтическомъ памятникѣ, какъ Слово о П. И.

Слово называется пѣснью, состоитъ изъ несомнѣнныхъ старыхъ пѣсенъ, или отрывковъ изъ нихъ; но записано уже, какъ книжное произведеніе, о чемъ свидѣтельствуетъ заглавіе: „Слово о плъку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова“. Заглавіе краткое, поэтичное, если припомнить другія заглавія русскихъ сочиненій, напр. лѣтописей, житій, поученій. Оно не обнимаетъ всего произведенія. Далѣе, какъ будто въ Волынской лѣтописи, слѣдуетъ приступъ пѣсни: „почнемъ же повѣсть сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря“. Приступъ къ Слову до выступленія Игоря въ походъ такъ же повторяется въ нѣсколько пріемовъ, какъ разсказъ о славянахъ и русскихъ въ до-историческое время въ Начальной Лѣтописи. Мы видимъ здѣсь несовершенство стиля, книжность пріемовъ. Не даромъ ученые изслѣдователи Слова предполагаютъ здѣсь и пропуски и перестановки. О Боянѣ говорится нѣсколько разъ съ перерывами. Авторъ Слова то не хочетъ слѣдовать Бояновскимъ замышленіямъ, то призываетъ Бояна и приводитъ изъ него выдержки. Собственно „былины сего времени“ о нынѣшнемъ Игорѣ начинаются съ двойнаго приступа „Тогда“: „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце“; „Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень“. Ни времени, ни обстоятельствъ, ни даже мѣста дѣйствія не опредѣлено при этомъ выступленіи Игоря. Нѣтъ запѣва о городѣ, или землѣ, если не считать таковыми Курянъ съ похвалой ихъ наѣздничеству, какъ запѣва былинъ о стольномъ городѣ Кіевѣ. Не видно ли уже изъ этого, что авторъ

Слова былъ кіевлянинъ, для котораго не было особенной прелести въ мѣстоположеніи сѣверскихъ городовъ, о которыхъ онъ нигдѣ не говоритъ, распространяясь только о своемъ Кіевѣ, о его горахъ, о Боричевомъ (взвозѣ), о Пирогошей, о св. Софіи, о болони, о Днѣпрѣ, о в. кн. Святославѣ, объ иностранцахъ въ Кіевѣ. Изъ сѣверскихъ городовъ, съ поля битвы до него въ Кіевъ, только долеталъ звонъ славы. Онъ зналъ хорошо о побѣгѣ Игоря изъ плѣна, но и то не могъ разсказать о его возвращеніи на родину и привелъ сѣверскаго героя въ Кіевъ.

Остановимся еще на приступѣ, или какъ иные называютъ „запѣвѣ", въ которомъ авторъ Слова о П. И. нѣсколько разъ обращается къ своимъ слушателямъ съ ласковымъ словомъ „братіе": „не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій", „Боянъ же, братіе, не 10 соколовь", „почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владиміра". Все вниманіе пѣвца (пѣти было пѣснь Игорю) сосредоточено пока на Боянѣ, о которомъ упоминается еще 2 раза въ концѣ Слова, по поводу Всеслава Полоцкаго и Олега Святославича или Гориславича, которымъ Боянъ сказалъ 2 меткихъ припѣвки. Оттого въ Словѣ о П. И. и вырисовываются кромѣ героевъ Слова двѣ личности: Олега Гориславича и Всеслава Полоцкаго. Это пѣсни Бояна. Боянъ пѣвецъ времени Мономаха и его соименника Владиміра Трояна, но еще болѣе стараго Ярослава I. Такимъ образомъ пѣсни Бояна захватываютъ все XI столѣтіе. Столѣтіе же отдѣляло пѣвца Игорева полка отъ Бояна, и старый пѣвецъ рисовался уже въ чертахъ вѣщаго пѣвца, творившаго по замышленію. Замышленіе Бояна выражалось въ краткихъ образныхъ припѣвкахъ, пословичнаго характера, большею частію съ миѳологическимъ содержаніемъ и съ уподобленіями, взятыми изъ міра животныхъ и птицъ. Боянъ, какъ охотникъ соколиной потѣхи, игралъ на живыхъ струнахъ, мѣтко опредѣляя качества князей, ихъ удачи, неудачи, ихъ родовыя удѣльныя отношенія. У Бояна было прозвище Велесовь внуче, что согласуется съ его вѣщимъ характеромъ, Это прозвище миѳическаго происхожденія. Боянъ не просто творилъ пѣсни, но растекался или скакалъ по мысленому древу (вѣроятно, по древу родословія князей, подвиговъ ихъ предковъ, пѣсенъ о нихъ, припѣвокъ языческихъ), леталъ умомъ (иначе „сизымъ орломъ") подъ облаками, рыскалъ сѣрымъ волкамъ по земли (или „въ тропу Трояню"). Это былъ пѣвецъ усобицъ первыхъ временъ, соловей стараго времени. Таковы были и его герои: Ярославъ, Мстиславъ, Олегъ, Всеславъ и др. Не сидѣли они на одномъ

20

мѣстѣ, а носились по Руси отъ Новгорода до Тмуторокани, бѣгали и за море (Ярославъ, Олегъ). Во всемъ Словѣ, замѣтимъ, строго проведено различіе между старымъ временемъ и нынѣшнимъ, тѣмъ и сѣмъ. По былинамъ сего времени и хочетъ пѣть свою пѣсню авторъ Слова о П. И. Старыя словеса и замышленіе—творчество Бояна соотвѣтствуютъ лѣтописнымъ сказаніямъ о бытѣ русскихъ славянъ и о князьяхъ язычникахъ. Въ Словѣ о П. И. много недосказаннаго: что такое вѣки Трояна, его земля—тропа, гдѣ начало повѣсти отъ стараго Владиміра, котораго нельзя было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ? Все это одни намеки, разсѣянные, въ Словѣ. И кто этотъ Владиміръ, и кто Троянъ? Нѣсколько разъ въ Словѣ находимъ эти имена; въ приступѣ, прерываемомъ уже разсказомъ о сборахъ Игоря въ походъ, встрѣчаемъ стараго Владимера и Трояна, въ тропу котораго рыскалъ Боянъ (сѣрымъ волкомъ по земли, какъ Всеславъ на 7 вѣцѣ Трояни обратился на Кіевъ, рыская въ ночь волкомъ по той землѣ, которую авторъ называетъ Трояней); и какъ бы въ концѣ Слова, передъ возвращеніемъ Игоря, когда все исчерпано по вопросу о несчастіи полка Игорева—„стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ". Это не Владиміръ Мономахъ, который въ послѣднемъ мѣстѣ противополагается старому и еще разъ упоминается въ Словѣ, при изображеніи походовъ Олега Святославича. Очевидно авторъ Слова подъ старымъ Владиміромъ разумѣлъ Владиміра Святославича I-го, святого, начиная съ него воспоминанія о первой годинѣ и первыхъ князьяхъ: Владимірѣ—Троянѣ, его сынѣ Ярославѣ I, Владимірѣ Мономахѣ и др. Какъ кіевлянинъ, какъ представитель велико княжеской партіи, золотого стола Кіевскаго, авторъ Слова въ несчастіи князей, въ происхожденіи усобицъ и въ успѣхѣ поганыхъ, видитъ непокореніе младшихъ князей старшимъ. Какъ будто онъ хочетъ остановить развитіе удѣльной системы и возвратить времена князей стараго времени, обращаясь къ сильнымъ современникамъ.

Въ походѣ на половцевъ, Игорь—глава полка, согласно и съ лѣтописными разсказами 1185 г. Игорь видитъ своихъ воевъ въ муракѣ солнечнаго затмѣнія, но ободряетъ братію—князей, бояръ и дружину „искусити Дону и поля Половецкаго.„ Начинается уже пѣснь, Игорю внуку Олега Гориславича. Игорь ждетъ брата Всеволода, а онъ уже готовъ съ своею рѣчью и Курянами на борзыхъ коняхъ. Тогда уже вступаетъ въ златъ стремень Игорь и далѣе онъ къ Дону вои ведетъ, онъ полки заворочаетъ въ день несчастной битвы и наконецъ онъ возвращается. И здѣсь Игорь также высту-

паетъ, какъ въ началѣ Пѣсни при выступленіи полка. Въ битвахъ героемъ является братъ Игоря Всеволодъ.

Послѣ вступленія, безъ сомнѣнія, выдающейся частью Слова о П. И., являются неблагопріятныя предзнаменованіе въ пути Игоревыхъ воевъ къ Дону, Этотъ путь преслѣдованія половцевъ движется въ широкихъ, неопредѣленныхъ границахъ: въ копьяхъ и стягахъ Игоревой дружины кличетъ Дивъ, призывая Волгу, Поморіе, Посуліе, Сурожъ, Корсунь и Тьмутороканьскаго болвана. Затѣмъ въ неопредѣленномъ мѣстѣ (гдѣ-то за Шеломянемъ; хотя это выраженіе можно растолковать еще иначе: „за Шеломянемъ"—русская земля побѣдила а „не за Шеломянемъ"—сама побѣждена, или предстоитъ пораженіе; однако въ лѣтописи 1151 г. „поиде Гюрги за шоломя") происходитъ битва рано въ пятницу. Половцы были накрыты русичами въ полѣ съ богатымъ имуществомъ, и своимъ, и награбленнымъ; золото, серебряное стружіе, дорогіе оксамиты и узорочья половецкія, съ ихъ дѣвушками красавицами—все это вдругъ досталось Игореву полку въ такомъ обиліи, что можно было запрудить—замостить грязи и болота. Пѣвецъ говоритъ уже о бѣгствѣ Гзака и Кончака къ Дону. Слѣдующая большая часть Слова описываетъ пораженіе, но уже съ большей подробностью. Еще до сна Святослава, передъ которымъ еще разъ упоминается о плѣнѣ Игоря на берегу Каялы, передается нѣсколько эпизодовъ: грозныя предзнаменованія пораженія на Каялѣ, у Дону и плѣна 4 солнцъ—князей, еще болѣе грозныя сопутствія приближенію половцевъ, мужество князя Всеволода и воспоминаніе о давнихъ вѣкахъ, особенно о смутѣ—крамолѣ Олега Святославича. Здѣсь изложеніе прерывается и близкими и отдаленными событіями: Борисъ Вячеславличъ палъ за обиду ольгову, а тесть Святополка привезенъ къ Кіеву съ тояже Каялы (?).

Битва на Каялѣ описана, какъ пашня, какъ гроза неслыханная и, наконецъ, слѣдуетъ плѣнъ братьевъ князей и ихъ разлученіе. Торжество половцевъ, ихъ движеніе на Русь, послѣ пораженія Игоря, соединено съ двукратнымъ указаніемъ на крамолы князей другъ противъ друга, на усобицы.

Стону земли Русской отъ пораженія Игоря противопоставляется блестящая побѣда надъ половцами въ 1184 г. великаго кіевскаго грознаго Святослава. Теперь иностранцы въ Кіевѣ еще славятъ Святослава и каютъ князя Игоря.

Такова первая половина Слова о П. И. Дѣйствіе надолго переносится въ Кіевъ. Здѣсь на горахъ, въ златоверхомъ теремѣ,

в. кн. Святославъ разсказываетъ свой сонъ, который объясняютъ ему бояре, какъ совпаденіе съ пришедшей вѣстью о пораженіи Игоря. Опять описанія послѣдствій пораженія русскихъ и нападенія на различныя области половцевъ.

Слѣдуетъ длинное золотое слово Великаго (князя) Святослава съ упрекомъ къ пораженнымъ князьямъ, съ воспоминаніемъ о Ярославѣ Черниговскомъ, какъ помощникѣ. И далѣе продолжается, какъ будто, рѣчь в. кн. Святослава, съ обращеніемъ къ современнымъ князьямъ съ призывомъ отомстить за раны Игоревы. Но въ сущности это уже Слова самого автора пѣсни Игорю, потому что въ концѣ, передъ плачемъ Ярославны, вспоминается Боянъ съ своей припѣвкой Всеславу Полоцкому. По всей вѣроятности, рѣчь автора Слова начинается съ обращенія къ Великому князю Всеволоду. Затѣмъ слѣдуютъ обращенія къ князьямъ: Рюрику и Давыду Ростиславичамъ (Рюрикъ стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ в. кн. кіевскому, а Давыдъ былъ смоленскимъ княземъ), къ Ярославу Осмомыслу Галицкому, къ знаменитому Роману волынскому, къ Мстиславу. Эти призывы, какъ будто, прекращаются съ воспоминаніемъ о невозвратимой погибели Игорева Полка, объ успѣхахъ половцевъ по Росіи, по Сули. Авторъ Слова опять обращается ка старымъ воспоминаніямъ. Призвавъ еще разъ современниковъ Игоря— Мстиславичей и луцкихъ князей, авторъ обращается къ далекому Полоцку. Припоминая одинокую смерть Изяслава Васильковича. пораженнаго Литвой и безславіе Всеславичей, авторъ Слова останавливается на могучемъ полоцкомъ князѣ Всеславѣ, который не только умѣлъ основать силу Полоцка, но и носился за другими землями и даже за великокняжескимъ столомъ по всей древней Руси, отъ сѣвернаго Новгорода до южной Тьмуторокани. Это какъ будто независимый отъ Слова эпизодъ изъ пѣсенъ Бояна, который заканчивался смертью Всеслава. Боянъ воспѣлъ всѣ подвиги знаменитаго Полоцкаго князя и съ горемъ закончилъ: „ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду (Всеславъ леталъ по Руси потьскы, какъ говорится въ Лѣтописяхъ, т. е птицей). суда Божіа не минути“.

Стоитъ остановиться на эпизодѣ о Всеславѣ, чтобы опредѣлить источники автора Слова о П. И. Пѣсни о Всеславѣ начинаются съ запѣва о Троянѣ; „на седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій.“ Онѣ проникнуты языческимъ элементомъ, какъ и лѣтописныя сказанія о Всеславѣ. Есть какая-то связь между сказаніями лѣтописей о томъ, что „Всеславъ почарать“, что ему велѣли носить повязку на язвенномъ мѣстѣ волхвы, отчего онъ такъ кровожаденъ,

съ Словомъ о П. И., въ которомъ Всеславъ „на 7-мъ вѣкѣ“ вергнулъ жребій о новомъ княжествѣ и „великому Хорсови путь перерыскивать волкомъ“, чуя вѣщей душой, гдѣ была опасность. Всеславъ, по лѣтописямъ, умѣлъ спастись и въ Кіевѣ, сидя въ темницѣ. Въ пѣсняхъ Бояна побѣгъ Всеслава изъ Кіева выражался „скочи отъ нихъ“—и эта фраза удержана въ Словѣ кіевлянина. Особенно пѣсеннымъ характеромъ запечатлѣно изображеніе битвы на Немигѣ:

„На Немизѣ снопы стелютъ головами,
Молотятъ чепи харалужными,
На тоцѣ животъ кладутъ,
Вѣютъ душу отъ тѣла.
Немизѣ кровавѣ брезѣ
Не бологомъ бяхуть посѣяни,
Посѣяни костьми русскихъ сыновъ“.

Такой полной земледѣльческой картины нѣтъ у автора Слова. Сравненія его въ этомъ же направленіи кратки и болѣе отзываются военнымъ характеромъ: „Ратаи кикахуть,.. чръна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна, тугою взыдошa по Руской земли“. Въ Бояновской поэзіи все дышетъ народными сравненіями, отличается необыкновенной сжатостью слога, какъ бы поговорочнаго. Несомнѣнно, что и слѣдующіе стихи принадлежитъ Бояну:

Всеславъ князь людемъ судяше,
Княземъ грады рядяше,
А самъ въ ночь влъкомъ рыскаше.

Переходимъ къ т. н. плачу Ярославны. Это чудное мѣсто предшествуетъ возвращенію Игоря изъ плѣна: передъ нимъ находится припѣвъ: „Копіа поютъ на Дунаи“, которому соотвѣтствуетъ такой же припѣвъ въ концѣ Слова „Дѣвицы поютъ на Дунаи“—„Вьются голоси чрезъ море до Кіева“. Но „гласъ Ярославнынъ“ несется еще на море. Мы видимъ въ самой поэмѣ дѣленіе на части припѣвами, о чемъ еще скажемъ ниже,

Никто, однако, не дѣлалъ въ спискахъ Слова частныхъ заглавій. Какъ будто такимъ заглавіемъ является книжный приступъ 2-ой части Слова: „Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера“ и пр. Три раза повторяются слова „Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи“. Это обычный пріемъ Пѣсни о Полку Игоревѣ. Такъ Игорь является въ началѣ поэмы: Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце, Игорь ждетъ мила брата, тогда вступи Игорь въ златъ стремень, Игорь къ Дону вои ведетъ.

Игорь плъкы заворочаетъ, Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата. Въ обращеніяхъ Ярославны къ вѣтру, Днѣпру и солнцу столько же народнаго пѣсеннаго содержанія, сколько и частнаго, историческаго, сочиненнаго: о хиновьскихъ стрѣлкахъ, о посадахъ Святослава, о мукѣ воиновъ въ безводной степи.

Игорь былъ въ плѣну недалеко отъ моря, какъ намекаетъ толкованіе бояръ о томъ, что два солнца и два мѣсяца погрузились въ морѣ, какъ въ концѣ сна Святослава: къ синему морю понеслись коганя, или вороны.

Море же выпускаетъ, такъ сказать, въ полночь своимъ шумомъ и мглами Игоря изъ плѣна. Побѣгъ изображенъ необыкновенно живо и какъ-то необычно стремительно, что выражается и въ слогѣ: здѣсь видимъ нѣсколько перемѣнъ въ стихосложеніи:

Игорь спитъ, Игорь бдитъ...
Стукну земля, Въшумѣ трава

или:

Прысну море полунощи,
Идутъ сморци мьглами...
Комонь въ полуночи—
Овлуръ свисну за рѣкою;
Князю Игорю не быть.

Далѣе идетъ растянутое изложеніе. Но подробности побѣга воспроизведены съ большимъ вниманіемъ. Конечно, въ тѣ времена это были самыя животрепещущія новости,

Изложеніе оживляется разговорами Игоря съ р. Донцомъ, Гзака съ Кончакомъ. Въ разговорѣ съ Донцомъ вставленъ эпизодъ о смерти юноши князя Ростислава въ р. Стугнѣ. Это эпизодъ изъ временъ Владиміра Мономаха. Авторъ Слова несчастіемъ знаменитаго побѣдителя половцевъ, какъ будто хотѣлъ оправдать несчастнаго Игоря. Припѣвомъ къ этому печальному эпизоду является обычный въ Словѣ припѣвъ: „Уныша цвѣты жалобою и древо ся тугою къ земли прѣклонило“. Природа Донца, его луговъ, богатыхъ всякой птицей, воспроизведена необыкновенно живо. Первоначальный грозный характеръ поэмы, съ ужасами природы, оканчивается теплотой, весельемъ, примиреніемъ. Даже Гзакъ съ Кончакомъ, преслѣдуя Игоря, задумываютъ женить его сына па половчанкѣ. Интересно что и выше, послѣ пораженія половцевъ, авторъ Слова вывелъ этихъ двухъ половецкихъ героевъ: Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ, Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону великому. Очевидно въ воображеніи автора, при сложеніи поэмы, было нѣсколько ос-

новныхъ лицъ, основныхъ эпизодовъ, которыми онъ и пользовался для развитія поэмы, для объединенія ея отдѣльныхъ частей. Кіевъ, его пѣвцы, князья, далекій югъ (Тьмуторокань, Корсунь, море), Кавказъ и Новгородъ на сѣверѣ, Игорь, Ярославна и ихъ враги—Гзакъ съ Кончакомъ—вотъ основные мотивы Слова о П. И. Самое расположеніе поэмы слѣдуетъ по пути, намѣченному старыми пѣвцами, прославлявшими князей, или оплакивавшими ихъ пораженія, ихъ смерть. Заключая поэму, авторъ Слова снова обращается къ Бояну: Рекъ Боянъ исходъ сына Святославля Ольга,—вѣроятно во время его невольнаго изгнанія за море, поточенія на Родосѣ, когда земля оставалась безъ князя, какъ Русская земля безъ Игоря:—„тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы“.

Свѣтлымъ, веселымъ привѣтствіемъ возвращающагося Игоря заканчивается Слово, съ здравицей князьямъ. Пѣвецъ Слова привѣтствуетъ своего героя въ Кіевѣ. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святѣй Богородицѣ Пирогощей. Ранѣе авторъ Слова упоминалъ уже о привозѣ тѣла тестя Святополка къ святой Софіи Кіевской. Вѣроятно, св. Софія была мѣстомъ погребенія князей, какъ и Десятинный храмъ, Между тѣмъ какъ Пирогощая, св. Николай на Подолѣ (повѣсть о плѣнномъ половчинѣ) служили прибѣжищемъ спасавшихся изъ плѣна.

Въ Словѣ рѣдко можно встрѣтить одно предложеніе, которое бы не соотвѣтствовало какому либо другому. Такъ и выраженіе „Пѣти слава Игорю Святъславлича“ отвѣчаетъ началу поэмы: „Пѣти было пѣснь Игореви, того (Ольга) внуку“. Заключительныя слова Пѣсни „Князем слава а дружинѣ Аминь“ толкуются различно. Нѣкоторые изслѣдователи считаютъ аминь приписаннымъ позднѣйшими переписчиками. Однако и въ народной поэзіи встрѣчаемъ заключеніе аминемъ, поэтому мы думаемъ, что аминь принадлежитъ еще автору Слова.

Изъ представленнаго содержанія выяснилось и мѣсто происхожденія Слова и личность его автора. Несомнѣнно, что Слово о Полку Игоревѣ кіевскаго происхожденія, и авторомъ его могъ только быть кіевлянинъ. Онъ видѣлъ Игоря Святославича въ Кіевѣ, можетъ быть и запомнилъ его на дорогѣ къ Пирогощей. Автору кіевлянину были близки и дороги интересы всей Руси, всѣхъ ея земель и княжествъ. Здѣсь въ Кіевѣ, гдѣ вѣчно провѣрялись права князей на велико-княжескій столъ, гдѣ возникла лѣтопись и жили устныя преданія о старинѣ, гдѣ разливались историческія пѣсни, только и могло явиться выдающееся произведеніе древнерусской литера-

туры,—Слово о Полку Игоревѣ. Оно стоитъ рядомъ съ трудами Нестора, Иларіона, Владиміра Мономаха, и друг. Авторъ нигдѣ не отмѣтилъ своей личности, и никто въ древнерусской письменности не сохранилъ его имени, какъ случайно сохранили лѣтописи и другіе памятники имена Даніила Заточника, Кирилла Туровскаго и др, Но Слово о Полку Игоревѣ не простая пѣсня. Это произведеніе стараго русскаго литератора. Едва ли мы можемъ признать въ немъ духовное лицо, не говоря уже о монахѣ. Можно гадать, что этотъ дружинный поэтъ жилъ при княжескомъ дворѣ въ Кіевѣ, бывалъ и у другихъ князей. Мы можемъ смѣло сказать, что это былъ одинъ изъ тѣхъ княжескихъ дьяковъ, которые вносили въ лѣтописи живыя свѣдѣнія о походахъ, знали и красивыя выраженія, умѣли къ мѣсту употребить народную или книжную пословицу. „Отніе мужи", дававшіе похвалы мужественнымъ князьямъ послѣ удачныхъ походовъ, по южнымъ лѣтописямъ, умѣли, конечно, цѣнить живое Слово поэта, какимъ былъ, по словамъ нашего автора, предшественникъ его „вѣщій Боянъ". Что это былъ не книжникъ, не начетчикъ, не школьный авторъ, видно изъ упоминаній Слова о пѣсняхъ о славѣ, какъ о пѣснѣ князьямъ. Повидимому, нанося Слово на хартію, авторъ его не зналъ, какъ назвать: книжнымъ ли Словомъ, повѣстью, или просто славной пѣснью. Онъ пробовалъ разные размѣры, переходилъ отъ прозаической рѣчи, украшенной лѣтописной повѣсти къ пѣснѣ и, увлекаясь послѣдней, создавалъ новое, незнакомое намъ въ другихъ образцахъ, художественное произведеніе. Гдѣ такія обращенія къ князьямъ личныя, возбуждающія, волнующія сердца и мысли участниковъ всѣхъ этихъ безконечныхъ движеній русскихъ дружинъ съ князьями по Руси и по степямъ? Гдѣ такое знаніе всего перечувствованнаго въ походѣ, пережитаго княжимъ мужемъ, дружинникомъ, народомъ, поглощеннымъ военными безпокойствами, отсутствіемъ обезпеченныхъ условій земледѣльческой и торговой дѣятельности?

Раздѣляя со всякимъ удалымъ княземъ стремленіе „поискать путей отцовъ и дѣдовъ", „либо добыть копьемъ, либо сложить голову", авторъ Слова о П. И. умѣрялъ этотъ безразсудный, нерѣдко, пылъ князей—рыцарей мудрыми соображеніями о единеніи силъ русскихъ земель противъ поганыхъ степняковъ, противъ иноземныхъ нападеній. Этотъ идеалъ лучшихъ людей XI—XII вѣковъ, извѣстный намъ и по нѣкоторымъ сказаніямъ и по житіямъ святыхъ, и по поученіямъ, былъ для удѣльной эпохи опорой въ года несчастій. Таковъ политическій идеалъ автора Слова.

Конечно, это — не былъ князь, въ родѣ писателя Владиміра Мономаха; скорѣе всего — это былъ дружинникъ, которому и принадлежитъ живое слово: „а мы уже дружина жадни веселія“. Этимъ веселіемъ, при всѣхъ несчастныхъ событіяхъ, изображаемыхъ въ Словѣ, характеризуются и Боянъ, и авторъ, восхищающійся звономъ славы въ Кіевѣ, молодецкой соколиной охотой, богатствомъ и красотой женъ, князей и бояръ, почетомъ отъ европейскихъ иностранцевъ, какъ Греки, Нѣмцы и Итальянцы, — отъ чего отворачивался древне-русскій нравоучитель и подвижникъ. Авторъ Слова сочувствовалъ горю народа отъ тягостей войны, но трепеталъ при представленіяхъ объ удачѣ въ походѣ, о добычѣ золота, серебра, тканей Цареграда и Востока. Это было старинное влеченіе еще язычника Святослава, или тотъ идеалъ безпокойной княжеской дружины, спорившей и съ князьями, и между собой изъ-за раздѣла добычи.

Таковъ нравственный идеалъ автора Слова о Полку Игоревѣ. Но онъ былъ и христіанинъ, вѣрившій въ Божію помощь, въ значеніе цареградскихъ святынь, вывезенныхъ въ Кіевъ, какъ икона Пирогощая (такъ и въ Печерскомъ Патерикѣ прославляются святыни Цареграда и даже Рима), въ заступленіе кіевскихъ святынь, къ которымъ прибѣгалъ новгородъ—сѣверскій князь. Какъ же уживалась въ его вѣрованіяхъ мысль о старыхъ языческихъ божествахъ? Было ли это то двоевѣріе, которое невольно возникало въ опасныхъ положеніяхъ еще нетвердаго, односторонняго мечтателя о цѣнѣ оружія, коня, силы въ переѣздѣ, въ отношеніи къ дикимъ степнякамъ. Этотъ мечтатель имѣлъ часто такого товарища, какъ сыроядецъ—половецъ и не имѣлъ еще времени воспринять и разобраться въ вѣрованіяхъ, унаслѣдованныхъ отъ отцовъ и дѣдовъ и раздѣляемыхъ степнякомъ. Но былъ и другой путь примиренія старыхъ вѣрованій съ внѣшнимъ отношеніемъ къ христіанству и духовенству —это собственныя пѣсни или народныхъ пѣвцовъ, или дружинныхъ, шедшія изстари. Наконецъ, можно предположить, что нашъ авторъ воспользовался такъ сказать обломками стараго эпоса для построенія своего произведенія. При всей неопредѣленности общественнаго положенія нашего автора можно гадать, что ему было мѣсто въ княжескомъ теремѣ, или въ шатрахъ при попойкахъ, сопровождавшихся всякою музыкой и потѣхами стараго русскаго князя и его дружины. Авторъ зналъ и женскія пѣсни, оплакивающія погибшихъ на войнѣ, или сопровождающіяся веселымъ позваниваніемъ золота.

Когда Слово о П. И. попало въ книгу, оно должно было украситься правычными образцами „повѣсти слова“. Гдѣ искать этихъ образцовъ?. Когда мы читаемъ византійскихъ историковъ и хронографистовъ, излагавшихъ и поэтическимъ стилемъ, мы находимъ соотвѣтствія въ мѣткихъ выраженіяхъ Ромейскихъ полководцевъ (напр. напоить коней Ефратомъ“ по Малалѣ), въ библейскихъ уподобленіяхъ и даже въ голяровскихъ пріемахъ. Однако цѣльной поэмы мы не находимъ ни въ византійской (указывали Слово о Дигенисѣ), ни въ южно-славянской литературахъ. Во всякомъ случаѣ, авторъ читалъ переводную литературу (хотя бы повѣствовательную) и, конечно, лѣтописную свою. Недаромъ онъ назвалъ свою пѣсню—„Словомъ, повѣстью и отличилъ ее отъ пѣсней Бояновыхъ.

Книжное происхожденіе Слова о П. И. проявилось въ складѣ его, въ размѣщеніи частей Слова, разнообразныхъ, не подчиняющихся обычному складу повѣствованій объ одномъ походѣ и его подробностяхъ. Это какъ будто цѣлая поэтическая лѣтописная повѣсть, стремящаяся вставить въ сказаніе о событіяхъ Новгородъ-сѣверской земли подходящія событія другихъ княжествъ. Если сказанія или пѣсни объ этихъ послѣднихъ существовали отдѣльно, то автору Слова принадлежитъ заслуга объединенія ихъ, пріуроченіе къ одному плану. Объединеніе это совершалось съ помощью запѣвовъ, припѣвокъ, книжныхъ переходовъ отъ одной части сочиненія къ другой.

Обратимся теперь къ *литературной исторіи Слова* о Полку Игоревѣ. Когда мы изучаемъ древне-русскія поученія, житія святыхъ, путешествія, лѣтописныя сказанія, или такой памятникъ русской литературы, какъ Слово Даніила Заточника, то мы отыскиваемъ прежде всего связь этихъ памятниковъ съ греческой византійской и южно-славянской литературами, или съ подобными же произведеніями собственно-русской литературы. Путемъ такихъ научныхъ разысканій источниковъ и вліяній въ области развитія русской письменности устанавливается любопытная литературная исторія русскихъ поученій, житій св., путешествій, сказаній. Такъ мы знаемъ, что въ поученіяхъ Кирилла Туровскаго отражаются не только пріемы Златоустовскихъ словъ, но и позднѣйшихъ византійскихъ писателей; въ сочиненіяхъ Нестора и другихъ жизнеописателей русскихъ святыхъ видны очевидныя подражанія греческимъ житіямъ святыхъ, заимствованія изъ южно-славянскихъ переводовъ; въ общихъ мѣстахъ лѣтописей указываются выдержки изъ греческихъ переводныхъ хронографовъ, и т. д. Совсѣмъ другая поста-

новка дѣла представляется въ вопросѣ о происхожденіи Слова о Полку Игоревѣ, его литературныхъ источникахъ. Выводить происхожденіе Слова изъ какихъ-нибудь переводныхъ или болѣе—менѣе оригинальныхъ произведеній византійской, южно-славянской или русской литературы—значитъ прежде всего строить гипотезу, и такихъ гипотезъ накопилось нѣсколько въ научномъ изученіи Слова. Упомянемъ, хотя о нѣкоторыхъ. По мнѣнію однихъ, Слово о Полку Игоревѣ вытекаетъ изъ предшествующихъ пѣснопѣній Бояна и ему подобныхъ княжескихъ пѣвцовъ; по мнѣнію другихъ, авторъ нашего Слова воодушевился къ своему труду византійскими и южнославянскими повѣстями и стихотвореніями, заимствовавши изъ нихъ многія подробности; наконецъ, по мнѣнію многихъ изслѣдователей, Слово представляется самобытнымъ произведеніемъ, рядомъ съ которымъ могли даже существовать другія подобныя произведенія, не дошедшія до насъ, связанныя съ русской народной поэзіей и отчасти съ древне-русской литературой. Можно бы пожалуй упомянуть еще о гипотезѣ историка Погодина, по которой Слово о Полку Игоревѣ и подобныя ему произведенія обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію скандинавскихъ сагъ. Погодинъ, однако, не могъ представить убѣдительныхъ доказательствъ, подтверждающихъ его гипотезу. Одно остается прочнымъ—это послѣдующее вліяніе Слова и Полку Игоревѣ на поэтическія сказанія о Задонскомъ бою, или о Мамаевомъ побоищѣ; но мы далѣе соединимъ всѣ крупные и мелкіе факты вліянія Слова о Полку Игоревѣ. Теперь же отмѣтимъ соотвѣтствія нашему Слову въ греческой литературѣ, придерживаясь переводныхъ памятниковъ. Мы бы ожидали соотвѣтствія Слова о Полку Игоревѣ съ военными повѣстями греческихъ хронографовъ, повѣстей; но всѣ совпаденія въ этомъ отношеніи ограничиваются отдѣльными выраженіями. Такъ у Константина Манассіи въ его поэтической хроникѣ находимъ выраженіе—поить коней ефратскими струями, у Малалы—Веспасіанъ „пріимъ умъ своею крѣпостію и ста крѣпко исполчився, пришедше нощію предъ зорями“ (рукопись XV в. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ 421—422).

Въ русскомъ переводѣ Іосифа Флавія Е. В. Барсовъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ отмѣтилъ много выраженій, сходныхъ съ Словомъ о П. И. и съ лѣтописями: „подъострите души ваша на мьсти, исполнившеся ратнаго духа, акы родившеся съ оружіемь, акы на сводьбу течаху, а не на рать, акы волове образомъ подобни туромъ, падающа акы снопы съ забрала“. Снегиревъ въ 1888 г. и за нимъ Тихоправовъ, отмѣтили образъ многоочитыхъ перстовъ въ апокри-

фическомъ Словѣ о пророцѣхъ: „пущу слово мое на землю да спасу люди отъ льсти сотонины, емуже глаголаше Давидъ сѣдя въ преисподнѣмь адѣ, накладая многоочитая персты на живыя струны, а вспоемъ пѣснь тихіа и веселыя дружина моя". Даже въ Библіи (I кн. Царствъ, XIX, 10) находимъ представленіе царя Давида, пѣвшаго руками". Акад. А. Н. Веселовскій въ изслѣдованіи о Соломонѣ и Китоврасѣ (1872 г., 233 стр.) привелъ интересное сближеніе апокрифа о Соломонѣ съ Словомъ о П. И.: „когда донесли Соломону, что царица его увезена вмѣстѣ съ гробницею, онъ растужился и падъ на землю, и полетѣ по поднебесью яснымъ соколомъ и не нашелъ подъ небеснымъ облакомъ, и поиде по землѣ лютымъ звѣремъ и нигдѣ не обрѣте, и поплы щукою въ море, и не нашелъ". См. Слово о П. И. (объ Игорѣ): „поскочи горностаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду, въвръжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами избивая гуси и лебеди, завтроку и обѣду и ужинѣ". Тамъ же превращеніи Всеслава (Всеславъ князь людемъ сюдяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше), и Вольга Всеславьевича въ былинахъ. См. Benfey: Pantschatantra. I, § 167.—Прибавимъ еще выдержки изъ переводнаго романа объ Александрѣ Македонскомъ по русскимъ спискамъ: „солнце, съжаливси о бывшихъ и не могый зрѣти толика зла пооблачися, сѣчи же велицѣ бывши", „оставите мя сице на былыи повръжена и вздыхати на жестокую часть"; „съ потомъ и трудомъ покоряюще"; „убилъ бяше на полку", и пр.. Акад. Пыпинъ въ Исторіи Русской Литературы (I т., 442 стр.) отмѣтилъ слѣдующія соотвѣтствія Слова о П. И. съ апокрифическими словами: „восцоемъ, дружино, пѣсньми днесь, тугою сердце тѣшать, емуже Адаму глаголаше Давидъ, во преисподнемъ адѣ сѣдя, накладая очитыя перьсты на живыя струны". И проф. В. Ѳ. Миллеръ, пытавшійся самый сюжетъ Слова возвести къ византійскимъ повѣстямъ, ограничился указаніемъ аналогій между Словомъ и византійской повѣстью о Девгеньѣ. Повидимому наше Слово не повѣсть, не книжное сказаніе, а народная пѣсня. И это справедливо, какъ увидимъ далѣе, но опять таки въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, образахъ, даже, допустимъ, въ слившихся пѣсняхъ объ отдѣльныхъ событіяхъ, лицахъ, въ цѣльное Слово объ опредѣленномъ событіи. Книжные элементы Слова однако очевидны, начиная съ заглавія—„Слово о плъку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова", до вступленія, пересказывающаго пѣсню, или придѣланнаго къ дальнѣйшимъ пѣснямъ.

Въ самомъ планѣ и въ изложеніи Слова нѣтъ обычныхъ сухихъ переходовъ, въ родѣ „но мы здѣ оставимъ и на предняя возвратимся“, или выраженій смиренія, самоуничиженія. И только второй приступъ къ Слову—„почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, иже истягну умь крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Русьскую“—не заключаетъ въ себѣ никакого поэтическаго склада, отражая пріемы древне-русскаго книжника. И далѣе встрѣчаемъ такіе книжные пріемы соединенія пѣсенныхъ элементовъ Слова. Рука книжника въ дошедшемъ до насъ текстѣ Слова несомнѣнна. Это былъ писатель, начитанный въ лѣтописяхъ, въ хронографахъ и вообще въ славяно русской переводной литературѣ. Едва ли можно удовлетвориться такимъ предположеніемъ, что Слово было только записано изъ устъ пѣвцовъ. Вчитываясь въ него, мы видимъ болѣе искусную руку, чѣмъ руку записывателя, комментатора, и должны согласиться, что это былъ авторъ, воспользовавшійся самыми разнообразными матеріалами, между прочимъ книжными выраженіями, пріемами. Интересно привести еще соотвѣтствія выраженій Слова о П. И. съ подобными же выраженіями древне-русской литературы, исключая лѣтописи, съ которыми, конечно, такихъ совпаденій еще болѣе. Въ поученіяхъ и словахъ древне-русскихъ проповѣдниковъ находимъ слѣдующія параллели: „и приложа главу“ (Лука Жидята + 1059); „рати бо належащи и трубѣ воиньстѣй трубящи ... они за тщую славу и изгыбающую не помнять ни жены, ни дѣтей, ни имѣніа; да что мню имѣніе, еже есть хуже всего, но и главы своея ни въ чтоже помнять, дабы имъ не посрамленымъ быти“ (Ѳеодосій Печерскій + 1074); „великаго кагана нашея земля Владимера, внука стараго Игоря, сына же славнаго Святослава, иже въ своя лѣта владычествующа, мужьствомъ же и храборьствомъ прослуша въ странахъ многихъ и поминаются нынѣ и словуть“ (Иларіонъ митр. + 1054 г.); „якоже историци и вѣтія, рекше лѣтописци и пѣснотворци прикланяють свои слухи въ бывшая межи цесари рати и ополченія, да украсять словесы“ (Кириллъ Туровскій + 1194 г.?); „крилѣ възлетѣша ... и мытятся яко ястреби, и попавлѣются яко орли възвышаются въ облакы“ (Слово до—монгольск. времени „о князьяхъ“ проф. Никольскій); „выперивше крилѣ оумнѣи възлѣтѣвше разумомъ отъ видимыхъ сихъ... и мытетсе яко орли вьсходеть отъ мира и вьзвышаютсе вь облакы не оуловлени будуть, таковіи сребролюбными сѣтми простертыми по земли„ (Слово Иларіона къ брату

столпнику); въ житіи Θеодосія, написанномъ Несторомъ: „окрилатѣвъ же умомъ устремися къ пещерѣ“, „свѣтила три суща въ пещерѣ разгоняща тьму бѣсовьскую молитвою и алканіемъ“ (Антоній, Θеодосій и Никонъ), „часто уже зорямъ въсходящемъ“ „устремишася на ня акы звѣріе дивіи“, „не лѣпо намъ братіе“, „овогда же въ рѣьчьныя струя въврѣщи“, „лѣпо бы намъ, братіе, надежю имѣти“ (часто), „великый же Никонъ видѣвъ таковое съмятеніе въ князихъ суще отъиде“, „въ суботу по взитіи солнца.. и дни освитающу“, „и се бо по съмотренію божію пооблачилося небо и съниде дождъ, то же ти тако разбѣгошася и абне паки дождь преста и солнце въсія“, „обаче уже мы многыими указаніи о семь сътворивъше повѣсть сьде да ставимъ слово“, „и отъ многа мала въписахъ на славу и честь великому Богу и аминь“, Въ житіи Авраамія Слиленскаго интересно выраженіе: „безчиннымъ попомъ, яко воломъ рыкающимъ“. Въ переводныхъ словахъ встрѣчаемъ подобныя же выраженія: „славію нѣкоему велегласну подобяся наше слово“ (Ундольскаго: Славяпорус. рукоп. 416 стр.), „лѣтая мыслью подъ небесемъ, яко орелъ“. („Слово о житьи“. Извѣстія II отд. Акад. Наукъ т. 4, стр. 141); „егда бо соколъ трехъ мытей и онъ не дастъся съ гнезда (или просто: гнѣзда) своего взяти“ (Сказаніе о Акирѣ премудромъ. Сборникъ Е. В. Барсова XVIII в. самаго начала).

Къ счастію для насъ, есть еще возможность провѣрить книжный складъ Слова о П. И. сохранившимися лѣтописными разсказами о походѣ 1185 г. Мы говорили о нихъ въ главѣ о лѣтописяхъ, и теперь остановимся подробнѣе на сравненіи съ Словомъ.

До насъ дошли два лѣтописныхъ разсказа о несчастномъ походѣ на Половцевъ Игоря Святославича въ 1185 г., которые затѣмъ повторяются въ различныхъ лѣтописныхъ сводахъ и спискахъ. Это подробный разсказъ Ипатьевской лѣтописи 1185 г. и краткій Лаврентьевскій лѣтописи подъ г. 1186 (по ошибкѣ). Разсказы эти основаны на различныхъ источникахъ и отражаютъ совершенно противоположныя воззрѣнія на событія и лица.

Остановимся прежде всего на краткомъ разсказѣ Лаврентьевской лѣтописи. Знаменіе въ солнцѣ 1 мая поставлено здѣсь отдѣльно отъ похода Игоря: „страшно бѣ видѣти человѣкомъ знаменье Божіе“. Ипатьевская лѣтопись, согласно съ Словомъ о П. И., представляетъ не описаніе небеснаго знаменія, а разговоръ по поводу его Игоря Святославича съ дружиной. Замѣчательно, что, какъ въ Словѣ,—„тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце“, такъ и въ Ипатьевской лѣтописи—„Игорь же воззрѣвъ на небо и видѣ солнце“.

Интересно замѣтить, что это знаменіе навело страхъ по всей древней Руси, какъ свидѣтельствуютъ иныя замѣчанія новгородскихъ лѣтописей. Послѣ отдѣльной замѣтки о затмѣніи Солнца въ Лаврентьевской лѣтописи начинается разсказъ о походѣ: „Того же лѣта здумаша Олгови внуци на половци“ (въ варіантахъ—Ольговичи). Вообще Лаврентьевская лѣтопись имѣетъ самостоятельное отношеніе къ Слову, помимо Ипатьевской, что указываетъ на два самостоятельныхъ источника. Таково это выраженіе „Олгови внуци, Ольговичи“, какъ въ Словѣ „Ольговичи и храбрыи Князи доспѣли на брань“. Не даромъ въ Словѣ отведено такое видное мѣсто Олегу—дѣду героя и его сподвижникамъ. Далѣе въ Лаврентьевской лѣтописи слѣдуютъ такія подробности, которыхъ нѣтъ въ Ипатьевской. Ольговичи похваляются: „мы есмы ци не князи же пойдемъ такы же собѣ хвалы добудемъ“. Это величаніе Ольговичей, которое порицаетъ лѣтописецъ, выражается и въ слѣдующей рѣчи князей послѣ одержанной побѣды надъ половцами; „братья наша ходили съ Святославомъ в. кн. и бились съ ними зряче на Переяславль, а они сами къ нимъ пришли, а въ землю ихъ не смѣли по нихъ ити; а мы въ земли ихъ есмы, и самѣхъ избили, и жоны ихъ полонены и дѣти у насъ; а нынѣ пойдемъ по нихъ за Донъ и до конця избьемъ ихъ, оже ны будеть ту побѣда, идемъ по нихъ у луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣди наши, а возьмемъ до конца свою славу и честь.. а не вѣдуще Божья строенья“,—поучительно прибавляетъ лѣтописецъ. Лаврентьевская лѣтопись не отмѣчаетъ движенія и переходовъ Игорева полка, но прибавляетъ лишнюю подробность о томъ, что при началѣ похода Игорь съ двумя сыновьями изъ Новогорода сѣверскаго, Всеволодъ изъ Трубѣча, Святославъ изъ Рыльска и Черниговская помочь собрались (сняшася) у Переяславля; далѣе весь разсказъ о дѣйствіяхъ полковъ развивается въ неопредѣленныхъ границахъ „земли Половецкой“. По Ипатьевской лѣтописи Игорь изъ Новгорода сѣверскаго идетъ прямо къ Донцу. Лаврентьевская лѣтопись, въ разсказѣ о походѣ Игоря, отражаетъ какія—то эпическія черты: три дня князья стоятъ на вежахъ, послѣ первой побѣды, веселящеся: три дня бьются стрѣлци съ Половцами, пока не приходитъ многое множество половцевъ, которые и побѣдили „нашихъ“, какъ выражается суздальскій лѣтописецъ, сердцу котораго было близко это несчастіе „нашихъ“. Едва ли необходимо упрекать этого лѣтописца въ нерасположеніи къ сѣверскимъ князьямъ. Онъ писалъ по чужимъ разсказамъ и выразилъ свой взглядъ на несчастный походъ Игоря, какъ на Божіе попущеніе на „нашихъ“. До лѣтописца суздальскаго

дошли по слухамъ нѣкоторыя подробности похода, например о томъ, что наши „изнемогли бо ся бяхуть безводьемъ и кони, и сами въ зпои и въ тузѣ“. Черта эта повторяется и въ плачѣ Ярославны: „въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче“. Этой подробности нѣтъ въ Ипатьевской лѣтописи. Такъ точно и похвальба Ольговичей находитъ соотвѣтствіе въ Словѣ: нъ рекосте: мужаѣмся сами, переднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ“. Быть можетъ, погибель князей и дружины отъ похвальбы отъ величанья, по Лаврентьевской лѣтописи, можно разсматривать, какъ эпическую черту. Лѣтописецъ представляетъ и ужасъ князей, когда къ нимъ подступило множество половцевъ. Нельзя не отмѣтить здѣсь кромѣ эпическаго мотива, какой передается и въ былинѣ о гибели богатырей, силу того впечатлѣнія, какая выразилась въ лѣтописныхъ сказаніяхъ юга и сѣвера о походѣ 1185 г. Краткій разсказъ Лаврентьевской лѣтописи о походѣ Игоря дополняется краткимъ и сочувственнымъ упоминаніемъ лѣтописца о возвращеніи изъ плѣна Игоря: „и по малыхъ днехъ ускочи Игорь Князь у Половець; не оставитъ бо Господь праведнаго въ руку грѣшничю“.

Переходя къ подробному рассказу о походѣ Игоря въ Ипатьевской лѣтописи мы отмѣтимъ не только отношеніе его къ Слову о П. И.; но и остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ похода, напримѣръ на топографіи Слова и Лѣтописей. Разсказъ Ипатьевской лѣтописи представляетъ живое, подробное и искусстно составленное сказаніе. При всемъ различіи со Словомъ, въ Сказаніи Ипатьевской лѣтописи нельзя не видѣть нѣсколькихъ общихъ чертъ. Сравнимъ эти мѣста. Мы уже упоминали объ одинаковомъ разговорѣ князя съ дружиной по поводу затмѣнія. Въ самомъ началѣ сказанія упоминается Святославичъ Игорь, внукъ Ольговъ, какъ въ Словѣ о П. И.: Слово о плъку Игоревѣ, Игоря святъславля, внука Ольгова, храбрая Святъславличи, оба есвѣ Святъславличя и др. По лѣтописи, послѣ рѣшенія „какъ дастъ Богъ“, потому что „не бившися возворотитися сbooromъ ны будетъ пуще и смерти“ Игорь ѣдетъ черезъ ночь, а заутра, же пятъку наставшу усрѣтоша полкы Половецкія, по Слову: Игорь къ Дону вои ведетъ... ночь меркнетъ... съ зараніа въ пятъкъ потопташа полкы Половецкія. Выраженіе „Игорь поѣха“ одинаково употребляется въ лѣтописи и въ словѣ. Одинаково разсказывается о возвращеніи Игоремъ побѣжавшихъ полковъ въ несчастной битвѣ и о его горести въ рукахъ половцевъ при видѣ боровшагося брата его Всеволода: Игорь плъкы заворочаѣтъ; жаль бо ему мила брата Всеволода“; ср. въ лѣтописи: „дер-

жимъ же Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко да бы не видѣлъ паденія брата своего". Такъ точно совпадаютъ слова в. кн. Святослава, услышавшаго о пораженіи Игоря, и произнесшаго по лѣтописи: „о люба моя братья и сынове и мужѣ землѣ Русскоѣ, не воздержавше уности отвориша ворота на Руськую землю"— сь рѣчью его въ Словѣ: „о моя сыновья.. рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую пролiясте.., се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ". Наконецъ можно сравнить описаніе распри Рюрика и Давыда съ другими князьями, положеніе Володимера Глѣбовича, упоминаніе о городѣ Римовѣ и отчасти описаніе возвращенія Игоря изъ плѣна. Но нельзя забывать при этомъ, что между лѣтописнымъ сказаніемъ и Словомъ о П. И. замѣчается и значительное отличіе, такъ что можно согласиться съ извѣстнымъ мнѣніемъ (Бестужева—Рюмина и др.) о независимомъ происхожденіи всѣхъ трехъ сказаній: двухъ прозаическихъ лѣтописныхъ и поэтическаго сказанія слова.

Сказаніе Ипатьевской лѣтописи даетъ важныя фактическія свѣдѣнія о движеніи Игорева полка, чего не находимъ ни въ Лаврентьевской, ни въ Словѣ о П. И. Остановимся на этомъ движеніи Игорева войска и на топографическихъ подробностяхъ, упоминаемыхъ Сказаніемъ и Словомъ. Итакъ Игорь,—князь Новгородъ-Сѣверскій, вмѣстѣ съ братомъ Всеволодомъ изъ Трубецка. съ сыновцемъ (племянникомъ) Святославомъ Ольговичемъ изъ Рыльска, съ сыномъ Владиміромъ изъ Путивля и съ Черниговской помочью (изъ Ковцевъ),—двинулся изъ Новагорода 23-го апрѣля, во вторникъ, къ Донцу рѣкѣ. 1-го Мая, по всѣмъ лѣтописямъ слѣдуетъ солнечное затмѣніе, слѣдовательно прошла недѣля, какъ выступили въ походъ: „идяхуть тихо, сбираюче дружину свою; бяхуть бо у нихъ кони тучни вельми, и еще не подошли къ рѣкѣ Донцу". Затѣмъ слѣдуетъ переходъ черезъ Донецъ и прибытіе къ Оскову, гдѣ Игорь ждетъ брата Всеволода изъ Курска (тотъ бяше шелъ инѣмь путемь) два дня. Не встрѣчая еще половцевъ идутъ къ Сальницѣ. Черезъ ночь въ пятницу встрѣчаютъ наконецъ полки половецкіе на берегу р. Сюурлія. Переѣхавъ рѣку Сюурлій погнались за половцами, обололись добычей и заночевали, а утромъ въ субботу были осаждены множествомъ половцевъ, спѣшились и стали отступать къ р, Донцу. Чтобы возвратиться, русскіе шли такъ всю ночь. Утромъ, въ воскресенье Ковуи обратились въ бѣгство, Игорь попалъ въ плѣнъ и почти весь полкъ былъ избитъ на р. Каялѣ; убѣжало только 15

мужей, „прочіи же въ морѣ истопоша“. Такъ повѣствуетъ Ипатьевская лѣтопись. Лаврентьевская же лѣтопись говоритъ только о томъ, что Игорь вышелъ въ землю Половецкую изъ Переяславля, но это соединеніе князей въ Переяславлѣ едвали справедливо. Вѣрнѣе, что Игорь двигался изъ Новгорода сѣверскаго, придерживаясь правой стороны Донца, а Всеволодъ изъ Курска шелъ по лѣвой сторонѣ. У Оскола, впадающаго въ Донецъ съ лѣвой стороны, Игорь соединился съ Всеволодомъ, переправившись предварительно черезъ Донецъ. Здѣсь уже начиналось поле половецкое. Слово, начиная повѣсть объ Игорѣ, говоритъ прежде всего о знаменіи 1-го мая. Затѣмъ Игорь ждетъ мила брата, при чемъ комони ржутъ за Сулою, звенитъ слава въ Кыевѣ, трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ; но Всеволодъ съ курянами напереди. Выходитъ, что Игорь еще въ Новѣградѣ, гдѣ трубятъ трубы. Вступилъ Игорь въ златъ стремень, и снова рѣчь идетъ о знаменіи. Игорь къ Дону вои ведетъ. Затѣмъ въ Словѣ упоминается уже только „поле“ и рѣка Каяла у Дону великаго, да море. Далѣе. по Ипатьевской лѣтописи, опять точно описывается путь возвращенія Игоря; перейдя р. Торъ, онъ направился къ городу Донцу и шелъ до него 11 дней. Отсюда уже Игорь прибылъ въ свой Новгородъ, затѣмъ въ Черниговъ и въ Кіевъ. Слово поэтически передаетъ, какъ князь Игорь выбирается отъ половцевъ: „Овлувъ свисну за рѣкою“, что въ Ипатьевской лѣтописи передано подробно, „И посла Игорь къ Лаврови конюшаго своего река ему: переѣди на ону сторону Тора съ конемь поводнымь“. Въ словѣ нѣтъ города Донца и переѣздовъ Игоря, а есть только разговоръ съ Донцомъ, и Игорь ѣдетъ по Боричеву въ Кіевѣ. Въ дополненіе къ этому болѣе подробному обозначенію похода и возвращенія Игоря прибавимъ о топографіи рѣкъ Сальницы, Сюурлія и Каялы. Въ опредѣленіи этихъ рѣкъ мнѣнія противорѣчивы. Надо имѣть въ виду, что эти рѣки, или нѣкоторыя изъ нихъ могли пересохнуть, какъ Сновь (притокъ Десны). Сальница упоминается еще въ книгѣ Большого чертежа между рѣкой Изюмомъ и Изюмцемъ, которыя впадали въ сѣверный Донецъ подъ Изюмскимъ Курганомъ. Сальницу не слѣдуетъ смѣшивать съ Торомъ, какъ дѣлаютъ Барсовъ, Аристовъ и Багалѣй. Сюурлій, какъ и Сальница—правые притоки Сѣвернаго Донца, тогда какъ Осколъ впадаетъ слѣва въ Донецъ. Каялу принимаютъ: одни за Калміусъ, другіе за Кальчикъ или Яму.

Кромѣ непосредственнаго отношенія Слова о П. И. къ лѣтописямъ по описанію похода 1185 г., по описаніямъ событій и лицъ, упоминаемыхъ въ Словѣ, можно открыть много другихъ точекъ

соприкосновенія въ литературномъ отношеніи между Словомъ и лѣтописями, которыя отчасти были намѣчены нами при изложеніи народной поэзіи (Введеніе и Приложенія) и при характеристикѣ лѣтописей. Здѣсь можно отмѣтить черты поэтическаго, пѣсеннаго языка въ лѣтописяхъ (особенно въ Галицко-Волынской, хотя они встрѣчаются и въ Начальной лѣтописи и даже въ Новгородской). выдержки изъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ, общія черты въ упоминаніяхъ объ языческихъ вѣрованіяхъ, о древнѣйшихъ князьяхъ X—XI вв. въ лѣтописныхъ разсказахъ XII—XIII вв., о рѣкѣ Дунаѣ и проч. Еще Срезневскій (Извѣстія И. Академіи Наукъ 1888 г., VI т.) въ изслѣдованіи о Задонщинѣ привелъ много мѣстъ изъ лѣтописей, отличающихся поэтическимъ изложеніемъ, напр. о смерти князей („кую похвальную память мою вижу, яко младая моя память желѣзомъ погыбаетъ, и тонкое мое тѣло увядаетъ“ Лавр. и Троицк.; „и бѣ видѣти слезы его лежати на скранью его, яко жемчюжная зерна“ Ипат.), о Бонякѣ и волкахъ, о Романѣ, о нашествіи татаръ. Пѣсенный складъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ характеризуется риѳмами, повтореніями, краткостью и живописностью картинъ: „ни шатра имяше, — но подкладъ постилаше, а сѣдло въ головахъ“ (972 г.), „тогда Володиміръ Мономахъ пилъ золотомъ шеломомъ Донъ“. Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, Задонщины отражаются вмѣстѣ съ Словомъ о П. И. въ лѣтописяхъ, напр: въ слѣдующемъ замѣчательномъ мѣстѣ, обратившемъ вниманіе истолкователей Слова о П. И.: „Въ лѣто 7021 (=1513 г.) бысть побоище великое подъ Оршею Москвичамъ съ Литвою. И восликаша (воскричаша) и возопиша жены Оршанки на трубы Московскія, и слышати было стуку и грому великому межу Москвичь и Литвою. И удариша Москвичи на Литву (и вдаришася Бояре и Князи Рускія). Рускія князи и бояре съ дивными удалцы Рускими сыновами на силную рать Литовскую, и треснули копья московскія и гремять мечи булатные о шеломы литовскія на поли Оршинскомъ“ (П. С. Р. Л. IV т., 290 стр.). Объ отношеніи Слова о П. И. къ Задонщинѣ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ; теперь замѣтимъ только, что это отношеніе скорѣе напоминаетъ мозаики, чѣмъ глубокое изученіе авторомъ Задонщины Слова о П. И. И не одно Слово послужило автору Задонщины для украшенія,—допустимъ даже—для развитія сюжета о Мамаевомъ побоищѣ, въ основѣ котораго лежитъ христіанское смиреніе передъ великимъ фактомъ великой битвы 1380 г.

Много бы можно было привести лѣтописныхъ выраженій, соотвѣтствующихъ Слову о П. И.; но мы ограничимся немногими:

„а лѣпо ны было, братье,.. поискати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести“ (Ипатьев. 1170 г.); „бѣ бо Тимоѳѣй в Галичѣ премудръ книжникъ, отчество имѣя во градѣ Кыевѣ, притчею рече слово о семъ томители Бенедиктѣ“ (Ип. 1205); „Выйде филя, древле прегордый, надѣяся объяти землю, потребити море, со многими Угры, рекшю ему: „единъ камень много горньцевъ избиваеть“, а другое слово ему рекшю прегордо: „острый мечю, борзый коню— много я Руси“ (Ип. 1217 г.); „начнемъ же сказати бесчисленныя рати, и великыя труды, и частыя войны, и многія крамолы“ (1227 г. Ип.); „нѣкто же отъ ляховъ, не бояринъ, ни доброго роду, но простъ сый человѣкъ, ни въ доспѣсѣ, за одинимь мятлемь, со сулицею, защитився отчаяніемь, акы твердымъ щитомъ, створи дѣло памяти достойно, потече противу татарину, (и) како стекася (сшедся) съ нимъ, тако уби татарина“ (1261 г. Ип.); „Кондратъ нача ѣздя молвити: братья моя милая Руси потягнете за одино сердце“ (1281 г. Ип.); „Литва же обѣщася ему тако створити и рькуче: „Володимире добрый княже, правдивый! можемъ за тя, головы своѣ сложити; коли ти любо, осе есмы готовы“ (1282 г. Ип.); „и нача Левъ ѣздити около города... горожаномъ грозу подавая“ (1291 г. Ип.); „о сихъ же Всеславличихъ сице есть. яко сказаша вѣдущіи преже“ (1128 г. Лавр.).

Возвращаясь къ лѣтописямъ мы отмѣтимъ еще общность міросозерцанія у автора Слова и у лѣтописцевъ. Извѣстно, что миѳологія Слова (Даждь—Богъ, Хорсъ, Велесъ, Стрибогъ, и друг.), повидимому, противорѣчитъ и общему направленію древнерусской литературы,—враждебному всему языческому, бѣсовскому,—и вѣроисповѣданію автора Слова, безъ всякаго сомнѣнія—христіанскому. Если даже не говорить о народныхъ пѣсняхъ, о народныхъ вѣрованіяхъ, въ которыхъ такъ долго жило язычество (приведемъ замѣчательное упоминаніе Харона, какъ проводника человѣческихъ душъ на тотъ свѣтъ, въ современныхъ новогреческихъ пѣсняхъ; см. напр. А. А. Дмитріевскаго: Патмосскіе очерки, стр, 250), то достаточно указать на лѣтописныя упоминанія о язычествѣ: о богахъ и мѣстахъ, на которыхъ стояли кумиры боговъ (въ Кіевѣ, въ Новгородѣ. и др.), о названіяхъ нѣкоторыхъ дней и недѣль (напр. Ипатьевская лѣтопись, 1177 г.: „пріидоша Половци на русскую землю на *русалной* недѣли“; тоже самое подъ 1174, 1195, 1262 гг.: „накапунѣ Ивана дня на самая *купалья*“, 1262 г. и друг.),—чтобы понять, какъ языческіе представленія и обряды, которые продолжали жить въ народной массѣ, находили откликъ и въ предста-

вленіяхъ древнерусскихъ книжныхъ людей (напр. у лѣтописцевъ, особенно при описаніяхъ и изображеніяхъ несчастій и необъяснимыхъ природныхъ явленій.

Лѣтописцы XI—XII вв., разсказывая о смерти в. кн. Олега (912 г.), о рожденіи полоцкаго князя Всеслава (1044 г.), высказываютъ неподдѣльное удивленіе тому, что „сбывается“ по волхвованію, по чародѣйству; подъ 1092 г. передается въ лѣтописи о томъ, какъ убиваютъ по ночамъ въ Полоцкѣ людей невидимые „навье“ на коняхъ; подъ 1109 г. въ Кіевѣ „явися на церкви Михаила златоверхаго птица незнаема величествомъ бѣ со овна и сіаше всякими цвѣты и пѣсни беспрестанно и много сладости имуще изношашеся отъ нея„ (нѣчто въ родѣ сказочной жаръ—птицы). Точно также лѣтописцы вѣрили, что „знаменья на зло“ бываютъ не только отъ солнца и звѣздъ но и отъ „птицъ“ и др. (см. подъ 1065 г.). Еще въ XV—XVI вв. въ Воскресенской и Псковской I лѣтописяхъ находимъ слѣдующіе разсказы: 1467 г. (Воскр.) о томъ, какъ выло озеро Ростовское по ночамъ, „какъ въ шестерѣ молотятъ или въ осмерѣ и напослѣ протяжено застучитъ“; 1472 г. (Воскр.) хвость великой звѣзды—„аки хвость великіа птицы распростреся“; 1567 г, (Псков.) два мѣсяца на небеси почью ударились и одинъ у другого хвость отшибъ, и пр; 1554 г. звѣзда на небѣ подобная змѣю и проч. Если подобныя „предивныя“ толкованія попадали въ монастырскія лѣтописи, то какъ же они не могли отразиться въ Словѣ о П. И., когда ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, поддерживали еще старинныя русскія пѣсни и народныя, и дружинныя.? Языческое міровоззрѣніе и въ лѣтописи; и въ Словѣ, это—дымка легенды. въ которую облекается все темное. страшное, загадочное. Естественно, что этой дымкой окуталось страшное пораженіе Игорева полка и плѣнъ всѣхъ князей въ „землѣ незнаемѣ“, въ полѣ Половецкомъ. Какъ въ Словѣ упоминаются и старый Владимиръ, и старый Ярославъ и другіе князья XI в., такъ и въ лѣтописяхъ не только замѣчательные князья возводятся къ дѣдамъ и прадѣдамъ—до Ярослава и Владимира Св. *); но и упоминаются событія и преданія изъ вре-

*) Ипатьевская 1149 г. „Начало княженія в. кн. Дюргя сына Володиміра Мономаха внука Всеволожа, правнука Ярославля, пращюра великаго Володиміра крестившаго всю землю Рускую“. Интересны эпитеты князей „Володиміръ великій, святый“, „Святославъ хоробрый“; для родословной въ словѣ о П. И. интересны и такія выраженія, какъ Святославичь Володиміръ Ярославль внукъ“.

менъ „Святослава Хоробраго“ (1264 г.) и Владиміръ и Рогнѣды (1128 г.); Полоцкій князь Всеславъ, извѣстный чародѣй, по Слову о П. И., да и по лѣтописи (1044 г.), связанный съ волхвованіемъ, упоминается подъ 1147, 1180 гг. Память о первыхъ временахъ и первыхъ князьяхъ поддерживалась не только начальной Лѣтописью и народными преданіями, но и мѣстными и вещественными памятниками: могилами (Олега, Игоря, перевѣсищами Ольги, и проч.) и „портами“ (одеждами и вооруженіемъ) первыхъ князей, „еже бяху повѣшали в церквахъ святыхъ на память собѣ“ въ Кіевѣ, подъ 1203 г.). Извѣстные припѣвы Слова о рѣкѣ Дунаѣ находятъ себѣ прекрасное объясненіе въ южныхъ лѣтописяхъ, въ которыхъ еще въ 1240 г. военныя дѣйствія татаръ простираются до Дуная, какъ раньше частые походы Половцевъ и самихъ русскихъ князей, сажающихъ „посадниковъ по Дунаю, въ подунайскіе города“ (напр. гг. 1116, 1144, 1159, 1162, 1187, 1192 и т. д. въ Ипатьевской лѣтописи). Особенно замѣчательно скопленіе краткихъ разсказовъ о дѣйствіяхъ на Дунаѣ и на Дону подъ 1116 г., когда Ярополкъ, сынъ Мономаха, взялъ три половецкихъ города на Дону (вѣроятно, города русскіе, отошедшіе къ Половцамъ по захвату, какъ Тмуторокань), а Вячьславъ ходилъ на Дунай; в. кн. Владиміръ Мономахъ „посажа посадники по Дунаю; и въ тоже время „два дни и двѣ нощи бишася с Половци и с Торкы и с печенѣги у Дона“, Такъ и въ Словѣ о П. И. битвы на Дону“. сливаются съ воспоминаніями о Дунаѣ (въ припѣвахъ, въ плачѣ Ярославны).

Лѣтописи даютъ необходимыя объясненія слова о П. И. въ историческомъ отношеніи, вообще, въ географическомъ и бытовомъ отношеніи въ частности. Однако въ Словѣ о П. И. не мало есть такихъ подробностей, которыя не объясняются одними лѣтописями, или съ трудомъ и предположительно отыскиваются въ историческихъ источникахъ. Таковы напр. имена кн. Изяслава сына Василькова, стараго Владиміра, Трояна, Бояна, Деремелы, Могутъ, Татранъ шельбиръ, топчакъ, ревугъ, Ольбергъ, Каялы, и др. Мы не будемъ входить въ подробности о всѣхъ князьяхъ, называемыхъ Словомъ и лѣтописями. Слово, несмотря на свою сравнительно малую величину, охватываетъ множество событій и лицъ, останавливаясь на нихъ съ нѣкоторой подробностью, какъ на Олегѣ Гориславичѣ († 1115) и Всеславѣ Полоцкомъ (1101 г.), или упоминая въ двухъ, трехъ выраженіяхъ, какъ о князьяхъ разныхъ земель Руси и разнаго времени. Передъ нами проходятъ: красный Романъ Святославичъ, убитый Половцами въ 1079 г. (Суть кости его и доселѣ ле-

жаче тамо сына Святославля, внука Ярославля", имя его связано съ Тмутороканью), Борисъ Вячеславичъ, убитый въ 1078 г., на Нежатиной нивѣ („похвалився вельми", замѣчаетъ лѣтопись; имя связанное снова съ Тмутороканью), юноша Ростиславъ, братъ Владиміра Мономаха, утонувшій въ Стугнѣ въ 1093 г.; далѣе современники героевъ Слова о П. И, удалые Глѣбовичи, Владиміръ Переяславскій и Изяславъ, Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи Смоленскіе, буй Романъ и Мстиславъ (Ярославичъ, двоюродный братъ Романа) Галицкіе, Ольговичи храбрые князи Ингварь и Всеволодъ, три Мстиславичі и наконецъ Ярославли и внуки Всеславли (Всеслава Полоцкаго): Изяславъ, неизвѣстный по лѣтописямъ, Брячиславъ и Всеволодъ,

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о загадочныхъ—старомъ Владимірѣ, Троянѣ и пѣвцѣ Боянѣ, воспѣвавшемъ стараго Ярослава, и другихъ князей. Подъ „старымъ Владиміромъ" отъ котораго авторъ хочетъ почать свою повѣсть, и котораго нельзя было пригвоздить къ горамъ кіевскимъ, разумѣютъ или Владиміра I (Святого), или Владиміра Мономаха. Мы склонны отдать предпочтеніе первому мнѣнію. Владиміръ Мономахъ не могъ не отразиться въ Словѣ, такъ какъ уже лѣтописи называютъ его въ XII—XIII вв. „великимъ" (Новгор. I, 1125 г., Лаврент. 1176 г., Ипатьев. 1140, 1149 гг.), „прослувый въ побѣдахъ" (Лавр. 1125 г.), „страшный поганымъ" (Ип. 1126 г.), „погубившій половцевъ, пріемшій землю ихъ всю" (1201 Ип.). Естественно, что такой князь долженъ былъ играть выдающуюся роль въ сказаніяхъ и пѣсняхъ о половецкихъ нашествіяхъ и княжескихъ крамолахъ, наступившихъ при внукахъ Мономаха и при Святославичахъ. Въ Словѣ о П. И. къ Владиміру Мономаху относятся слѣдующія выраженія: отъ звона походовъ Олега Гориславича „а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ" (можетъ шеломомъ?—готовый къ бою); „сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы (Ростиславичей, Мономаховичей противниковъ Ольговичей), нъ розно ся имъ хоботы пашутъ"; „не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы (простре на кусту, уношу Князю Ростиславу (братъ Владиміра Мономаха) затвори Днѣпрь (при) темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля по уноши Князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо съ тугою къ земли прѣклонило". Кое-что и еще о битвахъ изъ эпохи Владиміра Мономаха могло отразиться въ Словѣ; но нельзя всѣ преданія „стараго того времени" въ Словѣ объяснять однимъ временемъ Мономаха и ею личностью. Если взвѣсить

отношенія отдѣльныхъ предложеній въ Словѣ, ихъ складъ, если принять во вниманіе значеніе отдѣльныхъ повторяющихся выраженій, то нельзя, кажется, не признать справедливости того мнѣнія, по которому подъ „старымъ Владиміромъ" можно разумѣть великаго Князя Владиміра I святого. Приведу въ подтвержденіе этого мнѣнія нѣкоторыя собственныя соображенія. Авторъ Слова называетъ „старымъ"—Ярослава I, а въ извѣстномъ мѣстѣ—„*того* стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити (можетъ быть, здѣсь пропущено слово: „стязи", ср. ниже) къ горамъ Кіевскимъ (быть можетъ, разумѣется вещественное воспоминаніе о Владимірѣ св., въ видѣ его гробницы въ Десятинной церкви, стяговъ, статуй, которыя были похищены въ XII в.), *сего* бо (очевидно, разумѣется другой Владиміръ, т. е, Мономахъ) *нынь* сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы",—въ первомъ случаѣ разумѣетъ Владиміра I. Едвали бы подходило къ Владиміру Мономаху опредѣленіе Слова, предшествующее приведенному выраженію—„того стараго Владиміра"—„помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей". Только Владиміръ I и Ярославъ I, а никакъ не Владиміръ Мономахъ, умершій всего за 60 лѣтъ до похода Игоря, могли считаться въ концѣ XII вѣка „старыми". Не могу также не видѣть въ приведенномъ мѣстѣ двухъ Владиміровъ —„того" и „сего", принимая во вниманіе проведенное во всемъ Словѣ различіе въ употребленіи этихъ мѣстоименій. Приведенное мѣсто въ отмѣченномъ выраженіи „нынѣ представляетъ соотвѣтствіе съ началомъ Слова: „почнемъ повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря".

Гораздо труднѣе разобраться въ вопросѣ о Троянѣ. Припомнимъ всѣ мѣста Слова, въ которыхъ упоминается эта личность: „о Бояне, соловію стараго времени; „рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы"; „были вѣчи Трояни (едвали это не напоминаетъ лѣтописные разсказы: были или быша три брата Кій, Щекъ и Хоривъ, какъ въ Новгородѣ Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ); минула лѣта Ярославля были пльци Олговы, Ольга Святославлича" (повидимому здѣсь тожественны Троянъ и Ярославъ); „въстала обида въ силахъ Дажь—Божа внука, вступилъ дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону плещучи" (нельзя ли читать тутъ: на землю Тмуторокапю? какъ можно предполагать по сокращенію слова, въ надписныхъ буквахъ *м*, *т* и *я*=ка); „которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи на седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу" (вѣроятно рѣчь идетъ о событіяхъ 1067—1068 гг., когда Кн. Всеславъ сидѣлъ

въ порубѣ, въ Кіевѣ и затѣмъ 7 мѣсяцевъ княжилъ). Мнѣніе объ императорѣ Троянѣ должно быть оставлено, такъ какъ въ славяно-русской литературѣ имя его соединено съ сказаніями о христіанскихъ мученикахъ (Игнатѣ и др.); впрочемъ, говорится о его справедливости. Вѣроятнѣе мнѣніе о языческомъ существѣ, какое упоминается въ хожденіи Богородицы по мукамъ и въ Словѣ св. апостолъ. Но можно еще объяснять Трояна, какъ эпитетъ старыхъ князей Ярослава I или Владиміра I. Боянъ является пѣвцомъ Ярослава I, Всеслава и друг., т. е. пѣвцомъ событій почти всего XI вѣка. Онъ воспѣвалъ борьбу князей за Тмуторокань, съ половцами. Но что такое—„на седьмомъ вѣцѣ Трояни"? Быть можетъ, здѣсь скрывается указаніе на родословное древо князей. Считая отъ Рюрика, Владиміръ Мономахъ едвали не будетъ 7-мъ; во всякомъ случаѣ, такимъ колѣномъ является Олегъ Гориславичъ. Если принять во вниманіе мнѣніе Тихонравова о замѣнѣ Трояна—Бояномъ хотя въ одномъ мѣстѣ, то „на седьмомъ вѣцѣ Бояни" будетъ означать 70-тилѣтній возрастъ Бояна. Остановимся теперь на бытовой сторонѣ Слова о П. И. Князья занимаютъ въ Словѣ главное и чуть ли не единственное мѣсто; изъ за нихъ не видно совсѣмъ бояръ, дружинниковъ, нѣтъ и другихъ сословій. Герои Слова—князья и ихъ полки, полкъ Игоревъ, храбрые полки Игоревы; по поводу ихъ вспоминаются прежніе князья отъ стараго Владиміра. Съ именами князей прежде всего соединяются воспоминанія объ усобицахъ первыхъ временъ (можетъ быть, тѣхъ, которые далѣе характеризуются въ Словѣ: были вѣчи Трояни), затѣмъ при старомъ Ярославѣ и Мстиславѣ (ср. минула лѣта Ярославля) и наконецъ при Олегѣ Гориславичѣ (были плъци Ольговы). Эти усобицы, княжескія крамолы, сокращавшія жизнь (вѣки) человѣкамъ, кончались смертью князей. Еще большее несчастіе вызывали эти крамолы, когда, пользуясь ими, „поганіи со всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Русскую". Но были князья, которые поражали поганыхъ, были поганымъ грозой. Даже несчастный походъ Игоря, предпринятый во имя поборанія за христіаны на поганые плъкы, Игоря, который навелъ свои храбрые полки на землю половецкую за землю Русскую—вызываетъ и восторгъ автора Слова, и горесть, и радость по поводу возвращенія Игоря. Храбрыхъ князей много и во время несчастнаго похода Игоря съ его послѣдствіями, но крамолы и усобицы составляютъ ихъ преданія, и авторъ Слова останавливается на выдающихся крамольникахъ, какъ Олегъ, Всеславъ, которые хоть и были героями, но погибли и часто бѣды страдали. Храбрымъ

князьямъ поютъ славу не только русскіе, но и иноземцы и хаютъ тѣхъ, которые губятъ русскую землю. Итакъ Слово о П. И.—это пѣснь князьямъ какъ и пѣсни Бояна, это дружинныя слова о князьяхъ. Игорь является героемъ въ движеніи противъ поганыхъ, страшныхъ враговъ русской земли—половцевъ. Въ этомъ походѣ какъ бы движется земля Русская на землю половецкую. И пѣвецъ радуется этому движенію. Оно, въ его глазахъ, выше и чище другихъ постоянныхъ движеній среди земли Русской—междоусобій князей. Но походъ Игоря кончается печально. Это несчастіе соединено съ одолѣніемъ земли половецкой надъ землей Русской. И оно напоминаетъ пѣвцу другое несчастіе—княжескія междоусобія. Дѣйствительно, для русской земли два зла были самыми тяжелыми: княжескіе раздоры и нашествія поганыхъ степняковъ. Эти два зла сливались; одно зло вызывало другое. До 968 г. Печенѣги не тревожили русскую землю во все IX ст., потому что не было еще внутренней борьбы, которая уже дала возможность кочевникамъ вмѣшаться въ русскія дѣла при Владимірѣ св. и Ярополкѣ. Около 1019 г. Печенѣги понесли пораженіе, и имя ихъ исчезло изъ русскихъ лѣтописей. Во второй половинѣ XI в. выступили Половцы. Въ Словѣ о П. И. они называются погаными, а земля ихъ полемъ половецкимъ, пустыней, Пораженіе половцевъ авторъ Слова особенно ярко рисуетъ въ успѣхѣ в. кн. Святослава, который грозой былъ для половцевъ, притопталъ въ ихъ степи холмы и яруги, возмутилъ рѣки и озера, изсушилъ потоки и болота и поганаго Кобяка, какъ вихрь, исторгнулъ изъ желѣзныхъ полковъ половецкихъ, и палъ Кобякъ въ Кіевѣ у в. кн. въ гридиѣ. Даже въ несчастномъ походѣ Игоря, въ первой схваткѣ съ половцами, Русь такъ обогатилась добычей отъ половцевъ, что мосты мостили по болотамъ ортмами, япончами, кожухами и всякими узорочьи половецкими. Но несчастный походъ Игоря вызываетъ у автора другое представленіе о половцахъ: это связь ихъ постоянныхъ набѣговъ на Русскую землю съ княжескими междоусобіями; „Усобица княземъ на поганыя погыбе рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже; и начяша князи про малое, се великое млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати; а погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Русскую“. Если мы обратимся къ лѣтописямъ, то увидимъ какъ бы постоянную ихъ связь: Такъ напримѣръ около разсматриваемаго нами времени междоусобія князей встрѣчаются въ Кіевской землѣ въ 1172, 1173, 1174, 1175, 1176, въ 1180 гг. Тоже самое встрѣчаемъ около этого времени и въ другихъ земляхъ. И

около того же времени встрѣчаются постоянныя половецкія нашествія. Мы видимъ при этомъ двоякія отношенія половцевъ къ русскимъ князьямъ: враждебныя и мирныя. Послѣднія выражались въ томъ, что съ половцами русскіе вступали въ брачныя отношенія, или призывали ихъ полки къ себѣ на службу. Эти мирныя отношенія отражаются и въ концѣ Слова: Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколица опутаевѣ красною дивицею. И рече Гзакъ къ Кончакови аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ". Но половецкая помощь связывалась постоянно съ княжескими междоусобіями.

И Слово о П. И. и лѣтописи взаимно дополняютъ другъ друга по обрисовкѣ дружиннаго и боярскаго быта. Полкъ въ Словѣ значитъ—походъ и войско, причемъ употребляется и во множественномъ числѣ—полки: полкъ Игоревъ и плъкы Игоревы, полки Святослава, Ярослава Галицкаго, половецкіе полки. Лѣтопись объясняетъ намъ. что подъ словомъ „полкъ" разумѣлось земское ополченіе: при князѣ же постоянно находилась дружина Въ Словѣ о. П. И. Игорь обращается къ дружинѣ своей по поводу солнечнаго затмѣнія 1-го мая: „братіе и дружина! Луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони". Святославъ в. кн. Кіевскій разговариваетъ съ боярами, разсказывая имъ свой сонъ, и бояре говорятъ: „а мы уже дружина жадни веселія", Наконецъ, Слово оканчивается здравицей: „Здрави Князи и дружина побарая за христьяны, поганыя плъки". Дружинники—верхній слой служилаго сословія; они должны были „искати себѣ чти, а князю славы". Галицкій Ярославъ Осмомыслъ „бѣ славенъ полкы своими, гдѣ бо бяшеть ему обида, самъ не ходяшеть полки своими". Слово называетъ его полки желѣзными. Въ Лѣтописи ясно различаются полки и дружина: у Ярослава Осмомысла были отъ отца—„полкъ его и дружина". Дружину имѣли не только князья, но и сильные бояре, отчего дружина и именовалась или по Князю, или даже по боярину. Но бояре—дружинники, владѣя дружинами, составляли только верхній слой княжескихъ дружинъ, при чемъ могли и переходить на службу отъ одного князя къ другому. Бояре составляли совѣтъ князя, его думу. Среди этого боярскаго совѣта выдѣлялись мужи смысленіи, добры и храбры. Большею частію въ лѣтописи эти мужи даютъ самый полезный совѣтъ князьямъ, указываютъ на предстоящее несчастіе и иногда даже противорѣчатъ князьямъ. Такъ, подъ 1093 г. „Половцемъ же воюющимъ по земли рѣша мужи, смысле-

ніи (Святополку и Владиміру) почто вы распря имате межу собою, а поганые губять землю русскую поидита противу поганыхъ: любо съ миромъ, любо съ ратью". Въ Ипатьевской лѣтописи, при разсказѣ о походѣ Игоря Святославича въ 1185 г. Игорь увидалъ знаменіе (солнечное затмѣніе) и спрашиваетъ бояръ и дружину свою: „что есть знаменіе се"? И ркоша мужи: „Княже! се есть не на добро знаменіе се". Событія оправдали предсказаніе дружины.

Бытъ удѣльной Руси ярко выразился въ подробностяхъ Слова о П. И., и не только въ цѣлыхъ картинахъ, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, характеризующихъ военное сословіе, старинный домъ, города, села, и ихъ обитателей. Любимое занятіе князей и дружины составляла охота и особенно соколиная. Множество мѣстъ въ Словѣ о П. И. посвящено изображенію соколиныхъ полетовъ за птицей (и полетѣ соколомъ подъ мыглами избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ; высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти), ловли соколовъ путинами желѣзными (ср. свадебныя пѣсни: Ты опутай сокола путиного......) съ припѣшаньемъ крыльевъ. Въ лѣтописяхъ встрѣчаются изрѣдка сравненія съ соколомъ, и очень мало говорится о соколиной охотѣ, такъ что Слово даетъ замѣчательную картину охоты съ соколомъ и даже уподобляетъ его, какъ въ народныхъ пѣсняхъ, игру на гусляхъ пѣснопѣвца Бояна, при чемъ соколы—персты, а лебеди—струны. *) Такъ же древни сравненія въ Словѣ съ туромъ дружинниковъ, раненныхъ саблями калеными. Туры, раненные на охотѣ, рыкаютъ, кричатъ. Князь Всеволодъ поскочаше ярымъ туромъ. Кричатъ въ полѣ Половецкомъ телѣги, какъ распуганные лебеди. Въ Словѣ ярко представлено обиліе всякой дичи—птицъ и животныхъ, какой изобиловали степи южной Руси и встрѣчавшіяся здѣсь лѣсныя пространства: „Дивъ кличетъ вверху древа, древо къ земли приклонилось". Полки двигались легко, поддерживая себя охотой. Слово отмѣчаетъ и множество особенностей въ вооруженіи. Въ большомъ употребленіи были копья: воины вскормлены съ конца копія, битва опредѣляется грудой поломанныхъ копій, за копьями слѣдуютъ уже сабли и мечи. Сабли изъострени, каленыя сабли гремятъ о шеломы оварьскыя (поганыя головы половецкія), саблями вооружены половцы; мечи являются самымъ се-

---

*) Въ грамотѣ Купчей Кіевскаго митр. Іосифа 1518 г. встрѣчаемъ интересное указаніе: „изъ ловы звѣриными и пташими изъ гнѣздомъ сокольимъ, и зъводами".

ріознымъ оружіемъ, и Слово каждый разъ отзывается о нихъ цѣлымъ картиннымъ выраженіемъ: мечемъ крамолу ковати, землю цвѣлити (поливать, заставлять плакать). Мечи такіе же харалужные—желѣзные, какъ копья, мечи острые; вонзить ихъ, по Слову, значитъ спратать въ ножны. Рядомъ съ копьями многочисленныя опасности несли тучи стрѣлъ; ими какъ бы засѣвали землю. При воинахъ были червленые щиты и при полкахъ стязи, которые стоятъ въ началѣ похода и говорятъ распущенные въ походѣ, а когда падаютъ стязи, то знаменуютъ пораженье. Трудно перечислить множество мелкихъ подробностей вооруженія по Слову: золотые шлемы, золотыя сѣдла и стремена на осѣдланныхъ борзыхъ коняхъ у воиновъ столь же быстрыхъ, какъ степные волки, отвореные тулы (дѣлавшіяся изъ бобровыхъ шкурокъ, или рысьихъ какъ свидѣтельствуетъ Волынская лѣтопись XIII в.) и натянутые луки, въ противоположность поганымъ съ ихъ тощими тулами, вѣроятно - по выдѣлкѣ, изъ шкуръ коневыхъ (сонъ Святослава), съ ихъ засапожниками и отчаяннымъ крикомъ безъ щитовъ. Съ любовью и большой отчетливостью авторъ Слова отмѣчаетъ названія оружія и вообще вооруженіе: сулицы Ляцкія, шеломы латинскіе, оварскіе, половецкіе, литовскіе мечи, литовскія стрѣлки. Нѣкоторыя выраженія Слова не объяснимы безъ справокъ съ иностранными языками—западными и восточными, Приведемъ прежде всего восточныя слова, нѣкоторыя изъ нихъ объясняются изъ Половецкаго Словаря (Codex Cumanicus)„ Гзакъ=каз—гусь, кончакъ=кöнзäк, канцык—собачка, кобякъ=кäбäк, татраны=тарт, тар—тармäн,—чага—рабыня, кощей—рабъ, коганъ—владѣтель, салтани—солтанъ, Каяла=каігы, каігу—горе, Бусово=буз—желѣзо; такія слова, какъ „япончицами, ортьмами",—потиныя сами по себѣ, харалужныя—желѣзныя. Для характеристики половецко-русскихъ отношеній интересно замѣтить обиліе русскихъ словъ въ Половецкомъ Словарѣ: пäц—печь, самала—смола, салам—солома, изба, цäрі—царь, трапäз—столъ, торба—мѣшокъ, мір—господинъ, казна, сара—заря, сатыр—шатеръ, тынъ. Изъ европейскихъ языковъ, объясняются слѣдующія выраженія Слова: шереширы—σάρισσα, копье; Деремела—литовск. drimelis—Zümmel или dereijmas—ein Bünd, das Dienen, какъ переводитъ Куршатъ; Венедици—венеціанцы; можетъ быть, Троянъ; наволоки, оксамиты, паполома, можетъ быть Карна=греч. Карона, Морава, Готскія, Королева, Пирогощая.

Послѣднее названіе относится къ незначительному проявленію христіанскаго элемента въ Словѣ. Соберемъ эти немногія черты.

„Святополкъ (1093—1113) съ тоя же Каялы повелѣя (? полелѣя) отца своего (собственно, тестя Тугорканя, на дочери котораго женился въ 1094 г.) междю Угорьскими иноходцы ко святѣй Софіи къ Кіеву“. Это было въ 1096 г.,—столь памятномъ въ лѣтописяхъ всякими междоусобіями,—когда въ битвѣ на Днѣпрѣ у Трубежа убили Тугоркана и сына его „и налѣзоша Тугоркана мертва и взя и Святополкъ, аки тьстя своего и врага, и привезше и къ Кыеву, погребоша и на Берестовѣмь (на могылѣ), межю путемъ, идущимъ на Берестово, и другимь въ манастырь идущимь“. Объясняли это мѣсто иначе по отношенію къ в. кн. Изяславу, убитому въ битвѣ 1078 г. Далѣе, быть можетъ, разумѣется Софійскій храмъ въ Новгородѣ. Всеславъ „Отвори врата Новуграду разшибе славу (св. Софія, съ которой Всеславъ и колокола поснималъ и паникадила взялъ въ 1066 г. о чемъ съ грустью пишетъ Новгородскій лѣтописецъ) Ярославу“. Съ Всеславомъ же, которому сочувствовали въ Кіевѣ, соединено воспоминаніе о звонѣ въ Полотскѣ и въ Кіевѣ: „Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша“; „суда Божія не минути“. Наконецъ, при возвращеніи Игоря, христіанскія воспоминанія являются въ обиліи: „Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой“ и „Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святѣй Богородици Пирогощей“ и „Здрави Князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки, Княземъ слава, а дружинѣ Аминь“.

Нельзя обойти кровавыя картины войны, нарисованныя авторомъ Слова, рядомъ съ мирными земледѣльческими трудами.

Еще только выступилъ Игорь въ походъ, какъ „орли клектомъ на кости звѣри зовутъ“, а волки и лисицы воютъ (грозу въсрожатъ) и брещутъ. „Кая раны дорога, братіе, говорится о Всеволодѣ, побивавшемъ головы Половецкія въ оварьскихъ племахъ, забывъ чти и живота, и града Чернигова, отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая“. „Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть (говорится о походахъ Олега Гориславича); нъ часто врани граяхуть, труііа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіа“. „Чръна земля подъ копыты, костьми была посѣяна. а кровію поліяна“. „Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы литовскія; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскыми мечи. И схотию на кровать и (читай: „и Слово ту на крови той“) рекъ: дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри

кровь полизаша". Ярославна плачетъ по мужѣ: „полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмь его тѣлѣ".

Долго бы было слѣдить еще за тѣмъ, какъ авторъ Слова умѣлъ представить перемѣны дня и ночи, свѣта и тьмы, небесныя и земныя явленія. Достаточно сказать, что вся природа живетъ въ этой небольшой поэмѣ полной жизнью, что краски этой чудной картины изъ русской древности блещутъ всѣми оттѣнками и ярко оттѣняютъ едва замѣтныя линіи и точки, Но здѣсь мы уже переходимъ въ отношенія Слова о П. И. къ народной словесности. Мнѣ приходилось касаться этого вопроса во введеніи, и я дополню здѣсь еще только немногими чертами. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе черты народной поэзіи въ Словѣ, начиная съ условныхъ эпитетовъ, параллелизма, склада рѣчи до расположенія всего Слова и отдѣльныхъ частей его по запѣву, приступу и заключенію съ славой, по рѣчамъ Игоря, Святослава, бояръ, рѣки Донца, по предзнаменованіямъ и сопутствующимъ природнымъ явленіямъ несчастному походу Игоря и возвращенія его изъ плѣна, по истолкованію сна Святослава, по плачу Ярославны и возвращенію ея мужа. Стоитъ только припомнить условныя опредѣленія времени въ народной поэзіи, условныя изображенія битвъ, въ образахъ пира, свадьбы, земледѣльческихъ работъ, условнаго появленія не только животныхъ, но и такихъ существъ, какъ „обида", „дивъ", языческія божества, чтобы удержаться отъ соединенія всего этого съ историческими подробностями, отъ одинаковаго истолкованія тѣхъ и другихъ. Я позволю себѣ привести здѣсь болѣе или менѣе выдающіеся примѣры сопоставленій Слова съ русской народной поэзіей, ограничиваясь немногими примѣрами, подобранными мною самостоятельно, и сошлюсь на нѣкоторые примѣры, указанные въ трудахъ, посвященныхъ изученію Слова въ связи съ русской народной поэзіей *).

Остановимся прежде всего на условныхъ опредѣленіяхъ времени и мѣста. Въ Словѣ о П. И. встрѣчаемъ, между прочимъ такія опредѣленія времени: *тогда* (тогда Игорь възрѣ на солнце; тогда вьступи Игорь въ златъ стремень; тогда при Олзѣ Гориславличи, тогда по Русской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть); съ зараніа до

*) При ссылкахъ на изданіе „Русскихъ былинъ старой и новой записи, подъ редакціей Н. С. Тихонравова и проф. В. Ѳ. Миллера", 1894 г. я буду сокращенно отмѣчать „Р. Б." и страницы.

вечера, съ вечера до свѣта; синочь съ вечера, всю ночь съ вечера; прысну море полунощи, комонь въ полуночи; скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи; другого дни вельми рано, давечя рано предъ зорями, Ярославнынъ гласъ *рано* кычеть; бишася день, бишася другой, *третьяго* дни,—темно бѣ въ *третій* день, и проч. Укажемъ еще хотя нѣкоторыя подобныя же опредѣленія мѣста въ Словѣ: *ту* (ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати; ту ся брата разлучиста,—ту кроваваго вина не доста, ту пиръ докончаша русичи; ту нѣмци и венедици, ту греци и морави; не бысь ту брата Брячислава; ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата); въ полѣ незнаемѣ (Игорь поѣха по чистому полю, дремлеть въ полѣ гнѣздо, въ полѣ безводнѣ, чресъ поля на горы, конець поля Половецкаго) среди земли Половецкыи; въ Кіевѣ на горахъ, къ горамъ кіевскимъ, на брезѣ синему морю и проч. *). Приведу теперь соотвѣтствующіе примѣры изъ народной поэзіи: „Зазвонили честну раннюю заутреню,—Читали третью каѳизму воскресенскую. Еще ѣдеть осударь по чисту полю“. Р. Б. стр. 10; „на зарѣ то было, зарѣ утренней; на разсвѣтичкѣ свѣту бѣлаго, на восходѣ-то солнца яснаго, отъ сна Илья пробуждается“ (Кирѣевскій, Пѣсни, I, 7—8 стр.); „Бѣжалъ онъ день до вечера, темную ночь до бѣла свѣта“ (Тамъ же стр. 8—9), и т. п.

И вступленіе въ Слово, не смотря на всю его книжность, и заключеніе Слова со славой князьямъ находятъ соотвѣтствія въ былинахъ и въ историческихъ пѣсняхъ:

Высота ли высота поднебесная,
Глубота ли, глубота океанъ-море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днѣпровскіе.

Ср. Боянъ бо вѣщій... растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ влъкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облаки.

Кто бы намъ сказалъ про Царевъ походъ,
Про грознаго царя Ивана Васильевича?

---

*) Къ числу такихъ же условныхъ опредѣленій времени относится еще слѣдующее: „на седьмомъ вѣцѣ Трояни“. Здѣсь умѣстно припомнить это условное число въ Нибелунгахъ: II авантюра—„Тянулся пиръ веселый вплоть до седьмого дня“, III авантюра—„Вотъ, на седьмое утро“; „лишь въ семь недѣль оконченъ былъ трудъ усердный тотъ“; „и на седьмой годъ сына царица родила“ (XXII авантюра).

Рокочущія живыя струны подъ вѣщими перстами Бояна напоминаютъ народные образцы:

То не гусли рокочутъ, не свирѣль-то говоритъ (Пальчиковъ, № 120).

Натягалъ онъ струну про Кіевъ градъ.
Какъ струна струнѣ молвитъ.

Таковы же обращенія въ малорусскихъ пѣсняхъ къ кобзѣ (Нехай буйный витеръ по степахъ пролитае, струны твои зачипае), или сравненія рѣчи, пѣсни съ походкой сокола, съ пѣснью лебедя.

Остановимся теперь подробнѣе на славѣ: ее поютъ князьямъ и дружинѣ послѣ удачнаго похода; она становится преданіемъ для потомковъ, отсюда слава Ярослава, слава дѣда Всеслава, прадѣдняя слава, слава въ первой стычкѣ съ степняками, слава звенитъ и въ прадѣднюю славу звонятъ. Окончаніе Слова о П. И.: „Пѣвши пѣснь старымъ княземъ а потомъ молодымъ пѣти: *Слава* Игорю Святославичу, буйтуру Всеволоду... Княземъ слава и дружинѣ“. Такую же *славу* рокотали струны князьямъ подъ перстами Бояна, и Нѣмци поютъ славу Святославлю въ Кіевѣ. Припомнимъ и упоминаніе въ лѣтописи о „Пѣснѣ славной“, какую пѣли князьямъ, возвращавшимся изъ удачныхъ походовъ *). Пѣсни русскія и южно-славянскія (святочныя, свадебныя, причитанья, былины, духовные стихи, малорусскія думы, ср. болгарскія и сербскія историческія пѣсни) часто оканчиваются величаньями—славой—(см. Ждановъ: Русская поэзія въ до-монгольскую эпоху, стр. 16—18; Сумцовъ: Кіевская Старина 1893 г., іюль, стр. 87—88):

Только-то и Соловнику славы поютъ,
А Ильина-та слава не минуется,
Отнынѣ-то вѣкъ пó вѣку поютъ его Ильюшенку
(Гильфердингъ, 233),
А мы вѣкъ большимъ царямъ славу поемъ,

*) Ипатьевская 1251 г. „оттудаже князь Даниль приде ко Визьнѣ и прейде рѣку Наровь и многи крестьяны отъ пленения избависта, и пѣснь славну пояху има, и придоста со славою на землю свою. наследивши путь отца своего великаго князя Романа, иже бѣ изоострился на поганыя, яко левъ, имъ же Половци дѣти страшаху“. Здѣсь славная пѣсня отвѣчаетъ тѣмъ поэтическимъ уподобленіямъ, какія находимъ подъ 1200 г., въ началѣ Галицко Волынской лѣтописи,—о чемъ говорили выше. Быть можетъ. намекъ на существовавшую уже пѣснь Игорю въ 1202 году мы находимъ въ Галицко-Волынскіи лѣтописи: „малу же времени, минувшю, и приведоша Кормиличи уже бѣ загналъ великый князь Романъ, невѣры ради: славяху бо Игоревича“

Имъ вѣкъ слава не минуеть,
Во вѣки вѣковъ *аминь.*
(Безсоновъ: Калѣки, 292).

Да поёмъ тебѣ [Алешенькѣ Поповичу] старинушку,
славу поёмъ.
(Гильфердингъ, 642).

Слава не вмре, не поляже,
От нині до віка!
Даруй, Боже, на многі літа!...
Слава Богу на небѣ, Слава!...
Тебѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ,
Еще мы тебя величаемъ.

Въ бугарштицѣ про убійство Андріяша братомъ Маркомъ Кралевичемъ, вошедшей въ книгу Хекторовича 1556 г., встрѣчаемъ въ заключеніи слѣдующее величаніе:

Веселъ буди господару, и весела ти дружина,
Нашъ господару!
Ова писанъ да буде твоj милости на поштенье.
Тоjе било сад се споминьамо,
А ми, браћо, здраво и весело.

Не перебирая всѣхъ соотвѣтствій отдѣльныхъ мѣстъ Слова съ народными пѣснями, остановимся еще на нѣсколькихъ мотивахъ. Таковъ мотивъ объ отношеніи Донца къ Игорю и Стугны къ Ростиславу. Въ русской народной поэзіи находимъ множество примѣровъ подобныхъ разговоровъ съ рѣками, происхожденіе которыхъ надо искать, конечно, не въ Иліадѣ Гомера (сравнивали съ отношеніемъ р. Скамандра, къ Троянцамъ) а напримѣръ, въ былинѣ „Молодецъ и р. Смородина" у Гильфердинга, въ Онежскихъ былинахъ, № 262:

Онъ взмолился-де рѣчки Смородинки:
„Ай-же ты матушка черная рѣчка Смородинка?
„Есть ли черезъ тебя, рѣчка, переходы ты узкіе..."
Да отвѣтъ держитъ рѣка ему Смородина:
„Ай ты удалый дородній добрый молодецъ" и пр.

Въ былинахъ о Садкѣ (напр. по „Древнимъ Россійскимъ стихотвореніямъ" № XXVI), Садко разговариваетъ съ Волгой, съ Ильмень—озеромъ; въ 5 вып. Пѣсенъ, собр. Кирѣевскимъ (стр. 95), мы встрѣчаемъ подобный же разговоръ Марьи Юрьевны, бѣгущей изъ плѣна, съ рѣкой. Въ Псковской лѣтописи встрѣчаемъ подобный же

разговоръ съ олицетвореннымъ городомъ: „О славнѣйшій граде Пскове, великій во градѣхъ, почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати, или како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія“, и проч.

Въ народной поэзіи мы видимъ нерѣдко перенесеніе древнѣйшихъ образовъ на позднѣйшія явленія. Отсюда уже не далеко до параллелизма, простого сравненія, украшающаго эпитета. Извѣстные образы Соловья-разбойника, Скима-звѣря переносятся въ былинахъ на короля и молодцевъ (Р. Б., стр. 123 и 138):

Още крыкнулъ-то король да громкимъ голосомъ,
Още крыкнулъ онъ да по звѣриному,
Още свиснулъ-то видь онъ да по змѣиному...
...И выходили молодцы на красно крыльцо,
Засвистали молодцы по соловьиному,
Заревѣли молодцы по звѣриному.

Конечно, въ Словѣ о Полку Игоревѣ, составленномъ авторомъ-христіаниномъ, но при сильномъ воздѣйствіи русской народной поэзіи въ ея древнѣйшемъ видѣ, должно было имѣть особенное значеніе это перенесеніе древнѣйшихъ образовъ на позднѣйшіе (старыхъ на нынѣшніе). Поэтому вполнѣ основательны извѣстныя толкованія „дѣвы-обиды“ изъ соотвѣтствующихъ образовъ русской народной поэзіи, напр. изъ причитаній (впервые указано акад. А. Н. Веселовскимъ): „зла обидушка; Судинушка по бережку ходила, страшно-ужасно голосомъ водила, въ длани плескала, до суженыхъ головъ добералась; смеретушка; дѣвья красота съ лебедиными крыльями“, и проч. Есть нѣкоторое основаніе и въ сопоставленіяхъ „Дива“ Слова съ вилами, дивскимъ старѣйшиной, дивьякомъ змѣемъ по сербскимъ пѣснямъ (проф. Халанскій: „Южно-славянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса; 1893 г., I т.).

Образный языкъ Слова полонъ олицетвореніями, не идущими часто далѣе уподобленія, какъ „печаль тече, тоска разліяся, веселіе пониче, невеселая година встала, снесеся куча па хвалу, тресну нужда на волю“, и проч. Все это можно найти и въ современной народной поэзіи; но я не буду входить во всѣ частности по этому вопросу и ограничусь еще двумя небезинтересными примѣрами изъ русской народной поэзіи для объясненія Слова. Для объясненія сна Святослава, и особенно конца его (о чемъ будемъ говорить еще ниже), испорченнаго въ передачѣ изд. 1800 г.: „босуви врани възграяху“, и проч., не лишена интереса слѣдующая подроб-

ность изъ исторической пѣсни (Кирѣевскаго, 5 вып., стр. 97): князю Роману „мало спалось много видѣлось, будто спалъ злаченъ перстень съ меньшова перста, и разсыпался на мелкія зернотка. Тутъ изъ далеча-далеча, изъ чиста поля прилетѣло стадо черныхъ вороновъ, расклевали мой злаченъ перстень". Княгиня объясняетъ ему сонъ. Для насъ особенно интересно толкованіе „стада черныхъ вороновъ"—„наѣдутъ многи поганы татарове". Несомнѣнно такое же отношеніе должно существовать и между „вранами" Слова и погаными половцами, по толкованію сна боярами Святослава, По моимъ соображеніямъ это крайне затруднительное мѣсто Слова, какъ показано будетъ ниже, значитъ слѣдующее: въ эту ночь съ вечера взграяли вороны сивые, у Плѣсньска на болони были, гдѣ встрепенулись (и где брькьсаху и несошася?) и понеслись къ синему морю.

Итакъ мы прослѣдили отношеніе цѣлыхъ картинъ въ Словѣ къ подобнымъ же картинамъ въ русской и даже, вообще, въ славянской поэзіи. Уже одно это сравненіе можетъ свидѣтельствовать о народности Слова, о связи его съ русской народной поэзіей. Мы не говоримъ уже о внѣшнихъ средствахъ выраженія, какъ эпитетъ, тавтологія, уподобленія, сравненія, параллелизмъ, общихъ въ Словѣ о П. И. съ русской народной поэзіей, что нами затронуто во Введеніи къ исторіи русской словесности (1896 г.).

Приведемъ теперь нѣкоторыя соотвѣтствія изъ нѣмецкой старинной поэзіи. Въ поэмѣ „Вальтаріусъ", Острииъ, супруга Аттилы, совѣтуетъ: „опутать соколенка гунскою красной дѣвицей"...

Въ „Нибелунгахъ" также можно подыскать параллели (Пѣснь о Нибелунгахъ М. И. Кудряшева, 1889 г.): „Прійдется многимъ славнымъ саксонскимъ женамъ слезы лить" (163 стр.); „да, многимъ славнымъ женамъ пришлось о павшихъ порыдать" (164 стр.) и друг.; „Что сѣделъ золоченыхъ понавезли съ собой, щитовъ, одеждъ нарядныхъ на Рейнъ на пиръ честной" (172); „Ночесь мнѣ сонъ приснился плохой: два кабана гнались за вами слѣдомъ по полю, въ тотъ же мигъ цвѣты вдругъ покраснѣли. Вотъ гдѣ причина слезъ моихъ. Я чьей-нибудь измѣны страшуся всей душой" (249); „Ночесь сонъ не хорошій и страшный снился мнѣ, что будто-бы все птаство повымерло въ моей странѣ" (323); „такъ выпьемъ же мы въ память и за вино съ царемъ расплатимся" (382); „цѣдитъ, сказалъ онъ, Гагенъ прескверное вино бойцамъ... что на глазахъ его тутъ друзей любезныхъ пало!" (385); „внутри одинъ тамъ бьется (его

Фолькеромъ звать), какъ дикій вепрь; онъ шпильманъ" (387); „бранный шумъ затихъ" (388).

Наконецъ отмѣтимъ изъ 22 авантюры свидѣтельство нѣмецкаго эпоса объ отношеніяхъ къ Руссамъ и

Скакало много русовъ и грековъ въ встрѣчу ей;
Полякъ и влаховъ много видали, какъ коней
Они своихъ отмѣнныхъ тутъ во всю прыть пускали,
И норовъ свой и силу они ни чуть ужъ не скрывали.
Мужей не мало было изъ кіевской земли
И дикихъ печенѣговъ; тутъ показать могли
Себя они, изъ луковъ. въ птицъ на лету стрѣляя
И изо всей-то мочи изъ луковъ стрѣлы выпуская (302).

Обращаемся къ складу Слова о П. И., къ его внѣшней сторонѣ. Мы не будемъ пока разлагать его на стихи и обратимъ вниманіе только на складность поэтической рѣчи, на построеніе и соединеніе предложеній, на полную гармонію ихъ. Съ этой стороны можно кое-что исправить въ Словѣ, какъ увидимъ сейчасъ же, останавливаясь прежде всего на риѳмахъ:

Два солнца помѣркоста,
Оба багряная стлъпа погасоста
И съ нимъ молодая мѣсяца,
Олегъ и Святъславъ тьмою ся поволокоста
...И въ море погрузиста,
И великое буйство подаста хинови.

(Уже послѣ этого можно читать то, что выпущено нами, какъ спутанное переписчиками—объясненіе давно отмѣченное комментаторами Слова о П. И.).

На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла:
По Руской земли прострошася Половцы, аки пардуже гнѣздо.
Уже снесеся хвала на хвалу, и проч.

Другія предложенія съ риѳмами:

Которой дотечаше,
Та преди пѣснь пояше...
Что ми шумить,
Что ми звенить...
Коли соколъ въ мытехъ бываетъ,
Высоко птицъ взбиваетъ...
Людемъ судяше,
Княземъ грады рядяше,

А самъ въ ночь влъкомъ рыскаше...
Игорь спитъ,
Игорь бдитъ.

Еще болѣе находимъ въ Словѣ полныхъ соотвѣтствій въ порядкѣ словъ двухъ рядомъ стоящихъ предложеній:

Уже снесеся хула на хвалу,
Уже тресну нужда на волю,
Уже връжеся дивъ на землю...
Жаждею имъ лучи съпряже,
—Тугою имъ тули затче...
Хощу копіе приломити,
—Хощу главу свою приложити...
Были вѣчи Трояни,
Минула лѣта Ярославля,
Были плъци Олговы...
—Летятъ стрѣлы каленыя,
Гримлютъ сабли о шеломы,
Трещатъ копія харалужныя...
—Полечю зегзицею по Дунаеви,
Омочю бедрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ,
Утру князю кровавыя раны...

Вотъ соотвѣтствующія слова расположенія въ народной поэзіи:

—Ужъ ты гой еси, матушка родимая,
Ужъ ты скуй мнѣ палицу боевую...
—Ходила княгиня по крутымъ горамъ,
Ходила она съ горы на гору...
—Кто хвастаетъ чистымъ серебромъ.
Кто хвастаетъ краснымъ золотомъ,
Кто хвастаетъ золотой казной...
—Пойду млада въ торги,
Куплю млада камки,
Сошью-ли я зятю кафтанъ...

Иногда встрѣчается въ Словѣ чередованіе предложеній, изъ подлежащаго и сказуемаго и наоборотъ черезъ стихъ:

Комони ржутъ за Сулою,
Звенитъ слава въ Кыевѣ,
Трубы трубятъ въ Новѣ градѣ,
Стоятъ стязи въ Путивлѣ...

Еще замѣчательнѣе и поэтичнѣе складъ слѣдующихъ мѣстъ:

Заря свѣтъ запала,
Мъгла поля покрыла...

Нельзя не обратить вниманія на соотвѣтствія предложеній, взятыхъ изъ разныхъ мѣстъ Слова:

—Копіа поютъ на Дунаи...
Дѣвици поютъ на Дунаи...
—Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце,
И видѣ отъ него тьмою вся воя прикрыти...
Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремень,
И поѣха по чистому полю...
—О вѣтрѣ, вѣтрило! чему господине
Свѣтлое и тресвѣтлое! всѣмъ тепло и кресно еси!
чему господине простре...
—Нелѣпо ли ны бяшетъ...
Мало ли ти бяшетъ вѣяти...

Ничто такъ не характеризуетъ народной поэзіи, какъ частыя повторенія начальныхъ словъ въ двухъ или нѣсколькихъ стоящихъ рядомъ предложеніяхъ, Это т. н. полилогія:

—Что ми шумить, что ми звенить...
—Бишася день, бишася другый...
—Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый...
—Ту ся брата разлучиста
Ту кроваваго вина не доста
Ту пиръ докончаша...
Ту ся копіемъ приламати
Ту ся саблямъ притручати...

Не говоримъ уже о массѣ повтореній предлоговъ и другихъ частицъ въ Словѣ. Такъ и въ народной поэзіи не говоря о случаяхъ послѣдняго рода:

Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ,

Въ сербскихъ пѣсняхъ это обычная форма: Поранио Кролье-вичу Марко, Поранио низ Косово равно; Славу слави Краљевичу Марко, Славу слави светога Джорджія; Рони сузе низ господско лице, Рони сузе и неволья му је.

Повторяются и конечныя слова предложеній, или ихъ части:

—Съ заранія до вечера
Съ вечера до свѣта.
—Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни
Посѣяни костьми русскихъ сыновъ.
Сидѣла она видно день съ утра,
День съ утра она до вечера,

А отъ вечера какъ до полуночи,
Отъ полуночи какъ до бѣлу свѣту.
(Гильфердингъ, 370 стр.

Поутру Горденъ столъ собралъ,
Столъ собралъ и гостей позвалъ,
Позвалъ тутъ князя со княгинею.
(Древнія Россійскія стихотв.).

Въ сербскихъ пѣсняхъ (Караджичъ II т., 544 стр.):

Ја ти, ујо, хочу погинути,
Погинути у твоје сватове.

Обращаемся къ повтореніямъ однихъ и тѣхъ же стиховъ:

—О русская земле уже за Шеломянемъ еси... О русская землѣ уже не (конечно ошибка) Шеломянемъ еси.

—Ищучи себѣ чти, а князю славы (2).

—А Игорева храбраго плъку не крѣсити (2).

—Уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче (Игорь взятъ въ плѣнъ);

Унылы голоси, пониче веселіе (Умеръ Изяславъ).

—Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось

Уныша цвѣты жалобою и древо с тугою къ земли прѣклонило.

—Трубы трубятъ Городеньскіи...

—Трубы трубятъ въ Новѣградѣ.

(Начаша князи) а сами на себѣ крамолу ковати, а погапіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю русскую. А князи сами на себе крамолу ковахy, а поганіи сами побѣдами порищюще на Русскую землю.

Копіа поютъ на Дунаи. Дѣвици поютъ на Дунаи.

(Три раза повторяется): за землю русскую, за раны Игоревы, буево Святъславлича.

(Два раза повторяется) а любо испити шеломомъ Дону.

Въ былинахъ, въ малорусскихъ думахъ встрѣчаемъ въ качествѣ повтореній слѣдующія выраженія:

День то за день, какъ птица летитъ,
Недѣля за недѣлю, какъ дождь дождитъ,
Годъ тотъ за годъ бывъ трава растетъ.

(Повторяется въ одной и той же былинѣ по 2 и по 3 раза).

Мужъ-то твой, воля твоя (2).
Одны подсумки да чиста серебра,

Вторы подсумки да красна золота,
Третьи подсумки да скатна жемчугу.

Повторенія въ народной поэзіи встрѣчаются: 1) при отдѣленіи частей разсказа, при переходахъ отъ одной части къ другой, 2) при перечисленіи предметовъ въ рѣчахъ разныхъ лицъ, 3) при особенномъ вниманіи къ главнымъ предметамъ, или лицамъ разсказа. Какъ въ Словѣ, такъ и въ народной поэзіи эти повторяющіяся реченія производятъ удвоенное впечатлѣніе, представляютъ припоминанія удачно сказанныхъ, какъ бы поговорочныхъ выраженій, реченій. Кромѣ приведенныхъ повтореній изъ Слова въ немъ еще три раза повторяется: „Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ аркучи". Тоже въ былинахъ, напримѣръ, при рѣчахъ богатыря, нѣсколько разъ повторяется: „Испроговоритъ Михайло таково слово". Повторенія встрѣчаются въ сербской народной поэзіи „Закукала како кукавица" (Караджичъ II). Въ Нибелунгахъ почти каждая авентюра, на которыя раздѣляется вся пѣсня, оканчивается какимъ-нибудь изреченіемъ. „Да, многимъ славнымъ женамъ пришлось о павшихъ порыдать!" Повторяется много разъ даже по поводу отдѣльныхъ битвъ и ихъ моментовъ. (Кудряшевъ: Пѣснь о Нибелунгахъ, стр. 163, 164, 167 и д.).

Въ числѣ изобразительныхъ средствъ народной поэзіи обращаетъ на себя вниманіе соединеніе предложеній, различающихся во временахъ и въ видахъ. Это соединеніе, придающее выразительность рѣчи, употребительно въ широкихъ размѣрахъ въ русской народной поэзіи и замѣняетъ собою соединеніе предложеній посредствомъ союзовъ или причастій. Приведемъ прежде всего примѣры изъ народной поэзіи: „Скоро Иванъ на дворъ прибѣжалъ, И приходитъ онъ во свѣтлу гридню" (Древнія Росс. Стих.);

А и будетъ онъ татаринъ въ Кіевѣ,
Скакалъ татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ,
Бѣжитъ онъ во гридню, во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,
Владиміру князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
Бросалъ ярлыки... (Древ. Росс. Стих.).
Молода княгиня испужалася,
А и больно она передрогнула,
Посылаетъ стольниковъ и чашниковъ.

Въ Словѣ о П. И. соотвѣтствующія мѣста нерѣдки:

—Половци... побѣгоша къ Дону Великому,
Крычатъ тѣлѣгы полунощы...
—А галици свою рѣчь говоряхуть,
Хотять полетѣти на уедіе...
—И стрѣлы по земли сѣяше,
—Ступаетъ въ златъ стремень...
—Тогда врани не граахуть,
Галици помлъкоша,
Сороки не троскоташа...
—Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ,
Соловіи свѣтъ повѣдаютъ.

Даже придаточныя предложенія съ союзами „иже, аще, абы, къ то" не придаютъ рѣчи Слова о П. И. книжности, такъ какъ встрѣчаются и въ народной поэзіи. Такъ въ былинахъ встрѣчаемъ соединеніе предложеній съ союзами: кабы-тобъ, естьлибо-то, когда-то, чтобы, что, ажно (Кабы прежде у меня не служилъ... Тобъ велѣлъ посадить въ погреба; Тутъ они князька полонили... Дабы показалъ имъ путь; А естьлибо не дождешься въ шесть лѣтъ, то жди меня).

Въ малорусской народной поэзіи нерѣдки соединенія посредствомъ союзовъ: бо якъ—такъ, колибъ—ябъ, тогди—якъ, и пр. Въ Словѣ о П. И. изъ многихъ примѣровъ припомнимъ: „Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, Нъ часто бѣды страдаше"; „Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется"; „О Бояне, абы ты сіа плъкы ущекоталъ". Не говоримъ уже о сокращенныхъ придаточныхъ предложеніяхъ въ стилѣ вполнѣ народномъ: „ищучи себѣ чти, скача славію... летая, свивая, рища" и пр.

Мы не даромъ остановились на складѣ Слова о П. И., такъ какъ всѣ приведенные примѣры, число которыхъ можно увеличить, наглядно убѣждаютъ въ томъ, что Слово преставляетъ стихотворную рѣчь, кое-гдѣ только напоминая прозу.

Опытъ изученія языка и объясненія затруднительныхъ мѣстъ въ чтеніяхъ слова о Полку Игоревѣ.

Изданіе слова о П. И. 1800 г. не имѣло цѣлью дать буквальной передачи текста рукописи, хотя во многихъ мѣстахъ удержаны особенности ея правописанія. Прежде всего въ изданіи 1800 г. отсутствуютъ титла, надписанныя сверху строкъ буквы, надстрочные знаки. Въ екатерининской копіи, въ бумагахъ Малиновскаго и даже въ переводѣ по рукописи И. Публ. Б—ки титла встрѣчаются. Отмѣтимъ нѣкоторыя отличія Екатерининской или Архивской рукописи

отъ изданія 1800 г.: полку (Екатерин.)—плъку (1800 г.), пѣснѣ творити—пѣснь, пѣснѣ—пѣсь, бързыя—брързыя, умо^м—умомъ, пѣти быль пѣснѣ—пѣсь, и речь—рече, оди^н—одинъ, бързыи—брързыи, вълци—влъци, тмою—тьмою; пропущена фраза: „свистъ звѣринъ въ стазби", мрькнетъ—мркнетъ, мьгла—мъгла, чрълеными—чрьлеными, с заранія въ пякъ—съ заранія въ пяткъ, орътмами—оръьмами, не было нъ=небылонъ повѣдаю^т—повѣдаютъ, трепещу^т—трепещуть, шеломо^м—шеломомъ, той—тѣй, бишась—бишася, рускыя—Рускія, печаль жирна утече средѣ—тече средь;—ы,—ю,—а,—ъ,—ѣ=и,—у, я, ь, е; со^н—сонъ, трудо^м—трудомь, у Плѣньска—у Плѣсньска, ури^м—урим, Зояни—Трояни, звере^м—звѣремъ, лети^т—летитъ, речь—рече; дѣвицею—дивицею, пѣснотворца—пѣстворца.

Въ переводѣ по Петербургской рукописи можно отмѣтить слѣдующія черты: „по землѣ незнаемой, по ворсклѣ (вм. влъзѣ), по хоролю (вм. по морію), по сулѣ, по сурожу и во корсуни и у тебя тмутараканской идоле!"; „червлено знамя было (вм. бѣла) хоругвь (бѣла хорюговь, бѣлая хоругвь); „рыкаютъ какъ тигры" (акы тури), „путь къ великому Херсоню по Волгѣ (=Хръсови влъкомъ); „бѣлымъ гоголе^м—гоголемъ. Е. В. Барсовъ, въ своемъ трудѣ (I т., стр. 69 и д.) привелъ слѣдующіе варіанты изъ бумагъ Малиновскаго (въ скобкахъ ставимъ Екатерининскую рукопись): рассоуша^с (рассушясь), на казанину (на канину), шизы^м (шизымъ), пѣсни (пѣсь), роману (Романови), Князе^м (княземъ), пѣсни (пѣсь), в княжи^х (въ княжихъ), человѣко^м (человѣкомъ), на^м свои^х милы^х, дружину княжую... полизаше (Дружину твою, княже... полизаша), халужными (харалужными), о^т (отъ), руски^х, притовку (припѣвку).

Всѣ эти жалкіе остатки отъ справокъ съ оригиналомъ указываютъ на то, что въ рукописи были титла и надписныя сверху строкъ буквы: „м, н, т, ть, с, х" которыя издатели 1800 г. уничтожили. Чтеніе „Зояни" вм. „Трояни" даетъ интересное свидѣтельство о лигатурѣ „т" и „р" въ одномъ слитномъ начертаніи XVI—XVII вв. Издатели 1800 г. допустили много отступленій отъ оригинала въ начертаніяхъ *ы* вм. *и*, *е* вм. *ѣ*, ь вм. ъ.

Замѣтимъ теперь въ самыхъ общихъ чертахъ о языкѣ Слова, какъ онъ дошелъ до насъ въ спискѣ XVI—XVII вв. Въ общемъ это былъ старинный русскій языкъ, еще отражавшій чутье къ глухимъ, или по крайней мѣрѣ, традицію къ ихъ употребленію въ извѣстныхъ случаяхъ. Полногласныя формы стоятъ въ немъ рядомъ съ старославянскими: древо, злато, главу, драгія, чти, но шеломы (всегда). Чутье къ употребленію *ѣ* притупилось, по этому въ зва-

тельномъ пад. един. ч. встрѣчаемъ нерѣдко *ѣ*: о Всеволодѣ, о землѣ, о вѣтрѣ.

Въ языкѣ Слова о П. И. можно отличать древній элементъ отъ позднѣйшаго. Къ числу позднѣйшихъ чертъ языка слѣдуетъ отнести, повидимому, псковскія и новгородскія особенности въ родѣ: шизымъ=сизымъ, лучи=луци, вѣчи=вѣци, Словутицю=чю, Русици=Русичи, Галичкы=Галицкы, дивицею, вѣщей Бояне и проч.

Языкъ Слова о П. И., его правописаніе, быть можетъ, носитъ еще черты южнославянскаго вліянія XV—XVI вв. въ употребленіи ъ вм. ъ и *ръ*=ър, лъ=ъл: плъкъ, пръвыхъ и проч.

Въ лѣтописныхъ спискахъ XVI—XVII вв. находимъ такое же употребленіе глухихъ, напр. въ Никоновской лѣтописи, подъ 1409 г.. пръвіи, властодръжцы и властодержець, дръжалъ дръжаву; таковаа, окаанный, и проч.

Однако въ немъ нѣтъ ни протяженныхъ формъ прилагательныхъ, ни имперфекта. Въ общемъ это древнерусскій языкъ, какой видимъ въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго (чръмный, грьдъ, връже, ѿтръгахоуть, великаа княгини, и пр.), или еще ближе, въ Поученіи Владиміра Мономаха. Присматриваясь къ правописанію памятника, мы можемъ заключить, что это не простая запись народной пѣсни, а произведеніе книжника. Прежде всего объ этомъ свидѣтельствуетъ обиліе формъ двойственнаго числа: вѣ, ваю, нама, самаю, очима, соколома, севѣ, еста, опутаевѣ, растрѣляевѣ, створисте, проліясте, рекосте, разлучиста, погрузиста, вступиста, и пр. Такъ и въ поученіи Владиміра Мономаха: наю, еста, есвѣ, взяста, вѣ ему не будевѣ. Далѣе, въ Словѣ находимъ дательный—самостоятельный, какъ и въ Поученіи Мономаха: тебѣ лелѣавшу, стлавшу, одѣвавшу.

Имперфектъ, преходящее, нерѣдко съ окончаніемъ *ть*: помняшеть, погибашеть, растяшеть, граахуть, говоряхуть, чръпахуть, и пр.

Формы склоненія имѣютъ также древнія примѣты и даже русскаго образованія: пустыни (им. пад.); дятлове; Дунаеви, Королеви, Игореви, Романови, Кончакови, хинови, дѣвице (род. ед.), ти головы (дат. ед.), славы и славѣ (род. ед.).

Звательный падежъ является во множествѣ примѣровъ: внуче, княже, соловію, о Донче, Рюриче и Давыде, Осмомыслѣ, Игорю, дружино, Половчине, Романе.

Обращаясь теперь къ объясненію текста Слова о П. И. въ мѣстахъ, испорченныхъ переписчиками и издателями, мы остановимся

на нѣкоторыхъ, чтобы показать пріемы, по которымъ можно исправлять текстъ Слова.

Давно уже обратили на себя вниманіе нѣкоторыя неточности изданія 1800 г. въ соединеніяхъ, въ раздѣленіяхъ словъ, въ искаженіяхъ буквъ. Вотъ примѣры: „къ—мети (свѣдоми къмети, одно слово раздѣлено на 2); по морію, по Сулію (Поморію, Посулію); подобію (по дубію, ср. по яругамъ); небылонъ обидѣ порождено (не было къ обидѣ); а сице и рати (а сицей рати); мужа имѣся (мужаймѣся); нъ рози нося (нъ розно ся).

Переходимъ къ болѣе труднымъ мѣстамъ. Есть наглядное средство возстановленія испорченныхъ мѣстъ: это т. н. гаплографія, т. е. слитное написаніе двухъ одинаковыхъ, рядомъ стоящихъ словъ: „стрежаше е (прибавьте „го", т. е. „его"), „гоголемъ на водѣ" (ср. одѣвавшу его); изрони злато слово (с) слезами; въ нихъ трепещуть (си) синіи молніи; затвори Днѣпрь (при) темнѣ березѣ; и стругы (п)ростре.

Принимая во вниманіе нерѣдкія искаженія текста въ изданіи 1800 г., напр.: „самаю"—читай „самаго" (было написано слитно го, издатели читали за „ю"); „вознп стрикусы"—читай „возизи"—вонзилъ, и проч., можно исправить и слѣдующія мѣста.

Вотъ, напримѣръ, слѣдующее большое мѣсто: „Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы литовскія; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскыми мечи. И *схоти ю на кровать, и* рекъ: дружину твою, княже, *птиць* крилы *пріодь, а* звѣри кровь полизаша". Отмѣченное здѣсь курсивомъ можно читать слѣдующимъ образомъ: „И Слово то на крови той... птицѣ... пріодѣша". Ср. въ лѣтописи: „Изяславъ рече слово то: не идеть мѣсто къ головѣ", и пр., „филя прегордый другое слово ему рекшю прегордо: острый мецю, борзый коню, многа я Руси"; ср. въ Словѣ о П. И.: „Святославъ изрони злато слово... и рече". Такимъ образомъ по лѣтописямъ остроумное „Слово" изрекается княземъ, или „мужемъ смысленымъ" вообще по поводу извѣстнаго происшествія. Поэтому я и предложилъ (Отчетъ о десятомъ присужденіи Пушкинскихъ премій) читать и въ другомъ затруднительномъ мѣстѣ Слова о П. И.: „Рекъ Боянъ и ходы"=„рекъ Боянъ и слова", или „словеса". Палеографически можно объяснить сходство начертаній „я" и „х", „в" и „т" по рукописямъ напр. по „Палеографическимъ снимкахъ Саввы, 1863 г. Дополненія, таблица VIII, алфавиты славянскіе разныхъ вѣковъ": „х" и „л" 1493 г.; „в" 1623 г.;

„в“ 1599 г. Есть кромѣ того возможность объяснить это чтеніе съ помощію лигатуръ и надстрочныхъ знаковъ.

Пользуясь такимъ палеографическимъ пріемомъ, Барсовъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи (Слово о Полку Игоревѣ, часть II, 1885 г.) читаетъ: „свистъ звѣринъ въ ста* зби“ (однако можно читать и въ стязи*“); „и не сошлю (и несошася) къ синему морю“; „на кров“ а ты рекъ“; „въ дрѣзѣ тѣлѣ“.

Предложимъ еще нѣсколько соображеній для исправленія „Се Уримъ кричатъ подъ саблями“. Сравнивая это мѣсто съ другимъ изъ Слова: „храбрая дружина рыкаютъ аки тури ранени саблями калеными“, мы можемъ исправить „се тури ми кричатъ подъ саблями“; здѣсь употребленіе „ми“ таково же, какъ въ другихъ мѣстахъ Слова: „нъ се зло княже ми не пособіе“. При сказуемомъ „кричатъ“ только и можетъ быть подлежащее во множественномъ числѣ, ср. „крычатъ телѣгы“. Гадательно можно предположить даже „Се тури мои ричатъ“ (=рыкаютъ подъ саблями“; ср. „храбрая дружина рыкаютъ, аки тури ранены саблями“.

Приведемъ и еще болѣе или менѣе вѣроятныя истолкованія текста Слова разными комментаторами: „(у)спала князю (у) умь похоть“ (Потебня); „и на ковылу зелену“ (Огоновскій); „полелѣя“ (Потебня); „уже обида его пасетъ“ (Веселовскій)*).

Замѣтимъ еще, что пунктуація изданія 1800 г. въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуетъ исправленія.

Въ заключеніе предлагаемъ здѣсь исправленный текстъ Слова о П. И. съ объясненіемъ допущенныхъ исправленій.

Слово о пльку (полку) Игоревѣ, Игоря сына ***Святъславля, внука Ольгова.***

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича?

Начати же ся тъй (*той*) пѣсни по былинамь сего времени, а не по замышленію Бояню.

Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь (пѣснѣ) творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ (сизымъ) орломъ подъ облакы, помняшеть бо, речь (*рече*), пързыхъ временъ усобіцѣ.

---

*) Мы удерживаемъ въ большинствѣ случаевъ чтенія изд. 1800 г., исправляя только рѣзкія отступленія отъ предполагаемаго правильнаго чтенія. Пунктація разставлена нами. Въ скобкахъ чтенія Архивной рукоп.

Тогда пущашеть (*ся*) 10 соколовь па стадо лебедѣй, которыи дотечаше (*m*) та преди пѣсь (пѣснѣ) пояше: старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святславличю.

Боянъ же, братіе, не 10 соколовь на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера (Владиміра) до нынѣшняго Игоря, иже истягну умь крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти; а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону.

Спала князю умь *похыти* (похоти), и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго.

Хощу бо, рече, копіе преломити конець поля Половецькаго съ вами Русици (Русичи), хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону.

О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ *) подъ облакы, свивая славы оба полы (? *свивая славію оба полкы* **) сего времени, рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы.

Пѣти было пѣсь (пѣснѣ) Игореви—того (Олга ***) внуку.

Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая,—галици стады бѣжать къ Дону великому.

Чили въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовь внуче:

Комони ржуть за Сулою. звенить слава въ Кыевѣ, трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ. Игорь ждетъ мила брата Всеволода.

И рече (речь) ему буй туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый, оба есвѣ Святъславличя; сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди; а мои ти Куряни свѣдоми къмети, подъ трубами повити, подъ шеломы възле-

---

*) Большинство комментаторовъ читають „орломъ".

**) Т. е. походы в. кн. Святослава 1184 г. и Игоря 1185 г. (ср. дальше, какъ иностранцы поютъ славу Святославу кають Игоря).

***) Такъ въ изд. 1800 г. скобки.

лѣяны, (--и) конець копія въскормлени, пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе (себѣ) чти, а князю славѣ.

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше, нощь *стоняше* (стонущи *) ему грозою, птичь (птицъ) убуди свистъ звѣринъ въ *стазби(хъ)*.

Дивъ кличетъ (въ) връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморію, и Посулію и Сурожу, и Корсуню и тебѣ Тьмутараканьскыи блъванъ.

А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому.

Крычатъ тѣлѣгы полунощи,—рци (*рьщи*) лебеди роспущени (роспужени).

Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасутъ птицы подъ облакы **), влъци грозу въсрожатъ по яругамъ, орли клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брещутъ на чръленыя щиты. О руская земле, уже за шеломянемъ еси! Длъго ночь мѣркнетъ, заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

Съ заранія въ пят(*о*)къ потопташа поганыя плъкы половецкыя и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмами и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ и всякыми узорочьи Половѣцкыми.

Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь чрьлена чолка, сребрено стружіе храброму Святьславличю.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, (*о*) ***) далече зале-

---

*) Наша поправка основана на повторенін времени глагола.

**) Въ изд. 1800 г.: „уже бо бѣды его пасетъ птиць: подобію влъци“ и пр. Комментаторы читали: „по дубію“. Но „Слово о в. кн. Дмитріѣ Ивановичѣ“ (рукоп. Ундольскаго) и Задонщины (рукоп. съ XV в.) даютъ соотвѣтствующее мѣсто: „а оуже бѣды их пасоша птицы крылати подоблак летятъ“; „птици небесныя пасущеся ту под синіе оболока“. Но по списку западнорусской Задонщины XVII в., изд. проф. Смирновымъ, въ 1890 г. читаемъ: „вжо побѣды ихъ пашутся а птипы подоблаки летаютъ“. Можетъ быть, слѣдуетъ читать: „уже побѣды его насутъ птицѣ подъ облакы“.

***) Ср. О. далече зайде соколъ.

тѣло! Не было *оно* („къ") обидѣ порождено: ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ поганый половчине!

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть (*си*) синіи млъніи. Быти грому великому итти дождю стрѣлами съ Дону великаго. Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя, на рѣцѣ, на Каялѣ, у Дону великаго!

О Русская земле, уже не (*за*) шеломянемъ еси:

Се вѣтри, стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы. Земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть, пороси поля прикрываютъ, стязи глаголютъ. Половци идуть отъ Дона и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плъкы отступиша. Дѣти *бѣсови* (Бусови?) кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русици преградиша чрълеными щиты.

Ярь туре Всеволоде! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камь туръ поскочаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя, поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе яръ туре Всеволоде. Кая раны дороги, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола и сво(*е*)я милыя хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая?

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля. Были плъци Олговы, Ольга Святьславичя. Тъй (*той*) бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ. Той же звонъ слыша давный великый Ярослав(л)ь сынъ Всеволожь, а Владиміръ по вся утра *уже* (уши?) *закладаше ся* (въ) Черниговѣ. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на *ковылу**) (на канину) зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада князя.

Съ тоя же Каялы Святоплъкъ *по сѣчь* я**) (повелѣя) отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву.

---

*) Ср. въ Задонщинѣ: „летѣти главѣ на траву ковыль.. лежати на зеленѣ ковылѣ травѣ".

**) Поправка Карамзина. См. его Исторію.

Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась.

Тогда по Рускоѝ земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе.

То было въ ты рати и въ ты плъки, а сицеѝ рати не слышано. Съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копіа харалужныя въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи.

Чръна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна, тугою взыдоша по Рускоѝ земли.

Что ми шумить, что ми звенить давечя (далече?) рано предъ зорями?

Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода.

Бишася день, бишася другыѝ, третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы.

Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстроѝ Каялы.

Ту кроваваго вина не доста.

Ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю рускую.

Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братіе, не веселая година въстала. Уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крилы на синѣмъ море у Дону плещучи, убуди жирня *) времена.

Усобица княземъ на поганыя погыбе. Рекоста братъ брату: се мое, а то мое же. И начашя князи про малое се великое млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати, а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую. О, далече заѝде соколъ птиць бья къ морю! А Игорева храбраго плъку не крѣсити. За нимъ кликну Кар(ь)на и Жля **) поскочи по Рускоѝ земли смагу („людемъ“ по Архивному списку) мычючи въ пламянѣ розѣ.

---

*) Мирня?

**) Может быть отъ „карити“—плакать при „желя“—плачъ. Или это искаженныя названія Кобяка и Гзы—половецкихъ хановъ.

Жены Рускія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми. Тоска разліяся по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а поганіи сами побѣдами нарищюще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тіи бо два храбрая Святъславлича Игорь и Всеволодъ уже убуди(--ша? или—ста?), которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь, грозный великый Кіевскый. Грозою бяшеть: притреп(ет)алъ своими сильными плъкы и харалужными мечи (?), наступи на землю Половецкую, притопта хлъми и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ яко вихръ выторже, и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы. Половецкія (жены или дѣвы) *) рускаго злата насыпаша.

Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата. (а) въ сѣдло Кощіево. Уныша бо (*но?*) градомъ забралы, а веселіе пониче.

А Святъславь мутенъ сонъ видѣ въ Кіевѣ на горахъ. Синочь съ вечера одѣвахуть мя, рече, чръною паполомою на кровати тисовѣ, чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено, сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ (ы?, какъ подлежащее?) великый женчюгь на лоно и нѣгуютъ мя. Уже дьскы бесъ кнѣса в моемъ теремѣ златоврьсѣмъ.

В сю нощь съ вечера бо *сиви* (суви?) врани възграяху(ть). *У льсньской на болони бьша дебри Когання и несошася* **) *къ* синему морю.

И ркоша бояре князю: уже *Княжь*(е) туга умь полонила. Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону.

Уже соколома крильца припѣшани(-ли) поганыхъ саблями а самаго (*князя*) ся опутоша, въ путины желѣзны.

---

*) Ср далѣе: „Се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускымъ златомъ. поютъ время“, и проч.

**) Мѣсто это крайне испорчено. Можно и еще допустить чтеніе: „у Плѣсньска на болони на бѣс (ш)едѣ брькисаху и несошася“. Тогда все мѣсто относится къ одинмъ воронамъ.

Темно бо бѣ въ 3 день. Два солнца помѣркоста; оба багряная стлъпа погасоста, и съ нимъ (съ ними, съ нима?) молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, *тъмою ся поволокоста... и въ морѣ погрузиста и великое буйство подаста*(ь) *Хинови* *).

На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла. По Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо.

Уже снесеся хула на хвалу,
Уже тресну нужда на волю,
Уже връжеса Дивь на землю.

Се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня Рускымъ златомъ. Поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю.

А мы уже дружина жадни веселія. Тогда великій Святъславъ изрони злато слово (с) слезами смѣшено и рече: О, моя сыновья, Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити. а себѣ славы искати. Нъ (? *вь*) нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ?

А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовоя (многовой) брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями, съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры и съ Топчакы и съ Ревугы и съ Ольберы. Тіи бо бес щитовъ съ засапожникы кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу.

Нъ (*вь?*) рекосте мужаймѣся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю сами ся подѣлимъ.

А чи диво ся, братіе, стару помолодити?

Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ взбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло княже ми не пособіе, наниче ся годины обратиша. Се *тури ми* (Се Уримъ?) кричатъ подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!

Великый княже Всеволоде! не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ.

Ты бо можеши по суху живыми шереширы стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы.

---

*) Здѣсь допущена нами перестановка, согласно соотвѣтствію предложеній. Мнѣніе это было высказано уже ранѣе насъ.

Ты буй Рюриче и Давыде, неваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? не ваю ли храбрая дружина рыскають, акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ?

Вступита господина въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святславича.

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыя своими желѣзными плъки, заступивъ Королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены*) чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текуть: оттворяеши Кіеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями.

Стрѣляй господине кончака поганого кощея за землю Рускую, за раны Игоревы буего Святславлича.

А ты буй Романе и Мстиславе, храбрая мысль носитъ васъ уже (умъ?) на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи (паробци, см. лѣтопись) подъ шеломы латинскими. Тѣми тресну земля и многи страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулици своя поврьгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи.

Нъ уже, Княже, Игорю утрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони: по Рсіи по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбраго плъку не крѣсити. Донъ ти, княже, кличетъ и зоветь князи на побѣду. .

Олговичи храбрыи князи доспѣли на брань. Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи не худа гнѣзда шестокрилии непобѣдными жребіи собѣ власти расхытисте? Где (кое) ваши златыи шеломы и сулицы ляцкіи и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы буего Святъславлича.

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ.

Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія, притрепа славу дѣду своему Всеславу,

---

*) „Бремены“ вм. времены можно допустить по сравненію съ выраженіями Лѣтописца Волынскаго „меташа каменемъ“ и Іоанна Грознаго къ Курбскому (Буслаевъ, исторія Христ. стр. 867): „и скудоумными глаголы, яко на небо каменіемъ меща, нелѣпая глаголеши“.

а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи, и слово ту на крови той (и схоти ю на кровать и) и рекъ: дружину твою, княже птицѣ (птиць) крилы пріодѣ(ша), а звѣри кровь полизаша.

Не быс(т)ь ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе.

Унылы голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи. Ярославе и вси внуце Всеславли уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени; уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которою (которое) бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи..

На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о конѣ (кони) и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стружіемь злата стола Кіевскаго, скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ, утрѣ же вознзи стрикусы оттвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновъ. Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше, изъ Кыева дорискаше до куръ Тмуторокани, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку смысленный рече: ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божіа не минути. О стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей. Того стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ кіевскимъ, сего-бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы, нъ розьно ся имъ хоботы пашутъ. Копіа поютъ на Дунаи.

Ярославнынъ гласъ (ся) слышитъ, зегзицею незнаемь рано кычеть, Полечю, рече зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.

Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ аркучи: о вѣтрѣ, вѣтрило! чему господине насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои?

Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему господине мое веселіе по ковылію развѣя?

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ аркучи: о, Днепре Словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ носады до плъку Кобякова; възлелѣй господине мою ладу къ мнѣ, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано.

Ярославна рано плачетъ въ (къ) Путивлѣ на забралѣ аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси. Чему господине простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче,

Прысну море полунощи, идутъ сморци мьглами, Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую къ отню злату столу.

Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца.

Комонь (кликну) въ полуночи; Овлуръ свисну за рѣкою, велить князю разумѣти князю Игорю не быть (кликну?). Стукну земля, въшумѣ трава. Вежи ся Половецкіи подвизашася, а Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду, въвръжеся на бръзъ комонь и скочи съ него босымъ влъкомъ и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу. Претръгоста бо своя бръзая комоня.

Донецъ рече: княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселія. Игорь рече: о Донче! не мало ти величія лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу, стрежаше е(го) гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стуіна худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы (п)ростре на кусту? Уношу князю Ростиславу затвори Днѣпрь (при) темнѣ березѣ.

Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо ся тугою къ земли прѣклонило.

А не сорокы втроскоташа на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ:

Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, по лозію (полозіе=змѣи) ползоша(,) только дятлове тек-

томъ путь къ рѣцѣ кажуть, соловіи веселыми пѣс(н)ьми свѣтъ повѣдають.

Млъвитъ Гзакъ Кончакови: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича ростреляевѣ своими злачеными стрѣлами.

Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею.

И рече Гзакъ (къ) Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ.

Рекъ Боянъ исходъ (с)ына Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольга когда гоняхуть (ова когания хоти) и: тяжка ти головы, кромѣ плечю, зло ти тѣлу, кромѣ головы, Руской земли безъ Игоря.

Солнце свѣтится на небесѣ,
Игорь князь въ Руской земли.
Дѣвици поютъ на Дунаи.
Вьются голоси чрезъ море до Кіева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей.
Страны ради, гради весели.
Пѣвше пѣснь старымъ Княземъ, а потомъ молодымъ.
Пѣти слава Игорю Святъславлича, Буй Туру Всеволодѣ, Владиміру Игоревичю.
Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки.
Княземъ слава а дружинѣ.
Аминь.

Слово Даніила Заточника и его редакціи. Отношеніе Слова къ древнерусской литературѣ изреченій и проч. (переводной и оригинальной).

VII.

Свѣтскому же лицу, какъ Слово о Полку Игоревѣ, принадлежитъ и первоначальное сочиненіе Слова Даніила Заточника. Сборники XV—XVII вв. сохранили намъ нѣсколько редакцій этого Слова, которыя относятъ къ XII вѣку (списки XVII в., съ заглавіемъ: „Слово Данила Заточеника еже списа своему Князю Ярославу Володимеровичю") къ XIII вѣку (по спискамъ съ XV в. „Посланіе", или „Моленіе Даніила Заточенаго къ в. кн. Ярославу Всеволодовичю") и, можетъ быть, къ XVI и XVII вв. подъ названіемъ просто „Слово Данила Заточеника".

По всей вѣроятности первоначальная редакція этого Слова, въ видѣ Посланія или Моленія какого-то заточеннаго княжескаго слуги, или даже и дружинника, относилась къ Андрею Владиміровичу, переяславскому князю (1135—1141 г.), сыну Владиміра Мономаха. И въ Словѣ и въ Лѣтописи (по Ипатьевскому списку подъ 1140 г.) одинаково приписывается слѣдующее изреченіе Андрею: (по лѣтописи) „пришедъ же Всеволодъ къ Переяславлю, хотѣ выгнати Андрѣя, а брата своего посадити, Андрѣеви рекуче: „Курьску изволи ити". и Андрѣй тако рече съ дружиною своею: „лѣпьши ми того смерть и съ дружиною на своей отчинѣ и на дѣдинѣ взяти, нежели Курьское княженіе, отець мой Курьскѣ не сѣдѣлъ но въ Переяславли"; (по Слову) не лгалъ бо ми Ростиславъ (или Ярославъ) князь: лѣпши ми смерть, а не Курское княженіе". Слѣдующая редакція могла относиться уже къ Ярославу, сыну Владиміра Мстиславича, правнуку Мономаха, (1181—1899 гг.) и наконецъ—къ

Ярославу Всеволодовичу (1191—1246). Последняя и называется редакціей Слова Даніила Заточника XIII в.

Приведемъ прежде всего содержаніе редакціи XII в. и затѣмъ отмѣтимъ измѣненія или дополненія въ слѣдующихъ редакціяхъ. „Вострубимъ, братіе, яко во златокованныя трубы, въ разумъ ума своего (такъ начинается Слово) и начнемъ бити въ сребреные органы и возвѣемъ мудрости своя“. Слѣдуютъ изреченія изъ Псалтыри, Притчей Соломона, Сираха и другихъ библейскихъ книгъ. „Се же бѣхъ написалъ бѣжа отъ лица художества моего, аки Агаря рабыня отъ Сарры госпожи своея. Но видѣхъ, господине княже, твое добросердіе къ себѣ и притекохъ ко обычной твоей любве“. Трудно что либо вывести о личности Заточника который говоритъ о своихъ обидахъ, нищетѣ, печали, злыхъ княжескихъ думцахъ, тіунахъ и рядовичахъ, наконецъ даже—о злой женѣ, пользуясь выраженіями переводныхъ поученій, словъ и болѣе всего св. Писаніемъ. Однако, слѣдующія мѣста, до нѣкоторой степени, опредѣляютъ историческія и бытовыя черты русской древности: „Кому любово, а мнѣ горе лютое; кому бѣло озеро, о мнѣ черныя смолы; кому лачь озеро, а мнѣ на немъ сѣдя плачь горькій; кому ти есть Новгородъ, а мнѣ углы опали зане не процвѣте часть моя“. Даніилъ Заточникъ приводитъ здѣсь указаніе на мѣсто своего заточенія—Лачь озеро, о чемъ говорятъ и лѣтописи, подъ 1378 г. (Троицкая пергаменная, Никоновская и др.), разсказывая о какомъ—то священникѣ сосланномъ на Лаче озеро „идѣже бѣ Данило Заточенникъ“ или Затворникъ (по Татищевской Исторіи Россійской 1784 г., IV. 256). Конечно, лѣтописи не донесли намъ всего, и кое-что мы можемъ найти въ другихъ памятникахъ русской письменности. Такъ наше Слово приводитъ изреченіе в. кн. Святослава Игоревича, сына Ольги: „занеже мужи злата добудуть, и златомъ людей не добыти. якоже рече Святославъ Князь, сынъ Ольгинъ, иде на царя (Царьградъ) съ малою дружиною. и рече: братіе намъ ли отъ града погинути, или граду отъ насъ плѣнену быти?“ Противополагая бѣдныхъ богатымъ, щедрыхъ князей и бояръ—скупымъ, Даніилъ Заточникъ приводитъ слѣдующее важное въ бытовомъ отношеніи выраженіе: „не имѣй себѣ двора близъ княжа двора; не держи села близъ княжа села: тіунъ бо его яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устережишися, но отъ искры не можешь устрещися жженіе портъ.“ Княжескій дворъ изображается и въ другихъ мѣстахъ Слова: „зъ добрымъ бо думцею князь высока стола додумаетца, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малого

стола лишенъ будетъ". Это соотвѣтствуетъ извѣстному намъ наставленію митр. Никифора, преподанному в. кн. Владиміру Мономаху. Отношенія князя къ дружинѣ, составляющія славу князя и успѣхи дружины, отношенія внутреннія—семейныя выступаютъ въ отдѣльныхъ изреченіяхъ Слова, соединенныхъ чисто внѣшнимъ образомъ, безъ системы, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ Слова: дивья бо (диво ли) за буяномъ кони паствити (въ переводѣ проф. Соболевскаго: хорошо за горою коней пасти, т. е. въ укромномъ, прикрытомъ отъ вѣтра мѣстѣ), а за добрымъ княземъ воевати. Многажды бо безнарядіемъ полцы погибаютъ. видѣхъ великъ звѣрь, а главы не имѣетъ: тако и добрые полки безъ добра князя (погибаютъ). гусли бо строятся персты, а тѣло основается жилами, а дубъ крѣпится множествомъ коренія: тако и градъ нашъ крѣпится твоею державою".

Личными обращеніями къ князю оканчивается Слово съ молитвенной просьбой: „азъ бо, княже господине, ни за море ходилъ ни отъ философъ научился, но быхъ яко падая пчела по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя яко медвеный сотъ, тако и азъ по многымъ книгамъ собирая сладость словесную и разумъ и совокупихъ яко мѣхъ воды морскія, а не отъ своего разума". Смиренно сдерживая свои „словеса", ихъ легкое развитіе путемъ выписокъ, припоминаній изъ исторіи и быта, Заточникъ оканчиваетъ слѣдующей молитвой: „Господи! дай же князю нашему силу Самсонову, храбрость Александрову, Іосифовъ разумъ, мудрость Соломоню, кротость Давидову и умножи Господи вся человѣки подъ руку его". По всей вѣроятности, къ заключенію этой первой редакціи Слова присоединена была уже позднѣе слѣдующая легенда о лицѣ автора: „сіи словеса азъ Даниилъ писахъ въ заточеніи на Бѣлѣозерѣ, и запечатавъ въ воску и пустихъ во озеро и веемъ рыба пожре, и ята бысть рыбаремъ, и принесена бысть ко князю и нача ея пороти и узрѣ князь сіе написаніе и повелѣ Данила свободити отъ горькаго заточенія". Такъ еще въ глубокой древности передавалась легенда о царѣ Давидѣ, который въ ларцѣ бросилъ свой Псалтирь въ озеро, а Соломону принесли рыбу и въ ней нашли Давидову псалтырь. Таково же извѣстное сказаніе о Поликратовомъ перстнѣ. Попытаемся однако отмѣтить порядокъ въ развитіи содержанія слова по первой редакціи.

Вступленіе совершенно отвлеченно и риторично представляетъ общія мѣста и только далѣе, какъ мы видѣли уже, содержатся намеки на мѣсто и время написанія въ пословичныхъ выраженіяхъ

о Бѣло-озерѣ, Новгородѣ, князѣ и проч. Дружинникъ потерялъ любовь князя, подпалъ его гнѣву, въ которомъ онъ винитъ близкихъ князя. Онъ жалуется на свою бѣдность; но не хочетъ слѣдовать совѣтамъ не то князя, не то практическихъ людей: „или речеши: женися у богата тестя, чти дѣля а ту пей и яжь, и веселися въ великой радости и любве; то лѣпше волъ ввести въ домъ свой, нежели злая жена поняти: волъ бо не молвитъ, ни зла мыслитъ, а злая жена бьесла бѣсится а кротима высится, въ богатствѣ гордится, а во убожествѣ иныхъ осужаетъ... но по сему разсмотрите злу жену, иже речетъ мужу своему: господине мой, свѣте очію моею! азъ на тя не могу зрѣти; егда глаголеши ми, тогда взираю на тя и обумираю, и воздрожатъ мя уды тѣла моего.“ Какъ видно, подъ руками автора было много книгъ—сборниковъ съ извлеченіями изъ словъ о злыхъ женахъ, и онъ, по личному ли положенію, или по характеру своихъ источниковъ, не поскупился ввести въ сатирическое изображеніе княжескихъ слугъ и злыхъ женъ.

Изображая послѣднихъ, какъ уже давно замѣтилъ акад. Сухомлиновъ (Извѣстія И. Академіи Наукъ по Отд. Русск. яз. т. 4, 1855 г., 131 стр. и.д.), авторъ пользовался словами Іоанна Златоустаго изъ Златоструя, изъ Пчелы, при чемъ и при заимствованіяхъ въ авторѣ примѣтна своего рода самостоятельность: онъ пользовался чужою мыслію, придавая собственное выраженіе. Сухомлиновъ отмѣтилъ здѣсь и вліяніе народной поэзіи по распространенной формѣ загадокъ, „древность которой открывается въ удержаніи ея въ народной словесности многихъ нашихъ соплеменниковъ“.

Вторая, болѣе обширная редакція Слова Даніила Заточника, XIII в. представляетъ, при общемъ сходствѣ съ первой редакціей, въ теченіи мыслей, значительныя дополненія, нѣкоторыя изъ которыхъ, по всей вѣроятности, относятся къ древнему оригиналу, прототипу Посланія, сокращенному въ дошедшей до насъ первой редакціи Слова XII в. Таково слѣдующее интересное мѣсто объ иностранныхъ потѣшникахъ, какіе изображены и на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора,—къ сожалѣнію мѣсто испорченное по обилію непонятыхъ иностранныхъ названій позднѣйшими русскими переписчиками: „Княже мой господине. Королязи бо и коварп одорозѣ рытиры могистрове, дуксовѣ, бошкородѣ и ѳорози тѣмъ имѣютъ честь и милость у поганыхъ солтановъ и у королевъ. инъ вспадъ на ѳарь бѣгаетъ чрезъ подруміе, отчаявся живота. а иный летаетъ съ церкви или съ высоки палаты наволочиты крилы. а инъ нагъ мечется во огнь, показающе крѣпость сердецъ своихъ царемъ сво-

имъ а инъ прорѣзавъ лыста обнажи кости голеней своихъ кажетъ цареви своему, являетъ ему храборство свое, а иный скочивъ метается, въ море съ брега высока конемъ своимъ очи накрывъ, ѳареви ударая по бедрамъ глаголетъ: сѣни (сице) ту ѳенардусъ зачесть и милость царя нашего отчаяхомся живота. а инъ привязавъ вервь къ уху церковному, а другій конецъ къ земли отнесъ далече церкви и по тому бѣгаетъ долу, емся одною рукою за конецъ на верви той, а въ другой руцѣ держа мечь наголо. а инъ обвився мокрымъ полотномъ борется рукопашъ съ лютымъ звѣремъ". И. А. Шляпкинъ въ изданіи „Слова Даніила Заточника (Спб. 1889 г.) по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ" такъ переводитъ это мѣсто: „коболязи и ковали—охорозе (рitеры магистрове дуксове) машкарисъ фрязи... инъ вскочивъ на лошадь скачетъ чрезъ ипподромъ съ опасностью для жизни. а иный летаетъ съ церкви или съ высокія палаты на матерчатыхъ крыльяхъ; а иной привязавъ веревку къ куполу церковному, а другой конецъ отнеся къ земли подальше отъ церкви бѣгаетъ на веревкѣ внизу (на манеръ гигантскаго шага), держась за нее одной рукой, а въ другой держа обнаженный мечъ; а иной обвився мокрымъ полотномъ борется въ рукопашную съ барсомъ". Уже акад. Веселовскій сблизилъ это мѣсто Слова съ скоморошьими играми византійцевъ XII—XIII вв., изображенными и на софійскихъ фрескахъ. Заключеніе Слова по разсматриваемой редакціи XIII в. имѣетъ еще слѣдующее молитвенное обращеніе; „воскресни боже, суди земли, воздвигни князя, убуди бояръ, умножи силу князю нашему, укрѣпи и утверди лѣнивыя, вложи ярость страшливымъ въ сердце, не дайже, Господи, въ полонъ земли нашей языкомъ незнающимъ Бога". Это уже относится, несомнѣнно, ко времени страшныхъ татарскихъ нашествій.

Обратимся теперь къ источникамъ Слова Даніила Заточника Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ вопросъ объ отношеніи нашего памятника къ извѣстному сборнику „Пчелъ". Не повторяя того, что уже сказано нами выше о Пчелѣ, разсмотримъ только ближайшее отношеніе Слова и Пчелы. Большею частію мы встрѣчаемся съ такими отношеніями, которыя представляютъ совпаденія съ св, Писаніемъ. Однако намъ кажется, что выраженія Даніила Заточника ближе всего къ выраженіямъ Пчелы, напримѣръ: „Богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть и въ чюжей землѣ (странѣ) друзи имѣетъ, а убогъ мужъ и во своихъ невидимо ходитъ. (не вѣдѣ ходити; ненавидимъ ходить). Богатъ возглаголетъ вси взмолчать, а слово его вознесутъ до облакъ, а убогъ возглаголетъ вси на нь кликнутъ,

(слово его не услышано), и уста ему заградять, ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна" (изводъ XII в.). „Богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть и въ чюжемъ градѣ, а убогъ мужъ и въ своемъ градѣ невидимо ходитъ (невѣдомъ ходитъ); богатъ мужъ возглаголетъ, то всѣ молчатъ и слово его до облакъ *вознесутъ*, а убогъ (мужъ) возглаголетъ, то всѣ на него воскликнутъ, ихъ же бо ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна" (изводъ XIII в.).

Сравниваемъ выдержки изъ 12 слова „пчелы" о богатствѣ и о убожествѣ и о сребролюбьи: „богатый възглаголеть и вси оумолкоша и слово его възвысиша до облакъ" (ср. Сирахъ: богатый възглагола и вси умолчаша и слово его *вознесоша даже*, до облакъ). По изданію проф. Шляпкина приводятся еще слѣдующіе тексты изъ Пчелы: „чья риза свѣтла, того и рѣчь честна: а чья риза худа, того и рѣчь непріятна. Богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть, въ чюжемъ градѣ имѣетъ друзи, а убогій въ своемъ градѣ невидимъ ходитъ. Богатъ возглаголетъ, то вси умолчатъ, и слово его возвысится до облакъ; оубогъ мужъ рече мудро слово, но не послужаютъ его, и вси на него кликнутъ; богатъ мужъ рече и безумно слово—вси его послушаютъ и мудра его творятъ". Къ этому сходству Моленія съ Пчелой, въ особенности въ области совпаденія цитатъ изъ св. Писанія, можно присоединить еще слѣдующія двѣ, отмѣченныя г. Гусовымъ вь статьѣ „Къ вопросу о редакціяхъ Моленія Даніила Заточника" (Одесса, 1899 г., стр. 23 и 28): „мудра дума паче многихъ рукъ, и мудрый паче крѣпкаго" (Діодоръ и Даніилъ) и „видѣхъ полкъ безъ добра князя и рекохъ: великъ звѣрь безъ главы", или „главы не имѣетъ" (въ Пчелѣ: „видѣ много вои безъ добра воеводы и рече: великъ звѣрь, но главы не имать". (Древняя Русская Пчела по пергаменному списку, 1893 г. стр. 109). Все это доказываетъ вліяніе Пчелы на Моленіе Даніила уже по древнѣйшимъ редакціямъ XII—XIII вв.

Кромѣ Пчелъ изъ византійской литературы недавно были указаны (г. Щуратомъ см. статью г. Лященка; „О моленіи Даніила Заточника", 1896 г.) въ качествѣ источника для нашего Моленія поэмы греческаго хрониста XII в. Михаила Глики, а отчасти и его современника Ѳеодора Птохо Продрома. Все, что въ Словѣ относится къ Даніилу Заточнику, по мнѣнію г. Щурата, взято прежде всего изъ указанныхъ греческихъ произведеній, а затѣмъ изъ народныхъ сказаній (мѣстный колоритъ „Слова" и историческія черты XII в.); мотивы гнотической части „Слова" исходятъ отчасти изъ перваго

источника, отчасти изъ подобныхъ гномическихъ сборниковъ русской редакціи.

Поэма Михаила Глики, написанная между 1159 и 1164 гг., носитъ заглавіе: Στίχον γραμματίκου Μίχαὴλ τοῦ Γλυκᾶ οὓς ἔγραψε, и проч. Въ этомъ сборникѣ, подъ изреченіемъ Αποθάμενος φίλον οὐκ ἔχει, приводится личная исторія его составителя: „Наказаніе тяжело отразилось на составителѣ, онъ лишился всего; друзья и родные убѣгаютъ отъ него, грабители воспользовались его имуществомъ и, считая его мертвецомъ, до чиста ограбили бѣдный его домъ, такъ что бывши прежде полуголымъ, теперь онъ сдѣлался голымъ вполнѣ; поэтому всемилостивѣйшій императоръ, можетъ быть, смилуется надъ нимъ, пріодѣнетъ его, за это онъ снова будетъ славить его могущество, можетъ быть, императоръ освободитъ его изъ темницы, гдѣ онъ страдаетъ не четыре дня, а уже пять лѣтъ. Если императоръ смилостивится надъ нимъ, онъ дастъ волю своимъ устамъ для возвеличенія императора, всю жизнь онъ будетъ молиться за него, увѣнчаннаго побѣдами". Съ этимъ описаніемъ Глики совпадаетъ слѣдующее изображеніе горькой доли Заточника въ Моленіи: „азъ бо есмь яко трава блещана, растуща за стѣнію, на нюже ни солнце сіяетъ, ни дождь идетъ; тако и азъ, княже господине, всѣми обидимъ есть, зане огражень есть страхомъ грозы твоея"; „Друзи же мои и ближніи мои и тіи отвергошася мене... очима плачють со мною, а сердцемъ смѣютмися"; „Княже господине, яви ми зракъ лица твоего, яко гласъ твой сладокъ и образъ твой государевъ красенъ, и лице твое свѣтло и благолѣпно, а разумъ твой государевъ якоже прекрасный рай многоплодовитъ"; „Но постави сосуды скудельничьи подъ потокъ капля языка моего, да накаплють ти сладчайши меду словеса устъ моихъ".

Итакъ источники Моленія Даніила Заточника заключаются въ переводной древнерусской литературѣ, отчасти въ народной поговорочной, отчасти въ греческой византійской. Кромѣ Библіи (особенно много изреченій изъ Псалтири, Притчей Соломона, Іисуса Сираха, Екклезіаста, Евангелія), авторъ Моленія пользовался Стословомъ патріарха Константинопольскаго Геннадія, Поученіями древне русскихъ сборниковъ (напр. о злыхъ женахъ, о мудрости) Пчелой, Словомъ или повѣстью объ Акирѣ Премудромъ.

„Но всѣ отысканные источники заимствованій, говоритъ г. Гусовъ въ статьѣ „Къ вопросу о редакціяхъ Моленіи Даніила Заточника" (Одесса, 1899 г.), не могутъ дать отвѣта на вопросъ, откуда черпалъ авторъ Моленія, непосредственно ли изъ этихъ разрознен-

ныхъ источниковъ, собирая матеріалъ „какъ пчела свой медъ, летая съ цвѣтка на цвѣтокъ", по выраженію самого Даніила, или подъ руками у автора была уже болѣе или менѣе готовая схема, составлявшая трудъ иного лица, быть можетъ, схема византійскаго происхожденія; наконецъ, есть мѣста въ Моленіи, параллелей для которыхъ никакихъ еще не отыскано".

Тотъже авторъ отзывается о Моленіи, какъ литературномъ памятникѣ: „Моленіе есть продуманное въ частяхъ и въ цѣломъ произведеніе; оно написано по опредѣленному плану и проникнуто одной идеей; въ авторѣ его надобно видѣть человѣка, знакомаго не только съ книжной мудростью, но и знающаго тайники человѣческаго сердца, умѣющаго, прикрываясь шуткой или ловкимъ изворотомъ мысли, показать себя со стороны наиболѣе выгодной; вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно, что авторъ чувствуетъ свое умственное превосходство, знаетъ, что образъ дѣйствій его всегда есть и былъ согласенъ съ требованіями разума и практическаго смысла". Еще нѣсколько словъ объ отношеніи Моленія къ пословицамъ и стариннымъ сборникамъ пословицъ. У. Даля въ Пословицахъ Русскаго народа находимъ изреченіе Даніила Заточника? „Золото огнемъ искушается, а человѣкъ напастьми". Подобное изреченіе встрѣчается у Менандра: „золото на огнѣ можетъ быть испытано, а расположеніе друзей узнается въ трудную минуту". Это изреченіе приводятъ изъ древнихъ Цицеронъ и Сенека. Даже въ книгахъ Ветхаго Завѣта находимъ нѣчто подобное (см. Тимошенки: Литературные первоисточники и прототипы 300 русскихъ пословицъ 1897 г.. 81—82 стр.). Изъ Менандра же и изъ другихъ греческихъ источниковъ заимствованы, повидимому, изреченія Заточника о злообразной женѣ. Такія выраженія встрѣчаются также у Григорія Богослова: „звѣрей всѣхъ свирѣпѣйши есть жена", „буря велія есть дому злая жена", „со львомъ лучше жить, нежели съ женою злою", и проч. Есть нѣсколько произведеній древнерусской письменности, которыя стоятъ въ связи съ Словомъ Даніила Заточника. Таково напр. „Поученіе Кирила философа" (Извѣстія И. Ак. Н. по отд. Русск. яз. 4 т., 138 стр. и.д.), начинающееся словами: „Брате Варѳоломѣю, пріиди ко мнѣ, акы пчела къ цвѣту, приклони уши свои.. Брате мой, буди унъ тѣломъ, нъ умомъ старъ буди, и въструби въ трубу смысла своего".. „Брате мой, несѣй жита на браздахъ, ни мудросте на сердци съ безумнымъ" „Якоже ластовица частяще пѣсни отгонитъ сладость пѣснѣную". Всѣ подобныя выраженія почти также читаются и въ Словѣ Даніила Заточника. Въ поученіяхъ, обращенныхъ къ сыну

къ дѣтямъ отъ отца, можно также находить черты сходства съ разсматриваемымъ нами произведеніемъ. Вліяніе Слова Даніила Заточника можно усматривать въ русскихъ словахъ XIV—XV вв., составленныхъ въ поговорочномъ стилѣ народныхъ притчъ, народныхъ пѣсенъ. Таковы слова о лѣнивыхъ. сонливыхъ и упьянчивыхъ, или о хмѣлѣ въ Златоустахъ, Измарагдахъ или въ безымянныхъ сборникахъ.

Древнерусская письменность, не вошедшая въ предшествующее обозрѣніе до XIV вѣка. Русская Правда и грамоты. Вопрошанія Кирила, Саввы и Иліи. Слово о погибели Рускыя земли. Сказанія о Татарскомъ нашествіи (лѣтописныя) и житія святыхъ. Взглядъ на послѣдующее время.

VIII.

Мы должны еще сказать нѣсколько словъ о памятникахъ древнерусской письменности, не вошедшихъ въ предшествующее обозрѣніе для дополненія общаго представленія о древнерусской письменности до-монгольскаго времени. Таковы свѣтскіе и церковные уставы и грамоты, изложенные болѣе или менѣе искусно, иногда на основаніи чужеземныхъ источниковъ. Иногда они заключаютъ интересныя культурныя подробности, какъ вопросы Кирика, Саввы и Иліи. Старинные договоры лежатъ въ основѣ древнерусскаго лѣтописанія и отражаютъ греческое византійское вліяніе. Не говоря о такихъ переводныхъ памятникахъ, какъ Номоканонъ, церковныя правила, монастырскіе уставы, даже въ Русской Правдѣ и въ грамотахъ могло отражаться греческое вліяніе. Въ XIII в. къ нему присоединяется вліяніе латинское и нѣмецкое, напр. въ Смоленской Торговой Правдѣ 1229 г. и послѣдующихъ. Лѣтописи вносили на свои страницы духовныя грамоты (Ярослава I), рукописанія (Владиміра Васильковича); они дошли и отдѣльно, какъ Грамота кн. Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву монастырю 1130 г., Купчая Антонія римлянина до 1147 г., Вкладная грамота Варлаама Хутынскому монастырю около 1192 г., договорныя грамоты Новгорода и Смоленска XIII вѣка. Кромѣ общаго юридическаго начала въ этихъ грамотахъ отражается еще историческій интересъ, приближающій ихъ къ лѣтописямъ: „Что дѣлается во времени, гла-

ситъ извѣстная Смоленская Правда 1229 г. (договоръ Смоленскаго князя Мстислава съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами), то и исчезаетъ во времени; но если приказано будетъ добрымъ людямъ или утверждено грамотою, то будетъ всѣмъ вѣдомо и тѣмъ, кто послѣ (насъ) въ живыхъ останется“ (переводъ М. Ф. Владимірскаго-Буданова: Христоматія по Исторіи Русскаго Права, вып. I, 1889 г., стр. 97: „Что ся дѣетѣ по вѣремьнемь, то отиде то по вѣрьменемь; приказано будѣте добрымъ людемъ, а любо грамотою утвердять, како то будѣте всѣмъ вѣдомъ, или кто после живыи останѣться“). До насъ не дошли первоначальные памятники, нѣкоторые изъ коихъ могли храниться въ памяти, напримѣръ суды и уставы князей, ихъ думы, ихъ тіуновъ. Лѣтописцы и составители сборниковъ стали дѣлать своды и записи судовъ и уставовъ. Таково происхожденіе знаменитой Русской Правды, сохранившейся въ спискахъ, начиная съ XIII в. Въ ней соединено нѣсколько памятниковъ отъ времени Ярослава I, Владиміра Мономаха и друг., причемъ названы и думные бояре князей. Отдѣльныя выраженія послѣднихъ въ лѣтописяхъ относятся также къ разряду судебныхъ памятей. Вслѣдствіе близости къ жизни, всѣ эти памятники, какъ и грамоты (исключая церковныхъ) писаны простымъ языкомъ, приближавшимся къ разговорному.

Въ той самой Кормчей XIII в., въ которой находится списокъ Русской Правды, заключаются любопытныя Впрашанія Кирика, Саввы и Иліи съ отвѣтами Нифонта, епископа Новгородскаго, и другихъ іерархическихъ лицъ. Это замѣчательный памятникъ каноническаго права (напечатанъ въ Русской Исторической Библіотекѣ, издаваемой Археографическою Коммиссіею т. VI, 1880 г.—Памятники древнерусскаго каноническаго права, Ч. I), характеризующій новгородскую жизнь и религіозное направленіе XI—XII вв. Въ виду множества вопросовъ, касающихся брака и женщинъ, можно догадываться, что вопросы новгородскихъ духовныхъ были вызваны многочисленными отступленіями міряиъ, а, можетъ быть, и истекали отъ послѣднихъ. Новгородцы выступаютъ въ этомъ драгоцѣнномъ памятникѣ еще людьми двоевѣрными, склонными къ язычеству, къ суевѣріямъ, или къ мелкимъ церковнымъ обрядамъ. Старое языческое направленіе, смѣшанное съ подражаніями иноземцамъ-латинянамъ и финнамъ, преобладало въ жизни новгородцевъ и требовало церковнаго вмѣшательства. Такъ и епископъ Илія—Іоаннъ вооружился противъ языческихъ и мірскихъ обрядовъ новгородцевъ. Кирикъ, Илія и Савва ссылаются чаще всего на Правила или за-

повѣди Іоанна Постника (лежавшія въ основѣ Номоканона или Кормчей Книги), на посланія Ѳеодосія Печерскаго, на Канонъ св. Василія (вѣроятно, Правила Василія В.), на Посланія митрополита Георгія Русскаго, но болѣе всего на отвѣты Нифонта, епископа Новгородскаго († 1156 г.), вышедшаго изъ Кіево-Печерской обители. Вопросы Кирика, Саввы и Иліи обличаютъ въ авторахъ Новгородцевъ, близко стоявшихъ къ окружавшей ихъ жизни и, вслѣдствіе того, въ значительной степени наивныхъ, съ точки зрѣнія аскетическихъ идеаловъ.

Многіе изъ ихъ вопросовъ относятся къ области тайныхъ епитемейниковъ и неудобны для печати, представляя спеціальный научный интересъ.

Грязные пороки языческаго общества выступаютъ въ нихъ съ простодушной откровенностью. Этому состоянію общества отвѣчали и книги апокрифическаго и отреченнаго содержанія съ странными заповѣдями, и молитвенники съ ложными молитвами. Такимъ образомъ, сѣверно-русское духовенство съ древнѣйшихъ временъ поставлено было въ менѣе счастливыя условія, чѣмъ южнорусское, болѣе просвѣщенное и болѣе связанное съ Греціей. Отсюда недоуменные вопросы на сѣверѣ Руси принимали видъ ересей, что, послѣ паденія Кіева, и выразилось въ направленіяхъ стригольниковъ и жидовствующихъ. Въ Вопросахъ Кирика, Саввы и Иліи нѣтъ опредѣленной системы: за вопросами о церковной службѣ, священнодѣйствіяхъ, о монашествѣ, о крещеніи латинянъ, о паломничествѣ въ Ерусалимъ, слѣдуютъ вопросы о причащеніи, о порядкѣ службы, о толкованіи Евангелія и Пророчествъ, о Крестѣ Господнемъ, объ иконахъ, о жизни поповъ, о рожаницахъ, о погребеніи мертвецовъ, о скоромномъ въ постъ (напр. даже о стучаніи яйцомъ въ зубы до причастія), о рыбьей крови, о дичинѣ (напр. о тетеревинѣ: „а тетеревину принесли ему бяху на пиръ, и повелѣ ему преметати черезъ тынъ“), даже о мѣховой одеждѣ, о женскомъ платѣ, вшитомъ въ церковную ризу, объ исповѣди, о печеньи просфоръ, о пьянствѣ, о суевѣрныхъ обрядахъ для вызыванія мужской любви (напр. давая пить воду изъ сосудовъ, служившихъ для обмыванія женскаго тѣла), и проч. Наивность вопросовъ видна уже изъ этого перечета, но не лишнее привести еще нѣсколько примѣровъ: „достоить ли, рече (говорятъ, или говорится), глинену сосуду молитву даяти оскверншюся, ци ли толико древяну, а инѣхъ избивати?— (епископъ отвѣчалъ) якоже древяну, такоже глинену, тако мѣди, и стеклу, и сребру, и всему творится молитва“; „икону погребли

бяху съ мертвецемъ святого Михаила и не повелѣ възгребати: крестьянинъ, рече, есть"; „а въ лохани, рече, въ ней же мывся, пью изъ нея, ину воду вульявъ," и проч.

Присматриваясь ближе къ набору этихъ вопросовъ, мы видимъ разнообразіе источниковъ, которые вызвали ихъ. Уставы монашескіе и бѣлечскіе, церковныя, и отреченныя правила, ходячія легенды (напр. о крестѣ на воздухѣ, или о подножіи его на землѣ), неустановившаяся практика новгородской церкви, обращеніе къ крещенію болгаръ, половецъ, чюдинъ и словѣнъ, латинянъ—вотъ почва, на которой возникли сборники правилъ, назначенныхъ, собственно, для духовенства. Конечно, на форму вопросовъ и отвѣтовъ повліяли подобныя греческія произведенія въ переводной славянской литературѣ.

XIII вѣкъ ознаменовался страшнымъ нашествіемъ на Русь татаръ. Лѣтописи полны разсказами о нихъ съ 1224 года, причемъ скорбные факты соединяются съ легендами о происхожденіи татаръ, съ пѣсеннымъ изложеніемъ, съ эпическимъ разсказомъ (о взятіи Кіева, объ Евпатіѣ Коловратѣ). Слово о Полку Игоревѣ должно было воскреснуть съ новой силой въ такую эпоху, и дѣйствительно, есть нѣсколько памятниковъ, близкихъ къ нему по подробностямъ и изложенію. Таковы: „Слово о погибели Рускыя земли, о смерти великаго князя Ярослава" (1238–1247), сказаніе о Евпатіѣ Коловратѣ, житіе Александра Невскаго и, быть можетъ, тѣ былевыя записи о богатыряхъ, какія мы находимъ въ Никоновской лѣтописи и въ болѣе старыхъ лѣтописныхъ сводахъ, какъ Тверской XV в. Отрывокъ поэтическаго сказанія, извѣстный подъ именемъ „Слова о погибели Русскія земли" (Памятники Древней Письменности, LXXXIV: Слово о погибели Рускыя земли, вновь найденный памятникъ литературы XIII вѣка, сообщеніе Хрусанѳа Лопарева, 1892 г.) имѣетъ нѣсколько общихъ мѣстъ съ задонщиной XV в., съ сказаніемъ объ Александрѣ Невскомъ, напр.: „вѣсть подаваша порожнымь землямь за волгу, к желѣзнымь вратамь к риму до черемисы до чаховъ до ляховъ до устюга поганыхъ татаръ за дышущемь моремь", и проч. Время происхожденія отрывка, крайне неудачнаго въ поэтическомъ отношеніи, опредѣляется слѣдующими заключительными его словами: „а въ ты дни болѣзнь крестьяномъ отъ великаго Ярослава и до Володимера и до нынѣшняго Ярослава и до брата его Юрья князя Володимерьскаго". Начало Слова вызываетъ сильное сомнѣніе по несоотвѣтствію съ духомъ древнерусскихъ памятниковъ. Что въ самомъ дѣлѣ, значитъ этотъ наборъ словъ съ

многознаменательнымъ: „о прававѣрьная вѣра христіяньская!“. Даже въ вѣкъ татаръ мы не встрѣчаемъ такихъ фразъ, понятныхъ въ устахъ только предубѣжденныхъ полемистовъ, старающихся поддѣлаться подъ ладъ древнерусскихъ сказаній. Можно еще примириться съ той мыслью, что это проба пера какого-нибудь книжника стараго времени. Во всякомъ случаѣ, произведеніе это мало чѣмъ напоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ. Можетъ быть, и недавно изданная замѣтка о путешествіи 40 каликъ въ Ерусалимъ, по Сборнику XVI—XVII вв. (Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1894 г., СПБ, 1897 г., стр. 114) не относится къ такой глубокой древности, какъ это полагаетъ А. Н. Пыпинъ въ своей Исторіи Русской Литературы (I т., 406—407 стр.). Разсказывается о 40 мужахъ калицiихъ притворянахъ, которые побывали въ Іерусалимѣ, получили въ старой Русѣ скатерть, въ Торжкѣ—св. мощи и чашу, которую они отнесли къ в. кн. московскому Ивану Даниловичу. Первое извѣстіе о 40 каликахъ относится къ 1163 г., а второе—къ 1329 г. Такое соединеніе сказаній о 40 каликахъ вызываетъ недоразумѣніе.

Дополнимъ представленіе о русской литературѣ XIII в. упоминаніемъ о нѣкоторыхъ сказаніяхъ, относящихся къ татарскому игу. Сюда относятся слѣдующія сказанія и житія: Сказаніе о Калкскомъ побоищѣ 1224 г., Повѣсть о раззореніи Рязани Батыемъ 1237 г., Сказаніе объ убіеніи въ ордѣ Михаила Черниговскаго съ бояриномъ Θеодоромъ 1245 г., Житіе и мужество в. кн. Александра Невскаго 1263 г.

Сказаніе о Калскомъ побоищѣ, о томъ какъ „побиша татарове князей русскихъ“, находится во всѣхъ лѣтописяхъ и писано очевидцемъ современникомъ. Неожиданность прихода татаръ, поразившихъ прежде всего половцевъ, а затѣмъ и ихъ заступниковъ—русскихъ князей, выражается въ названіяхъ татаръ—неслыханной, невиданной ратью, языкомъ незнаемымъ. Сказаніе особенно восхваляетъ мужество молодого галицкаго князя Даніила: „бѣ бо дерзъ и храборъ, отъ главы и до ногу его не бѣ на немъ порока“. По всей вѣроятности, къ этому южному сказанію присоединялись и другія сказанія о коварствѣ и звѣрствѣ татаръ, какъ они русскихъ князей „издавиша подкладше подъ доски, а сами, верху сѣдше обѣдати, и тако князи животъ свой скончаша“. Но особенно замѣчательны эпическія подробности о гибели богатырей или одного Алеши Поповича, какія находимъ въ Тверской лѣтописи, и друг. Неслыханное несчастіе южнорусскихъ князей въ страшномъ Калкскомъ

бою отразилось въ лѣтописяхъ и въ народныхъ скорбныхъ пѣсняхъ, въ былинахъ о гибели богатырей, объ Алешѣ Поповичѣ, и проч. Вѣсть о Калкскомъ пораженіи быстро разнеслась по Руси. По словамъ Лаврентьевскаго списка, послѣ пораженія „бысть плачь и туга въ Руси и по всей земли слышавшимъ сію бѣду". Какъ позднѣе татарское иго, говоритъ проф. Н. П. Дашкевичъ (былины объ Алешѣ Поповичѣ и о кончинѣ богатырей), считалось карой, низпосланной намъ за наши грѣхи, такъ и на Калкское пораженіе наши предки взглянули, какъ на несчастіе, постигшее „грѣхъ ради нашихъ", „за прегрѣшеніе крестьянское": „Богъ ожидалъ покаянія крестьянскаго". Татары представлялись „неслыханною, невиданною ратью". Болѣе подробно передается подобное впечатлѣніе и вмѣстѣ мнѣніе объ особенномъ назначеніи этого народа въ позднѣйшихъ изводахъ лѣтописей. Вотъ напр. какъ начинается „Повѣсть о Калкацкомъ побоищѣ, и о князехъ Рускыхъ, и о храбрыхъ 70" въ Тверской лѣтописи: „По грѣхамъ нашимъ, пріидоша языци незнаеми, безбожніи Моявитяне, ихже никтоже добрѣ не вѣсть ясно, кто суть, и отколѣ изыидоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; и зовуть я татари, а иніи глаголють Таурмени, а друзіи Печенѣзи. Иніи же глаголють, яко сіи суть, о нихъ же Меѳодій—епископъ Паторомскій, свидѣтельствуетъ, яко сіи суть вышли не пустыня Ефровскіа, сущи межи въстока и сѣвера. Тако бо глаголеть Меѳодій: яко въ скончаніе времени явится имъ, ихже загна тамо Гедеонъ, и изшедше оттуду поплѣнятъ всю землю... Богъ же вѣсть единъ, кто суть и отколѣ изыйдоша"... „...и не свѣдаемъ, откуду были пришли, и камося дѣли; единъ Богъ вѣсть, откуду приведе, за грѣхы наша, и за похвалу и гордость великаго князя Мстислава Романовича". Первое и второе татарскія нашествія, продолжаетъ тотъ же авторъ, страшно поразили народное воображеніе. Даже на Западѣ народъ долго не могъ забыть имя Батыя, а у насъ нѣкоторыя мѣстности и теперь носятъ его имя. Тѣмъ отзывчивѣе должна быть народная пѣсня. Насколько ей было памятно татарское нашествіе, видно изъ множества сказаній о бояхъ съ татарами въ нашихъ былинахъ. Одиночный бой съ татарами приписывается многимъ богатырямъ, въ томъ числѣ и Алешѣ Поповичу. Въ былинахъ разсказывающихъ о нападеніяхъ татаръ, замѣчаются воспоминанія о нѣсколькихъ событіяхъ XIII-го столѣтія.

Интересная повѣсть о раззореніи Рязани дошла до насъ въ краткомъ лѣтописномъ разсказѣ современника и въ пространной повѣсти съ эпическими подробностями. Лѣтописное сказаніе гово-

ритъ уже о страшныхъ опустошеніяхъ, нанесенныхъ татарами Рязанской землѣ. Повѣсть разсказываетъ о томъ, какъ „заразплась до смерти“, ринувшись изъ превысокаго терема своего княгиня Евпраксія съ сыномъ послѣ того, какъ узнала о смерти мужа князя Ѳедора Рязанскаго, убитаго по повелѣнію Батыя. Затѣмъ разсказывается о подвигахъ Евпатія Коловрата и удальцовъ и рѣзвецовъ рязанскихъ, причемъ повторяются эпическія выраженія: „Испить чашу смертную, не успѣвати наливати чашу на великую силу рать татарскую, лежаша на земли пустѣ, на травѣ кавылѣ, Евпатій тако бьяше татаръ, яко и мечи притупишася“. Послѣдствія татарскаго погрома описываются въ живыхъ чертахъ: „погибе градъ, и земля Рязанская, измѣнися доброта ея и не бѣ что въ ней благо видѣти, токмо дымъ и земля и пепелъ, а церкви вси погорѣша“. Затѣмъ лѣтописи даютъ много разсказовъ о раззореніи татарами другихъ городовъ и земель русскихъ: Владимира, Ростова, Кіева (въ краткихъ но живыхъ словахъ).

Лѣтописное сказаніе Лаврентьевской лѣтописи, подъ 1237 г., отличается живыми чертами пера современника. Безбожные Татарове со царемъ Батыетъ требуютъ дани въ Рязанской землѣ „десятины вовсемъ“: во князѣхъ и въ людѣхъ, и въ конехъ, десятое въ бѣлыхъ, десятое въ вороныхъ, десятое въ бурыхъ, десятое въ рыжихъ, десятое въ пѣгихъ“. Князья отказываютъ: „коли насъ не будетъ всѣхъ, то все то ваше будетъ“. Татары взяли Рязань и кого изсѣкли, кого взяли въ плѣнъ: „и кто, братіе, о семъ не плачется, хто ся насъ осталъ въ живыхъ, како ону нужную и горкую смерть подъяша“. Передъ битвой на Сити Татары взяли Владиміръ: „тогда пріидоша множество кровопроливецъ крестьянскихъ, бес числа, аки прузи, ...Володимерци затворишася въ городѣ съ Всеволодомъ и Мстиславомъ“. Татары подъѣхали къ Золотымъ Воротамъ съ княжичемъ Володимеромъ Юрьевичемъ, унылымъ и изнемогшимъ бѣдою въ плѣну и спрашивали о его отцѣ. Они обступили городъ „яко зрѣимо и много множество вой около всего города“... Когда князья увидали насилія Татарскія „и яко уже взяту быти граду, и внидоша въ церковь въ святую Богородицу, и остригошася вси въ аньильскый образъ, отъ владыки Митрофана“. Но татары зажгли городъ. „Бѣжа же Всеволодъ и Мстиславъ и вси людіе въ Печерній городъ, епископъ Митрофанъ, и княгини Юрьева съ дчерью и съ снохами и со внучаты и прочая княгини, множество бояръ и людей затворишася въ церковь св. Богородица въ палатехъ, и тако ошемъ безъ милости запалиша и. И помолися боголюбивый Митрофанъ.

Татаровѣ же отбивше и отвориша двери церковныя, и наволочивше лѣса около церкви и въ церковь, и зажгоша, и издхошася отъ великаго зноя вся сущая ту люди, инии же огнемъ скончашася, а иныхъ оружіемъ до конца предаша смерти; а св. церковь разграбиша, и чюдную икону самыя Богоматере одраша".

Но среди лѣтописныхъ разсказовъ выдѣляются сказанія, написанныя въ стилѣ житій, о нѣкоторыхъ князьяхъ, какъ о мученикѣ Михаилѣ Черниговскомъ, пострадавшемъ отъ Батыя съ бояриномъ своимъ Θеодоромъ въ 1245 году. Въ древнерусской литературѣ существуетъ два слова по поводу этого событія: одно простое, безыскусственное, вошедшее въ лѣтописи съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями,—древнее слово отца Андрея (какъ оно надписывается въ отдѣльныхъ спискахъ, издано митр. Макаріемъ въ Исторіи Русской Церкви, V вып., 409 стр.), другое слово, распространенное и витіеватое, принадлежитъ перу Пахомія Серба, о которомъ мы здѣсь не будемъ говорить. Особенно замѣчательно Слово, написанное Андреемъ. Андрей, сложившій свое слово вкратцѣ на похвалу святому, писалъ вскорѣ послѣ убіенія въ Ордѣ в. кн. Михаила Черниговскаго. Описаніе нашествія татаръ, которымъ открывается слово, представляетъ черты современности: „бысть нахоженіе безбожныхъ татаръ на землю Русскую, гнѣвомъ Божіимъ, за умноженіе грѣховъ нашихъ.. овіи убо затворяхуся въ градѣхъ, иніи же бѣжаша въ дальнія страны, иныя же крыяхуся въ пещерахъ земленыхъ, (затворившіеся въ градѣхъ) отъ поганыхъ немилостивно избіени быша, а иже крыяхуся въ горахъ и въ пещерахъ и въ лѣсѣхъ, мало тѣхъ остася, тѣхъ же не по колицѣхъ временехъ оставиша въ градѣ и сочтыша я въ число и начаша на нихъ дань имати". Слово Андрея оттѣняетъ поученіе духовнаго отца в. кн. не кланяться идоламъ татарскимъ и пострадать за вѣру и такое же убѣжденіе князю со стороны боярина Θеодора въ Ордѣ. Укрѣпившись совѣтами и молитвами, Михаилъ принялъ смерть отъ отступника русскаго, который послѣ мученій, панесенныхъ татарами князю, отсѣкъ пожемъ ему главу.

Въ лѣтописяхъ (Лаврентьевской 1377 г., Софійской I), въ сборникахъ (Московск. дух. акад. XVI в.) и въ Прологахъ сохранилось древнее житіе св. Александра Невскаго. Въ I Новгородской лѣтописи отрывки этого житія находятся подъ 1240 и 1263 гг., въ Лаврентьевской лѣтописи, подъ 1263 г, Несмотря на различіе въ расположеніи и въ подробностяхъ между этими тремя редакціями, можно признать одно основное древнее сказаніе, написанное совре-

менникомъ Александра, по всей вѣроятности, владимірцемъ, которое послужило и для позднѣйшихъ распространенныхъ сказаній XVI—XVII вв. Эта повѣсть жалостная имѣетъ такое начало въ Лаврентьевсвой лѣтописи: „скажемъ же мужество и житье его.. азъ худый, грѣшный, недостойный начинаю писати житье великого князя Олександра, сына Ярославля, внука Всеволожа, понеже слышахъ отъ отецъ своихъ и самовидець есмь възрасту его и радъ быхъ исповѣдалъ святое житье и честное и славное". Къ сожалѣнію въ Лаврентьевской лѣтописи конца житія не достаетъ. „Разсматриваемое житіе, говоритъ Ключевскій (Житія святыхъ, стр, 68 ид.) далеко не составляетъ полной, обстоятельной біографіи Александра; въ немъ не находимъ многаго, что извѣстно о князѣ изъ другихъ источниковъ. Въ немъ нѣтъ даже связнаго разсказа: содержаніе его представляетъ недлинный рядъ отрывочныхъ воспоминаній, отдѣльныхъ эпизодовъ изъ жизни Александра. Не трудно замѣтить мысль, руководившую авторомъ при выборѣ этихъ эпизодовъ: въ его запискѣ соединены именно такія черты, которыя рисуютъ не историческую дѣятельность знаменитаго князя со всѣхъ сторонъ, а его личность и глубокое впечатлѣніе, произведенное имъ на современниковъ, и эти черты переданы въ томъ свѣжемъ, не потертомъ позднимъ преданіемъ видѣ, въ какомъ ходили онѣ между современниками. Слова, какія сказалъ ливонскій магистръ и Батый, увидѣвъ Александра, поэтическія черты, въ какія современники и даже участники двухъ громкихъ побѣдъ Александра успѣли уже облечь свои разсказы о нихъ, татарскія жены, стращающія дѣтей словами „Александръ ѣдетъ", отвѣтъ его посламъ папы, скорбное слово о зашедшемъ суздальскомъ солнцѣ, сказанное митрополитомъ при извѣстіи о смерти Князя,—эти и другія черты житія, если не всѣ точно отражаютъ дѣйствительные факты, то даютъ историку живо почувствовать, какъ отразилась дѣятельность Александра въ умахъ современниковъ". Въ изложеніи житія замѣчаются и черты Несторовыхъ сказаній и эпическія черты народныхъ преданій. Таково описаніе мужества 6 мужъ храбрыхъ изъ полку Александра: „единъ, именемъ Гаврило Олексичь; сей наѣха на шпеку, видѣвъ королевича мча подъ руку. и възъѣха по досцѣ и до самого корабля, по ней же хожаху съ королевичемъ, иже текоша передъ нимъ, а самого емше свергоша и съ конемъ въ воду з доскы, и Божьею милостью невреженъ бысть и паки наѣха и бися съ самѣмъ воеводою середи полку ихъ, 2-ой именемъ Сбыславъ Якуновичь новгородець: сей наѣха иногажды на полкъ ихъ и бьяшется

единѣмъ топоромъ, не имѣя страха въ души своей, и паде нѣколико отъ руку его, и подивишася силѣ и храбръству его. 3-й Яковъ, родомъ Полочанинъ, ловчій бѣ у князя: сей наѣха на полкъ съ мечемъ, и похвали его князь. 4-й Новгородецъ именемъ Мѣша (Миша): сей пѣшь натече на корабли и погуби три корабли з дружиною своею. 5-й отъ молодыхъ его именемъ Сава: сей въѣха в шатеръ великій Королевъ золотоверхій и подсѣче столпъ шатерный, полци Олександрови видѣвше шатра паденье, възрадовашася. 6-й отъ слугъ его именемъ Ратмѣръ (Ратмиръ): сей бися пѣшь, и оступиша и мнози, онъ же отъ многихъ ранъ паде и тако скончася". Рядомъ съ этими былинными подробностями въ древнемъ житіи Александра передается о видѣніи передъ побѣдой надъ Римляны (нѣмцы) стража на берегу моря: „стоящю же ему при краи моря стрежащеть обою пути, и пребысть всю нощь во бдѣньи; якоже нача всходити солнце, и слыша шюмъ страшенъ по морю, и видѣ насадъ единъ гребущь, посредѣ насада стояща мученику Бориса и Глѣба въ одежахъ червленыхъ, и бѣста руцѣ держаста на рамѣ, гребци же сѣдяху аки мглою одѣни; и рече Борисъ: брате Глѣбе, повели грести, да поможемъ сроднику своему Олександру". Въ Проложномъ сказаніи прибавлено: „на неистовые нѣмцы". Въ этомъ сказаніи передается еще о пребываніи Александра у Батыя въ Ордѣ (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 2 1896 г., стр. 55, 23 ноября). Чудесныя явленія, сопровождавшія жизнь и дѣятельность Александра Невскаго, заключаются разсказомъ о его погребеніи, при которомъ святой князь самъ беретъ отъ митрополита прощальную грамоту. Кромѣ Бориса и Глѣба передъ Чюдскимъ побоищемъ на помощь в. кн, Александру Ярославичу являются полки Божія на воздухѣ. „Несмотря на все это онъ (авторъ) не выдерживаетъ элементарныхъ пріемовъ житія, не хочетъ ни начать его приличнымъ описаніемъ благочестиваго дѣтства святого князя, ни закончить молитвеннымъ обращеніемъ къ новому ходатаю на небѣ. Вмѣсто этого онъ набрасываетъ въ началѣ повѣсти краткую характеристику взрослаго князя: ростомъ онъ выше другихъ людей, голосъ его точно труба въ народѣ, лицомъ онъ Іосифъ Прекрасный, сила его—половина силы самсоновой, и далъ ему Богъ премудрость Соломонову, храбростью онъ Веспасіанъ, царь римскій,—и рядомъ съ этими земными доблестями ни одной иноческой, чѣмъ любили съ дѣтства отличать даже князей позднѣйшія житія. Описаніе кончины святого авторъ начинаетъ обращеніемъ къ себѣ, которое по наивной изобразительности земной скорби стольже чуждо духу житій

послѣдующаго времени: Горе тебѣ бѣдный человѣче: какъ опишешь ты кончину господина своего? какъ не выпадутъ у тебя зѣницы вмѣстѣ съ слезами? какъ отъ тоски не разорвется у тебя сердце? оставить отца человѣкъ можетъ, а добраго господина нельзя оставить, съ нимъ бы и въ гробъ легъ, еслибъ можно было" (Ключевскій, Житія святыхъ, 70 стр.).

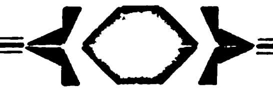
Съ покоренія монголами Руси наступаетъ періодъ упадка русской культуры и литературы „Конецъ XIII вѣка и первая половина XIV, говоритъ проф. Соболевскій (Южнославянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ, 1894 г.), были неблагопріятны для русской литературы. То, что въ ней было раньше (въ томъ числѣ тексты священнаго писанія и богослужебные), къ этому времени, благодаря частому переписыванію и отсутствію какого нибудь наблюденія за исправностью переписки, въ рядѣ случаевъ болѣе или менѣе исказилось и начало представлять въ той или другой степени трудности для пониманія. Новые переводы греческихъ литературныхъ произведеній перестали появляться, дѣятельность русскихъ писателей сократилась".

Оживленіе литературной дѣятельности наступаетъ съ конца XIV вѣка, когда возобновляются сношенія съ Византіей, Аѳономъ и славянскими землями. Но время было уже не столь благопріятно, какъ въ эпоху первыхъ сношеній Греціи и Руси. Съ 1204—1261 гг. Византія терпѣла гнетъ крестоносцевъ, а въ XIV в. присоединились давленія османовъ, неустройства на балканскомъ полуостровѣ отъ вражды сербовъ съ болгарами. Болгарія первая подпала подъ иго турокъ и сношенія Руси съ югомъ еще болѣе съузились. Со второй половины XV в., съ паденіемъ Константинополя, вліяніе Греціи идетъ косвенными путями: черезъ Италію и Аѳонъ. Съ паденіемъ Кіева въ XIII в. самый характеръ русскихъ отношеній измѣнился, и если до XIV в. вліяніе Византійское на Русь шло какъ изъ Аѳона, такъ и изъ Константинополя, то съ конца XIV и особенно въ XV в. Аѳонъ уже имѣлъ вліяніе не на южную, а на сѣверную Русь" (Некрасовъ: Пахомій Сербъ писатель XV вѣка 1871 г., 2 стр,). Заключая старый періодъ, нельзя не отмѣтить новыхъ явленій въ языкѣ, въ письменности съ конца XIV в. литературный языкъ русскій запестрѣлъ искуственными архаизмами: ѫ, ръ=ор, лъ=ол, рь=ер, ль=ел, жд=ж, шт=ч, съ примѣсью южно-славянскихъ, преимущественно сербскихъ чертъ: „еговъ, тоговъ", и проч. Къ этому времени относится множество новыхъ южно-славянскихъ переводовъ святоотеческихъ твореній: Лѣствицы, Маргарита, Главизнъ Максима

Исповѣдника, сочиненій Григорія Синаита, Григорія Паламы, Исаака Сирина, Симеона Новаго Богослова, Никона Черногорца, Кассіана Римлянина, и друг. Даже тексты Евангелія, Апостола и тѣ подверглись исправленіямъ, напр. въ трудѣ митр. Алексія. Что же дала послѣдующая русская литература равнаго или превосходящаго Начальной лѣтописи, въ искусномъ соединеніи начальнаго русскаго хронографа, монастырскаго лѣтописца и живыхъ свѣтскихъ разсказовъ объ эпохѣ удѣловъ, равнаго Кіево-Печерскому Патерику и трудамъ Нестора лѣтописца, равнаго словамъ Иларіона, Кирилла Туровскаго, равнаго Слову о Полку Игоревѣ, и проч.? Лѣтописи продолжаются въ прежнемъ духѣ, съуживаясь въ церковномъ направленіи, житія святыхъ являются реторическими похвалами и не охватываютъ многолѣтней жизни монастырей, слова превращаются въ посланія духовныхъ лицъ, а Задонщина является подражаніемъ Слову о Полку Игоревѣ. Конечно, жизнь русская продолжаетъ отражаться въ памятникахъ литературы, новыя явленія выступаютъ въ ней съ притокомъ западнаго вліянія, книгопечатанія и схоластики, но едвали не до XVIII вѣка Кіевская начальная литература остается лучшимъ выраженіемъ русской жизни и образованія. Свѣжесть воспріятія христіанства, увлеченіе его идеальной стороной, поэзія старая народная, дружинная и новая христіанская—все это соединилось въ первомъ расцвѣтѣ русской литературы XI, XII и начала XIII вѣка.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МОСКОВСКОЙ ЦЕНСУРЫ.



ИСТОРИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНІЕ ПѢСНИ.

Удѣльный Князь Новагорода-Сѣверскаго *Игорь Святославичь,* не здѣлавъ сношенія съ старѣйшимъ Великимъ Княземъ *Кіевскимъ,* рѣшился въ 1185 году отмстить самъ собою *Половцамъ* за раззореніе подвластныхъ ему владѣній и пріобрѣсть себѣ чрезъ то славу. Къ сему наступленію уговорилъ онъ роднаго брата своего *Трубчевскаго* Князя *Всеволода,* племянника своего *Рыльскаго* Князя *Святослава Ольговича,* и сына своего Князя *Владиміра,* имѣвшаго удѣлъ свой въ *Путивлѣ;* и съ симъ немноголюднымъ, но храбрымъ войскомъ, выступилъ въ походъ противъ обидившихъ его.

Маія 1го, когда пришелъ онъ на *Донецъ* и располагалъ на берегу лагерь свой, сдѣлалось такое необычайное затмѣніе солнца, что днемъ звѣзды оказались.

Суевѣры всячески убѣждали Князя *Игоря* оставить свое предпріятіе; онъ не послушалъ ихъ, и отвѣчалъ на то: что одни только трусы боятся чрезвычайностей, что онъ назадъ никакъ не возвратится, и что *стыдъ ему тягчае смерти.* На другой день пошли впередъ: но предубѣжденные несчастнымъ знаменіемъ воины *Игоревы* едва только увидѣли непріятеля, всѣ пріуныли. Отважный Князь уговаривалъ ихъ, и даже приказывалъ, чтобъ тѣ, которые не хотятъ биться за него, возвратились въ свои домы; однакожъ никто оставить его не хотѣлъ. Встрѣтились *Половцы*, и первое сраженіе съ ними было весьма удачно для *Россіянъ*; они разбили ихъ, и даже овладѣли всѣмъ обозомъ ихъ и богатствами. При сей удачѣ молодые Князья *Святославъ Ольговичь* и *Владиміръ Игоревичь,* подстрѣкаемы будучи неопытною храбростію и удальствомъ своимъ, безъ совѣта старѣйшихъ отдѣлились за рѣку *Суугли* (*) для погони за непріятелемъ.

(*) Рѣка сія въ Половецкихъ кочевьяхъ. Войски Русскія шли отъ *Донца* къ рѣкѣ *Осколу*, отъ *Оскола* къ рѣкѣ *Сальницы*, отъ *Сальницы* шли всю ночь, и наутро около обѣда пришли къ рѣкѣ *Суугли*, гдѣ и встрѣтились съ *Половцами*— *Татищ.* Книга III. стр, 262.

Половцы, получивъ себѣ подкрѣпленіе, тотчасъ воспользовались раздробленіемъ Россійскихъ полковъ, обскакали со всѣхъ сторонъ Князя *Игоря*, и бились безпрестанно два дни. Сей Князь былъ раненъ; а потомъ и въ плѣнъ взятъ со всѣми бывшими съ нимъ Князьями. Пять тысячь оставшагося его войска равномѣрно принуждены были здаться превосходной силѣ непріятельской. *Половцами* предводительствовали тогда Князья ихъ *Кончакъ* и *Гзакъ* (*). Сочинитель сравнивая сіе несчастное пораженіе, (приведшее всю *Россію* въ уныніе) съ прежними побѣдами, надъ *Половцами* одержанными, припоминаетъ нѣкоторыя достопамятныя произшествія и славныя дѣла многихъ Россійскихъ Князей. Отъ сей побѣды, говоритъ онъ, *Половцы* сдѣлались дерзновеннѣе и усугубили свои грабительства и разоренія повсюду. Великій Князь Кіевскій *Святославъ Всеволодовичь* весьма сѣтовалъ о племянникахъ своихъ *Игорѣ* и *Всеволодѣ Святославичахъ*, общественно всѣми любимыхъ. Онъ въ горести своей жалуется на свою старость, препятствующую ему выручить ихъ изъ неволи и взываетъ ко всѣмъ современнымъ Князьямъ

(*) См. Исторію *Татищева* книгу III стр. 260—265.

о вспоможенiи. Русскiя жены оплакиваютъ смерть и плѣнъ мужей своихъ. *Игорева* супруга Княгиня *Ефросинiя* (дочь Князя *Ярослава Владимiровича Галичскаго*) оставшись въ *Путивлѣ*, возноситъ жалобный голосъ свой то къ вѣтру, то къ солнцу, то къ рѣкѣ Днѣпру. Пѣснь сiя оканчивается возвращенiемъ Князя *Игоря* въ свое отечество. Ибо по причинѣ сдѣланныхъ *Половцами* затрудненiй въ выкупѣ его, онъ принужденъ былъ спастись оттуда бѣгствомъ.

Любители Россiйской словесности согласятся, что въ семъ оставшемся намъ отъ минувшихъ вѣковъ сочиненiи виденъ духъ *Оссiановъ*; слѣдовательно и наши древнiе герои имѣли своихъ *Бардовъ*, воспѣвавшихъ имъ хвалу. Жаль только, что имя Сочинителя неизвѣстнымъ осталось. Нѣтъ нужды замѣчать возвышенныхъ и коренныхъ въ сей Поэмѣ выраженiй, могущихъ навсегда послужить образцемъ витiйства; благоразумный Читатель самъ отличитъ оныя отъ нѣкоторыхъ мѣлочныхъ подробностей, въ тогдашнемъ вѣкѣ терпимыхъ, и отъ вкравшихся при перепискѣ непонятностей.

Подлинная рукопись, по своему почерку весьма древняя, принадлежитъ Издателю сего (*), который чрезъ старанія свои и прозьбы къ знающимъ достаточно Россійской языкъ доводилъ чрезъ нѣсколько лѣтъ приложен-

---

(*) г. Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Кавалеру Графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину. Въ его Библіотекѣ хранится рукопись оная въ книгѣ, писанной въ листъ, подъ № 323. Книга же сія содержитъ слѣдующія, по ихъ оглавленіямъ, матеріи.

1) *„Книга глаголемая Гранаграфъ (Хронографъ), рекше начало писменомъ царскихъ родовъ отъ многихъ лѣтописецъ; „прежде о бытіи, о сотвореніи міра, отъ книгъ Моисеовыхъ „и отъ Іисуса Навина, и отъ Судей Іудейскихъ, и отъ четырехъ Царствъ; такъ же и о Асирійскихъ Царехъ, и отъ „Александрія, и отъ Римскихъ Царей, Еллинъ же благочестивыхъ, и отъ Руских лѣтописецъ, Сербскихъ и Болгарскихъ.*

2) *„Временникъ, еже нарицается лѣтописаніе Русскихъ Князей „и земля Руская.*

3) *„Сказаніе о Индіи богатой.*

4) *„Синагрипъ Царь Адоровъ, Иналивскія страны.*

5) *„Слово о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславля, внука Ольгова.*

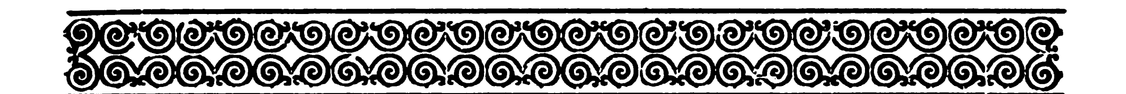
6) *„Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ о брѣзости, „и о силѣ, и о храбрости.*

7) *„Сказаніе о Филипатѣ, и о Максимѣ, и о храбрости ихъ.*

8) *„Аще думно есь слышати о свадьбѣ Девгѣевѣ, и о восхыщеніи Стратиговнѣ.*

ный переводъ до желанной ясности, и нынѣ по убѣжденію пріятелей рѣшился издать оной на свѣтъ. Но какъ при всемъ томъ остались еще нѣкоторыя мѣста невразумительными, то и проситъ всѣхъ благонамѣренныхъ Читателей сообщить ему свои примѣчанія для объясненія сего древняго отрывка Россійской словесности.

ПѢСНЬ



СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ, (а) ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА.

Не лѣполи ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! начати же ся тъй пѣсни по

ПѢСНЬ О ПОХОДѢ ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЬГОВА.

Пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ *Игоря*, сына *Святославова*! начать же сію пѣснь по бытіямъ того времени, а не по

(а) *Игорь Святославичь* родился 15 Апрѣля 1151 года; во Святомъ Крещеніи нареченъ *Георіемъ*; женился въ 1184 г. на Княжнѣ *Евфросиніи*, дочери Князя Ярослава Володимировича *Галичьскаго* Въ 1185 году имѣлъ онъ сраженіе съ Половцами, а въ 1201 году скончался, оставивъ послѣ себя пять сыновей.

былинамь сего времени, а не по замышленію Бояню (б). *Боянь бо вьщій,* вымысламъ *Бояновымъ.* Ибо когда мудрый *Боянъ* хотѣлъ прославлять кого, то но-

(б) Такъ назывался славнѣйшій въ древности стихотворецъ Русской, которой служилъ образцемъ для бывшихъ послѣ него писателей. Изъ нѣкоторыхъ въ примѣръ здѣсь приведенныхъ словъ его явствуетъ, что *Боянъ* воспѣвалъ всегда важныя произшествія и изъяснялъ мысли свои возвышенно. Когда и при которомъ Государѣ гремѣла лира его, ни по чему узнать не льзя; ибо не осталось намъ никакого отрывка, прежде великаго Князя *Владиміра Святославича* писаннаго. Отъ временъ же его дошла до насъ между прочими слѣдующая народная пѣсня, въ которой находимъ уже правильное удареніе, *кадансомъ* въ Стихотворствѣ называемое; но вѣроятно, что и та въ послѣдствіи переправлена:

Во славномъ городѣ Кіевѣ,
У Князя у Владиміра,
У солнышка Святославича,
Было пированіе почетное,
Почетное и похвальное
Про Князей и про Бояръ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей,
Про всю Поляницу удалую.
Въ Полъ-сыта баря наѣдалися,
Въ полъ-пьяна баря напивалися.
Послѣдняя ѣства на столъ пошла,
Послѣдняя ѣства лебединая:
Стали бояре тутъ хвастати: *и проч.*

аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслiю по древу, сѣрымъ вълкомь по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть бо речь първыхъ временъ усобiцѣ; тогда пущашеть і҃ соколовь на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсь пояше, старому Ярослову (в), храброму Мстиславу (г), иже зарѣза Редедю предъ

сился мыслiю по деревьямъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками. Памятно намъ по древнимъ преданiямъ, что повѣдая о какомъ-либо сраженiи, примѣняли оное къ десяти соколамъ, на стадо лебедей пущеннымъ: чей соколъ скорѣе долеталъ, тому прежде и пѣснь начиналася, либо старому Ярославу, либо храброму Мстиславу, поразившему Редедю предъ

(в) Чрезъ стараго *Ярослава* Сочинитель разумѣетъ здѣсь Великаго Князя *Ярослава Владимировича,* давшаго Новогородцамъ законы, подъ именемъ *Русской Правды* до нынѣ извѣстные. Онъ былъ прапрадѣдъ *Игорю Святославичу,* которому воспѣвается пѣснь сiя.

(г) Храбрый *Мстиславъ,* также сынъ Великаго Князя Владимiра Святославича, родный братъ *Ярославу* I. Будучи на удѣлѣ въ Тьмутараканскомъ Княжествѣ 1022 года, выступилъ онъ въ походъ противъ Косоговъ. Князь Косожскiй *Редедя,* понадѣясь на крѣпость мышцъ своихъ, будтобъ для пощады съ обѣихъ сторонъ воиновъ отъ напраснаго кровопролитiя, предложилъ ему

полкы Касожьскыми, красному Романови (д) Святъславличю. Боянъ же, братіе, не і соколовь на стадо лебедьй пущаше, нъ своя вьщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами Князем ъ славу рокотаху.

полками Косожскими, или красному Роману Святославичу. *А Боянъ,* братцы! не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ: но какъ скоро прикасался искусными своими перстами къ живымъ струнамъ, то сіи уже сами славу Князей гласили.

поединокъ. *Мстиславъ* охотно на сіе согласясь, сразился съ нимъ, и одолѣвъ своего сопротивника, лишилъ его жизни. По здѣланному предварительно въ пользу побѣдителя условію вступивъ во владѣніе Косоговъ, наложилъ онъ на нихъ дань, завладѣлъ всѣмъ богатствомъ Княжескимъ, а жену и дѣтей его увелъ въ плѣнъ за собою.

Отъ сыновей сего побѣжденнаго Князя *Косожскаго* произошли извѣстныя въ Россіи фамиліи: *Добрынскихъ, Зайцовыхъ, Бирдюковыхъ, Поджегиныхъ, Гусевыхъ, Елизаровыхъ, Симскихъ, Хобаровыхъ и Глѣбовыхъ.*

(д) *Романъ,* сынъ Князя *Святослава Ярославича,* былъ на удѣлѣ Княженія Черниговскаго въ Курскѣ. Въ 1079 г. согласясь съ Половцами, онъ хотѣлъ отнять Переяславль у Великаго Князя *Всеволода Ярославича:* но наемные союзники его измѣнили ему и заключили особенный миръ съ Великимъ Княземъ *Кіевскимъ.* Когда онъ за сію измѣну сталъ упрекать Половцевъ, то произошла изъ того ссора, въ которой онъ былъ отъ нихъ убитъ.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера (е) до нынѣшняго Игоря; иже истягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, напльнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ (ж) своей: братіе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти: а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони, да

Начнемъ же, братцы, повѣсть сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря. Сей Игорь напрягши умъ свой крѣпостію, поощривъ сердце свое мужествомъ и исполнясь духа ратнаго, вступилъ съ храбрымъ своимъ воинствомъ въ землю Половецкую для отмщенія за землю Русскую. Тогда взглянулъ онъ на солнце свѣтлое, и увидѣвъ мракомъ покрытое все войско свое, произнесъ къ дружинѣ своей: „Братья и друзья! „лучше намъ быть изрубленнымъ, нежели достаться „въ плѣнъ. Сядемъ на „своихъ борзыхъ коней,

(е) Равно Апостольный Великій Князь *Владиміръ Святославичь*, просвѣтившій Русскую землю Святымъ крещеніемъ.

(ж) *Дружиною* назывались отборные и приближенные воины, сопровождавшіе Государей во всѣхъ походахъ.

позримъ синего Дону. Спала Князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. Хоцу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону. О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа пль-кы ущекоталь, скача славію по мыслену древу, летая умомь подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню (з) чресь поля на горы. Пъти было пѣсь Игореви, того (Олга) внуку. Не буря

„и посмотримъ на синій Донъ„. Пришло Князю на мысль пренебречь худое предвѣщаніе и извѣдать щастья на Дону великомъ. „Хочу, сказалъ онъ, съ вами, Россіяне! переломить копье на „томъ краю поля Половецкаго; хочу или голову свою положить, или шлемомъ изъ „Дону воды достать„. О Боянъ! соловей древнихъ лѣтъ! тебѣ бы надлежало провозгласить о сихъ подвигахъ, скача соловьемъ мысленно по дереву, летая умомъ подъ облаками, сравнивая славу древнюю съ нынѣшнимъ временемъ, мчась по слѣдамъ Трояновымъ чрезъ поля на горы. Тебѣ бы пѣть пѣснь Игорю

(з) Четыре раза упоминается въ сей пѣсни о *Троянѣ*, т. е. *тропа Трояня, вѣчи Трояни, земля Трояня*, и *седмый вѣкъ Трояновъ*: но кто сей *Троянъ*, догадаться ни по чему не возможно.

соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ дону великому; чили въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовь (и) внуче! Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждеть мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ (і) Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святъславлича; сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на пере-

внуку *Ольгову*. Не буря соколовъ занесла чрезъ поля широкія. слетаются галки стадами къ Дону великому. Тебѣ бы, мудрый *Боянъ*, внукъ *Велесовъ!* сіе воспѣть. Ржутъ кони за *Сулою*, гремитъ слава въ *Кіевѣ*, трубятъ трубы въ *Новѣгородѣ*, развѣваютъ знамена въ *Путивлѣ*, ждетъ *Игорь* милаго брата *Всеволода*. Богатырь же *Всеволодъ* вѣщаетъ къ нему: „О *Игорь!* „ты одинъ у меня братъ! „ты одинъ у меня ясный „свѣтъ! и мы оба сыновья „*Святославовы*; ты сѣдлай, „братъ, своихъ борзыхъ ко-

---

(и) *Велесъ*, Славянскій въ язычествѣ Богъ, покровитель стадъ Его считали вторымъ послѣ *Перуна*. По названію *Бояна* внукомъ Велесовымъ, кажется, что онъ жилъ до принятія въ Россіи Христіянской вѣры.

(і) *Буй* значитъ *дикій*, а *туръ* вола. И такъ *Буйтуромъ*, или Буйволомъ, называется здѣсь *Всеволодъ* въ смыслѣ Метафори-

ди; а мои ти Куряни свѣдоми къ мети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копія въскръмлени, пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣрыи вльци въ полѣ, ищучи себе чти, а Князю славѣ. Тогда въступи Игорь Князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь

„ней, а мои для тебя при„готовлены и давно у *Кур*„*ска* осѣдланы. Мои *Курча*„*не* въ цѣль стрѣлять зна„ющи, подъ звукомъ трубъ „они повиты, подъ шлема„ми возлелѣяны, концомъ „копья вскормлены; всѣ пу„ти имъ свѣдомы, всѣ ов„раги знаемы, луки у нихъ на„тянуты, колчаны отворены, „сабли изострены; они ска„чутъ въ полѣ какъ волки „сѣрые, ища себѣ чести, „а Князю славы". Тогда Князь *Игорь*, вступя въ золотое стремя, поѣхалъ по чистому полю. Солнце своимъ затмѣніемъ преграждаетъ путь ему, грозная возстав-

---

ческомъ, въ разсужденіи силы и храбрости его.—Вѣроятно, что изъ сихъ двухъ словъ составилось потомъ названіе *богатыря*, ибо другаго произведенія оному слову до сихъ поръ не найдено.

убуди; свисть звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, влъзѣ, и по морію, и по Сулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутораканьскый блъванъ. А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому; крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасетъ птиць; подобію влъци грозу въ срожатъ, по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ (к), лисици

шая ночью буря пробужаетъ птицъ; ревутъ звѣри стадами; кричитъ филинъ на вершинѣ дерева, чтобъ слышали голосъ его въ землѣ незнаемой, по Волгѣ и по морю, по Сулѣ, по Суражу въ Корсунѣ и у тебя, Тмутараканскій истуканъ! Половцы бѣгутъ неготовыми дорогами къ Дону великому; скрыпятъ возы въ полуночи, какъ лебеди скликаяся. Игорь къ Дону войска ведетъ; уже птицы бѣду ему предрекаютъ, волки по оврагамъ вытьемъ своимъ страхъ наводятъ; орлы звѣрей на трупы сзы-

Всеволодъ Святославличь, меньшій братъ *Игоревъ* превосходилъ всѣхъ своего времени Князей нетокмо возрастомъ тѣла и видомъ, которому подобнаго не было, но храбростію и всѣми душевными добродѣтелями прославлялся повсюду - *Татищ.* истор. Часть III. стр.: 320.

(к) Птичій полетъ издавна былъ у многихъ народовъ предзнаменованіемъ щастія или нещастія въ предпріятомъ намѣреніи; и Рим-

брешуть на чрълены щиты. О руская земле! уже за Шеломянемъ (л) еси. Дльго. Ночь мркнеть, заря свътъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себъ чти, а Князю славы.

Съ заранія въ пятькъ потопташа поганыя плъкы Половецкыя; и рассушясь стрълами по полю, помчаша красныя дъвкы Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и дра-

ваютъ, а лисицы лаютъ на багряные щиты. О Рускіе люди! далеко уже вы за Шеломенемъ. Ночь меркнетъ, свѣтъ зари погасаетъ, мглою поля устилаются, пѣснь соловьиная умолкаетъ, говоръ галокъ начинается. Преградили Россіяне багряными щитами широкія поля, ища себѣ чести, а Князю славы.

На зарѣ въ Пятницу разбили они Половецкіе нечестивые полки, и разсыпавшись какъ стрѣлы по полю, увезли красныхъ Половецкихъ дѣвицъ, а съ ними золото, богатыя

ляне гадали по птицамъ. Равномѣрно примѣчали, въ которую сторону слетались хищныя птицы, и тамъ неминуемой предполагали быть гибели людской. Волчій вой также предвѣщалъ кровопролитную войну.

(л) Русское село въ области Переяславской на границѣ къ Половцамъ лежащее близь рѣки *Ольты. Татищ.* Часть III. стр. 120.

гыя оксамиты; орьтьмами и япончицами, и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мьстомъ, и всякымй узорочьи Половьцкыми. Чрьленъ стягъ, бьла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе (м) храброму Святьславличю. Дремлетъ въ поль Ольгово хороброе гньздо далече залетьло; небылонь обидь порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебь чрьный воронь, поганый Половчине. Гзакъ бьжитъ сьрымъ вльkомь; Кончакъ (н) ему сльдъ правитъ къ Дону великому.

ткани„ и дорогія бархаты. Охабнями, плащами, шубами и всякими Половецкими нарядами, по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ начали мосты мостить. Багряное знамя, бѣлая хоругвь, багряная чолка и серебреное древко достались отважному Святославичу. Дремлетъ въ полѣ Ольгово храброе гнѣздо, далеко залетѣвъ. Не родилось оно обидъ терпѣть ни отъ сокола, ни отъ кречета, ни отъ тебя, черный воронъ, нечестивый Половчанинъ! Бѣжитъ Гзакъ сѣрымъ волкомъ, а въ слѣдъ за нимъ и Кончакъ спѣшитъ къ Дону великому.

(*м*) Воинскіе почетные доспѣхи.

(*н*) *Гзакъ* и *Кончакъ*, оба Половецкіе Князья, предводительствовавшіе тогда войскомъ своимъ противъ Князя *Игоря*.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти ꙁ҃ солнца: а въ нихъ трепещуть синіи млъніи, быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О Руская землѣ! уже не Шеломянемъ еси. Се вѣтри, Стрибожи *(о) внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы! земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть; пороси поля прикрываютъ; стязи глаго-*

На другой день весьма рано, заря съ кровавымъ свѣтомъ появляется, находятъ съ моря тучи черныя, хотятъ закрыть четыре солнца; сверкаетъ въ нихъ молнія, быть грому страшному, литься дождю стрѣлами съ Дона великаго. Тутъ - то копьямъ поломаться, тутъ - то саблямъ притупиться объ шлемы Половецкіе, на рѣкѣ Каялѣ, у Дону великаго. О Русскіе люди! уже вы за Шеломенемъ. Уже вѣтры, внуки Стрибога, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы; топотъ по землѣ раздается, вода въ рѣкахъ мутится, пыль столбомъ въ полѣ подымается,

---

(о) *Стрибогъ* (Славенскій *Эолъ*) кумиръ во время язычества въ Кіевѣ Боготворимый; ему приписывали власть надъ вѣтрами.

лютъ, Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плъкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русици преградиша чрълеными щиты. Ярь туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо Туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе Ярь Туре Всеволоде. Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова,

знамена шумятъ, идутъ Половцы отъ Дона, и отъ моря, и со всѣхъ сторонъ: войско Русское подалось назадъ. Бѣсовы дѣти оградили станъ свой крикомъ, а храбрые Россіяне багряными щитами. О богатырь Всеволодъ! ты стоя на стороже, градомъ пускаешь стрѣлы на враговъ своихъ, а булатными мечами гремишь объ шлемы ихъ. Гдѣ ты, богатырь, ни появишся, блистая золотымъ своимъ шлемомъ, тамъ лежатъ нечестивыя головы Половецкія, и разсѣчены булатными саблями Оварскіе шлемы ихъ отъ тебя, храбрый Всеволодъ! Какими, братцы, ранами подорожитъ онъ, забывъ почести и веселую жизнь, городъ Черниговъ,

отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовны (п) свычая и обычая? Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля (р); были плъци Олговы (с),	отеческой золотой престолъ, всѣ милыя прихоти, обычаи и привѣтливость прекрасной своей супруги Глѣбовны! Прошли съѣзды Трояновы, протекли лѣта Ярославовы, миновались брани Олеговы,

(п) Супруга *Всеволода Святославича*, брата *Игорева*, дочь Князя *Глѣба Юрьевича* Переяславскаго.

(р) Тритцати-пяти-лѣтнее Государствованіе *Ярослава I* надолго оставалось памятнымъ для Россіянъ. Храбрость его превозносима была за одержанныя имъ многократныя побѣды надъ братоубійцею *Святополкомъ* и надъ *Тьмутараканскимъ* Княземъ *Мстиславомъ*, за отобраніе у Польскаго Короля *Болеслава* принадлежавшихъ Россіи *Червенскихъ* городовъ и за покореніе *Лифляндіи* и *Эстляндіи*. Не менѣе того и мудрость *Ярославова* славилась въ потомствѣ: онъ построилъ по рѣкѣ *Роси* и за *Днѣпромъ* многіе города, населивъ пришельцами и плѣнниками: набожностію своею укоренилъ онъ въ Россіи православную вѣру, родителемъ его насажденную, и старался распространить ученость, приказавъ съ Греческаго переводить лучшія книги и нѣсколько оныхъ для народа по Руски сочинить.

(с) Князь *Олегъ Святославичь*, бывшій съ 1065 по 1114 годъ на Тьмутараканскомъ Княженіи. Безпокойный нравъ его и склонность къ возмущеніямъ много навлекли зла на землю Рускую. Половцы всегда были орудіемъ замысловъ его. Онъ многократно приглашалъ ихъ на разореніе своего отечества, и вмѣсто платы за вспоможеніе, попускалъ имъ опустошать и грабить повсюду. Въ 1096 г. Русскіе Князья рѣшились усмирить его, и соединенно выступили противъ него со многочисленнымъ войскомъ; но по причинѣ всегда вѣроломныхъ съ его стороны примиреній едва могли удержать алчность его, предписавъ ему съ братьями

Ольга Святьславлича. Тьйбо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрьлы по земли сьяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градь Тьмутороканъ. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославь (т) сынъ Всеволожь: а Владимiръ (у) по вся утра уши закладаше въ Черниговъ; Бориса же Вячеславлича (ф) слава

Олега Святославича. Сей - то *Олегъ* мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлы по землѣ сѣялъ. Онъ ступалъ въ золотое стремя въ городѣ *Тмуторокани*; звукъ побѣдъ его слышалъ старый великiй *Ярославъ* сынъ *Всеволодовъ*: но *Владимiръ* затыкалъ себѣ уши всякое утро въ Черниговѣ; *Бориса* же *Вячеславича* слава

своими довольствоваться владѣнiемъ *Чернигова, Сѣверы, Вятичей, Мурома* и *Тмутаракани*, которыя состояли за отцемъ его.

(т) Князь *Ярославъ*, сынъ Князя *Всеволода Ольговича*, съ 1174 по 1200 годъ Княжествомъ *Черниговскимъ* обладавшiй.

(у) Князь *Владiмиръ Всеволодовичь*, бывшiй потомъ Великимъ Княземъ Кiевскимъ и проименованiе *Мономаха* получившiй, въ 1094 году лишась Черниговскаго Престола отъ вышеупомянутаго Тьмутараканскаго Князя *Ольга Святославича*, принужденъ былъ остаться на удѣлъ въ *Переяславлѣ*.

(ф) Сей *Борисъ* по Ростовской и Никоновской лѣтописямъ *Вячеславичемъ*, а у Нестора и Татищева *Святославичемъ* названъ, и въ поколѣнной I. росписи Г. Стриттера Исторiи Россiйскаго

на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада Князя. Съ тояже Каялы Святоплькъ (х) повелья отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко Святый Софіи къ Кіеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи (ц) сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь

на судъ привела; онъ положенъ на конскую попону зеленую за обиду молодаго храбраго Князя *Олега*. Съ той же Каялы велъ *Святополкъ* войски отца своего сквозь Венгерскую конницу въ Кіевъ ко святой Софіи. Тогда при *Олегѣ Гориславичѣ* сѣялись и возрастали междоусобія, была гибель

Государства въ 7 степени показанъ *Борисомъ Вячеславичемъ*. Но по чему онъ призыванъ былъ на судъ Великаго Князя, Лѣтописи о семъ умолчали.

Обрядъ же съѣздовъ для суда *Татищевъ* (Исторіи своей въ Томѣ 2. на стр. 195 и 196) изъясняетъ слѣдующимъ образомъ: что обвиняемый призыванъ былъ въ шатеръ, гдѣ всѣ Князья сидѣли на коврѣ, и по обыкновенномъ поздравленіи сажали его на такой же коверъ. По томъ всѣ Князья вышедъ изъ шатра, садились на коней, и раздѣлясь, каждой Князь особо разсуждалъ съ своими Боярами, а судимый оставался одинъ, по тому что никто его къ себѣ не допускалъ.

(х) Пять исчисляется *Святополковъ*; до котораго же изъ нихъ касается сіе обстоятельство, ничѣмъ не объяснено.

(ц) Неизвѣстенъ.

Даждь-Божа (ч) внука, въ Княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть: нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе. То было въ ты рати, и въ ты плъкы; а сице и рати не слышано: съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя; гримлють сабли о шеломы; трещать копіа харалужныя, въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подъ копыты, костьми

Даждь-Божевымъ внукамъ, жизнь людей въ Княжескихъ ссорахъ прекращалася, и въ Русской землѣ рѣдко веселіе земледѣльцовъ раздавалося: но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы; галки же отлетая на мѣсто покормки, перекликалися. Такъ бывало во время прежнихъ браней и отъ тогдашнихъ войскъ; а такого сраженія еще и не слыхано, чтобъ съ утра до вечера, съ вечера до свѣта летали стрѣлы каленыя, гремѣли сабли объ шлемы, трещали копья булатныя, въ полѣ незнаемомъ среди земли Половецкой. Черная земля подъ копытами

(ч) Кумиръ, въ Кіевѣ боготворимый, -- податель всякихъ благъ. Пользующіеся благоденствіемъ, какъ даромъ Даждь-божевымъ, названы его внуками.

была посьяна, а кровію польяна; тугою взыдоша по Руской земли. Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь пълкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую (ш). *Ничить трава жало-*

костьми была посѣяна, а кровію полита, и по всей Русской землѣ возрасла бѣда. Но что за шумъ, что за звукъ такъ рано, до зари утренней? Игорь двигнулся съ своими полками: жаль ему милаго брата *Всеволода*. Билися день, бились другой, а на третій передъ полуднемъ пали знамена *Игоревы*. Тутъ братья разлучилися на берегу быстрой *Каялы*. Не достало у нихъ вина кроваваго; храбрые Руссы тамъ пиръ свой кончили, сватовъ попоили, а сами полегли за землю Русскую. Увяла трава отъ жалости, наклонились

(ш) *Половцы* возгордясь побѣдою и взятіемъ въ плѣнъ Игоря съ товарищи, прислали къ Великому Князю Святославу купцовъ Русскихъ съ росписью, сколько за кого требовали окупа. За *Игоря* положили они цѣну по тогдашнему времени несносную, а именно 2000 гривенъ (фунтовъ) серебра; и хотя Великій Князь Кіевскій, любя его, хотѣлъ выкупить, но *Половцы* инако на сіе не согла-

щами, а древо стугою къ земли преклонилось. Уже бо, братіе, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въсилахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону плещучи, убуди жирня времена. Усобица Княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже; и начяша Князи про малое, се великое млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати: а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую. О! да-

деревья отъ печали. Невеселая уже, братцы, пора пришла: пала въ пустынѣ сила многая, возстала обида Даждь-Божевымъ внукамъ. Она вступивъ дѣвою на землю *Троянову*, восплескала крылами лебедиными, на синемъ морѣ у Дону купаючись, разбудила времена тяжкія. Перестали Князья нападать на невѣрныхъ, братъ брату сталъ говорить: „сіе мое, и то моеже,„ Начали Князья за малое, какъ будто бы за великое, ссориться и сами на себя крамолу ковать. Тѣмъ временемъ нечестивые со всѣхъ сторонъ стекалися на одолѣніе Русской земли. О!

шались, какъ требуя, дабы прежде младшіе Князья всѣ и Воеводы были выкуплены по назначенной въ росписи цѣнѣ. *Татищ* III. стр. 266, 269.

лече зайде соколь, птиць бья къ морю: а Игорева храбраго плъку не крѣсити (щ). За нимъ кликну Карна и Жля (ъ), по скочи по Руской земли, смагу (ы) мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены Рускія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по Руской земли; печаль жирна тече средь земли

далеко залетѣлъ ты, соколъ, побивая птицъ у моря; а Игорева храбраго войска уже не воскресити! Воскликнули тогда Карня и Жля, и прискакавъ въ землю Русскую стали томить людей огнемъ и мечемъ. Зарыдали тутъ жены Русскія, приговаривая: „уже намъ объ милыхъ своихъ ни мыслію „взмыслити, ни думою вздумати, ни глазами ихъ увидѣть, а золота и серебра не „возвратить“. Возстеналъ, братцы, Кіевъ отъ печали, а Черниговъ отъ напасти; разлилась тоска по всей Русской земли; тяжкая пе-

(щ) Ясное здѣсь знаменованіе глагола *крешу* доказываетъ, что слово *Воскресеніе* точно отъ того происходитъ.

(ъ) *Карня* и *Жля* предводители хищныхъ Половцевъ, безъ милосердія разорявшихъ тогда землю Русскую.

(ы) *Смага,* Малороссійское названіе, *жажда,* и отъ того говорится: сохнетъ, *смягнетъ во рту.*

Руский; а Князи сами на себе крамолу ковахy; а поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный Великый Кіевскый. Грозою бяшеть; притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта хлъми и яругы; взмути рѣки и озеры; иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка (ь) изъ

чалъ постигла Русскихъ людей. Князья между собой враждовали, а нечестивые рыская по землѣ Русской, брали дань по бѣлкѣ со двора. Сіи-то два храбрые Святославичи, Игорь и Всеволодъ, возобновили злобу, которую прекратилъ было отецъ ихъ, грозный Святославъ, Великій Князь Кіевскій. Онъ былъ страшенъ всѣмъ, отъ сильнаго воинства и отъ булатныхъ мечей его всѣ трепетали, наступилъ онъ на землю Половецкую, притопталъ холмы и буераки, помутилъ воду въ рѣкахъ и озерахъ, изсушилъ источники и болота, а нечестиваго Кобяка изъ луки мор-

---

(ь) ***Кобякъ*** Князь Половецкій, котораго Великій Князь *Святославъ* III. въ 1184 году не подалеку рѣки *Орла* побѣдилъ на сраженіи, взялъ его самаго въ плѣнъ съ двумя сыновьями и съ другими Князьями и семь тысячь войска его.

луку (ѣ) моря отъ железныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихръ выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкія, Рускаго злата насыпаша. Ту Игорь Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощіево (э); уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче. А

ской, изъ средины желѣзныхъ великихъ полковъ Половецкихъ, подобно вихрю, исторгнулъ; и очутился Кобякъ въ городѣ Кіевѣ во дворцѣ Святославовомъ. Тамъ Нѣмцы и Венеціане, тамъ Греки и Моравцы воспѣваютъ славу Святославу и охуждаютъ Князя Игоря, погрузившаго силу на дно Каялы, рѣки Половецкія, и потопившаго въ ней Русское золото. Тогда Игорь Князь изъ своего золотаго сѣдла пересѣлъ въ сѣдло Кащеево. Уныли въ то время городскія стѣны, помрачилося веселіе. Святославу же

(ѣ) *Лука*, кривизна, излучина.

(э) О *Кощеѣ* упоминается въ Исторіи Татищева Том. III. на стр. 159: что онъ въ 1168 году, когда Великій Князь Мстиславъ II отправился съ войскомъ противъ Половцевъ, перебѣжалъ къ нимъ и предварилъ ихъ о семъ наступленіи.

Святъславь (ю) мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чръною паполомою, на кроваты тисовѣ. Чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; сыпахутьми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгь на лоно, и нѣгуютъ мя; уже дьскы безъ кнѣса вмоемъ теремѣ златоврьсѣмъ. Всю нощь съ вечера босуви врани възграяху, у Плѣсньска (я) на болони (ө) бѣша дебрь Ки-

худой сонъ привидѣлся: „на горахъ Кіевскихъ въ ночь сію съ вечера одѣвали вы меня (онъ Боярамъ разсказывалъ) черным покровомъ на тесовой кровати; подносили мнѣ синее вино съ ядомъ смѣшанное; сыпали изъ пустыхъ колчановъ на лоно мое крупный жемчугъ въ нечистыхъ раковинахъ, и меня нѣжили. На златоверхомъ моемъ теремѣ будтобъ всѣ доски безъ верхней перекладины; будтобъ во всю ночь съ вечера до свѣта вороны каркали, усѣвшись у Плѣнска на выгонѣ въ дебри

(ю) Великій Князь Святославъ III, сынъ Всеволода II, обладавшій Кіевомъ во время случившагося съ Княземъ Игоремъ нещастія.

(я) Городъ Галическаго Княженія, смежный съ Владимірскимъ на Волынѣ --*Татищ.* Часть III. стр. 287 и 288.

(ө) *Болтинъ* въ критич. примѣч. на 2 Томъ Исторіи Кн. Щербатова на стр. 194 и 195 извѣщаетъ: „Болонье значитъ порожжее

саню, и не сошлю къ синему морю. И ркоша бояре Князю: уже Княже туга умь полонила; се бо два сокола слътъста съ отня стола злата, поискати града Тъмуторокання (т), а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припъшали поганыхъ саблями, а самаю опутоша въ путины желъзны.

Кисановой, и не полетѣли къ морю синему. „Бояре Князю отвѣчали: „одолѣла печаль умы наши! сонъ сей значитъ: что слетѣли два сокола съ золотаго родительскаго Престола доставать города Тьмутаракани, или шлемомъ изъ Дона напиться воды, и что тѣмъ соколамъ обрублены крылья саблями нечестивыхъ, и сами они попались въ опутины желѣзныя".

„пространство между валовъ, окрестность города составляю-„щихъ, которое служило для выгону скота, для огородовъ, а „иногда и нѣкоторые строенія бывали тамъ дѣланы" — Въ Кіевѣ, въ Нижнемъ городѣ выгонная за валомъ земля, по дорогѣ къ бывшему Межигорскому монастырю, и по нынѣ называется *Оболонье*.

(т) Тьмутараканское Княженіе до тѣхъ только поръ состояло въ полной власти и принадлежало Россіи, пока единоначаліе имѣло еще нѣкоторую силу; но какъ скоро междоусобія и неподчиненность удѣльныхъ Князей къ первопрестольному Кіевскому Князю превзошли мѣру, то Половцы, усилившись отъ сихъ несогласій, завладѣли Тьмутараканью. — Смотри Истор. Изслѣд. о Тьмутараканскомъ Княженіи, печат. въ С. Петербургѣ 1794.

Темно бо бѣ въ г҃ день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса дивъ на землю. Се бо Готскія (а) красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня Рускымъ златомъ, поютъ время Бу-

Темно стало на третій день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли, а съ ними и молодые мѣсяцы, *Олегъ* и *Святославъ*, помрачилися. На рѣкѣ Каялѣ свѣтъ въ тьму превратился; разсыпались Половцы по Русской землѣ, какъ леопарды изъ логовища вышедшіе; погрузили въ безднѣ силу Русскую и придали Хану ихъ великое буйство. Уже хула превзошла хвалу; уже насиліе возстало на вольность; уже филинъ спустился на землю. Раздаются пѣсни Готфскихъ красныхъ дѣвицъ по берегамъ моря синяго. Звеня Русскимъ золотомъ, воспѣваютъ онѣ времена Бу-

(а) По какой связи сія одержанная Половцами побѣда могла доставить Готфскимъ дѣвамъ Русское золото, сообразить не возможно.

гово, лелѣютъ местъ Шароканю (б). А мы уже дружина жадни веселія. Тогда Великій Святславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: о моя сыновчя Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую проліясте: Валю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и многовои брата моего

совы, славятъ мщеніе Шураканово. А намъ уже, братцы, нѣтъ веселія! Тогда Великій Князь *Святославъ* вымолвилъ золотое слово, со слезами смѣшанное: „О! „кровные мои, *Игорь* и *Всево-„лодъ!* рано вы начали вое-„вать землю Половецкую, а „себѣ славы искать. Нечест-„но ваше одолѣніе, не пра-„ведно пролита вами кровь не-„пріятельская. Ваши храбрыя „сердца изъ крѣпкаго булата „скованы и въ буйствѣ зака-„лены. Сего ли я ожидалъ отъ „васъ при сребристой сѣ-„динѣ моей! Я уже не вижу „власти сильнаго, богатаго „и многовойнаго брата моего

(б) Кто былъ *Бусъ,* не извѣстно; а о *Шураканѣ,* въ Лѣтописяхъ подъ 1107 годомъ упоминается, что по имени сего *Князя* названъ былъ Половецкій на рѣкѣ Донцѣ городъ, съ котораго въ 1111 году Русскіе взяли окупъ. *Татищ.* част. II стран. 204.

Ярослава съ Черниговьскими быльми, съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры, и съ Топчакы, исъ Ревугы, и съОльберы. Тіи бо бес щитовь съ засапожникы кликомъ плькы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте му жа имѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ. А чи диво ся братіе стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло Княже ми не пособіе; на ниче ся годины обратиша. Се Уримъ (в) кричатъ подъ саблями Половецкыми, а

„*Ярослава* съ Черниговскими „Боярами, съ Могутами и съ „Татранами, съ Шелбирами „и съ Топчаками, съ Ревугами „и съ Ольберами. Они безъ „щитовъ съ кинжалами, однимъ крикомъ побѣждаютъ „войска, гремя славою прадѣдовъ. Не говорятъ они, „мы де сами предстоящую „славу похитимъ, а прошедшею съ другими подѣлимся. Но мудрено ли, братцы, и старому помолодѣть? „Когда соколъ перелиняетъ, „тогда онъ птицъ высоко „загоняетъ и не даетъ въ „обиду гнѣзда своего. Но то „бѣда, что мнѣ Князья не въ „пособіе; время все переиначило“. Уже кричитъ Уримъ подъ саблями Половецкими, а

(*в*) Одинъ изъ Воеводъ, или изъ союзниковъ Князя Игоря, въ семъ сраженіи участвовавшій.

Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову (г). Великый Княже Всеволоде (д)! не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы Чага по ногатѣ, а Кощей (е) по резанѣ (ж).

Володиміръ подъ ранами. Горе и печаль сыну *Глѣбову!* О великій Князь *Всеволодъ!* почто не помыслишь ты прилетѣть издалека для защиты отеческаго золотаго Престола? Ты можешь Волгу веслами разбрызгать, а Донъ шлемами вычерпать. Когда бы ты здѣсь былъ, тобъ были *Чага* по ногатѣ, а *Кощей* по резани. Ты можешь

(г) Кого сочинитель сей поэмы разумѣетъ подъ именемъ сына *Глѣбова*, рѣшительно сказать не льзя; ибо изъ современниковъ сему произшествію сыновья, отъ Князей Глѣбовыхъ рожденные, были: *Владиміръ*, сынъ Князя Глѣба Юрьевича, княжившаго въ Переяславлѣ; *Ростиславъ*, сынъ Князя Глѣба Всеславича, княжившаго въ Полоцкѣ; *Романъ*, сынъ Князя Глѣба Ростиславича, княжившаго въ Рязанѣ.

(д) Сіе относится къ Великому Князю *Всеволоду* III сыну Князя *Ольга Святославича* Тьмутараканскаго.

(е) О *Кощеѣ* предъ симъ уже упомянуто; а *Чага* уповательно тоже что и *Кончакъ* Князь Половецкій (о коемъ ниже упомянется) уменшителнымъ либо презрителнымъ именемъ названный.

(ж) *Ногата* ходячая монета, коихъ въ кунѣ было 4, а въ гривнѣ кунами 80. — *Рязань* также самая мѣлкая монета изъ ходячихъ, и по соображенію кажется состояло ихъ въ векошѣ 4, а векошей въ ногатѣ 2. — *Правда Русская* стр. 18.

Ты бо можеши посуху живыми шереширы (з) стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы. Ты буй Рюриче и Давыде (и), не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступита Господина въ злата стремень за обиду сего

на сухомъ пути живыми шерешрами стрѣлять чрезъ удалыхъ сыновъ *Глѣбовыхъ*. О вы храбрые *Рюрикъ* и *Давидъ!* Не ваши ли позлащенные шлемы въ крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкаетъ, подобно воламъ израненымъ саблями булатными въ полѣ незнаемомъ? Вступите, Государи, въ свои златыя стремена за обиду сего времени, за

(з) Неизвѣстный уже нынѣ воинскій снарядъ. Можетъ быть, родъ пращи, которою каменья мешали, или какое либо огнестрѣльное орудіе; ибо въ Лѣтописяхъ сего времени упоминается: „что „въ 1185 году *Кончакъ* Князь Половецкій собравъ войско великое, пошелъ на предѣлы Русскіе, имѣя съ собою мужа умѣюща„го стрѣлять огнемъ, у коего были самострѣльныя туги такъ „велики, что едва восемь человѣкъ могли натягивать, и укрѣ„пленъ былъ на возу великомъ, чемъ онъ могъ бросать и ка„менія въ средину града въ подъемъ человѣку: а для метанія „огня имѣлъ особый малѣйшій возъ.—*Татищ.* Часть III. стр. 259.

(и) Современные сему произшествію Князья *Рюрикъ* и *Давыдъ*, сыновья Великаго Князя *Ростислава Мстиславича*.

времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святславлича! Галичкы Осмомыслѣ Ярославе (i) высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ Королеви путь, затвори въ Дунаю ворота, меча времены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текуть; оттворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями. Стрѣляй Господине Кончака, поганого Кощея за землю Рускую, за раны Игоревы буего Святславлича.

землю Русскую, за раны *Игоря,* храбраго *Святославича.* А ты Осмомыслъ *Ярославъ Галицкій!* высоко сидишь на своемъ златокованномъ Престолѣ. Ты подперъ горы Венгерскія своими полками желѣзными, ты заградилъ путь Королю, ты затворилъ Дунаю ворота, бросая тягости чрезъ облака, и простирая власть свою до той рѣки! Грозное имя твое разнеслось по всѣмъ землямъ; отверзтъ тебѣ путь къ Кіеву, стрѣляешь ты съ отеческаго золотаго Престола на Солтановъ въ земли дальнія. Стрѣляй, о Государь! въ *Кончака* и въ невѣрнагс *Кощея* за землю Русскую, за раны храбраго *Игоря Святославича.*

(i) Князь *Ярославъ,* сынъ Князя Владиміра Володарича Галичскаго

А ты буй Романе и Мстиславе (к)! храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю

А вы, о храбрые *Романъ* и *Мстиславъ!* ваша мысль твердая возноситъ умъ на подвиги. Вы отважно возвышаетесь въ предпріятіяхъ своихъ подобно соколу, на вѣтрахъ ширящемуся и къ одолѣнію птицы быстро стремящемуся. У васъ латы

(к) Великій Князь *Романъ*, сынъ Великаго Князя Ростислава Мстиславича. Сей Князь въ 1173 году, въ продолженіе войны своей противъ Литвы, такой страхъ и опустошеніе распространилъ тамо, что никто не смѣлъ противостать ему. Литовцы бѣгая отъ него, укрывались въ лѣсахъ. По возвращеніи изъ похода своего, множество плѣнныхъ роздалъ онъ по селамъ въ работы и приказалъ ими пахать. Отъ сего произошла въ Литвѣ пословица: *зле, Романе! робишь, что Литвиномъ орешь. Татищ.* Часть III. стр. 183.

Подъ именемъ же *Мстислава* здѣсь разумѣть должно Князя *Мстислава Ростиславича,* роднаго брата вышепомянутому Князю *Роману.* Онъ равномѣрно явилъ опыты храбрости своей противъ Великаго Князя *Андрея Юрьевича Боголюбскаго.* Ибо осажденъ будучи въ Вышеградѣ многочисленнымъ войскомъ и находясь въ крайней опасности, такъ благоразумно и отважно принялъ свои мѣры, что войско непріятелей своихъ, въ которомъ находилось до двадцати союзныхъ Князей, разбилъ и прогналъ.

желѣзныи папорзи подъ шеломы латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны Хинова. Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже Княже Игорю, утрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони: по Рсіи, по Сули гради подѣлиша; а Игорева храбраго плъку не крѣсити. Донъ ти Княже кличетъ, и зоветъ Князи на побѣду. Олговичи (л) храбрыи Князи доспѣли на брань. Иньгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи (м), не худа гнѣзда

желѣзныя подъ шлемами Латинскими. Потряслась отъ нихъ земля, и могія страны Ханскія. Литва, Ятвяги, Деремела и Половцы повергнувъ свои копья, подклонили свои головы подъ тѣ мечи булатные. Но для Князя *Игоря* помрачился уже свѣтъ солнечный; не отъ добра опали съ деревъ листы. По Роси и по Сулѣ города въ раздѣлъ пошли; а *Игореву* храброму полку не воскреснути! О Князь! Донъ тебя кличетъ и Князей на побѣду созываетъ. Храбрые Князи *Ольговичи* на брань поспѣшили. *Ингварь* и *Всеволодъ,* и всѣ трое *Мстиславичи,* не худаго

(л) Князья, отъ Князя *Ольга Святославича* поколѣніе свое ведущіе.

(м) Потомки Великаго Князя *Мстислава Владиміровича, Мономахова* сына. У *Мстислава* было пять сыновей.

шестокрилци, непобѣдными жребіи собѣ власти расхытисте? Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкіи и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы буего Святъславлича. Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ (н) сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кро-

гнѣзда шестокрилицы, не побѣдамилъ жребій власти вы себѣ доставили? Къ чему же вамъ золотые шлемы, копья и щиты Польскіе! Заградите въ поле ворота стрѣлами своими острыми, вступитесь за землю Русскую, за раны храбраго *Игоря Святославича*. Уже Сула не течетъ серебристыми струями къ городу Переяславлю; Двина уже болотомъ течетъ къ тѣмъ грознымъ Половчанамъ при восклицаніи нечестивыхъ. Одинъ только *Изьяславъ* сынъ *Васильковъ* позвенѣлъ своими острыми мечами по шлемамъ Литовскимъ; помрачилъ славу дѣда своего *Всеслава*, и самъ подъ багряными щитами на

(н) О бѣдственной участи Князя *Изяслава* лѣтописатели Русскіе умолчали.

вавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружину твою, Княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысь ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе. Уныли голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи. Ярославе, и вси внуце Всеславли (о) уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени; уже бо высокочисте изъ дѣдней

окровавленной травѣ погибъ отъ мечей Литовскихъ. На семъ-то одрѣ лежа, произнесъ онъ: „Дружину твою, „Князь, птицы пріодѣли „крыльями, а звѣри кровь „полизали". Не было тутъ братьевъ ни *Брячислава,* ни *Всеволода;* онъ одинъ испустилъ жемчужную свою душу чрезъ золотое ожерелье изъ храбраго тѣла. Уныли голоса; поникло веселіе. Затрубили трубы Городенскія. О *Ярославъ* и всѣ внуки *Всеславовы!* теперь приклоните вы свои знамена, вложите въ ножны мечи ваши поврежденные; далеко уже отстали вы

(о) Много было внуковъ Всеславовыхъ: *Рогволдъ* сынъ Князя Бориса Всеславича, имѣвшій удѣлъ въ Полоцкѣ. *Володарь* и *Ростиславъ,* сыновья Глѣба Всеславича: первый такъ же удѣломъ въ Полоцкѣ пользовался, а другой въ Минскѣ. *Брячиславъ* сынъ Князя Мстислава Всеславича, и *Всеславъ* сынъ Князя Давыда Всеславича.

славѣ. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи! На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпрься о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи, изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мьглѣ, утрѣ же вознзи стрикусы (н) оттвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

отъ славы дѣда вашего. Вы своими крамолами начали наводишь невѣрныхъ на землю Русскую, на жизнь *Всеславову*. Былоль какое насиліе отъ земли Половецкой? На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ метнулъ *Всеславъ* жребій о милой ему дѣвицѣ. Онъ подпертись клюками сѣлъ на коней, поскакалъ къ городу Кіеву и коснулся древкомъ копья своего до золотаго престола Кіевскаго; потомъ побѣжалъ онъ лютымъ звѣремъ въ полуночи изъ Бѣла-города, закрывшись мглою синею; по утру же вонзивъ стрикусы, отворилъ онъ ворота Новгородскія, попралъ славу *Ярослава*, и съ Дудутокъ пустился какъ волкъ до Немиги.

(*н*) По смыслу рѣчи *стрикусъ* не иное что какъ стѣнообитное орудіе, или родъ тарана, при осадѣ городскихъ воротъ употребляемаго.

На Немизњ (р) снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцњ животъ кладутъ, вњютъ душу отъ тњла. Немизњ кровави брезњ на бологомъ бяхуть посњяни, посыяни костьми Рускихъ сыновъ. Всеславъ Князь людемъ судяше, Княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь вльъкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до Куръ Тмутороканя; великому хръсови влъкомъ путь прерыскаше (с). Тому въ Полотскњ позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевњ звонъ слыша. Аще и вњща душа

На Немегѣ вмѣсто сноповъ стелютъ головы, молотятъ цѣпами булатными, на токѣ жизнь кладутъ, и вѣютъ душу отъ тѣла. Окровавленные Немигскіе берега не быліемъ были засѣяны, засѣяны костьми Русскихъ сыновъ. Князь *Всеславъ* людей судилъ, Князьмъ города раздавалъ, а самъ по ночамъ какъ волкъ рыскалъ изъ Кіева до Курска и до Тмутораканi. Для него въ Полоцкѣ рано позвонили въ колокола къ заутрени у Святой Софіи: а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ. Хотя и мудрая была душа въ неутомимомъ

(р) *Немига*, что нынѣ *Немень*, между *Минска* и *Полоцка*. — *Татищ.* II Част. 119 стр.

(с) Не вразумительно.

въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и прьвое припѣвку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути (т.) О! стонати Руской земли, помянувше прьвую годину, и прьвыхъ Князей. Того стараго Владиміра не лзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы; нъ рози нося имъ хоботы пашуть, копіа поють на Дунаи.

Ярославнынъ гласъ слышитъ; зегзицею незнаемь, рано кычеть: поле-

его тѣлѣ, но онъ часто отъ бѣдъ страдалъ. Для такихъ-то мудрый *Боянъ* издавна составилъ сей разумный припѣвъ: „какъ бы кто „хитръ, какъ бы кто уменъ „ни былъ, хоть бы птицей „леталъ, но суда Божія не „минетъ". О! стонать тебѣ, земля Русская, вспоминая прежнія времена и прежнихъ Князей своихъ. Стараго *Владиміра* не льзя было приковать къ горамъ Кіевскимъ. Теперь знамена его достались одни *Рюрику*, а другія *Давыду;* ихъ носятъ на рогахъ, вспахивая землю; копья же на Дунаѣ славятся.

Ярославнинъ голосъ слышится; она, какъ оставленная горлица, по утрамъ воркуетъ: „полечу

(т) Вѣроятно что сей припѣвъ подлинникомъ внесенъ сюда изъ *Бояновыхъ* пѣсней.

чю, рече, зегзицею по Данаеви; омочю бебрянь рукавь вь Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмь его тѣлѣ. Ярославна (у) рано плачеть во Путилѣ на забралѣ, аркучи: о вѣтрѣ! вѣтрило! чему Господине насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею не трудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшеть горь подь облакы вѣяши, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему Господине мое веселіе по ковылію развѣя? Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забороль, аркучи: о Днепре

„я, говоритъ, горлицею „по Дунаю, обмочу бобровой рукавъ въ рѣкѣ Каялѣ, оботру Князю кровавыя раны на твердомъ его „тѣлѣ". *Ярославна* по утру плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ приговаривая: „О вѣтеръ! вѣтрило! къ чему ты такъ сильно вѣешь? „къ чему навѣваешь легкими „своими крылами Хиновскія „стрѣлы на милыхъ мнѣ воиновъ? или мало тебѣ горъ „подъ облаками? Развѣвай ты „тамо, лелѣя корабли на синемъ морѣ! Но за что развѣялъ ты, какъ траву ковыль, „мое веселіе"? *Ярославна* по утру плачетъ, и сидя на городской стѣнѣ въ Путивлѣ приговариваетъ: „О славный „Днѣпръ! ты пробилъ горы

(у) Супруга Князя *Игоря Святославича*, дочь Князя *Ярослава Владиміровича* Галичскаго.

словутицю: ты пробилъ еси каменныя горы гквозъ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова: възлелѣй господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано. Ярославна рано плачетъ къ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси: чему господине простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче.

Прысну море полунощи; идутъ сморци мъглами; Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую,

„каменныя сквозь землю Половецкую; ты носилъ на себѣ *Святослововы* военныя „суда до стану *Кобякова:* „принеси же и ко мнѣ моего милаго, чтобъ непосылать мнѣ „къ нему слезъ своихъ по утрамъ на море". *Ярославна* плачетъ поутру въ Путивлѣ, и сидя на городской стѣнѣ приговариваетъ; „О свѣтлое „и пресвѣтлое солнце! для „всѣхъ ты тепло и красно: „но къ чему ты такъ уперло „знойные лучи свои на милыхъ „мнѣ воиновъ? Къ чему въ полѣ „безводномъ, муча ихъ жаждою, засушило ихъ луки, и „къ горести колчаны ихъ за„крѣпило"?

Взволновалось море въ полуночи; мгла столбомъ подымается я Князю *Игорю* Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой въ землю Русскую,

къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари: Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи. Овлуръ (ф) свисну за рѣкою; велитъ Князю разумѣти. Князю Игорю не быть: кликну стукну земля: въшумѣ трава. Вежи ся Половецкіи подвизашася; а Игорь Князь поскочи горнастаемъ къ тростію, и бѣлымъ

къ золотому престолу отеческому. Погасла заря вечерняя: *Игорь* лежитъ, *Игорь* не спитъ, *Игорь* мысленно измѣряетъ поля отъ великаго Дона до малаго Донца. Къ полуночи приготовленъ конь. *Овлуръ* свиснулъ за рѣкою, чтобъ Князъ догадался. Князю *Игорю* шамо не быть. Застонала земля, зашумѣла трава; двинулись заставы Половецкія, а *Игорь* Князь горностаемъ побѣжалъ къ тростнику, и бѣлымъ

(ф) Въ Россійскихъ лѣтописяхъ онъ названъ *Лаверъ*, чиновникъ Половецкій; его мать была Русская. Когда *Лаверъ* здѣлалъ предложеніе Князю *Игорю* способствовать ему въ побѣгѣ, то онъ сперва не понадѣялся на него; но послѣ будучи удостовѣренъ отъ конюшаго своего и отъ Тысяцкаго въ честности и расторопности его, согласился уйти съ нимъ. И такъ въ назначенный день *Игорь* напоивъ до пьяна приставленную къ нему стражу, когда всѣ погружены были въ крѣпкомъ снѣ, прошелъ тихо чрезъ Половецкія заставы, и переплывъ чрезъ рѣку, ускакалъ на приготовленномъ ему отъ *Лавра* конѣ. *Татищ.* Часть III стр. 270.

гоголемъ (х) на воду; въвръжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами избивая гуси и лебеди, завтроку, и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу; претръгоста бо своя бръзая комоня. Донецъ рече: Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа. Игорь рече, о Донче! не мало ти величія,

гоголемъ пустился по водѣ. Онъ помчался на борзомъ конѣ, и скочивъ съ него босымъ волкомъ побѣжалъ къ лугу Донецкому; летѣлъ соколомъ подъ облаками, побивая гусей и лебедей къ завтраку, къ обѣду и къ ужину. Когда *Игорь* соколомъ полетѣлъ, тогда *Овлуръ (Лаверъ)* волкомъ побѣжалъ, отрясая съ себя росу холодную; ибо утомили они своихъ борзыхъ коней. „О! „Князь *Игорь*“*!* вѣщаетъ ему рѣка *Донецъ*, „не мало для „тебя славы, для *Кончака* „досады, а для Русской земли веселія“. *Игорь* въ отвѣтъ къ рѣкѣ сказалъ: „О „*Донецъ!* не мала и для

(х) Красивая утка съ хохломъ, питающаяся раковинами, за которыми она отмѣнно предъ прочими ныряетъ.

лелѣявшу Князя на влънахъ, стлавшу ему зельну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу; стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, Чрьнядьми на ветрьхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожрьши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту? Уношу Князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславя (ц) по уноши Княѕи Ростиславѣ. Уныша

„тебя слава, нося Князя по „волнамъ своимъ, постилая „ему зеленую траву на своихъ сребристыхъ берегахъ, одѣвая его теплыми „мглами подъ тѣнью дерева зеленаго, и охраняя его „какъ гоголя на водѣ, какъ „чайку на струяхъ, какъ „Черняди на вѣтрахъ. Не „такова, примолвилъ онъ, „рѣка Стугна! Она пагубными струями пожираетъ „чужія ручьи, и разбиваетъ „струги у кустовъ“. Юному Князю *Ростиславу* затворилъ *Днѣпръ* берега темныя. Плачется мать *Ростиславова* по юномъ Князѣ *Ростиславѣ*. Увяли

(ц) Юный Князь *Ростиславъ* сынъ Великаго Князя *Всеволода* I и Великія Княгини *Анны*, дочери Половецкаго Князя утонулъ на рѣкѣ *Стугнѣ* 1093 года, когда тамъ разбиты были Россійскія войска отъ Половцевъ.

цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли прѣклонило, а не сорокы втроскоташа. На слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, полозію ползоша только, дятлове текстомъ путь къ рѣцѣ кажутъ. соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ. Млъвитъ Гзакъ Кончакови: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича ростриляевѣ своими злачеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею (ч). И рече

цвѣты отъ жалости, преклонились къ землѣ деревья отъ печали. Не сороки стрекочутъ, ѣздитъ по слѣдамъ Игоревымъ *Гзакъ* и *Кончакъ*. Тогда вороны не каркали, галки умолкли, сороки не стрекотали, но двигались только по сучьямъ; дятлы долбя, къ рѣкѣ путь показывали; соловьи веселымъ пѣніемъ свѣтъ повѣдали. Молвилъ *Гзакъ Кончаку*: „когда со„колъ къ гнѣзду летитъ, „то мы разстрѣляемъ соко„ленка позолочеными своими „стрѣлами". *Кончакъ Гзаку* отвѣтствовалъ: „есть ли „соколъ къ гнѣзду поле„тѣлъ, то мы опутаемъ „соколика красною дѣви„цею". Въ отвѣтъ на сіе

(ч) Сіи слова Половецкихъ Князей касались до *Игорева* сына Князя *Владиміра*, которой оставался еще у нихъ въ полону. Онъ

Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевь красною дьвицею, ни нама будеть сокольца, ни нама красны дьвице, то почнуть наю птици бити въ поль Половецкомъ.

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пьстворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кромь плечю; зло ти тьлу, кромь головы: Руской земли безъ Игоря. Солнце свьтится на небесь, Игорь Князь въ Руской земли. Дьвици поютъ

Гзакъ сказалъ *Кончаку:* „когда его опутаемъ красною „дѣвицею, то не будетъ у „насъ ни соколика, ни красной „дѣвицы, и станутъ насъ „бить птицы въ полѣ По„ловецкомъ".

Сказалъ сіе *Боянъ*, и о походахъ, воспѣтыхъ имъ въ прежнія времена Князей *Святослава*, *Ярослава* и *Ольга* симъ кончилъ: „тяжело „быть головѣ безъ плечь; „худо и тѣлу безъ головы: „а Русской землѣ безъ *Иго„ря*". Свѣтитъ Солнце на небѣ: *Игорь* Князь уже въ Русской землѣ. Поютъ дѣвицы на Дунаѣ; раздаются

влюбился тамъ въ дочь Князя *Кричака*, и когда Половцы освободили его, то онъ привезши ее въ Россію, крестилъ и съ дитятею, и назвавъ *Свободою*, обвѣнчался съ нею. *Татищ.* Книга III. стр. 283.

на Дунаи. Вьются голоси чрезъ море до Кіева. Игорь ъдетъ по Боричеву (ш) къ Святый Богородици Пирогощей (щ). Страны

голоса ихъ чрезъ море до *Кіева*. *Игорь* ѣдетъ по *Боричеву* къ Пресвятой Богородицѣ *Пирогощей*.

(*ш*) Урочище въ самомъ городѣ *Кіевъ* находящееся, по свидѣтельству *Нестора*. Было оное на горѣ къ Подолу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ церковь *Андрея Первозваннаго*, или близъ оной. Тутъ *Владиміромъ* поставленъ былъ на холмѣ идолъ Перунъ. Прежде красивое сіе мѣсто было внѣ града, и пространство между кумиромъ и Кіевомъ помѣщало множество народа для торжественныхъ жертвоприношеній стекавшагося. На сей площади былъ теремный дворецъ Велико-княжескій. Подъ самою горою *Днѣпръ* прежде имѣлъ свое теченіе; но по времени столько занесло оной пескомъ, что построено тутъ цѣлое предмѣстіе, *Подоломъ* нынѣ называемое. — См. *Татищ.* Кн. II стр, 36.

(*щ*) Образъ *Владимірской* Богородицы, который нынѣ въ *Успенскомъ* Соборѣ въ *Москвѣ* возлѣ царскихъ вратъ на лѣвой сторонѣ въ кіотѣ. Его въ древности *Богородицею Пирогощею* называли по тому, что изъ *Царя-града* привезенъ былъ въ *Кіевъ* гостемъ, прозывавшимся *Пирогощею*. Великій Князь *Андрей Юрьевичъ Боголюбскій* въ 1160 году взялъ сію Святую икону отъ отца своего Великаго Князя *Юрья владиміровича* и перенесъ оную въ новопостроенный тогда на *Клязмъ* городъ *Владиміръ*: въ *Москву* же оная принесена въ 1395 году, и съ тѣхъ поръ уже именуется *Владимірскою*. *Татищ*. Томъ III. стр. 97 и 127. и въ примѣчаніяхъ стр. 487.

ради, гради весели, пъвше пѣснь старымъ Княземъ, а по томъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Святъславлича. Буй туру Всеволодѣ, Владимiру Игоревичу. Здрави Князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки. Княземъ слава, а дружинѣ Аминь.

Радость въ народѣ, веселье въ городахъ. Воспѣта пѣснь Князьямъ старымъ, а потомъ молодымъ. Пѣта слава *Игорю Святославичу,* богатырю *Всеволоду* и *Владимiру Игоревичу.* Да здравствуютъ Князи и ихъ дружина, побoрая за христiянъ на воинство невѣрныхъ! Слава Князьямъ и дружинѣ!

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ

Стран.	Строки.	напечатано	читай
15	24	*Борисъ Вячеславичъ*	*Князь Всеславичъ*
36	12	Кі-ва	*Кіева*
39	3	*Святослововы*	*Святославовы*
42	18	темныя.	темные.

НИНАЯ РОС

ЫХЪ КНЯЗЕЙ, В

ртою буквами страницъ,

Владиміръ I Святославичъ

олоцкій

ликій Кн. Ярославъ I.
1054.

Полоц-

ж. Вяч
ленс

По-

лъ Кн. Тмутара-
кій убитъ 1079.

н. Бо
10

Святославъ Кн.
Чернигов. + 1164.
упруга его дочь
оловецкаго Княз-
я.

кк. Все-
володъ.

Всеволодъ Кн.
Трубчевскій +
1196.
Супруга его
Кн. Ольга Глѣ-
бовна.

бб. ИГО
город
1202.

вв. Супр
Ефр
слав

уу. Вл
крещ
Кн.
1212.
Супру
бода
Кн. П

Рос-

нию

ю. 23. 26.
я. 27.
г. 7. 13. 18.
Буй-Тура
аа. 14. подъ
бб. Герой пѣсн
вв. 37. 38. 39.
ии. 33.
іі. кк. 34. 34.

II. Еще о происхожденіи и содержаніи Патерика Печерскаго.

Едва ли не древнѣйшій списокъ Патерика Печерскаго, по библіографическимъ извѣстіямъ (П. М. Строева: Словарь 1882 г., стр. 376), Новгородской Софійской библіотеки № 578, писанный на пергаментѣ, на 135 л. въ концѣ XIV в. и на 61—начала XV в. Списковъ XV в. извѣстно нѣсколько (Погодинскій, Уваровскій, Румянцевскій, т. н. Берсеньевскій). По одному изъ нихъ,—Уваровскому,—мы издаемъ нѣсколько главъ съ разночтеніями. Уваровскій списокъ древнѣе другихъ по языку.—Скажемъ еще о происхожденіи Патерика Печерскаго. Не предрѣшая этого вопроса въ его полномъ объемѣ, мы можемъ отмѣтить слѣдующія стадіи развитія Печерскаго Патерика.

Труды преп. Нестора лѣтописца (житіе Ѳеодосія со всѣми дополненіями и лѣтописными замѣтками о Печерскомъ монастырѣ) осложнялись въ XII—XIII вв. записями именъ святыхъ печерскихъ, вносившихся постоянно въ „поминанья" монастыря). Недошедшія до насъ лѣтописи (Печерская, Ростовская старая и друг.) также говорили о святыхъ. О нихъ свидѣтельствовали различныя вещественныя доказательства въ монастырѣ (оковы святыхъ, сосуды, книги, одежды, кельи и пр.). Отдѣльныя сказанія историческаго характера могли существовать уже до Симона и Поликарпа въ записяхъ. Симонъ еп. Владимірскій, горячо любившій Печерскій монастырь, сталъ собирать и приводить въ порядокъ дополненія къ трудамъ Нестора, выбравъ за образецъ литературнаго труда новую форму—„патериковъ" (кажется, и—папы Григорія Dialogus, отчего разсказъ объ Онисифорѣ является параллелью къ разговорамъ папы Григорія съ дьякономъ Петромъ).

Прослѣдимъ ходъ изложенія еп. Симона. Разсказавъ объ Онисифорѣ (параллель къ патерикамъ, безъ историческихъ подробностей), Симонъ говоритъ о святыхъ, бывшихъ въ плѣну, ссылаясь на монастырскія поминанья (Евстратій постникъ, Никонъ мнихъ, Кукша и Пиминъ). Интересно, что о мученичествѣ Кукши у Вятичей Симонъ зналъ меньше, чѣмъ о подвигахъ другихъ святыхъ въ Корсуни и у Половцевъ. Здѣсь могли поддерживать монастырскія преданія, народныя сказанія и пѣсни о половцахъ и Корсунѣ, Тмуторокани, и проч. Слѣдующее житіе Аѳанасія затворника, подобно житію Онисифора, составлено по подражанію патерикамъ. Симонъ и ссылается для удостовѣренія своего разсказа на житіе Антонія (до насъ не дошедшее). До сихъ поръ идетъ какъ бы вступленіе въ Патерикъ. Первое историческое сказаніе у Симона „о преподобномъ Святошѣ, князѣ Черниговскомъ“. Оно начиналось первоначально (безъ краткаго вступленія) съ лѣтописной замѣтки: въ 1106 г., въ февралѣ (14) постригся Святоша Давидовичъ, внукъ Святослава, по имени Николай. (О немъ свидѣтельствуютъ книги въ монастырѣ, келья съ огородомъ—Святошина, одежды и проч.). Содержаніе сказанія исчерпывается разговоромъ съ врачемъ Петромъ Суряниномъ. Далѣе слѣдуютъ разсказы о Еразмѣ (о немъ свидѣтельствовали въ монастырѣ цѣнныя иконы надъ алтаремъ; а разсказъ переданъ, со словъ его современниковъ, о видѣніи, причемъ самъ Симонъ обильно воспользовался при передачѣ сказанія о Еразмѣ Прологомъ и Патериками—„иже во Патерицѣ“) и о двухъ враждовавшихъ другъ съ другомь попѣ Титѣ и дьяконѣ Евагріи. Послѣдній разсказъ Симонъ передаетъ, какъ очевидецъ; а всѣ предыдущіе разсказы—со словъ слышавшихъ и проч. Всѣ разсказы Симона подчинены епистолярной формѣ, во всѣхъ разсказахъ находятся обращенія къ Поликарпу. Вѣроятно еще, что разсказъ о покованіи раки Ѳеодосія посланнымъ изъ Суздальской земли, принадлежитъ также епископу Симону, или заимствованъ имъ изъ стараго лѣтописца Ростовскаго. Для авторовъ Патерика Печерскаго главными основаніями были житія Антонія и Ѳеодосія, на которыя они постоянно ссылаются. Всѣ дальнѣйшіе разсказы,—о церковныхъ писцахъ, о чудесахъ въ печерскомъ монастырѣ при созданіи церкви,—связаны такъ или иначе съ личностью Симона еп. Владимірскаго и Суздальскаго.

Второй авторъ Патерика Печерскаго, Поликарпъ, писалъ послѣ смерти Симона († 1226 г.), „Житіа, дѣянія и знаменія“, по совѣту, побужденію и по разсказамъ (можетъ быть, матеріаламъ пись-

менныяъ) еп. Симона (былъ въ Кіевѣ до 1206 г. и въ 1214 г.). Можетъ быть, въ словахъ Поликарпа заключается указаніе на первоначальный видъ труда Симона: „иже сказа мнѣ грѣшному о св. Антоніи, бывшемъ начальникѣ рускымъ мнихомъ, и о св. Ѳеодосіи и иже по нихъ святыхъ и преподобныхъ отецъ житія и подвиги скончавшихся въ дому Пречистыя Божія Матере". У Поликарпа планъ болѣе свободный: „сказати нѣчто" о преславныхъ чудесахъ; но изложеніе отличается большей исторической точностью, стилемъ лѣтописца. Очевидно, кіевскій монахъ Поликарпъ имѣлъ подъ руками богатые точные историческіе матеріалы (лѣтописи, зналъ Нестора не по одному преданію), между тѣмъ какъ Симонъ писалъ вдали отъ Кіева, съ бѣдными пособіями подъ руками. Блѣдные нравоучительные разсказы Симона далеко уступаютъ разсказамъ Поликарпа, полнымъ жизни бытовой, исторической. Жизнь Кіева, монастыря, свѣдѣнія историческія—лѣтописныя, даже былевыя (о Лаврентіи затворникѣ: исцѣленный имъ бѣсный закидывалъ громадныя деревья, которыя не могли поднять и 10 человѣкъ), выступаютъ живо въ изложеніи Поликарпа. Въ житіи Агапита лѣчца Поликарпъ назвалъ своихъ предшественниковъ, кромѣ Симона, еще: „якоже блаженный Несторъ въ лѣтописци написа о преп. отцѣхъ, о Даміяне, Иереміи, и Матфеѣ и Исаакіѣ. Въ житіи св. Антонія вся житіа ихъ вписана суть, аще и вкратцѣ речена". Богатыя свѣдѣнія по русской и даже польской исторіи заключаются въ житіяхъ Григорія чудотворца, Моисея Угрина и др. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ житіяхъ, замѣчательны совпаденія разсказовъ Поликарпа съ сказаніями лѣтописей. Пользуясь посланіемъ и житіями Поликарпа, быть можетъ, можно возстановить объемъ лѣтописи Нестора, вошедшей въ сводъ XII вѣка. Она начиналась съ сказанія о Ярославѣ книголюбцѣ и съ основанія Кіево-Печерскаго монастыря (1037—1051 гг.) и доходила до 1096 г., подъ которымъ слѣдовали прибавленія (Поученій Мономаха, Сказаній Василія и др.). Никита, въ житіи котораго упоминается Несторъ лѣтописецъ, съ 1096 г. былъ епископомъ Новгородскимъ. Всѣ лица, упомянутыя Поликарпомъ, отмѣчены въ лѣтописяхъ или по поводу ихъ постановленія въ епископы, или по поводу ихъ смерти (напр. Исаія съ 1072 г. еп. Ростовскій, Никонъ игуменъ умеръ въ 1088 г. и пр.). Перестановки и сокращенія сказаній (вкратцѣ) изъ сочиненій Нестора отмѣчены уже Поликарпомъ. Къ житію Антонія присоединялись сокращенія изъ сказаній Нестора о первыхъ черноризцахъ.—Замѣтимъ еще, что Патерикъ назывался иногда „Отечникомъ Печерскимъ", (Повѣсти въ Отечникѣ Печерскомъ; лѣтописи подъ 1018 г.).

Изъ Кіевопечерскаго Патерика.

По рукописи XV вѣка. б-ки гр. Уваровой, № 965 (12 б-ки Сахарова), лл. 186 об.—196 об. „Слово о Спиридонѣ проскурницѣ и о Алимпии иконописцѣ“. Всяка д(у)ша проста с(вя)та ес(ть). не имѣеть лоукавьства в себѣ, ни льсти во с(е)рдци таковыи истиненъ ес(ть) къ б(о)гоу и ч(е)л(о)в(ѣ)комъ сицевыи не может безоумия творити [1]) яко сосуд б(о)жии ес(ть) и д(у)хоу с(вя)т(о)моу жилище бывает ѿ того бо освѣщается тѣло же и д(у)ша и оумъ яко же реч(е) г(о)с(под)ь азъ и о(те)ць к немоу приидевѣ и обитель оу него сотворимъ вселю бо ся рече в ня и похожю и боудоу им б(о)гъ и тии боудоуть мнѣ людие ап(о)с(то)лъ же гл(аголе)ть вы есте ц(е)ркви б(о)га живаго (и) д(у)хъ с(вя)тыи живет в васъ таковыи на земли анг(е)льскыи пожиша и на н(е)б(е)сѣх с тѣми во вѣки радуются яко в жизни не разлоучении от тѣх бѣша (сице) и сии по см(е)рти с ними веселятся еже и на конци слова скажем о семъ.

Бл(а)ж(е)нныи же Спиридонъ проскоурамъ печець бываше повелѣнием игоумена нашего Пимина постника (печаше просфиры) и с нимъ Никодимъ сии единооумно и единонравно добрѣ послоужиша в пекленицѣ (за) лѣта многа ч(и)сто и непорочно совершиша (свою службу) сьи оубо (Пиминъ преподобныи бяше) селянинъ и невѣжа (словомъ) не от града в чернечество прииде изъвыклъ в(е)сь пс(а)лт(ы)рь изъ оусть в пеколницю прииде [2]) роукама со-

---

[1]) Варіанты (только дополненія и рѣзкія разночтенія): съгрѣшити къ б(ог)ж, паче же не хощет (Царскаго, 297 №, гр. Уварова № 141. XVI в.). По рукописи гр. Уварова № 486 (Царскаго 299) заглавіе этой статьи слѣд: Слово о Спиридонѣ, иже просѳиры печаше. и о блаженнѣмъ Алимпіи иже иконы писаше без прибытка“. Въ рукописи 1497 г. Троицко-Сергіев. Лавры № 712, „О Спиридонѣ проскурникѣ“ начало читается: „Блжныи спірідонъ проскоурамь печець быс повелѣніемь игумена нашего пумина постника и сним никодимъ“, и пр., а вступленія нѣтъ.

[2]) Сей оубо пр(е)п(о)д(о)бный Спиридонъ бяше невѣжа словомъ, но не разоумомъ (Царск. переставлено), не от града бо пріиде в черьнечество но от нѣкоего села и въспріатъ страх б(о)жіи въ с(е)рдци си и нача оучитися книгамъ и извыче весь псалтырь изооустъ (отнележе в пекалницу пріиде) повелѣніемъ же игоумена Пимина постника печаше просфоры и с нимъ братъ нѣкто именем Никодимъ. емоу единооуменъ и единонравенъ, иже добрѣ послоужиша в пеклениці за многа лѣта ч(е)стне и непорочно съвершивше свою слоужбу, Блаженный же Спиридонъ отнележе в пекалницю пріиде и не измѣни своего подвига и труда духовнаго, но свою работоу съвершаше...

вершааше работоу со всяцѣмъ говѣнием жрътвоу (чисту) принося б(о)гови от своего троуда плод же оустенныи [1]) живасловесная жрътва от того приношаашеся от всѣхъ и за вся ко всемогоущемоу б(о)гоу безпрестани поя пс(а)лт(ы)рь тоу и на всякъ д(е)нь скончевааше или дрова сѣка [2]) или тѣсто мѣся (и) се (безпрестани) во оустѣх [3]) имѣяше.

И семоу [4]) обычню работу творящю со всяцѣмъ говѣнием (при) лоучися оубо семоу б(ла)ж(е)нномоу нѣкогда ввжещи пещь якоже [5]) на испечение проскоурамъ и от паления огню зажже [6]) покровъ храмоу и се (онъ же) веземъ манатию свою закры оустие пещи свите же завязавъ роукава (и) сию вземъ тече (течяше) на кладязь и тоу наль(я)въ (нама) воды скоро течааше зовый братию всю да оугасить пещь и храмъ, они (братіи) же притекъше видѣша предивноую вещь како не истече от свиты вода ею же оугасиша силоу огненоую. Многотщание [7]) еже воспомяноути всѣх и похвалити и оублажити сдѣ о г(о)с(по)дѣ скончавшихся во б(о)ж(е)ственномъ манастыри Печерьском д(а)в(и)дьскы ркоуще радоуитеся пр(е)п(о)д(о)бнии о г(о)с(по)дѣ праведнымъ подобает похвала добрѣ пѣвше емоу со восклицанием во десятостроунинѣм и псалтыри и о ѧі час [8]) б(о)гоу молившеся и тому оугодная творящи иже (но) от оуности б(о)гоу собѣ подавшю насаждени бывше в домоу б(о)жия м(а)т(е)ре тии во дворѣхъ процвѣтоут б(о)га нашего и еще оумножатся во старости маститѣ [9]).

Якоже сий бл(а)ж(е)нный Алимпий преданъ бывает родителема своима на оучение писания иконамъ (иконнаго писаніа) егда бо греци (гречестіи) писци из Ц(а)ряграда б(о)жиим изволением и его пр(е)ч(и)стыя б(о)гом(а)т(е)ре приведени быша ноуждью с лодиею

[1]) иже отъ устъ его.

[2]) секый.

[3]) безпрестани.

[4]) нѣкогда.

[5]) и всегда.

[6]) и от пламени огненаго загорѣся.

[7]) Многа же тщанія требѣ:

[8]) не от перваго оубо надесят часа.

[9]) но от юности б(ог)оу себе предавше и многа лѣта пожиша и вдобрѣ старости къ г(оспод)оу отидоша. и ни единаго дне и часа правила своего измѣниша насаждени бо быша в домоу б(о)жіа м(а)т(е)ре тии процвѣтуть во дворѣх б(ог)а нашего и еще оумножатся въ старости маститѣ якоже и сіи бл(а)женный.

писати ц(е)ркве Печерьскыя во дни бл(а)говѣрнаго кн(я)зя Всеволода Ярославича при игоуменѣ пр(е)п(о)д(о)бном Никонѣ якоже о сихъ сказано ес(ть) во грамотѣ [1]) Симоновѣ еже присла (показалъ есть) б(ог)ъ ко мнѣ чюдо страшно [2]) во ц(е)ркви [3]) мастеромъ олтарь моусиею кладоущимъ и образъ пр(е)с(вя)тѣй вл(а)д(ы)ч(и)ци н(а)шей б(огоро)д(и)ци пр(и)снод(ѣ)вѣ и м(а)рии самъ вообразися сим всѣм вноутрь соущимъ олтаря покладываахоу моусиею Алоумпии иже бѣ помогая им и оучася и видѣвше вси дивно и страшно чюд(о) зрящим имъ [4]) просвѣтися образъ вл(а)д(ы)ч(и)ца нашея б(огоро)д(и)ца пр(и)снод(ѣ)выя М(а)рия паче с(о)лнца (и) не могуща (е) зрѣти падоша ниць оужасшеся и мало возникоша хотѣвше видѣти бывшее чюдо и се изъ оусть богородичинъ (пречистыя богоматере) излѣтѣвъ голоубь бѣлъ и летяаше [5]) ко образоу сп(а)совоу и тамо сокрыся (сіа же) си иже вси смотриша (смотряху) аще изь ц(е)ркве излѣтѣлъ ес(ть) и всѣмъ зрящимъ (и) пакы голоубь излетѣ отъ оусть сп(а)совыхъ и лѣтааше по всей ц(е)ркви (и) ко коемуждо с(вя)тому прилѣтая овомоу на роуцѣ сѣд(а)я иному же на главѣ. Слетѣв же долоу сѣде за иконою чюдною б(о)городичиною намѣстною долнишии (долнѣйше) же [6]) хотѣша яти голоубь (и) приставиша лѣствици(-у) и се не обрѣтеся за иконою и [7]) за завѣсою смотривше(же) всюдоу не вѣдоуще гдѣ сокрыся голоубь и стояще [8]) вси зряще ко иконѣ и се паки излетѣ голоубь пред ними от оусть б(о)городичинъ и идяше на высотоу ко образоу сп(а)совоу (и) возопиша горѣ стоящим имѣте они же простерша (простроша) роуки хотяахоу яти [9]) голоуб же (пакы) влетѣ во оуста сп(а)сова отнюдоу же изыде и се паки свѣт тѣхъ осия паче с(о)лнца изимая зракъ ч(е)л(о)в(ѣ)коу сии же падше ниць поклонишася г(о)с(подѣ)ви с ними же бѣ и (сеи) бл(а)ж(е)нный Алоумпий видя дѣтель с(вя)того д(у)ха пребывающю в той с(вя)тѣй ч(ест)нѣй ц(е)ркви печерьские и егда скончаша ю пишюще (тогда) бл(а)ж(е)нный же Алоумпий постриженъ

---

[1]) в посланіи.
[2]) сътвори.
[3]) своей.
[4]) на образъ.
[5]) горѣ.
[6]) долоу же стоящіи.
[7]) ни.
[8]) стояху.
[9]) его.

быс(ть) при игоумене Никоне всемоу (добре семоу) делоу изоучився иконы писати хитръ бе велмі и семоу ремествоу не прибытка деля се творяаше [1]) еликоже доволно быс(ть) всѣм игоуменом и всей братьи и от сего ничто же взимая писааше иконы аще ли не будяше дела семоу (сеи преподобный) взаемъ взимая злато и сребро еже иконам на потребоу и здѣлавже имже бе должен съи взимая отдавая иконоу за таковыи долгъ многажды же моляаше дроугы своя да во ц(е)ркви [2]) видевше обетшавшая иконы (и) тыя принесоут к немоу сия же обновивъ поставляаше на своих местехъ. се же все творяаше да не праздень паки боудет понеже с(вя)тии о(т)ци рукоделие черньцю повелеша имети и велико се предъ б(о)гом положиша якоже рече Павелъ ап(о)с(то)лъ мне же и соущимъ со мною роуце мои послоужиста и ни оу кого же тоуне хлеба ядохъ такоже и сий бл(а)ж(е)нный Алоумпий на три части разделяюще [3]) первоую часть на с(вя)тыя иконы а второую часть во м(и)л(о)стыню нищимъ а третюю часть себе на потребоу своемоу телоу (и) се творяаше по вся лета не дадый себе покоя по вся дни в нощи же на пение и на м(о)литву оупражняяся дни же приспевшю на дело себе отлучааше праздна себе николиже виде(ти) но и собора церьковнаго виною дела деля не отлучаашеся николиже игоумен же сего за многоую добродетель и ч(и)стое его житие постави и прозвоутеромъ и в таковомъ чиноу с(вяти)т(е)льства добре и б(о)гооугодно пребыс(ть).

Некто от Киева б(о)гатых прокаженъ [4]) и много от волъхвовъ и от врачевъ лечим бываше и от поганых ч(е)л(о)в(е)къ [5]) искааше помощи и не полоучи но и горшее себе приобрете поноуди некто сего от дроугъ итти в печерьскыи манастырь и молити от о(те)ць [6]) оному же приведеноу бывшю в манастырь игоумен же повеле напоити (его) гоубою от кладязя с(вя)т(о)го Өеод(о)сия главоу же и лице емоу помазаша (емоу) и тако (абие) воскипе весь гноенъ(м) за неверование его яко сего всем бегати смрада ради бывающаго

[1]) добре извыкъ хитрости иконнеи и иконы писати хитръ бе зело. сей же хитрости въ схоте наоучитися не богатьства ради но богаради се творяше работаше бо.

[2]) где.

[3]) роукоделие свое.

[4]) богатыи прокаженъ сыи.

[5]) врачюемъ биваше и от иноверных человек.

[6]) и молити некыя о от отець да помолятся о нем.

и се (онъ же) возвратися в домъ свой плачася и сѣтоуя не исходя оттудоу во многи дни смрада ради и гла(гола) дроугомъ своимъ покры срамота лице мое тоуждь бых братии моеи и странень с(ы)новомъ м(а)т(е)ре моея понеже [1]) с вѣрою приидох ко с(вя)тыма Антонию и Өеодосию бѣ бо (по вся дни) ожидая см(е)рти (и) поздѣ нѣкогда си собравъ оумъ [2]) помысливъ своя согрѣшения прииде ко (преподобномоу) Алоумпию (и) покаявся к немоу. бл(а)ж(е)нныи же рече к немоу чадо добрѣ сотворилъ еси исповѣдалъ еси б(о)г(о)ви свои [3]) пред моимъ недостоиньством рече бо д(а)в(и)дь исповѣм на ся безаконие мое г(о)с(подѣ)ви и ты [4]) отпустилъ еси неч(е)стие с(е)рдца моего и много поучивъ его еже о сп(а)с(е)нии д(у)ши вземъ вапницю и шаровными вапы ими же иконы писааше и (симъ) лице емоу оукраси (и) строупы гноиныя замазавъ сего на первое подобне. бл(а)гообразное(зіе) претворивъ и приведе его въ церьковь б(о)ж(е)ственоую печерьскоую и дает причастие с(вя)т(ы)хъ таинъ (и) повелѣ емоу оумытися от воды (водою) ею же попове (священницы) оумываются (и) тоу абие (с)падоша емоу строупие и исцѣлѣ.. виждь разоума с(вя)т(о)го х(ри)стоу (бо) подобится якоже бо г(о)с(по)дь прокаженнаго исцѣливъ повелѣ (ему) показатися жерцемъ (священникомъ) и принести даръ за оцѣщеніе его (и) сице бо и сии с(вя)тыи бѣгая величания якоже х(ри)с(тос)ъ слѣпаго исцѣливъ (и) не тоу абие прозрѣвъ но повелѣ емоу итти ко силоамли коупѣли и измытися такоже и сии [5]) преже вапчыми оукрашает (и) образ смердящии невѣрия ради честь же творить (и) служителем б(о)жиим да (и тии) обещници с ним чюдеси боудоут. водою же того [6]) не токмо телесных проказъ очисти но и д(у)шевных его же [7]) и правноукъ окова киот златомъ надъ с(вя)тою трапезою за оцищение того (и се) скоромоу исцѣлению вси оудивишас(я) к ним же рече бл(а)ж(е)нный Алоумпий семоу братие внимайте рекшемоу не может рабъ двѣма г(о)с(по)динома работати якоже и сий прѣждь поработися врагоу чарования грѣхомъ послѣд же прииде к б(о)гоу отчаявся своего дѣла (и) о прокажении [8]) невѣрьства ради

[1]) не.
[2]) пріиде в себѣ.
[3]) грѣхы своя.
[4]) тъи (той).
[5]) блаженныи.
[6]) омывъ.
[7]) того же исцѣленнаго правноукъ.
[8]) отчая вся бо преже спасеніа своего больма проказа нападе на нь.

просите бо рече г(о)с(под)ь и не просто просите но с вѣрою просите и примите (и) егда (же) покаясія къ б(о)гоу (и) мене постави послоуха и готовыи м(и)л(о)стию[1]) оущедри отиде исцѣлѣвыи в домъ свои славя б(о)га и того рождешюю (пречистую) м(а)т(е)рь и с(вя)тою о(т)цю нашею Антония и Өеодосия и бл(а)ж(е)нпаго Алоумпия сои новыи нам Пелисиѝ иже Неомана соуренина от проказы исцѣливъ. (и) Инъ нѣкто (мужь) х(ри)с(т)олюбець от того же града Киева ц(е)рковь (себѣ) постави и той[2]) на оукрашение великих иконъ є҃ дѣисоуса и двѣ намѣстнии сии[3]) вдасть сребро черноризцема двѣма манастыря печерьскаго да сотворита ряд(ъ) со Алоумпиемъ и еже хощет возметь от иконъ сии же[4]) ничтоже рекши (рекоша) Алоумпиеви (а) взяста от моужа еже (елико) хотѣста и паки х(ри)с(т)олюбець возвѣсти черноризцема[5]) аще иконы кончаны (сдѣланы) соуть сии же рѣста яко и еще злата требоует и сиѝ вземша[6]) истеряста (и) паки нарѣчие воспоущаста (взоустиста) моужеви гла(гола)вша тако на бл(а)ж(е(нпаго (сице яко) и еще просить толика же елико же взять он же б(о)голюбець с радостию дасть и (помалѣ) паки рѣста (рекоста) черноризца и еще Алоумпии и толика же требоуеть[7]) аще десяти[8]) рече вопросит то дамъ токмо молитвы (и благословеніа) его хощю и дѣла роукоу его от сего ничтоже вѣдоущю Алоумпиеви еже черносица творяста присылает оубо моужь хотя видѣти аще иконы написаны соут (она же) черносица же возвѣстиста емоу[9]) Алоумпие поимавъ товаръ[10]) не хощеть писати иконъ твоих. х(ри)с(т)олюбець же тоѝ прииде в манастырь ко игоуменоу. Никоноу со многою дружиною входит тягатися со с(вя)тым Алоумпием и все сказа емоу[11]).

И реч(е) емоу игоуменъ брате что се неправда (сіа) быс(ть) от тебе ко с(ы)нови нашемоу многажды молих тя дая (ти) часто (что)

---

[1]) и скорый на милость сего.

[2]) въсхотѣ сътворити церкви.

[3]) христолюбець.

[4]) мниси.

[5]) посла къ мнихома.

[6]) и пакы взяша оу христолюбца злато и.

[7]) христолюбець же рече.

[8]) до десятижды.

[9]) тако глаголюще яко.

[10]) злато и сребро и с лихвою.

[11]) хотя въздвигнути крамолоу на преподобнаго Алимпія. Игуменъ же призвавъ его и рече емоу.

хощеши иногда (же) тоуне пишеши. бл(а)ж(е)нный же рече отче ч(е)стныи (и) вѣсть твоя с(вя)тыни яко не имѣхъ (никогда же) лѣности о семъ дѣлѣ николиже н(ы)нѣ же не свѣмъ еже гл(аго)леши. игоумен же рече яко три цѣны вземъ (взямъ еси) от седми иконъ и се яко на обличение томоу повелѣша принести дскы иконныя. черноризца же призвани бывше (мнихи же призвати) имавшая мздоу [1]) да ся прят с нимъ. послании же видѣша тыя [2]) написаны вельми хитры (и) принесоша пред игоумена иже видѣвше вси оудивишася и оужасни бывше (быша) со страхом ниць на землю падше поклонишася нероукотворенномоу образоу г(о)с(под)а нашего И(су)съ Х(ри)с(т)а и его преч(и)стыя м(а)т(е)ре и с(вя)т(ы)хъ его яко же о сихъ велика млва (слава) промчеся во всемъ градѣ Киевѣ. приидоста же она черньца гла(в)шая на бл(а)ж(е)ннаго не вѣдуща о семъ ничтоже стязаетася [3]) со Алоумпием (тако глаголющи яко) гла(в)ша яко три цѣны взялъ еси а иконъ не пишеши. отвѣщавше тѣма вси рѣша (и) се (нынѣ) иконы б(о)гом написаны соут. сии же видѣста оужасостася о бывшем чюдеси. сия же черньца обличена бывша крадша манастырь и (отъ) всѣх вещии отпадша и изгнана быста от пещеры [4]) но и тако своея злобы не остастася хулоу творяща на с(вя)того и гл(аго)люща всѣмъ яко вѣ написахомъ [5]) иконы. и г(о)с(поди)нъ тѣх не хотя нам дати мзды (и) се замыслилъ ес(ть) лишивъ наю наима и гл(аго)ласта [6]) на иконы яко сама сия (богомъ написаны соуть) содѣласта (ся) а не соут сами вображени [7]). и тако оустависта народъ притекающь на позоръ тѣхъ тѣмъ хотящимъ кланятися сии же возбраняста (и) сего ради людие вѣроваша черноризцема (мнихомъ) облыгающим с(вя)т(о)го Алоумпия. но б(о)гъ прославляя с(вя)тыя своя іако же рече г(о)с(под)ь во евангелии не может градъ оукрытися верхоу горы стоя такоже ни свѣтилника вжегше поставляют под (сосоудомъ) споудом но на свѣщници да свѣтит всѣм приходящимъ. такоже и сего бл(а)ж(е)ннаго Алоумпия не оутаися добродѣтель [8]) дондеже и до князя Вла-

---

[1]) цѣну на обличение его.

[2]) иконы.

[3]) начаша стязатися.

[4]) от манастыря печерскаго.

[5]) мы есмы написали.

[6]) солгаста (сългаста).

[7]) яко богомъ написаны соуть сами въображени.

[8]) добродѣтелное житіе.

димера чюдо бывшее о иконахъ. быс(ть)[1] же волею б(о)жиею от пожара изгорѣ подолие все тако и ц(е)рковь (и та церкви) згорѣ в ней же с(вя)тыя иконы бяхоу и по пожарѣ обрѣтошася седмь иконъ[2] цѣлы(хъ) а во ц(е)ркви изгорѣвши вси[3]. (и) се слышавъ княз иде видѣти ити (тамо) бывшаго чюдеси еже о иконахъ како единою нощию написашаси б(о)жиимъ ман(овен)иемъ (и) прославивъ творца всѣх содѣвающаго предивная чюдеса м(о)л(и)твами и оугодникъ твоихъ (своихъ) Антония и Ѳеодосия. вземъ (же) Владимеръ единоу иконоу с(вя)тоую б(огоро)д(и)цю (и) посла во град Ростовъ в тамо соущю ц(е)рк(о)вь юже самъ созда иже и до н(ы)нѣ (стоитъ) ес(ть). ей (си) же (азъ) самовидець бывъ. (быхъ) се же при мнѣ сотворися в Ростовѣ ц(е)ркви той падшися (пастися). и икона та без вреда (пре) бысть, и несена быс(ть) в древяноую ц(е)рк(о)вь яже изгорѣ от пожара икона же та без вреда (пре)быс(ть) ни знамения (же) огненаго (на себѣ) имоущи.

Предидемъ паки ко иномоу сказанию еже о Лоумпии (Алимпіи) инъ нѣкто б(о)голюбець дасть семоу бл(а)ж(е)нномоу иконоу[4] писати. по малѣх же днех разболѣся бл(а)ж(е)нныи Алоумпий иконѣ же соущи не(на)писанѣ. б(о)голюбець же притужааше с(вя)томоу к немоу же (блаженныи) рече чадо не приходи ко мнѣ и не стоужаи ми но возверзи на г(о)с(под)а печялѣ твою еже о иконѣ и тои сотворит якоже хощеть. икона ти во свои праздникъ на своем мѣстѣ станет (и) порадовася моужь (тои) понеже икона до праздника напишется (и) вѣроу ем(ъ) словеси с(вя)т(о)го иде в дом свои радоуяся.

Прииде же паки б(о)голюбець на канонъ оуспения хотя взяти иконоу и видѣ иконоу неписаноу сегоже Алоумпия велми болна соущи и досажааше емоу г(лаго)ля (от печали) почто нѣси ми возвѣстилъ своея немощи и азъ бых далъ иномоу вписати иконоу (писати) дабы праздникъ свѣтелъ и ч(е)ст(е)нъ былъ н(ы)нѣ же посрамил мя еси оудержавъ иконоу к немоу же бл(а)ж(е)нныи кротцѣ отвѣща брате[5]. егда лѣностию се сотворих или невозможно б(о)гоу иконоу своея м(а)т(е)ре. словом написати азъ бо отхожю свѣта сего яко же яви ми г(о)с(под)ь и всяко (по моемъ отшествіи) оутѣшитъ тя г(о)-

---

[1]) нѣкогда сице.

[2]) тѣхъ.

[3]) а церковь вся згорѣ.

[4]) намѣстную.

[5]) о чадо.

з(под)ь (бъ мужь же той отъиде отъ него печалуя в домъ свой) по моем (его) отшествiи негодоуя же моужь (отходитъ) от него к домови [1]). и по сего отшествiи вниде нѣкто оуноша свѣтелъ и взем вапницю нача писати иконоу. Алоумпий же мнѣв яко разгнѣвався на мя (нь) г(о)с(подин) къ иконы (и) писца иного прислалъ ес(ть) понеже исперва аки ч(е)л(овѣ)къ бяше но (и) скорость дѣла сего бесплотна показа овогда оубо златомъ покладывааше [2]) овогда же на камени вапы тряше (творяше) и всѣм писааше (и) в три часы иконоу доспѣ [3]) и рече о калоугере егда что недостаточно или чим согрѣших. бл(а)ж(е)нныи же рече добрѣ сотворилъ еси б(о)гъ помогаи (поможе) тебѣ славно (зѣло хитро) написати иконоу сию се тобою содѣлалъ (ю) ес(ть). вечероу же приспѣвшю и се невидим быс(ть) со иконою. г(о)с(поди)нъ же иконы без сна пребыс(ть) всю нощь от печали понеже иконы на праздникъ не быс(ть) недостоина себе и грѣшна нарицая таковыя бл(а)г(о)д(а)ти (и) воставъ оубо иде во ц(е)рк(о)вь да ся тамо плачет своего согрѣшения (и) отверзъ двери ц(е)рк(о)вныя и видѣ иконоу стоящю (сiяющу) на мѣстѣ томъ (своемъ) и паде от страха (и) мнѣвъ яко (при)видѣние нѣкое явися емоу. возбноув же от страха и мало, разоумѣ се (яко) икона (есть). быс(ть) во страсѣ и во оужасти многѣ [4]) тек же возбоуди вся домашняя своя. они же с радостию текоша во ц(е)рк(о)вь со свѣщами и с кандилы и видѣша иконоу сияющю паче с(о)лнца (и) падше поклонишася ниць на землю цѣловаша [5]) со веселием д(у)ша. б(о)голюбець же той прииде ко игоуменоу (и) нача повѣдати сотворшееся чюдо еже о иконѣ (и) вси коупно идоша ко Алоумпиеви и видѣша сего оуже отходяща свѣта сего и вопроси его игоуменъ отче и како и кимъ написана быс(ть) икона. он же повѣда им все еже видѣ яко анг(е)лъ ес(ть) реч(е) написавъ ю и се предстоит пояти мя хотя. и се рекъ предасть д(у)хъ (и) сего опрятавше несоша во ц(е)рк(о)вь обычное пѣние над нимъ отпѣша (сътворше) положиша и (его) ч(е)стно в пещерѣ съ пр(е)п(о)д(о)бными о(т)ци [6]).

Въ рукописномъ Патерикѣ Печерскомъ гр. Уварова (№ 299 цар-

---

[1]) Моужь же той отъиде от него печалоуя в домъ свой.

[2]) иконоу.

[3]) написа.

[4]) бывъ помяноувъ глаголы преподобнаго.

[5]) лобызаша (—а).

[6]) о Христѣ Iисусѣ о Господѣ нашемъ, емоу же слава съ отцемъ и съ святымъ духомъ нынѣ и присно.

скаго, гр. Уварова № 486 [1]) идетъ еще слѣдующее окончаніе: „да и нас сподобит г(оспод)ь м(о)литвами их избавитися от сѣтей ловящаго нас діявола и обрѣстися в мѣстѣ отца Антонія и Өеодосія. и призовемъ братіе блаженныя тыя отца и чюдотворца помощники и молитвенники тыя обрѣсти ко г(оспод)у б(о)гу еже неотлученном нам быти пр(е)п(о)д(о)бныхъ тѣхъ черноризецъ ни отторженом от бл(а)женнаго и с(вя)таго того мѣста и пренепорочныя и пр(е)чистыя дѣвыя жилища не лишеном быти еже сама обѣщася. но потщимся и прочая дни своя в покаяніи препроводити и угодити Х(рист)у б(о)гу, ему же слава со отцемъ и со святымъ д(у)хомъ н(ы)нѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. аминь.

По той же рукописи гр. Уваровой № 965 (12 изъ собранія Сахарова). „Втораго написания [2]) еже ко архимандритоу (игумену) печерьскомоу Анкидиноу [3]) о с(вя)тых и блаженных черноризцѣх [4]) брат(и)я н(а)шея списано Поликарпом“ [5]). Г(о)с(по)д)оу поспѣвающю [6]) и слово оутвержающю къ твоему бл(а)гооутробию [7]) преч(е)стныи архимандрите всея Роуси г(о)с(поди)не мой о(т)че Анкоудине подай же ми бл(а)гоприятная твоя словеса и слоуха да въ ня возгл(аго)лю дивныхъ и с(вя)тых моужь жития и дѣяния знамения бывшихъ во с(вя)т(о)мъ семъ манастыри печерстѣм еже слышах отъ нихъ [8]) от Симона еп(и)с(ко)па Володимерьскаго и Соуждальскаго брата твоего а черньца бывшаго печерьскаго (тогож манастыря) иже сказа : нѣ грѣшномоу по(о)с(вя)темъ велицем Антонии бывшю (-аго) началника роусскым мнихом и по(о) с(вя)темъ Өеодосии и иже по нихъ чесныхъ мнихъ) скончавъшихъся в домоу б(о)жия м(а)т(е)ре да слышить твое бл(а)горазоумие моего младооумия и несовершенна оума [10]) вопросил мя еси нѣкогда веля(-ѣ) ми сказати о

---

[1]) Такое окончаніе находится еще въ рукописяхъ: Троицко-Серг. Лавры XVI в. 713.

Варіанты: (по ркп. Царскаго 297; Троицко-Сергіев. Лавры и др.).

[2]) послания.

[3]) Акиндину (такъ и далѣе).

[4]) печерскых.

[5]) черноризцем тогоже печерскаго монастыря.

[6]) поспѣшествующю.

[7]) благооумию.

[8]) слышахом.

[9]) святых и преподобных отець житіа и подвигы.

[10]) смысла.

тѣх черноризцѣхъ содѣ(а)нная свѣдая [1]) мою хоудость [2]) и неизящное нрава иже все(гда) со страхомъ во всякоѝ (плоти) повѣсти бесѣдою (-уя-ую) пред (съ) тобою то како могоу ясно изрещи ими же чюдеса и знамения преславная сотворши(а)ся мало же оубо сказах [3]) ти а множае (множаиша) забых от страха и постыдѣхся твоего бл(а)гоч(е)стия неразоумно исповѣдавъ поноудихся писанием ъ извѣстити (тебѣ) еже о с(вя)тѣи и бл(а)ж(е)ннѣи братьи нашеѝ да и соущии по нас черноризци оувѣдають бл(а)годат б(о)жию бывшюю во с(вя)тѣмь сем мѣстѣ и прославять о(т)ца небеснаго показавшаго [4]) свѣтилника с(вя)тѣи странѣ [5]) во печерьскомъ с(вя)тѣмъ манастыри.

„Слово о Никитѣ затворницѣ (иже) по семь быс(ть) епископъ Новоугороду“.

Быс(ть) во дни пр(е)п(о)д(о)бнаго игоумена Никона брат единъ именемъ Никита (сеѝ) желая славимъ быти от ч(е)л(овѣ)къ дѣло велие не б(о)га ради замысливъ просит оу старца да в затворъ влѣзеть [6]) игоумен же возбраняшет(ь) емоу г(лаго)ля о чадо нѣс(ть) ти п(о)лзы праздноу сѣдѣти понеже юнъ еси лоуче (оуне) ти ес(ть) да пребоудеши посреди братии и работая тѣмъ (и) не погрѣшиши мзды своея самовидець [7]) еси брата нашего (святого) Исаакия (печерника) печерьскаго како прелщенъ быс(ть) [8]) аще не бы велия бл(а)годать б(о)жия опасла его [9]) иже и (до) н(ы)нѣ чюдеса многа творит. Никита же гл(аголе)ть [10]) николи прелщюся (соблажняюся) таковою вещью прошю же оу г(о)с(под)а и б(о)га да и мнѣ подасть чюдотворения даръ отвѣщавъ (же) Никонъ (рече) выше силы прошение (твое) блюди брате да не вознесеся [11]) низъ падеши (Христосъ) велить ти (и) наше смирение слоужити на (святоую) братию

---

[1]) съвѣдыи.
[2]) гроубость.
[3]) от тѣх преславных чюдесъ.
[4]) таковыя.
[5]) в роуской земли.
[6]) нача просити игоумена да в затворъ внидеть.
[7]) самъ видѣлъ.
[8]) отъ бѣсовъ.
[9]) и молитвъ ради преподобныхъ отець Антонiа и Θеодосiа.
[10]) глаголаше никакоже.
[11]) не възнесъся.

егоже (ихже) ради вѣнчанъ имаши быти за послоушание (твое) юноша) же никако же не внят гл(аго)ланых старцемъ [2]) но его же (еже) восхотѣ то (и) сотвори за зда (въ) о себѣ двери (дверцы) и пребыс(ть) неисходя и тоу абие [3]) прелщенъ быс(ть) от дьявола во время (бо) пѣния своего слышаше гл(а)съ моляще(ь)ся с нимъ и обоняше бл(а)гооуханне неизреченое и сим оумягчися [4]) гла(гола) в себѣ. аще си не анг(е)лъ бы былъ не бы молился со мною ни д(у)ха с(вя)т(о)го обоняние бы было и нача прилѣжно молитися гл(агол)я г(о)с(под)и яви ми (ся) сам да разоумно вижю тя. тогда же и гл(агол)а [5]) к немоу не являюся (тебѣ) занеже юнъ еси да не вознесъся низ падеши затворникъ же рече [6]) (никакоже) не прелщюся (господи) наоученъ оубо быхъ от игоумена моего [7]) и вся велимая (ми) тобою сотворю [8]) бѣсъ же приимъ область (власть) наоунемъ (надъ нимъ) и реч(е) не возможно ч(е)л(овѣ)коу во плоти (сущу) мене видѣти и се посылаю анг(е)лъ мой да пребоудет с тобою и ты боуди волю его творя и абие ста пред ним бѣсъ во образѣ анг(е)ла пад оубо мнихъ поклонися творя анг(е)лоу. [9]) и гл(агол)а емоу бѣс ты оубо не молися но буд(и) почитая книги и сим(и) обрящешися со б(о)гомъ бесѣдоуя да от них подаси слово полезно приходящимъ к тебѣ азже присно боудоу моляся о сп(а)с(е)нии твоемъ творца своего. прелстивжеся мних никогда же (николиже) помолився но прилеж(а)ше чт(е)нию и поучению бѣсаже видяше беспрестани моляшася о немъ и радовашес(я) яко анг(е)лоу дѣюща [10]) м(о)литвоу зань бесѣдовааше же о плъзѣ д(у)ши приходящим к немоу и нача прор(о)чествовати и быс(ть) о нем слава велика яко всѣмъ дивитися события [11]) словес его.

И посылает же Никита къ (князю) Изяславоу (глаголя) яко днес(ь) оубьенъ быс(ть) Глѣбъ С(вя)тославичь в Заволочии скоро посли с(ы)на своего С(вя)топлака на столъ Нооуградоу (и) якоже

---

[1]) Никита.
[2]) отъ игоумена.
[3]) не по мнозѣхъ же днехъ (не по многых).
[4]) прельстися.
[5]) гласъ быс(ть).
[6]) съ слезами.
[7]) не внимати прелести дияволи.
[8]) и тогда душепагоубный змiи.
[9]) поклонися емоу аки ангелоу.
[10]) творящю.
[11]) събытию.

реч(е) тако и быс(ть). По малехъ же днехъ оувѣдана быс(ть) см(е)рть Глѣбова (и) от сего прослоу(—ы) затворникъ яко пророкъ ес(ть) и велми послоуш(а)а(оуть) его князи и боляре, бѣс(ъ) оубо приходящаго быти не вѣс(ть) но еже самъ содѣя(въ) и наоучивъ злыя ч(е)л(овѣ)кы или оубити или оукрасти сия возвѣщает, егда бо прихожда(а)хоут(ь) ко затворникоу словеси оутѣшна слышати (отъ него) бѣс(ъ) же мнимый анг(е)лъ повѣдая томоу [1]) слоучившееся им(ъ) и той прор(о)чествоваше и бываше тако не можа(а)ше никто же стязатися с ним(ъ) книгами ветха(а)го закона съи [2]) бо изо оустъ имѣяше [3]) бытие (и) исходъ левгиты числа соудии ц(а)рства и вся прор(о)чества по чиноу и всякимы жидовскыя добрѣ свѣдяаше евангилия же и ап(о)с(то)ла якоже (яже) во благодати преданныя намъ (святыя) книги на оутвержение наше и на исправление сихъ николиже восхотѣ видѣти ни слышати ни почитати ни иномоу дасть бесѣдовати к себѣ, (и) быс(ть) разоумно всѣм (о немъ) от него (сего) яко прелщенъ ес(ть) от врага и сего не терпяще пр(е)п(одо)бнии ти о(т)ци Никонъ игоуменъ Иованъ [4]) иже быс(тъ) по немъ игоуменъ Поуминъ [5]) постникъ Исаия иже быс(ть) еп(и)с(ко)пъ [6]) Ростовоу Матвей прозорливець Исакий с(вя)тый [7]) печерникъ [8]) Григорий чюдотворець Николае иже быс(ть) послѣдь еп(и)с(ко)пъ Тмоуторокани Нестеръ иже той лѣтописець написа [9]) Григорие творець каноном Ѳеоктистъ иже быс(ть) еп(и)с(ко)пъ Черниговоу Аньсиѳоръ [10]) прозорливець. и (сии) вси приидоша б(о)гоносиии о(т)ци ко прелщеномоу (и) помоливпшеся б(о)гоу отгнаша бѣса от него (и) к томоу не видѣ его. изведоша же (его) вонъ и вопрашахоуть его о ветсѣм законѣ хотяще слышати от него что. съи (сии) же кленяайеся яко николиже читавъ книгъ иже прежде имѣяше [11]) изъ оустъ жидовьскыя книги н(ы)нѣ же ни единого же слова не свѣсть

---

[1]) повѣдаше емоу вся случившаяся.

[2]) весь.

[3]) и оумѣяше.

[4]) Іоанъ.

[5]) Пvминъ.

[6]) градоу.

[7]) Въ Тр.-Серг. рукоп. 713 еп(и)ск(о)пъ.

[8]) Агапитъ лечець (Увар № 140. Царск. 296:) (Увар. № 141. Цар. 297).

[9]) Несторъ иже написа лѣтописець (тамъ же).

[10]) Онисифоръ

[11]) оумѣяше.

и спроста рещи и на азъбоуки (ни единаго слова) [1]) не знаяше. сии же пребл(а)жении о(т)ци едва наоучиша и (его) грамотѣ. и оттуда дасть себѣ на воздержание чистое и смиренное и послоушное житие яко превзыти (емоу) всѣхъ добродѣтелию егоже послѣд(и) поставиша еп(и)ск(о)пом Новоуграду за (пре)многою его добродѣтель иже многа чюдеса сотвори. [2]) помолився б(о)гоу дождь с н(е)б(е)се сведе (и) пожаръ городоу оугаси и н(ы)нѣ (съ) с(вя)тыми чтуть (его) с(вя)гого и бл(а)ж(е)наго Никитоу (о Христѣ Iисусѣ о господѣ нашемъ ему же и пр.).

Въ рукописи гр. Уварова № 140, (Царскаго № 296) еще слѣдуетъ слѣдующее добавленіе: „преставися в лѣт(о) 6516, ген(варя) 1 и положиша и в Новѣградѣ, у с(вя)той Соѳіи, у Оакима и Аннѣ“.

---

[1]) ни азбука знааше.

[2]) нѣкогда бо бездождию бывшю и

2) И паки 2-е к Смолиньску со Ставкомъ Скордятичемъ, той пакы (обратно), и отъиде к Берестию со Изяславомь, а мене посла Смолиньску (6581—1073 г.);

3) то и—Смолиньска идохъ Володимерю тое-же зимы.

4) То и посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху пожгли, то и ту блюд(о)хъ городъ тихъ (Въ лѣто 6581—1073. Въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичихъ.. изіде Изяславъ ис Кіева.. иде въ Ляхы; Лаврен. лѣтопись, послѣ 22 марта; приводимъ все это по новому труду Н. В. Шлякова).

5) Та идохъ Переяславлю отцю (6582—1074 г.).

6) а по Велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю (20 апр. 1074 г. или 5 апр. 1075),

7) на Сутейску мира творитъ съ Ляхы;

8) оттуда пакы на лѣто Володимерю о-пять.

9) Та посла мя Святославъ в Ляхы ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци; и в тоже лѣто дѣтя ся роди старѣйшее Новгородьское (17 февр. 1076 г. Въ лѣто 6584. Ходи Володимеръ, сынъ Всеволожь и Олегъ, сынъ Святославль, Ляхомъ в помочь.—Мстиславъ въ Новгородѣ съ конца 6603 по 6625).

10) Та оттуда Турову.

11) а на весну та Переяславлю.

12) та же Турову (6584—1076 г.).

13) И Святославъ умре и язъ пакы Смолиньску (В лѣто 6584 преставися Святославъ... декабря 27),

14) а и—Смолиньска той же зимѣ та к Новугороду;

15) на весну Глѣбови в помочь (В лѣто 6586—1077 г... убьенъ бысть Глѣбъ.. в Заволочии.. его же тѣло положено бысть Черниговѣ.. иуля 23 день)

16) а на лѣто со отцемь подъ Полтескъ (послѣ 15 іюля),

17) на другую зиму с Святополкомъ подъ Полтескъ, ожгоша Полтескъ, онъ иде Новугороду,

18) а я с Половци на Одрьскъ воюя,

19) та Чернигову.

И пакы Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомь (В лѣто 6603—1095 г.. Приде Итларь в градъ Переяславль.. и начаша думати дружина Ратиборя со княземъ Володимеромъ о погубленьи Итларевы чади.. испроверже животъ свой Итларь, в недѣлю сыропустную въ 1 часъ дне, мѣсяца февраля въ 24 день.. Святополкъ же и Володимеръ идоста на вежѣ и взяста вежѣ).

Въ лѣтописяхъ изъ 74 событій, описанныхъ Владиміромъ въ Поученіи, нѣтъ до 25 событій, добавленныхъ въ Поученіи. Отсюда уже видно историческое значеніе Поученія. Многое у Владиміра Мономаха изображено подробнѣе, чѣмъ въ лѣтописяхъ.

Г. Шляковъ указываетъ на высокія литературныя достоинства труда Владиміра Мономаха. Источниками его являются не только выдержки изъ Псалтыри, поученій св. Василія о подвижничествѣ, о добродѣтели, изъ тріодійныхъ богослужебныхъ молитвословій, изъ Шестоднева Василія, изъ словъ Григорія Богослова, св. Анастасія, Іоанна Златоустаго, изъ Изборника 1076 г. „Во второй главной части, въ наставленіяхъ словомъ излагаются сначала обязанности человѣка къ Богу и „Бога дѣля“, а потомъ къ другимъ людямъ. Обязанности къ людямъ раздѣляются на обязанности княжескія и общечеловѣческія... здѣсь опять сначала (идутъ) обязанности князя постоянно примѣнимыя и 1) дома, потомъ 2) въ пути; послѣднія: 1) во время военнаго похода и 2) объѣзда своихъ земель... къ обязанностямъ съѣзда присоединяетъ предостереженіе отъ обремененія жителей требованіемъ содержанія: нѣтъ, не требуйте, а лучше сами накормите другого (я рѣшительно читаю „оуне инъ“, откуда переписчикъ допустилъ передѣлку в. и. инъ—можетъ быть, дѣйствительно допустивъ существованіе невозможнаго оунеинъ—на ина;—„куда же пойдете, идеже станете, напоите, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуду же к вамъ придеть“ *). Послѣднее обстоятельство даетъ ему возможность сказать нѣсколько словъ о гостепріимствѣ и такимъ образомъ перейти отъ обязанностей княжескихъ къ общечеловѣческимъ. И здѣсь та же διχοτομία: отношеніе 1) къ другимъ людямъ (больному, мертвому, всякому человѣку и женѣ) и 2) къ самому себѣ. Начертавъ картину дня дѣятельнаго человѣка, переходитъ къ наставленію примѣромъ своей собственной дѣятельности, изображая ее въ частностяхъ и въ общемъ. Изображая ее въ частностяхъ, онъ указываетъ на походы военные и административные, не раздѣляя ихъ одни отъ другихъ, и на охоту, а говоря объ ней, въ общемъ подраздѣляетъ ее на дѣятельность охранительную (на войнѣ и на ловѣхъ) и устроительную (на рядъ гражданскій и церковный).

---

*) Позволю себѣ новую догадку о чтеніи этого затруднительнаго мѣста: „накормите (те)уна наиболѣе (=болѣе всего) же чтите гость, откуда же квамъ придеть“, и т. д. П. В.

Русскіе писатели XII—XIII вв.

(Списокъ именъ по алфавиту).

Звѣздочкой отмѣчены имена писателей, сочиненія которыхъ не опредѣлены съ достаточной точностью.

* ***Авраамій***, еп. Смоленскій († 1221), Слово о мытарствахъ (см. Кириллъ).

Андрей, игум. Новгородскій XII в., описалъ житіе учителя своего Антонія Римлянина († 1147).

Антоній, арх. Новгородскій († 1232), написалъ книгу „Паломникъ“ и Сказаніе о Цареградѣ 1204 г.

Василій, волынянинъ, составилъ сказаніе объ ослѣпленіи кн. Василька 1096 г. (въ лѣтописи).

Владиміръ Мономахъ, в. кн. Кіевскій († 1125), составилъ „Поученіе дѣтямъ“, и письмо къ Олегу.

* ***Владиміръ*** Васильковичъ кн. († 1289) переписалъ самъ много книгъ, быть можетъ, составлялъ Изборники, по лѣтописи „Книжникъ великъ, философъ“, и проч.

Георгій, инокъ Зарубскій XII—XIII вв., составилъ „Поученіе къ духовному сыну“.

Георгій, митр. Кіевскій грекъ (1062—1079), написалъ Посланіе о латинахъ (новгородецъ Кирікъ до 1156 г. ссылается на Георгья руськаго).

* ***Германъ*** Воята, новгородскій лѣтописецъ († 1188 г.).

* ***Григорій***,—инокъ печерскій XI—XII вв. творецъ каноновъ (Борису и Глѣбу?).

Даніилъ Заточникъ XII—XIII вв. Слово или Моленіе ко князю.

Даніилъ, игуменъ (послѣ 1107 г.), составилъ житіе и хоженіе въ Іерусалимъ.

Досиѳей, архим. Печерскій († 1219), составилъ Правило о св. Горѣ Аѳонской и Чинъ, како пѣти 12 псалмовъ (иногда называется Ѳеодосіе).

Ефремъ, инокъ Смоленскій XIII в., написалъ житіе Авраамія (въ которомъ самъ себя и называетъ).

Иларіонъ, митр. Кіевскій (1051—1055), написалъ Слово, молитву и Посланіе.

Илія-Іоаннъ, еп. Новгородскій (1165—1185), составилъ Поученіе, Вопросы еп. Нифонту и др. и участвовалъ въ Постановленіи съ бѣлогородскимъ епископомъ по поводу литургіи.

Іаковъ, мнихъ (до 1078), написалъ Житіе св. Владиміра, Ольги, Бориса и Глѣба, Посланіе къ в. кн., и др..

Іоакимъ, еп. Новгородскій († 1030), составилъ древнѣйшую лѣтопись Новгорода.

Іоаннъ, митр. Кіевскій (1077—1089) составилъ Правило (Іоана м. русьского, нареченнаго пророкомъ, написавшаго Якову), службу Борису и Глѣбу и Слово (по лѣтописи: „мужъ хитръ книгамъ и ученью, рѣчистъ, книгами св. утѣшая печальныя"; въ церковныхъ Правилахъ его говорится о необходимости поученія и наказанія, попамъ, осуждаются браки съ иновѣрцами, продажа имъ рабовъ, языческіе обряды).

Кирикъ Новгородскій (1130—1156) составилъ Вопрошанія еп. Нифонту и др. (со ссылками на кіевскихъ: м. Георгія и Ѳеодосія Печерскаго) и хронологическую статью.

Кириллъ еп. Туровскій (ум. послѣ 1182 г.) написалъ 10 словъ, 30 молитвъ и 6 другихъ сочиненій; всего до 50 несомнѣнныхъ трудовъ.

* *Кириллъ*, еп. Ростовскій (богатъ книгами, по лѣтописи † 1230).

Кириллъ митр. Кіевскій I († 1233) грекъ составилъ краткія слова „На поученіе всѣмъ крестьяномъ" (по лѣтописи: учителенъ зѣло и хытръ ученью божественныхъ книгъ).

Кириллъ еп. Ростовскій II (1231—1262) составилъ „Слово о небесныхъ силахъ или о 12 мытарствахъ" (иногда приписывается Авраамію Смоленскому; по лѣтописи Кириллъ называется „пастухомъ и учителемъ, не токмо словомъ уча, учительный епископъ, любовному ученію его" и пр.).

Кириллъ митр. Кіевскій II (съ 1255—послѣ 1274) составилъ Правила на Владимірскомъ Соборѣ 1274 г. (противъ пьянства, боевъ, игръ народныхъ, и пр.).

Климентъ, митр. Кіевскій (1147—1164), составилъ Посланіе въ Смоленскъ и Слова (по лѣтописи: „Книжникъ и философъ").

Лука Жидята, еп. Новгородскій (1036—1059), написалъ Слово.

* ***Янъ*** старецъ въ 1106 г. ум. и Лѣтописецъ Кіевскій (Несторъ? Сильвестръ?) сослался на его разсказы о многихъ событіяхъ (род. Янъ въ 1016 г., значитъ помнилъ событія, начиная съ Ярослава I).

Моисій игуменъ Выдубицкій съ братіей составили Похвалу в. кн. Рюрику Ростиславичу въ 1199 г. (см. Лѣтопись).

Несторъ, инокъ Печерскій (1056—1116), написалъ житія св. Бориса и Глѣба, Ѳеодосія, первыхъ черноризцевъ Печерскихъ, Сказанія о монастырѣ, объ открытіи мощей Ѳеодосія и, по всей вѣроятности, составилъ сводъ лѣтописей до 1096 г.

Никифоръ, митр. Кіевскій (1104—1121) грекъ, составилъ 5 сочиненій: слова и посланія.

Нифонтъ, еп. Новгородскій († 1156), составилъ отвѣты священнику (впослѣдствіи епископу) Иліи—Іоанну, Кирику и др.

* ***Пахомій***, еп. Ростовскій († 1216), (по лѣтописи „обличаше грабителя и мздоимца, поревноваvъ нраву Златоустаго... исполненъ книжнаго ученія).

Поликарпъ, инокъ Печерскій (современникъ еп. Симона Суздальскаго † 1226), составилъ житія печерскихъ святыхъ, посланія, письма.

* ***Рюрикъ*** (Василій) Ростиславичъ в. кн. (въ лѣтописи 1199 г.) по лѣтописи прославляется за „мудролюбія начинанія и философію". Очевидно, онъ былъ или покровителемъ литературы въ Кіевѣ, въ родѣ Ярослава I, Владиміра Мономаха, Владиміра кн. Волынскаго и др., или—самъ писалъ, какъ всѣ лица, заслужившія въ лѣтописи похвалы въ книжности и философіи.

Серапіонъ еп. Владимірскій († 1275), оставилъ 5 поученій.

Сильвестръ, игуменъ Кіевскаго монастыря XII в., дописалъ лѣтопись до 1116 г., или 1110 г. (запись въ лѣтописи).

Симеонъ, еп. Тверской († 1289), по Татищеву „учителенъ и силенъ въ книгахъ, князей не стыдясь, но Слово Божіе право и истинно проповѣдаше". Сохранилось его „Слово о тивунѣ" въ сборникахъ (напечатано Некрасовымъ и Веселовскимъ).

Симонъ, еп. Владимірскій и Суздальскій († 1226), „учительный епископъ", по лѣтописи; составилъ житія печерскихъ святыхъ.

* ***Тимоѳей***, Кіевскій „премудръ книжникъ" въ Галичѣ (1205 г.), можетъ быть, составлялъ лѣтописныя сказанія.

Тимофей, пономарь новгородскій лѣтописецъ († 1230 г.).

* *Ярославъ I*, в. кн. Кіевскій († 1054 г.) „книголюбецъ“, собралъ русскихъ переводчиковъ, какъ Симеонъ князь Болгарскій, и писцовъ, устроилъ въ Кіевѣ библіотеку при св. Софіи, самъ любилъ читать книги, какъ и другія дѣти св. Владиміра—Борисъ и Глѣбъ. На грамоты его и уставы ссылки въ лѣтописяхъ и др. Похвалу ему въ лѣтописи, несомнѣнно, составилъ лѣтописецъ Несторъ, авторъ житій св. Бориса и Глѣба.

Θеодосій игуменъ Печерскій († 1074) составилъ Слова монастырскія, посланія къ князьямъ, уставъ монастырскій (съ греч.; можетъ быть, составилъ еще свои правила, какъ ссылается на нихъ Кирикъ до 1156 г.), молитвы, и пр..

Таблица эта въ связи съ нѣкоторыми другими данными даетъ слѣдующіе любопытные выводы. Мы знаемъ только одну (1) женщину, занимавшуюся списываніемъ книгъ (жена кн. Владиміра Васильковича XIII в.). Девять (9) лицъ (изъ 44) до-Монгольскаго времени принадлежали къ свѣтскимъ писателямъ (въ томъ числѣ авторъ Слова о П. И.), 6 писателей причислены къ лику святыхъ. По сословіямъ писатели древней Руси Кіевскаго Періода распредѣляются на монаховъ (26), свѣтскихъ духовныхъ (3), митрополитовъ (7), князей (4) и дружинниковъ (4). По областямъ преимущественно, какъ и слѣдуетъ ожидать, на сторонѣ Кіева, (20 писателей) въ Волыни 3, въ Черниговѣ 1 (и еще причислимъ Святослава, составителя Изборниковъ), новгородскихъ писателей 8 (нѣкоторые также выходцы изъ Кіева), Владиміро-Суздальскихъ 7, Смоленскихъ 2, Туровскій 1. (Здѣсь также встрѣчаются по преимуществу выходцы изъ Кіева, Прибавимъ необходимую поправку къ счету писа елей—монаховъ: изъ нихъ 13 епископовъ и 6 игуменовъ. Такимъ образомъ остается простыхъ монаховъ 7 человѣкъ. По содержанію сочиненій и ихъ направленію таблица даетъ слѣдующія данныя: монашескаго направленія 28, духовно-свѣтскаго 10, свѣтско-духовнаго 6, полемическаго (противъ иностранцевъ) 3 и чисто свѣтскаго 2 (лѣтописи и Слово о П. И.). Къ иноземцамъ относятся 3 грека писателя.

Указатель къ Исторіи Русской Словесности I т. (безъ Приложеній).

Цифры означаютъ страницы книги (мелкія замѣчанія въ указатель не попали)

Оглавление.

стр.

Важнѣйшія опечатки. *)

295	стр.	6	строка	сверху:	пропущено послѣ слова „этого“: „чтенія. Относительно“.
302	„	2	„	снизу:	„почарать“ должно быть „поча рать“.
308	„	2	„	сверху:	вм. „правычными“ должно быть „привычными“.
308	„	7	„	„	„ „голяровскихъ“ „ „ „гошеровскихъ“.
309	„	2	„	снизу:	„ 1888 г. „ „ 1838 г.
312	„	14	„	сверху:	„ „Слиленскаго“ „ „ „Смоленскаго“.
315	„	26	„	„	„ „Ковцовъ“ „ „ „Ковуевъ“.
316	„	4	„	снизу:	„ „Яму“ „ „ „Ялу“.
317	„	10	„	сверху:	„ 1888 г. „ „ 1858 г.
327	„	13	„	снизу:	„ „потиныя“ „ „ „понятныя“.
333	„	8	„	„	„ „куча“ „ „ „хула“.
338	„	13	„	„	„ „порищюще“ „ „ „нарищюще“.
345	„	7	„	„	при „свѣтъ свѣтлыи“ пропущено еще „ты Игорю“.
347	„	19	„	сверху:	вм. „Камь“ должно быть „Камо“; 22 строка сверху: вм. „дороги“ должно быть „дорога“.
348	стр.	10	строка	снизу:	послѣ слова „рекоста“ пропущено „бо“.
349	„	8	„	сверху:	пропущено уже „лжу“ убудиша“; 16 строка снизу: вм. „впно“ должно быть „вино“; 14 строка снизу: вм. „бесъ“ должно быть „безъ“; 7 строка снизу: вм. „прирѣшани“ должно быть „припѣшани“; 6 строка снизу: поправка вм. „ся оптустоша“ должно быть *„упустиша“*.
350	стр.	13	строка	сверху:	вм. „сыновья“ должно быть „сыновчя“; 16 строка сверху: вм. „жетоцемъ“ должно быть „жестоцемъ“; 25 строка сверху должно переставить: „а заднюю ся сами подѣлимъ“.

*) Корректированіемъ большей части труда (преимущественно окончанія его) я обязанъ семьѣ моей и молодому ученому В. А. Чаговцу, которому и приношу искреннюю благодарность.

351 стр. 2 строка сверху: вм. „рыскаютъ" должно быть „рыкаютъ"; 21 строка снизу вм. „повръгоша" должно быть „повръгоща" 14 строка снизу вм. „шестокрилии" должно быть „шестокрилци".

353 стр. 5 строка сверху: пропущено послѣ словъ „Ты лелѣялъ еси на себѣ" — „*Святославли*" посады.

354 стр. 12 строка сверху: „тяжка" слѣд. „тяжко".

355 стр. послѣдняя строка вм. 1899 должно быть 1199.

361 стр.	17 строка	снизу:	вм. „гасъ"		должно быть	„гласъ".
368 „	3 „	„	„ „поцробности"		„ „	„подробности".
370 „	2 „	„	„ „ошемъ"		„ „	„огнемъ".

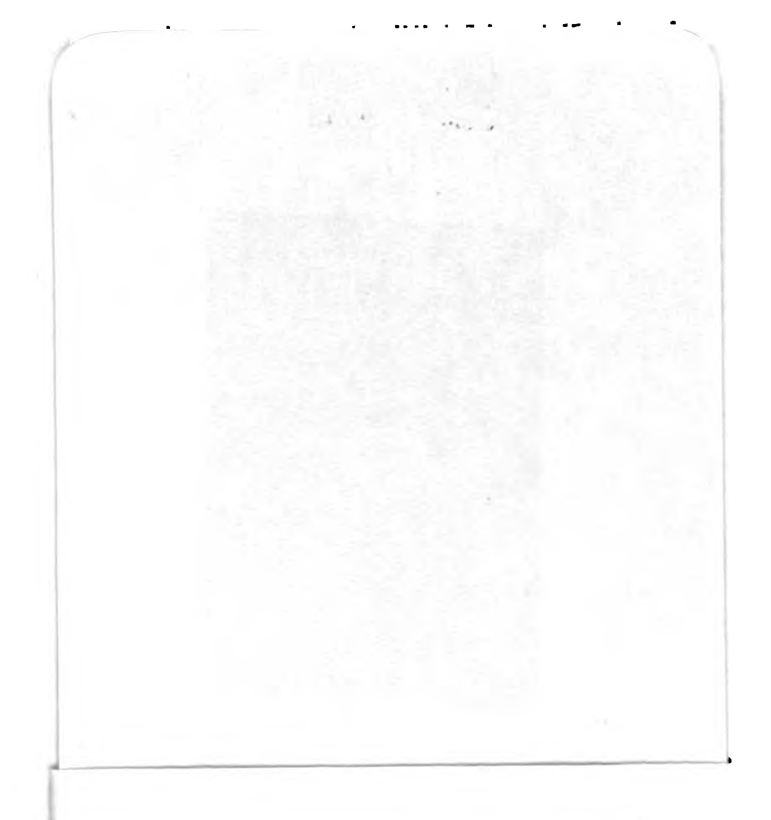
Стр. 35	прил. I	лѣв. сторона	6 стр.	снизу	вм. „тьглѣ"	дол. быть	„мьглѣ".
„ 36	ibid	„ „	7 „	сверху	„ „на"	„ „	„не".
„ 36	ibid	„ „	8 „	„	„ „посыяни"	„ „	„посѣяни"
„ 38	ibid	„ „	2 „	„	„ „Данаеви"	„ „	„Дунаеви"
„ 39	ibid	„ „	2 „	„	„ „гквозѣ"	„ „	„сквозѣ".

„ I въ заглавіи III прилож. пропущено „и" должн быть „О лѣтописяхъ" и о „Поученіи".

„ 2 прил. III стр. 2 строка 15 снизу вм. „изслѣдователь должно быть „изслѣдователь".

„ 4 ibid. „ 4 строка 13 вм. „преимущественно" должно быть „преимущество".

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 01153 8728


DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD